

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Владимир КРУПИН Было дело под Полтавой Рассказы	5
Владимир БУТЕНКО Девочка на джипе Повесть	26
Олег СОЧАЛИН Больше, чем игра Повесть	69
Анатолий ГОРБУНОВ Земная красота Рассказы	109
Виталий МАЛЬКОВ Ильич Рассказ	123
Владимир ПРОНСКИЙ Вкус терентьевки Рассказ	130

Поэзия

Глеб ГОРБОВСКИЙ Глоток надежды	3
Валентин СОРОКИН Звезда прощания	22
Наталья ЕГОРОВА Нютокда, как чудо, приходят слова... ..	64
Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ Пройдём над грядущею бездной	104

Парнас смеётся

Анатолий ШТЫРОВ Сон в зимнюю ночь	118
--	-----

Очерк и публицистика

Сергей ГЛАЗЬЕВ Последний шанс на "экономическое чудо"	155
Борис КЛЮЧНИКОВ Закат Евросоюза?	160
Владимир ГРЕКОВ Кто ответит за Ливию?	176
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА Цунами в стакане	188
Сергей СЕМАНОВ Тюрьма народа	199

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий
отпрыск Аввакума...” 137

Наша Москва

Владимир РУГА,
Андрей КОКОРЕВ
Будочники 202

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 208

Среди русских художников

Марина ПЕТРОВА
Мастер русского портрета 261

Критика

О Союзе писателей
ныне и в будущем 230

Александр ВОДОЛАГИН
Центральная фигура в истории
русского самосознания 241

Пётр ТКАЧЕНКО
После неистового Виссариона 248

Александр РУДНЕВ
“Углы” профессора Дурьлина .. 279

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ
Личность Пушкина:
современное понимание? 282

Письмо в номер

Николай НИКАНДРОВ
Есенинский призыв 266

Патриотика

Станислав ЗОТОВ
Записки счастливого человека .. 284

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 28.09.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ №4525. Тираж 10400 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

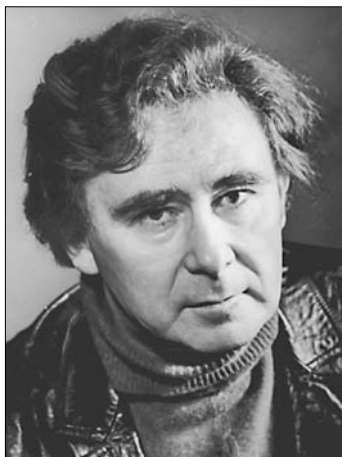
Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ

ГЛОТОК НАДЕЖДЫ

ДВЕ СЕМЁРКИ

Лидии Гладкой

Две семёрки — не вино.
Это возраст — зрелый, трезвый.
Но не каждой быть дано
в эти годы — яркой, резвой!

Быть разумной, быть не злой,
заводной — дано не каждой,
да и просто быть живой
и, к тому же, — быть отважной.

А тебе, любовь моя,
всё доступно... И при этом —
быть, возможности тая,
непридуманным поэтом!

ГОРБОВСКИЙ Глеб Яковлевич родился в 1931 году. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Автор поэтических книг «Поиски тепла», «Косые сучья», «Тишина», «Новое лето», «Возвращение в дом», «Черты лица», «Однажды на земле», и др., а также нескольких книг прозы. Лауреат Государственной премии им. А.М.Горького. Живёт в Санкт-Петербурге.

СМЕРТЬ

Давным-давно, в лихие годы
я был свидетелем войны:
казнили немцы патриота
моей израненной страны.
Петлю набросили на выю
и оттолкнули табурет...

...Так я увидел смерть впервые,
не в снах, а рядом, тет-а-тет!
Потом я видел не однажды
чужую смерть, то бишь — ничью, —
и осознал, что всяк и каждый
приемлет смерть... как мать свою.

ПОРЯДОК

Ordnung по-немецки — порядок

Я с немцами когда-то рядом
не жил — неволю коротал...
Для немцев главное — порядок!
И я от “орднунга” устал.
Сыскав немецкую гранату,
я подложил “игрушку” в печь.
...Казарма пламенем объята,
на снег сподобилась прилечь!
Я шустрым был, как все ребята,
что подрастали без отца.
И за творимый беспорядок
вполне мог схлопотать свинца.

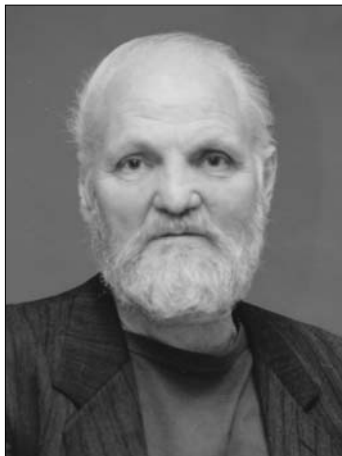
БЕРЕГ

Всего лишь берег над рекой,
на нём — сосновая опушка,
а над опушкой — свет-покой:
золотоглавая церквушка.

К такому берегу пристать —
как бы испить глоток надежды,
как бы отведать благодать
и сострадательную нежность.

К такому берегу прильнуть, —
что радость вывернуть наружу...
Плоть осенить крестом — и в путь,
для светлых дум очистив душу!

ВЛАДИМИР КРУПИН

БЫЛО ДЕЛО ПОД ПОЛТАВОЙ

РАССКАЗЫ

Первым, кого я встретил, ступив на поле Полтавской битвы, был священник. Мысль мгновенно мелькнула: как хорошо в таком святом месте первым делом получить благословение, и я рванулся к нему, привычно складывая ладони. И тут же меня отшатнуло — а вдруг он филаретовец. Но уже и батюшка сделал шаг навстречу. Все-таки я спросил:

— Благословите, батюшка. А, вынужден спросить, какой вы юрисдикции?

— Той, что надо, — отвечал он, крестя меня и приветливо улыбаясь.

Надо ли говорить, что украинский раскол, начатый митрополитом Филаретом, явление не только религиозное, но и нравственное и даже политическое. Не будь его, разве б мыслимы были такие щиты с портретом изменника и надписями на них: “Мазепа — перемога украиньской державы”? А плакаты были размером, как щиты с рекламой пива.

Жовтно-блакитные знамена подавляли все остальные. На втором месте были шведские, на третьем российское трехцветие. Жупаны и папахи, длинные усы и лихие оселедцы, красные просторные шаровары, сапоги гармошкой — все раньше казалось бы каким-то костюмированным праздником.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в Советской Армии, окончил Московский областной пединститут. Автор повестей “Живая вода”, “Сороковой день”, “Прощай, Россия, встретимся в раю”, “Люби меня, как я тебя”, “От рубля и выше”, “Как только, так сразу”, “Слава Богу за всё”, романа “Спасение погибших”, многих рассказов, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. В “Нашем современнике” печатается с 1972 года (отрывки из первой книги “Зёрна”). Живет в Москве.

В общем-то это и был праздник, и великий праздник — 300-летие Полтавской битвы, но сразу было понятно, что хозяева незалежной, незаможней, самостийной, щирою Украйны присвоили его полностью себе. Да еще поделились со шведами, которых тут тогда побили, а сейчас они были тут дуже желанными. Сегодняшняя Украина присвоила себе не только территории Российской империи, но и ее прошлое. Героическая битва, которая спасла Россию, сейчас от России была отторгнута. Теперь получалось, что она не в России произошла, а за границей. Дюжие парубки, конечно, были ряжеными, но были не актерами тут, а заправилами. Они тут были хозяева. Нас, российскую делегацию, не то чтобы зажимали, нет, ставили в первые ряды, но как-то постоянно давали почувствовать, что мы здесь гости. Но хлеб-соль была так хороша, так красивы дивчины в венках, лентах и монистах, что это перебарывало горечь. Гремела бравая музыка, но почему-то эстрадная, а не марш Преображенского полка, который напоминал бы о погибших здесь русских воинах.

Все теперь умные, и некому сказать, что нет уже никакого толку от перемывания истлевших царских костей, особенно Петра I. Все власти черно-белые. То есть полный злодей — это сам сатана, а прислужникам своим он даёт возможность для обольщения людей свершать еще и добрые дела. Ирод избил младенцев, но течёт доселе водопровод Ирода, тот же Мазепа и храмы строил. Взять Берюю — о беспризорниках заботился. Все это к слову. Петр — явление, как и Сталин, промыслительное, и не нам, земнородным, понять их всецело. Достаточно сказать: “Бог всем судья”.

Так вот, Полтавская битва — может быть, да и не может быть, а точно — главное свершение Петра. Здесь уместнее прибегнуть к цитатам из работ, вышедших в свое время к 200-летию Полтавской битвы. Победа в ней покончила с хозяином Европы Карлом XII, переменяла западный взгляд на нас, русских.

Далее выписка из книги “Храм во имя Сампсония Странноприимца на поле Полтавской битвы”, издание 1895 г., Полтава: “Все теперь должны были переменить свой взгляд на “варварскую Московию”, на ее царя гордые соседи стали смотреть с почтением, дорожили его дружбой и не смели оскорблять русского флага, который стал развеваться на водах Балтийских... Народ стал доверчивее относиться с своему Государю, примирился со всем, что раньше казалось ему тягостным, и уже безропотно смотрел на внутреннее преобразование, видя в нем причину недавней славы и необходимое условие будущего величия. Не забудем, наконец, и еще одного весьма важного последствия бранного дела под Полтавой. Ведь всего полвека прошло с тех пор, как Богдан Хмельницкий вырвал многострадальную Малороссию из рук Польши и присоединил ее к единой Москве. Значит, не успела еще Польша забыть этой потери и поджидала только удобного случая, чтобы возвратиться утерянное. Пройрай мы сражение под Полтавой, тогда бы не отстоять юго-западной России своей независимости, и воротились бы к ней те страшные времена унии, когда святые места наши отдавались в аренду жидам, и храмы православные запечатывались, и имения церковные отбирались в пользу католического духовенства и прочее. Теперь же Польша не смела спорить с Петром; обессиленная еще раньше теми же шведами, она навсегда похоронила свои надежды на Малороссию... Полтавская победа принесла нам великие блага: она сразу и, даст Бог, навсегда сделала Россию могущественнейшим государством мира, государством единым и нераздельным. Недаром благодарные потомки назвали эту победу Русским Воскресением”.

И я, благодарный потомок, шел по полю битвы, оглушаемый орудиями динамиками, бодрыми криками увеселителей, и все пытался понять, почему мы, славяне, так легко сдали врагам славянства главное — наше братство? Как смогли украинофилы вбить в умы дикую мысль об украинской национальности? Это же, как и русские, народность одной семьи. Причем всегда самостоятельная. Еще с Алексея Михайловича малороссам давался свобода сношения с внешними соседями и государствами, исключая поляков и турок.

В самом слове “малороссы” только упертый ум увидит нечто обидное для украинцев. Не украинцы малые, они не меньше любых других, а Украина —

малая родина русского славянства. Малая родина — это самое дорогое для человека, любящего свое отечество. Малая, то есть та, где ты родился, мучал, любил, откуда уходил в мир. Мать городов Киев, Крещатик — это навсегда для нас Малая Русь, давшая жизнь Руси Великой, крестившая и Белую Русь; это ли не самое почетное в семье славян? А уж для меня-то тем более: Киев — город моего небесного покровителя святого Владимира.

В армии я служил с хлопцами из Украины. Были там и левобережные, и правобережные, западэнцы. Доть, Аргута, Коротун, Титюра, Балора, Муха, Тарануха, Поцепух, Пинчук, Падалко, Гончар... Где вы, теперь уже седые, друзья-однополчане? Что нам было делить и тогда и что делить сейчас? Я как любил вас, так и люблю. Ну да, звали вы меня москалем, и что? Какая тут обида, вы и сами хохлы. Хоть и кацапом зовите, меня не убудет. Своя же семья. И кто сейчас обижается на всякие прозвища? Макаронники итальянцы, лягушатники французы? Смешно. Смешно же вам было, когда москали не могли правильно выговорить, по вашему мнению, слово “палышня”, тут вы чувствовали превосходство, но и это смешно.

Между тем радио на четырех языках: русском, шведском, английском, украинском пригласило делегации к возложению венков на могилу павших воинов. Идем. Нам раздали по две розы. Впереди всех, конечно, по праву, военные. Очередь медленная и огромная. Несем привезенный увесистый венок — дар Москвы. Но идти благоговейно не получается. По крайней мере у меня. Пристал спутник, непрерывно говорящий, киевский пишущий человек, шутник. Представился: Олесь. “Коротич — така дуже невеличка персона, а наделал диллов, да? А слышали шутку: “Вы нам Чернобыль, мы вам Коротича”?

Он сильно моложе меня, поэтому я особо с ним не церемонюсь:

— А тоби не будет выволочка за то, что с москалем размовляешь?

— Та ни, — радується он разговору. — Вся Украина за союз с Россией.

— Но есть же и заюленная Украина.

— То запад заполяченый.

— Помнишь присказку советских времен, — говорю я, — “москаль на Украине, хохол на Сахалине”? Конечно, все ее знали. Что же хохлы Сахалина, Сибири, центра России не возвращаются на незалежно, незаможно, самостийну? Потому что им и там лучше всех. Украинцы у нас везде, и везде в начальстве. По Сибири, по нефтяным местам, может, только пока банки у евреев не отняли. Думаю, временно. Есть же пословица: “Где хохол прошел, там трем евреям делать нечего”. Говорю с гордостью за украинцев. Нас-то евреи переевреили, телевизор посмотри — убедишься.

Спутник мой смеется, и вскоре его растворяет толпа.

Могила — высокий рукотворный курган рядом с церковью. На вершине большой гранитный Крест, водруженный в 1894 году при Александре III, и возобновленная им надпись, сделанная собственноручно Петром I после захоронения убитых: “Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога-Слова 1709, июня 27 дня”. 1345 человек погребено под крестом. Тогда же Петр особым указом выразил пожелание “в память сей преславной виктории” построить на поле битвы мужской Петро-Павловский монастырь с приделом в честь Сампсония Странноприимца. Почему Петро-Павловский? Потому что император хотел вступить в бой в день Петра и Павла, но обстоятельство вынудили начать битву на два дня раньше, в день святого Сампсония.

Но очень не скоро исполнились царские предназначения. Лишь в конце XIX века был освящен храм на исторической земле. К юбилею усилиями православных Украины и при помощи посольства России в Украине храм отремонтирован, виден отовсюду, прямо сияет, очень красиво сочетаются белые стены и голубые наличники, зеленая крыша и центральный золотой купол.

Идем к нему. По расписанию торжеств сейчас Литургия. Служат несколько архиереев и несколько десятков священников.

— Церковь Московского Патриархата, — с гордостью говорит старуха в белом, обшитом по краям кружевами платочке. — Иди, брат, за мной. —

Она тут своя. Проводит меня поближе к певчим, к амвону. Хоров два, оба необычайно молитвенные и слаженные.

Храм просторный, весь переполненный нарядными людьми. Центральный образ — Христос, раскрывший объятия, но еще не на Кресте. У ног Его ангел, подающий Ему чашу. “Отче наш” и “Символ веры” гремят мощно и единоустно. Еще бы — запевалы такие голосистые, рослые дьяконы. Проповедь на украинском наречии вперемежку с русским.

— Через триста лет откликнулись души воинов, услышались нами их голоса.

Крестный ход. Колокола. Сквозь них слышится радио, дикторы читают приготовленный текст: “Прапори России, прапори Швеции та Украины”.

Нас направляют к так называемой “Ротонде примирения”. Сказал я “к так называемой” специально, ибо так ее называют и так написано, к моему недоумению, в программе. Почему не часовня? Да вот и она. Да, часовней эту садовую беседку не назовешь. Ладно, хай будэ ротонда. Три опоры символизируют что? Нет, не Святую Троицу, а три государства: Россию, Украину, Швецию. Ударил гимн, вначале российский. Так по алфавиту. Украинскому гимну подпевали, но мало. “И покажем, шо мы браття козацького роду”. Шведский гимн был без слов, но рядом стоящий высокий седой старик сорвал с головы шляпу (а до того был в ней) и во все горло запел. Значит, швед.

Но освящающий ротонду архиерей называет ее часовней.

— Освяченна часовня полеглих воинов.

Ветер хозяйничает в микрофоне, шатает древки флагов и знамен, трещит полотнищами. На ротонде на трех языках написано: “Время лечит раны”. Лечит, да, но наносит новые, вот печаль.

— Шановна громада, — меж тем говорят ведущие, — ласкаво просимо!

Дают слово приехавшим гостям и хозяевам. Открывая, один из хозяев: “Пусть Полтавское поле будет полем туризма, и на нем мы найдем новых друзей”. Посол Швеции напомнил о величии Швеции и сказал интересную фразу, что благодаря Полтавской битве Швеция обрела теперешние границы и живет в мире с соседями и “с самой собой”. Далее о сотрудничестве, инвестициях, далее о том, что “битва помогла шведам обрести историческую родину”. Надо же. Я записал. И еще: “Нельзя допустить истории править балом”. Может, эта молодая переводчица неточна? Кто ж тогда правит балом, как не история? Только вот кто ей подчинился, Карл XII или она Карлу? Петр-то был вынужден биться за Россию и сохранил ее в истории, а Швеции что тут было делать? Зря им Петр шпаги вернул. Они снова здесь. И уже учат разврату, по образцу шведских семей.

Это я сердито сказал товарищу по делегации. Он примирительно коснулся моего плеча:

— Не кипятись, надо быть политкорректным.

— Политкорректность — это трусость, — не уступал я. — Политкорректность приводит к тому, что политики запускают болезнь до того, что лечит ее народ своей кровью.

Программа дня продвигалась далее. Представительница Украины сильно хвалила Мазепу. “Дал шанс Украине”. О так от. Еще же ж у них и Петлюра, и Бандера, много героев. Они на портретах не стареют. Стабильность. Предательство нынешних властей опирается на предателей в истории.

Узнал, во сколько собираться перед обедом, и пошел по полю. Сотни и сотни автобусов, тысячи и тысячи машин. Обилие флагов, пестрота эмблем на них: и солнце с человеческим лицом, и трезубцы. Нарядные люди отовсюду. Нет, есть, есть сегодня ощущение праздника единения славян, есть. Был свидетелем встречи двух отрядов казачества. Шли они друг другу навстречу. Одни шли к ротонде, другие от нее. И первые грянули: “Любо, терцы!” И вторые в ответ еще громче: “Любо, донцы!” Вот это любо так любо. А ведь были в истории казачества такие раздრაи, непримиримость такая, что и вспоминать не хочется. И не надо. Забыть их и жить дальше.

Две дивчиноньки, пичужки такие, торгуют под полотняным навесом водой, пивом и мороженым и зовут:

— Диду, ходи до нас. Диду, вы с Москвы? Так в вас же кризис, визьмить, — протягивает мороженое, — то бескоштовно. И русские рубли берем. По курсу. А долларив нема?

— Та вин же ще не диду, — говорит другая, — вин ще дядько.

Обе такие веселые, молодехонькие хохотушки. Говорю:

— Все-таки Мазепа предатель. Это не мое мнение, это историческая правда. А вы как розумиете?

— Та нам-то шо? — отвечают они и хохочут.

Тут налетел такой порыв ветра, что повалил навес, девчаткам стало не до меня. Помог им и стал возвращаться к церкви. Навстречу большая группа молодежи. Несут соломенное высокое чучело. На его желтой груди плакат “Мазепа — Иуда”. К нему привешен картонный кружок с надписью “30 гривен”. К молодежи подскакивает милиция, требует уйти. “Гэть вид-сила!”. Насильно заворачивают. Милиции помогают подскочившие парубки в национальных кафтанах. Начинается даже драка, но уже зажигалками подпалили снизу чучело. Солома трещит, пылает.

У меня звенит колокольчик мобильного. “Ты где?” — “Где я могу быть? На поле”. — “Тут везде поле. Где именно?” Я оглянулся — недалеко остановка автобусов. “Я у зупинки”. — “Какой?” — “Сейчас прочту. “Институт свинарства”. — “Выдумал?”. — “Иди и сам смотри”. — “Скоро обед”.

Меня останавливает старик моих лет, украинец в рубашке-вышиванке. Я почему-то радостно подумал: не сослуживец ли? Пожал протянутую руку:

— Вы в 60-м — 63-м не служили в ракетной артиллерии в Подмоскowie, в Кубинке?

— Там не. — И весело говорит, видимо, уже не раз прозвучавшую от него шутку: — Служил в засадном полку украинского вийска в Полтавской битве. Було його не треба, отседлся. Вы туточки впервой? Показать вам памятник хороший полковнику Келину?

— Конечно!

Мы идем и вскоре стоим у памятника герою. Келин удерживал крепость Полтавы против шведов, когда превосходство их в численности было в несколько раз против русских.

— Эй, Полтава! — раздается крик из толпы на площадке среди зелени. — Эй, Полтава! Посвистим, покричим, покрываем! Диджей, вдарь!

На земле растелен огромный лист линолеума. На него поочередно высказывают хлопцы в широченных штанах, майках с иностранными надписями, ловко, под музыку, пляшут, крутятся, скачут. Вдруг начинают выделять невообразимое: вращаются на животе, на спине, на голове даже. Руки летают как пропеллер, ну орлы! Загляделся и потерял провожатого. Да уже и пора к своим. Обедать, на конференцию и на аэродром. Лететь до дому, до хаты. Еще замечаю на парковой скамье крупные буквы: “Тут была группа “Ниочем”. Тена и Максим”. Хотелось и просто походить по улицам, и в магазины зайти, но время поджимало. Только вывески и достались. “Женочи та чоловічи чохи та панчохи. Одяг”. То есть женская и мужская одежда. Плакат против “кишковых захворюваний”.

Обед замечательный, украинский. Борщ, сало, пампушки, галушки. Так и вспоминается гоголевский Пацюк и песенный казак Грицько, который “любил собі дивчину тай с сиром пироги”, потом, когда надо было сделать выбор, то заплакал и сказал: “Вы, кляты вороги, визмить собі дивчину, виддайте пироги”. То есть дороже дивчины они оказались для Грицько.

А по дороге на конференцию опять утренний спутник Олеся хочет знать причины нашей теперешней размолвки.

— Знаешь, кто вас сделал несчастными? Подожди, не возражай. Конечно, несчастные! Как это — славяне и вдруг бежать из семьи славян? А дуракам бросать листовки: “Москаль зыл твое сало, москаль истопил твой уголь”. Шушкевичи, Кравчуки, Ющенко, они — слабовольные жертвы, главная вина на католиках и протестантах. Да еще Тарас Шевченко. Его искалечили поляки и пьянство. Попал в Польшу совсем молоденьким за два года до польского восстания 1831 года. Вся Варшава была пропитана ненавистью к Москве, заразился. Какой ужас в “Кобзаре”, сколько ненависти

к царю, Богу, России. Церковь православная как прыщ, это что? Призыв девственниц к блуду, издевательство над всем святым, призывает “явленными” иконами “пич тошпоти”, церковные одеяния “на онучи драти”, от кадил “люльки закуряти”, кропилами “хату вымитати”, это что? Сколько пошлости и сальности в его виршах! Олесь, “погани мы москали”, по его слову, или братья по крови Христовой?

— Розумію, шо мы всегда будемо рукопожатными.

— Еще бы. Куда вы без нас? НАТО вас защитит? Или Москва? Давай ще пидемо зараз до поля. — Я даже неожиданно для себя постоянно вворачивал в свои слова украинизмы. — Ты же знаешь историю. Почему же у вас такие политики? Сказали на Переяславской Раде: “Волим под царя Московского”, что еще? Народ волил! А политики? Умер Богдан, тут Выговский, волит противу Москвы. Пришел Юрий, сын Богдана, волит под Москву. Деление на право- и левобережные Украины. И опять политики мутят воды дружбы: и правобережный Дорошенко и левобережный Брюховецкий отдаются султану, волят под него. Когда хоть вы, бедные, вздохнете? Мало вам, что президент выписывает за народные деньги певца-педераста и ставит с собою на трибуну над Крещатиком? Или и этим чаша не полна? Или этим развратником в виде Сердючки. Дикость же! Это “сестра” наших пошлых “бабенок” из “Аншлага”. То так?

— Но Тарасе? — растерянно спросил Олесь.

— Убрали бы его памятник из Москвы, я бы недолго переживал. Многие ли заметили, что ельцинисты стреляли из танков по Верховному совету именно от гостиницы “Украина”, от памятника Шевченко? А на его бы месте поставить памятник дружбы народов наших.

— Какой?

— Сделать опрос мнений. Там берег Москвы-реки. Я бы предложил так: “Нэсе Галя воду, коромысло гнэця, а за ней Иванко як барвинок вьэця”, а? О, как я помню украинку Галинку. Мы в армии ехали, в Шахтах стояли, разрешили выйти на десять минут. Десять минут, а память на всю жизнь. Галя. Вынесла с бабушкой на станцию вишни. Боже мий, яка ж хороша та Галя была. Потом так впоминал! “Ты така хороша, дай хоч подывиця!” У меня брат после института в Шахтах работал, все к нему хотел поехать, но уже женатый был. Да, Галя. Узнал, что Галя, ей бабка говорит: “Гало, швидче накладай”. Они вишни в бумажных кулках продавали. Тут парни из вагонов подвалили, на нее обрушились с комплиментами, но я-то знал, что она меня заметила. Да, так вот, Олесь. Меня жгло, взглянуть боялся. И она застеснялась.

Вскоре началась и конференция. Для начала наградили нашего посла, видимо, за вложенные в подготовку юбилея русские деньги. Потом пошли речи. Конечно, наши первенствовали, украинцы осторожничали. Как осуждать? Мы улетим, а им тут жить. Испытанные бойцы Валерий Ганичев, Сергей Глазьев, Александр Крутов, Леонид Ивашов говорили ясно, четко, доказательно. Выступления их при желании легко найти в интернете. Смысл: нам не жить друг без друга. И дело не в газовой проблеме, дело в братстве.

Мы крепко запаздывали к самолету. Но так как он шел не по расписанию, был чартерный, то есть купленный, то летчики и не сердились. На аэродроме даже дали двадцать минут на отдых. Я этим воспользовался и отошел подалее от аэродромных огней. Хотя и лето, а уже смеркалось, и луна без опоздания выходила обозреть свои владения. Еще немного сохранилось в Полтаве тех мазанок, которые освещала вот эта же луна, что и сейчас, и трепетали все те же “серебристых тополей листы”. То есть не те, такие же. “Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут, своей дремоты превозмочь не в силах воздух, чуть трепещут серебристых тополей листы...” и так далее до “Ликует Петр, и горд, и ясен...”. Тут его выносил в центр истории “ретив и смирен верный конь”. Тут “Карла приводил желанный бой в недоуменье”. Отсюда утаскивали носилки с ним в безславие, отсюда бежал предатель Мазепа. Здесь сошла с ума соблазненная им крестница Мария, дочь оклеветанного Мазепой полковника Кочубея. Тут скакал всадник с зашитым в шапку доносом от Мазепы Петру...

И вот — граница меж нами, какая дикость! А как отец мой пел украинские песни! И как мы браво топали в армии под “Маруся, раз, два, три, калина, кудрявая дивчина в саду ягоду рвала”. А эта, известная во всех краях: “Было дело под Полтавой, дело славное, друзья”. И уж что говорить о пословице, употреблявшейся повсеместно, как знак поражения: “Погиб, как швед под Полтавой”.

И что? И опять гибнем, как шведы под Полтавой? А? Да ничего. Славянская семья все равно останется семьей. Мы, славянские народы — все равно братья. Ну, а как же политики? А политики тогда заслужат благодарную память в потомстве, когда будут слушать народ.

ХОЛОДНЫЙ КАМЕНЬ

Девочки Вика, Оксана и Маша были подружки. Они после школы не сразу шли домой, а вначале заходили на детскую площадку. Чаще только Вика и Оксана, потому что Маша всегда торопилась, у неё были младшие брат и сестра, и она с ними нянчилась. Сегодня опять не смогла пойти с подружками, и они остались вдвоём. Сидели на скамейке и разговаривали о прочитанном рассказе Гайдара “Горячий камень”.

— Молодец этот Ивашка, — говорила Оксана, — весь измучился, перемалался, а закатил камень.

— Прямо как Сизиф, — поддержала Вика. — Помнишь “Мифы древней Греции”?

— Нет, — не согласилась Оксана, — Сизифа боги наказали и не давали камень закатывать, а тут Ивашка ради старика-сторожа старался. Только сторож не захотел. Пожалел своей жизни. Есть что вспомнить: в тюрьме сидел, царя свергал, церкви разрушал.

— Да-да, — сказала Вика, — Вот только плохо, что этот писатель-рассказчик курил. Прямо от волшебного камня прикурил. Курить плохо. Мальчишки за школой курят некоторые. Витька Семёнов курит. Так вот! Прямо желтый. На физре два раза не мог подтянуться. Так-то он очень смешной. Помнишь, англичанку передразнил? Мы укатывались.

— Передразнивать нехорошо, — строго заметила Оксана.

— Зато смешно.

— Чего ты всё про Витьку? Витька, Витька. Влюбились?

— Ещё чего!

— Он все равно не за тобой, а за мной бегаёт, — сказала Оксана. — И за косу дёргает, и в столовой говорит: давай тарелку отнесу.

— Да и пожалуйста! Меня тоже дёргал.

— У тебя и косы-то нет.

— Но волосы-то есть, есть за что ухватиться. — Вика помахала хвостиком волос.

— А тарелку относил? — спросила Оксана. — Нет? А сотовый номер давал?

— Мало ли что, — не сдавалась Вика. — Сотовый! Он у меня математику списывает. Вот! — И добавила: — Мне бабушка говорит: твой дедушка был такой хулиган. Я говорю: бабушка, дедушка же такой хороший. Она говорит: это я его воспитала. Поняла намёк? Я так же Витьку воспитаю.

— Три ха-ха, — ответила Оксана. — А знаешь что, Вик? Давай, знаешь что? Устроим ему программу “Розыгрыш”. На пустыре горы песка, что-то строить хотят. А рядом камни завезли. Давай один закатим, потом позовём Витьку, скажем: разбей камень, и курить больше не будешь.

— Камни же не горячие.

— И что? Нам главное, чтоб Витька поверил, что камень волшебный. А? Тут им стало очень смешно, и они вдоволь похохотали. А потом и в самом деле пошли на пустырь. Но вначале позвонили Витьке и велели ему придти на пустырь с молотком.

— Так надо. Потом узнаешь... Да, мы все тут. Пока. Придёт, — сказала она Вике.

Стали выбирать камень. Ох, тяжёлые. И себя жалко, тащить тяжело, и Витьку жалко. Выбрали поменьше. Втащили на холм.

Витька пришел. И пришел в самом деле с молотком. Подруги сказали ему, что надо разбить камень, и тогда Витька будет сильнее всех мальчишек в классе. И курить не будет.

— Разбивай. Это как горячий камень.

— Что я, ненормальный, хороший камень ломать? Я и на уроке думал, ни фиги себе — помолодеть, это же опять в детский сад идти. Кабы разбить, да взрослым стать... — Витька огляделся. — А Маша-то где?

— Нячиться пошла, — сердито сказала Оксана. — Она многодетная у нас.

— А вы позвоните ей, пусть выходит. И детей выведет. Я с ними поиграю.

— Не буду я ей звонить, — сердито ответила Оксана.

— И я не буду, вот ещё! — решила Вика.

Тут у них, у обеих, засигналили мобильники. Конечно, пора было идти домой, обедать и делать уроки.

А Витька, оставшись один, потрогал камень, как будто проверял, не горячий ли. Сел на него. Долго собирался позвонить Маше, но так и не осмелился. И камень не стал разбивать. А курить он и так бросит. Что он, дурак, что ли, курить? Он и Маше обещал, что не будет курить.

Витька достал из кармана куртки начатую пачку сигарет, положил её на камень и ударил по ней молотком. Потом ещё и ещё, будто железо ковал. Но камень даже не треснул. Так и ушёл на фундамент будущего дома неразбитым.

ДЕМОКРАТКА АЛИСА И НЕБЛАГОДАРНЫЙ НАРОД

Молодая женщина Алиса — дочка большого начальника, уже и сама большая начальница. Начальницей её сделали друзья папы. Естественно, что Алиса — демократка. Другой судьбы для неё в новой России быть не могло. Ещё бы — прадедушка был ярый большевик, дедушка и папа — передовые коммунисты, так что Алисе на роду было написано стать демократкой. Её послали в отстающую по всем показателям область, дали в подчинение медицину и школы и сказали:

— Конечно, не штат Флорида, но для биографии побудь там. А когда доведёшь медицину и школы до мирового уровня, тогда раздвинем перед тобой новые горизонты.

Начальником в области был тоже молодой человек, но постарше Алисы, и уже закалённый в боях за демократию. Ещё со времён пьяной приватизации научился тасовать в речах мировое, примерное для нас, сообщество, разные инвестиции, новые технологии, знал, что такое ВТО, а что такое ТНК, соображал на нефтяных и газовых трубах, в ценных бумагах, умел хлопать по плечу, для популярности мог выпить с рабочим пивца, а с интеллигентами говорить о трезвости, вёл здоровый образ жизни, словом, держался курса и подходил как начальник и для области, и для Алисы.

Он, конечно, в любом случае помогал бы ей, но Алиса всё-таки решила стать его любовницей. Для удобства. И стала. При её-то происхождении и красоте, при её-то связях в столице. Но и ему такие отношения были выгодны. Жена у него караулила квартиру в Москве, да и что жена? Ну, наступит ей, он скажет: “Милая, а ты хочешь, чтоб я вместе с тобой сгнил в этой дыре”?

Алиса не отлавливала начальника в рабочее время, зачем? У него и дел много, и светиться часто около него ни к чему. При наличии личных отношений он сам к тебе ночью придёт. Тут и кукуй ему о своих проблемах.

— Какие же всё-таки люди чёрствые, — жаловалась она, запуская кофейный аппарат. — Говорю: так же нельзя, вы же не скотов, людей лечите. Где современное оборудование, где вообще всё? Где европейская аппаратура?

Начальник зевал:

— Ну и что? Закрыла?

— А как же, — всплескивала руками Алиса. — Дикие люди! Говорят: фельдшерский пункт всегда был. И что? “Всегда”! Хватит, говорю, нам этого позорного отставания. Прямо слабо развитая Африка. “А где нам лечиться”? Есть районная больница, пользуйтесь. Ах, говорят, старухи не могут ехать! Говорю: поставьте им компьютер, пусть выходят на специалистов через интернет. Ах, денег нет! Денег у них нет, — говорила она язвительно, садясь с чашечкой кофе на колени к начальнику и давая ему отхлебнуть капельку.

Начальник тоже возмущается:

— Да заколебали они меня все! Самоуправления хотят, берите! И тут же деньги цыганят. Печатного станка у меня нет, сами изворачивайтесь. Не можете — уходите, посажу своего. Не надо больше кофе, давай сухонького, и бай-бай! Утром оппозиция придёт, надо выспаться. Придётся кость бросить. Пару мест добавить. А, с другой стороны, орут, ну и орите. Это же как раз и есть демократия. Сунешь должность, они и заткнутся.

— Да-да, милый. А я снова поеду малокомплектные школы закрывать. Но им же ничего не втолкуешь. Русским языком говорю: нерентабельно! Не въезжают! Детей далеко возить, отрыв от семьи, дорого! А как они хотели? — возмущенно восклицала Алиса, готовясь ко сну. — Зачем рожали? Зачем? Если не могут дать детям достойного образования. Лялик, это же средневековье: в одном помещении четыре класса начальной школы. Дурдом! Я зашла, мне плохо. Печка топится, и сушатся, представляешь, сапоги и валенки. Хорошо, у меня с собой “шанель”. В коридоре понюхала. Ой, думаю, скорее отсюда. А они мне: ах, посмотрите нашу выставку рисунков, ах, мы вам споём, станцуем танцы народов мира. — Алиса грациозно повела голым плечиком: — В деревне, представляешь, печи топят, корова мычит и — танцы народов мира.

— Понравиться хотели, — говорит начальник, зевая и расстегивая рубашку. — И что, закрыла школу?

— А как иначе? Для их же пользы. Нет, ляльчик, очень они благодарные, очень. Говорят: “Мы тут родились, выросли, нам тут всё дорого, у нас тут родина”.

— Будет им дорого, — говорит начальник, стягивая штаны. — Родина! Я убиваюсь для их счастья, я уж сам забыл, где и родился. Не ценят.

— Чёрствые, чёрствые люди достались нам, — воркует Алиса. — Да, вспомнила, там девочка, такая хорошенькая, наедине мне говорит, что учительница ей запретила джинсы в школу носить. И что мама её два раза шлёпнула. Но это вообще уже безпредел. Нет, я оформлю лишение родительских прав, употреблю ювеналку, эту дуру-учительку надо проучить. — Алиса уже вся в розовом пеньюаре. — Ляльчик, — она красиво простирает к нему руки, — а когда к морю? Когда? Ты обеща-ал.

Начальник вновь зевает, разводит руками, мол, не всё от меня зависит.

— Лялик, а почему тебе не дали центральную область, а Геннадия дали?

Начальник хмыкает:

— Он же прямой племянник, а я только двоюродный брат жены. Разница?

— Ну что, гасить свет? — спрашивает Алиса.

— Гаси.

ПАСТУХ И ПАСТУШКА

Откуда взялась собака в деревне, чья она, никто не знал. Бегала по улицам, дети с ней играли. Но они-то поиграют да ужинать пойдут, а собака? Иногда вспомнят, вынесут косточку, но чаще забывают. Начнут телевизор смотреть или в разные игры играть, тут не до собаки. А к зиме и вовсе уедут. Поневоле собаке приходилось заботиться самой о себе. Ловила мышей. Даже кузнечиков, даже ящерок. Украла однажды цыплёнка, её поймал на этом хозяин цыплёнка, загнал в угол двора и избил палкой. Даже думал, что убил. Она уж и не шевелилась. Он выкинул её в овраг. Ночью пошел дождь, и она ожила. Тряслась от холода и боли и тихо скулила. Жалеть её было некому.

Она стала бояться людей. А они прозвали её Ворюгой. Жила на задворках, исхудала, вся была в репьях, кто такую полюбит?

Вообще, людей в деревне оставалось всё меньше. И, тем более, живности. Только немного коров да козы. Пастухом на лето нанимали одинокого старика Арсеню. Он каждый год говорил, что больше не будет пасти, сил нету. И всё-таки каждый год пас. Но нынче твёрдо заявил: “Пастушу последний год. Тут из-за одной Цыганки с ума сойдёшь”. Так звали корову чёрной масти. И характер был у неё кочевой. Всегда норовила убежать. Как раз хозяин этой Цыганки чуть не убил собаку.

После дня Победы Арсеня первый раз выгнал коров и коз на пастбище. Вечером возвращался, а собака стерегла мышей у старого сарая. Увидела Арсеню, поджала хвост и стала боком-боком отходить.

— Не бойся, не съем! — весело сказал Арсеня. Достал из сумки, облупил и бросил ей сваренное вкрутую яйцо.

Ворюга в один заглот съела его. А когда Арсеня отошел, то подскочила и подобрала с земли белые скорлупки, и их схрустела.

— Ого, — сказал Арсеня. Посмотрел в сумку. — На вот ещё хлебушка. Мне уж горбушки не по зубам.

Ворюга мгновенно смолотила чёрствый хлеб. И опять смотрела на Арсеню.

— Да, миленькая, достаётся тебе, — сказал Арсеня. И всю еду, что осталась в сумке, вывалил на траву.

А дальше было вот что. На следующее утро Арсеня пригнал стадо к дальнему лесу. Но только хотел присесть на пенёк да съесть пирожок, как увидел, что чёрная Цыганка прямохонько полетела к зелёной озими.

— Ах ты, ах ты, такая-сякая! — закричал Арсеня, вскочил и побежал её заворотить.

Но разве, с его-то скоростью, догонишь такую резвую. Вдруг из кустов вылетела Ворюга, будто ею выстрелили как снарядом, в три секунды настигла Цыганку, обогнала, смело встала перед коровой и залаяла. Цыганка опешила, выставила рога, но Ворюга так грозно и смело лаяла, что корова, мотнула головой, мол, не буду с тобой связываться, и вернулась в стадо.

— Ну, женщины! — потрясённо и восхищённо говорил вечером Арсеня. — У неё ума больше, чем у меня. Я за целый день барином стал, завтра стульчик с собой возьму и книжку почитать. Главное дело, и коровы привыкли ей подчиняться. Ведь вот даже если они смиренно пасутся, то все равно вокруг стада раза три обежит. То есть: я вас охраняю, кушайте травку на здоровье.

Какая же она Ворюга, я её Пастушкой назвал. Она ж не со зла, а с голдухи цыплёнка употребила. О-о, это золото, а не собака. Я пастух с маленькой буквы, она Пастушка с большой. Да, господа-товарищи, не зря сказано: “Кошку год корми — за день забудет, а собаку день корми — год будет помнить”.

Но в тот день собака в деревню не пошла, осталась ночевать в поле. А рано утром, когда Арсеня вышел из дома, увидел, что она спит у ворот.

— Намучилась вчера, — сказал он. Присел и хотел погладить. И только коснулся грязной шерсти, как собака мгновенно очнулась, отпрыгнула и хотела бежать.

— Куда ты, куда? Я ж тебе завтрак приготовил. Ты ж три таких завтрака вчера заработала. А я уж боялся, не захочешь больше пастушить. —

Он бросил ей лепёшку. — Поешь. Будешь сегодня помогать? Ох, спасибо скажу.

Хлопнул бичом и пошел по улице собирать стадо. Пастушка оставила его, но на пастбище прибежала. Он долго ею занимался, выдирал из шерсти репы, даже клеща вытащил из лапы. Пастушка терпела всё героически. Только, когда он завёл её в воду и стал намылывать, она вырвалась.

— Ну, ничего, не сразу, — сказал Арсения. — Лето долгое, ещё накупаешься.

И ведь напророчил. Лето началось жаркое, коровы постоянно хотели пить. Арсения пас их или около пруда, или около реки. Но, кроме жары, летом для животных наступает ещё одно, очень тяжелое испытание — это гнус: комары, оводы, слепни. Чем жарче, тем они злее. Козы как-то легче переносят нападения кровососущих, а коровы нервничают, лезут в кусты, даже ложатся, чтобы хоть живот, и особенно вымя, не кусали, а более всего спасаются в воде. Зайдут в воду, вода покроет спину, и так им хорошо, что на берег не выгонишь. А выгонять надо: зачем же они пришли на пастбище? Надо есть больше травы, надо давать молоко. Но и отдохнуть от гнуса тоже надо. Хотя и в воде эти великие труженицы продолжают работать — жуют и пережёвывают траву.

Пастушка сама поворачивала стадо к реке или на пруд, разрешала зайти в воду, сама лежала в тени прибрежной ивы и дремала. Но не на оба глаза, в отличие от хозяина, на один, а другим посматривала на подчинённых. Над коровами вились и носились оводы и слепни. Иногда они не рассчитывали траектории полёта и попадали на воду, а с неё не могли взлететь. Жужжали, крутились на поверхности. Но недолго бывали их танцы на воде — снизу выныривали голова и с удовольствием ими питались.

— Э-э! — воскликнул Арсения, увидев такое дело. — Чего ж это я ваньку валяю, расслаживаю? Собака пасёт, меня освобождает от трудов. А зачем? Чтоб я её и себя, и людей рыбой кормил, так, Пастушка?

Собака одобрительно виляла хвостом, шла к берегу, лакала водичку и предупредительно коротко лаяла. Это не действовало. Выгнать коров из воды даже и Арсения раньше не всегда мог. Хлопал бичом, заходил в воду, но коровы отходили подальше. И только когда жара спадала, шли пастись.

Но Пастушка не Арсения. Бросалась в воду, заплывала со стороны реки, лаяла, сердито молотила лапами прямо перед рогатой мордой. Выгоняла одну, плыла к следующей. И добивалась своего — все коровы выходили на берег. Отряхивались и приступали к своему главному делу — ели траву.

Хозяйки сразу заметили прибавку в надоях и нахвалиться пастухом не могли. А он все благодарности относил к Пастушке.

Мало того, он стал ловить рыбу и приносил вечером в деревню. Отдавал хозяйкам по очереди, но денег ни с кого не брал.

— Мы с Пастушкой денег не любим, берём натурой.

Утром хозяйки выносили им половину свежего рыбного пирога. Они с Пастушкой за день его съедали. На пирогах да на молоке Пастушка поздоровела, повеселела. Шерсть стала гладкой, блестящей. В деревне все наперебой старались её погладить, она всем радовалась. Только когда подошёл тот мужчина, владелец цыплёнка, который бил её палкой, она попятилась и коротко зарычала. Он испуганно отошёл. Кстати, именно он держал корову Цыганку. Но и Цыганку Пастушка воспитала окончательно, стала она законопослушной. Мужчине теперь было стыдно, и однажды он через Арсению передал для Пастушки не до конца обглоданные куриные косточки.

— Стыдно мне, конечно, ведь убить мог. Цыплёнок пожалел, все равно б съели.

Но вот с кем не смогла найти общего языка Пастушка, так это с козлом Борькой, вожакom козьего стада. Он всегда был важен, тяжело и с достоинством шагал, а тут вдруг — нате! У его стада появился новый начальник, вернее, начальница. И они её слушаются. Как он ни мекает, они идут туда, куда их гонит Пастушка. Борька исхудал, ел мало. Подолгу стоял, расставив передние ноги и раскачивая рогатую голову. Когда Пастушка лаяла

на него, понуждая передвигаться в общем направлении, он устрашал её рогами, даже бросался. Она на рога не лезла, отпрыгивала. Потом опять лаяла, и всё равно добивалась своего. Тяжело это для козлиного характера. Борька потерял лидерство, ходил уже не в голове стада, а в середине.

А ещё вышел случай, совсем дивный. Пригнали они вечером стадо, а хозяйка одной козы говорит:

— А моя Марютка где? Волки съели?

Пошли Арсения и Пастушка обратно. Долго искали. И ведь нашла Пастушка! Оказывается, коза перебрела мелкий ручей, скрылась в высокой траве и там... родила!

— Вот так серенькие козлики! — весело говорил Арсения, заворачивая в плащ трёх маленьких мокрых козлят. — А ты не ори! — сердито выговаривал он жалобно и испуганно блеющей козе. — Вишь, как вы нынче, все в людей. Рановато бы тебе ещё в мамы, нет, туда же. А хороши, ах, хороши! — любовался он козлятами.

Козлята растут моментально. Вчера он крохотный, на ножках-спичечках, а через неделю прыгает, через две бодаться начинает. Так и эти козлята. Уже вскоре ходили с мамой-козой в общее стадо. А один козлёнок полюбил Пастушку. Он к ней всё время приставал, не давал спокойно лежать, толкал крепнущим лбом в живот. Самое дивное, что Пастушке это нравилось. Как она носилась с этим козлёнком, какие прыжки выделявала, как пряталась, как неожиданно появлялась и сзади, и сбоку, и спереди, прямо концерт!

— Ну, с вами никакого телевизора не надо, — смеялся Арсения. — А ты-то чего не рад? — говорил он козлу. — Небось, сын родной. Радуйся, Борька.

А хозяйка козлёнка, когда Арсения попросил её продать его, сразу заявила:

— Арсенечка, спаситель ты наш, да я его тебе даром дарю.

В тот же вечер Арсения забрал козлёнка в свой двор. Налил в тарелку молока, крошил хлеба, поставил на землю. Интересно, что козлёнок один есть не захотел. Арсения думал — по матери тоскует. Нет, когда к тарелке подошла и Пастушка, они дружно стали ужинать. После еды козлёнок опять набегался, напрыгался, вечером приткнулся к Пастушке и хоть бы что, бай-бай. Стало их трое.

Козлёнок получил очень замысловатое имя Замбор. Почему? Женщины недоумевали, а Арсения объяснял:

— Имя означает: заместитель Борьки, Замбор. И никакой это не Мишка. Тут вам не политика, тут вам жизнь.

О, как иногда долго тянутся летние дни, и как стремительно проходит лето. Вот и осень, вот и кончался пастушеский сезон. Рыба перестала клевать, пошли грибы. Освобождённый Пастушкой от пастьбы, Арсения приносил в деревню и белых грибов и рыжиков.

Однажды он заметил, что Пастушка стала бегать не так резво, как раньше.

— Ты заболела, — спрашивал он её. — Или заленилась? Или уж совсем заважничала, загордилась?

Но оказалось ни то, ни другое, ни третье. Оказалось, что Пастушка ждала щеночков.

— Вот это ты отличилась, — потрясённо говорил Арсения. — Скажи хоть, кто отец? С кого алименты требовать?

Он давно собирался сколотить Пастушке конуру, да всё было некогда. А тут такое дело, уже жильё нужно не только для одинокой собаки, а для целой собачьей семьи. И он сколотил целую будку. Не пожалел хороших досок, щели проконопатил, пол выстелил старой шубой. Конура Пастушке понравилась, но ночевать в неё вечером залез козлёнок.

— Ну, ты весь в папашу, — говорил Арсения.

Весть о том, что Пастушка скоро станет мамой, взволновала деревню. Дети одолели родителей, просили щеночка от Пастушки.

— Записывайтесь в очередь, — шутил Арсения. — А лучше всего побольше домашнего скота заводите. Щенки будут собаками, их Пастушка обучит за стадом ходить. И вообще, нам пора и своего быка выращивать. У кого бычок родится, не вздумайте куда отдавать. Вырастим!

Арсения тоже в это лето не то чтобы помолодел, но прежние болезни или отступились, или замолчали. Когда речь заходила о следующем лете и его заранее просили снова попасть, он отвечал:

— А это уже вопрос не ко мне, это к Пастушке. Она у меня главная, я только помощник. Что скажешь, Пастушка?

Пастушка весело виляла хвостом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОДНИКА

Что говорить о том, что жизнь коротка? Она не просто коротка, она мгновенна. Вчера, вот тут, у этих двух листовниц стояли палатки районного пионерского лагеря, и я, юноша восемнадцати лет, уходящий вскоре в армию, был тут начальником. Вчера. А сегодня те же листовницы, то же небо, та же река. Ничего не изменилось, только пятьдесят лет прошло.

Тогда еще было живым опустевшее здание церкви. По стареющим ступеням мы поднимались на колокольню и глядели во все стороны света. Леса, леса, безкрайние леса. А среди них уходящая от восхода на закат наша любимая река.

Для приготовления пищи, для питья нужна была вода. А с ней-то была проблема. Из реки уже тогда не рекомендовали пить, но не из-за нынешней химии, из-за многочисленных стад коров и лошадей, пасущихся по берегам. Троицкие жители говорили, что под горой, под бывшей церковью, был родник. Мы спускались с крутого обрыва, искали, ковырялись лопатой, но родника не нашли. Носили воду из деревенских колодцев.

Во все годы разлуки с родиной, когда я возвращался, я всегда приезжал в Троицкое, выходил на обрыв. Уже и церкви окончательно не было, уже и село было на последнем издыхании, но сохранил Господь здешние пределы, такие, что восторг охватывал душу, когда раскрепощенный взгляд улетал в заречные дали.

Нынешний отец Александр, восстановив храм в районном центре, взялся за строительство часовни и в Троицком. Начали с расчистки задичавшей, заросшей местности, валили необхватные старые берёзы. И — главное — установили на месте бывшего алтаря Поклонный Крест. От шоссе на руках. Построили сарай для дров, сторожку. Уже было где чайку попить.

И тогда я узнал, как окончилась жизнь последнего настоятеля храма. Во время службы ворвались в алтарь бесы, чекисты, сорвали с батюшки облачение, вывели, повели. И велели всем плевать на него.

Но никто! Никто не плюнул, а все встали на колени. Отец Александр шел босой, в одном нательном белье и благословлял всех. Уходил на смерть и в безмертие.

И вот, спустились на следующий день к роднику, а... воды в нём нет. Ушла. За батюшкой ушла, как сказала одна старуха. А две листовницы, посаженные священником, называли, повыше — батюшкой, пониже — матушкой.

И в теперешнее время всегда была трудность с водой. Нужно было привозить её с собой, экономить. Посуду вымыть — тоже на реку не пойдёшь: далеко отошло её русло за эти годы. Фляга на сорок литров быстро иссякала.

С отцом Александром мы искали родник. Нет и нет. Но то, что он был, вновь подтверждали многие. Никто из него не пил, но вспоминали воспоми-

нания отцов и дедов. Бывшая здешняя жительница Любовь Трофимовна тоже утверждала: “Внизу, напротив алтаря”.

Прошлой осенью плотник Андрей, возрождающий часовню, копал на указанном месте. Да, в яме стояла вода, ну и что? Родник ли это? Тут такое болото, везде вода. Место низкое, топкое. Грунтовые воды, верховодка. Я стал копать повыше — сухо.

И опять время прошло. А уже часовня, пока без креста, высилась, озяря солнечной желтизной окрестность.

Нынче мы приехали сюда с братом Михаилом, а он взял с собой внука Георгия. Батюшка благословил Михаила выкосить высокие травы вокруг часовни и домика, а я вновь взялся за поиски родника.

Георгий мог выбирать, с кем ему быть, с дедом или со мной. Но у деда была такая сильно ревущая бензокосилка, с такими мерзкими выхлопами, что он пошел со мной, вниз, под обрыв. До этого дед вымазал всего Георгия антикомариными кремами, вдобавок опрыскал дезодорантами, и Георгий шел смело. Идти напрямую, по такой крутизне, мы не решились, пошли в обход.

Пойма реки, то есть место, затапливаемое весной, была уже выкошена, и поваленные травы сладко пахли, возвращая своими запахами детство и отрочество. Ведь тогда сенокос был главным событием каждого лета.

Мы будто сквозь джунгли продирались: болотистое место, крапива выше человека, ольха, ива, осока. Хорошо, я был в сапогах, шел впереди. И Георгий смело лупил палкой крапиву.

— Смелый воин Георгий! — хвалил я. — Крапивы не боишься! Читал, как твой небесный покровитель великомученик Георгий какого змея победил? Закаляйся. Как знать, какие змеи тебе в будущем встретятся. Да и внукам моим. Жаль, нет их. Господи, помоги раскопать родник! Чтoб и они приехали, напились из него. И облились бы, и окрепли бы!

Ну, Господи, благослови! Я стал расширять и углублять прежнюю яму. В ней была вода. Но тут кругом стояла вода. Я наивно надеялся, что взбурлит вдруг под лопатой подземная струя, выходящая на поверхность. Ведь столько я видел изведённых из земли, из скал родников в монастырях, на Афоне. Конечно, кто я по сравнению с монахами, но ведь такую же молитву Иисусову, какую сейчас читаю, читали и они. Да, видимо, не как я, по-молитвенней.

Конечно, копать было тяжело, не молоденький уже. Но и усталости не чувствовал. Вокруг летало и гудело крапивное комариное царство. Это для меня было симфонией детства, но для Георгия это была музыка ужаса. Но сильнее хора этих кровопийц слышалась бензокосилка брата.

— Радуйся, Георгий, что тут комары, слепни, оводы, строка, все тут. Значит, мы здесь в чистой атмосфере, комаров же нет в городе.

— А что такое строка? — говорил Георгий, пока ещё защищённый дезодорантами.

— Это кровопийца редчайшая. Маленькая, на осу похожа. Оска такая. Комар вначале ещё погудит- погудит, овод ещё попугает, даже клещ вначале поползает, а строка кусает в то мгновение, в которое на тебя садится. А мошкá! Еще тебя не куснула? Мошка — это мельчайшая дрянь. И в глаза заползает, и в уши. — Я просвещал, скорее, запугивал, Георгия, а сам копал и копал, выворачивал из мутной воды тяжеленные комья речного ила, глины, вырывал корни, выколупывал гнилушки.

— А раньше были комары? — спросил Георгий.

— Ещё бы! Воздух же чище был.

— А дезодоранты были?

— Нет.

— А как? — потрясённо спросил Георгий.

— Да так: когда работаем — некогда замечать, а когда наработаемся, уснём от усталости, и тут хоть кусай, хоть закусай.

Бензокосилка наверху смолкла, и Георгий смотрел на меня вопросительно. Конечно, ему хотелось к своему деду.

— Да он не утерпит, сам сюда придёт, подождём.

Но вскоре вновь послышался рёв мотора. Значит, заправил бачок бензином и опять косит. Косилка выла прямо отчаянно, будто скашивала не только травы, но вообще всю растительность.

— Да, — вспоминал я, — в колхозе брали на покос специального мальчишку, отрока, подростка, это не нынешние фанаты, не тинейджеры, им бы не выдержать. Целый день попробуй отгонять от лошадей этот весь гнус. Их тучи, лезут под живот, грызут, кусают. Вовьётся овод лошади в спину, ударишь по нему, ладонь в крови. Напился. Лошади бесятся. И писали в нарядах пол-трудодня. Знаешь, как назывался труд? “Опахивал мух”. Раз меня лошадь лягнула, я отлетел, но взрослым не сказал — боялся, что завтра не возьмут. Вот как. На работу рвались.

Жарища была такова, что пот с меня лился ручьями. Насекомых уже и не отгонял. Начну с ними бороться, копать перестану. А как же монахи? Выставляли себя на ночь этим кровопийцам.

Георгий начал страдать. Так вскрикивал от укусов, что пора было его пожалеть. Видимо, действие химической защиты кончилось. Но и к деду, к шуму бензокосилки, он не рвался. Да и как он пойдёт один через такие заросли крапивы? А мне хотелось ещё покопать.

— Георгий, не мучайся и на кремы не надейся. Наломай веник, вон ольха, вон берёза, вооружайся и воюй. Это поможет. Как раньше, провожаешь девочку и ветками черёмухи обмахиваешь. Опахиваешь. Эх! — я разогнул спину. — Была жизнь, была, сердце замирало!

Снова и снова вонзался лопатой в заилённое пространство, где-то на дне зачаливал песок и глину и вытаскивал. А Георгий всю махал веником, хлопал себя по шее, по спине, по ногам, будто парился. Всех комаров распугал. И их уже не боялся.

Ну, ладно, всё! Напоследок перегородил плотинкой из земли и глины пространство между родником и болотцем. Я рассуждал так: если тут родник, то воды в нём за ночь прибудет. О, дай-то Бог.

Не было сил вновь пробиваться сквозь крапивное пространство, и мы полезли напрямую. Измученный копаньем, я еле полз, хватаясь за сучья, стволы и корни. Георгию-то хоть бы что с его пятёрками по физкультуре. А мои пятёрки отстали от меня в середине прошлого века. В одном месте склона сучок под ногой хрустнул, и я полетел спиной назад под обрыв. И ничего, встал, отдышался и опять покарбался.

Вверху показалось ещё раскалённое, но вдруг отрадно и целительно протянуло ветерком. Брат увидел нас, выключил мотор и крикнул:

— Оглух. Ну, у батюшки и техника — трижды заправлял, работает. Говорю ей: дай отдохнуть, нет, не даёт.

Мы поглядели друг на друга и весело рассмеялись: брат был весь, с ног до головы, облеплен красно-бело-зелёным крошевом скошенных трав и цветов, а я весь грязнущий. То-то в конце уже не замечал укусов, грязь им было не прокусить.

— На солнце сорок, в тени тридцать семь, — сказал брат.

В домике напились чаю из привезённой воды и решили сходить на реку. И опять пробивались через ивняк, крапиву и осоку. Георгий не расставался с веником.

— Ты Георгия всего опрыскал, а его все равно зажирали комары, а как вооружился родной берёзой — и жив, и счастлив. Так и Россия. Надеется, что спасётся всякой химией да заграницей. Нет, ребята, вооружайтесь да от гнуса отмахивайтесь.

На реке никого не было. Георгий весело бегал по мелким горячим заливам, пугал мальков. Мы с братом даже сплавали на ту сторону. Вышли на берег, оглянулись. По течению ухлывали наши следы на воде. Ещё нас удивили ивовые рогульки рыбаков, они всю зеленели. Вернулись. Георгий показал нам восхитившую его крепость из песка. На стенах пушки. Роль пушек играли пивные бутылки. Нас такая крепость опечалила.

— Освятит батюшка родник, из него же вода идёт в реку, и реку будет освящать. Такие крепости перестанут строить, — мечтательно говорил я.

— Ну, ты романтик.

После вечерней молитвы, как благословил батюшка, обошли Крестным ходом часовню и домик. Георгий шел впереди со свечой, я с крестом, брат с иконой Божией Матери. Пели по очереди: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!”. Георгий радовался и гордился, что свеча у него не погасла.

Перед сном дедушка вновь опрыскивал любимого внука. А я сразу уснул, как засыпал в детстве. Сразу и без снов.

Да-а, надо ли говорить, что утром шел на место вчерашних раскопок со страхом и надеждой. Пролетели над головой, снижаясь к реке, два аиста. Как раз над двумя листовницами.

Сердце моё билось: что сейчас увижу? А увидел я чистейшую воду в полнёхоньком роднике. Встал перед ним на колени, умылся из него, напился! Родник, милый родник, ты вернулся!

Руками разгрёб запруду и с радостью увидел, как струйка воды потекла из родника. Помчался вверх. Они ещё спали. Георгия я пожалел, а брата растолкал и крикнул шёпотом:

— Родник!

Очень хотелось скорее обрадовать батюшку, позвонить ему. Но мы были вне зоны связи. Придётся терпеть до вечера, обещал приехать. Но это как раз хорошо, решили мы. Радовать так радовать! И целый день занимались родником. Брат наверху делал двухметровый Крест, я прокладывал дорогу к роднику. Прорубался сквозь ивняк, крапиву, валил старые деревья, большие оттаскивал в сторону, маленькими выстилал подходы. Георгий, сегодня осмелевший, бегал от меня к деду и помогал нам. Мне приносил доски, деду подавал инструменты и гвозди. Одну тяжелую доску, метров семи, принесли вместе с братом. Положили её на подстилку из ветвей, получился мостик к роднику. Для него сделали квадратный сруб из досок и напильных брёвнышек. Притащили с реки три ведра песка, высыпали в родник. Вода замутилось, но часа через два снова хрустально светилась. Вкопали чурбаки, сверху приколотили доску, получилась скамья. Захотелось сесть на неё и сидеть, и смотреть на родник.

Еще расчищали пространство. Вокруг родника светлело и веселело. Сегодня вновь жарило, но ничего уже не было страшно — родник спасал. Попьёшь из него, умоешься — и хорошо тебе, и комары отступаются. Принесли кружку, для неё воткнули в землю ивовый прутик.

Торжественно несли Крест. Поставили, утрамбовали вокруг него землю и камни. И вдруг услышали голоса. Это были люди, человек шесть. Женщины, один мужчина. Приехали грести сено, метать стог и нас разглядели. Радость у них была великой.

— Сколько лет здесь косим, и всегда воду с собой берём, — говорили они. — Так ведь и рыбаки даже тоже воду с собой везут, из реки же нельзя пить.

— Ой, женщины, а ведь я вот что скажу, — оживилась старшая из них, — ведь уже год, как тут аисты поселились. Парочка. Неспроста же.

Вечером приехал батюшка. Мы условились ничего ему не говорить. Он хвалил, что кругом выкошено, и дорога к часовне сейчас просторная, а не узкая тропинка.

— Устал, полежу, — сказал он. Прилёг и тут же встал. — Я же вам еды привёз. И воды. Перелейте во флягу. И ехать мне уже надо.

— Батюшка, — попросили мы, — ну хотя бы на реку, хотя бы на полчаса сходим?

Он согласился:

— Да, дойдём. Хоть разуюсь, хоть по воде похожу. Ноги отдохнут. Сегодня три молебна, отпевание, ещё крестил. Ещё с рабочими за кирпичом ездил.

Мы пошли. Он впереди и так быстро, что мы еле попевали.

— Какие молодцы, уже какую дорожку протоптали, — похвалил он.

Внизу я попросил:

— Батюшка, давайте сейчас свернём направо.

— Зачем?

И тут Георгий не выдержал и закричал:

— Сюрприз! Сюрприз!

И батюшка сразу всё понял. Уже и Крест показался среди расчищенного пространства. Батюшка прошел по доске, вначале приложился ко Кресту и зашел:

— Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим! — Потом перекрестил родник, зачерпнул, напился, умылся. И всё радовался: — Как милостив Господь, как милостив! Стали строить часовню, стали возрождать село, и родник открылся. Именно поэтому.

А назавтра батюшка приехал со всем необходимым для освящения. Привёз и икону Святой Троицы. В домике развёл кадило, и Георгий гордо нёс его впереди. Пели молитвы. Пришли к роднику. Батюшка укрепил икону на Кресте.

— Здесь Троицкое, и родник, конечно, Троицкий.

Гребцы сегодня вновь работали, уже метали второй стог. Они, бросив вилы и грабли, пришли к нам. Почти все крестились.

Служили Водосвятный молебен. С молитвою троекратно погружал батюшка серебряный крест в родник. Потом окропил всех освященной водой, сделав кропило из молодой осоки.

— Подходи под благословение.

Кто не умел, тому батюшка повёртывал ладони, правая сверху, крестил, касался склоненных голов.

— Ну что, — весело спросил он, — вот придут антихристовы времена, сорвут с меня облачение, поведут на расстрел, а вам прикажут на меня плевать. Будете плевать?

— Да вы что, да как это так? — заговорили они. — Да мы разве не люди?

В этот день батюшка долго не уезжал. Мы ещё раз сходили с ним к роднику. Уже с ведром. Зачерпывали из родника, и “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа” батюшка троекратно окатывал нас ледяной водой. И никакая жара не чувствовалась, и никакие комары, даже Георгия, не кусали.

— Ну что? — весело спрашивал батюшка, — жить захотелось? А?

— Захотелось, — отвечали мы.

А когда мы провожали батюшку и подошли к часовне, над нами пролетели два аиста.

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

ЗВЕЗДА ПРОЩАНИЯ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Памяти павших под Калугой

Простите меня, солдаты,
Погибшие под Калугой, —
Смертей и рождений даты
Накрыло свинцовой вьюгой.
Когда же вас откопали, —
Шагнувших в бою на танки, —
Березы к ногам припали,
Целуя листвою останки.
И молвил Иуда людям,
Но оглушил планету:
“Мы хоронить не будем, —
Денег в бюджете нету!”
Бандиты, ворьё, невежды,
Те живы, кто лёг под танки,
А ваши загранкоттеджи
Есть фюрерские останки!..
Предатели и обжоры,

СОРОКИН Валентин Васильевич родился в 1936 году. Десять лет работал на маррене. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многих поэтических сборников, в том числе “Благодарение”, “Хочу быть ветром”, “Плывущий Марс”, “Нас двое” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Плывущие в кайф на яхтах,
Раздвиньте хмельные шоры, —
Мы вновь на постах и вахтах!
Вернутся святыя цены
На доблесть в любой округе:
Народ не простит измены
Вам, ироды и хапуги.
О, сколько же вас, прилипших,
Запомните,
        вы, пираты,
А вдруг да из рук погибших
Возмездьем сверкнут гранаты?!
2009

ЗА НАШУ КРОВЬ

Памяти моих друзей

Над кладбищем сиянье облаков,
Слеза молитв и колокольных гулов.
Геннадий здесь лежит Серебряков
И старший друг и брат Иван Акулов.
Они скончались от прорабских ран.
Не вспомнят их ни вздохами, ни шуткой,
Когда по суткам занят наш экран
Небритым псом и голой проституткой.
Они скончались, воины, певцы,
Страдальцы
        вновь плененного народа.
И покупают замки и дворцы
За нашу кровь приспешники уroda.
Он отошел, и памятник ему
Спешат воздвигнуть аферисты века...
Звонят, кричат колокола во тьму,
Зовут, зовут очнуться человека.
Вы, жрущие алмазную икру,
Учтите, скуршевелены богатством, —
Они не умерли,
        я не умру,
Бессмертны мы терпением и братством!
Да, я несу под сердцем имена
Друзей своих
        через года и беды,
О, Господи, ну пусть моя страна
Развеет боль знаменами победы!
2009

УБИРАЙТЕСЬ!

Не сказали, даже не спросили —
Как нам жить в такой разбойный год:
Эти новодьяволы России
Продолжают истреблять народ.
Труд бесценят, ну а водку пенят,
Не смущаясь, без обиняков,
Армию и школы эпидемят,
Жгут осиротелых стариков.
То Нью-Йорк, то Лондон,
        в самом деле,

Блудят, миллиардами пыля...
На крови твоей озолотели,
Мать седая, русская земля!
И, тоскуя о короне лбами,
Свора лжекнязей и лжекупцов
Заселяет свежими рабами
Пёсьи будки мраморных дворцов.
А в горах Кавказа тлеет знамя,
Взвод погиб, наёмниками сжат,
До сих пор не найденные нами,
Где-то там защитники лежат.
Кто вы есть, магнаты от шарашки,
Мировая клановая порчь?..
Я иду в распахнутой рубашке,
Мы идём!

И убирайтесь прочь!
Волгари, уральцы, сахалинцы,
Мы идём и не отступим впредь,
Русские, мы ныне — палестинцы:
Родина за нами!

Или — смерть.
2009

РУССКАЯ ЗВЕЗДА

Анатолию Жукову

Ночь спустится, безлунна и глуха,
Селенья в нищих далях растворятся.
Ромашки свянут, высохнет ольха,
И кладбища в раскопки превратятся.
Меж городских назойливых огней
Гнезда, вернувшись, не найдёт галчонок.
Смуглее станут лица у парней
И почернеют косы у девчонок.
Жаль, не сумели мы предупредить
Сплошной цивилизации прогрессы:
Начнут по скверам роботы бродить,
С балконов кукарекать “мерседесы”.
И каждый с родословною своей
Расстанется,

как с мелочью каприза...

А там, где пел знакомый соловей,
Обнимет нежно киллера актриса.
Нашельцев золотые времена,
Вчерашняя и нынешняя драма.
Помилуй нас ты, отчая страна,
За разоренье совести и храма!
Бессонница поэта глубока.
Гудки машин на трактах прокопчённых.
Ночь без луны, цветы без родника,
И без гнезда семейного галчонок.
Когда, снегами белыми шурша,
Смерч пролетит по вехам жизни тленной,
Измученная русская душа
Взойдёт

звездой прощанья

над Вселенной!
2008

БОЛЬ

Памяти сестры Шуры

Красивым и юным ушел я из дому,
Седой возвращаюсь к себе, молодому.

А дом затерялся, так время пласталось,
Что даже крестов от могил не осталось.

Соратники, следуя строго кумиру,
Народ мой жестоко швырнули по миру:

То — сеять, то — строить, то — в битвах брататься,
Теперь за столом нам уже не собраться!..

Река пересохла, леса поредели,
И с горной вершины орлы улетели.

Я тяжесть обиды несу за спиною,
С тех пор как простился с великой страной.

Берёзка давно превратилась в старушку,
Хочу я послушать кукушку, кукушку!

Но пусто в округе и немо в природе,
И только полынь шелестит в огороде.

2008

ТЫ ИДЁШЬ

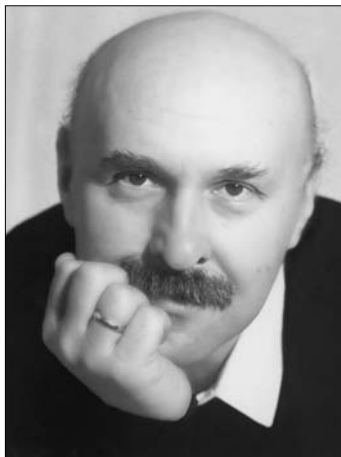
Ночь идет, и замолкают птицы,
Ночь идет — уснули облака,
Ночь идет, и тихо серебрится
Средь полей усталая река.

Ночь идет, и не луна, а лебедь
По затону звездному плывет,
Ночь идет — и на земле, и в небе
Голос твой опять меня зовет.

Слышу губы, слышу руки, руки.
Вздохи сердца память обожгли, —
Не нашли забвенья мы в разлуке,
А в любви покоя не нашли.

Ты идешь, и озаряет дали
Свет твоих неповторимых глаз.
Только жаль, что на моем Урале
Отчий дом уже не встретит нас...

ВЛАДИМИР БУТЕНКО

ДЕВОЧКА НА ДЖИПЕ

ПОВЕСТЬ

1

Письмо от Ивана пришло на исходе августа, в самый разгар дачного сезона, когда день-деньской пропадал Андрей Петрович на загородных шести сотках. Следовало, пожалуй, находиться там и ночью, отпугивая бомжей. Но супруга Алла, опасаясь за свое здоровье, не разрешала ему отлучаться надолго. Впрочем, в таком состоянии неопределенного недуга пребывала она уже несколько лет.

— Твой двоюродный брат депешу прислал, — с улыбкой встретила жена, когда вечером притащился он из гаража домой. — Неплохая новость.

Иван писал: “Здорово дневал, казак Бакланов! Как ты там? Сколько лет молчишь! Не по-родственному. Обратиться заставила необходимость. Тетя наша по матерям, Татьяна Фоминична Затуливетрова, перед Пасхой померла. А мы с тобой остались наследниками. Сын ее, Виталик, спился еще при Ельцине и замерз натурально под забором. А сноха, Зинуля, тоже бухала по-черному, пока не пропала без вести. Был слух, с каким-то сектантом умотала в Сибирь, в тайгу, чтоб готовиться к концу света. А внук тетки, Ромка, связался с урками, ограбил ювелирный магазин. Писал я ему в тюрьму на “почтовый” ящик четыре раза — ни гу-гу! А полгода уже проходят, и кон-

---

БУТЕНКО Владимир Павлович родился на хуторе Дарьевка Родионово-Несветайского района Ростовской области в 1952 году. Окончил Ставропольский мединститут. Автор пяти сборников стихов и прозы. Несколько лет возглавлял альманах “Ставрополье”. За роман “Казачий алтарь” в 2000 г. присуждена краевая литературная премия. Награжден орденом “За возрождение казачества”. Член Союза писателей России. Живёт в Ставрополье.

чается срок вступать в наследство. Срочно, Андрей Петрович, давай решать. Мы с Валухой тетеньку доглядали, из одной кастрюли кормились-поились. И похороны справили достойно. Не обидели старушку ничем! А ты, братка, небось, и забыл, какая она... Живешь на куличках. Но закон есть закон, как Райкин смешил. Вот и ряди: будешь или нет посягать на половину ее каменного куреня о трех комнатах, времянку и сарай саманный, огород и старый сад. Все это в большом запущении, на хуторе Майском. Тетка по безграмотности завещания не оставила. Ты не тани, отвечай телеграммой. А лучше приезжай. Поступай, как совесть велит. На том бывай здоров. Привет Алле. Мои тоже кланяются: Валя, сын Миша и сноха Лариса. С приветом — донской подьесаул Аржанов”.

На кухне было парко от кипящего в большой кастрюле рассола, пряно отдавало укропом и лавровым листом. На столе в сияющих трехлитровых банках теснились пупырчатые дачные огурчики. Алла, занимая половину комнаты грузным телом, с шумовкой в руке сторбленно стояла у газовой плиты. Время от времени она помешивала рассол, снимала и сбрасывала белесую накипь в мусорное ведро. Мрачная усталость на покрасневшем дряблом лице жены, ее деловая сосредоточенность подсказали, что ужин откладывается. Андрей Петрович убрал тетрадный листок в карман сорочки и размыслил:

— Надо проконсультироваться у нотариуса, какой документ нужен. Отослало по почте. Конечно, откажусь.

Жена повернула свою крупную голову, с редкими буровато-седыми волосами, скрепленными на затылке перламутровой заколкой, растерянно зыркнула через плечо:

— Да ты чо, чокнулся? Деньги не нужны? Сидим с голой задницей. Ремонт в квартире аж кричит!

— Тетушку я, действительно, знал плохо. А Ваня с женой ухаживали за ней. Даже стыдно говорить о наследстве...

Алла Ивановна громыхнула шумовкой по кастрюле и с не свойственной ей летам легкостью повернулась к мужу.

— А если мне потребуется операция? Перекроет камень желчный проток — и тью-тью на Воркутю. Ты в этом не разбираешься, а я была медсестрой высшей категории. Сейчас в больнице не милуют. Либо плати, либо помирай!

— Со сберкнижки снимем. Или займем.

— А если Эдька приедет? Который год сын обещает. Тоже расходы. На твою пенсию и таракан не проживет. — Выпученные глаза Аллы подернулись зловецким блеском, шумовка в руке качнулась. — Так бы и дала по башке! Только книжки читаешь! Тебе семья не нужна.

Лоснящееся от пота её лицо было настолько отталкивающим, что он без ответа ушел в комнату, машинально снял с полки книгу. Алла распахнула дверь, запальчиво докричала:

— Если откажешься, я с тобой разведусь! У тебя еще неделя отпуска. Оборвешь айву, слышишь, и — дуй!

— Что ты завелась? — осадил Андрей Петрович. — Сначала надо отремонтировать машину, а затем ехать... А пенсию, моя дорогая, не я устанавливал. Твое демократическое правительство так о народе позаботилось! Было время, на мою зарплату жили. Да и сейчас работаю!

— Жили! Хуже цыган! Эдика укачаю, а сама по коечникам бегаю, уколами шабашку сбиваю. Ночные дежурства брала... А ты себе галстуки покупал. Красовался...

— Ты ахинею несешь!

— Нищий! И я с тобой нищая. А пошел бы в райком партии, сделал бы карьеру. Не строгал бы доски на старости лет!

Андрей Петрович, сдерживая раздражение, неожиданно твердо произнес:

— Поеду! Как я сразу не сообразил...

Он давно мечтал наведаться в родные места. Дочь, родную кровинку, не видел много лет. С тех пор, как достигла совершеннолетия. Увы, прекратил выплачивать алименты — и интерес к нему Наташи стал пропадать... Но однажды она прислала телеграмму с просьбой помочь деньгами. Несмо-

тря на ворчание жены, Андрей Петрович это сделал. Вскоре, находясь уже в больнице, он получил от дочки короткое письмо, в котором была такая же просьба. И тайком от Аллы, заняв у приятеля необходимую сумму, перевел ее дочери. Последнее письмо Натальи, в котором сообщалось о предстоящем замужестве и называлась цена свадебного платья, жена от него скрыла. У самих не было ни гроша. Только спустя месяц, после возвращения из кардиоцентра, он обнаружил конверт в ящике стола. Попытки связаться остались тщетными. Надежда не гасла до тех пор, пока не позвонила сама дочь (ко дню рождения он послал ей денег) и дерзко заявила: “Мне больше не надо ваших подачек. Отцом я считаю Сергея Васильевича, который вырастил меня вместе с мамой. А вам желаю не быть скучным...” Так мог сказать только несправедливый человек. Но Андрей Петрович, несмотря на обиду, поехал в Ростов, чтобы объяснить с дочерью. Она повела себя откровенно грубо. И контакты оборвались. Потом инфаркт. Он долго выкарабкивался, занимаясь укрепляющей физкультурой и соблюдая диету. И теперь, к шестидесяти пяти, чувствовал себя не только сносно, но даже устроился на полставки в поликлинику электриком. Удачно совпало, что как раз в эти дни догуливал отпуск.

...Несколько дней назад (Андрей Петрович подивился этому совпадению) ему приснилась Марина, первая его жена. Явственно привиделась красивой и радостно оживленной. Будто бы встречала его на перроне с букетом тюльпанов. И он, узнав любимую, бросился навстречу, обнял, ощутив ласково прильнувшее тело, которое вдруг выскользнуло из рук, истаяло...

Три года, когда они были вместе, остались в памяти настолько подробно, что он мог даже в днях ориентироваться! И появление ее в школе, и поездка за лазориками, и свадьба, и рождение доченьки. Теперь он уже беспристрастно оценивал прожитое и без сомнения знал, что Марина была женщиной, предназначенной ему Богом. Он по молодости не сомневался в нерушимости их любви. И когда в бесшабашной компании впервые изменил с бойкой медсестрой, то лишь устыдился этого и не придал особого значения. Кто из мужчин свят? Да не тут-то было. Вцепилась в него Алла так, что не давала проходу, упорно напоминала о себе. И, уловкой оставшись с красавцем учителем наедине, снова затащила в постель. Связь стала постоянной. И однажды самолюбивая подружка воинственно предупредила: “Заберу тебя, милый, у Маринки”. “Я вещь, что ли?” — отозвался он с недоумением. “И я не вещь! Хватит забавляться... Я тоже хочу мужа. И ребенка...” И когда знакомые друг другу женщины невзначай сошлись на улице, Алла во всем созналась. Так же решительно поступила и Марина. Разрывный разговор с ней был мучителен и негромок. На ее простой вопрос: “Почему ты предал меня? Разлюбил?” — он не нашел ответа, не посмел оправдываться, казнясь и сознавая, что и не заслуживает прощения... Почти сорок лет прожил он с Аллой, отвоевавшей его и по-своему дорожившей им женщиной, а та покакаянная боль ощущалась в душе и поныне...

Пару дней Андрей Петрович возился с машиной в своем гараже. Отрегулировал клапана, заменил масло. Подмарафетил ее и снаружи — зашпаклевал и покрыл аэрозольной краской ржавые проточины. Глянул со стороны — бежевый “конек” еще хоть куда!

В предшествующую поездке ночь спал беспокойно. Обуревали разные думки: в пути все возможно. И в тот момент, когда разморила сонливость, вдруг загремел над головой будильник, заведенный Аллой. Она же поднялась первой, включила люстру, торопя мужа. Однако измерила ему давление (оно было высоким) и сделала укол, чтобы смог выдержать дальнюю дорогу.

“Жигуленок”, точно птаха из теснины, вырвался в сумеречное пристепье. Остались позади кварталы многоэтажек, лишённые всякой архитектурной целесообразности, ярко освещенные аквариумы фирменных салонов, загородные оптомаркеты. “Новый русский капитал поднимается на кривые ножки, — усмехнулся Андрей Петрович, как многие, с горечью переживающий крах отечественной индустрии. — Господам иностранцам кланяемся! А Петр Великий собственное производство утверждал в России, со-

здавал, строил! В полный рост смотрел на Европу, а мы — в щелочку, полалайски...”

В салоне духовито пахло айвой, прихваченной в гостинец. Автострада была пуста. И он жал на акселератор! Приятная оглушенность овладела сознанием. Минуты и километры незаметно сплетались в одно целое, — Андрей Петрович, сосредоточась на дороге, рассеянным взглядом замечал рождение дня.

А день вставал, размашисто пламенел по кромке горизонта. Улыбнулась степи зорюшка, сестрица казачья! И в ясном накале утра далеко открылись ковры стерни, пашни, курчавень кукурузных делян, плантации подсолнухов с поникшими шляпками. Порой с двух сторон блистали, разделенные мостом, зеркальные расклинки речек. Подступали и круто отваливали в сторону акации лесопосадок, с кисейными кронами, озаренные краснолистьем кустарников. А на затяжном подъеме прихлынула сверху синева, и увидел Андрей Петрович (даже глаза повлажнели), как распластанно парил над просяным густостоем седокрылый лунь, все ниже стягивая круги, готовясь к разящему падению, — и остро вспомнилось детство...

Дорога вела на родину. Туда, где не бывал много лет. Он даже сам не мог точно припомнить сколько: двенадцать или тринадцать? И то, что потаенно хранилось в душе — самое заветное и святое, — исподволь воскресло. Выходит, неистребимо это ощущение сопричастности отчей земле, поколениям предков!

Из тумана минувшего проступали лица родных и близких, вспоминались трогательные эпизоды. Вновь отозвалась в душе виноватость перед родителями, — их могилы покинуто стыли на хуторском бугре! А он жил вдали, крутился в мелочной суете и нескончаемых хлопотах. Уходили навечно приятели по школе и по многоэтажке... А с новыми знакомыми дружба почему-то не ладилась. Всё чаще в последнее время он уединялся на даче. Книги — вот спутники его ночных бдений и раздумий.

Все чаще в последнее время брал он в руки дневники Толстого-старика. И, к удивлению, много находил сходного и в своих отношениях с женой. Непонимание друг друга, некая жизненная закабаленность, душевная глухота. Время от времени, когда Алла становилась особенно нервной, озлобленной и придирчивой, Андрей Петрович в отчаянье готов был бегать из дома.

Хоть куда! И первое, что приходило на ум, это был отчий хутор, где доживала свой век родня. Пожалуй, его бы приняли. Но не окажется ли он, в конце концов, в каком-то приюте, хуже того, нищим бездомником? И потому стычки с Аллой кончались перемирием. И хотя утратили они прежнюю взаимную привязанность, терпели, держались друг друга, деля уносящие силы годы...

2

К полудню “жигуленок” отмерил уже две сотни верст. Незатейливые пейзажи, одинокое молчание, жара притомили. Андрей Петрович дотянул до Кагальника, легендарной казачьей реки. Пересек ее по бетонному мосту, обнаружив лысины дна, — настолько губельно обмелела матушка! — и перед подъемом свернул на площадку для отдыха.

Выше, под кронами пирамидальных тополей, краснели сайдинговые стены кафе. Перед ним грудились колотые чурки, дымил мангал на ножках. Ветерок доносил упоительный запах шашлыка. Три грязнобокие фуры с заграничными номерами загораживали вид автострады. Из открытой кабины ближней доносилась заунывная восточная музыка. Потасканная, с ярко-рыжими волосами деваха курила, сидя на подножке. Очевидно, “плечевая”. Она сузила заспанные глаза на “новенького” и тут же отвернулась, прикинув, что для клиента — староват...

Андрей Петрович расстелил на багажнике, угодившем в тень, скатерку, салфетками вытер руки. И достал пакет с продуктишками и термос.

На диво ожил, закулюкал мобильник, оставленный в машине.

— Живой? Ты где? — тоном диспетчера таксопарка уточнила Алла. — Далеко уже?

— На Кагальнике. Хочу чайку выпить.

— Надо же, беденький, проголодался... — с иронией заметила жена. — К Лукьянченко обязательно заедь. Может, пригодится. Мне не звони! Деньги экономь.

Солнце палило по-летнему. У кафе грустили под слоем пыли сиреневые флоксы. А в мутновато-пепельном небе промелькивали стайки стрижей, горлинок. Отведя машину под вязы, где ощущалась речная сырость, Андрей Петрович попробовал задремать. В уставших глазах радужно задрожали пятна, какие-то запятыя, крючочки...

Плескались на ветру ветви деревьев, их беспрестанно заглушали гулы проносившихся автомобилей. Рядом пульсировала транспортная жила, сводя людей на ленте асфальта по неведомой закономерности. Он опять стал думать о своей судьбе. И как-то растерялся: с временной дистанции многое воспринималось иначе, чем прежде. Сверх того, всё в прожитом было чрезвычайно дорого, кроме черных дней утрат любимых людей. И в каждом событии теперь он, бывший коммунист, усматривал Высшую волю...

Впервые Андрей уехал отсюда, с Донщины, более полвека назад. Все в их роду были военными или хлеборобами. И только он с отрочества мечтал стать учителем. Таким, как Михаил Ефимович! С первого урока запомнился ему этот новоприбывший человек, назначенный директором, — сутловатой фигурой, твердой походкой, смуглым востроносым лицом. Приметной была привычка историка смотреть исподлобья поверх очков и ерошить при этом ладонью свою седоватую щетину, мысыком сходящуюся на лбу.

Появился он в классе в первосентябрьский день негаданно, держа в руке классный журнал и тетрадку. Преподаватель был по-праздничному одет в темно-синий костюм и белую сорочку. Окинув цепким взглядом вставших учеников, выдержал паузу.

— День добрый, милейшие! — отрывисто приветствовал он глуховатым голосом. — Кто дежурный? Почему доска грязная? Кто староста? Обоим объявляю замечание. И зарубите себе на носу, со мной разгильдяйство не пройдет!

И поныне трудно понять, как соединялись в его характере жесткость и sentimentalность, ироничность и готовность сколько угодно заниматься после уроков, интеллигентность и пристрастие к спиртному. Никто под хмельком директора, впрочем, не видел. Втихую сплетничали, что дома он надирается до беспамяетства. Недоброжелательство отчасти объяснялось тем, что ни с кем Михаил Ефимович не сходил, держался особняком. И Андрей всем нутром тянулся к этому необычному человеку, открывающему тайны древности, исчезнувших империй и цивилизаций...

Многие в школе историю полюбили благодаря Михаилу Ефимовичу. Он не просто объяснял на уроках, а к месту шутил, сыпал примерами из романов, цитировал мудрецов, точно сам был всему свидетелем! И поэтому в рассказе учителя малые и великие события представлялись несравнимо интересней, нежели то, что излагалось в учебнике. Требуя знаний осмысленных, он задавал на дом “рассказы по иллюстрациям”. Андрей с увлечением сочинял новеллки, в которых героями были исторические личности. Когда же попал на районную олимпиаду, вернулся оттуда победителем, с наградой — томом Пушкина!

А на весенних каникулах вместе с учителем отправился он уже в Ростов. Там безоговорочно первенствовали горожане. Михаил Ефимович, добившись разрешения, ознакомился с “работой” Андрея и оспорил решение комиссии, поскольку тот блестяще выполнил задание. Но, по всему, триумфаторов в облоно “утверждали” заранее.

Накануне выпускных экзаменов произошло нечто немыслимое! Михаила Ефимовича исключили из партии, сняли с должности директора. Молва разносила: он осмелился написать в ЦК КПСС послание, в котором доказывал, что Сталин, совершивший многие просчеты и ошибки, не заслуживает такого враждебного отношения, которое насаждается в народе после XX съезда. Реакция из Москвы последовала незамедлительно...

Остался в памяти и сам экзамен. Михаил Ефимович был задумчив, простуженно кашлял. И слова Андрея воспринимал отвлеченно. Ерошил ладную редущую волосы, поглядывая в окно на цветущие кусты жасмина.

— Довольно, — прервал Михаил Ефимович его ответ. — Хочу задать дополнительный вопрос. Выскажи собственные соображения. Как ты, молодой, относишься к Сталину?

Андрей растерялся. Он знал о крамольном письме. Но и помнил выводы, которые были в учебнике и не раз повторялись учителем! И потому подверг бывшего вождя осуждению за “культ личности” и репрессии. Михаил Ефимович устало снял очки, протер их платочком, глянул исподлобья подслеповатыми глазами.

— Заслуживаешь “пятерку”. Только вот что... Заруби себе на носу! Историю делают не только великие личности, но в равной степени и простолюдины. Диалектика, братец ты мой. Сколько людей, столько и мнений. А историческая наука отнюдь не догма, — и, усмехнувшись, он поднял взгляд на фотопортрет Хрущева, висящий над доской. — Кому-то всё ясно. А вот я сомневаюсь. Так до конца и не разобрался...

На выпускной вечер Михаил Ефимович пришел в пиджаке, увешанном фронтовыми медалями и орденами. И, выпив с Андреем шампанского, объявил свою недомолвку. С именем Сталина он, до ранения офицер-артиллерист, а затем контрразведчик, прошел войну.

— Да, при его попустительстве разворачивались репрессии, страдали и погибали невинные. Это так. Но обрати внимание: на медали “За Победу над Германией” — барельеф Сталина. Все мы, фронтовики, носим ее на левой стороне. Возле сердца...

Андрея это ошеломило: преподаватель из собственного опыта вынес одно, а учил другому, согласно министерской программе. Впрочем, Михаил Ефимович всегда поощрял школьников мыслить самостоятельно. Но души своей не открывал. Наверно, обжигался прежде. Да и сказывался фронтовой путь. Предателей на войне хватало!

Уже на следующий год, когда Андрей был первокурсником пединститута, изображения “кукурузолоба” повсеместно заменили портретами чернобрового Брежнева. И доцент на коллоквиумах стал упоминать о заслугах Верховного Главнокомандующего в Победе. И вышло, что недаром сомневался Михаил Ефимович, — неполная, выгодная “для кого-то” правда была в учебниках! И не может быть одной, неоспоримой истины...

Из открытой кабины фуры загрохотала восточная оркестровая музыка, включенная на всю громкость; перекикивая ее, вознесся голос певицы, вероятно высокий и жалобный...

Недолгий отдых прибавил сил. Андрей Петрович вылез из машины, проверил колеса. И невзначай заметил, как спикировал с вяза воробей к хлебным крошкам, подпрыгнул бочком и стал подбирать. Чиркнув, к нему спустилась молоденькая воробьяха, с нежно-серым бархатцем оперения...

И вспомнились ночи, когда с ватагой казачат шастал он по заснеженным улицам от одной хаты к другой, где под застрехами ночевали воробьи. Луч карманного фонарика скользил вдоль камышин или деревянных коробов, ища светло-палевые замершие комочки. Там, где позволял рост, несмышлениши протягивали ладони с растопыренными пальцами и... До сих пор помнится трепет пойманного воробьишки, стук его маленького сердца! Они же, сорванцы, чем больше залучали птиц, тем больше веселились, предвидя, как будут заискивающе становиться на лапы их коты. Но в их многодетной семье из этих самых пойманных птиц варили суп. Небогато жили донские колхозники в середине пятидесятых. Прокормить вдове троих мальчишек было нелегко: питались с огорода да чем Бог пошлет. Дядьки, бывалые фронтовики, страшавшие мальчишек за птичьи разоры, братьев никогда не трогали...

Дивясь смелости придорожных птиц и стараясь не спугнуть их, Андрей Петрович постоял с грустной улыбкой, добавил на землю крошек и вновь сел за руль. Взглянул на панельные часы-кругляшки: близился полдень. И оставалось всего треть пути...

Через час он уже въезжал в Мазуринскую. С трудом угадывалась станичная улица. Особенно в несколько этажей высились по соседству с приземистыми белеными хатенками и краснокирпичными домами брежневской эпохи. Заборы также отличались разнообразием. Трехметровые, облицованные плиткой, похожие на крепостные стены, примыкали к частоколам; кованые железные ограды то и дело сменялись дощатыми изгородами, старинные каменные валы чередовались с заплатами из бревнышек. По одним ограждениям можно было судить, какими разными стали люди за полтора десятка лет, как размежевались их судьбы.

Андрей Петрович остановил машину у коттеджа Лукьянченко под зеленой металлочерепицей. Усадьбу скрывал прочный еврозабор. Лишь сквозь решетчатые ворота видно было, как по уложенному плиткой двору колесил на велосипеде мальш вблизи блондинки, читавшей в кресле глянецвый журнал. У бывшего хуторского дружка, а затем приятеля по школе, помнилось, росли две дочери. Обе светловолосые, глазастые. И эта поборница “гламура”, похоже, была одной из них.

Держа в руках ведро с айвой, Андрей Петрович приблизился к воротам, украшенным вензелями. Колокольчик мелодично рассыпал трель. Красотка оглянулась. Приезжий снова подал сигнал. Откуда-то из глубины двора выскочила, засемила ладная женщина в рабочем халате.

— Вам кого? — спросила, прищуриваясь.

— Я приятель Василия Ильича по школе.

— А-а... Они отдыхают.

— Приехал издалека.

— И не просите! Вас много, а Ильич один.

— Тогда передайте, что Бакланов спрашивал. И вот это, — Андрей Петрович приподнял ведро.

Прислуга нехотя открыла калитку, велела подождать. Но не успела скрыться за колонной, как показался сам хозяин, — рослый, вальяжный, бритоголовый — точно босс из “энтэвэшного” телесериала! Мягко струился на его холемом теле голубой спортивный костюм. Он шествовал, слегка улыбаясь, блестя золотыми дужками очков...

— А я смотрю в окно: кого принесло в такую жару? А это — отличник просвещения! Да еще со своей ставропольской экзотикой, понимаешь... — начальственным баском пощучивал Василий Ильич, пожимая руку и отклоняясь назад, как бы давая понять, что не поощряет сантиментов. — Ну что? Жизнь отучила вирши сочинять? А машину, гляжу, так и не поменял...

Хозяин посмеивался, провожая гостя в глубь двора. Но веселость его, как ощутил Андрей Петрович, была несколько нарочитой. Проходя мимо дочери, он приостановился.

— Моя старшая, Людмила. Английская буржуазия эксплуатирует в представительстве табачной фирмы как экономиста. А на трехколёске — внучок, Мартин. Видишь, какие виражи пишет!

Зеленоглазая красавица, бегло взглянув, снова уткнулась в журнальчик. Василий Ильич завел гостя в беседку-ротонду, в которой устоялся запах изабеллы и муската. Без всякой подсказки та же домработница принесла поднос с фарфоровым сервизом и угощением — конфетами и круассанами. А хозяин продолжал чеканить фразы, собственноручно разливая чай по китайским чашкам.

— И мы, большевики, нужны новоявленным буржуйам. Консультирую их иной раз... Покрепче? Или нельзя? А я не отказываю себе, хотя и гипертоник. Раиса! Принеси бутылочку виски. С черной наклейкой. Ты как?

— За рулем.

— Дам свою визитку! На территории района ни один гаишник не тронет.

— Чаек в самый раз... Не знаешь, как моя бывшая жена? Марина...

— Честно скажу, не знаю. Помнится, лет... семь назад твоя дочка кредит у меня оформляла. Передавала привет от матери. Раскрутилась твоя Наташка с ростовскими мафиози на купле-продаже земли. А “крышуют” их

москвичи. Во-первых, красавица она. Во-вторых, девка умная и с характером. Слышал, в агрохолдинге сейчас заправляет. Вы что, не контактируете?

— К сожалению, нет.

— Почему? Дочкой надо гордиться. Кровь-то родная. Похожа на твою мать, тетю Лену.

— Оправдываться мне не в чем. Поверь, я всё делал, чтобы отношения сберечь. Но поезд шел в одну сторону... Пока маленькая была, переписывались. Я приезжал сюда. И Марина поощряла нашу дружбу. Но... характер у Натальи сложный.

— На то она и казачка! Сделай шаг первым. Узнай телефон. И позвони! А хочешь, я спрошу ее номер у директора элеватора?

— Буду благодарен.

— Ну-с, чем занимаешься? Небо городское коптишь?

— Числюсь в стоматполиклинике электриком. Хотя делаю всё подряд. И мебель ремонтирую, и установки, и траву кошу на газонах...

— И это ты, отличник просвещения Российской Федерации? Разнорабочий?

— На мою учительскую пенсию, Василий, лекарств не накопишься... Сын наш далеко. Одни с Аллой. Она тебя в пример ставит. Упрекает, что в райком не пошел, когда звали...

— А что упрекать? — поморщился хозяин и отхлебнул чая. — Ты рожден “сеятелем знаний”. А я другого замеса. Поработал в школе математиком и понял, что не моё... Управлять людьми — высочайшая наука! До сих пор номенклатуру ругают за привилегии. Но сравни, как тогда жили и что теперь! Прежде справедливость хоть как-то соблюдалась. Опора была на чело- века труда. А сегодня? Два полюса: олигархи и презренная чернь.

— Величайшую в цивилизации империю — Византийскую — погубили именно олигархи. Западноевропейским купцам доверили вести торговлю, а предатели из местной знати разворовывали страну.

— Наши — круче! Ты, к слову, не член КПРФ?

— А ты?

— Упаси Боже! Социалист-протестант. С правым уклоном.

— И я не против богатых. Я за то, чтобы бедных не стало... Жаль, у молодежи — потребительская психология. Но в “кремниевой долине” хлеб не вырастишь и совесть не пробудишь. Компьютерная революция не решит проблем. У такой России незавидное будущее.

— Будущее — это дети и внуки... То, о чем разглагольствуем, от нас не зависит.

— Я отношусь к истории серьезно. Для меня она — фундамент... Об этом и у Карамзина: “Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье”.

— Полная утопия! У нас это “не катит”, как сейчас говорят. Вообще молодым история Отечества “до фени”. Многие слыхом не слыхивали, какую такую Победу мы отмечаем 9 Мая!

— Наша извечная беда в том, что отрекаемся легко и беспощадно. За последний век сколько раз предавали! Сначала царя низвергли, затем, в гражданскую, отказались от воинских присяг и убивали однополчан. В тридцатые не друзей ли, партийных соратников, предавали анафеме, чтобы удержаться у власти? В Великую Отечественную тысячи красноармейцев служили в вермахте... Потом “культ личности”, смещение Хрущева... Горбачев, могильщик Союза... Наконец, ельцинский переворот, расстрел Думы...

— Дialeктика, милый мой. Закон отрицания отрицаний... — поучительно заметил бывший партиец.

Домработница принесла на серебряном подносе бутылку с желтоватой жидкостью, два бокальчика и нарезку рокфора. Хозяин плеснул гостю, себе налил до краев и, склонясь, заговорщицки прошептал:

— Пусть мы не гусары, но и не старцы, понимаешь. У меня подруга в налоговой на двадцать лет моложе. Я ее “наложницей” зову... За встречу!

Андрей Петрович, не выказав особого восторга, подождал и перевел разговор.

— Заехал к тебе по дороге в Бариловку. Наследство объявилось.

— И большой куш?

— Теткино подворье на хуторе Майском.

— Глухомань. Жаль, что завещал не дядька миллионер, проживающий в Америке или Канаде...

— Да, недурно было бы! — засмеялся Андрей Петрович.

— Заночуешь у меня? Видишь, какой дворец воздвиг!

— Прежним принципам не противоречит?

— Наоборот! Живу в условиях, близких к коммунизму. Тебе легко явить. А побыл бы в моей шкуре... Вкальывал инструкторишкой райкома, заводделом, потом в обкоме. Дорос до первого секретаря в перестройку! Болтологией Горбач занимался, валил страну. А мы туалетное мыло и сахар на уровне бюро райкома делили! Анекдот... Большой приходит к врачу. “Что со мной? Всё, что до “перестройки”, помню досконально, а то, что после, — в голове белым пятном. Это, доктор, склероз?” — “Нет, что вы. Это — счастье!”... Ну, давай за коммунизм в отдельно взятом дворе! — Василий Ильич и второй раз вышил полный бокальчик, потянулся к свисающей кисти темно-розового муската. — Элитный. Слаще, чем у персидского шаха!

— А где же Зоя?

— Зоя Николаевна, мой друг, по Италии раскатывает. В турпоездке с внучкой. Людмила помогла. Муж ее у министра референт-помощник. Ну, и бизнесом занимается. А младшая, Нинок, врач-косметолог. В Ростове... Мы с Зойкой ни от кого не зависим. Хватает моей пенсии персональной. Недаром двенадцать годков денежками в банке ворочал... Рад, что заехал. Старый друг лучше новых слуг! Это — современная поговорка! Не слышал?... Алла твоя держится? Помню, выбивал ей путевку в Болгарию, как лучшей медсестре. А как готовила пироги с грибами! Шустрая она у тебя была, танцевальная...

— Прибаливает. Вспыльчивая очень. А в девяностом году в демократку перекрестилась.

— Твоя Аллюська?

— Портрет Ельцина на митингах таскала.

— Да-да... Смутные были деньки. Зомбировали народ! Я полтора месяца скрывался у дядьки, в Батайске... Рая! Отгони же ос! Туча кружит, — повернувшись к входу, рявкнул хозяин с начальнической вибрацией в голосе.

Прислуга точно бы материализовалась из зеленого затеня. Живо заплясала, вскидывая вафельный рушник в разные стороны, сбивая на лету и отпугивая сластолюбивых воровок. Лукьянченко строго наблюдал поверх очков.

— Молодец. Как пропеллером срубил. А теперь “спой, светик, не стыдись”.

— “Русское поле”? — охотно отозвалась Раиса.

— Давай про молодость!

У женщины оказался красивый распевный голос. И едва начала она песню, как бывший секретарь райкома в такт застучал ложкой по столу, подхватил:

И снег, и ветер, и звезд ночной полет...

Меня мое сердце в тревожную даль зовет!

— Нет, сегодня ты не в форме, — вдруг остановил он поющую. — Иди... Было время, Андриуша, — мечтали... А сейчас никуда уже не тянет, ни в какую даль...

— Мне пришлось уйти из школы по инвалидности. Тяжело дался крах державы!

— Да брось ты! Хрен с ним, с Союзом! Дорожи дружбой. Знаешь, что... Недавно я взял “БМВ”. А тебе, боярин, свою “Ниву” пожалую. С царского плеча. А?!

— Машину? — растерянно вымолвил Андрей Петрович.

— В хорошем состоянии. Белую. С импортной резиной.

— Не за тем меня сюда занесло! — отшутился гость, уловив в хмельной интонации приятеля нотку куража.

— Ты, Андрюшка, не выкаблучивайся... Я тебе не милостыню даю. Завтра позволю начальнику ГАИ, переформирую на тебя, заверим у нотариуса фиктивную куплю-продажу. Налоги беру на себя.

— Ты вправду? Или по пьянке? — уже серьезно спросил Андрей Петрович, заподозрив прихоть захмелевшего приятеля.

Василий Ильич обернулся, — нет ли кого рядом, — и понизил вдруг голос:

— Ты не смотри, что я веселый... Рак у меня, Андрюшка, третьей степени... Правое легкое, сволочь, рвануло! Повторный курс “химии” прохожу. Короче, время сочтено... Я тебе первому об этом говорю... Никогда не просил. А сейчас прошу поклонно! Это мне нужней, чем тебе. Много накурлесил. Часто забывал о близких людях... Будешь ездить и — обо мне вспоминать!

— Почему же ты не сообщил об этом родным? Нечестно по отношению к ним...

— Раскиснут заранее... — скороговоркой произнес хозяин. — Люську фирма на два года командирует в Бразилию. Зоя через месяц в Москву перебирается на присмотр внуков. Младшая дочь да Раиса меня досмотрят...

— А выглядишь неплохо. Может, обойдется? И виски пьешь.

— От боли... Еле отправил Зойку, чтоб не догадалась. Я в последнее время Пушкина перечитываю. Помнишь, Ибрагим уехал, не простившись со своей француженкой. Так и у меня не хватает духу признаться жене...

Он с внезапной тревогой оглянулся. Людмила, прежде говорившая по мобильнику как бы сама с собой, пересекла двор раскованно-летучей походкой.

— Венеция! — объявила отцу, с улыбкой подавая изящный красный телефончик.

— Ау! Легкая на помине, Зоенька. Только что говорили о тебе с Андреем Баклановым. Да, у нас. Передаю горячий привет тебе и — обратно... Откуда звонишь, с площади Сан-Марко? Знаю. Гулял там. Корм для голубей по евро или подорожал?

Путешественница что-то рассказывала, а Лукьянченко улыбался, вскидывал брови, хмыкал, порываясь возразить. Наконец, вернул “игрушку” дочери, тут же удалившейся.

— Значит, ночевать не остаешься... А куда спешить? Ты пойми, что нет “сельского района” в прежнем понимании. Отдельно земля, отдельно агрохолдинг, отдельно — администрация и население. Рядом с нашим хутором руду нашли. Немцы будут комбинат закладывать. По-моему, документация на согласовании.

— Василий, ты очень дорог мне. Но, извини, я не приму машины. Есть в этом что-то холопьье... Понимаешь?

— Не понимаю. И не пойму! Если считаешь меня настоящим другом, то любой подарок твое самолюбие задевать никак не может. Если, конечно, считаешь...

— Я уже сказал.

— Тогда давай паспорт... Рая! Откопируй на ксероксе!

Солнце, перевалив через купол беседки, сбоку осветило воцанистые виноградные листья, крупные гроздья (карминного теперь) муската. Андрей Петрович все более испытывал беспокойство, не позволяющее соглашаться с тем, что не радовало, казалось принужденным. И, пряча в барсетку паспорт, возвращенный Раисой, признался:

— Все-таки неловко... А как отнесутся твои родные?

— Дочери — люди обеспеченные. Можно сказать, богатые. А Зоя будет в восторге... Знаешь, когда гнул жизнь под себя, думал, что суть не в смене формаций, а в натуре человека. Пришлось со всякой нечистью якшаться, в клюв по куску сыра давать! Гордился тем, что я — человек состоявшийся и способен на сильные поступки. А теперь, на краю бездны, по-другому всё

представляется. Ничего не надо, кроме здоровья и окружения родных, — с откровенной болью вымолвил приятель и опустил глаза.

Молча и медлительно они потянулись к выходу. Мимо крыльца, мимо гонявшего мяч Мартина, мимо задремавшей в кресле очаровательной москвички. Оба ощущали подступившую неведомую грусть. Перед калиткой Андрей Петрович обернулся, выдержал испытующий взгляд хозяина.

— Есть восточная притча, — сказал он со вздохом. — Конфуций застал как-то двух спорящих мальчиков, которые попросили его рассудить, кто из них прав. Первый говорил, что солнце ближе всего к Земле на восходе и закате. И приводил пример, что предметы с увеличением расстояния уменьшаются, — так это происходит со светилом, когда оно в зените. Второй же утверждал, что солнце именно в зените ближе всего к Земле, потому что в полдень становится нестерпимо жарким, а на зорях оно прохладнее. “Разве, приближаясь к огню, мы не испытываем усиливающийся жар?” — спросил этот мальчик. Конфуций выслушал их и ничего не ответил. Оба заблуждаются. Оба по-своему правы...

— Да, родились в одном хуторе, учились в одной школе и работали вместе, а прожили по-разному! — заключил хозяин, напоследок пожимая руку. — Завтра, Андрюшка, увидимся. Когда поедешь к нотариусу решать свой вопрос, обязательно позвони мне на мобильный.

4

На знакомом перекрестке Андрей Петрович свернул с трассы, надвое пересекающей район. Желание увидеться с Мариной и разузнать об их дочери одолело все сомнения и домыслы.

На том месте, где прежде в курене бабушки жили они с Мариной, небо подпирал замок, наполовину скрытый кирпичным забором. Сверху смотрел глазок видеокамеры. Неужели в этом доме живут Марина и его дочь?!

Он, сбиваясь с шага, взволнованно подошел к металлической двери и нажал на кнопку переговорного устройства. Весь обратившись в слух, ожидал, что сейчас отзовется Марина. Но в динамике щелкнуло, мужской голос промямлил нечленораздельно, с акцентом:

— Что хотели? Ну?

— Марину Сергеевну могу я видеть?

— Нет у нас такой! Давно уехала, да...

Раздумывать было некогда. Неподалеку жила семья Самусенко. Михаил, помнилось, вёл физику, а жена, Тамара, кухарила в школьной столовой.

Андрей Петрович сразу нашел их домик, в котором бывал когда-то. Во дворе пожилая женщина граблями ворошила кучу золотистых кукурузных початков. Прокаливала на солнце. Она вопросительно замерла, когда напротив остановился “жигуленок”.

— Не узнаете? Я в школе работал, Бакланов. Муж дома?

— Заходите! Жарища неподобная... Мишенька! Гость к нам, — звала, вытирая руки о фартук, миловидная хозяйка. — Заодно и пообедаем!

— Только от стола, — улыбнулся Андрей Петрович, становясь в тень развесистой груши. — Я на минутку.

По деревянным ступенькам спустился не ухарь с богатырским развалом плеч, а по-мальчишески сухопарый грустноглазый старичок. Он признал гостя тотчас, приветливо бросил:

— С приездом, Андрей! Что привело?

— Хочу узнать, где Марина, бывшая жена.

— Да как похоронила мужа, уехала к дочке, — отозвалась Тамара и подступила ближе. — Сергей, даром что шофер, а на все руки был мастер. На гармонье играл. Во всем Сергеевне уступал...

— Я знаю...

— От давления помер. А Наташка забрала мать в Ростов. Ох, и натурная она у вас! — с затаенным восхищением сказала Тамара. — Смалочку своевольничала, а повзрослела — и подавно! Некому было приструнить.

А дорогу в жизни сама себе пробила! Была этой, как его... “челночницей”. Потом замуж вышла за “крутого”, его посадили, а в тюрьме порешили... Наталья дела приняла, продолжила. Плакала Сергеевна, жаловалась. Отговаривала Наташку, да куда там! Та-акая отчаянная, что и на тигра кинется, если ее тронет. Неподобная! Теперь депутатом от нашего района. Миллионерша! Частным банком заправляет и по сельскому хозяйству. По телевизору на днях выступала.

— А Марина?

— Внучку воспитывала. Уменьшечка девочка, здесь она и училась, пока мать не забрала. До самого отъезда Сергеевна работала. Днями в классах, а ночами — за тетрадками. Цветы, как на выставку, разводила. Майорки и дубки от нее завела. И розы перенесла, когда чеченцы курень рушили... Отзвучившая была. Ветеранов опекала. А какая рукодельница! Красками картины рисовала... Не раз вспоминала о вас... Адресок ее у меня записан. Правда, в этом году открыток от нее почему-то не было. Сейчас я напишу вам...

Несмотря на все отговорки, Самусенко усадили бывшего коллегу за стол, раскололи спелый арбуз. Как выяснилось, и физик уже второй год не преподавал.

— ЕГЭ — диверсия, — горячился Михаил, рубя по воздуху ладонью. — Нам навязали на погибель эту бабу-ягу компьютерную! Кажется, элементарно просто: заучи и дай ответ. А на самом деле школьников превратили в придаток машины. Оценка зависит не от мыслительных способностей, а от зубрежки. Этот экзамен-представление практически не контролируем. Взятки из институтов переместились в районы. Об этом знают все! Стопроцентные баллы — в горных аулах...

— В нашем крае учатся тысячи студентов из республик. Не знаю, что будет дальше. Весной, в Страстную пятницу, юные джигиты устроили свои ритуальные пляски возле Казанского собора...

— Спешем на молодость. И будем надеяться на... толерантность, — печально произнес Михаил и спохватился. — Погоди, кое-что прочту!

И принес из дома исписанный лист. Водрузил на переносицу массивные очки.

— Недаром предупреждал Макс Вебер. “О своем учителе американский юноша имеет вполне определенное представление: за деньги моего отца он продает мне свои знания и методические принципы, точно так же, как торговка овощами продает моей матери капусту”. Узнаешь концепцию господина Фурсенко? У нас искореняется само понятие “учитель”, утвердившееся еще при Ушинском.

— Его “переформатируют” в торговца знаниями, — подтвердил Андрей Петрович. — Бедный русский язык...

— А нравственная миссия? Избиения учителей старшеклассниками... Слава богу, мы не доработали до такого позора... Школа начинается с дисциплины, которую отвергли в угоду богатым маменькам и папенькам.

Беседа, захватившая Андрея Петровича, прервалась нектати: Михаила вызвал сосед помочь перенести мебель. Старые приятели обнялись. А хозяйка, завернув в бумагу пирожков с картошкой, сунула их в руки гостя и проводила до машины.

— Сдал Миша за лето. И курит, как паровоз, — жаловалась Тамара. — Спасибо, что заехали. Хоть отвлекли... Будете писать Сергеевне, привет передайте. Считай, всю жизнь соседствовали. А ведь мне она как-то намекнула, что забыть вас не может...

День сонливо цепенел в полуденном зное, и в салон автомобиля, учуяв аромат айвы, влетела настырная оса. И флейтовую свою песнь рядом, в крохе белоствольного осокоря, терпеливо доневала иволга...

Андрей Петрович простился и медленно поехал к выезду из городка. Смотрел, смотрел на дорогу, а видел перед собой милое лицо, припоминал самый звук её речи. Годы существовала Марина в его воображении — стройная, с гривкой волос, достающей до лопаток, с чувственным изломом губ.

— Значит, и она меня помнит...

Андрей Петрович не узнал своего голоса — так прозвучал он высоко и сокрушенно. Боль покаянная вновь ужалила сердце. Вот ведь как! Два человека, столь необходимые друг другу, жили разлученно, поздно. И виновник этому — он, не устоявший когда-то перед соблазном... Значит, на самом деле, подступала старость, — становился ощутимей бег времени. Охотно вспоминалось о давнем. И Марина снова властвовала в памяти...

5

За станицей потянулись знакомые до бугорка, до ложбинки холмистые поля. Слева, с западной стороны, точно вырос гористый кряж, маяча бурыми пожухлыми склонами и меловыми распадками. Солнце влекло короткую тень впереди машины, по новому асфальту, еще отдающему гудроном. Всё вокруг сливалось в одно короткое слово: родина. В этом краю казачьем начат его земной путь. А где прервется и когда? В неведении последнего мига, пожалуй, и таится особая мудрость мироустройства...

В открытое окошко врывается горячий воздух, неся душные осенние запахи. Он едва охлаждал потное лицо и шею. Знойное марево дрожало по горизонту, изнуряя землю. К насыпи дороги, пугая взгляд, серыми гадоками сползались трещины. Блеклые, с детский кулачок, свисали шляпки подсолнухов, до срока обеспложенные суховеем. Сиротски выглядела кукуруза, малорослая и сутулая. И в атомный век земледелец зависел от природы-матушки. Поволжье измучила засуха. Пожары прокатились по лесам исконной Руси. Жарынь загостилась и на Дону. От бескормицы гурты коров прибивались к дорожным насыпям, выщипывали в бурьянах молодую травку и стебли озими, возросшие самосевом.

Дюжина буренок паслась в низине, куда нырнула дорога. И взгляд Андрея Петровича выхватил степняка, опирающегося на палку с тряпкой. Вблизи оказалось: на древко с выгоревшим алым полотнищем, украшенным серпом и молотом, — флагом Советского Союза.

Пастух на призывный окрик обернулся. Он походил на казака-разбойника, — густая пегая щетина пощадилась лишь нос да глаза, бурвчиками сверлящие из-под соломенной шляпы. Из “бермуд” цвета хаки торчали худые загорелые ноги. Выгоревшая серая майка была мокрой от пота.

— Что орешь? Твое какое дело? — взревел он, выслушав обличительную речь. — Теперь это — сигнальный флажок. Разворачиваю, когда стадо дорогу переходит.

— Это же стяг великой державы! — выкрикивал Андрей Петрович, стоя у машины. — Вы родились и выросли при советской власти. И так поступаете...

— Отцепись, дед, пока не послал... Флаг достался мне от колхоза. Я его к делу преминул.

— Надо уважать государство!

— Какое? Старое или новое? — подхватил пастух. — А за что уважать? Колхоз разворовали. Земельные паи курвина адвокатша оформила на себя и сгинула. А мы остались с воздухом одним! Весной выбрали директора сельхозпредприятия, а суд решение отклонил. Я семнадцать лет механиком проработал на свиномкомплексе. А теперь, с образованием, коровам хвосты кручу. Не брешешь, чтоб не узнавали... А ты распинаешься!

Хуторянин вскинул древко на плечо, распутив по ветру полотнище, и широкошаго, как на демонстрации, потянул вдоль дороги. И брань его далеко разнеслась по степи, затененной кучевыми облаками.

С высокого увала открылись речная долина и — островками садов и хат, линиями улиц и аллей — три хутора по берегам. Бариловка ютилась в подножье холмов, заслоняющая ее от северного ветра, а крайней улицей, с востока, вплотную прилегала к речке Лазорихе. Сердце радостно дрогнуло. Непостижимо, отчего такой властью обладают места детства...

Странно повело машину, она вильнула к обочине, и Андрей Петрович ощутил, как закружилась голова и обмякло тело. Он сбросил газ, на “нейт-

ралке” скатился с косогора к лесополосе. Наверняка поднялось давление. И сердце колотилось как загнанное! Сказывались, конечно, и жара, и нагрузка — шесть часов за рулем. Он путался в названиях лекарств, ориентировался по упаковкам. И сейчас привычно принял зеленую таблетку, запив нарзаном. Точили горло приторно-терпкие запахи паслена и амброзии, джунглями вставшей вдоль огорода. На нем внаклонку работали женщины. Вкрадчиво шумели высокие, сквозящие листвою ясени, под которыми укрылся “жигуленок”. Осенняя степь жила своей неизменной испокон веку жизнью: отдавала возвращенное людьми и — пустела, раскрывалась, тихо готовилась к холодам.

Андрей Петрович вспомнил совет врача думать о хорошем, когда прихватывает сердце. И сразу же перед взором предстал образ матери, — неизяснимо дорогой, ласковый, озаряющий мир. Она помнилась и молодой красавицей, и седеющей, статной, с морщинками у глаз, и совсем старенькой, с палочкой. Материнская любовь, конечно же, Божья милость и благодать. И пока была жива мама, всё у него, единственного сына, ладилось. А в девяносто первом потерял ее — и будто земля ушла из-под ног...

Прикрыв повлажневшие глаза, он подождал, пока станет легче. Прикинул, куда поедет рыбачить. Пожалуй, в Бирючий лог, на старицу. Именно туда они приезжали вдвоем с Мариной, позже работали в пионерском лагере...

И снова представилась она! Не всеобъемлюще, как мать, а удивительно ясно и осязаемо — какой запомнилась в час первой встречи...

Он встретил Марину как раз в ту пору, когда жизнь впереди казалась неоглядной, полной счастливых открытий и свершений. Он мечтал о славе историка, напряженно обдумывал, как совершенствовать обучение, следуя методу Михаила Ефимовича. Но все новшества сразу же пресек завуч, орденосец Великой Отечественной и последователь Макаренко. Он потребовал неукоснительного выполнения стандартной программы. Ни шагу в сторону! Всё же Андрей тайком экспериментировал, использовал редкие исторические источники.

...Девушка вошла в учительскую февральским утром, стройная, сероглазая, с румянцем на щеках, в шубке и белой вязаной шапочке, из-под которой торчали косички с бантами. Не учительница, а старшеклассница! Андрей ощутил, как замерло в груди при появлении красавицы, — и неотрывно смотрел на нее, улыбку.

В этот день Марина Сергеевна, как представила ее директриса, была предупредительно вежлива, собрана. И в мягких жестах, и в полнозвучном голосе таилось нечто привлекающее. Взоры педагогов, опытных душеведов и насмешниц, потептели, — несомненно, в коллектив “впились” не выскочка, которую нужно приструнить, а умная и обаятельная выпускница университета. Ее первые уроки литературы, посетив лично, похвалил даже завуч, чего не делал уже несколько лет.

А у Андрея, опытного присутствием той, о ком мечтал с юности, — прелестной, покоряющей искренностью и энергией женщины, — озарилась душа радостью, как если бы открылась перед глазами алеющая заводь лазориков — священных казачьих цветов.

Он стал бриться с особым старанием, пользоваться только что появившимся польским “Варсом”, купил два галстука и пиджак из кожзаменителя. Увлёкся сочинением любовной лирики.

Марина не сразу уловила его особенное расположение, — вовсе не деловое, неуловимо сближающее. И ответно была с Андреем дружелюбна. Оба они знали, что находятся под надзором старых перечниц, и стойко сносили их придирчивость, как бы не позволяющую ничего предосудительного между коллегами. Но душевная смута не покидала его, когда Марина была рядом. По взглядам, по интонации голоса он пытался разгадать сокровенные ее желания и мысли...

... — Дядечка, чи ты в Бариловку? — раздался неподалеку голос, и слышались шорохливые шаги идущих по сухотравью.

Андрей Петрович выглянул из машины. Три хуторянки — каждая с пол-

ным ведром помидоров — вышли из лесополосы. Посередине шла пузатая, полнолицая цыганка в красной косынке, повязанной по-пиратски. Слева от нее семеняла скуластая дамочка в рыжей футболке и пятнистых шортах. А третья — подвижная огородница в кофточке и трико, с лукаво-веселым выражением глаз-пуговок и красным носом.

— В Бариловку, — подтвердил Андрей Петрович, с любопытством разглядывая хуторянок.

Черным магнитом притянули глаза цыганки, она остановилась и шаркнулась назад.

— Ой, дядька! Я с тобой не поеду. Что-то с тобой будет нехорошее... Не знаю точно... Сама дойду!

А подруги не побоялись. Уселись в машину, посмеиваясь над гадалкой. Однако слова ее не на шутку растревожили Андрея Петровича. Прежде с недоверием относившийся ко всем предсказаниям, на этот раз он почему-то вздернулся.

6

За пять минут езды хуторянки прожужжали уши! Рассказали и о предстоящем собрании пайщиков, и о борьбе за уголья бандитских кланов, и о беззаконии, чинимом райадминистрацией, и о повальном пьянстве молодежи.

Он высадил землячек у магазина-развалюхи, откуда рукой подать до Дома культуры. Возле него уже стояли машины и мотоциклы. Даже две подседланные лошади дремали, привязанные к Доске почета, на которой вместо фотографий пестрели объявления. Кучка мужчин, гомоня, курила на ступенях. Наверное, брат тоже был там.

У обочины кудрявая девчушка пасла на лебеде индюшат. И заодно продавала дыни, сложенные курганчиком.

— Почём товар? — спросил Андрей Петрович, выглядывая из окошка.

— Сладющие! Аж губы липнут! — протараторила замазура с перенятой у взрослых интонацией. — По червонцу прошу!

— А почему не расчесана, не умыта? В школу ходишь?

— А ну ее! Надоело! — пожаловалась пастушка, морща нос. — Как мамку посадили в тюрьму, так и бросила. Лучше играть с братиком и бабушке помогать...

Озорная и доверчивая улыбка взяла за душу — Андрей Петрович наставительно сказал:

— Ты ошибаешься. Дети должны учиться! Чтобы стать грамотными людьми.

— Лучше певицей быть из “Блестящих”! — выпалила девчушка. — Или почтальонкой. У нее денег полсумки, когда пенсию приносит... Вам какую?

— Любую.

Вероятно, по наущению бабушки (коль покупатель не привередлив), маленькая плутовка подала дыньку самую неказистую. И, зажав в ладошке мелочь, помчалась к приземистой халупе, у которой наблюдала, подбоченясь, крупнолицая тетка. Андрей Петрович видел, как пастушка передала выручку и пустилась обратно. Всё восстало в нем: и жалость к оборванной девочке, и гнев за безразличное отношение родных, и боль за страну, ставшей такой...

И он стремительно пошел было по лебеде к хате, но вскоре осадил себя. Это прежде слово учителя имело вес и уважение... А теперь...

Родное подворье, проданное беженцам из Карабаха, неузнаваемо преобразилось. К дому достроили тамбур. Крыша блестела профнастилом. Дощатый забор закрыл крыльцо. С волнением ступил Андрей Петрович на спорыш, выщипанный утками. Старая вишня-рогатуля маячила верхушкой с огородной межи. Вспомнилось, как сажали ее с отцом... Сколько раз уезжал он отсюда и возвращался! Сколько пережито здесь и потеряно! Этот кусочек донской земли был для него центром планеты! Был... А сейчас раздавалась тут непонятная речь, плакал младенец. Разочарованно кольнула сердце, точно ошибся адресом...

Вот он, сначала пологий, а затем все более крутой подъем с полосой асфальта, ведущей к хуторскому кладбищу. Взгляд как-то сразу охватил на всхолмье это сонмище остроконечных железных оградок, кустарников и крестов, памятников, украшенных пластмассовыми цветами, веночками; между могил — бурьянную дурнину, лохмы конопли и польные стежки. Погост, однако, разросся невероятно. И, выйдя из машины, исподволь поддаваясь той щемящей тоске, которая овладевает на кладбище, Андрей Петрович сделал крюк, прежде чем нашел две спаренные металлические пирамидки с крестами, выкрашенные серебрянкой. Глаза скользнули по ним, различили фамилии и замутились... Он плакал, будто заново переживая потерю родителей, ощущая свое сиротство, безвозвратность всего... Когда-то и его утеснят в обтянутый тканью гроб, забьют крышку гвоздями и опустят в вечный мрак...

Андрей Петрович смахнул слезы, трезвея от ужаса представившегося, и огляделся. Гробнички поросли выгонками сирени и травой. Никто не появлялся здесь с пасхальных дней. Он вернулся к машине, взял нож и под корень вырезал побег. Тяготило, что приехал с пустыми руками, хотя и мог купить цветов в станице. Впрочем, суть не в условностях. Главное, что приехал он сюда и уедет не с пустым сердцем...

Андрей Петрович подъехал к аржановскому куреню, вылез из машины, захватив пакет с айвой. Солнце дробилось в кроне вербы, парусящей на ветру. Из палисадника тянуло календулой. Андрей Петрович подошел к калитке. И тут же попятился, заметив овчарку. Она с разбегу шибанулась о планки, вздыбилась, щеря пасть. Однако покорно отскочила, услышав зов хозяина:

— Пальма, цыть! В будку! Кто тут?

Согбенный, подряхлевший дядька Аким, шаркая калошами, вышел из-за временки...

— Дядь Аким! Неужели не признал?

Старик закрыл собаку в будке и поковылял навстречу. Нemoщ остано-вила его на полпути, он ухватился рукой за ветку яблони.

— Голос знакомый... Зараз глазами обнищал.

— Да я это, Андрей! Родно встречайте!

— Андрюха? Приехал, растудить его мать! Ну, заходь. Собачку не бойся. Один чи с бабой?

Обнялись и по-казачьи троекратно поцеловались. Вблизи выглядел дядька еще жалче — морщинистый, беззубый, бледный. Огорчило и выражение глаз его, поделеповатых и как будто недоуменных. Держась за руку, дядька повлек гостя к столу под яблоней. Заученным жестом нашарил на нем пачку “Нашей марки”, вытряхнул сигарету, прикурил от пластмассовой зажигалки, на шнурке висящей у него на шее. Усадил племянника рядом на табурет.

— Вот какой я, Андрюха, теперича! Обжников! Ноне на этом свете, а завтра неведомо... Дашу, супружницу мою, третий год как поховали... Рак замучил... — старик прослезился, рукавом рубашки стал вытирать, шурша щетиной, лицо. — А тут и Танька, ее сеструха, отмучилась. Задержался только я. Один на весь хутор фронтовик... Ты голодный? Нагреть борща?

— Молочка бы домашнего.

— Оно у нас завсегда домашнее, — засмеялся, вдруг изменившись в настроении, старик. — В холодильнике стоит, в кухне. Пей сколь хошь.

Андрей Петрович налил из бидончика холодного отстоявшегося молока полную кружку. Выпил его, слегка отдающего польноью, жадно и всласть.

— Наши на собрании, — поведал дядька, когда Андрей Петрович взбодренным вернулся во двор. — Хуторцы митингуют, не отдают землю. Депутата вызвали. Чистая революция! Да-а... А какой же ты есть? Дюже потолстел?

— Наоборот, похудел. Сердце барахлит.

— Это учительство выходит. Внукова жинка, Лариска, химии обучает. Кажин день плачет! Не детки пошли, а чертячи выродки. Прямо на уроках матюкаются, дерутся, пиво пьют. А главное, к учебе без внимания! Оно и понятно, зачем голову ломать, коли ценят не по знаниям, а по доходному месту? Гибнет младежь. Тыняется, не ведая, как силы приложить. Ну, Бог с ним... Ты, должно, и не ведаешь, что Ваня при одной ноге?

— Как — при одной?

— Отчекрыжили правую. Догулялся! Твердил я ему: не лезь ты в ата-маны. Не послушал! Форму себе пошил за три тыщи! Организовал казачье общество. А толку? Походили по хутору, попугали собак — и угомонились. Властям это казачество без надобности, ишо стали к сыну прискипаться, что люд баламутит. А он поискал правду, поискал, болезню себе нажил и — всех делов! По-первах большой палец почернел, опосля на ступню перекинулось. Мы таких напастей сроду не знавали. А всё почему? Тарелки лета-тельные кружат.

— А при чем НЛО? — усмехнулся Андрей Петрович, взглянув на ча-сы. — Существование их пока не доказано.

— Как это не доказано? — осердился старый казак, находя на столе пель-пешницу и заминая в ней сигарету. — И Ванюшка видал, и кум Григорий. Перед уборочной, я помню, прямо на ниву, паразиты, садились. Как плюх-нулась тарелка, так и полегли хлеба. Навроде узора: по краям четыре боль-ших круга, ишо поменьше круги и знаки, как звезда о восьми углах. Вот и рассуди: в кой год эта “посуда” объявилась? Аккурат в девяносто пер-вый, — я ишо плотничал, когда Ельцин на танк залез! И сразу всё занеха-лось, и народ сказился. Не иначе инопланетные посланцы сгубили!

— Дядь Аким, поеду я. Неизвестно, когда Иван освободится. А я хочу на рыбалку успеть. Червей накопаем?

— Зараз наведем рассол и — накопаем, — поднялся хозяин и заковы-лял к времянке. Вышел оттуда в очках и с куриным яйцом в руке. Загляды-вая вовнутрь осмоленной и на треть наполненной водой кадки, стоящей в те-ни, пояснил:

— Арбузы переспели. Срочно солить надо. Сентябрь на второй полови-не... Достань ишо ведра два!

Гость с не позабытой еще ухваткой принялся вращать ручку колодезно-го ворота, — сперва разматывать цепь, затем — с полным ведром — накру-чивать. Дядька Аким высыпал три пачки соли, разболтал рассол палкой и опустил в него яйцо.

— Всплыло?

— Нет пока...

Старик еще добавил соли, и доньшко яйца забелело над водой.

— На какую монету вылезло? На копейку чи больше?

— Пожалуй, на пятак.

— Теперича можно и кавуны топить! Так довеку казаки делали. Скус-ней закуси нема! Хоть под винцо, хоть под самогон... Ну, иди в сарайчик за лопатой, — приказал старик и оббил с заскорузлых ладоней зернистую ук-раинскую “силь”.

Андрей Петрович отбросил просевшую на петлях дверь, — лицо обдало застоявшимся дневным жаром, запахом лежалой пыли, сухих лозин и лука, в косичках подвешенного к паутинистой перекладине. Глаза выхватили гору хлама, сброшенного к стенке, в которой он узнал вещи из собственного до-ма. Их перевезли сюда, когда вселялись новые хозяева, и хранили неизвест-но для чего. Радиола “Ижевск” с белыми пластмассовыми клавишами и руч-ками, со стеклянной шкалой, пестрящей названием столиц, издавала специ-фический гаревый дух, несмотря на давность лет. В развязанных мешках хранилась обувь, настольные парафиновые зверушки: зайчики, медвежата, слоники. Грудились стеклянные абажуры, банки. Увидел он и связки своих детских книг, стопки общих тетрадей институтской поры. И вдруг ахнул, уз-нав потертый портфель, с которым начинал работать! Не зря прятал днев-ник от Аллы, когда гостили у родителей...

— И де ты застрял? — нетерпеливо звал дядька со скотиньего база. — В углу гляди!

Андрей Петрович украдкой выставил портфель за дверь, чтобы забрать после, и с лопатой последовал за хозяином. Упорные поиски оказались тщетными. Сушь и жара загнали червей на глубину. Утешив старика при-знанием, что предусмотрительно запасся магазинной коробочкой дождеви-ков, к тому ж есть перловка и кукуруза, гость надергал в огороде укропа и засобирался.

Фойе Дома культуры встретило потрескавшимся плиточным полом, облезлыми стенами и старыми фотопортретами киноактеров, которых узнать, однако, было мудрено. По всему, хуторяне бывали здесь редко. Но в этот день зрительный зал оказался переполненным. Андрей Петрович остановился вблизи входа. На освещенной сцене восседали за столом четверо важных мужчин, в белых сорочках и галстуках, — дяди отменной начальственной породы!

— ...Мы и к прокурору ходили! А толку? Все захватчики нашей земли в одну дуду дуют! В закон упираются! — надрывала голос интеллигентного вида дама с шиньоном на голове и в старомодном костюме. — Васин сдал в аренду Марченко сельхозугодья, пастбища, выделенные сельскому поселению на развитие. За отчетный период...

— Это всем известно, — перебил со сцены коротыш, выпучивая глаза, и сделал ладонью останавливающий жест. — По существу вопроса. Что вы предлагаете?

— Верните нашу земельку! Мы выбрали тебя, Васин, главой хуторской администрации, а ты миллионы хапнул! — выкрикнул нетрезвый мужской голос из глубины зала.

— Пра-альна! — визгливо подхватила какая-то заполошная баба. — Душу имей! Не один ты у мамки!

— Через суд мы хотим ваш договор с Марченко расторгнуть. Признать недействительным, — продолжала выступающая. — А землю провести через тендер и сдать в аренду по реальной стоимости. С учетом полезных ископаемых.

— За пятьдесят миллионов долларов, Ольга Ивановна! — напомнил расхрабвившийся крикун.

— Тендер покажет цену, — наставительно проговорила ораторша, поворачиваясь к своим сторонникам. — Думаю, хватит и нам, и нашим детям! Есть вопросы к агрохолдингу. Жаль, что их представителя нет. Ростовская фирма прямо из глотки паи вырывает.

— Не бреш! — перебил, вставая, худой скуластый усач. — Шацкая по совести плотит! Никого не принуждает.

Зал загомонил, в путанице голосов Андрей Петрович уловил и возгласы одобрения, и озлобленно-настойчивое требование “расторгнуть договор”. Толстощекий крепыш, маяча ярким голубым галстуком, встал из-за стола и нажал:

— Прошу успокоиться! Я, как депутат законодательного собрания, приехал с замом главы райадминистрации разобраться. Соблюдайте регламент.

— Верно, для администрации теперешние законы — рай! Потому и называется: “райадминистрация”. Нехай атаман слово замолвит! — потребовал кто-то из хуторян в переднем ряду.

— Любо! Аржанов прояснит! — поддержал боевитый казачок, стоящий у двери.

Иван оказался у противоположной стены. Встал, опершись на костыли, лицом к сцене. На нем, длинноусом и чубатом, празднично синела казачья форма — гимнастерка и шаровары с пустой подколотой штаниной.

— Братья казаки и казачки! — обратился Иван, окидывая зал строгим взглядом. — Расклад ясный. Васин сдал Марченко клин поселенческий в аренду. Не за “спасибо”, конечно! А Марченко эту землю купил. Стала она его собственностью. Геологи открыли циркониевую руду. Немереные залежи! Марченко перепродал землю московским богатыям. А те выстроят возле хутора комбинат, начнут добычу. Короче, будут наживать капиталы...

— Я слышал, что Бариловку снесут до крайнего дома, — вскопчил сухощавый кавказец. — А нас куда-то переселят!

— Вполне возможно, Ашот, — поддержал атаман. — Проект комбината скрывают. Тайна коммерческая. От кого? От нас!

— Новую жизнь, господин атаман, строим, — не без досады заметил рыжеволосый чиновник, переглядываясь с председательствующим. — А кто мешал тебе взять эту площадь в аренду? Был бы ты теперь законным хозяином!

— Господин заместитель! Не “тыкай” и не лукавь. Всем известно. Вы и Васин не дали! — Иван пристукнул о пол костылями. — Одна шайка-лейка. Но на измене не возьмете! Наша это земляца. Прадедов! И мы должны блага от нее иметь, а не пришельцы загребущие...

Хуторяне зашумели, дружно захлопали в ладоши. Пронзительный свист выстрелил по сцене.

— Биться будем за справедливость! — с силой произнес атаман, оглядывая земляков. — Теперь и с паями катавасия. Если не переоформим их заново за сумасшедшие деньги, то нас и наделов лишат. А как переоформлять? Взятка взятку погоняет.

— Надо президенту написать! И всё ему по полочкам разложить, — с водущевиением предложила вставшая в первом ряду хуторянка, в которой Андрей Петрович узнал свою чудаковатую пассажирку. — Мы за него голосовали, и он нехай нас защитит!

— Уважаемая, у него других дел нет, как хутором вашим заниматься? — распалился депутат. — Думайте, что говорите!

— Помогли же, не помню иде, водопровод в село провести, — не унималась бабенка.

Иван что-то сердито буркнул, сажая ее на место. Выдержал паузу.

— Через суд будем решать, — повторил он, глядя в зал. — А криками и бунтом толку не добьешься. И я снова прошу, братья-казаки: переизберите атамана, я не двужильный...

— Начал за здравие, а кончил за упокой! — воскликнул у двери сгорбленный старик. — Терпи! Заменить некем!

— Это в девяностые, когда возрождали казачество, мы духарились. А нонче реестровыми казаками власть командует. Под московскую дуду пляшут войсковые атаманы. Рази ж это вольница? — ухмыльнулся его сосед, осанистый немолодой хуторянин.

— А чо егизить? — зачастила тетка в рябой косыночке. — Молодежи в хуторе кот наплакал, скрозь пенсионеры. Скоро и нас не станет. Земелька всё одно чужакам достанется.

Иван, нахмурившись, сел. А его сменила приземистая бабка-казачка с носом-картофелиной, костеря Васина (им оказался пучеглазый в президиуме) за то, что не помог ей с покупкой угля как пострадавшей от политических репрессий.

Андрей Петрович, пересиливая сонливость, подался на воздух. Сквер уже заволокла тень, изломилась по горбам легковушек. Припаленное зноем небо цепенело в клочковатых барашках. Вспомнив о находке, он забрался в машину, надел очки и вытащил из пакета портфель. Внутри его хранился футбольный календарь-справочник за 1965 год, когда ростовский СКА добыл “серебро” футбольного чемпионата, блокнотик со стихами и тетрадь в коричневой клеенчатой обложке — старый дневник.

7

На поблекших листах легко читался его узловатый почерк.

“Каждый день я вхожу в класс с радостным подъемом и ощущением, что сейчас произойдет нечто необыкновенное. Шум, разговоры, пересемешки постепенно стихают, лица школьников обретают сосредоточенность. С первого взгляда я замечаю, кто подготовлен, а у кого в глазах тревожный огонек. Сотни нитей незримо связывают меня и учеников. Мы заняты одним делом — изучением очередной темы, события жизни выдающейся личности. Я акцентирую внимание детей на особенностях и драматизме времени, мотивах происходившего. Не зря кем-то сказано, что изучение истории — это путешествие по вечности с достойным и эрудированным человеком. Однако меня, педагога, в строгих рамках держит программа обучения, методические разработки. Поэтому, наверно, курс истории советского периода осваивается ребятами с меньшей охотой. Гражданская война, двадцатые и тридцатые го-

ды трактуются в учебниках однобоко, с точки зрения классовой борьбы, как этапы построения социалистического общества. Но мне известно совершенно иное, благодаря рассказам очевидцев и архивным данным. Красный террор в Ставрополе сравним с пугачевскими казнями по необузданной жестокости. Чем большевики гуманней белогвардейцев? Ошибочно употребил слово “гуманней”. Когда речь идет об истреблении классов или сословий, кощунственно даже упоминать о человечности! При всех научных выкладках я не могу разделить мнение об оправданности “рассказачивания”. Свидетельства моей бабушки и хуторян, страницы великого шолоховского романа, документы подтверждают злонамеренность Троцкого, Свердлова, председателя Донбюро ВКП(б) Сырцова, позже — Кагановича в “кардинальном решении казачьего вопроса”. Подобным образом в разгар Второй мировой Гитлер намеревался поступить с евреями Европы. Деяния фашистов преданы анафеме, но почему не получили такую же оценку преступники-палачи, уничтожившие миллионы казаков?

Сегодня, накануне двадцатилетия Победы, мы со школьниками возлагали цветы к памятнику, установленному у братской могилы. Такие памятники навек связали республики Союза и страны соцлагеря. Впрочем, Санька Акименко, мой сосед, служивший в Венгрии, рассказывал, что его несколько раз называли там “оккупантом”. Неужели дружба народов — это миф? И мадьяры забыли, кто освободил их страну от фашистов? История полна примеров вопиющей неблагодарности. И горько, что великие подвиги советских солдат так быстро забываются...

Провел в старших классах занятия по книге Смирнова “Брестская крепость”. Она воспитывает у ребят патриотизм. Пришлось рассказывать о битве за Сталинград, о десанте Куникова, о масштабной операции Красной Армии на Кавказском фронте. В историческом аспекте важно привлечь интерес детей к героизму их отцов и дедов.

Марина подкрасила волосы лондотонном, — они обрели золотисто-медный оттенок, что так идет ей, сероглазой. И сразу же завуч по воспитательной работе, Анастасия Кузьминична, безмужняя брюзга, сделала замечание, что яркая внешность не способствует усвоению материала на уроках, ибо отвлекает учащихся. Я возразил завучу: мир, по Достоевскому, спасет красота! Она — союзница в общении людей. Наши “учительши” посмотрели на меня с осуждающими гримасами, обрушились хором, уличив в не подобающей педагогу этике. Эка хватило! Да еще и напомнили, что я — педагог и должен повязывать галстук. Чуть! Я был в сорочке, поскольку выдался жаркий день, — уже конец апреля. А прежде, надевая костюм, я соответственно подбирал и галстук. Даже Марина это хвалила! А сегодня мы с ней смиренно вынесли поток нравов, а после уединились в кабинете истории. Я предложил съездить за лазориками, как называются у нас степные тюльпаны. У Марины заблестели глаза, она с радостью согласилась!

Я взвинчен до крайности! Перед самым уходом домой в кабинет истории, благо он был пуст, ворвалась мать Тимченко Ивана, ученика 7-го “Б”, и устроила скандал. Она упрекала меня за то, что якобы “взъялся на малую дытуну”, несправедливо ставлю двойки. А у него годовая отметка по истории выходит “неуд”! Тимченко — отъявленный бездельник. Я пытался ее урезонить, но она обругала и бросила в лицо дневник! Ничего подобного не случилось. Сгоряча я обратился к директрисе. Но Любовь Степановна встала на сторону мамы и потребовала, чтобы я был снисходителен к Тимченко, поскольку его дядя — начальник СМУ (строительно-монтажного управления), а школе необходим капитальный ремонт. То есть личность учителя ничего не значит по сравнению с выгодой, которая зависит от покровительства начальника! И это — советская школа?!

Пишу стихотворение о любви, о Марине. Послезавтра, в воскресенье, поедем с ней в Бирючий лог. Как я жду этого!

Грустно на душе после разговора с завучем. Он наорал за то, что использую на уроках цитаты из Иоанна Златоуста. Но ведь это — великий право-

славный философ! И весь вечер почему-то вспоминалось студенчество. Как вызывали к декану...

Со второго курса меня увлекла история Киевской Руси, становление русских княжеств, последующие века вплоть до эпохи Петра. Мой одногруппник, Семка Гольдман, приносил для чтения (по два рубля за том) “Историю государства Российского” из библиотеки деда. С трепетом брал я в руки до-революционные книги, с “ятями”, с пятнышками свечного воска. Семен утверждал, что собрание сочинений Карамзина — из гимназии. Боже, сколько людей учило историю по этим пожелтевшим страницам! Они обладали магической властью, вызывая эстетическое удовольствие от плотной глянцевиной бумаги, от стиля изложения, от чувства сопричастности тому великому, что пережито Россией. Я запомнил начальные слова: “История в некотором смысле есть священная книга народов; главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение и пример будущего”.

И чем глубже изучал я российскую историю, зачитываясь Соловьевым, Костомаровым, Ключевским и Забелиным, чем шире знакомился с архивными материалами, тем сильнее охватывало меня вольнодумство. Разница между выводами и заключениями великих историков и тем, что написано в институтских учебниках, — огромнейшая! Я нередко спорил с однокурсниками и даже преподавателями, пытаясь установить истину.

Наряду с лирикой сочинил эпическую поэму “Благоверный Владимир”. И вдруг на четвертом курсе меня пригласил к себе секретарь институтского бюро комсомола. Строгий парень, с профилем Ленина на лацкане пиджака, потребовал “не пороть чужь насчет величия Руси, а проявить себя в делах комсомольской организации”. По наивности я отнесся к предостережению легкомысленно. Затем главу из поэмы отказались опубликовать в институтской многотиражке. Безо всякой причины преподаватели стали ко мне относиться придирчиво. А я доказывал правоту, основанную на дополнительных сведениях, и на коллоквиуме похвалил адмирала Колчака за географические открытия.

Тот солнечный октябрьский день запомнил навсегда. Меня потребовал к себе декан. И едва затворил я тяжелую дверь его кабинета, как ощутил зловещую тишину. Владлен Иванович, читавший у нас лекции, был хмур, задуманно крутил шейю, хотя узел галстука можно было бы ослабить. На мое приветствие ни он, утиравший пот с покрасневшей лысины, ни мужчина атлетического сложения, в сером костюме, не отозвались. “Бакланов? — неприязненно уточнил незнакомец, суживая ледащие глаза. — Студент четвертого курса исторического факультета?” — “Да”. — “Что такое великодержавный шовинизм, вам, надеюсь, известно? Тем более что вы — комсомолец”. — “Пока еще студент и комсомолец...” — подыграл Владлен Иванович. “Разумеется, знаю, — ответил я уверенно. — Ленин указывал на...” — “Молчать! Белогвардейских палачей полюбил? Кто дал задание вести антисоветскую пропаганду?” От страха я остолбенел. А “серый человек” молотил обвинения, выведывал, кто разделяет мои взгляды националиста. В голосе его ощущалась такая сокрушительная энергия, что мурашки бежали по спине. Я на самом деле поверил, что совершил преступление...

Как померкло в глазах — не уследил. Очнулся в приемной, когда фельдшер держал у лица ватку с нашатырем. Не было бы счастья, да помог обморок! Хотели, вероятно, за вольнодумство отчислить из института в назидание другим, но выяснили, что враг из меня неопасный, хилый, и ограничились проработкой.

Стихотворение получилось таким:

*Пусть дороги пеплом припорошены
Бесшабашной юностью вдали, —
Мы идем звенящей летней рощей,
Отдавая всё сполна любви!*

*О, моя восторженная женщина!
Несравненна ты в своей красе.
Знать, недаром Богом мы повенчаны, —
Грустный странник и цветок в росе...*

Именно так я воспринимаю возлюбленную!

Пишу в родном доме. Полночь. Неожиданный дождь заставил удирать на мотоцикле из Бирючьего лога и укрыться в хуторе. Мы примчались к родителям с большой охапкой темно-красных лазориков. Я познакомил их с Мариной. Мать сразу же заулыбалась, и я убедился, что моя будущая жена ей понравилась. А отец по своей всегдашней замкнутости, привыкший сутками работать в поле на тракторе, лишь вежливо поздоровался. Дождь шпарит до сих пор! Поэтому после веселого застолья, — даже Марина пригубила домашнего винца, — родители нас не отпустили. Марина спит в моей комнате. А мне постелили в прихожке. Но разве уснешь?! Слушаю, как шумит апрельский ливень...

Я невероятно счастлив! Да потому что целовался с ней на пруду, потому что она тоже призналась в любви. Потому что мы молоды! Такая запретная радость овладела мной впервые в жизни! С упоением думаю о Маринушке, самой прекрасной на планете!

Сумбур в голове. Господи, какое блаженство быть рядом с любимой, созерцать ее красоту, желать безумно! Самые ласковые слова, какие существуют, я сказал сегодня Марине и прочел стихотворение. Она обняла меня...

Бирючий лог уже зацвел, подернулся пушковой травкой, а гладь огромного пруда обрела теплую, глубокую зеркальность. Жаворонки не умолкали над нами в солнечной выси — близкие как будто и незримые. А мы бродили с Мариной, замороженные простором, цветущим терном, лимонно-желтыми и красными протоками лазориков. И я говорил ей о любви..."

8

— ...Трошки, дядька, отъезд! Слышь? Не проходит машина! — требовал рядом настойчивый басок.

Андрей Петрович оторвался от дневника. Небритый хуторянин с шельмоватыми глазками, склоняясь к дверце, показывал рукой на допотопный "москвичок". Разъехались. И тут же из Дома культуры высыпала шумливая толпа. Среди женщин он высмотрел курносую, коротко подстриженную Валентину, в пестрой кофточке и широченных темных штанах. Располневшая и как будто укоротившаяся в росте, она также увидела его и подвернула, улыбаясь веснушчатым лицом.

— Никак ты, Андрейка? Откуда надуло?

Брат, перебирая костылями, правил к ним по опустевшей аллее. Седоватый чуб был мокрым от пота, капли его лоснились и на щеках. С лихим видом, расчетливо встал в полуметре, зажав планки под мышками. И по движению порывистой руки, по блеску глаз угадывалась неподдельная радость.

— Должно, отец сказал, где мы? Молодец, что прикатил, — говорил Иван, глядя цепко и озорно. — Видишь, как обрубил? А все равно пляшу на одной ноге!

— Когда глаза зальет! Ему пить запретили как смертнику, а он... — Валюшка сокрушено махнула рукой. — Атаман одноногий!

— Ты, вижу, на лихом коне, — кивнул Иван, не обратив внимания на задирку жены.

— Так точно, господин подьесаул! — Андрей Петрович, подхватив шутивый настрой, жестом пригласил к машине. — Извольте. Доставлю с ветерком!

Валентина помогла мужу сесть сзади, а сама плюхнулась рядом с гостем. Он повел машину и сразу же признался:

— Хоть и вызвал ты меня, Ваня, по горькому поводу, а все равно приятно. Соскучился по родине.

— По какому поводу? — оглянулась казачка. — Прямо чудеса! Они всё знают, а я как дурочка.

— Не дуй в уши! — огрызнулся супруг. — Привыкла орать... Мы с Андреем должны теткино наследство поделить. Поровну. Я узнавал у юриста, когда в больницу ездил.

Андрей Петрович переключил скорость, разгоняя машину. И не заметил, как Валюшка налилась вишневым соком, созрела в гневе.

— Понятненько... А какое отношение Андрей к тетке имеет, если век не видал, не кормил, сранки не замывал? — вновь обращаясь к мужу, выпалила казачка. — У меня ты спросил, — я твоя жена?!

— Угомонись! Дюже расхрабрилась...

— И ты, гостечек, хорош! Глаз не казал, а за добычей явился. А еще детей в школе благородству наставлял!

— Мне это наследство не нужно, — успокоил ее Андрей Петрович. — Я приехал за тем, чтобы оформить его на Ивана.

— Встряешь в казачьи разговоры... Шмонька! Костылем перетянуть? — возмущенно рявкнул и заворочался позади Иван.

— И перетяни, поглядим, что будет... — бесстрашно отозвалась супруга.

До самого дома ехали молча. Высадив жену и приказав ей готовить обед, брат попросил “мотнуться по делам”.

— Не обижайся. Валька у меня шальная, с одного оборота заводится. Ну, да шут с ней! Отобедаем, а водочка сама, как говорится, надоумит... Помнишь, где Майский? За двадцать верст отсюда. Вряд ли кто подворье купит. Разве беженцы какие... Наоборот, оттуда съезжают. Заколачивают хаты...

— Это за Бирючьим логом?

— Чуть дальше.

— Я хотел порыбачить там. С ночевкой.

— Дело хорошее. Побуду с тобой, но только дотемна. Укол нужно делать. Да и культя подкравливает, зараза. Перевязываю...

— К нотариусу утром махнем. Управимся за день?

— Как обернется.

Свернули в проулок, как указал брат, к частному магазинчику. Узнав, что гость на понох не выносит спиртное, Иван огорчился, но “чекушкой” всё же запасся. Долго выбирался, гремя костылями, покупал, вновь садился в машину. И, усевшись, вздохнув, стал говорить о наболевшем.

— Не предполагал, что такое случится со мной. Видно, гильки отозвались. Я меры ни в чем не знал! Сил на сто лет накопил... Атаманом выбрали. С трудом расшевелил казачков. На язык они все герои, а на дело — не дюже. Пытался установить у нас казачье самоуправление. Тогда такое веянье было. Но сверху наложили лапу, игры с возрождением казачества кому-то в Москве надоели. И треснули наши надежды на льготы, как коренным жителям, на кредиты для развития сельхозпроизводства. Поставили в один строй со всеми! А можем мы, полуграмотные в экономике люди, тягаться с менеджерами? Уходит, Андрей, земля наша казачья из-под ног. Теряем ее навсегда. И не знаю, что делать... Я в Афгане полгода оттянул. Один раз вляпались в окружение. Сначала страх окатил, а когда в бой вступили, озлобление взяло, одно дикое желание — убивать... И все же была в душе вера, что вырвемся... И вырвались! А сейчас веры нет... Возьми нашего Васи-на. Это удручает! А мне что, пожизненно биться? Никто не хочет атаманить. Никому этот крест не надобен!

— Сложи полномочия. Нога не зажила, а ты воюешь.

— Уберем кукурузу и подсолнух, расквитаемся с долгами, и выйду в отставку. Шацкая, бизнесменша наша крутая, обещала помочь. Мы кредит в ее банке брали. Единственная, кто делает что-то для людей. И женщина такой красоты, что... Если бы таких больше было... Устал я бороться, братка! Пойду сторожить на стройку. К немцам в плен, прости Господи... — брат хохотнул и крепко выругался...

Хозяйка, то ли стараясь загладить свою несдержанность перед родственником, то ли просто из гостеприимства, колесом каталась по двору, где накрыли стол под яблоней. Дядька Аким сменил рубашку и набок пригладил кудельный вихор. Вовремя вернулась из школы сноха Лариса, вскоре с междугородной маршруткой приехал и молодой хозяин. Пока Валентина стряпала и накрывала, неторопливый тек разговор. Андрей Петрович удивился, узнав, что Михаил не работает в сельхозпредприятии, созданном отцом.

— Не хочу в земле ковыряться, — говорил он заносчиво, с улыбкой. — Вообще, крестьянский труд считаю каторгой. Зимой на морозе, летом — на жаре, круглые сутки вкалываешь. Была бы у меня квартира в городе — сразу бы отсюда уехал. Жена в школе, как в тюрьме. А в городе — варианты. Я вот нашел место на хлебозаводе. Через день в Ростов, за шестьдесят верст, мотаюсь. Смысл есть. А казачество — нереально!

— Да потому, что все такие хитромудрые, как ты, — осуждающе бросил отец. — Разве мужское дело пельмени лепить? Чем ты хвалишься?

— Их машина производит! — возразил Михаил. — Найди мне работу с нормальным окладом! Только не на тракторе и не скотником...

Такие сшибки, по всему, были нередкими. Дядька Аким неопределенно заметил:

— Каждый рубит сук по себе. Трошки охолоньте...

— Я тоже покинул хутора. А сверстники остались, — вступил в разговор Андрей Петрович, желая внести мир. — Теперь — наоборот. Остаются единицы. Конечно, это плохо. Впрочем, на Кубани закрепление молодежи на земле налажено. Да и у нас, на Дону, немало казачьих династий. Всё зависит от отношения к отчей земле, от чувства хозяина на ней.

— Правильно! — поддержал Иван. — А Мишка чужое полюбил. Хотя смалочку к земле приучали...

— Извини. Другие интересы, — огрызнулся тот и взял к себе на руки щекастенную дочурку.

Застолье, обильное и разговорчивое, разморило. Захмелев, дядька Аким принялся петь старинные песни. Валентина его поддержала, а затем стала собирать рыбакам харчи. И только трехлетняя Ульянка, глазастая, в розовом платьице, с бантиком на толстой русой косе, с таким старанием подпевала старику, повторяя взрослые слова про любовь-разлуку, что Андрей Петрович растроганно сказал брату:

— Истинная казачка! На гонимом уровне отзывается... Не понимает ничего, а слова и мелодия ей нравятся...

Иван со вздохом отвернулся, пряча повлажневшие глаза.

Провожая мужчин, Валентина негаданно вынесла из хаты и подала родичу темную, древнюю иконку Богородицы. С чувством произнесла:

— Нехай тебе хоть икона теткина достанется! Благоносящая и намоленная. Вашего деда и бабуку ей благословляли.

— Спасибо, Валюша, огромное!

И, взяв иконку, рассматривая лик Донской богородицы, Андрей Петрович ощутил в руках странное покаяние, теплоту — и волнующе радостно зашло сердце...

Михаил, напутствуя отца, предостерег:

— Вы осторожней там. А то гаишники два раза маршрутку останавливали. Кого-то ищут. Наверно, бандитские разборки. Позвонишь — я за тобой на мотоцикле приеду.

9

Иван надергал десятка три нагуленной плотвы и карасей. И, заскучав на берегу в одиночестве, докричался до брата, заплывшего на лодке в протоку, предупредил, что собирается домой. И вскоре Михаил, вызванный по телефону, приехал за ним. Выплывать, отрываться от прикомленного места Андрей Петрович не стал. Утром все равно встретятся...

Когда солнце стало меркнуть в дымке, и полнеба охватило прощальное

зареву, — прудовая вода, смятая во всю ширь волнами, вдруг преображено замерла и как будто с глубины осветилась веселым розовым пламенем. И показалось Андрею Петровичу, засмотревшемуся на закат с обрыва, что кто-то неведомый забросал плёсы лепестками осенних мальв и радуется вместе с ним этой забаве, и непременно еще сподобится на добрые превращения, чтобы гость заезжий, случайный здесь рыбак, сполна ощутил и припомнил красоту казачьего раздолья.

Степь-матушка! Жадно оглядывал он знакомые с детства места в мягком понизовом свете: разлет Бирючьего лога, польные холмы, за ними — бархатисто-темные пашни, разделенные уже кострово сквозящими лесополосами. Сколько ты пережила! И греки, и половцы, и татарско-турецкие полчища пронеслись тут, властвовали веками. А сколько сражений приняли русские князья, отвоевывая каждую пядь! С Куликовской битвы владели тобой казаки, — до “окаянных дней”, до роковой гражданской. И в давнее лихолетье, и когда утюжили поля танки Клейста, сколько полегло в сражениях станичников, красноармейцев. Дед погиб. Отец всю жизнь трудился в поле. Воистину вокруг — сокровенная земля! А я... оторвался. Живу за тридевять земель. А сердцем всё равно — тут. И нету края родней, дороже!

И, точно увидев себя в этот миг со стороны, — высокого, поседевшего, но еще крепко стоящего на ногах, — бывший учитель не смог сдержать сентиментальной слезы. Не дано человеку управлять временем, оно движется только в одну сторону. Сказочными горошинами укатываются годы вдаль, оставаясь в памяти то желанными событиями и радостью, то утратами, — пока и воспоминания не угаснут, как закатные лучи...

Пора было готовиться к ночевке. Когда он спустился к воде, чтобы вытащить на закосок свою резиновую лодчонку, пропахшую прикормкой и лещовой слизью, невзначай заметил, как отделилась от тростниковой кулиги в конце пруда пара лебедей, столь кипенно-белых, что отблескивали оперением. И вновь замер Андрей Петрович в радостном изумлении, наблюдая, как величаво выплывали они на светловодье... Лебедь и лебедушка — две неразлучные души. И он в молодости любил, любил по-настоящему, да счастья так и не обрел...

Ушица удалась на славу: с наваром и дымком, сдобренная перцем и укропом! И пока чудо-блюдо настаивалось, Андрей Петрович поставил палатку и приладил к дверце “жигуленка” переноску, повернув ее колокольчик в сторону костра.

Невзирая на запрет доктора, в рюкзаке нашарил Андрей Петрович фляжку. Сам Господь, наверно, подарил этот день, такой значительный и богатый новостями. Не напоследок ли? Но мысль о конечности жизненного пути не обожгла сейчас. Недаром в донских песнях поется-сказывается, что казак на чужбине “погибает”, а в родимом краю “ложится в мать-землю сыру, навеки роднится со степью”! Что ж, и он, преподаватель истории, немало изведal и повидал, — “с ярмарки едет”, и стоит ли бесплодно роптать?

— За наш род казачий Баклановых. За вас, Маринушка и Наташа, и за всех дорогих людей! — подняв фляжку, произнес он таким взволнованным голосом, точно его в самом деле мог кто-то слышать...

Потом, вступнутый поднявшимся ветром, натянув свитер, он бродил возле старых деревьев, вдоль руин пионерского лагеря. Вспоминал Марину, её и голос, и ласковость... Именно на этом берегу, когда вдвоем приезжали за лазориками, всё и началось!

Шелест камышей заглушал сверчков. Гулевой ветер похлестывал положком палатки, а когда затихал, — разбираал слух горловой посвист куличков, хлопанье ныряющей ондатры. И это невзначай рассмешило: не русалка ли плещется?

Черная орда туч затмила высь, и лишь вдали, на самом краю неба, ярко горели на ветру три искры Ориона — спутника мечтателей и скитальцев. Мысли о минувшем вновь накатили волной. Здесь бегал он босоногим мальчишкой, рос, учился крестьянскому труду. В пору юности слагал стихи и да-

же причесывался “под Есенина”, чтобы нравиться девушкам. Как невероятно далеко всё это! Будто некий двойник, а не он пас хуторских коров, впроголодь перебивался в пединституте, учительствовал, храня просветительский запал и отстаивая справедливость. В памяти его, конечно, не удержались лица и фамилии сотен его учеников. Но многих он представлял зримо и знал, что есть среди них и доктора наук, и генерал, и политические деятели, и знаменитые врачи. Значит, не зря тратил силы в школьных классах.

Шум волн становился всё громче. Погода ломалась. Отдаленные помигивали сполохи. И с опаской подумал Андрей Петрович о дожде, — по раскисшему вековечному суглинку ему не выбраться отсюда на своей, советской “пятерке”...

10

Сквозь сон он услышал, как загрохотало над головой...

Удар грома расколол небо. Андрей Петрович открыл глаза и напряженно затаился, замечая через обветшалое полотно палатки перепляс молний, слыша приближающийся, точно закипающий, шум дождя. Минута, — и он обрушился со всей мощью. Капли оглушительно выщелкивали по крыше палатки, и вскоре в нескольких местах образовалась течь. Струйки падали на спальник. Вдруг дождь ослаб. Не мешкая, Андрей Петрович выбрался из спальника, надел глубокие галоши и с фонариком в руке вылез наружу.

В грудь толкнул знобкий ветер. И в кромешном мраке, озарив на миг степь, сполох упал в балку рыжим коршуном. Снова, предвестник дождя, заворчал громушко. Но Андрей Петрович успел добежать до машины. И тотчас по металлическому кузову, по стеклам с разгонистым рокотом захлестало. Он запустил двигатель и включил “печку”. Повезло, что рюкзак положил на заднее сиденье. И можно было для “сугреву” опять глотнуть коньяку...

Ливень ярился не менее получаса. Резвились молнии окрест. А когда стихло, в приоткрытое окно потянуло из степи полынной прохладой. Еще долетали издалека зарницы, но купол неба широко очистился. Из-за тучи выскользнул бело-желтый оталыш ущербной луны. И сквозь промытые стекла проступили очертания берега, камышей. И над прудом показались слоистые полоски тумана.

Андрей Петрович, отбросив спинку сиденья, прилег, сложенный усталостью. Непогода порушила все планы. Придется торчать до вечера, пока подсохнет грунтовка. И естественно, — задержаться еще на день, чтобы побывать у нотариуса. Впрочем, Иван наверняка постарается как-то помочь.

Раздумья, цепляясь одно за другое, вновь привели к горькому выводу: жить осталось считанные годы. В беду, похоже, попал Василий Лукьянченко. И неведомо, кто следующий. И надо не тянуть, поскорей встретиться с Мариной... Он вспомнил о дневнике, вернувшем в давнее, и подивился тогдашней своей бесхитростности и оптимизму. Да и стихотворение было искренним: и он, и Марина “отдавали всё сполна любви”. Какими чувственными были оба, преодолев начальную стыдливость! Он испытывал то редкое блаженство, которое охватывает мужчину только с любимой и любящей женщиной. С Аллой этого не бывало...

Привычной, проторенной тропой следовал он за своей Аллой: дом, работа, дача. Она была неплохой хозяйкой и заботливой женой. Оказывается, этого недостаточно. Важней — родство душ. А этого между ними не было. Жилось надежно, но малорадостно. В поездки отправлялся он нечасто, да и то, когда сопровождал школьные группы. А жену из квартиры пушкой невозможно было выбить! Помимо двух державных столиц, посетил он некоторые кавказские города и отдыхал на Черноморском побережье. Ни разу не бывал в Крыму, на Урале, в Сибири, не говоря о загранице. Впрочем, такой образ жизни и был присущ советскому учителю. А Марина по натуре была непоседой! Еще студенткой любовалась Варшавой и Прагой, поднималась с альпинистами на Эльбрус, прошла маршрутом вдоль Байкала... И он смолodu мечтал об этом!..

Так лежал Андрей Петрович в полудреме довольно долго, то стараясь сосредоточиться, то теряя нить размышлений, пока не расслышал на берегу зовущий голос: “Где вы?” Вспокоенно поднялся. Выключил мотор. И, надев очки, заметил в лунном сумраке женскую фигуру. Незнакомка, в брюках и свитере, с ношей в руке, заглядывала в палатку. И Андрей Петрович, опустив стекло дверцы, строго окликнул:

— Кого ищите?

— Вас! — обрадовалась полуночица и, смело открыв заднюю дверцу, положила на сиденье плоский кейс и сумочку, затем вытерла кроссовки о траву и юркнула в машину. — Ужас, как замерзла! Промокла... Сигареты дайте...

— Не курю, — ответил Андрей Петрович и, включив свет в салоне, обернулся. Девушка оказалась совсем юной, с большими черными глазами, матовой кожей, овалом лица напоминала, пожалуй, испанку или арабку. Сходство это дополняли длинные волнистые волосы.

— За мной на “ниссане” гнались уроды! — выпалила она. — Загнали, гуманоиды хреновы, на мост. Вчера утром проскочила, а сейчас лоханулась. Джип не вписался. Переднее колесо зависло, а заднее провалилось. Придумайте что-нибудь. Заплачу, сколько скажете!

— Чем помочь? Руками?

— Да, двумя руками и головой. Вы — пожилой и опытный. И должны найти выход.

Андрей Петрович раздраженно вскинул голову и, потянув за рычажок, поднял спинку сиденья. Оглянулся.

— Ничего я не должен. Могу предложить коньяку, если озябли.

— Вау! Давайте. Меня Женей зовут. А вас?

— Андреем Петровичем. Думаю, знакомство наше не затянется.

Отхлебнув, девушка поежилась и вернула фляжку.

— Я погашу светильники. Аккумулятор старый...

— У меня разряд по каратэ. На всякий случай...

— Вы с кем-то меня путаете!

— Сухая одежда у вас есть?

Андрей Петрович достал из багажника старую куртку сына. Женя, попросив отвернуться, быстро переоделась.

— Знаете что, если у вас не хватает смекалки, то сходите в село за трактором, — требовательно сказала девица. — А назад приедете. Вам тоже надо выбирать. Вы — заинтересованное лицо.

— До хутора, голубушка, двенадцать километров. Не в мои годы такие прогулки!

Между тем салон наполнялся свежестью “парфюма”. Андрей Петрович глянул на светящиеся панельные часы.

— Ровно два ночи.

Как-то протяжно застонал, завибрировал телефон в сумочке. Женя ловко достала его, выветила номер и приложила к уху.

— Да, мам. Не комплексуй, я у дядечки-рыбака в машине. На берегу. Офис разбомбили? Охранник позвонил? Слава Богу, что ребята целы... Кто? Точно не знаю. Гамадрилы в масках и камуфляжах. Днем их милиция отпугнула. А мне пришлось задержаться допоздна. Проверяла кредиторскую задолженность. И тут они вломились! Схватила ноутбук и сумку. Ребята меня в окно буквально выкинули, а сами драться стали. Приколбно было, я без фар через поле. За мной две машины! Одна сразу отстала, а “ниссан” потерялся за лесополосой... Мам! Я же тебе уже объясняла, что джип застрял на мосту. Зачем охранник ищет? Может навести на след! До утра я пережду... О’кей! Я и так предпринимаю все меры безопасности. Днем буду в Ростове. Постой! У меня сотовый разряжается, пикает... Если что, давай по интернету...

Андрей Петрович качнул головой, усмехнулся.

— Не казачий край, а дикий Запад.

— Хуже! Там законы. А у нас — понятия.

— Голубушка, сколько вам лет? Откуда вам это известно? — с иронией спросил Андрей Петрович.

— Я была с мамой в Штатах.

— А как же она отпускает вас одну? Слышал, о чем говорили. Извините, но так настоящие матери не поступают.

— Не ваше дело! А насчет мамы, Петрович, пролетели мимо кассы. Я три года с ней мотаюсь, и никто лучше меня не знает нашего бизнеса!

— Не Петрович, а — Андрей Петрович!

— Айм сори! Но говорить о маме в таком тоне я не позволю. Конечно, у нас отношения не безоблачные. Она меня любит, но и не балует. Сторонница практического воспитания. Как в Америке. Там детей с пеленок приучают к самостоятельности.

— Так же было и у нас. Существовали школьные производственные бригады.

— Вы приезжий? В районе я вас не видела.

— Живу далеко, а в Бариловке родился. Больше тридцати лет преподавал историю.

— Между прочим, моя бабуля тоже была учительницей. Благодаря ей начальную школу я за два года прошла. В Академию экономики поступила в пятнадцать лет. Мать нагнула. А вообще-то мечтала стать журналисткой... У меня специализация по международному маркетингу. Хочу пройти стажировку в Англии.

— Приятно удивили! — смягчился Андрей Петрович. — Дерзать надо смолоду. Тутанхамон в девять лет стал фараоном и прославился на века. Или возьмите Людовика Четырнадцатого, Петра Великого... У сверстников ваших на уме — легкая жизнь, роскошь, развлечения!

— Вам бы черный квадрат рисовать! Каждый из них ищет свое место в жизни. Так же, как вы когда-то. Конечно, мы по уши в "паутине". Мир виртуальный предпочитаем реальному. Но — вполне адекватные люди. Мы живем гораздо интенсивней! Я, например, знаю о жизни почти всё! У меня свой счет, объездила Европу. Были мужчины. Есть любимый парень. Я предпочитаю самостоятельность! Жизнь — борьба. И это — нормально. Хотя рисковать приходится...

— Чем вы занимаетесь?

— Помогаем российскому селу выбираться из нищеты.

— И каким же образом, позволите узнать?

— Оформляем кредиты на выгодных для селян условиях. Покупаем земельные наделы, недвижимость. Субсидируем строительство промышленных объектов...

— Это вас приглашали на собрание пайщиков, а вы не явились?

— Достали! Особенно их атаман.

— Аржанов — мой брат. Он думает о казаках, а вы о наживе.

— О бизнесе! Это — разные вещи.

— Сущность — одна. Грабите народ!

Женя хмыкнула.

— На свои деньги я отремонтировала в Бариловке школу. И буду вместе с мамой оказывать помощь в реконструкции храма в райцентре. А народ, как известно, состоит из людей. Из всяких разных. Аржанов в позапрошлом году с казачьим обществом брал в аренду пай под бахчу. А бюджетных денег на семенной фонд не выбил. Год земля пустовала. Согласно договору, он должен был заплатить арендодателям. И обратился к нам. Мы выдали под залог полтора миллиона. Он рассчитался и вновь оформил аренду. Неурожай! Прошлым летом выпал кислотный дождь. Район был в зоне атлантического циклона. Мы простили Аржанову. Не стали взыскивать штраф. И еще раз в этом году выдали кредит. Я внятно объяснила?

— Не совсем. Была земля хуторян, а становится лично вашей. Ловко! Скажите, вам, молоденькой, не скучно этим заниматься? Вы разбираетесь в землепользовании?

— Без вариантов!

Андрей Петрович промолчал. По крыше вновь зашелестел дождь.

Женя достала из чехла ноутбук. Голубовато-белым светом мягко озарился салон. В подернутое испариной зеркало Андрей Петрович подсматривал, как девушка строчит пальцами по клавишам, набирая текст. Затем прикрыл глаза, раздумывая, что он, домосед и дачник, далек от современного, “продвинутого”. Телевизор несет процеженную информацию. А молодые, варясь в гуще жизни, могут верней оценить происходящее. К случайной гостье, фитюлке этой, он испытывал интерес, некую отеческую теплоту. Нравилась она и внешне, именно такой тип женщин, к которому принадлежала и его Марина, — стройные, темпераментные, с выразительным лицом, — был для него привлекательным.

— Ну, вот. Угостила мамулю. Сама собиралась сюда ехать, — с протяжным зевком поведала Женя и потянулась. — Она у меня не бизнес-леди, а звезда киноэкрана! Погибель для мужиков. Хотите, покажу? — не без хвастовства предложила Женя и развернула ноутбук. — Мадам Шацкая! Россия!

Андрей Петрович окаменел. С экрана в упор смотрела... его дочь.

— А теперь я покажу тех, кого знаете, — с той же самодовольной улыбкой бросила Женя и, чуть придвинув ноутбук, стала щелкать клавишей, меняя фотографии. — Узнаете? Это я на московской тусовке. Киноактер Дюженов. А это — певица Зара. Конкретная девушка! А вот стоит Сереженька Лазарев...

Лицо Андрея Петровича выражало такую глубокую растерянность, столь изменилось, что Женя с недоумением спросила:

— Что с вами? В астрале зависли? “Звезды” — люди обычные.

— Маму зовут... Наталья?

— Вы знакомы?

Андрей Петрович ощутил, как стиснуло сердце. Он отвернулся и, помолчав, ответил не вполне уверенно:

— Я... я знал вашу бабушку. Работал с ней... Просто догадался!

— Как догадались?

— Похожа.

— Неправда, мама с бабушкой — разные. Наверно, вы помните ее, какой была в детстве?

— Возможно... А кто же ваш отец?

— Давайте не будем о прайвеси¹, как принято в Америке... Я согрелась. Придется самой тащиться на хутор!

Андрей Петрович порывисто открыл дверцу, подставил лицо влажному послегрозовому ветерку. “Господи, это же моя внучка! Как же вести себя с ней? — горячечно путались мысли. — Такая взрослая... Невыразимое ощущение. Как же я раньше не думал об этом... Оказывается — дед. И давно...”

— Дождь кончился. Можно глянуть на мою машину, — энергично предложила Женя. — И прикидик мой подсох...

— Конечно! Пойдемте. Неужели мост цел? — оживился Андрей Петрович, чтобы скрыть свою взволнованность. — Его при Александре-освободителе соорудил станичный купец... Вы одевайтесь, а я подожду!

Едва он вышел на берег, не в силах оправиться от этого невероятного знакомства с внучкой, как над бугром встало зарево. Вскоре, одолев вершину, неведомый автомобиль скользнул фарами по прибрежному краю. Вероятно, “гуманоиды” направлялись сюда.

— Не вас ли ищут? Какая-то иномарка! — с тревогой воскликнул Андрей Петрович, отмахивая дверцу. Женя, путаясь в длинных рукавах куртки, уже обувалась. Вмиг выскользнула из машины, захватив ноутбук и сумочку.

— Фу, блин. Ноготь сломала...

— За камышом лодка. Спрячьтесь под ней! Я помогу, — Андрей Петрович кинулся вниз, светя фонариком. Женя, раздражая своей неторопливос-

¹ Прайвеси (англ.) — личная неприкосновенная жизнь.

тью, спустилась следом. И хотя убедилась, что трава под скатом, прикрытая лодкой, не промокла, опять засомневалась:

— Может, это не рейдеры? Мне это надо — в грязи валяться?

— Да вы что? В своем уме? — задохнулся от возмущения Андрей Петрович. — Гадать некогда!

Своевольница нехотя легла набок, пристроила рядом свои вещички и зашла под опрокинутой вверх дном лодкой.

Андрей Петрович, вспомнив, что в машине пахнет женскими духами, замкнул все четыре двери и забрался в палатку. Распластался на мокром одеяле...

Нагрянуло срыву: тягучий гул мотора, свет мощных фар, озаривший палатку, и громкий стук дверей. Беспokoйно зашло сердце, с досадой подумал: “Принесла нелегкая!” Вдруг входная застежка треснула, — ослепив, в лицо ударил фонарный луч.

— Ты один? — спросил лохматый детина. — Выдерживайся!

Сквозь шум ветра пробивалась разгоряченная перемолвка. И, понимая, что от незваных гостей всего можно ждать, Андрей Петрович решительно выбрался из своего пристанища.

И сразу почувствовал опасность. Здоровенный темный “ниссан” бампером уткнулся в веревочную растяжку палатки. “Могли и переехать”, — досадливо мелькнуло в голове. “Прожектора” били чуть в сторону, прошивая туманный мрак до противоположного берега. Полуночников оказалось трое. Они стояли за полосой фар, с затененными лицами. Ветер трепал их расстегнутые спортивные куртки, треугольно заламывая края, — и оттого чудилось, что на берегу плоские призраки, вырезанные из тонкой ранищей жести, наполовину черной, наполовину — ржавой...

— Ты чо это, батя, зарулил на нашу поляну? — бритоголовый толстячок осведомился с проносом, свойственным молодежи, и кивнул в сторону “жигуленка”, на котором высвечивался номерной щиток с кодом региона. — Со Ставрополя, в натуре?

— Не обижайтесь, что подняли... Служба! — перебил его усатый длиннорукий кавказец, прикуривая сигарету от бойкого огонька зажигалки. — С вечера ловите? А джип серебристый не проезжал мимо?

— Нет, не видел.

— Есть проблема. Мы одну гёрлу ищем. По этой... ориентировке. У нее новый “хайлэндер”. За отказ помогать милиции — статья до трех лет...

Тот, что заглядывал в палатку, сорвался с места, — и в наклоне фигуры, в движении рук угадывалось агрессивно затаенное. Он обследовал, света фонариком, край плеса, салон машины, скрылся за прибрежными вербами. А напарник, дождавшись его возвращения, поднялся на курган и обшарил дальнoбойным лучом скаты лога и прибрежную дорогу. Назад пожаловал также озабоченный.

— Свежего следа нет. Сучка в Росто-ов соскочила, — сквозь зевок промямлил он и присел на корточки подле кострища. — Хозяин, угостишь ухой? Реально полкотгла!

— Пожалуйста. Только ложка одна.

Толстячок сунул фонарик в карман куртки, захватил казан ладонями и, опрокинув, принялся пить через край. А патлатый с раздражением обратился к старшему среди них:

— Хыйса, я тут оттягивался с френдой. Дороги дальше нет! Прикинь, дед горбатого лепит!

— А ему какой поит? Он не местный. И следа не видно... Обрываемся, короче, на фазенду. А после перекроем кислород на выезде! — ожесточился кавказец, щелчком отбрасывая сигарету.

Рейдеры, захлопнув дверцы, укрылись во внедорожнике. Напротив фар золотилась туманная дымка. Когда же “японец” развернулся и помчал по косягу, глазщи задних фонарей долго краснели в темноте, сея безотчетный страх...

Они шли к старому мосту вдоль берега, скользя на глинистой тропе. Слева, в ясном небе, горела луна, особо таинственная и волнующая на исходе ночи. Заметно потеплело. И в низинах, куда сбегала дождевая вода, белели чубчики тумана. Женя, думая о чем-то своем, точно не замечала спутника. А тот, отягощенный ношей, — домкратом еще советского производства, — время от времени останавливался. И девушке поневоле приходилось делать передышку. Странное ощущение незримого присутствия кого-то не оставляло Андрея Петровича. Он был взволнован до крайности и никак не мог отделаться от радостного смятения и тревоги за Женю. Ситуация, на самом деле, была сложная. И в сознании не гасла мысль, что в этот час всю ответственность за внучку он несет прежде всего перед Мариной. И казалось — это она здесь, рядом...

— А вы хорошо здесь ориентируетесь, — сказала Женя.

— На берегу стоял пионерский лагерь. С Мариной... Сергеевной здесь мы работали.

— У вас что-то было? Была лав стори?

Андрей Петрович отмолчался.

— Бабуля мне классная досталась! Хотя слишком доверчивая, старомодная... И дед Сережа был замечательный. Такой юморист! Он меня на песку брал.

— У меня тоже славный был дед — Георгиевский кавалер, — зачем-то сказал Андрей Петрович. — Расскажите про своих родителей.

— Мама начинала с нуля... После института, родив меня, сорвалась в Сибирь. И пока отец срок отбывал, в больнице горшки выносила. Чем не декабристка? А потом, когда папы не стало, вернулась в Ростов, связалась с его друзьями. Он был чемпионом по боксу, с "авторитетом" схлестнулся... Ну, это неважно... Мама — женщина невероятной энергии! Она может всё, что захочет. Отступать она не привыкла. Сколько раз угрожали "крутые" и подставляли партнеров! Очень боюсь за нее...

Излучина пруда, поросшая осокой, вывела к речонке. До моста, как помнил Андрей Петрович, оставалось метров двести. На сапоги налипали пласты грязи.

Вскоре силуэт светлого джипа обозначился напротив береговой каймы. Женя первой взошла на мост.

Андрей Петрович бросил домкрат на доски, скользнул фонарным лучом по заваленной набок машине. Мост был не длинный, но довольно высок и узок. На каменном острове помещались металлические лаги, а на них крепилась дощатая "подушка". По краям и между погнутыми досками сквозили дыры. Не для переезда служил он теперь, разумеется, а для перехода стада, судя по обилию коровьих лепешек.

Уже при беглом осмотре выяснилось, что осевший на раму джип застрял надежно: левое заднее колесо, проломив повершье, заклинилось меж старыми тесинами, а переднее — с правой стороны — поднялось и зависло в воздухе. Как успела сорвиголова выключить скорость и выбраться — непостижимо!

Очищая кроссовки о доску, Женя напористо обратилась:

— Ну, что скажете, сэр?

— Не понимаю, как вчера вы переехали.

— С разгончика!

Андрей Петрович обошел вокруг автомобиля, отмечая выверенность линий и ладность дизайна, интуитивно ощущаемую мощь. Никогда не приобрести русскому учителю-пенсционеру такого автомонстра! Не заработал, не вошел в число избранных... И от этой мысли восхищение "хайлэндером" померкло. В отчуждении подумал, что и прикасаться к этой дорогостоящей игрушке небезопасно! Однако мысль, что иномарка беспомощно замерла на ветхом казачьем мосту, как-то даже позабавила...

— Необходим подъемный кран. Впереди — край моста, и назад не сдать. Как говорят шахматисты, цугцванг... И какой же мощности мотор?

— По-моему, двести пятьдесят “лошадей”.

— Вот вам и чудо техники! А на нашей дороге увяз, как калоша!

Андрей Петрович несколько раз осмотрел, светя фонариком, конструкции моста, настил, съезд на береговой склон. Наконец, беспokoйно заключил:

— Под задним колесом лага. Найти бы прочную доску — можно попытаться поднять его. А потом вывернуть руль и увести машину. Впрочем, этот план нереален.

— В каком смысле?

— Настил хлипкий. Может не выдержать. И машина кувырнется с моста! А рисковать жизнью я вам не позволю!

— А если нагрянут бандюки? Это лучше? От этих безбашенных всего можно ждать! Посмотрите! Опять свет на дороге. Они не угомонятся... Давайте без мандража. Давайте пробовать! В багажнике набор инструментов. Будьте мужчиной!

— Не вам бы говорить мне это!

И Андрей Петрович без промедления стал действовать на свой страх и риск, являя решительность и даже неожиданное молодечество, — отбивать дубовую боковину с основания перил, укладывать ее между автомобильной рамой и домкратом, вымеривать расстояние, орудовать рычагом гидравлического устройства.

После всех стараний удалось-таки поставить машину на три колеса. Женя наблюдала и подсказывала, но сама и пальцем не шевельнула. Лишь позвонила матери, сообщив, что “дядечка пытается что-то сделать”.

Между тем ночь бледнела. Повеселевшая Женя села за руль и, включив панорамный свет, запустила двигатель. Под контролем Андрея Петровича выровняла передние колеса.

— Опасно, очень опасно, — не мог он унять волнения, кружа по мосту и шурясь от света фар. — Лучше дождаться дня.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

— В темноте мы могли чего-то не заметить. Я не специалист. Вот что. Я сам сяду за руль!

— Я никому не доверяю свою машину. Чао, бамбино, сори!

Тяжелый автомобиль тронулся с места. Убедившись, что заднее колесо беспрепятственно прокатилось по дощатой подложке и коснулось настила, Андрей Петрович облегченно выдохнул. Водительница прибавила газу, и джип выбросился на береговую твердь.

Андрей Петрович сел на край настила. Гулко журчала вода под мостом. По небу пробежали предутренние зарницы. Женя подошла, маяча огоньком сигареты.

— Ну, что? Давайте прощаться? Честно говоря, вы мне очень понравились. К тому же знали бабушку. Сколько вам... отстегнуть? — пошутила девушка. — Могу в долларах...

— Что вы! — в растерянности вскрикнул Андрей Петрович. — Мы ведь подружились, а вы деньги... Главное, вы в безопасности.

— Спасибо, что выручили. Как говорила бабуля, хорошие люди не переводятся... Знаете что? Поедьте со мной! У нас на старой колхозной бригаде конеферма. Есть где переночевать. А табунщик привезет вас сюда на тележке.

— Тронут... Спасибо! Но есть обстоятельства... Да и как бросать машину?

Через минуту они расстались. Андрей Петрович невольно шагнул следом, остро ощущая миг разрыва, хотел окликнуть и остановить убегающую к машине родную душу. Но снова сдержал себя. Детство у Жени прошло с другим человеком, с другим дедушкой. Наверстать упущенное невозможно. Потом, если сложится, внучка сама рассудит...

И вновь он остался один в осенней степи!

И нужно было возвращаться к пристанищу. Андрей Петрович подобрал домкрат, очистил галоши о край доски и пустился в обратную дорогу.

Однако, подходя к палатке, оторопел. Женский силуэт приближался со стороны хутора, и трепет все сильнее охватывал душу. Она была необычайно величественна, эта неведомая странница, и почему-то двигалась, как луч,

вскользь. Андрей Петрович догадался, что это не призрак, а Степовица, о которой слышал от стариков в детстве, хранительница отчей земли и народа казачьего. Святая с иконой Донской Божьей матери в руках появлялась накануне грозных событий, неминуемых бед и наставляла на дела героические во спасение родины. В эту выдумку он не верил, а сейчас заворуженно стоял на месте, боясь пошевелиться... Откуда-то из поднебесья звучал высокий молитвенный глас: “Заступнице верных Преплагая и Скорая, Пречистая Богородице Дево! Молим Тя перед святым и чудотворным образом Твоим, да яко же древле от него заступление Твое граду Москве даровала еси, тако и ныне нас от всяких бед и напастей милостиво избави и спаси души наша, яко Милосердая!”

Светлый смутный столб истаял в предзоровой дымке. Но едва мелькнула догадка, что святая недаром объявилась в донской степи, — изболелись казачьи души в печали и недоле, — как Степовица вновь показалась на гребне бугра. Теперь стало различимо ее светлое одеяние, широкие рукава наподобие крыльев. При движении она взмахивала ими, — и черные косоглазые призраки, напоминающие то ли зайцев, то ли пауков, то ли бесов, в ужасе шарахались от нее, а многие исчезали напрочь. Андрей Петрович, не веря глазам, наблюдал, что же будет дальше? Из-за прибрежных деревьев выскочил “ниссан”, тот самый, уже бывший здесь. Степовица гневно оглянулась и сильней, чем прежде, взмахнула рукой...

13

Безотчетная тревога заставила Андрея Петровича проснуться. Стояло утро, и где-то неподалеку перекликались криквы. В палатке, впрочем, было еще меркло. И, не оступ от сна, он прислушался, не едет ли, в самом деле, рейдерский внедорожник? Но кроме утиноного переполоха и шелеста камыша слух ничего не уловил. Вот ведь чудеса: так устал ото всего за ночь, что не помнил, как пришел, как утредился в палатке... И опять вспыхнуло в сознании: у него есть внучка! Красавица внучка, с которой свел Бог несколько часов назад... Может, по какому-то высшему закону добрые дела, творимые человеком, постепенно накапливаются, и в определенный момент за это воздается?

Не чаял он такого поворота в судьбе. Приятно было просто знать, что у него есть дочь и внучка, думать о них, родных по крови и незнакомых по жизни. Сегодня Василий обещал узнать номер телефона Натальи. Всё зависело от разговора с ней...

Он лежал, пока внимание не привлек голос неведомого певца. Дрожащий тенор заливался так самозабвенно, что слух отмечал каждое слово, как будто по-новому открытое этим златоустом.

*...За що полюбыла
Чорнявого Иванко?
Иванко ты, Иванко,
Сорочка вишиванка.
Высокий та стрункий...*

Андрей Петрович выбрался на берег. И ахнул от светлыни и размаха безветренного сентябрьского дня! Он лучился со всех сторон в блеске дождевых капель на камышах и траве, на стеклах и кузове “жигуленка”, на деревьях. Какими-то выпуклыми и веселыми казались белобокие облака среди небесной сини, отраженной в пруду, а само небо — добрым, необычайно высоким, сулящим покой. Тонкой медвянью пахли отцветающие бурьяны. Улавливалась в разреженном воздухе горчавинка полыни. И разлет лога с ближними полями, и берег, и большая светозарная вода, и горизонт — вся эта величественная панорама степи до слез волновала и радовала.

И вновь думалось о дочери. Напоминает ли характером мать, что взяла от него? Неиспытанное ранее чувство — отцовское тщеславие — побуждало

домысливать, представлять Наташу уважаемой, занимающей высокое положение. Рядом с ней была и Женья, которая казалась ему всё лучше...

Он вновь заметил лебедей в конце пруда, их изломанное легкой зыбью отражение, и долго в задумчивости смотрел на эту неразлучную пару. Осень, пора прозрения и грусти... Эх, Марина, Марина...

По раскисшему двойнику, со стороны злополучного моста, подъехала подвода о двух лошадях. Впереди горбился сухощавый цыган в мешковатом пиджаке, надетом на голое тело, и в приплюснутом картузе. Он-то и оглашал песней окрестность! Лошадки были отменно справными и, судя по порывистому шагу, не стары. Несмотря на грязь, шарабан, сбитый умелой рукой, едва успевал вращать колесами. Завидев рыбака, цыган натянул вожжи.

Андрей Петрович пошел ему навстречу, махая рукой.

— Уважаемый! Возьмите машину на прицеп! До грейдера.

— А зачем сюда ехал? — насмешливо возразил возница. — Илюшка, помоги. А я один... Но, кудлатая! — И стегнул по крупу рыжей кобылы махорчатым кнутом. Она дернулась, круто выгибая голову. Вторая лошадь, вороная, поневоле подалась за ней. Телуга с разгона развернулась и остановилась впереди “жигуленка”.

Илюшка спрыгнул на траву и примотал вожжи за ступицу колеса. Наблюдавший за ним Андрей Петрович от столь редкостного везения заулыбался.

— Я палатку соберу. И снасти еще...

— А сколько дашь? — разминая сигарету, буркнул цыган и прищурился. — Водки нема?

— Коньяк.

— Давай. Вместо денег. А после разберемся!

По весу определив, что спиртного кот наплакал, Илюшка стал прикладываться к фляжке короткими поцелуями. Вертя головой вслед рыбаку, мечущемуся туда-сюда, причмокивал языком и рассуждал:

— Кризис... Это у миллионеров и президентов кризис! А у нас с тобой какой кризис? Что с мене взять? Вот лошади, есть еще корова, телка, баба и трое короедов. Хаты своей нема. Не сгорит! На конеферме живем. Ты тоже — простой, на дешевой машине. Я коней пасу, охраняю. Ты на пенсии, дядя, рыбу ловишь. Что нам терять? А за подмогу у мене цена не меняется — магар щедрый. Ты чем ловил? — сыгтал Илюшка, наклоняясь к стекающему на траве садку, полному подлещиков и крупных карасей.

— Удочками.

— Ой, брешешь! От аккумулятора электричеством бил?

Разъяснения и рыбацкие хитрости Андрея Петровича, между разговором укладывающего в багажник пожитки, слушал цыган, пьяненько посмеиваясь. Вдруг оживился, до конца выщедил коньячок и отдал фляжку.

— А лучше — электричеством... На трех машинах из станицы начальники приезжали, глушили током. Я на другой день полмешка насобирал. Дурная рыба становится, еле плавает. Здесь её богато! А сеткой не схватить. Коряги. Омута страшные... А какой у нас с тобой кризис? Выпил малость, песню завел — и жить можно. Моя бабка учила, — она всех лучше в Мариуполе гадала, — птичка по зернышку клюет и сыта, а свинья жрет ненасытно и не остановится, пока не заколот. Всего золота не захватишь. Дают — бери, а бьют — беги. Главное, чтоб душа не горевала... А кем же ты, дядя, хозяйкиной дочке доводишься? Разбудили ни свет ни заря, заставили по грязюке ехать.

— Какой дочке? Не понимаю.

— Той самой. Женьке.

Андрей Петрович снова улыбнулся от прихлынувшей теплоты, от мысли, что позаботилась... внучка, которая уже относится к нему как к знакомому человеку. И от этой охватившей радости воскликнул излишне громко:

— Близкий родственник! Ну, давайте трос крепить?

Илюшка собственноручно зацепил его за железный рог, привинченный болтами к задку подводы. Андрей Петрович завел мотор. Лошади, атласно блеснув боками, дернули и потащили, взбодренные возницей. “Жигуленок”

юзом заскользил по влажной траве. Везти машину по раскисшей дороге и обочине оказалось далеко не просто. Её мотало из стороны в сторону, слой грязи на колесах приходилось время от времени счищать лопаткой. К тому же цыган жалел лошадей, давал им отдыхать. Наконец, добрались до “профиля”, как называли старую дорогу.

Илюшка слез с подводы, пробубнил с хмельным раздражением:

— Раз ты родственник, то скажу, не в передачу... Евгения — обходительная девка. А вот мать ее, Андреевна, хоть и умная, а лютая. Каждую копейку считает. До мужиков охочая, по красоте. Со своим охранником молодым спуталась. А дочку держит в районе навроде надсмотрщицы. А тут с Кавказа люди власть берут. Всех себе подчиняют. На конферму днями приезжали. А девчонка — натурная, не покорилась. Забери ты Евгению от греха!

— А где сейчас она? — встревожился Андрей Петрович, предчувствуя что-то неладное.

— Небось по делам — в станицу либо в Ростов. А машину гоняет — на пропасть! Не девка, а буря. Да! Передала вот, — запоздало вспомнил табунщик, запуская руку в карман задубелых от грязи джинсов. — Как ее... визитку.

Цыган уехал не прощаясь. И вскоре донеслась его бесшабашная протяжная песня, сливающаяся с солнечным простором, с тишиной и отдаленными голосами птиц.

14

Андрей Петрович неторопливо вел машину, переговариваясь с братом. Тот, по случаю выезда в райцентр, снова принарядился в казацкую форму и держался с напускной солидностью. То и дело оглаживал свои скрученные на кончиках черные усы.

— Владения Шацкой! — указал Иван на пашни, потянувшиеся вдоль дороги. — А какой был колхоз! На всю область гремел. Сперва налоговики обложили. Потом банкротили все, кому не лень. Мне их атаман жалился... Назначили управляющего. Он пригнал на уборку комбайны, знаешь, откуда? Из Турции! До слез горько... Федор поднял казаков. А ему из прокуратуры позвонили. Назвали закон и статью, по какой за экстремизм в кутузку.

— А ты знаешь, кто такая Шацкая? — с затаенным волнением спросил Андрей Петрович.

— В каком смысле? — вскинул Иван разлтые брови. — Чистая буржуйка! Хоть и помогает...

— Она — моя дочь, — с расстановкой сказал Андрей Петрович. — И Марины, первой моей жены.

— Да ну? Ни хрена-а себе... — изумленно протянул брат, вскидываясь на сидении. — А чего ж ты молчал? Значит, родня!

— Мы двадцать два года не встречались. А вчера вот узнал о ней... Позвонить я Наталье, конечно, позвоню. Но напрашиваться, как бедный родственник, не стану... А этой ночью, веришь, помогал перехать старый мост Жене. Родной внучке! И тоже промолчал. Совестно объявляться дедом. У нее уже был...

— Евгению Павловну я знаю. От агрохолдинга у нас. Девчонка деловая, но такая своево-ольная! Вся в мамку. Значит, внучка твоя?

— Ум, Ваня, не порок. Ломать проще. Создавать свое — сложнее.

— Я тебе больше скажу! — ожесточился Иван. — Твоя Наталья радеет за край. Но она — малая пешка. Деньги на развитие сельхозпроизводства выделяет государство, а где они? Попробуй, как фермер, возьми кредит! Там такие проценты, что без штанов останешься. Я-то знаю! Вот и прокручиваются несметные средства через банки, а оседают они опять же в московских карманах. Факт! Прожить даже без нефти и газа можно. А без хлебушка, без земли-кормилицы ноги протянешь. Потому так бьются за угоды!

Звонок Лукьянченко застал у станичной окраины. Он, извинившись, общил, что приболел, к тому же полон дом гостей. Но с начальником ГАИ

связался и дал ход оформлению документов. “Мероприятие недели на две откладывается, пока не вернусь из онкоинститута, — предупредил приятель. — Телефон Наташки твоей пока не раздобыл. Я на днях его узнаю и обязательно позвоню. Не теряйся, будь на связи!”

У нотариуса пробыли недолго, сдали паспорта, нужные бумаги, прихваченные Иваном, и юная секретарша, одновременно болтая по телефону и печатая на компьютерной клавиатуре, составила и отнесла документ начальнице. Та дала его по очереди прочесть и потребовала подписи. И содрала девятьсот рублей. Стал Иван полноправным владельцем теткиного имения! И, принимая поздравление, прочувствованно сказал:

— Ты, Андрюша, по совести живешь. Ни у кого не крал, никому не заживовал. Детей учил!

— Не безгрешен, — с грустной усмешкой возразил Андрей Петрович.

— Повинную голову меч не сечет...

Они ехали на автовокзал, откуда Иван должен был на маршрутке вернуться домой. Перед перекрестком, в центре станицы, улицу перегородили две милицейские машины с проблесковыми маячками. В глазах зарябило. Андрей Петрович увидел впереди серебристый джип, впечатанный бампером в оградительную решетку. Дверца со стороны водителя была распахнута, лобовое стекло в нескольких местах — продырявлено. Толпа ротозеев что-то оживленно обсуждала. Почему-то у всех лица и одежда были фиолетовыми. Трое гаишников, тоже странных внешне — с длинными носами и в огромных форменных фуражках, блокировав движение, шевелили синими губами, переговариваясь по рации. Андрей Петрович ощутил, как похолодело в груди...

— Никак покушение? — предположил Иван, приглядываясь. — Кровь на сиденье. Ё-кэ-лэ-мэ-нэ... По-моему, дочка Щацкой джип... Номер — три тройки.

Это Андрей Петрович понял раньше брата. И, объятый душевной болью, он выскочил из машины.

— Назад! — бухнул криворотый лейтенантик, взмахнув жезлом. — Нельзя!

— Что с ней? Жива? Я дед ее! — потерянно выкрикивал Андрей Петрович, обращаясь то к одному, то к другому милиционеру.

Брюхатый гаишник, с выпученными глазами и двойным подбородком, раздраженно выкрикнул:

— В реанимации она! А вас по-опр-рошу отсюда!

Мир земной рушился. И вернуться в прошлое, не помеченное горем, уже нельзя было. Какой-то пропойца, с отеками под глазами, рассказывал, как на его глазах обе машины остановились у светофора, а из “ниссана” выбежал в маске лохматый парень и расстрелял из пистолета девочку в джипе.

— Он её в упор замочил! Кровищи — фонтан...

— Мамаша доллары гребет! Не поделилась, должно, — со злорадством протараторила тетеха в красной шапочке, с испитым лицом. — Врач со “скорой” дыхание ей делал... Значит, пока не дошла...

Андрей Петрович мчался в больницу.

В суматошной горячке, обретя не присущую ему смелость, бывший учитель громко пререкался с медсестрой, требуя пропустить к заведующему отделению; затем — с врачом реаниматором, у которого удалось выведать, что у Жени задето легкое.

— Это чудо, что она не скончалась на месте, — признался угрюмый очкарик в белом халате. — Всё теперь зависит от операции!

Андрей Петрович отвез брата на автовокзал. На обратной дороге подрулил к милиции. Дежурный по райотделу, чернявый подтянутый капитан, объяснил, как составить заявление. Тут же, в вестибюле, Андрей Петрович написал о рейдерах, обо всём, что могло помочь следствию.

...Он ждал, отрешенно воспринимая всё, что окружало в больничном дворе. Внимание привлек лишь приезд “лексуса”, из которого высадились два атлета в костюмах и женщина в светлом. Им навстречу спустился по ступеням лысоватый человек в белом халате. “Главный врач!” — заметил кто-то из сидевших на скамье у цветника...

На отшибе стоял корпус роддома. И Андрею Петровичу явственно вспомнилось, как забирал оттуда жену с Натуськой. Все помыслы были только о малышке. Он сразу, всем нутром полюбил этот тепленький комочек, завернутый в пеленки. Очень хотелось, чтобы выросла она похожей на мать. И первое время, когда было особенно трудно, всячески помогал Марине: укачивал дочурку, купал, катал на коляске. И первым словом, которое произнесла дочурка, почему-то было “папа”...

Теперь, сбивчиво размышляя о потерянном, Андрей Петрович сравнивал судьбы сына и дочери. Какими разными были их матери! Какими несходными оказались и дети! Наталья, унаследовав казачий нрав, ринулась в жизнь целенаправленно и смело. И, пройдя многие лишения, набив шишек, обрела и богатое положение, и признание. А Эдик бросил политехнический на третьем курсе, постоянно водился с друзьями, редко бывал дома. Отслужил армию. И пошел в бригаду отделочников подсобным. Теперь работал в Москве. Сошелся с какой-то женщиной, старше его намного, и был этим вполне доволен...

Мучительно ползли часы. Ни о чем не думалось, ничто не утешало. Наконец из здания стали выходить врачи. Андрей Петрович увидел Володю Журавского.

— Володя, кто оперировал? Ты? Как Женья? Я... ее родственник.

— Я не бог, Андрей Петрович... Тяжелая... Лучше вертолетом перебросить ее в ростовскую клинику. Больше возможностей...

— Может, лекарства нужны? Или кровь? Я — почетный донор.

— Какая группа?

— Третья. Резус — отрицательный.

Журавский, подумав, кивнул и повернул обратно. У входа в хирургическое отделение та самая неговорчивая медсестра выдала бахилы, и Андрей Петрович зашагал по коридору, вдыхая резкие запахи больницы. Возле перевязочной бывший ученик оставил его, а сам скрылся за стеклянной дверью. Поблизости, у торцовой стены с надписью “Реанимационное отделение”, на скамье громоздился в накинутом белом халате широкоплечий, глядящий исподлобья “качок”. И Андрей Петрович отошел в сторону...

Когда медсестра отсоединила систему для переливания крови и, наложив на руку повязку, велела ему полежать, стукнула входная дверь. Раздался перестук каблуков. Андрей Петрович повернул голову и мгновенно узнал дочь. Она была в белоснежном батнике с расшитым воротом и светлой юбке. Резко контрастировали с одеждой загорелая кожа, черные очки и темные, коротко стриженные волосы. При ее появлении точно властный ветерок пролетел по всей перевязочной. Журавский, куривший у открытого окна, оглянулся и замял в пепельнице окурок. Взволнованная мать, очевидно, хотела обратиться к доктору по другому вопросу, но, увидев емкость с только что набранной кровью, возмущенно отчитала:

— Доктор, вы говорили, что крови и заменителей достаточно. Почему же ведете старичье?

Хирург недоуменно усмехнулся:

— С чего вы решили, что забор крови для дочери? У донора редкая группа. Кровь всегда пригодится. И притом, он же ваш...

— Свои проблемы решайте в другое время. А мне этого не надо! — тяжело от гнева голос бизнес-леди. — Сколько вам нужно крови? Тонну? Две? Я достану!

— Ради бога, Наталья Андреевна.

Андрей Петрович услышал только громкие удаляющиеся шаги и громкий хлопок двери. Журавский в сердцах ругнулся и посетовал, что мамаша-миллионерша “поставила всю больницу на уши”. Дважды звонил областной министр и подробно интересовался ходом лечения...

15

Когда Андрей Петрович вышел из больницы, в степной дымке, за окраиной садов, вновь багровел шар солнца. Напряженная тишина держалась в глубине сквера, возле которого оставил машину. Тихонько рокотали под-

сохшей листвой клены. Чуть в стороне, вблизи школы — их с Мариной школы! — гомонила детвора. Он вспоминал лицо дочери, ее прокуренный низкий голос. По всему, человеком она была сложным, непредсказуемым. Теперь, оценив всё в реальности, Андрей Петрович ужаснулся прежним надеждам: разве могут они сблизиться? Точно бы светлая, окрыленная их любовь с Мариной воплотилась в нечто противоположное.

Сотовый в барсетке настойчиво кулюкал. После сдачи крови ему, заметно ослабевшему, ни с кем не хотелось говорить. Но, подумав, что звонит Лукьянченко, привычно нажал клавишу.

— Оформили? — простонала Алла и затагнула вдруг плачущим голосом: — Мне плохо... Думала, до утра не дотяну. Забирай документы и приезжай.

— Теткин дом я подарил брату, — уверенно и как будто даже весело сообщил Андрей Петрович.

— Ну, и шуточки у тебя. Что, с Ванькой выпили?

Андрей Петрович отключил телефон и убрал в барсетку. Звучно докатился мелодичный удар колокола. Гигантскими павлиньими перьями доцветали облака. Он вспомнил вчерашнюю наполненность души, лепестковую гладь пруда, ливень, Женю. Одна ночь и день перевернули жизнь!

Андрей Петрович встал и, еще не ведая куда, побрел по аллее.

Войсковую станичную церковь, уцелевшую от большевистского разора, окружали строительные леса. Он вошел в прохладный, пахнущий ладаном полумрак. Образа озарялись догорающими свечками. И лики святых, как всегда, волновали несказанной печалью. Служба кончилась некоторое время назад, но перед алтарем стояли прихожане, а в левом притворе, у иконы Николая Чудотворца — одиноко молящаяся. Андрей Петрович прикрыл глаза и мысленно обратился к Господу и Богородице за помощью спасти Женю! Почему-то подумал, что здесь они лучше услышат его и поймут. Однако в сокровенном безмолвии, прежде всего, он услышал, как стучит его сердце. Сбоисто, изношенно, покаянно. И понял то, что неведомо вне храма: воистину верующие приходят сюда, чтобы услышать свои сердца и очиститься от житейской скверны.

Быстрый шум шагов позади него заставил посторониться. Молодой чернобородый священник в темной рясе прошел мимо и передал несколько свечей одинокой прихожанке. Она, покрытая белой косынкой, стала зажигать их от огарка на жертвеннике, ставить в ячейки, осеняясь крестным знаменем. Батюшка стоял рядом, читая молитву.

Наконец, женщина в светлой одежде повернулась и в сопровождении настоятеля храма направилась к выходу. И Андрей Петрович ощутил на себе цепкий взгляд, его неприязненный блеск. В повязанной по-сельски косынке выглядела Наталья суровой. Но вдруг, меняясь в лице, она стала замедлять шаги и остановилась. В темных прослезившихся глазах была такая удивленность и теплота, что Андрей Петрович невольно шагнул навстречу...

— Я сразу не узнала, — дрогнувшим голосом проговорила Наташа. — Прости... Сама хотела тебя разыскать... И мама перед смертью просила, чтобы мы помирились...

И боль, и слезы, и смятение душили Андрея Петровича. Но он нашел в себе силы взять дочь за руку и убежденно сказать:

— Значит, это она и Женя свели нас...

Священник, перекрестив, проводил их к паперти и осторожно притворил дверь храма, озаренную последним закатным лучом.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

НИОТКУДА, КАК ЧУДО, ПРИХОДЯТ СЛОВА...

* * *

Снежинки и льдинки налипли на мех.
Что смотришь во тьму и молчишь?
То синий, то алый проносится снег
Над жестью завьюженных крыш.

Деревья в заснеженных нимбах стоят
То синих, то огненных крон,
И стаи во двориках старых галдят
То синих, то алых ворон.

И Бог, говорящий на всех языках
И светом сходящий сюда,
То цветом поет в леденеющих тьмах,
То запахом яблок и льда.

Уютен и тих небольшой городок,
И мысли, как тучи, низки.
Нам замыслов дерзкое пенье не впрок,
И подвигов жар не с руки.

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске, закончила Смоленский педагогический институт. Работала в библиотеке, в издательстве и газетах. Автор книг "Золотые шары", "Птицы в городе" и подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Нам нравится таксу гулять и вязать,
Под лампою старой склонясь.
Немного любить и немного страдать,
В душе не дерзая на страсть.

Ведь быт с бытием перепутавший прах
Чуждается мудрых словес.
Но что там сияет в метелях и льдах
С горячих высоких небес?

Не ангел ли вьюги? Не Бог ли зимы?
Застигнув врасплох и всерьез,
Нахлынет сияньем из снега и тьмы —
И осветит душу до звезд...

* * *

Желтоглазый, тысячеочитый,
Полный трав и белого огня,
С косарями брошенной орбиты
Луг в ромашках смотрит на меня.

Сонмом глаз восходят в травах звезды.
Тьмой живых цветов неопалим,
В сотни рос рождая дух и воздух,
Луг горит, как белый Херувим.

Засмеюсь, чтоб солнцем из тумана
Засветили детские мечты,
Чтоб росой по рюшам сарафана
Исхлестали мокрые цветы.

Чтоб шмели клубились по орбитам,
И жуки в пыльце цветочных строк
Изгудели дебри дней сердито,
Излетали сердце поперек.

Рухну в травы родины высокой.
Друг мой, сердце, дай на все ответ!
На судьбу взгляну тысячеоко,
И увижу — только белый свет.

* * *

В неприметности русских пейзажей —
Трепет тайны с избытком души.
Грач програет и тополь расскажет,
Как неброские дали свежи.

Приглушенные краски и тени
Старых улочек в шелестах ив.
Нежеланье с оттенком смущенья
Попадаться в чужой объектив.

От прохожих чужих отвернется
С голубою резьбою крыльцо.
Кот метнется, голубка взовьется,
Бабка долу опустит лицо.

Так чисты и просты эти души,
Не грешившие сроду поднесь,
Что и взглядом возможно разрушить
Жизнь, смиренно текущую здесь.

Вон церквушка, сбегая со склона,
Отразясь в облаках над рекой,
Как девчонка, зарделась смущенно
И, стесняясь, закрылась рукой.

И смутясь простоты и смиренья,
Что сияют свечами внутри,
Затаившись, глядит из сиреней:
— Нет, нельзя, не смотри, не смотри!

* * *

За каплю веры — вечный свет в окне —
Грозится век десницею своей.
Я все отдам, но дело не в цене.
Служу Любви, как лучшей из идей.

Ведь русский ищет смысл и просто жить
Не может в мире горя и утрат.
— О, кто ему поведает, как быть?
— Живи, как все!

— Да он бы, в общем, рад...

Не то что дом — страна и мир вверх дном,
Но выше хлеба Духа высота.
Ведь разве можно думать о другом,
Когда распяли нашего Христа!

И русский (что творится в голове!)
Жизнь брENNую идее вслед влечет.
Кричит Европа: “Он в своем уме?”
А Достоевский шепчет: “Идиот...”

Страну поправ, разрушив жизнь свою,
Ждет участи у трех кривых дорог.
Сидит в пустыне мира, как в раю,
И говорит: так лучше виден Бог!

ДВА СОЛОВЬЯ

Как посвистнет разбойно, да как запоет
Соловьинного леса Варавва,
Только огненный пепел, взрываясь, плывет
На долину от черной дубравы.

Вражьим стягом клубится кровавый закат.
Окаянную песней заклЯты,
Танки в безднах ревут, черти в прорвах хрипят,
В жерлах времени рушатся хаты.

Но приходит на землю великий покой,
А с покоем — ночная отрада:
Над землей соловей запекает другой
Из цветущего белого сада.

Золотая сияет сквозь ветви луна.
По округе ни лая, ни стука.
На воронки и гари плывет тишина,
Отделяясь от вещеого звука.

Ниоткуда, как чудо, приходят слова.
И от песни любви неустанной
На руинах усадеб восходит трава,
Заживают кровавые раны.

Я сама благодатною трелью жива —
Соловиною Божьею тайной.
Запиши мне на память простые слова
Этой песни, святой и печальной.

* * *

Все меньше их, детей русоволосых,
В дыму высоток, тонущих во мгле.
Все меньше русских роковых вопросов
О вечном смысле жизни на земле.

Других племен беспечный отпрыск сытый
Посмотрит вскользь, толковник сжав в руке:
О, что за надпись на могильных плитах
На русском позабытом языке?

Гниют на свалках золотые книги,
Которые лишь ветер и прочтет.
Влачит судьбу по свету, как вериги,
Писатель, переживший свой народ.

Он знал еще и Пушкина, и Блока,
А нынче вечно молвит не о том:
От русских знаний слишком одиноко
Без меры пить во времени чужом.

Не жаль ему ни дней с налетом тлена,
Ни старых песен вольную печаль.
Лишь Божьих слов, плененных во вселенной
Чужих наречий — как России, жаль.

* * *

Пишу — рукавицей по снегу в Мадрид и Париж
Из тьмутаракани в сосульках, свисающих с крыш!

Смеется Урюпинск, Смоленску поет Чухлома,
И снова антоновкой русская пахнет зима!

Сугробы и звезды — в сумбуре родящихся строк!
Осмыслить не поздно, в какой ты попал уголок!

Хлеб с коркой хрустящей приснился в снегах воробью.
Соседке Маринке — морозное слово “люблю”.

Матренушке бабке — в сияющих розах платок.
Ивану деду — снежный шелест евангельских строк.

Проснулся алкаш на сугробной перине зимы —
Поведал мальчишкам свои межпланетные сны.

Он вещий поэт, но не надо мирской суеты!
Он с миром на “ты” и с великой Вселенной на “ты”.

Не членством в Союзе дивил он свой лазерный век.
В бутылке — три музы. Над музами — вечность и снег.

Сольются в колодце в одно “никогда” и “всегда”.
А вечность не сложишь, как ты ни мудри, изо льда.

Что ж, вечность не сложишь, так вечно невечным живи!
Ты вечность не сложишь, но сложишь признание в любви!

К спящему миру с пивнушкой “Заря” у пруда,
Летающему в бездне — мальчишкам известно, куда!

Где звезды смеются и розами заткан Покров,
И ловят антенны известия дальних миров.

ОЛЕГ СОЧАЛИН

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИГРА

ПОВЕСТЬ

Глава 1. От первого лица

4 декабря

Сегодня я в первый раз подумал, что Евгений может и не перезвонить. Но сейчас мне стыдно за эту мысль. Евгений — настоящий мужик, он не мог просто так дать человеку надежду и исчезнуть! В конце концов я ни о чём его не просил. Он сам меня нашёл. Это было всего четыре дня назад. Вернувшись из института, я, как обычно, лежал на диване и разглядывал потолок, всерьёз думая, смогу ли до него доплонуть.

В коридоре противно запищал телефон. Мне было лень вставать, к тому же я знал, что мама, хоть и была занята на кухне, не выдержит и скоро снимет трубку.

— Артём, в следующий раз я скажу, что тебя нет дома! Ты совсем уже обленился! Подойди к телефону, это тебя!

Пришлось встать и, шаркая тапочками, выйти в коридор.

— Привет! — звонили по межгороду и слышно было плохо, но голос Владимира Евгеньевича Золотова, тренера, который выгнали меня из посредственной провинциальной команды, поверил в меня, позвал в Москву и выбил мне контракт с московским “Динамо”, сорвавшийся по моей глупости, я узнаю всегда.

СОЧАЛИН Олег Игоревич родился в 1986 году в Московской области. Окончил Российскую экономическую академию имени Г.В. Плеханова и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького (семинар А.В. Воронцова). Играл в футбольной команде «Красная Пресня». Печатается впервые. Живет в посёлке Кубинка Московской области.

— Владимир Евгеньевич... — от неожиданности у меня перехватило дыхание.

Подробности разговора я не помню, всё происходило словно во сне. Евгенич спросил, чем я занимаюсь, поинтересовался моим здоровьем, а потом предложил вернуться в футбол. Он пообещал перезвонить, когда найдет для меня команду.

Родителям я пока ничего не сказал. Не хотел их расстраивать. Они свято верят, что я, наконец, отказался от навязчивой идеи стать футболистом и теперь всерьёз возьмусь за учёбу. Терпеть не могу, когда отец, на минуточку отвлекаясь от телевизора или от чтения газеты, снимает очки и, пристально глядя на меня, говорит: “Артём, тебе уже восемнадцать лет. Пора уже подумать о своём будущем. В твои годы я больше времени уделял учёбе”. Ладно ещё, если бы он действительно так считал, а не мама просила его со мной поговорить. Нет, вообще-то он хороший мужик. Что ни говори, а мы с матерью никогда ни в чём не нуждались, но иногда у меня складывается впечатление, что отцу по фигу, чем я занимаюсь, лишь бы это не мешало ему смотреть телевизор и отдыхать после дежурства. А мама... Мама есть мама. Она считает, что в её власти уберечь меня от любого неверного шага, и до сих пор корит себя в том, что не удержала меня дома в то чёртова воскресенье, когда я сломал лодыжку, решив размяться и поиграть у себя в городке с местными мужиками. На следующий день я должен был ехать на медосмотр в московское “Динамо”.

5 декабря

Наверное, в жизни каждого игрока есть поступки, за которые не просто стыдно, а которые не хочется даже вспоминать, хочется просто вычеркнуть их из жизни, как будто ты никогда ничего подобного не совершал. Ты не хочешь иметь ничего общего с тем, кто позволил себе подобную гадость, но если на поле в тебе проснулась агрессия, значит, она всегда была в тебе, потому что на поле человек всего лишь остаётся самим собой. Ты и только ты несешь ответственность за свои поступки и за их результат.

Однажды я умышленно нанёс травму вратарю соперника. Вернее, я вполне мог избежать столкновения с ним, но не захотел этого сделать. Мы играли с лидером нашего дивизиона командой “Ультры” и переигрывали их во всём: больше владели мячом, больше били по воротам, быстрее двигались по полю, но никак не могли забить. Их вратарь просто творил чудеса. Минут за пятнадцать до конца матча меня практически вывели один на один с ним, но пас был слишком сильным, и я видел, что не догоняю мяч, но пошёл до конца. Вратарь уже в падении поймал мяч, когда я коленом врезался ему в голову, не захотев вовремя остановиться. Парня унесли с поля на носилках, и я понятия не имею, что с ним дальше случилось. Евгенич сразу же меня заменил, чтобы никто из соперников не смог мне отомстить и нанести травму. То, что я сделал, обычно не прощается.

Ни до этого матча, ни после я не слышал, чтобы Евгенич на кого-нибудь так орал, как орал на меня в тот день. Мне казалось, что оконные стёкла в нашей раздевалке вот-вот лопнут. Особенно, когда он доказывал, что нельзя добиваться победы любой ценой. А мне было всё равно, ведь мы всё-таки забili запасному вратарю “Ультры” гол и после этого матча поднялись на третье место. “Победителей не судят”, — думал я.

Только теперь я понял, что настоящего игрока вряд ли обрадует такая победа, потому что настоящий игрок всегда стремится не просто выиграть, а обыграть соперника. Обыграть честно, безоговорочно, чтобы у противника не было даже мысли свалить вину за поражение на плохое поле, невезение или ошибки судьи. Это удаётся далеко не в каждом матче, но если твоей команде это удалось, то ты испытываешь от игры истинное удовольствие, ты наслаждаешься каждым движением, потому что оно осмыслено. Ты неотделим от своей команды и в такие моменты чувствуешь себя частичкой здорового организма, в котором нет ничего лишнего, который с каждым днём растёт и жаждет стать ещё сильнее. В обычной жизни я никогда не испытывал ничего подобного.

В обычной жизни слишком много рутины, слишком много шелухи, а на футбольном поле каждое твоё слово имеет значение. Нужно выразить свою мысль предельно кратко и точно. Дай! Слева! Справа! Оставь! Проще! Шире! Каждое слово искренне. Ничего лишнего. Никто не станет кричать: “Ар-тём, сади тебя бежит защитник и, судя по всему, он стремится отнять у тебя мяч. Будь, пожалуйста, осторожнее!” Тебе просто крикнут: “Горишь!” — и ты понимаешь, что у тебя нет времени на раздумья. Эта ограниченность во времени и рождает красоту игры, когда тебе постоянно нужно искать решения актуальные только здесь и сейчас, их некогда проверять, через несколько секунд уже потребуются другие действия. Для меня это и есть творчество, только это и помогало мне чувствовать, что жизнь достойна того, чтобы жить.

6 декабря

В футболе не бывает случайностей, здесь каждый получает только то, что заслуживает. И свою травму я заслужил сполна.

Это было в прошлом году, в конце июня. Точно помню, что было воскресенье, потому что именно в воскресенье на небольшом стадиончике нашего городка собираются местные любители футбола, чтобы погонять мяч, а потом хлопнуть пивка. В тот день я решил всем им показать, на что способен без пяти минут игрок московского “Динамо”.

Я выбрал своей “жертвой” толстого, лысеющего сорокалетнего Виталика, пришедшего в новых, пижонских розовых ботинках. Когда-то Виталик играл здорово, даже становился чемпионом Московской области, но беда не в том, что мужчины стареют, а в том, что не хотят этого признавать. И в свои сорок Виталик считал, что может играть ничуть не хуже двадцатилетних парней, он постоянно учил всех играть, и это здорово раздражало.

Я решил указать этому пижону на его место. Во время игры я пробросил мяч Виталику между ног, пробежал чуть дальше, остановился и подмигнул Виталику. Тот принял вызов и бросился меня догонять, но мяч снова пролетел у него между ног, а я пробежал мимо с криком: “Ой-ой-ой!” Над Виталиком начали смеяться, а тот из последних сил догнал меня и сыграл в подкате. Я вскрикнул от боли, упал на газон и почувствовал, как кровь хлынула к голеностопу, и тот начал разбухать. А ещё я почувствовал резкий, горький запах травы, запах, за который обожал футбол.

7 декабря

Мой точный диагноз звучал так: “Перелом лодыжки и растяжение дельтовидных связок голеностопного сустава с частичным разрывом”. Если ничего не смыслишь в медицине, то когда слышишь такое, кажется, что жизнь закончилась. На самом деле — это не такая уж и страшная травма. Месяц в гипсе, потом физиотерапия и лечебная физкультура. Через два месяца уже можно тренироваться. Но мои проблемы были куда серьёзнее.

Лёжа у себя дома с зафиксированной ногой, я впервые в жизни осознал своё одиночество. Впервые задал себе вопрос, губительный для футболиста: “А, может, я потерял что-то важное, проводя столько времени на тренировках?” Ведь я всю жизнь ограничивал себя в еде, напитках, развлечениях, общении — во всём. Я часто бывал в Москве, но не видел там ничего, кроме вокзала, метро и футбольного поля. У меня не было настоящих друзей, с которыми я мог бы поговорить о чём-то кроме футбола, я совершенно не разбирался в кино, музыке, никогда не был в театре и в первый раз задумался об этом, только получив травму, после которой моя ограниченность стала просто невыносимой. Целый месяц в моём распоряжении были только те предметы, до которых я мог дотянуться, я не видел ничего, кроме своей комнаты, телевизора и кусочка неба в окне.

Я сломался, как только жизнь по-настоящему коснулась меня, первое же препятствие выбило меня из колеи. Я испытал боль, и с тех пор мной владел лишь страх перед новой болью. Я больше не хотел рисковать, не хотел быть профессиональным футболистом, потому что его карьера может завершиться лишь одним неудачным приёмом — от травм никто не застрахован.

Я понял, что в жизни всё решают реальные факты, как в футболе всё решают забитые голы. Не важно, кто создал больше голевых моментов, кто быстрее бегал, чаще бил по воротам, важно, кто забил больше голов. И реальные факты были такими: мне было семнадцать лет, я окончил школу, контракт с “Динамо”, по которому мне обещали зарплату в пять тысяч долларов, и это без премиальных, оплату съёмной квартиры в Москве и помощь в поступлении в институт физкультуры без экзаменов, чтобы у меня была отсрочка от армии, сорвался. Я понятия не имел, что делать дальше. Мама по благу пристроила меня в Плехановскую академию.

Что же я узнал за год обучения на инженерно-экономическом факультете Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова? Многое. Например, что учёба по-настоящему начинается ближе к сессии. Что в кофейных автоматах не такой уж и плохой кофе. Что в моём мобильнике, оказывается, есть множество захватывающих игр. Что в столовой пекут обалденные блинчики, а вот зразы с грибами лучше не покупать. Что пиво прекрасно утоляет жажду. Что девушки любят секс ничуть не меньше парней. Ещё я узнал, что во мне умер художник, потому что в единственной тетради, которую я брал с собой в институт, вместо конспектов лекций появлялись только какие-то странные рисуночки. Что чтение — не такое уж и скучное занятие. Что можно получить зачёт, абсолютно ничего не зная по предмету, а просто посещая каждое занятие. Что не так уж я и глуп и троечку за экзамен всегда смогу получить. А ещё, глядя на своих одноклассников, которые выслуживались перед преподавателями, с первого курса думая о красном дипломе, я понял, что жизнь то же соревнование, та же гонка, что и спорт, вот только цели этой гонки были мне непонятны.

9 декабря

После года учёбы мне стало ясно одно — я не наигрался в футбол. И вообще, футболистов бывших не бывает. Человек, пристрастившийся к футболу, уже не может остановиться, ему хочется играть снова и снова — это сродни наркотической зависимости, и сколько бы не обещал себе бросить, остановиться уже не возможно, это сильнее тебя. Футбол становится частью жизни, физиологической потребностью, одним из слагаемых нормального существования, а это уже гораздо больше, чем просто игра. Счастливы те, кто находит, чем заменить футбол, когда уже просто нет сил в него играть.

Я так и не смог найти. На летних каникулах, я изнывал от безделья в своём городке. Тогда я решил снова заняться спортом. Для начала решил бегать по вечерам. Почему не по утрам? Да потому что я просыпался только к полудню — чем позже проснёшься, тем короче будет очередной скучный день.

Сперва было очень тяжело. Когда после долгого перерыва начинаешь каждый день бегать, то живешь с постоянным ощущением боли. После пробежки хочется забраться в какое-нибудь уютное местечко и лежать, не двигаясь, потому что каждое движение обязательно отзовется болью в какой-нибудь мышце. Твоё тело уже не твой союзник. Оно постоянно шепчет тебе: “Остановись! Остановись! Отдохни. Зачем тебе всё это? Дай мне отдохнуть, и тебе станет лучше. Обещаю!” Я не хотел останавливаться, я хотел проверить, есть ли у меня характер.

Но физическая боль не самое страшное, её можно перетерпеть, ты знаешь, что со временем она пройдёт. Куда тяжелее было терпеть насмешки и неодобрение окружающих. Если раньше в нашем городке люди приходили на стадион заниматься спортом, то сейчас они в основном приходят побухать, сидя на сложенной из шершавых плит трибуне. И каждый вечер, пробегая мимо этой трибуны, я чувствовал исходящую от неё злобу. У меня складывалось ощущение, что на стадионе я лишний, что я мешаю нормальным людям отдыхать. Конечно, вслух никто ничего мне не говорил, только какой-нибудь шутник кричал в след: “Эй, спортсмен, давай прибавь!” или: “Может, лучше выпьешь с нами?” Но многие смотрели на меня так, что мне казалось, они вот-вот развернут транспарант “Брось это дело! Будь, как все! Ты уже один раз добегаешь!” — хотя, может быть, я просто преувеличиваю.

Так или иначе, вскоре я начал бегать в лесу. Там было куда спокойнее, и воздух чище.

12 декабря

Вчера ночью мне приснился удивительный сон. Я видел только идеально ровный, изумрудного цвета газон, по которому стелился густой туман, и больше ничего. Вдруг из тумана вылетел футбольный мяч. Белый, с чёрными шашечками, такими мячами играли ещё в восьмидесятых, он летел прямо на меня. Этот мяч был таким реальным, что я, не раздумывая, ударил по нему ногой и проснулся от того, что во сне со всей силы пнул шкаф, стоящий рядом с диваном. Грохот стоял такой, что из соседней комнаты пришёл разбуженный отец.

— Какой счёт? — поинтересовался он.

— Всё нормально, пап. Один ноль, ведём.

— Один. Мало, надо ещё забивать, — у отца с чувством юмора всегда был полный порядок.

Футбол не снился мне уже года полтора, а раньше чаще футбола мне снилась только одноклассница Вика. Я влюбился в неё в конце восьмого класса. Все мои сверстники уже вовсю отрывались на местной дискотеке и гуляли с девчонками, а у меня просто не было на это времени. С девушками я общался только в школе, а Вика была не только одной из самых красивых в школе, но и во всём городке. Красота и недоступность в то время были для меня синонимами, и я всячески старался скрыть свои чувства. Максимум, что я себе позволял — это украдкой поглядывать на Вику во время уроков.

Когда она не знала ответ на вопрос учителя, то опускала голову, немножко сутулилась, а на её щёках появлялся румянец. У неё были пышные каштановые волосы, голубые глаза. Когда ей было скучно, она наматывала на палец прядь волос. Когда она улыбалась...

Лучше буду писать о футболе! А Вика... она всего один раз видела, как я играю, случайно оказавшись на трибуне нашего стадиончика.

Я никогда не играл так, как в тот день. Ни до, ни после. Я успевал везде, если я получал мяч, у меня его уже никто не мог отнять, я забил три гола, и наша команда выиграла. После каждого гола я чувствовал на себе заинтересованный Викин взгляд, но сам даже не взглянул в её сторону, всем своим видом показывая, что для меня это обычное дело, что я всегда так играю. На следующий день в школе она сказала, что я здорово играл, а я только усмехнулся и ничего не ответил. Я даже не смог выдать из себя признание, что играл ради неё. Не смог, потому что не хватило смелости, не смог, потому что на мне уже не было буте и футбольной формы.

14 декабря

Многие футболисты предпочитают играть, когда на трибунах нет родных, близких или друзей. По-моему, это просто лодыри. Они всегда рады схалтурить на поле. Как ты можешь назвать себя профессиональным футболистом, если выкладываешься на все сто, только когда на тебя смотрят дорогие тебе люди? Благодаря Вике я перестал зависеть от зрителей. Мне было наплевать, даже если приходилось играть при пустых трибунах. Я всегда представлял, что за моей игрой следит Вика, и это здорово помогало. С того дня я решил, что буду играть только для неё. Я решил стать профессиональным футболистом, чтобы заработать кучу денег и в один прекрасный день подъехать к Викиному дому на большом серебристом джипе и увезти её в свою трехкомнатную квартиру в центре Москвы. Я сформулировал для себя вполне конкретную цель своей игры в футбол. Наверное, в этом и была моя ошибка, потому что с тех пор из моей игры исчезла лёгкость, вдохновение, без которого ты становишься слишком предсказуемым. Я уже не играл ради самой игры, я мечтал получать за игру в футбол деньги.

В пятнадцать я попал в голицынскую команду "Стандарт", которая выступала в третьем дивизионе чемпионата России по футболу.

Спонсором у "Стандарта" была мебельная фабрика и, хотя зарплату пла-

тили только взрослым игрокам, премиальные за победу, по пятьсот рублей за игру, выдавали всем, кто выходил на поле.

Я был рад до соплей. С каждым матчем я играл всё больше и больше времени, я начал забивать голы, а за каждый гол платили дополнительно тысячу пятьсот рублей. В моём кармане наконец-то появились деньги, заработанные футболом. В команде я был самый молодой, но очень скоро даже взрослые мужики разрешили обращаться к ним на ты.

Меня всё устраивало, и когда Евгений после матча первого круга предложил перейти в московскую команду “Заря”, первый год игравшую в нашем дивизионе, которую он тренировал, а на мой вопрос о премиальных только рассмеялся, я, естественно, отказался. Зачем переходить в команду, в которой не платят денег, у которой мы выиграли без малейших проблем, которой я забил два гола, за что получил три тысячи пятьсот рублей?

Но вскоре я понял, что “Стандарт” — команда без будущего. Многим игрокам было за тридцать или около тридцати, им нужно было кормить семьи, а денег, которые они получали в “Стандарте”, не хватало. Так что им приходилось где-то работать и частенько пропускать тренировки. Да и на тренировки они приходили, чтобы посмеяться или побрюзжать. О спортивном режиме я и не говорю. Большинство игроков шли столько, что нормальный человек умер бы, не выжив и половины, а эти ещё умудрялись после умопомрачительных пьянок как-то двигаться по полю.

Мы выигрывали в основном домашние матчи. Всё-таки перед своими болельщиками, а главное, на виду у спонсоров стыдно проигрывать, а в других городах, когда никто из знакомых не видит твою игру, можно схалтурить, свалив потом всё на плохое поле, тупого судью или отсутствие поддержки.

Никогда не забуду, как в одном из немногих выигранных гостевых матчей я вышел на замену при счёте 2:0 в нашу пользу и сломя голову побежал вперёд, в надежде забить гол. Я играл правого полузащитника и постоянно гнал нашу атаку вперёд. Вдруг меня догнал наш капитан, Гена, дал мне подзатыльник и проорал в ухо: “Куда ты лезешь, щенок?! Ведём плюс два. Соперник не рпыается. Ты что, не видишь, мы за тобой не успеваем?! Катай мячик по полю, как все!” Ослушаться я не посмел.

А потом в матче второго круга “Заря” на своём домашнем стадионе “Феникс” прибила нас 5:0, не дав ни единого шанса. Вроде это были те же игроки, которых мы обыграли четыре месяца назад, но их команду невозможно было узнать. Они постоянно владели мячом, а мы, как собачки, бегали по полю и тщетно пытались отнять у них мячик.

После игры Евгений подошёл ко мне и сказал: “Послушай, парень! Я два раза не зову! Ко мне обычно сами бегут. Но у тебя есть талант! Если хочешь за копейки утопить его в этом болоте, дело твоё. Но если хочешь постоянно расти и со временем попасть в серьёзный клуб, приходи в “Зарю”. Всё в твоих руках”.

К следующему сезону я уже готовился вместе с “Зарёй”.

15 декабря

В начале сезона, когда я только пришёл в “Зарю”, Евгений сказал перед тренировкой: “Ребята, знаю, вы будете обзывать меня за спиной, дадите мне прозвище. Зовите, как хотите, только не чёрной задницей”. А через некоторое время, когда он заставил нас бежать кросс, кто-то из старших ляпнул: “Вот чёрная задница!”

— Я же предупреждал!

— Предупреждали...

— Ну, полижи, и будет белая!

Мы чуть не сломались от смеха. Но Евгений сделал это не ради шутки. Так он дал нам понять, что не потерпит в команде подхалимов, что всё будет по-честному.

Полтора года в “Заре” были самым счастливым временем в моей жизни. У нас было самое главное, чтобы добиться успеха, — у нас была команда. Нельзя сказать, что все мы были друзьями, это бред, но мы были парнями, которые знали, чего хотят.

Мы играли с поднятой головой, чтобы видеть всё поле, а не тупо смотрели себе под ноги, боясь потерять мяч. У нас был настоящий тренер, потому что он никогда не прятался за фразами: “Засучите рукава!”, “Настройтесь правильно на игру!”, “Вы должны умирать на поле!” Тренер, который раз за разом повторяет такую чушь — пустое место, он ничего не смыслит в игре. Вместо этого Евгений чётко и конкретно формулировал задание на матч. Каждый игрок знал, что ему делать на поле. Если я играл в нападении один, то знал, что мне нужно зацепиться за мяч, отпасовать его на край и сразу бежать в свободную зону. Если наш полузащитник входил с фланга в штрафную, я знал, что мне нужно рвануть к воротам, а потом резко сделать шаг назад, и я без помех получу мяч. Конечно, футбол — это игра, и здесь нельзя учесть абсолютно всё, но мы были здорово подготовлены к этой игре.

А когда “Динамо” предложило мне контракт, Евгений построил всю команду, объявил об этом, а потом подошёл к каждому и заглянул в лицо.

— А теперь выйдите из строя те, кто завидует Кудрявцеву! Быстрее! Я жду!

Никто не вышел.

— Не знал, что вы ещё и трусы! Вижу, что завидуете! Многие завидуют! Но в этой зависти нет ничего плохого. Просто выносите её на футбольное поле! А за полем ей нет места! Артём честно заслужил свой шанс. А у вас всё ещё впереди!

Мне было очень жаль расставаться с Евгением.

19 декабря

Я несколько дней собирался с мыслями, чтобы сделать эту запись. Хотя, нет, я просто трусил. Боялся признаться себе, что этот эпизод что-то значил в моей жизни. Да, наверное, значит и до сих пор, потому что прошлое никуда не денешь, его нельзя просто взять и забыть. Твои ошибки, поражения, неудачи, подлости, которые ты совершил, будут всю жизнь разъедать тебя, как желудочный сок разъедает твои внутренности, если долго ничего не есть. Выход только один — постоянно питать свою жизнь событиями настоящего, иначе откроется язва. И я не верю, что, если написать о своём прошлом на бумаге, придать ему форму букв и знаков препинания, то можно от него избавиться. Рвота приносит лишь временное облегчение, она не устраняет причину болезни. Но, пока Евгений не помог мне начать настоящее лечение, ничего другого не остаётся.

Это произошло почти сразу после травмы в этой самой комнате. Собственно, здесь мало что изменилось за полтора года. Даже дверцы шкафа-купе до сих пор плотно не закрываются, потому что пол кривой, и сколько бы дощечек и бумажек ты ни подкладывал под шкаф, он всё равно будет наклонён в ту или иную сторону. Изменились только две вещи: на письменном столе, стоящем у окна, появился компьютер, на котором я набираю этот текст, делая вид, что занимаюсь учёбой, и я, Артём Кудрявцев. Да, ещё тогда рядом с разложенным диваном, занимающим почти треть комнаты, лежали мои костыли, и по комнате летала муха. Мне было больно смотреть, как это мерзкое насекомое удобно пристроилось на потолке. Хотелось встать на стул, свернуть покрепче “Советский спорт” и прихлопнуть муху, довольно потирающую свои грязные лапки. Казалось, что она просто злорадствует надо мной.

В дверь позвонили. Отец был на службе, а мама ушла в магазин. Пришлось вставать и ковылять в коридор (за два дня я ещё толком не научился ходить на костылях).

На пороге я увидел Вику, на которой были только чёрные коротенькие шортики, плотно облегающие её попку, розовая маечка и шлепанцы; судя по нагло торчащим соскам, на ней не было даже лифчика. Вика жевала жвачку. Увидев моё растерянное лицо, она вытянула в трубочку тонкие губы, прятаясь под толстым слоем ярко красной помады, и начала надувать пузырь. Я всегда ужасно робел в её присутствии, а в тот момент и вовсе не мог вымолвить и слова, словно сердце подпрыгнуло к горлу и преградило путь словам.

Пузырь, надутый Викой, звонко лопнул. Она языком собрала с губ остатки жвачки и улыбнулась.

— Привет! Может, уже пригласишь девушку войти?

— Да... Да... Конечно... Проходи, — промямлил я и, как мог, поспешил в комнату, чтобы сесть на диван, нога ни с того ни с сего начала ныть.

Вика вошла вслед за мной и, окинув комнату взглядом, снова улыбнулась.

— Ну, рассказывай, как дела?

— Да нормально, чё...

— А почему у тебя нога на подушке лежит?

— Нужно повыше держать. Ну, чтобы не отекала.

— Сильно болит? — Вика присела на край дивана и осторожно коснулась рукой моего гипса.

— Терпимо. Бывало и хуже, — соврал я.

— Бедненький... Но ведь ты пойдёшь сегодня на выпускной?

— Нет.

— Жалко...

Я не знал, что ответить и ненавидел себя за то, что начал краснеть. Вика, заметив это, снова улыбнулась, а мне захотелось вместе с отвратительной красной помадой стереть с её губ эту смешливую улыбку.

Вика ещё долго что-то говорила, смеялась, показывала мне свой маникюр, длинные ногти, покрытые рубиновым лаком, на каждом из которых был нарисован маленький чёрный цветочек. Я не слушал, что она говорила. Мне хотелось, чтобы она поскорее ушла. Вика впервые была так близко и то, что я видел, мне совсем не нравилось. Её глупая болтовня, чавканье жвачкой, кисло-сладкий запах её духов, постепенно завладевающий комнатой, её пошлые шортики и безвкусная розовая маечка разрушали тот образ идеальной девушки, который я создал в своём воображении. Едва уловимый, томительный образ хрупкой и нежной красавицы. И хотя до меня часто доходили слухи, что Вика меняет парней, как перчатки, я отказывался в это верить. Мне нужна была прекрасная девушка, ради которой я играл в футбол, а не обычная девица, чавкающая жвачкой.

Вдруг Вика коснулась ладонью моей щеки.

— Артёмка, ты такой хороший. Такой милый мальчик. Я ведь тебе нравлюсь, правда?

Не знаю, что на меня нашло, но вместо ответа я начал целовать её пальцы. Целовал жадно, словно вынырнув из воды, хватал воздух.

— Ого! — Вика взяла меня под шею ладонью, придвинулась поближе, и мы поцеловались.

Вика словно пыталась пустить во мне корни своим языком, а я боялся даже открыть глаза. Когда поцелуй закончился, я с удивлением нашёл у себя во рту её жвачку, а открыв глаза, встретился с её взглядом. В Викиных глазах мелькали искорки, словно на плече у неё сидел чёрт и тихонько нащёптывал ей что-то на ушко. Не знаю чего, но я испугался.

— Мама... мама может в любой момент...

— Разве тебя это не возбуждает? — удивилась Вика.

Не знаю, как описать то, что произошло дальше. Меня как будто сбили с ног. Как будто Виталик снова ударил меня сзади по ногам и сломал мне лодыжку, только кровь хлынула не в голеностоп, а в другое место. Я пребывал в полубреду и помню лишь, что меня накрыло необычайным теплом, помню, что Вика старалась смотреть мне в лицо, её смеющиеся глаза. А потом мне стало тяжело дышать, словно воздух внутри меня начал скапливаться в большой пузырь. А когда пузырь лопнул, как старый истрепавшийся мяч от сильного удара ногой, я почувствовал, что кроме стонов и спермы, из меня наружу вырвалось что-то важное, что-то неосоздаемое. Наверное, это было моё детство. В тот момент я вдруг осознал, что всё происходящее со мной происходит по-настоящему, в "прямом эфире", что неудачный дубль уже нельзя будет переснять. Я понял, что в жизни не стоит опираться на иллюзии, потому что жизнь реальна и другой жизни уже не будет.

А потом Вика поцеловала меня и во время поцелуя вернула свою жвачку, оставленную у меня во рту, как в камере хранения.

— Ладно, Артёмка, я побежала. Мне ещё в парикмахерскую надо. Ты меня не провожай. Я сама дверь захлопну. Не скачай! — и, вновь чавкая жвачкой, Вика исчезла за дверью моей комнаты.

Я знал, что она больше не придёт, и для неё в тот день не произошло ничего серьёзного. Жирная муха села на дверную ручку. Я подобрал с пола костыль и со всей силы швырнул его в дверь. Муха, издевательски жужжа, покружила по комнате и уселась на люстру. Кинуть второй костыль в люстру я не решился.

23 декабря

Конец!!! Хватит самокопаний! Хватит распускать нюни! Теперь только футбол! И плевать, что скажут родители! На этот раз я не отступлю. Слишком долго я ждал.

Владимир Евгеньевич Золотов — человек слова. Он снова даёт мне шанс: “Артём, поиграй пока годик в “Заре”. Да подожди ты радоваться! Я там больше не работаю. И вообще там многое изменилось. Тебе будет очень тяжело. Продержись там сезон, тогда я смогу помочь тебе попасть в серьёзный клуб. Для тебя пока других вариантов нет, слишком много ты пропустил. В понедельник команда выходит из отпуска. В шесть часов у них тренировка на “Фениксе”. Подойдёшь к Овдиенко, скажешь, что ты от Перушина Геннадия Викторовича. Мою фамилию не называй ни при каких обстоятельствах. Почему? Скоро сам поймешь. Так будет лучше для тебя. Давай, парень, думай только о том, чего ты можешь достичь в “Заре” и не забывай себе голову посторонними мыслями. Я в тебя верю! Ты должен играть в футбол!”

Вот и всё. Теперь я до понедельника не выйду из дома, чтобы, не дай Бог, не поскользнуться и ничего себе не сломать, или чтобы меня не сбила машина, или не убило сосулькой, сорвавшейся с крыши. Буду надеяться, дом не рухнет за эти два дня. А даже если и рухнет, я вылезу из-под обломков и поеду на тренировку. Ладно, хватит писать всякий бред. Пора ставить точку. Надеюсь, у меня больше никогда не будет надобности вести дневник.

P. S. Я целый месяц писал, много думал о футболе, о себе, о своём месте в футболе, но если кто-то задаст мне вопрос: “Артём, а что для тебя футбол?” — я не смогу вразумительно на него ответить.

Глава 2. Господин президент

— А я ещё раз вам говорю, деньги убивают дух футбола! У нас вокруг футбола развелось слишком много дельцов, которые думают только о прибыли, о своей личной выгоде! У меня сын занимается футболом, и мне тренер открытым текстом говорит, что место в основном составе стоит денег! Как я это ребёнку obja...

— К сожалению, звоночек сорвался. Мы приносим извинения нашему радиослушателю Кириллу. А дискуссию о роли денег в современном футболе мы продолжим после блока новостей. Не переключайтесь.

Дмитрий Александрович Овдиенко, президент футбольного клуба “Заря”, любил слушать радио “Спорт” по дороге на работу. Особенно его веселили звонки радиослушателей, которые искренне полагали, что разбираются в футболе только потому, что когда-то пинали мяч во дворе. Он, улыбаясь, представлял их в тёплый весенний день идущими на стадион в надежде отвлечься от повседневных проблем и получить от игры эстетическое удовольствие. Вот эти люди достают из потёртых кошельков деньги, без сожаления расстаются с ними, покупая билет, проходят на трибуну и... наблюдают, как две договорившиеся команды полтора часа неумело разыгрывают на поле подобие честной борьбы. И ему не было жалко этих людей. Стоит ли вообще всерьёз воспринимать тех, кто надеется на честную игру, когда на кону стоят большие деньги?

Дмитрий Александрович давно понял, что обман — это часть футбола, одно из средств добиться победы. И этот обман всегда будет поощряться самими болельщиками, потому что за игроками, не умеющими обманывать соперника,

скучно наблюдать. И стадион всегда стоя аплодирует, если нападающий, всем своим видом показывающий, что будет бежать вправо, потом резко уходит влево, а одураченный защитник, неудачно пытаясь отнять мяч, скользя по траве, выезжает с поля. Болельщики всегда смеются над таким защитником, говоря, что его “отправили за пирожками”. Люди всегда будут жаждать зрелищ, даже если в их основе лежит обман. На этом грех не заработать.

А Дмитрий Александрович умел делать деньги и мог позволить себе не спешить на работу. Солнечный декабрьский день был в самом разгаре, когда его грузный чёрный джип, довольно похрустывая тонким ледком, заехал на территорию стадиона “Феникс”, безраздельно принадлежавшего Овдиенко. Дмитрий Александрович приобрёл и отремонтировал этот захудалый московский стадиончик семь лет назад. Всё это он сделал далеко не из любви к спорту. Овдиенко из всего в жизни старался извлечь какую-то выгоду.

Расчёт был предельно прост. Футбол — самый популярный вид спорта. И кроме профессиональных футболистов есть множество людей разного возраста, разных профессий, разного достатка, которые играют в футбол, не получая за это ни копейки, причём играют они иногда даже с большей страстью, чем профессионалы. Этим людей объединяет любовь к игре, доходящая порой до одержимости. Именно на них и рассчитывал Овдиенко, сдавая поле в аренду. И, несмотря на довольно высокие цены, желающих поиграть на стадионе “Феникс” было хоть отбавляй.

Но четыре года назад Дмитрию Александровичу стало скучно просто быть собственником стадиона, и он решил поиграть в Абрамовича и создал футбольный клуб “Заря”, играющий с тех пор в третьем дивизионе российского первенства.

Овдиенко вышел из джипа и, улыбаясь, потянулся. “Сегодня ребятки выходят из отпуска. Может, всё-таки назначить им небольшую зарплату? — подумал он, по-хозяйски осматривая свои владения. — К чёрту! Обойдутся! Мне ещё тренеру кучу бабла платить! Надеюсь, я в нём не ошибся”. Овдиенко закрыл машину и быстрыми шагами направился к одноэтажному кирпичному зданию, в котором находился его офис.

* * *

Ещё будучи игроком московского “Локомотива”, где он и получил прозвище Бульдог, причём не только за внешнее сходство, но и за манеру игры, Мотрин мечтал стать тренером. И вот теперь он сидел в офисе футбольного клуба “Заря” в мягком кожаном кресле, с удовольствием прихлёбывал сладкий чай с лимоном и боялся только одного — не понравиться президенту клуба, сидящему напротив и сканирующему его взглядом.

— Алексей Петрович, вы довольны вашей будущей зарплатой? — спросил Овдиенко, раскуривая трубку.

— Да, да... конечно, — ответил Мотрин, едва не поперхнувшись чаем.

— Учтите, ни в одной команде третьего дивизиона тренер не получает таких денег, можете не сомневаться, — Дмитрий Александрович откинулся на спинку кресла и выпустил дым, внимательно глядя, как тот медленно поднимается к потолку.

— Я и не сомневаюсь...

— Это очень хорошо! — Овдиенко резко перевёл взгляд на тренера. — Ведь сомнения мешают работе, не так ли? Вот Владимир Евгеньевич Золотов, предыдущий тренер, засомневался в моих принципах руководства клубом, и где он теперь? Вы ведь не хотите повторить его ошибок, верно?

— Ну, что вы, Дмитрий Александрович, — Мотрин почувствовал, что его лицо краснеет.

— Я полагаю, что мы найдём с вами общий язык. Понимаете, в чём дело... Вот есть мнение, что деньги убивают футбол. Но, если разобраться, это же бред. Как вы считаете?

— Вы совершенно правы, — ответил Алексей Петрович, ни секунды не раздумывая.

— Футбол скорее убивает отсутствие денег. Вот футболиста деньги могут убить, потому что он всего лишь человек, как и мы с вами. И мы не можем нянчиться с каждым игроком. Мы просто даём ребятам шанс попасть в профессиональный клуб и зарабатывать приличные деньги. Вот и всё. А будут ли они сидеть на скамейке и получать достойную зарплату или играть за гроши — это их выбор. Не наше дело разбираться в том, зачем игроку нужен футбол. Но важно понять, зачем нам нужны эти игроки и команда “Заря” в целом. Мы ведь с вами не альтруисты, не так ли? Алексей Петрович, вы не альтруист?

— Да вроде нет... — неуверенно ответил Мотрин, тщетно пытаюсь вспомнить значение слова альтруист.

— Вот и замечательно! Тогда вы должны понимать, что футбол сейчас стал бизнесом. И я хочу получать от этого бизнеса деньги! Вот предыдущий тренер этого не понимал. После первой половины прошлого чемпионата “Заря” шла на первом месте. Многим игрокам не было и двадцати, но парни играли здорово! Признаться честно, я мало что понимаю в тонкостях игры, но даже я видел, что парни играют в классный футбол. Вот тут-то и начались проблемы. Золотов решил, что “Заре” вполне по силам выйти во второй дивизион. Не работая с судьями, не договариваясь с соперниками, вне очереди выйти во второй дивизион. Вы понимаете, что это значит? — Овдиенко уже начал сомневаться, что Алексей Петрович подойдёт его команде. “Интересно, этот толстяк умеет разговаривать или он сюда чайку пришёл попить?” — раздражённо думал Дмитрий Александрович, взглядываясь в лицо тренера, напомилавшее ему морду бульдога.

— Это же совершенно другой уровень. Клуб получил бы статус профессионального, — Мотрин вздохнул с облегчением, наконец-то он смог с уверенностью ответить на вопрос.

— Правильно! А что это значит для меня? Я испорчу отношения с владельцами других клубов, неизвестно ещё, чем всё это может закончиться. К тому же это огромные расходы! Нужно было бы платить зарплаты игрокам, укреплять состав, реконструировать стадион, плюс транспортные расходы, плюс размещение команды в гостиницах на выездных матчах — и это далеко не всё! А где я возьму на это деньги? Золотов мне, что ли, их даст? Он, конечно, хороший тренер, но совершенно не умеет считать деньги. Даже в премьер-лиге, если у команды скромный бюджет, она экономит на всём. Некоторые команды даже закладывают в расходную часть премиальные за восемь, от силы десять побед, и не дай Бог, команда наберёт ход и будет побеждать в каждом матче, тогда бюджет затрещит по швам. Игрокам нечем будет платить. Это никому не нужно. Победы не нужны руководству, если нет денег! А что творится в первой и второй лигах, я вообще молчу! Чего уж о нас говорить.

— И как же вы вышли из положения? — Петрович уже чувствовал себя свободнее.

— А очень просто! Я начал распродавать талантливых игроков. Во-первых, это ослабило команду, и мы потихоньку опустились на четвёртое место, а во-вторых, я заработал на этом неплохие деньги. Тогда-то мне и пришла в голову идея поставить этот процесс, что называется, на конвейер.

— То есть?

— Всё очень просто. Мы собираем у себя талантливую молодежь из разных спротшкол, тренируем её, даём игровую практику, а на игры приглашаем селекционеров, и они просматривают игроков, самым достойным предлагают контракты. Вложения минимальны, а прибыль приличная. Идеальная схема. Вот только Золотов был со мной не согласен. Он считал, что невозможно построить хорошую команду, постоянно меняя состав, нёс какую-то ахинею про уважение к игрокам, что они не рабы, не товар. Чушь! Они прекрасно знают, на что идут! Вы думаете, кто-то из молодёжки мечтает сейчас стать чемпионом мира и прославить нашу страну? Хороший контракт и огромная зарплата — вот о чём они мечтают, во всяком случае большинство из них. Сейчас каждый стремится подороже продать свой талант: будь то футболист, писатель, менеджер, адвокат или мойщик окон. Всё продаётся и всё покупается, а мы с вами всего лишь посредники.

— И какое место команда займет в турнирной таблице по окончании сезона, вас не интересует? — с надеждой спросил Мотрин.

— Это не принципиально. Место в первой десятке меня вполне устроит. Сейчас у “Зари” хорошая репутация. Мы продали в прошлом сезоне шесть игроков: двое уехали в Австрию, двое в команды второй лиги, один в команду первой, а Гришу Алексева мы устроили в ЦСКА, и сейчас он поедет на сборы с основным составом. К тому же наша команда базируется в Москве, и для селекционеров это очень удобно. Этим лентяям не нужно колесить по всей стране в поисках талантов, тратить на это силы. У них всё под боком. Ещё вопросы? — спросил Овдиенко, поныхивая трубкой.

— Почему вы пригласили именно меня? — Алексей Петрович впервые осмелился посмотреть в глаза Овдиенко.

— Буду с вами откровенен. Я знаю, что у вас хорошие связи в футбольном мире, и вы знакомы со многими футбольными агентами, а потому надеюсь, что вы привлечёте в команду много перспективных игроков.

— То есть я могу комплектовать команду по своему усмотрению? — оживившись, спросил Мотрин.

— В общем, да. Но с некоторыми оговорками. Многие игроки, которых мы не успели продать, ушли вслед за Золотовым. Но из прошлогоднего состава остались ещё несколько человек: Денис Рубцов — капитан команды, опорный полузащитник и очень работоспособный парень, Ваня Казаков — нападающий, играл за сборную России восемьдесят шестого года рождения, Виталик Кац — правый полузащитник, Дима Понкратов — вратарь, Максим Щукин, вот с ним будьте поосторожнее, у него очень длинный язык, и Вова Скворцов, очень талантливый защитник, мы даже оплачиваем его учёбу в колледже, чтобы он в армию не загремел, его мать одна воспитывает. Присмотритесь к ним. Евгений не брал кого попалю, так что, я думаю, их можно хорошо продать. Да, вот ещё. — Овдиенко достал из ящика стола лист бумаги, на котором его ровным размашистым почерком аккуратно, в столбик, были написаны десять фамилий. — Вот этих игроков вам нужно запомнить. К ним должно быть особое отношение. Вы не имеете права их отчислить без моего ведома. Они должны получать как можно больше игрового времени. Мы должны выбить им самые выгодные контракты. Я надеюсь, вы меня понимаете?

— А...

— Ну вот, допустим, Прокудин. Его отец работает в мэрии. Мне продолжать? — с раздражением спросил Овдиенко.

— Нет-нет. Я всё понял, — Петрович снова начал краснеть.

— А в остальном вы имеете полную свободу действий. Вас устраивают такие условия?

— Более чем, — поспешил признаться Мотрин. Его действительно устраивала такая “свобода”.

Дмитрий Александрович, расплываясь в улыбке, протянул тренеру руку.

— Я очень рад, что... — его прервал решительный стук в дверь. “Кто бы это мог быть, я никого не ждал?” — с тревогой подумал Овдиенко. Он даже не успел ничего сказать, прежде чем дверь открылась, и в кабинет вошёл высокий широкоплечий парень, который смущенно снял шапку, пригладил чёрные коротко стриженные волосы и выпалил хорошо заученную фразу.

— Здравствуйте! Меня зовут Артём Кудрявцев. Я от Перушина Геннадия Викторовича. Вам должны были насчёт меня звонить.

Глава 3. Ультиматум

Хорошо играть в футбол — это совсем не сложно. Гораздо сложнее каждый день тренироваться, чтобы играть так, как ты действительно можешь играть. Настоящая любовь к футболу проявляется на тренировке. Это всё равно, что любовь к женщине. Поначалу она всегда праздничная, яркая, лёгкая, вдохновляющая, забирающая всего тебя, и ты с радостью идёшь на это и отдаёшься ей без остатка. Но со временем, непонятно откуда, появляются ревность, обиды, раздражение, скука, а главное — сомнения. Всё это нель-

за преодолеть мгновенно. Нужно изо дня в день учиться терпеть, прощать, уступать, верить — если, конечно, ты действительно любишь.

“Заря” начала готовиться к новому сезону 4 января. Их было пятьдесят человек, и все знали, что месяца через полтора в команде останется не больше двадцати счастливиц. Каждого игрока тренер мог отчислить в любой момент, даже не потрудившись объяснить причину; зато, если тебе повезло остаться, шансы впоследствии попасть в профессиональный клуб резко повышались. Все прекрасно понимали и принимали правила игры. Никто не верил, что его могут отчислить.

На первой же после новогодних праздников тренировке Алексей Петрович заставил команду бежать кросс на шесть километров, хотя обещал только лёгкую разминку и работу с мячом. “Сейчас проверим, кто из вас бухал!” — ухмылялся он, поглаживая живот.

Первый круг бежали плотной группой, Ванька с Кацем, как всегда, шутили.

— Видал, какая у Петровича шапка богатая? Наверно, из ондатры! — последнее слово Ванька почти прокричал, так оно ему нравилось.

— Ты лучше на рожу его посмотри, багровый, как...

— Как что?

— Не знаю... Парни, что багровым бывает? — спросил Виталик, но ему никто не ответил. — Да вы что, пацаны?! Чего грустные? Добежим как-нибудь!

— Закат, — улыбувшись, бросил Артём Кудрявцев, пытаясь не сбить дыхание.

— Уахаха! Ванёк, ты слышал?! У Петровича лицо, как закат! Я не могу! Ха-ха-ха! Тёмьч, ты где этого набрался?

Артём не ответил, следя за дыханием. Два вдоха, три выдоха, два вдоха, три выдоха...

— Тёмьч профессор! У него мамка — училка! — смеялся Ваня. Но никто не поддержал их веселья, и вскоре они утихли.

На седьмом круге стало тяжело, но команда держалась вместе. Впереди ещё восемь кругов. Чуть больше половины.

— Парни... никто вперёд не рвёт! Бежим за мной, — обернувшись, крикнул Денис Рубцов, когда они были далеко от Петровича, стоящего на бровке и всё чаще поглядывающего на секундомер.

То, что было дальше, Артём будет помнить всегда.

“Раскрасневшиеся, уже изрядно взмокшие, мы приближаемся к Петровичу. Он делает пару шагов нам навстречу и, сверкая золотыми зубами, роняя на дублёрку капельки слюны, ещё больше багровея, начинает орать: “Вы еле ползёте! Прибавьте шаг, лентяи! Я половину из вас отчислю на хрен! Быстрее, быстрее!”

Человек пять сразу рванули вперёд. Быстрее всех побегал какой-то рыжий парень в ветровке с эмблемой “Динамо”. Я почему-то сразу его возненавидел.

— Куда? Вашу мать! Я же сказал! — но Дэна уже никто не слышал.

Наша группа начала растягиваться. Пришлось прибавить. Холодный воздух обжигал нос и горло. Но было терпимо. До конца оставалось пять кругов, когда Скворец захромал и начал отставать. Виталик поравнялся с ним.

— Вов, чё?

— Колено!

— Как так?!

— Вчера... Упал... На катке... Болит...

— Дотерпишь?

Володя только пожал плечами.

— Парни... сбавим...

Все понимали, если Скворец прибежит последним, его могут отчислить. Ванька сбавил, за ним Дэна.

— Не отчислит! Всех... не отчислит! Тёмьч! Щука! Это же Скворец... Сбавьте! Суки! Суки вы! — кричал Ваня.

Мы с Щукой переглянулись и, не говоря ни слова, поравнялись со всеми. С каждым кругом наша группа отставала всё больше и больше. Сзади

нас бежали только вратари, но с них спрос особый. Петрович орал на нас, требовал ускориться, грозился отчислить. Но нам уже было всё равно. Мы бежали рядом со Скворцом, потому что все вместе играли у Евгенича, а он учил нас, прежде всего, быть людьми, что бы ни случилось: “Ребятки, запомните, как только вы начинаете гнаться за победой любой ценой, вы становитесь просто участниками игры, а футбол — это гораздо больше, чем просто игра!” Я понял значение этой фразы только в тот январский вечер, когда Скворец на предпоследнем круге тихонько сказал нам: “Спасибо... пацаны!” Все промолчали. Только Ванька дал Скворцу пинка.

Конфликт с тренером на первой же тренировке не сулил нам ничего хорошего. Петрович не мог не отреагировать, он должен был показать, кто главный. Бежать оставалось всего один круг. Ещё один круг, и мы узнаем, чем всё это закончится. Вдруг один из впереди бегущих остановился, сделал пару шагов в сторону, наклонился, и его вырвало прямо на поле. Он вытер рот рукавом красной ветровки и снова попытался бежать, но через пару шагов схватился за живот и сел на корточки. Кросс для него был окончен.

Через пару минут Петрович построил нас всех вдоль поля. Ещё не отдышавшись, мы смотрели на тренера и ждали, что он скажет.

— Что? Тяжело? Это только начало! С сегодняшнего дня для вас начинается серьёзная работа! И, если вы к ней не готовы, то лучше не тратьте время! Ты меня слышишь, Скворцов?! Ваши бывшие заслуги меня не интересуют! — Петрович перевёл дух и, сбавив тон, продолжил: — Значит, теперь все идёте в баню — жиры сгонять. Завтра в это же время тренировка. Да! А вам, молодой человек, спасибо за работу! Вы отчислены!

— Алексей Петрович! Я майонезом отравился! Я не пил на праздниках! Честное слово! Не отчисляйте меня! — чуть не плача, голосил “Красная ветровка”. Скорее всего, он говорил правду. Но это вряд ли кого-то интересовало. Мы так и не узнали, как его зовут”.

* * *

Под руководством нового тренера “Заря” ужасно начала сезон. Мотрин не любил и не умел проигрывать. Алексей Петрович вообще не мог спокойно смотреть на игру своей команды, он “играл” вместе с ней. Хуже всего от этого приходилось крайним полузащитникам, вынужденным по целому тайму бегать вдоль бровки, возле которой находилась тренерская скамейка. Петрович постоянно с неё вскакивал, подбегал к полю и что-то кричал, пытаясь направить и приободрить своих игроков, но получалось у него только прилюдно их оскорблять.

— Ковалёв! Ковалёв! От тебя мяч отскакивает, как от стенки! — после таких “подсказок” Ковалёв вообще старался не получать мяч и прятался за защитниками.

“Дорожите мячом!” “Кудрявцев, взорвись!” “Кто тебя учил так пас давать?!” “Клеймёнов, играй проще, ты не Пеле!” Никто уже давно не вникал в смысл этих фраз, к ним привыкли, их просто терпели. А когда у Мотрина появлялись действительно дельные советы, до игроков они уже не доходили. Большинство старалось играть так, чтобы на них не орал тренер: боялись получать мяч, пасовали только назад, не шли в обыгрыш, словом, наблюдать за игрой “Зари” стало очень скучно.

Не имея тренерского образования, в своей работе Алексей Петрович руководствовался только своим игровым и жизненным опытом. Но этого было недостаточно, чтобы понять, что можно сколько угодно кричать, можно что угодно говорить на установке перед матчем, но выполняют игроки только то, что отработали на тренировках. А монотонные тренировки под руководством Мотрина не оставляли в душе у ребят ничего, кроме усталости и разочарования. Ваня Казаков любил шутить, что Петрович наверняка считает, что успех его работы зависит от величины шума, который он создаёт.

К тому же Мотрин перед каждой игрой напоминал ребятам, что на них смотрят селекционеры, что они должны играть на пределе, что на кону

их будущее. От этих разговоров многие игроки ещё больше закрепились.

Постепенно в команде воцарилась атмосфера поражения, когда все усилия кажутся напрасными и сложно найти в себе силы сражаться за победу, атмосфера растерянности и уныния, разобщающая людей, когда те, кто выходит рядом с тобой на поле, кажутся неудачниками, неумехами и просто бездарностями. Редко кто из футболистов в такой ситуации отважится искать причины постоянных проигрышей в себе. Вратарь, пропуская после удара с сорока метров, винит в голе защиту, нападающий, промахиваясь по пустым воротам с трёх метров, жалуется на неудобный пас. Все они забывают, что футбол — это командная игра, и здесь каждый в равной степени несёт ответственность за результат.

После очередного проигранного матча угрюмый Алексей Петрович зашёл в раздевалку. Он сначала не хотел ни на кого кричать, ругаться, хотел просто объяснить ребятам, что так играть нельзя. Но, открыв дверь и увидев лица игроков, с порога начал орать: “Вы играете, как педики! Если я и дальше буду выпускать вас на поле, люди усомнятся в моей ориентации!”

Так продолжалось минут десять, но Мотрину этого показалось мало. В своей оценке он руководствовался только результатом: выигран матч — всё хорошо и все хорошо; проигран — надо отыскать “стрелочника” среди игроков — главного виновника неудачи. Увидев Артёма, тренер спросил:

— Артём, ты когда последний раз забивал?

— Не помню...

— И я не помню! А ты у нас где играешь?

Артём молча сидел на скамейке, опустив голову.

— Я кого спрашиваю?! — Петрович рывкнул так, что даже те, кто привык к его крикам, вздрогнули.

— В нападении...

— А нападающий что должен делать?

— Забивать...

— А ты, оказывается, не такой тупой, каким кажешься на поле! Сегодня ты мог забить дважды! У тебя было два отличных момента! Но вместо того, чтобы решить их самому, ты обосрался и оба раза пытался отдать пас! Ты нападающий! Из штрафной ты должен бить по воротам и забивать! Чтобы ты это понял, я ставлю тебе условие: забьёшь в следующих пяти матчах три гола — остаёшься в команде, нет — я тебя отчисляю. Вы все свидетели, — сказал Петрович и вышел из раздевалки.

Артём поднял голову и встретился взглядом с Денисом.

— Видишь, Дэн, я же тебе говорил, что я следующий...

* * *

Грохот поезда метро, давка в вагоне, грязная лужа в вестибюле, скользкие ступеньки, противные запахи чебуреков и шаурмы, доносящиеся из ларьков, суета возле остановки маршруток — всё это несколько не раздражало Артёма, когда он спешил на первую после возвращения в “Зарю” тренировку. Он бежал как на праздник, как на свидание к любимой женщине. Тогда Артём не знал, что его новая футбольная жизнь будет складываться далеко не празднично.

Поначалу всё было честно. Все ребята тренировались до седьмого пота. Выполняя упражнения, каждый искал глазами своего конкурента и старался всё делать лучше, веря, что отношение к нему тренера зависит от работы на тренировках и желания играть в футбол. Но очень скоро стало совсем непонятно, по какому принципу Мотрин отчисляет из команды.

Рыжего, который тренировался в ветровке с динамовской эмблемой, вообще отчислили в тот момент, когда он переодевался, чтобы выйти на поле. Ему пришлось на глазах у всех снова переодеваться и уйти из раздевалки. Над ним никто не смеялся, хотя в команде его и недолюбливали. Все поняли, что у тренера есть какие-то свои понятные только ему цели, а на игроков ему плевать.

К тому же Петрович не забыл историю с кроссом. Вове Скворцову клуб перестал оплачивать учёбу в колледже, ему пришлось уйти из команды и искать работу. Виталика отчислили после того, как он опоздал на тренировку, задержавшись в институте на экзамене по матанализу. “Зачем тебе математика? Зарплату, что ли, считать? Раз ты считаешь себя студентом, а не футболистом, ты мне не нужен!” Макс Щукин высказал Петровичу всё, что он о нём думает, в лицо, и ему пришлось уйти. Повезло только Ване Казакову, его вместе с вратарём Димой Понкратовым за хорошие деньги продали в команду первой лиги, и они уехали в Тверь.

Так что к началу сезона в “Заре” осталось всего два человека, игравших ещё у Евгенича: Денис Рубцов, капитан команды, и Артём Кудрявцев, который мог стать первым игроком и которого Петрович выгонит честно: объяснив причину и дав шанс всё исправить.

А забить три гола в пяти матчах для хорошего нападающего вполне реально, если, конечно, он не будет постоянно думать об этом. Ведь при ходьбе ты не думаешь, какую ногу нужно поднять, ты просто идёшь, а если начнёшь задумываться, то обязательно споткнёшься.

Глава 4. Первая игра

Артём уже около часа ворочался в кровати, тяжело вздыхая. После нулевой ничьей с “Мегаполисом”, самой слабой командой их дивизиона, не набравшей до матча с “Зарёй” ни одного очка, он чувствовал себя смертельно уставшим, но всё равно не мог заснуть. Стоило Артёму закрыть глаза — налетающие из темноты воспоминания об игре больно жалили его, отравляя бессонницей.

Прокручивая в памяти каждую свою ошибку, каждое неудачное действие, Артём всё больше раздражался от бессилия что-либо изменить. Его сердце билось всё чаще и чаще, как будто он снова вышел на поле. Как будто он снова своим любимым финтом обвёл защитника, раскачав его из стороны в сторону, а потом, резко уйдя вправо, ударил по воротам, и мяч попал в штангу. Как будто он повторяет этот финт снова и снова, но защитник постоянно отбирает у него мяч. Как будто Петрович выбегает к бровке и истошно кричит: “Кудрявцев! Ты упёртый баран!” Как будто Дэн, пробегая рядом, тихонько подсказывает: “Уйди хоть раз влево! Тебя читают!” И вот, за пять минут до конца игры, Артём всё-таки обводит защитника, резко уйдя влево, входит в штрафную, бьёт, но мяч снова попадает в штангу.

Сколько Артём ни думал, он не мог понять, почему не забил в этой игре. Вроде старался, играл с желанием... Может, кто-то сглазил? Может, мешала жара? В тот день было жарко, очень жарко.

Жара стояла невыносимая. Капельки пота наперегонки скатывались по телу Артёма. Ему казалось, что чья-то большая волосатая рука медленно выжимает из него влагу. Артём чувствовал, как морщится его кожа, густеет кровь, как сердцу всё труднее и труднее толкать по венам эту вязкую массу. Он стоял на поле стадиона “Феникс” и тяжело дышал. Вокруг не было ни души. Голова кружилась. Во рту — пустыня. Неожиданно мелькнула мысль: “Я скоро умру”. Озираясь по сторонам в поисках спасения, в самом центре поля Артём увидел ванну. Удивляться было некогда. “Только бы там была вода! Только бы там была вода!”

Добредя до ванны, Артём упал на колени и жадно начал пить. Выпив около половины, он отдышался и принялся рассматривать своё отражение. “Ну, чего ты на меня смотришь? А? Почему ты не можешь забить? Ты что, хочешь, чтобы нас отчислили?”

Отражение пыталось ответить, но его слов не было слышно. По губам Артём прочёл: “Посмотри под ноги!”

Под ногами вместо синтетической травы стадиона “Феникс”, похожей на иголки искусственной ели, был идеально ровный натуральный газон. Артём зарылся лицом в траву и, ощутив её свежий запах, почувствовал себя маленьким мальчиком. Вдруг на поле со страшным грохотом выехал бульдо-

зер и, рыча, устремился к Артёму. В кабине сидел Петрович и истошно кричал: “Кудрявцев! Ты баран! Упёртый баран!”

Артем бросился бежать. Он бежал к белому кирпичному зданию, где находился офис Овдиенко, надеясь там спрятаться. Бульдозер был уже совсем близко, когда Артём в кровь разбил кулаки, тарабанив ими в закрытую железную дверь. Вдруг он увидел, что рядом есть открытая дверь, но ноги уже не слушались, и Артём не смог сдвинуться с места. Через мгновение ковш бульдозера вонзится ему в живот. Последнее, что Артём увидел, перед тем как проснуться, было отражение в лобовом стекле мохнатой бараньей морды с выпученными от страха глазами.

* * *

Артём стоял на балконе своей квартиры и, закрыв глаза, вдыхал прохладный ночной воздух. Было тихо. И только деревья шелестели листвой, словно, перешёптываясь, обсуждали узорчатые тени своих ветвей. Артём встряхнул головой, пытаясь отогнать неприятное ощущение, рождённое сном. В доме напротив, несмотря на поздний час, в некоторых окнах горел свет. Но Артёма поражал совсем другой, казавшийся нереальным, сказочным, необычайно ярким свет луны, похожей на горящее в небе окно. Этот свет проявлял в душе Артёма чувство, уже однажды им испытанное, когда он лежал у себя в комнате с загипсованной ногой, и всё его тело изнывало от безделья, когда он ощущал в себе силу, которую из-за травмы нигде было применить. Но тогда всё было проще. Тогда были боль и страх. А сейчас Артём не мог понять, что мешает ему играть.

“Интересно, сколько сейчас времени? Три часа ночи...” — на дисплее телефона, кроме часов, высветилась фотография улыбающейся блондинки, девушки Артёма. Они встречались уже около трёх месяцев, и Жанна безумно нравилась Артёму. Не зная зачем, он набрал её номер.

— Артём, ты с ума сошёл? Ты, вообще, видел, сколько времени? — сонным голосом спросила Жанна.

— Малыш, прости. Я просто хотел услышать твой голос. Я бы очень хотел сейчас быть рядом с тобой.

— М-м-м. Прикольно, но я очень хочу спать. Приезжай завтра ко мне, и поговорим. А сейчас... — Жанна зевнула.

— Жанна, пожалуйста, не вешай трубку! Выслушай меня! Это очень важно. Мне кажется, я схожу с ума. Мне снится какой-то бред. Я места себе не нахожу!

— О Господи... Но если ты сейчас опять начнёшь говорить о футболе...

— Ну как ты не понимаешь?!

И Артём начал говорить о футболе, о том, что ему, как никогда, нужна поддержка, просить Жанну прийти к нему на игру.

— Ладно, Тёмочка, я подумаю. А сейчас прости, я правда устала. Спокойной ночи. — Жанна повесила трубку.

Артём тяжело вздохнул. Он думал, что от разговора со своей девушкой ему полегчает, но стало только хуже. Артем не мог понять, что с ним происходит и не мог поверить, что когда-то играл на пределе сил, лишь представив, что на него смотрит девушка, которую он любил.

Глава 5. Предметы роскоши

С Жанной Артём познакомился случайно. Вернее, это он так считал. А вот Жанна искренне верила, что они не могли не встретиться, что это судьба. К тому же в гороскопе она вычитала, что Овен и Рыбы способны создать “весьма жизнеспособную, красивую и страстную пару”, а самым большим авторитетом для неё мог служить только журнал “Гламур”. Собственно, именно в нём Жанна и черпала для себя драгоценные знания о жизни, о том, как ответить на смс, чтобы не отпугнуть парня, но при этом намек-

нуть, что ты крутая девчонка, или попроситься на свидание, но дать понять, что у тебя эти свидания по десять раз на дню.

Молодые люди познакомились в апреле. В тот день Жанна ехала к подруге в гости выпить чашечку капучино и поболтать о том о сём. На ней была маечка с блёстками, узкие тёмно-синие джинсы, короткие красные сапожки на высокой шпильке и леопардовый жакет из искусственного меха. Жанна всегда старалась, чтобы в её образе была какая-нибудь вещь с леопардовым принтом, потому что в её любимом журнале говорилось: “Леопард, с одной стороны, опасный хищник, а с другой желанная добыча для уверенного в себе охотника”. Жанна никак не могла определиться, охотница она или жертва.

Артём ехал в метро и от усталости задремал. Вдруг вагон тряхнуло, Артём проснулся и в первое мгновение даже не мог понять, куда едет: на учёбу, на тренировку, домой. Взглянув на часы, он понял, что едет на тренировку. Внезапно Артём почувствовал на себе взгляд красивой блондинки, которая словно сошла с обложки глянцевого журнала, и в этом взгляде было только одно — желание. Артём просто не мог с ней не познакомиться.

Жанна без раздумий дала ему свой номер телефона, а потом, взглянув на свои позолоченные часы на кожаном ремешке коньячного цвета, сказала, что спешит, поправила сумочку из шкуры пони и медленно пошла к выходу из метро, оставляя за собой модный шлейф аромата духов от Версаче.

Конечно, потом, как и полагается “приличной” девушке, Жанна долго строила из себя недотрогу. Но, в конце концов, ей это надоело, и она затащила Артёма к себе домой. Оказалось, что днём её родителей никогда не бывает дома. Её отец, пластический хирург, допоздна задерживался в клинике, а мать, известная сочинительница любовных романов, в тёплое время года живёт на даче, на лоне природы вдохновляющей на создание шедевров.

Артём знал, что квартира может очень много рассказать о своих хозяевах, но, попав к Жанне домой, сначала даже не успел толком всё рассмотреть. Собственно, когда Жанна за шкуру вытащила его из кабины лифта, продолжая целовать, ему было всё равно, куда она его приведёт. Артём не помнил, как он попал в комнату Жанны, помнил лишь, что добирались до спальни долго, а значит, квартира не маленькая. В самой комнате, прежде чем упасть на просторную, сделанную в виде сердечка кровать, он успел заметить лишь какого-то странного цвета обои.

Когда молодые люди устали друг от друга, Артём начал потихоньку оглядываться. Обои оказались кожаными, с рельефным узором из крупных цветов и листьев. Огромный плоский телевизор висел на стене и в любое время был готов отвлечь от любых проблем. Хрустальная люстра горделиво поблёскивала на потолке. Массивный шкаф-купе, сделанный из благородной карельской сосны, как горная гряда, величественно возвышался над кроватью. Казалось, за своими плотно закрытыми дверьми он хранит какую-то тайну, хотя в нём наверняка просто висела куча дорогих шмоток.

Увидев, какое впечатление на Артёма произвела её комната, Жанна решила устроить ему экскурсию по всей квартире. Она обрушила на Артёма целый поток фраз, который в своё время обрушивал на неё и её родителей дизайнер, помогающий им обставить квартиру.

Солнечно-оранжевый, молочно-бежевый, кофейно-бежевый, мятно-зелёный, — Артём и не подозревал о существовании таких цветов. Палисандр, кожаные обивки, покрывала из льсяго меха — каждый уголок этой квартиры был пропитан роскошью. “Нежные оттенки цвета топлёного молока в ванной создают ощущение чистоты”. Ну конечно же! “Золото придаёт дому дорогой вид, но тут важна мера”. Ещё бы! “А это эксклюзивный дизайн”. Я так и думал. “От чистого белого устаёшь, важны оттенки”. Как не устать? “А это кресло обито бархатом вручную”. Неужели есть разница?

Артёму казалось, что он попал на страницы глянцевого журнала, повествующего о дорогих интерьерах. Ему показалось, он даже слышит шелест блестящих страниц, изображающих мир роскоши, богатства, блеска, где люди легко расстаются с деньгами, где людей различают не по тому, как они зарабатывают деньги, а по тому, как они их тратят. Этот мир очень понра-

вился Артёму, он захотел не просто остаться в нём, а стать в нём своим. Он впервые так близко увидел, во что конкретно могут превратиться деньги, если их много. Артёму стало стыдно за своих родителей, всю жизнь проживших в тесной скромно обставленной квартире в “хрущёвке”. “Как теперь пригласить Жанну в свою убогую квартиру?” — с грустью подумал он.

Экскурсия закончилась на кожаном диване в гостиной.

— Этот диван прямо как лимузин. Правда?

— В смысле?

— Ну, он такой же просторный и комфортный.

Артём нежно поцеловал Жанну. Лучшего способа заставить её замолчать он не знал.

С тех пор днём Артём чаще бывал у Жанны, чем в институте, потому что она считала, что секс — это своего рода спорт. Смысл этой фразы Артёму был непонятен, но он благословлял журнал, в котором Жанна это прочла. Он был счастлив. Рядом с Жанной он чувствовал себя настоящим мужчиной. Когда они вдвоём шли по улице, во взглядах встречных парней Артём чувствовал зависть, и это было очень приятно. Это значило, что Артём чего-то да стоит.

Жанна, в общем-то, тоже была счастлива. Она получала то, что хотела. Вот только ей была непонятно, зачем Артёму нужен футбол, если у него есть она? Жанна хотела, чтобы её мужчина всецело принадлежал ей. Она решила попросить своего отца убедить Артёма бросить футбол.

Глава 6. Вторая игра

В начале прошлого века, когда футбол был чисто любительским, это была игра для настоящих мужчин — как на поле, так и на трибунах, представляющих собой громадные открытые террасы, где можно было только стоять. Ни холод, ни дождь, ни пронизывающий ветер не могли помешать крепким, как сейчас модно говорить, брутальным парням раз в неделю на полтора часа погрузиться в игру и забыть о рутинной повседневной жизни. Они были просто счастливы своими глазами увидеть игру и тысячами шли на трибуны. Для многих из них футбол был второй жизнью, а стадион — вторым домом.

Крытые трибуны, комфортабельные сидячие места, кафе с горячим чаем и сосисками в тесте — болельщики тогда и не помышляли о таких роскошествах. Нет всего этого и на многих стадионах, принимающих сегодня матчи третьего дивизиона чемпионата России, и если в подмосковных городах это не отпугивает зрителей, то избалованную московскую публику вряд ли заманишь на такие стадионы. Поэтому можно понять молодых игроков “Зари”, которые вместо того, чтобы как следует размяться перед игрой с “Авангардом”, плетущимся почему-то в середине турнирной таблицы, глазели на сидящую на трибуне шикарную блондинку в облегающем коротком платьице, прячущую свои голубые глазки за тёмными стёклами дорогих очков в оправе с леопардовым принтом. Разве можно не заметить такую девушку, как Жанна?

Артём смотрел на неё с гордостью. Это была его девушка. Сегодня он будет играть ради неё. И сегодня он обязательно забудёт.

Артём почувствовал это ещё в электричке по пути на игру, когда, как обычно, прокручивал в голове те действия, которые ему, возможно, придётся совершить на поле. Ещё в детстве, когда он играл за “Стандарт”, это здорово помогало унять предматчевое волнение. В такие моменты у Артёма даже учащались пульс, как будто он начинал играть, ещё находясь в электричке. Только тут важно было не перестараться, иначе могло не хватить сил и эмоций на игру.

Когда Артём представил, как добивает в пустые ворота отскочивший от вратаря мяч, ему показалось, что кто-то сильный и уверенный в себе положил ему руку на плечо и шепнул на ухо, что всё будет в порядке. От этого прикосновения на душе стало спокойнее.

Зайдя в раздевалку, Артём думал только о предстоящей игре и не стал поддерживать глупую болтовню товарищей по команде, ограничившись фразой: “Всем привет!” Вообще, всё, что происходило вокруг в тот момент, его мало интересовало.

Артём аккуратно снял скучную повседневную одежду и, не торопясь, надел футбольную форму. Для него это был целый ритуал, Артём словно заново рождался для новой, настоящей жизни, которую он проживал на футбольном поле. Со стороны его медлительность выглядела смешно, но в тот день, видя его решительность и собранность, никто не рискнул подшучивать над Артёмом.

На разминке Артём старался почаще пробегать перед трибуной, на которой сидела Жанна, каждый раз чувствуя себя при этом рыцарем, в ожидании смертельного поединка гарцующем на белом коне перед своей дамой. “Дама” откровенно скучала, но всё же один раз помахала Артему рукой, находя, что в обтягивающих икры гетрах он выглядит очень даже сексуально.

С начала матча Артём пытался сыграть ярко, красиво в каждом эпизоде и не упускал возможности покрасоваться перед Жанной. Но вскоре инстинкт игрока взял верх, и Артём стал играть проще, надёжнее и полезнее для команды. Потеряв мяч, он тут же, не экономя силы, бросался его отнимать. Защитники “Авангарда” явно не были готовы к такой игре и уже через полчаса подустали и всё чаще нарушали правила. Со стороны было заметно, что они ждут перерыва. Почувствовав, что противник вот-вот дрогнет, Дэн скомандовал: “Души их там!” После этого игра целиком переместилась на половину поля “Авангарда”. “Заря” всё чаще подавала угловые, и на последних минутах первого тайма вратарь их соперников неудачно выбил мяч прямо на ногу Артёму, который с лёту вогнал его под перекладину.

Такие голы нельзя научиться забивать на тренировках, такие голы забиваются благодаря ценному для любого нападающего дару — “голевому чутью”. Другими словами — это умение оказаться в нужное время в нужном месте, умение предугадать, где мяч окажется в следующее мгновение, умение подкараулить ошибку соперника и превратить её в гол. Но травма как будто отняла у Артёма этот дар, который теперь неохотно, с трудом, но всё-таки возвращался.

Артём сорвал с себя майку и побежал к трибуне, где сидела Жанна. В тот момент ему казалось, что именно Жанна каким-то немислимым образом подсказала, где нужно стоять, чтобы поймать отскок от вратаря и забить такой важный гол. Но Жанна не обращала на поле никакого внимания и даже не поняла, что произошло. Она со скучающим видом тыкала наманикюренным пальчиком в сенсорный экран мобильного.

В тот день Артём больше не забил. Матч закончился вничью 1:1. “Заря” пропустила после ошибки вратаря, Антона Прокудина, зевнувшего несильный удар в ближний угол. Но Антон не сильно расстроился, потому что знал: как бы он не напортачил в игре, в следующем матче его всё равно выпустят на поле, стоит только его отцу, работающему в мэрии, позвонить Овдиенко.

Глава 7. В футболе есть только ты!

После тренировки Денис стоял под душем уже минут пятнадцать, как будто надеялся, что тонкие струйки воды смоют с него все поражения и неудачи последних недель. Проигрывать он не любил.

В любой команде люди делятся на три типа: кто-то совершенно не чувствует своей вины за поражение, кто-то берёт на себя только часть вины, признавая свои ошибки, а кто-то берёт на себя всю вину, хотя и играл здорово. Денис относился к последним. Он был очень сильным человеком, но его сила была где-то внутри, как будто он знал про себя что-то такое, чего не знали другие. Невысокий, худощавый, с коротко стриженными светлыми волосами и большими навывкате карими глазами, в обычной жизни он походил на цыплёнка, которого хочется покормить, но во время игры он преображался и бился за голы, сражался за каждый мяч, когда команда его теряла. Золотов, уходя из “Зари”, ему первому предложил уйти вместе с ним, но Денис отказался, удивив всех своим решением.

На полу уже собралась довольно большая лужа — слив опять забило, но выходить в раздевалку, пока там был кто-то из его команды, Денису не хотелось. Он закрыл глаза, чтобы не видеть лужу. Сделал сильнее напор воды,

чтобы не слышать голоса, доносящиеся из раздевалки, но голоса были слишком громкими.

— И вот подвалил я к ней в клубе, хлопнули по текилке, познакомились, потом ещё по текилке, ещё, потом она меня к себе потащила, всю ночь с ней зажигали. А утром я пошёл в душ, потом в комнату возвращаюсь, она голая на кровати лежит. Увидела меня, одеялом прикрылась и говорит: “Не смотри, я стесняюсь”. Я чуть не сломался от смеха. Стесняется она! Ещё протянула так “стесня-айусь” и губки вытянула. Ну прям примерная девочка!

— Уа-ха-ха! Я тут тоже недавно с одной мутил. Так она меня заставляла везде её фоткать. Потом эти фотки рассматривала и всегда говорила: “Нет! В жизни я всё-таки красивей, чем на фотках”. Ещё обижалась, если я сразу соглашаться не начинал. А потом всё равно эти фотки в “Контакт” выкладывала. Хрен поймёшь этих баб!

— Да я про то же.

Денис, конечно, сразу узнал голоса Стасика Ковалёва и Кирилла Клеймёнова. Первый играл правым полузащитником, а второй на том же фланге, только в защите. Они всегда разговаривали громко, как будто специально привлекая внимание. И всегда долго кружились перед зеркалом, прежде чем выйти из раздевалки. Стоит ли говорить, что больше всего голов “Заря” пропускала после атак именно с правого края.

Только когда голоса стихли, Денис выключил воду, завернулся в полотенце и вышел в пустую раздевалку, увидев привычную картину: кафельный пол, недавно покрашенные стены, крючки для одежды, скамейки, доска, на которой Петрович чертил свои хитроумные схемы. Вдруг Денис заметил Артёма, который за последние месяцы отрастил волосы и теперь тщательно расчёсывал их перед зеркалом.

— Я думал, ты уже ушёл. Сегодня не спешешь на электричку? — Денис давно хотел поговорить с Артёмом с глазу на глаз, но Артём после тренировок всегда уходил одним из первых.

— Нет.

— Как же меня достали эти придурки! Я думал, они никогда не уйдут, — Денис решил начать издалека.

— Да ладно тебе. Весёлые парни, — улыбнулся Артём, вспомнив только что услышанный разговор Стасика и Кирилла.

— Весёлые. Придурки, правда. А так весёлые. У них все разговоры только про девочек, клубы, шмотки, бабки, и про то, что они давно должны в “Барселоне” играть, а не в “Заре”, — с раздражением сказал Денис.

— Ладно, Дэн. Не заводись. Дай мне лучше твоим дезодорантом пошшикаться.

— Сейчас. Да перестань ты перед зеркалом крутиться! Бесит уже!

— Спокойно. У меня сегодня важный день. Иду с родителями своей девчонки знакомиться.

— Ну ты попал... Я её знаю?

— Она на прошлую игру приходила.

— Так эта нагламуренная штучка на тебя приходила смотреть? — Денис специально провоцировал Артёма и хотел посмотреть на его реакцию.

— Слушай, Дэн, не надо так про неё! — Артём впервые оторвался от зеркала и внимательно посмотрел на капитана “Зари”.

— Ладно, ладно... Гламур не для дур! — улыбнулся Денис и после паузы добавил: — Она ничего. Ей ещё собачки маленькой не хватает.

— Она просила ей подарить, кстати. Вот думаю ей йоркширского терьера купить. Знаешь, пылая такая собачонка. Видел, наверно, по телику? Они красивей, чем чихуахуа, а у афферпинчеров шерсть путается. Только йорки дорогие, заразы... — по тону Артёма нельзя было понять, шутит он или говорит всерьёз.

— Ты сейчас серьёзно? — Денис надеялся, что это была шутка.

— Да, а что?

— Ты давно с ней?

— Три месяца.

— То-то я смотрю, ты с апреля хреново играть стал! — Денис сказал, наконец, то, что уже давно хотел сказать.

— Это плохая шутка! — Артёма начинал раздражать этот разговор.

— А я не шучу! Ты посмотри на себя! Бледный, глаза провалились, ты на тренировках еле ползаешь. Теперь я знаю, кто из тебя все соки выжимает.

— Да что ты об этом знаешь? — Артёма задели слова капитана. — У тебя даже девушки нет! А я не могу без секса, понимаешь? Это так классно! Да, может, Жанна и глупенькая, но мне с ней классно. Ей плевать на футбол, но она приходит на меня посмотреть. Ко мне приходит. Когда я иду с ней по улице, все парни оборачиваются, все мне завидуют. И знаешь, что самое интересное? Мне это нравится!

— Да занимайся сексом сколько угодно! Хоть в перерыве! Но только выйди и забей победный гол, чтобы команда твоя выиграла! А не можешь, так выбери, что для тебя важнее. Если футбол, то играй, а если что-то ещё, то не мучайся. Если считаешь себя футболистом, сосредоточься на футболе. А ты, наверно, и на поле думаешь, какую собачку подарить своей девочке. Ты не можешь нормально играть, когда у тебя всякая хреновина в голове! — Денис выпалил всё это на одном дыхании.

— Это я не могу нормально играть? — Артём сжал кулаки и шагнул в сторону Дениса. — Да я уверен, что забью эти чёртовы голы! Потому что Жанна будет приходить на игры! — Он почти кричал. — Когда она на трибуне, я играю, как в старые добрые, как будто не было травмы, как будто не было перерыва. Да откуда тебе знать? Ты же никогда не лежал в гипсе. Не ковлял на костылях в туалете! Не просыпался ночью оттого, что тебе приснилось, как ты опять ломаешь ногу! И просыпаешься ты не от страха, а от боли! От настоящей боли! — Артём раскраснелся и уже слышал каждый удар своего сердца.

Денис понимал, что если дело кончится дракой, у него нет никаких шансов. Он был намного легче и просто меньше своего товарища, но отступить был не намерен.

— И что? Ты думаешь, травма делает тебя каким-то уникальным? Если ты получил травму — значит, сделал что-то не так! Получив травму, главное сделать правильные выводы! Футбол требует особого к себе отношения! Это очень жёсткая игра! Если тебе что-то мешает играть, давай поговорим об этом сейчас, давай сейчас разберёмся, — Денис тоже перешёл на крик.

— Да пошёл ты! Психоаналитик хренов! Мне некогда! — Артём сделал шаг в сторону двери, он всё-таки решил не идти на конфликт.

— Стой! Ладно, Артём. В конце концов, это твоё дело. Ладно, забьёшь ты эти голы. Ладно, впишёт тебя Петрович в какую-нибудь команду. Но дальше-то что? Неужели ты не видишь, что ты гнить начал внутри?

— Что ты сказал? — Артём резко развернулся. — Ну-ка, повтори!

— Ты же, как только пришёл, землю грыз на тренировках, а сейчас? Ты играешь по инерции! Ты боишься ответственность на себя брать! Вместо того, чтобы бить самому, стараешься отдать какие-то ненужные пасы. Это не игра нападающего!

— Да что ты ко мне приценился? Я один, что ли, в команде играю? Или ты думаешь, ты один не любишь проигрывать? Чего же ты не рвёшься спасать души Кирилла или Стасика? Или сразу Петровича? Мы же из-за этого борова проигрываем. В него никто не верит. Да он понятия не имеет, что делать с командой! Он только ультиматумы может сгавить! — Артём все же чувствовал в словах Дениса какую-то правду, и это раздражало ещё больше.

— Знаешь, я Петровича не защищаю! Но в твоём случае он прав! Забивать — это твоя работа! Не можешь — уходи!

— Да ты совсем охренел! Ты что, не видишь, что он меня просто травит?

— Нет! Это Скворца он травил! Это Виталика он травил! Это Шуку он травил! А тебе он даёт шанс! Всё в твоих руках. А знаешь, почему? — Денис знал, что следующая фраза не пройдет для него даром.

— Ну и почему?

— Да потому что ты блатной!

Дениса прервал удар ногой в живот. Он отлетел к стене и ударился спиной о батарею. Дыхание сбилось. Денис закашлялся.

— Ещё одно слово, и я тебя по стенке размажу!

— Да? А ты вспомни, как ты сюда попал! Ты же по звонку сюда попал, а не по игре. Ты попал сюда за былые заслуги. А новых заслуг у тебя пока нет.

Денис сидел у батареи, обхватив обеими руками живот. — Ты же знаток женщин, — ухмыльнулся он. — В футболе то же самое. Женщине не интересно, что было когда-то. Ей надо доказывать здесь и сейчас.

Артём вспомнил, как зашёл в кабинет Овдиенко, довольно потирающего в тот момент свои волосатые руки. Вспомнил, что именно тогда впервые увидел Петровича. Вспомнил фразу, которую выпалил прямо с порога, и впервые отчетливо понял её смысл. Он молча сел на скамейку. Денис, сидя на полу, тоже молчал.

— Ради чего всё, Дэн? Ради чего ты всё это терпишь? Неужели тебе нравится, как это толстый ублюдок с нами обращается? Он никогда, никуда тебя не продаст, потому что без тебя вся его команда рухнет к чёртовой матери, — Артём сказал всё это, глядя в пол.

— Продаст! Продаст! Меня достало это слово! Об этом только все и думают! Это лучше забыть! Тянуть свою ляжку и не ворчать. Контракты, зарплаты, трансферы... Сколько можно?! — Денис поднялся и теперь смотрел на Артёма сверху вниз.

— О, Господи! Неужели ты только сегодня узнал, что мир — дерьмо? И тут ничего не поделаешь, мы с тобой ничего не изменим, надо просто с этим свыкнуться! — Артём всё-таки решился поднять глаза.

— Я не хочу! Понимаешь! Не хочу с этим свыкнуться! Меня достали эти формулы: “Мир — дерьмо”, “Все лгут”, “Ты то, что ты ешь!”, “Ты то, что ты смотришь!” И интонации такие убедительные, что, кажется, глупо спорить. Но я не хочу быть ни гамбургером, ни героем сериала. Вот только одного желания мало!

Ты же знаешь, нельзя выиграть матч, просто стоя на поле и надеясь, что соперник сам забьёт себе десять голов. Нужно своей игрой заставить его ошибиться, нужно отобрать у него мяч, нужно идти вперёд, нужно забить гол. Чтобы переломить ход матча, нужно рискнуть, не пожалеть себя, несмотря на усталость. Этому дерьмовому миру я могу противопоставить только свою игру. Всё, что у меня есть — это игра, которой я посвятил уже большую часть своей жизни! Если я не смогу что-то изменить на поле, то в обычной жизни я тем более ничего не смогу. Я хочу, чтобы “Заря” выигрывала даже с таким составом, даже с таким тренером, и всегда делаю для победы всё, что в моих силах. Я хочу нас объединить, хочу, чтобы мы стали командой. Здесь и сейчас. Почему вы не хотите этого понять? В футболе есть только ты! Неважно, где ты играешь, для кого, важно как. Только от тебя это зависит. Не от поля, не от тренера, не от погоды, не от твоей девушки. Помнишь, Евгенич говорил, что наш главный соперник — это мы сами? Он прав! Не дай себя убедить, что ты дерьмо, и, даст Бог, чего-нибудь добьёшься! — Денис очень надеялся, что Артём его поймёт.

— Так ты играешь для самовыражения...

— Да я понятия не имею, зачем я играю в футбол. И это здорово, — Денис тоже сел на скамейку.

— Так не бывает. Всегда есть какая-то конкретная причина.

— Нет! В таких делах её не должно быть. Как только она появится, ты станешь хуже играть, — Денис замолчал. Он сказал всё, что хотел сказать.

— Ты дезодорант-то мне дашь? — с улыбкой спросил Артём.

— Бери...

Глава 8. Переломный момент

Ужин с родителями Жанны быстро отвлек Артёма от разговора с Денисом. Сложно думать о футболе, сидя в мягком кожаном кресле, держа в руке бокал коллекционного коньяка двадцатилетней выдержки и вспоминая вкус лазаньи и супа Министроне, которые ты только что ел.

На маму Жанны, Екатерину Васильевну, настойчиво просившую называть её просто Катей, Артём произвёл неизгладимое впечатление своей белой улыбкой и парой фраз из хвалебных статей на её книги. С папой, Никитой Андреевичем, всё было сложнее. Он весь вечер недоверчиво смотрел на Артёма, а после ужина пригласил его в гостиную поговорить.

Артём знал, что не стоит первым начинать разговор, но, глядя, как Никита Андреевич, ставит пластинку на стареньком проигрывателе, непонятно как оказавшемся в этой роскошной квартире, не удержался.

— Никита Андреевич, а почему вы не купите себе современную музыкальную систему? Зачем вам этот проигрыватель?

— CD не даёт такой полноты звука. Там звук складывается из нулей и единиц, полутона проваливаются, — отец Жанны сел в кресло напротив Артёма.

Артём с умным видом кивнул, хотя не понял ни слова.

— Я вижу, ты вроде нормальный парень, во всяком случае, самый толковый из дочкиных ухажёров, которых мне приходилось видеть. И я хочу поговорить с тобой начистоту. Надеюсь, ты не боишься серьёзных разговоров? — Никита Андреевич испытующе посмотрел на Артёма.

— Нет. Но обычно из серьёзных разговоров ничего хорошего не выходит, — попробовал пошутить Артём.

— Вот скажи честно, зачем тебе футбол? Вот если честно, отбросив все сказки про самовыражение, свободу, которую ты ощущаешь на поле, командный дух? — Отец Жанны как будто не слышал фразу Артёма и всем своим видом давал понять, что разговор будет действительно серьёзным.

— Я не знаю, что вам ответить... Играю, и всё. Просто я с детства мечтал стать футболистом. А почему? Не знаю...

— Ха! “Стать футболистом” — это не мечта. Вот “изменить мир”, “сделать всех счастливыми”, даже “забить победный гол в финале чемпионата мира” — это мечта, а “стать футболистом” — это просто цель. И цель эта рождается из очень простого и вполне естественного желания — заработать денег, больших денег! — Никита Андреевич говорил увлечённо. Он уже не раз думал о том, что собирался сказать Артёму.

— Может, я и не знаю, зачем играю в футбол, но точно знаю одно — я играю не ради денег! — с вызовом ответил Артём.

— Конечно, не ради денег! Ведь тебе их не платят. — Никита Андреевич неприятно рассмеялся. — Я вот недавно слышал, как какой-то известный боксёр сказал в интервью: “Сложно заставить себя бежать кросс в шесть утра, когда знаешь, что на твоём банковском счёте уже лежит десять миллионов долларов”. Вот это слова честного человека! Зачем ему получать по башке, если он уже себя обеспечил? Ради чего? Это пока ты беден, можно уверять себя, что деньги не главное, что ты стараешься не ради них. А стоит заработать футболом хотя бы миллион, и тебе станет лень выходить на поле каждый день.

Артём молчал. После паузы Никита Андреевич спросил:

— Тебе нравится коньяк?

— Да.

— Я не буду говорить тебе, сколько стоит бутылка, а то у тебя пропадёт аппетит.

Артёму захотелось плеснуть коньяком в лицо Никите Андреевичу, но он просто поставил свой бокал на столик.

— Артём, пойми меня правильно, я говорю всё это не для того, чтобы тебя обидеть, просто вижу, как ты смотришь на мою квартиру, как ты хочешь иметь такую же, и это вполне естественно для человека, всю жизнь прожившего в тесных “хрущёвках”. Почему ты боишься себе в этом признаться? Я не понимаю, почему люди боятся кому-то, а главное, самим себе признаться, что их самое сокровенное желание — это иметь много денег? Ведь стоит это признать, и твоя жизнь станет намного проще, исчезнут все эти ненужные морально-этические переживания и поиски. — Никита Андреевич допил коньяк, снова наполнил свой бокал и бокал Артёма, но Артём не стал пить.

— Я так понимаю, вы сейчас говорили про свою жизнь? — Артём смотрел прямо в глаза отцу своей девушки. Никита Андреевич выдержал этот взгляд.

— Да. Ты думаешь, мне нравится вставлять всяким дурёхам силиконовые имплантаты или откачивать жир у людей, которые просто не могут ограничить себя в еде? Но я не могу пересадить своим пациентам свой мозг, и если они надеются стать счастливее с искусственной грудью или другой формой носа и готовы ради этого ложиться на мой стол, не боясь боли и возможных осложнений — это их выбор. Я просто делаю свою работу — это приносит деньги, а деньги приносят комфорт и всё, что ты сейчас видишь вокруг. У меня красивая жена, а красивые женщины требуют денег. Поэтому я больше не мучаюсь ненужным вопросом, почему с каждым годом у меня всё больше пациентов. Я отвечаю себе так: никто уже давно не верит, что настоящая красота человека внутри. Никто уже давно не верит в то, чего нельзя потрогать или хотя бы логически объяснить. И меня это несколько не расстраивает.

— А ваша жена? Ведь она писательница! Неужели она с вами согласна? — Артёму захотелось выпить, и он посмотрел на свой бокал.

— Катя... Вот у неё-то как раз была настоящая мечта. Она хотела своими произведениями изменить этот мир. И ты знаешь, я ею горжусь! Она долго была верна себе, своей мечте. Писала потрясающие рассказы! Самый мой любимый — про маленького мальчика, главным сокровищем для которого была копилка, подаренная мамой, куда он складывал найденные и подаренные монеты. Для него с детства деньги стали главной ценностью, он думал, что за деньги можно купить абсолютно всё. Дошло до того, что когда у него болел живот, а мама не могла с ним остаться — ей надо было на работу, мальчонка разбил свою копилку и предложил маме денег, чтобы она осталась с ним. И ты знаешь, мне кажется, парень правильно понял, что такое деньги.

— Этого мальчика случайно не с вас списывали? — Артём был впечатлён цинизмом Никиты Андреевича.

— Нет. Я всё-таки считаю, что есть вещи, которые нельзя купить за деньги. А вернее, которые никто не продаёт, но это не потому, что не позволяют принципы, а потому что им нельзя установить конкретную цену. Покупатель не хочет переплачивать, а продавец боится продешевить. Всё просто.

Так вот, Катя писала свои рассказы, их не печатали. Она писала ещё и ещё. Результат всегда был один и тот же. Пока, наконец, она не разозлилась и написала пошленький романчик, а потом отослала его в издательство. Она ещё заявила: “Если это напечатают, я больше никогда не буду писать”, — вспоминая о жене, Никита Андреевич улыбнулся.

— Напечатали? — спросил Артём, хотя заранее знал ответ.

— Напечатали. Да ещё предложили такой контракт, что Катя смекнула: нет смысла писать для кучки интеллектуалов. Что, чем больше людей читают твои книги, тем больше тебе платят издатели. Даже талант можно измерить деньгами. Сейчас ей и писать-то особо ничего не надо, она просто придумывает сюжеты, а пишут “её” романы совсем другие люди. — Никита Андреевич откинулся на спинку кресла. Он уже не видел в лице Артёма былой решимости спорить, и это его забавляло.

— Вы хотите сказать, что реализовать мечту невозможно? — тихо спросил Артём, глядя в пол.

— Как бы там ни было, человек всегда оказывается меньше своей мечты. И чем раньше он это понимает, тем легче ему жить. Пока пошлость устраивает большинство, один человек не в состоянии что-либо изменить. К тому же, чтобы изменить этот мир, нужно быть не таким, как все. А чтобы быть не как все, нужно быть лучше этого мира. Но я таких людей что-то не встречал. Ты же, видимо, считаешь себя каким-то уникальным. Что ты о себе возмнил? Чем ты лучше других? Остынь! Спустишь, наконец, на землю.

Артём одним глотком опустошил свой бокал. Коньяк приятно согрел изнутри. Никита Андреевич снова наполнил бокал Артёма и предложил выпить за Жанну. Они чокнулись, выпили, и Никита Андреевич пустился в долгие,

вполне логичные, полные здравого смысла рассуждения о том, что Артёму уже девятнадцать лет, что, раз он до сих пор не попал в профессиональный футбольный клуб, то уже вряд ли сделает серьёзную спортивную карьеру, чтобы достойно обеспечивать Жанну, что, если нет денег, то можно забыть о таких красивых девушках, как его дочь, что в его возрасте уже пора задуматься о серьёзной работе, с которой любезно обещал помочь Артёму через своих многочисленных знакомых, нужно только, чтобы Артём решил, чем он хочет заниматься в жизни: гонять мяч, каждый день рискуя получить травму, или, как все нормальные люди, получать приличные деньги, работая головой.

Артём хотел что-то возразить, но не находил нужных слов. Аргументы Никиты Андреевича были такими чёткими, взвешенными, продуманными, что спорить с ним было сложно. С каждой минутой Артёму всё сложнее было видеть в них какую-то неправду, какую-то сомнительность, непрочность. И если в начале разговора Артём был категорически не согласен с Никитой Андреевичем, считая, что гораздо сложнее заставить себя бежать кросс только ради денег, что для настоящего спортсмена деньги — это не основной стимул, то к концу вечера он уже не знал, кто прав. Его внутреннее равновесие, обрётённое после забитого гола и разговора с Денисом, было нарушено Никитой Андреевичем. Так иногда бывает в игре, когда твоя команда ещё ведёт в счёте, но ты вдруг чувствуешь, что соперник переломил ход матча и стал ближе тебя к победе.

Как только Артём ушёл, Жанна забежала в гостиную, села на подлокотник кресла, на котором сидел её отец, и спросила:

— Папочка, ну как всё прошло?

— Отлично. Ты же знаешь, у твоего папочки редкий дар убеждения. Скажи лучше, Артём звал тебя на свою следующую игру?

— Да. Послезавтра. В субботу.

— Не ходи. Пускай малость понервничает. И что-то мне подсказывает, в субботу твой Артём всерьёз подумает о том, чтобы бросить футбол. — И раскрасневшееся от выпитого конька лицо Никиты Андреевича растеклось в довольной улыбке.

Глава 9. Третья игра

Когда за тобой наблюдает полный стадион, играть гораздо легче, чем при пустых трибунах, потому что ты видишь смысл игры, ты видишь живую реакцию публики, ты питаешься её энергией. Хотя иногда тебе важно присутствие на стадионе всего лишь одного человека, ради которого готов на всё. Но что делать, если этому человеку неинтересен ты и твоя игра? Нужно вырвать его из сердца, как бы тяжело ни было, а если ты не в силах это сделать, не выходи на поле, потому что ты заранее проиграл и можешь подвести команду. Никто не виноват, что ты распустил нюни. Любовь должна помогать жить, если любовь мешает, значит, ты не искренен в своём чувстве.

За первые двадцать минут очередной игры Артём ни разу не коснулся мяча. Он часто попадал в офсайд, бежал совсем не в ту зону, куда летел мяч, и вскоре полузащитники вообще перестали на него играть. А когда он, наконец, получил хороший пас и попытался остановить мяч, тот отскочил метра на три и улетел в аут. Это было последней каплей, и Артём рнул газон, грязно выругавшись. Как назло, судья в этот момент оказался рядом:

— Молодой человек, успокойтесь! В следующий раз получите жёлтую карточку за неспортивное поведение!

— Виноват, рэф, — Артём еле удержался, чтобы не обматерить ещё и судью.

Он начал нервничать уже на разминке, не увидев Жанну на трибуне. Ещё вчера вечером она обещала прийти, а сегодня утром не отвечала на звонки. Артём надеялся, что Жанна просто проспала и появится с минуты на минуту. Он пытался казаться веселым, улыбался, шутил, перемигивался с ребятами из своей команды, гримасничал, но нелепое суеверие “если Жанна не придет, я не забью”, грызло его изнутри и не давало сосредоточиться на игре.

“А может, с ней что-то случилось?” Артём с нетерпением ждал перерыва, чтобы позвонить своей девушке и узнать, где она. В первом тайме он так и не смог по-настоящему включиться в игру и постоянно оглядывался на трибуны. Петрович не заменил его только из-за своего ультиматума, он всё-таки хотел, чтобы Артём сам решил свою судьбу.

— Что, не берёт?! — спросил Денис в перерыве, злобно глядя на Артёма, сидящего в раздевалке и уже минут пять тщетно пытающегося дозвониться до Жанны. Артём, не моргая, смотрел в пол и так крепко прижимал телефон к щеке, что на ней уже появились вмятины от кнопок. Он понял, что обращают к нему, только когда Денис подошел и сильно ткнул кулаком в плечо.

— Может, расскажешь всем, что тебе играть мешает?

— Да пошёл ты! — Артём попытался встать, но Денис схватил его за плечи и усадил на место. Не убирая рук с плечей Артёма, глядя ему прямо в глаза, он громко, чтобы все, кто находился в раздевалке, слышали, начал говорить:

— Да не придёт она! Пойми! Она просто крутит тебе мозги! Ей до одного места твоя игра, а значит, и ты! Забудь о ней хотя бы на полтора часа! Думай только о том, что делаешь в данный момент! Играй за тех, кто рядом с тобой на поле! Если мы не начнём биться друг за друга, то так и будем сливать всем подряд! Посмотри вокруг! Посмотри ребятам в глаза! Разве они виноваты, что ты так стал зависеть от какой-то куклы?

Артём вскочил и ударил Дениса кулаком по лицу. Тот упал. Сергей, запасной вратарь, сорвался со своего места, ударил Артёма коленом в живот и свалил на пол ударом увесистого кулака в ухо. Если бы он этого не сделал, то это сделал кто-нибудь другой. Дениса в команде уважали, и безнаказанно бить своего капитана никто бы не позволил.

— Серёга, не надо больше! — Денис встал и сплюнул на пол кровь, сочащуюся из разбитой губы. Послышался свисток судьи, идущего по коридору. Нужно было выходить на второй тайм.

— Пошли, пацаны. Проигрываем всего один ноль! Времени полно ещё! — Денис протянул руку Артёму. — Давай оставим всё это в раздевалке.

— Что во фразе “Да пошёл ты!” было тебе непонятно? — Артём поднялся самостоятельно.

— Ты бы с таким упорством голы забивал...

Второй тайм “Заря” начала здорово. Мяч стал быстрее ходить от игрока к игроку, голевые моменты стали появляться чаще. Артема дважды выводили один на один, но первый раз он пробил прямо во вратаря, а второй чуть замешкался, и догнавший защитник свалил его прямо у линии штрафной. Раздался свисток. К мячу подошёл Денис и, перебросив “стенку”, сравнял счёт. Он не стал бурно праздновать гол, исполняя какой-нибудь танец, акробатический кульбит или срывая с себя майку, а просто добежал до ворот, вынул мяч из сетки и побежал с ним к центру поля, чтобы поскорее продолжить игру. Этим жестом Денис всем дал понять, что не согласен на ничью. До конца игры было ещё целых полчаса, и “Заря” стала атаковать ещё активнее. Но Артём так и не мог забить. С каждой упущенной возможностью он злился всё больше и больше. И когда защитник в очередной раз отнял у него мяч, Артём не сдержался и сзади ударил его по ногам.

— За такой фол я вполне могу удалить вас с поля! Я показываю вам только жёлтую карточку, но учтите, ещё одно нарушение, и я вас удалю.

— Спасибо, рэф! Я исправлюсь.

Судья давала Артёму очередной шанс.

За пятнадцать минут до конца игры Артём отнял мяч в центре поля и ринулся к воротам соперника. По пути он обвёл двух защитников, вошёл в штрафную и уже замахнулся бить по воротам, но его сбили с ног. Судья назначил пенальти.

Все пенальти в “Заре” бил Денис. На тренировках он забивал пять пенальти из пяти, причём все в один и тот же угол, но даже вратарь, знающий, куда будет бить Денис, не мог отбить его удар, настолько он был сильным и точным.

— Дэн, дай я! Уверен — забью! — попросил Артём.

— Бей, — Денис без раздумий отдал мяч.

Артём поставил мяч, отдышался, посмотрел на судью. Тот свистнул. Артём маленькими шагочками засеменял к мячу, опустив голову, всем своим видом показывая, что будет бить на силу, в последний момент он развернул стопу и “щёчкой” пробил в правый от себя угол. Вратарь дёрнулся в другую сторону и только проводил взглядом мяч, влетевший в ворота.

Артём бросился к Дэну, чтобы его поблагодарить, но тот о чём-то спорил с судьёй, который показывал, что пенальти нужно перебить, что кто-то из игроков “Зари” раньше времени забежал в штрафную.

Артём не знал, что ему теперь делать. Бить точно так же? А вдруг вратарь на этот раз разгадает трюк? Бить в другой угол? А вдруг вратарь опять дёрнется туда. Ударить по центру? А вдруг вратарь останется на месте? Раздался свисток. Артём начал разбег, так и не определившись, что ему делать. В последний момент он решил просто сильно ударить по мячу, и будь что будет, но не успел наклонить корпус вперёд, и, подсев под мяч, запустил его выше ворот.

В такие моменты футболист испытывает только одно желание — отмотать время назад и пробить по-другому. “Нет! Ну я же не так хотел! Ну почему?!” — от бессилия что-либо изменить Артём чуть не плакал. Вдруг бессилие сменилось гневом. Артём потом даже не помнил, что именно он сказал судье, но некоторые ругательства тот явно слышал впервые, хотя работал уже около пяти лет.

— Молодой человек, я вас предупреждал!

— Чего?! — от судьи, державшего в руке красную карточку, Артёма оттащивали чуть ли не всей командой. Матч “Заря” заканчивала десятером.

После игры, зайдя в раздевалку, ребята увидели Артёма, сидящего на скамейке, обхватившего голову руками и раскачивающегося взад вперёд. На полу, рядом с пятном крови Дениса, валялись обломки Артёмино мобильного телефона. Жанна снова не взяла трубку. Последним в раздевалку вошёл Петрович.

— Вы когда-нибудь выиграете или нет? Хотя с такими нападающими, как Кудрявцев... — Петрович наступил на обломок пластмассовой телефонной панели. — Кудрявцев, да ты у нас “белочник”, оказывается. На людей бросаешься, телефоны об пол разбиваешь. А где ты денежки на новый возьмишь?

Артём сжал кулаки и тяжело дышал.

— Ты на меня не пыхти! Ты вообще знаешь, как мы сыграли? Мы проиграли два один! А знаешь, как мы пропустили второй гол? Мы пропустили его с углового. А знаешь, почему? Потому что нам не хватило в своей штрафной одного игрока. А знаешь, почему? Знаешь! Потому что какой-то баран не забил пенальти, а потом удалился! Короче, следующий матч играем на выезде в Зеленогорске. Кудрявцев, поедешь в Подмосковье вместе со всеми. И мне плевать, что из-за удаления ты не сможешь играть, этот матч пойдёт тебе в зачёт. Так что, чтобы забить оставшиеся два гола, у тебя есть только одна игра. Подумай об этом. А то, может, пораньше соскочишь, а? Приятных тебе выходных. — У самой двери Петрович обернулся и сказал: — А ты, Рубцов, учти, ещё раз дашь кому-нибудь бить пенальти — пеняй на себя. Каждый должен делать своё дело! У нас тут не благотворительный фонд!

Выйдя из раздевалки, Петрович для убедительности громко хлопнул дверью.

Глава 10. Четвёртая игра

Что бы с тобой ни случилось, рано или поздно приходишь к выводу, что у твоей жизни какой-то странный, постоянно повторяющийся ритм. И ритм этот навевает тоску. Всё кажется тебе уже когда-то виденным или слышанным, а твои усилия что-либо изменить напрасными и никому ненужными. Возникает ощущение, что ты движешься по кругу, хотя ещё вчера ты был уверен, что сделал огромный шаг вперёд.

Артём, вытянув ноги и сложив руки на груди, сидел на скамейке запасных и уныло наблюдал за игрой своей команды с “Зеленогорском”. Трибуна, построенная вдоль противоположного края поля и вмещавшая около тысячи человек, была практически заполнена зрителями. Футбол в Зеленогорске любили, к тому же местная команда лидировала в чемпионате. Вдали за трибуной виднелись серенькие девятиэтажки, а за спиной Артёма, недалеко от стадиона был лес — стадион находился на окраине города.

Запах травы, доносящийся с поля, такой сладкий и любимый в детстве, теперь раздражал. Артему казалось, что судьба просто дразнит его.

“В кои-то веки была возможность поиграть на нормальном травяном поле, а не на паршивой синтетике, которая в жару нагревается, как сковородка, и обжигает ноги даже через подошву бутс, так нет, угораздило в прошлом матче удалиться и теперь торчать на этой долбаной лавке. А этот запах... Благодаря ему я в детстве полюбил футбол. И первым, что я ощутил, упав на поле, когда получил травму, была не боль, не страх, а именно этот запах. И вот теперь опять. Круг снова замкнулся. Может, это знак, что пора бросить футбол? Бред какой-то!” Пытаясь отвлечься, Артём посмотрел в сторону и увидел Петровича, тихо сидящего на скамейке и рассматривающего зажигалку, которую он крутил в руках. Мотрин первый раз в жизни был спокоен во время игры.

Артём очень бы этому удивился, если бы не слышал предматчевую установку тренера. Дело в том, что “Зеленогорск” тратил серьёзные деньги на то, чтобы попасть во вторую лигу, делая особую ставку на “правильное” судейство. Эта ставка себя полностью оправдывала — выиграть у “Зеленогорска” было практически невозможно. Об этом и говорил Алексей Петрович: “Значит, так. Наш сегодняшний соперник “должен” по итогам сезона выйти во вторую лигу. Судья в курсе. Играйте аккуратно, постарайтесь обойтись без травм. Всё равно шансов у нас сегодня практически нет. Максимум, что мы можем сделать — это испортить им газон”.

После этих слов Антон Прокудин попросил тренера не ставить его на игру, сказав, что плохо себя чувствует. Все посмотрели на Сергея Галочкина, запасного вратаря. За день до игры он на тренировке разорвал связки мизинца правой руки. Палец стал в два раза больше и практически не сгибался. Сергей ничего не сказал тренеру, побоявшись, что на его место возьмут другого. Он просто попросил Прокудина сыграть весь матч без замены.

— Повезло тебе, Галочкин. Готов играть? — Петрович уже давно ждал возможности поменять вратаря, но Овдиенко не позволял это сделать.

Прокудин смотрел в пол, боясь встретиться взглядом с кем-нибудь из ребят.

— Готов, — уверенно сказал Сергей. Он прекрасно понимал, что другого шанса сыграть у него может и не быть. Когда тренер вышел, Сергей спросил: — Парни, есть у кого пластырь? Палец замотать надо.

Несмотря на травму, Сергей играл здорово. Его уверенность передалась всем остальным игрокам, и в первом тайме “Заря” отстояла нулевую ничью. Но в самом начале второго тайма, когда Сергей в падении ловил мяч, прерывая пас в штрафную, пробегающий мимо игрок “Зеленогорска”, изображая нарушение, упал, как подкошенный. Судья назначил пенальти. “Зеленогорск” повел один ноль.

Артём посмотрел на Прокудина. Антон довольно улыбался. Было понятно, что он втайне желает “Заре” поражения и очень расстроится, если его команда победит, когда его не будет на поле. Артём хотел сказать Антону что-то обидное, но вдруг осознал, что чувствует примерно то же самое. Ему стало стыдно, но он ничего не мог с собой поделать. Он понял, что играет, прежде всего, для себя, что футбол весьма эгоистичная игра.

Так больше не может продолжаться, — думал он. — На кого я стал похож? Бросаюсь на людей, дерусь непонятно за что, желаю поражения людям, вместе с которыми ещё вчера выходил на поле, клянчу у Дэна пенальти, отчаявшись забыть с игры. Я не хочу быть таким, но я не знаю, как себя побороть. Ради чего? Я больше не верю, что в футболе всё по-честному. Я вижу только, как люди подставляют друг друга, как сдают матчи, как су-

ды не дают нормально играть, что тренер не всегда сам решает, кого выпустить на поле. Мне это надоело. Это уже не футбол, а какой-то балаган.

В ворота “Зари” влетел второй гол. Денис пытался накрыть удар нападающего “Зеленогорска”, но мяч, рикошетом от его ноги, полетел вprotivoход вратарю, и Сергей не смог его отбить. Денис схватился за голову. Трибуна взорвалась аплодисментами и радостными криками болельщиков. Вдруг на поле выбежал фанат с горящим фаером в руке. На нём была маска, скрывающая лицо. Он через всё поле побежал к лесу. Люди на трибунах встретили его одобрительным смехом. За фанатом выбежали два милиционера, один из них был таким толстым, что, казалось, он гонится за собственным животом, а не за фанатом. Другой милиционер был постройнее, но бежал всё равно медленно. Он бросил в убегающего резиновую дубинку и к радости трибун промахнулся. Вскоре они скрылись в лесу.

Второй пропущенный гол убил всякую надежду игроков “Зари” даже на ничью. Они потеряли уверенность в себе, стали действовать хаотически. Каждый стремился в одиночку спасти команду. Артём было больно со стороны наблюдать беспомощность ребят.

“Если я так же выгляжу со стороны, зачем мне играть? — думал он. — Отец Жанны прав, стоит заняться чем-нибудь серьёзным и зарабатывать деньги... Я сдаюсь. Потренируюсь ещё недельку с командой, а на следующую игру не поеду”.

Ближе к концу игра успокоилась. Вдруг болельщики разом встали и начали скандировать: “Отпускай! Отпускай!” Артём обернулся и увидел, как милиционеры выводят из леса пойманного фаната. Его лицо уже не было скрыто под маской и было видно, что он чувствует себя героем дня.

“Это точно балаган! И я не хочу участвовать в этом балагане!!! Наш следующий соперник тоже “должен” выйти во вторую лигу. Судья опять будет нас топить. Мы у обычных-то команд выиграть не можем, а тут победить просто нереально. Как в такой игре забить два гола? Лучше уйду сам, чем меня выгонит этот бурдюк. — Артём посмотрел в сторону Петровича. — А кто бы не сдался? Я обычный человек — такой же, как и все, я не лучше этого мира, и хватит об этом думать”.

Глава 11. Главный соперник

Артём лежал на кровати, силясь вспомнить свой сон, но ничего не получалось. В памяти не сохранилось ни единого образа, виденного ночью, но Артём почему-то был уверен, что ничего хорошего ему не снилось. Рядом спала Жанна. Она тихонько посапывала, при этом лицо её было напряжённым, казалось, даже во сне Жанне не всё равно, как она выглядит. Артём поднял с подушки тяжёлую голову и, увидев настенные часы, подскочил: “Я же на игру могу опоздать! Петрович после себя никого в раздевалку не пускает!” Второпах он ударился коленом о журнальный столик, на котором лежали недоеденные фрукты и под которым валялись две пустые бутылки из-под вина. Только тогда Артём вспомнил, что не собирался ехать на игру, и что вчера они с Жанной как раз отмечали его решение бросить футбол.

— Ты куда это? — сквозь сон спросила Жанна.

— Спи, спи, малыш. Я просто водички попить, — Артём пошёл на кухню.

Он чувствовал в своём теле приятную усталость. Вчера ночью Жанна позволяла ему всё, вознаграждая Артёма за отказ от футбола. Ей было даже немного неловко, что она так легко одержала победу. Артём не чувствовал её неловкости, он был на седьмом небе, и только один коротенький разговор вчера неприятно царашнул его самолюбие. Артём вспомнил этот разговор, стоя посреди кухни и глядя на чайник, из-за которого, собственно, всё и началось.

— Что это ты делаешь? Неужели нельзя налить воду в чашку? — спросила Жанна, глядя, как Артём пьёт воду прямо из носика чайника. Вино к тому времени уже кончилось, а пить очень хотелось.

— Просто, когда я так пью, я всегда детство вспоминаю, — смутившись, ответил Артём.

— А в чём прикол? — Жанна в недоумении приподняла брови.

— Ну, как... Я когда в детстве приходил с игры или тренировки, сразу бежал на кухню, чтобы напиться. Хватал обеими руками чайник с плиты и пил прямо с носика. Пил, пил, а вода всегда была тёплая, и я никак не мог напиться.

— Ну и что?

— Я не знаю, как объяснить... Просто теперь, когда так пью воду, я чувствую себя и маленьким мальчиком и собой теперешним одновременно.

— Как это?

— Я как будто вне времени существую, и там и здесь. Это так здорово! — Артём очень хотел, чтобы Жанна его поняла.

— М-м-м... прикольно! Но, может, пора уже повзрослеть? Мало ли что было в детстве. Папа говорит, что можно и до сорока лет играть в игрушки.

Обычный разговор. Ничего особенного. Только теперь Артём стоял посреди кухни и не знал, что ему делать: налить воды в чашку или попить так, как он любит, как он сделал бы это раньше, находясь на кухне один. Подняв чайник, Артём с радостью ощутил его лёгкость. Чайник был пуст. Артёму не нужно было делать выбор. Он пошёл в ванную, чтобы умыться.

После хлорированной воды кожу на лице неприятно стянуло. Артём попробовал попить прямо из-под крана, но после первого глотка с отвращением выплюнул остатки воды в раковину. Потом тяжело вздохнул и уставился на своё отражение в зеркале.

Так вот ты какой, мой самый главный соперник, — усмехнулся Артём, вспомнив слова Евгенича, которые недавно повторил Денис. — Как же тебя победить? Разве это возможно?

Привкус хлорки, оставшийся на языке, усилил неприятное ощущение после вчерашнего разговора с Жанной. Вдруг Артём совершенно ясно понял, что его жизнь в этой квартире будет такой же, как хлорированная вода — очищенная, но мерзкая на вкус и ужасно пахнущая. Он понял, что не сможет всю жизнь делать только то, что хочется Жанне и её папочке. Ему показалось, что всё вокруг, каждая вещь как будто постоянно шепчет о своей цене. Раковина — тысяча долларов, зеркало — восемьсот долларов, ванна — две тысячи долларов, тумба под раковиной — девятьсот долларов — идеальная ванная. Вообще, казалось эта квартира — идеальное личное пространство, только вся беда в том, что в нём нет ничего от личности хозяев, всё на свой вкус обставил дизайнер. Хотя нет, у каждого здесь есть своя игрушка: у отца — старенький проигрыватель, у матери — старые потрёпанные книги, выменянные в своё время на макулатуру. А у Жанны? Артём снова посмотрел в зеркало. Да вот же она! Артём Кудрявцев — аксессуар, кукла для наряжания и игры, последняя деталь, придающая интерьеру завершенность.

“Опять получается какой-то балаган! Но даже в этом балагане мне снова досталось ничего не значащая роль, — с досадой подумал Артём. — Конечно, можно всю жизнь прожить в комфорте, ничего не добившись самому, а просто женившись на Жанне, вот только чья это будет жизнь? От своего главного соперника не спрячешься даже в такой роскошной квартире. Чтобы бороться с ним, надо сначала его изучить. А сделать это, расшифровать себя я могу только на футбольном поле. Только рядом с такими людьми, как Дэн. Если уж сегодня моя бесславная футбольная карьера закончится, то пусть она закончится на футбольном поле из-за того, что я не смог забить два гола, а не в этой квартире, напоминающей домик Барби. Всегда нужно играть до свистка — пока судья не остановил игру, ещё есть шанс победить. Нужно сначала остаться в футболе, а потом уже разбираться, что к чему. Ради Евгенича, ради Дэна, ради тех, кто сломался, у кого не получилось, ради тех, кто по-настоящему любит футбол”.

Артём вышел из ванной, тихонько оделся, последний раз посмотрел на Жанну и улыбнулся. Жанна крепко спала. Её не разбудил даже громкий звук захлопнувшейся входной двери. Артём не боялся объяснения с Жанной, он просто спешил на игру.

Глава 12. Пятая игра

Небо заволокло тучами ещё ночью, но дождь начался только утром. Сначала нерешительный, робкий, с каждым часом он набирал силу и лил всё сильнее. Даже на искусственном поле стадиона “Феникс”, несмотря на хороший дренаж, стали появляться лужи.

Алексей Петрович уже минут пять стоял на крыльце офиса “Зари” под навесом и не мог решить, вернуться ему за зонтом или быстро пробежать сто метров под дождём до здания, в котором находилась раздевалка его команды. Все ребята к тому времени уже должны были собраться. Вдруг на стадион забежал какой-то парень, держащий в руке спортивную сумку.

— Алексей Петрович, не сахарный! Не растаете! — крикнул Артём, пробегая мимо тренера.

— Кудрявцев! Ты бы на поле таким остроумным был! — Мотрин не ожидал увидеть Артёма на игре и был приятно удивлён его появлением. Возвращаться за зонтом теперь было глупо, и Алексей Петрович, тяжело вздохнув, пошёл вслед за Артёмом.

Установка на игру не отличалась оригинальностью. “Постарайтесь без травм, без карточек, очки будем брать в следующих играх”. А когда Алексей Петрович выставил на железную, в виде футбольного поля, доску, висящую на стене, специальные магнитные фишки, изображающие игроков, и начал в очередной раз объяснять, как надо играть в защите, Стасик Ковалёв и Кирилл Клейменов не выдержали и засмеялись.

— У вас пять секунд, чтобы объяснить ваш смех! — резко обернулся к ним Петрович.

Ребята смутились. Им на помощь пришёл Гоша Добровольский, племянник Овдиенко, уже месяц игравший в “Заре”. Только ему было позволено оказывать на ошибки тренера.

— Алексей Петрович, у вас на доске вместо одиннадцати игроков двенадцать.

— То-то я смотрю, всё так здорово получается...

Артём, еле сдерживая смех, посмотрел на Дениса, первый раз появившегося в команде после прошлой игры. Никто не знал, почему он за неделю не был ни на одной тренировке. Дэн сидел в углу и даже не улыбнулся. Кажалось, он ещё больше похудел и был бледнее обычного. Лицо его было опухшим, волосы взъерошены. Выглядел он, как после пьянки. “Неужели Дэн сломался?” — с тревогой подумал Артём.

Мотрин поговорил ещё минут пять, ещё раз повторил состав, а потом вышел из раздевалки. Как только дверь за ним закрылась, ребята прыснули от смеха.

— Какого хрена вы такие весёлые? Мы скоро на последнее место свалимся, а вам по барабану! — Денис вышел в центр раздевалки.

— Дэн, достала твоя мораль уже! Я не пойму, ты не слышал, что Петрович сказал? Судья заряжен, постарайтесь обойтись без травм. Задача много не пропустить. “Олимпия” по-любому выходит во вторую! — Гоша тоже встал со своего места.

— Как-то вы быстро все согласились, что нам не светит! Пускай Петрович уже проиграл, пускай он выставляет по двенадцать фишек, пускай орёт — это его дело. Но, надо отдать ему должное, он так гонял нас перед сезоном, что физически сейчас все в порядке. Просто настройте голову как следует! — Артём почувствовал, что для Дэна почему-то очень важно выиграть эту игру.

— При чём тут голова? Они реально сильнее, просто выше уровнем, — сказал Стасик, надевая жёлтые бутсы.

— Да какая разница! Давайте встанем все в оборону! Может, Серёга потащит, как в прошлой игре! Давайте просто постараемся выиграть борьбу! Класс не имеет значения, если проигрываешь физически! У вас у всех полно сил! Вы же здоровые мужики! А мужики пахать должны! Мужики должны уставать! А вы ни хрена не устаёте! Ни в играх, ни на тренировках!

— А ты сам-то где всю неделю был? Забухал, небось! — Гоша считал, что Денис слишком много на себя берёт.

— У меня отец умер... — Денис вышел из раздевалки.

Стало слышно, как в душевой капает на пол вода. Ребята молча смотрели друг на друга. Всем было понятно, что эту тишину нельзя выносить на поле, что нужно что-то сказать, нужно разрушить её, но никто не решался.

— Ну и что притихли? — спросил Сергей Галочкин, заматывая пластырем свой кривой мизинец.

— Парни, если мы и сегодня не выиграем, мы реально конченные! Нам уже ничего не поможет! — Гоша совсем не был похож на своего дядю.

— Петрович не зря сегодня двенадцать фишек выставил. Нам Дэна бая помогать будет!

Договорились играть строго от обороны и предельно просто. На разминке все были сосредоточены, и не было слышно обычных шуточек.

Игроки “Олимпии” разминались нехотя, с ленцой. Они не верили, что соперник способен создать им какие-то проблемы.

С самого начала игры Артём “приклеился” к последнему защитнику “Олимпии” и караулил его ошибку. Защитники “Зари” не стеснялись играть “на отбой” и часто просто сильно выбивали мяч на половину поля соперника. На скользком, мокром поле игра в пас у “Олимпии” не получалась, атаковать в таких условиях всегда сложнее, чем защищаться. Скудная, вязкая, неспешная игра продолжалась около получаса, пока “Заря” не забила гол.

Кирилл Клеймёнов как обычно сильно выносил мяч с правого фланга по диагонали. Артём принял его на грудь, не опуская на землю, поймал его на голеностоп и резко развернулся вправо, прокинув мяч мимо защитника. Подняв голову, он увидел, что находится один перед воротами. Артём даже не успел подумать, что надо бить в дальний от вратаря угол, как мяч уже летел туда. Иногда твоё тело оказывается мудрее разума.

После пропущенного гола игроки “Олимпии” стали нервничать и чаще фолить. За пять минут до конца первого тайма на правом краю сбили Стасика Ковалёва. Судья, молодой прыщавый парень, назначил штрафной. “Ты куда свистишь, чудик? Завязывай с этим делом!” — крикнул ему тренер “Олимпии”.

Денис навесил в штрафную. Артём точно рассчитал время для рывка и легко бы отправил мяч в ворота, но защитник схватил его за плечо и свалил прямо на глаза у судьи. Тот молчал. Мяч ударился о газон и перелетел через вратаря. Гоша, оказавшийся на дальней штанге, головой переправил его в ворота, но другой защитник, страховавший вратаря, рукой вынес мяч с линии ворот. Судья свистнул два раза — угловой. “Да что же ты, тварь, делаешь?! Он же рукой играет!” — за эти слова Гоша получил жёлтую карточку. Уходя на перерыв, игроки “Зари” понимали — во втором тайме для них начнётся настоящая игра.

— Вы что, смерти моей хотите? — спросил Петрович в перерыве. — Почему вы решили упереться именно в этом матче? Вы что, совсем бараны? Вам же сейчас ноги просто поотрывают, а судья не заметит, а потом, если надо будет поставить в наши ворота десять пенальти, он поставит десять. Надо будет поставить двадцать, он поставит двадцать. — Петрович смотрел на лица игроков и не узнавал их. Они как будто все одновременно повзрослели. Как будто у каждого из них шла какая-то трудная внутренняя борьба с соперником, который гораздо сильнее и бескомпромиссней “Олимпии”.

— Ладно, если вы такие упёртые — дело ваше. Раз так, будьте предельно внимательны, не передерживайте мяч, иначе останетесь без ног. С судьей не спорьте ни при каких обстоятельствах. Кудрявцев, а твой ультиматум никто не отменял. С тебя ещё один гол. Да, кстати, если кто-то не хочет выходить на второй тайм, говорите сейчас, я вас сразу заменю.

Замену никто не просил. И не потому, что не боялись выходить на поле, а просто потому, что так было надо.

Кирилла Клеймёнова уносили с поля на носилках. Кровь из его носа лила не переставая, к тому же скорее всего у него было сотрясение мозга — он не побоялся головой отбить тяжёлый мокрый мяч, летевший в пустые ворота. Пользуясь паузой, Денис заматывал ушибленное бедро эластичным бинтом. Гоша попросил у запасных щиток на правую ногу, потому что его щиток треснул пополам от сильного удара. Артём пытался завязать шнурки на бутсах, но руки дрожали от усталости. Прошло всего пятнадцать минут второго тайма.

На восемнадцатой минуте в ворота “Зари” был назначен пенальти. На Сергея Галочкина вдруг навалилась какая-то невероятная слабость. Он не чувствовал ни одну мышцу. За всю игру он отбил столько ударов по своим воротам, что его форма насквозь промокла от постоянных падений на газон и заметно потяжелела. Сергей держался, но в тот решающий момент силы покинули его. Он даже не шелухнулся, когда нападающий “Олимпии” пробил по его воротам, но мяч угодил в штангу. “Заря” по-прежнему вела один ноль.

Артём почувствовал, что ребята вот-вот дрогнут: “Как я забью по такой игре? Невозможно целый тайм обороняться да ещё столько получать по ногам. Нужно переломить ход игры! Но до меня мяч даже не доходит! Никто пас не может нормальный дать!”

Денис тоже чувствовал, что надо что-то делать, и взял игру на себя. Отбрав мяч в центре поля, он рванул вперёд и издали пробил по воротам. Вратарь “Олимпии” не удержал скользкий мяч, который Артём добил в пустые ворота.

Вдруг он услышал громкий, нечеловеческий крик. Крик очищающий, освобождающий от сомнений и ненужных мыслей. Только спустя несколько секунд Артём понял, что это кричит он сам. Он побежал к Петровичу, чтобы показать, что забил, наконец, столько, сколько нужно, но увидел бокового судью, стоящего с поднятым флажком. Офсайд. Гол не засчитан.

С каждой минутой играть было всё сложнее. Воздуха не хватало. Ноги сводило от усталости. “Заря” не могла даже выйти со своей половины поля, и второй пенальти судье не пришлось придумывать. Денис, пытаясь в подкате выбить мяч, сбил соперника прямо в штрафной. “Серёж, выручай!” — Денис чуть не плакал.

Сергей показал бьющему, что будет прыгать вправо, а потом резко сделал приставной шаг влево, прыгнул в эту сторону и отбил мяч, но отбил прямо перед собой. Денис рванул к мячу, чтобы выбить его на угловой, но поскользнулся и срезал мяч в свои ворота. “Олимпия” сравняла счёт. Сергей похлопал Дениса по плечу: “Ладно, ладно, Дэн. Забудь, ещё играть и играть”.

Для всех важно было, как капитан отнесётся к своей ошибке, как будет играть после неё. Разыграв мяч с центра, его откатали Денису, но тот замешкался, попытался сыграть поперёк поля, его пас перехватили, и два нападающих “Олимпии” вышли на вратаря. Пас вдоль ворот. Всё, что мог Сергей, это сделать несколько шагов и прыгнуть вдоль линии ворот, растянувшись во весь рост. Мяч попал в кончик его бутсы и улетел на угловой. Сергей дал своей команде шанс, но, глядя, на раскисшего Дэна, в победу уже никто не верил.

“Олимпия” всей командой бросилась в атаку. “Парни! Нельзя отдавать!” — кричал Гоша, но слова никого не способны вдохновить в такие моменты. Воля стирается так же, как постепенно гаснут физические силы. Гоша перехватил мяч в центре, поднял голову, но пас было делать некому, никто не хотел получать мяч. От отчаяния он сильно пнул его в аут. Артём сам не мог понять, зачем он побежал за этим безнадежно уходящим мячом. Никто из защитников даже не подумал его догонять. У самой линии мяч застрял в луже и остался в игре. Артём подхватил его и рванул к воротам соперника. Форса перед защитниками у него была приличная. Войдя в штрафную, Артём успел протолкнуть мяч мимо вратаря, через секунду сбившего его с ног. Прежде чем мяч пересёк линию ворот, судья успел свистнуть и назначить пенальти, давая “Олимпии” шанс.

Времени оставалось мало. Артём понимал, что другой возможности забить в этой игре, а значит, и во всей карьере футболиста, может уже не представиться. Он взял мяч и вопросительно посмотрел на Дэна. Тот молча кивнул. Артём окинул взглядом ребят. Измученные, они тяжело дышали. Многие, наклонившись вперёд, упёрлись руками в колени, так было легче стоять. Гоша сидел в центре поля. Сергей стоял на коленях в своей штрафной, прижав к губам сжатые кулаки. Чтобы играть дальше, всем им нужно было что-то большее, чем просто гол.

— Сам отмазывайся перед ребятами за свои автоголы! — Артём протянул мяч Дэну. Тот впервые за несколько дней улыбнулся.

Денис Рубцов, как всегда, забил пенальти. До конца игры оставалось десять минут.

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

ПРОЙДЕМ НАД ГРЯДУЩЕЮ БЕЗДНОЙ

* * *

Я не верю в судьбу, не пытаю судьбу.
Вот еще один год — словно сажа в трубу!
Это кто ж кочергою там угли ширяет?
Распахнул поддувало, а тяга сильна!
Из трубы в черном космосе дырка видна:
Не в нее ли однажды душа отлетает?

Бросит грешное тело, как житель избу.
Пролетит вместе с хлопьями сажи в трубу,
И, наверно, испачкает саван Господний.
И к созвездию Рака, поскольку я — Рак.
Поспешит, огорчаясь: “Ах, парень-дурак,
Сдох бы раньше, дорога была бы свободней.

А теперь сколько их — Близнецы да Тельцы...
Жили-были, и вот обрубили концы...”
Я не верю, что души цепляют друг друга.
Я не верю, что тесно в космической мгле:
Космос — это простор, это не на земле,
Где мы вброшены в круг — и не выйти из круга.

БРЮХОВЕЦКИЙ Виктор Васильевич — известный русский поэт, автор нескольких стихотворных книг. Живет в поселке Кузьмолово Ленинградской области.

Я не верю в судьбу, я ее не молю,
Я ножовкою обруч мой ржавый пилю,
Да смотрю на песок и листки обрываю.
И на мир, что во мне, предъявляя права,
Я пишу на стене золотые слова
И строку самогоном крутым запиваю...

Ой, ты, Боже еси, призови и спроси:
Сумасшедшие есть ли еще на Руси?..
Я отвечу, что есть, потому что я знаю.
Потому что я вижу — в таком же окне
Тусклый свет, значит, кто-то и там на стене
Пишет слово и пропасть обходит по краю.

Да случится!
И станет, и будет спасен,
А не просто летучим песком занесен,
И другой, и еще, и совсем неизвестный.
Значит, тем и живем, значит, и потому,
Раздвигая руками тяжелую тьму,
Мы однажды пройдем над грядущею бездной.

* * *

Запахнусь в дождевик и свернусь у костра,
Как положено — все неудобства приемлю,
И под небом огромным всю ночь до утра
Стану греть своим телом остывшую землю...

Я лежу у костра. Я не сплю. Я молчу.
Как погаснет костер, я совсем не замечу.
Шар земной повернется рассвету навстречу
И меня вместе с полем подставит лучу.

И копытцами росы дробя вразнобой,
Отрясая цветы, как дитя торопливый,
Подойдет жеребенок с кудрявою гривой
И щеки моей сонной
Коснется губой...

* * *

КАМаз отползает в кювет. Застревает.
И небо дождем чернозем засекает.
Горят палисады созревшей калиной,
И племя сайгачье ковыльной долиной
Сквозь мглу дождевую — то дальше, то ближе.
И кот на карнизе, и ворон на крыше —
Согбенный старик — отрясает крыла —
Две тощих души на квадрате села.
Все пусто, и мокро, и так некрасиво...

И лишь за мостом, за распаханной гривой,
В плаще, как в хитоне, — Господь на Руси! —
Идет агроном и не тонет в грязи.

* * *

Постой, душа... Замри, остановись!
Дай надышаться запахами поля,
Дай погасить осколок острой боли,
И, опечалюсь, посмотреть на жизнь —
На этот неумолчный шум воды,
На молодые гибкие побеги,
На все, что не кончается вовеки...
Дай рассмотреть в пыли свои следы,
И осознать, что правильны пути,
Что мною верно выбрана дорога...

О, сколько мне еще шагать до Бога,
Успею ль это поле перейти?

* * *

Стихи, стихи...
Идет игра на жизнь!
Я тоже мог бы, загребая деньги,
В крутой машине, вытаращив зенки,
Лететь туда, где в жгут переплелись
Тугие струны жадных интересов,
Где каждый хочет не свое толочь,
И смотрит в мир из-под бровей-навесов,
Как смотрит зверь в распахнутую ночь.
Нет, нет...
И за стихи, за радость эту,
За строчку, что еще не покорил,
Я жизнь мою, что Бог мне подарил —
Готов отдать, как звонкую монету!
Крути меня, Господь, гни на излом,
Вей из меня серебряные жилы,
Чтоб в горький час, когда не станет силы,
Я смог упасть не решкою — орлом.

СИБИРЬ

*Вновь на снегах,
от бурь покатых...*
П. Васильев

Набитые ветром сугробы тверды,
Подковой ударь — не останется вмятин.
Мне этой породы характер понятен —
Сибирь отвергает насилья следы.

Она, принимая желающих в плен,
Лежит, развалившись, от края до края,
Как будто звериная шкура сырая —
Мездрую наружу, с потеками вен.

Осадит морозом, бураном нахлынет,
Взопреет под волчьей дохой золотой —
И стынут хрящи носовые, и стынет
Надбровная кость и гудит ломотой.

И если не дерзок, и если не ловок,
Зароет в снегах, как в пуху лебедей,
Начертит звездой на кресте заголовок
И солью проступит на шляпках гвоздей.

И талой водою очистит скулу,
И выбелит кость, и седьмою весною
Проколет глазницы хвоинкой-сосною
И, ствол выгоняя, погонит смолу.

И кто-то, идущий тропею другою,
В таежном урмане, в брусничных кистях,
На лопнувший череп наступит ногою
И вздрогнет, и тяжесть осядет в костях.

Надолго осядет, но, кровь будоража,
Упрямо и снова поманит туда,
Где синим костром над улогами кряжа
Мохнато сверкает медвежья звезда.

ЛЕБЕДИНОЕ ПЕРО

Туман сошел. Луна сквозь листья сада
Роняет на тропинку серебро.
Со мною — ты, и ничего не надо...
Очиним лебединое перо!
Гусиным можно, можно ястребиным, —
Их, перьев этих, столько на лугу! —
Но о любви нельзя не лебединым:
Любим иным я просто не смогу.
Я напишу: “Как пахнут Ваши плечи!..”
Я прикоснусь губами к завитку,
И загорятся, засверкают свечи
В зрачках твоих, читающих строку.
— Так просто все?..
Конечно, очень просто...
Ведь это лебедь...

Небо...

Перелет...

По этому перу стекали звезды,
По этому крылу стреляли влет!
Оно стонало, билось и плескалось,
Кипело страстью, рвало небосвод,
Оно такой любовью пропиталось!

...И не заметим мы, как перейдет —
Под занавесок легких колыханье,
Под шум листвы — попробуй, улови! —
Поэзии неровное дыханье
В неровное дыхание любви.

* * *

И тогда, устав от этой боли
За тебя, моя больная Русь,
Я зажгу свечу и выйду в поле,
И на холм высокий поднимусь.

Будет небо чистым, звезды — близко,
Дух степной не колыхнет свечу,
И огонь, как отблескobelиска,
Озарит меня, и прошепчу:

“Я готов к разлуке и расплате,
До оси сносил я колесо...
Я не просто русский, я — в квадрате.
Господи, как просто это все!

Нужно только верить — и я верил.
И любить. Как сильно я любил!
И на свой аршин страну не мерил,
И не предал я, и не убил...”

Встрепенется птица на болоте,
И заря оплавит бок земли,
И мое дыханье на излете
Опадет росой в ковыли...

* * *

Упиралась вода...
О. Мандельштам

То не выпь на Тоболе трубит — плотогон!
В связке сосны и ели. Раздрай и разгон.

Ствол восходит свечой в серых брызгах воды —
Берегись, человек, далеко ль до беды!

На Тоболе темно и на Каме темно.
Золотою корою бревно о бревно

Мягко трется, и берег, незримый в ночи,
Дышит синим и белым, кричи не кричи.

А над скопищем бревен, над прорвою вод
Черным платьем в горошек трясет небосвод.

Пена бьется у ног, влага рвется с ковша...
И Воронеж хорош, и Сибирь хороша!

ПО СЕНО (из юности)

Бескрайний снег. Россия. Купыри.
Травы созревшей пышные метелки
Опушены морозом. В волчьих холки
Рассвет вплетает ленточку зари,

И слышно, как токуют глухари
За речкой, на бору, у самой кромки...
Пристяжка рвет и дышит на постромки
Серебряным туманом из ноздри.

И серебром окутанные сани,
Визжа, идут в раскат на вираже,
И ты, вращая крупными глазами,
Стоишь в санях в хозяйском кураже,
Чуть шевеля подобранной вожжой,
Весь в инее, бессмертный и большой.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

ЗЕМНАЯ КРАСОТА

РАССКАЗ

Отошли воробьиные ночи. Отгremели луговые грозы. Смётано в стога красное лето. На опустевшем балагане косарей дремлет понурый ворон.

А в старинном сибирском посёлке — праздник: налетело видимо-невидимо птиц из ближних и дальних лесов. Поют, заливаются — славят погожее предзимье.

Василий Матвеевич Мишуков вышел в ограду попотчевать кедровыми орехами заявившуюся неожиданно-негаданно в гости шустрюю стайку синиц, и так ему захотелось напиться живой воды из Заветного ключа, что он тут же, несмотря на раннее утро, собрался и пошагал за околицу, где робко белел выпавший третьего дня снежок.

Влюблён в лес Мишуков с детства. Ещё мальчонкой мечтал стать лесоводом, украсить приволжское перестепье и окрестности родного села хвойными борами. Ни полям, ни лугам не страшны будут лютые суховеи, сжигающие всё на своём пути; сельчанам не придётся ходить за полторы версты по хворост в небольшой лесок, вечно гудящий от волчьих жалоб.

Когда началась война, отец уехал на фронт бить фашистов. Мальчонка изо всех сил помогал колхозу, возил снопы, крутил на току попеременке с матерью ручную веялку, собирал со школьной детворой оставшиеся колоски на убранных полях. Каждым зёрнышком дорожили — сдавали государству: хлеб считался не менее грозным оружием, чем знаменитые “катюши”.

ГОРБУНОВ Анатолий Константинович родился в 1942 г. в деревне Мутина Киренского района Иркутской области. Много лет был профессиональным охотником в приленской тайге. Поэт и прозаик. С 1977 года член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Поест русский солдат хлебушка, замешенного на народной беде, и нет ему равных в рукопашном бою.

Васе снились по ночам то зелёные ёжики сосенок, то ёлочки, похожие на куколок, то лисята, играющие в догоняшки... Ни одного счастливого сна досмотреть до конца так ему и не удалось.

— Василий, школу не проспи! — на самом интересном моменте строгим голосом будила мать.

Прогнали врага, отец вернулся домой, и мальчонка в честь великой Победы посадил вдоль родительского огородашки шеренгу берёзок, но саженцы не прижились.

Отец сказал сердито:

— Того и гляди, весь подрост изведёшь. Сажай в срок, и чтобы веточки в те же стороны света смотрели, что и на родном месте. Заметки делай — лоскуточки привязывай, прежде чем выкапывать...

Сколько зарниц отсверкало, сколько дождей отплакало с тех пор — не упомнить. Вася вырос и выучился на лесовода. Попал по распределению в Сибирь и навсегда связал свою судьбу с Байкалом.

Ровесники возводили ГЭС, строили города и заводы. О героях кричали газеты, снимались фильмы. А он, скромный и неприметный, возрождал земную красоту на вырубках и пепелищах, оставленных горластыми комсомольцами.

Прошли годы, и вернулись в обновлённые леса птицы и звери. Ожил пересохший в прострелянном когда-то дробью распадке Заветный ключ...

Мишуков поднялся по крутой тропе на ровнинник, перевёл дух и пошагал под ласковый шёпот деревьев по высветленному насквозь сосновому бору.

Вдруг раздался цокот, и с пенька молнией метнулся в заросли бурундучок.

— Ах ты, пострелёнок полосатый! — вздрогнул, рассмеялся старый лесовод, с любопытством высматривая озорника в паутине колочего кустарника, а тот уже опять сидит на пеньке с ягодкой шиповника в лапках, поглядывает хитро на пришельца: здорово, дескать, я тебя напугал. Беззащитный зверёк. Разорит в зимнюю стужу его кладовую какой-нибудь лесной разбойник, не будет ждать бурундучок голодной смерти, повесится с горя на ветке-рогулке. Таким создала его природа, и ничего тут не поделаешь.

Где-то в голубичнике переливчато и протяжно пропел рябчик:

— “Пять, пять, пять тетеревятников...”

Василий Матвеевич остановился и подтвердил шутливо тонким свистом:

— “Пять, пять, пять тетеревятников, пять!”

Рябчик тут же подлетел и бесстрашно уселся на соседнюю ольху. Кого бояться? Этот человек за всю свою жизнь ни разу охотничьего ружья в руке не держал.

Осенью рябчики разбиваются на парочки, и, любуясь на лесного петушка, Мишуков участливо спросил:

— Невесты не досталось?

И обнадёжил:

— Не волнуйся, будет и на твоей рёлке свадьба.

Чем дальше удалялся старый лесовод от посёлка, тем глубже становился пугливый снежок: у реки он растаял, а здесь, в глухомани, сохранился, по нему можно разгадать сокровенные тайны даже самых скрытных обитателей леса.

Вот из-под корней мохнатого кедра выкатились на белый шёлк снежка и прокатились к пустотелой колодине следочки-бусинки. Их оставил гнус — мизерная мышка с горбатым рыльцем-хоботком. Насторожит охотник ловушку на соболя, гнус источит приманку, да так аккуратно, что ловушка не сработает. Бывает и хуже: попадет в неё соболю, гнус посечёт драгоценный мех.

А вот вокруг сизой лиственницы белочка напорошила чешуйки от шишек. Наелась вволю вкусных семян и спряталась в гайно — круглый домик, сплетённый из гибких веточек на высокой пихте, на нижнем сучке которой наколот сухой обабок. Белочка не тронет гриб, она запасла его для другой. Придёт сюда та, гонимая бескормицей, он и пригодится. Так уж у белок заведено — заботиться друг о друге.

Зорко глядяваясь в струйчатые потоки щедрого солнца, чутко вслушиваясь в таинственные шелесты улыбающегося ему леса, Василий Матвеевич спустился по пропахшей можжевельником покати к весёлой полянке, где под бубен собственного эха шаманит Заветный ключ и стелется по камешкам радостный свет.

Напился живой воды и умылся. Глаза вспыхнули синим пламенем, морщинки на лице исчезли. Сел на вкопанную под ещё неопавшей берёзой лавочку и задумался о своей судьбе. Лучшие годы жизни отдал он лесу, спасая земную красоту, без неё русскому человеку не выжить. Извела старого лесовода печаль: смены нет. У молодёжи на уме — топоры да спички. Мишуков засмотрелся на проворно бегущий к Байкалу ключ, вспомнились знойное приволжское перестепье, родное село, и по щеке скользнула непрошенная слеза: не украсил он отчий край хвойными борами. И прожитая в трудах и заботах жизнь показалась ему ничемной.

Вдруг над головой захлопало, защёлкало — на макушку берёзы опустился краснобровый глухарь. Посыпались на старого лесовода золотые ордена сияющих листьев...

На обратном пути, около посёлка, Василий Матвеевич неожиданно встретил мальчонку со штыковой лопатой на плече. Поинтересовался, пряча в седых усах лукавинку:

— Кладонскатель?!

— Есть мне время по чёртовым куличкам шастать, — с достоинством ответил мальчонка. — Кедр во дворе одуплел. За саженцем иду.

— Молодец, сибирячок! — похвалил старый лесовод. — Умное дело затеял. — И посоветовал: — Сажай так, чтобы веточки в те же стороны света смотрели, что и на родном месте, иначе не приживётся. Заметку сделай — лоскуточек привяжи, прежде чем выкапывать.

Сказал — и привиделся отец в солдатской шинели, шагающий вдоль шеренги стройных берёзок.

* * *

Скоро ударят морозы. Потревоженные снегирями, затилинькают волшебными колокольчиками на рябинах остекленевшие гроздья. Медленно оседа на сугробы, замельтешит в небе звёздными мошками летучая изморозь. И однажды в лунную ночь выскочит на весёлую полянку заяц, вывернет рогулиной уши и замрёт среди огромного хвойного мира, очарованный тихим журчанием живой воды. Ухнет в ельнике филин, ойкнет косою от страха и покажется, от беды подальше, по набитой тропе, высекая голубые искры снега.

ЛЕБЯЖЬЕ ПЁРЫШКО

РАССКАЗ

В. Г. Распутину

1

Деревушка Боярова скорбно притихла, даже избы, кажется, сморщились от горя. Начался падеж скота. Нечем кормить. На березовых и талиновых прутьях да на пихтовой лапке отощавший скот навряд ли дотянет до первых проталин. Конец апреля, а вокруг лежит снег. Неспроста осенясь лист на осинах начал краснеть и опадать с нижних веток.

Прошлое лето стояла несусветная засуха — травы и хлеба выгорели. Колхозники не токмо луга и лесные плешины, каждый кустик литовками обшоркали. Зимущку колхоз обманул благодаря пламенному уполномоченному из района. Нагрязнул ушырь еще в январе, насильно отполовинил на поветях небогато накошенного сена у беззащитных сельчан для колхозных симменталок, а почерневшему от забот председателю колхоза Григорию Красноштанову пригрозил: “Не сбережешь стадо, посажу!” Недавно умер Сталин — затаялся крепостной народ, гадает шепотком: куда повернет страна?

Обнищавшая деревушка, плача кровавыми слезами, режет голодных коровенок, справляет поминки по мудрому вождю, объедается коствявой свежениной — чем добру пропадать, пусть лучше пузо лопнет...

Константин Бобряков, высокий и сухопарый чалдон средних лет, тоже крепко задумался. Уставился печально на сторбленную, начавшую линять коровенку Ночку. Доела сегодня последний клок сена. Жалобно мычит, с укором пялится на поджарого хозяина огромными голубоватыми озерами, в которых отражаются чирикающие на голой черемухе воробьи. Ночка давно бы убежала в лес, нашла себе корм, да брюхо не дает. Вот-вот должна отелиться. Константин неделю назад зарезал лончака. Неужто и коровенку придется пускать под нож?

— Охо-хо... — тяжело вздохнул чалдон.

Почесал Ночку за ухом, коровенка благодарно махнула плешивым хвостом, мотнула рогатой головой: рановатенько, дескать, меня жизни лишать — ишь, я какая резвунья! Ребра выступили на ее боках, будто еловые кокорины на лодке. Ключьями висит бурая шерсть. Константин приложил мозолистую ладонь к раздувшемуся брюху Ночки и почувствовал толчки тельца. Понял: рука на коровенку не поднимется, да и жена Прасковья резать не даст, будет насмерть стоять за кормилицу. К горлу чалдона подкатил горький комок: где тонко, там и рвется...

— Тятя, глянь-ка за реку, — пропищал десятилетний Тольша, крутившийся около Ночки, обирая шерсть: скатает её с хозяйственным мылом — получится мячик. Проталины все равно когда-нибудь появятся — надо приготовиться к лапте. В латаной-перелатаной кургузой телогреечке он был похож на зуйка с подбитым крылышком.

Константин бросил взгляд через мощенную почерневшим льдом Лену и ничего особенного не приметил.

— Глянь, глянь! — хитро прищурился сын.

— Ну, гляжу. Чего дальше? — начал сердиться отец. — Делать мне больше нечего, за реку шары пучить?

— Травку видишь? — показал Тольша на прыгавший мутными клубками по валунам вскрывшийся ручей: там на солнечном склоне обильно желтела ветошь.

Тут до Константина дошло, о чем толмачит сын. Чуть не захлебнулся от радости. Повелительно окликнул жену, сметавшую в кучу березовым голиком сенную труху на повети:

— Парасковья, иди-ка сюда!

— Что случилось? — испуганно высунулась та в проем.

— Посмотри, что он творит! — отец грубовато схватил Тольшу за воротник. — Мало его за это... расцеловать! Такое богатство у деревни на виду, и никто, окромя нашего огольца, не заметил!

Собрались на дорогу так быстро, что нищий бы не успел подпоясаться.

Бобряков тянет на лямке легкие дровни, через Лену шагает осторожно, постукивает ошатиной, боясь нарваться на подточину — подъеденный течением лед с обратки. Тольша едет на запятках дровней. Прасковья со старенькими — Васюхой и Маинкой — семят позади.

Добрались домой впотьмах. Прасковья, не отдыхая, тут же насекла мелко ветоши топором на чурбане, бросила горстку мучки, молотой из зяблого ячменя, подсолила и запарила.

— Ешь, Ночка... Ешь, кормилица наша...

Константин не чуя ног метнулся к председателю колхоза. Обрадовал с порога:

— Благие вести принёс тебе, Гриша!
— Что за вести такие, аж лица на тебе нет? — Красноштанов дрожащей рукой прибавил огня в керосиновой лампе. — В дугах оглобли расцвели?
— Лебедей сегодня видел. Летели над Леной кликуны и обронили перышко...

— Хорошо, что не вёроны, — перебил Григорий. — Одно осталось, воткнуть твоё перышко кое-куда и вон из деревни, пока не арестовали. На хрена я председатель согласился? Спал бы сейчас спокойно. И животины бы в хлеву цела была, и ребятишки сыты. — Он свез своё сено на колхозный двор ещё зимой, а симменталку отдал за бесенок рабочим лесоучастка, готовившим дрова для пароходов Лензолотофлота.

Константин ухом не ведет, гнет своё:

— Покружилось, покружилось перышко, опустилось в распадок за рекой и обернулось... травкой-муравкой...

Григорий обозлился:

— Хватит шутки шутить, тут и без них тошно! В детство ударился?

— Я и не шучу, ёлки-моталки, — обиделся Бобряков. — Вполне серьёзно говорю. Были сегодня с Парасковьей на той стороне, добрый возок ветоши серпами нажали.

— Да ну?! — вскочил Григорий с лавки и проворно сдернул с гвоздя выдавшую виды телогрейку. — Пойдем, глянем, что там у тебя за травка-муравка...

Назавтра от мала до велика были брошены на заготовку ветоши. Платали её от зари до зари, пока лёд позволял переходить через Лену.

— Доживем до выпаса! — ликует председатель колхоза. — Спас ты меня, Костя, от каторги. Век не забуду.

— Вон кого благодари, — кивнул Бобряков на Тольшу. — Он меня надушил, а его — Господь.

— Рассказывай сказки про лебяжьи перышки! — не поверил Красноштанов.

Наконец-то тепло, принесённое лебедями-кликунами, взяло своё. Над изъеденной промоинами Леной мельтешат чёрные букарицы — вестницы близкого ледолома. Оголившийся камешник пахнет прелой тиной. По каменистым берегам снуют взбродку кулики-перевозчики. Осунувшиеся за зиму ребятишки шалят, просят нарочито жалобными голосочками:

*Куличок, куличок,
Посади на хвосток,
На хвосток, на хвостик —
На воздушный мостик,
Отвези за речку,
Положи на печку,
Дам тебе ракушку —
Каменное брюшко,
Дам тебе улитку,
Шелковую нитку!*

В буераках распустило сугробы. Поля обнажились. Деревушка Боярова готовится к посевной. У Бобряковых на завалинке внезапно проклюнулась зелёная травка — и на утренней зорьке отелилась Ночка.

Проснулся Тольша от суеты в избе. Распахнул глаза — теленочек посередке горницы стоит. Качается на тонких дрожащих ножках — копытца разъезжаются по половицам. Буренький, с лебяжьим перышком во лбу. Повскакала с набитых соломой потников бобряковская мал-мала, окружила чудушко.

— Бычок!

— Не, телочка! Это же пупок под брюшком висит...

— Имя надо дать!

Родители переглянулись и решили:

— Пусть Тольша даст. Он же спас Ночку.

— Травка, Травка... — зарделся парнишка от смущения, поглаживая теленочка по мягонькой шерстке.

— Мама, лебеди! — завизжала Маинка, запрокинувшись в небо, где, загребая солнечную синь сверкающими веслами, плыла пара кликунов.

Отец замахал им шапкой:

*Лебеди, лебедушки —
Молодцы, молодушки,
Сбросьте с неба перышко
На лужок, на полюшко,
На раздолье вербное... —*

Тольша подхватил пискляво:

*Будет лето хлебное,
Травостой сочными,
Реченьки молочными!*

Лебеди как будто услышали древнюю закличку, обронули перышко. Все замерли от удивления. Кружило, кружило оно и опустилось в распадок.

Первой опомнилась Прасковья. Перекрестилась:

— Слава Богу, тепло принесли...

На солнпеке, чуть ли не под каждой сосной, апрель щедро рассыпал голубые пушистые звездочки с золотистыми шмелями в середке.

— Подснежники?! — оживился Васюха. — Тятя, нарвать бы, ружье почистить. Дуло-то, поди, насквозь проржавело?

— Успеем, почистим, — успокоил отец хитрющего Васюху. — Больше не тронь ружье, вздую.

Цокая, скользнула винтом вверх по дремучей ели ушастая белка, кувыряясь, посыпались наземь мелкие чешуйки коры. Мелькнуло голенькое брюшко с титечками — лесная проказница проворно шмыгнула в гайно, покормить молочком затаившихся бельчат.

Заглядевшись на нее, Константин наступил разбухшим ичигом на кладку пятнистых яичек стронутый шумом с гнезда рябчихи — и не заметил. Хрустнули они под тяжелой ногой, как сухая сосновая шишка. Замерло все вокруг, насторожилось. И эта внезапная тишина отозвалась в душе чалдона смутной тревогой.

— Наросло у воды травки, — приговаривает Прасковья, ловко срезая серпом пучки ветоши. Выбирает ветошь с зеленцой, такую Ночка будет есть охотнее. — Вот удача так удача!

— Подвезло, — соглашается Бобряков. — Дивно травёнки. Выше по реке богатистее должно быть, там распадки, помнится, пошире и поположе.

Серпы у родителей в руках так и ходят, так и ходят, словно журавли свадебный танец исполняют.

Ребятишки стаскивают ветошь вязаночками к дровням. Особенно старается Тольша. Васюха и Маинка одну ходку делают, он — две...

Солидный возок получился! Ветошь на дровнях, как положено, прижали бастригом, чтобы по дороге не растерять.

Константин и Прасковья впряглись в коренники, Васюха и Маинка — в пристяжные. Тольшу на возок посадили — умаялся парнишка.

Катятся дровни по льду, шебуршат, а Тольше кажется — ветер свистит в ушах. И не отец это совсем, не мать, не Васюха с Маинкой несут его по раздольной Лене, а четверка борзых лошадей. Ржут залиvisto, летят выше леса стоячего, выше облака висячего. Даже страшно стало — разобьют же! Тольша натягивает вожжи что есть моченьки:

— Тпр-р-ру-у-у...

Остолбелла четверка. Смотрит растерянно на лихого возницу — не поймет, в чем дело. Она, оказывается, и не собиралась превращаться в борзых лошадей! Вон Васюха в носу ковыряет, Маинка к матери прильнула, хнычет — есть просит.

Отец оглядел возок и погрозил:

— Не балуй, иначе пешком побежишь...

В июне Ночку было уже не узнать: сгладилась, порезвела. Вечером приходила домой с раздутым выменем, требовательно мычала: подставляй поддойник, хозяйка, иначе прольется молочко на землю! Была Ночка коренной сибирячкой. Небольшенькая и неприхотливая, не то что привозные дылды — симменталки. Давала всего-то ведро молока в день, но какого! Налей в бутылку, поболтай — тут же комочки масла всплывут. Разведи это молоко в три раза, и все равно оно будет жирнее, чем у хваленых обжористых симменталок.

Как и все сельчане, Бобряковы сдавали молоко государству. Прасковья уносила почти все на колхозный сепаратор, а возвращалась с пустым обратом, от которого у ребятишек в животе черти наперегонки бегали.

2

Перед самым сенокосом Тольша опять удивил родителей. Прислала племянникам тетка Анна из Бодайбо несколько мотков крепких фельтикосовых ниток и коробку рыболовных крючков — большая редкость в послевоенщину. Достала где-то, как-никак председателем райисполкома работала, золотыми приисками руководила! Накрутили Васюха с Тольшей закидушек, накопали червей — и айда на шитике за реку. Угадали на ход ленков, наловили — девать некуда! Вверх по Лене, прижимаясь к берегу, шлепал пароходишко, порожние баржонки тянул.

Капитан крикнул в рупор:

— Рыба есть, мужики?

— Есть! — заорали дружно ребятишки, хвастая крупными ленками.

Капитан отдал якорь и выехал на баркасе. Жадно глядя на радужных рыбин, спросил:

— Почему продаете?

— На животное масло меняем, — не растерялся Тольша.

Покупатель оказался умным и добрым человеком, отвалил пять килограммов топленого — ленки этого стоили! — и новое эмалированное ведро. На прощание культурно пожал рыбакам руки и похвалил:

— Ушлые чалдонята! Молодцы! Маслице государству сдадите, а сами парное молочко будете попивать. Да... Хочешь жить — умей вертеться...

Пароходишко дал тоскливый гудок и пошлепал дальше. Ребятишкам стало не до рыбалки, как бы масло домой доставить.

За ужином отец внимательно посмотрел на мать и строго спросил:

— Когда Тольше обнову справишь? Сколько можно ему Васюхины обноски донашивать... С маслом-то нас выручил, взрослый бы мужик не подумался.

Мать, как бы оправдываясь, ответила:

— Конечно, уважить надо! На месте не посидит: то дикого лука с острова принесет, то щавеля — гостинцы младшеньким. Травку раскормил, в калитку телушка не влазит. Каждое утро клевер ей с луга таскат. Будут ему новые штаны и рубаха к школе. Я уже и материю в сельпо приглядела.

Сдержала слово Прасковья, а Константин, впридачу к обнове, ловконькие ичижки сшил, медные колечки до блеска золой начистил и к сыромятным оборкам привязал. Приоделся парнишка, в классе девчонки так и ахнули от восхищения!

В разгаре уборочная. Родители от темна до темна пропадают в поле. Изба у старшеньких на плечах. Васюха учится с утра, Маинка — с обеда: попеременно по хозяйству хлопочут, с младшенькими нянчатся. Надо и Тольше пользу приносить, чтобы никто куском хлеба не попрекал. А то Маинка чистит картошку — и на него недовольно косится, Васюха колет дрова — сердится: отойди, полено в лоб захотел?

Отправился в лес после школы бурундуков из рогатки стрелять. В приемном пункте “Заготживсырье” бурундучьи шкурки на заячьи петли меня-

ют. Нынче мыши в стогах дружно гнезда вьют — к глубоким снегам. Зайцы тропы наторят, петли и пригодятся! Лончака Бобряковы весной съели, некого на зиму забивать. Вот и будет зайчатина добрым подспорьем в большой семье. А на заячьи меха можно новое ружье и провиант отоварить — белку, боровую птицу промыслить. Там, смотришь, сохатый или медведь подвернутся. Собаки-то у отца — шустрые, шибко зверя держат. Вон уже бурндука загнали на дерево. Гремят — за рекой отдается! Подошел, высмотрел добычу, стрелил камешком — зверек полетел вниз и застрял между веток. Полез Тольша за ним на елушку, уделал в смоле обнову. Дома от матери, вместо благодарности, взбучку получил. До полуночи одежонку отстирывала.

Утром Тольше в школу идти — штаны не высохли, а запасных нет. Пришлось остаться.

На завтра идет чин-чинарем в школу мимо ограды учителя — галифе на бельевой веревке висят. Недолго думая, развернулся взадпятаки.

После уроков к Бобряковым заглянул учитель.

— Почему вчера, Анатолий, уроки пропустил?

— Мамка штаны стирала.

— Сегодня что за причина?

— Я пошел, а у вас в ограде галифе сохнут. Думал, тоже в школу не пошли...

Учителю смешно. Кое-как пересилил себя, нахмурился:

— Чтобы это было в последний раз, иначе родителей в известность поставлю. И заруби себе на носу: у меня пара галифе, одни — ношу, другие — сохнут. Понял?

— Понял... — виновато опустил голову Тольша.

Вот и широкой поступью шагнуло по Ленскому краю ведренное предзимье. Озорные утренники щедро подшивают к остывшим берегам прозрачный залёдок. Молодежь спозаранку глушит деревянными колотушками налимов, собирающихся по ночам на отмелях. Проворные чалдонки пекут в избах рыбные пироги из муки первого помола. Ешь да не жирей, будешь здоровей! Наученные пламенным уполномоченным прошлой зимой, сельчане припрятали сенишко в лесу. Своя рубашка ближе к телу! Колхоз, утонувший по маковку в долгах, семью не накормит.

У теплолюбивых симменталок удои заметно поубавились, а Ночка продолжала давать ведро молока в день. Чистенькая, мохнатенькая. Рога — острее шила. Подденет зверя такими — мало не покажется! Подстать ей и Травка: пушистенька, крепко сбита. Рожки на голове как две куколки. Отъелась на Тольшиных клеверах. Не случайно к Бобряковым заглянул на огонек председатель колхоза.

Поговорил о том о сём и, смущаясь, выложил:

— Не продашь ли, Костя, телушку? Я бы постепенно рассчитался. Как ни крути, местную породу в личном хозяйстве выгодней держать. Мороз не мороз, снег не снег — везде себе корм добудет.

— Хм... — Константин полез в карман за кисетом. — Тольшу надо спросить.

— Чего?! — опешил Григорий. — У тюни-матюни молоко на губах не обсохло взрослые вопросы решать.

— Молоденек, да дороже денег! — рассмеялся Бобряков. — Правда, Парасковья?

— Правдой некуда, — согласилась та. — Он же Травку поднимал: кормил и поил...

— Ну что, Тольша, решай, — отец был уверен, что сын не отдаст телушку ни за какие коврижки — придется уговаривать, но ошибся.

— Ты же, тятя, вместе с дядей Гришей на фронте в разведку ходил! Отдадим ему Травку, — рассудил парнишка. — Ночка еще теленочка отелит... — И деловито поинтересовался у председателя колхоза: — Сенца-то себе накосил?

— Что я, бык — сено жевать? — так и покатился Григорий. — Не волнуйся, накосил! — По-медвежьи облапил Тольшу, чмокнул в щеку: — Ле-

нинская голова! Хоть сейчас в министры сельского хозяйства назначай...

Отец вышел на улицу проводить гостя за калитку, Тольша тут же, под хихиканье старшеньких и младшеньких, стал допытываться у Прасковьи:

— Мамка, мой тятка — Ленин?

— Бог с тобой! — испуганно перекрестилась мать. — Дедушка Ленин давно в мавзолее лежит.

— Почему тогда дядя Гриша назвал ленинской головой?

— Башковитый, значит, — объяснила мать.

3

Сколько весен отжурчало с тех пор, сколько листопадов отшелестело! Лебеди-кликуны так больше и не появлялись над извилистой Леной. Кружат в небе вороны, высматривая добычу. Деревушка Боярова по самые окна вросла в землю. От беспросветной нужды разбежалась последняя молодежь куда глаза глядят. Разлетелась по белу свету и семья Бобряковых. Спят беспробудным сном на постепенно зарастающем рябинником погосте изработанные до срока Константин и Прасковья. Навещая могилки родителей, Тольша не обходил стороной и сиротливый огонек в окне Григория Красноштанова — дети разъехались по городам, редко навещают отца. Побелевший и усохший, бывший председатель колхоза всегда рассказывал одну и ту же историю про лютую бескормицу, подкараулившую чалдонов в год смерти Сталина:

— Спас меня Константин от живой тюрьмы. Царствие ему Небесное и его благоверной супругнице Парасковье... Ой, жница была! Серпом владела, никто угнаться не мог, окромя твоего тятки. Красивая пара была!

Тольша слушал старика, и плакала душа от светлых слов о родителях. В памяти вставал, как знамение будущего благополучия, теленочек на тонких дрожащих ножках — копытца разъезжаются по половицам. Буренький, с лебяжьим перышком во лбу — Травка!

Не успела она попить парным молочком красноштановских желторотиков. В хрущевскую "оттепель" лишний скот держать сельчанам запретили, а местную породу объявили вне закона, чтобы не разжижала благородных кровей симменталок. И Ночка, и Травка, и другие коренные сибирячки навсегда исчезли с лица отчей земли.

В начале горбачевской перестройки помер и Григорий Красноштанов с вещими словами на устах: "Козыри свежи, а дураки — те же..."

Заходить на огонек стало не к кому.

Сегодняшняя Россия так похожа на коровенку Ночку, чуть не павшую в ту далекую весну от лютной бескормицы. Разница лишь в том, что Ночка носила в себе теленочка, а эта — выпотрошена.

Вот уже и Тольша поседел, но все еще верит: обязательно пролетят над обманутой страной лебеди-кликуны, обронят заветное перышко. Главное — не забыть передать внукам древнюю закличку.

После публикации в апрельском номере этого года литературных произведений контр-адмирала Анатолия Тихоновича Штырова редакция журнала получила немало писем и телефонных звонков, в которых наши читатели восхищаются талантом и гражданским мужеством автора.

Многие читатели просят о новых публикациях Анатолия Тихоновича. Поскольку в декабре этого года исполняется двадцать лет со дня принятия преступных беловежских соглашений о расчленении Советского Союза и воцарения во власти ельцинско-гайдаровско-чубайсовской камарильи, мы решили опубликовать сатирическое изображение А. Штыровым нравов и характеров этой ренегатской “элиты”.

АНАТОЛИЙ ШТЫРОВ

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

В глухую морозную Крещенскую ночь российскому обывателю приснился странный сон. Почему-то “летний сон”.

А сон такой: плывут, значит, по Волге-матушке не то челны, не то струги, а на них — “народные избранники”. А на обоих берегах — многочисленный народ радуется и кланяется. Одним словом, Расея.

Странный сон, не правда ли?

И кто-то орет во всю глотку старинную песню на свой лад:

*Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают лица те же —
Милой родины сыны.*

*На переднем — Стенька пьяный,
С гнутой рельсою вдвоем:
— Пей — гуляйте, россияны!
Однава пока живем!*

*Я принес, народ, вам волю —
Хошь, работай, хошь, торгуй,
Хошь, цветочки рви по полю,
Хошь, пляши, а хошь, воруй.*

А вокруг Стеньки вьется, помахивая платочком и работая бедрами, тет-ка Фроська Войтиха:

*Хоша режьте, не смолчу —
Бобку Клинтона хочу!
Потому что как у нас
Демократия чичас.*

*Ух-ха! У-ха!
Рази я старуха?*

А сбочь Стеньки-атамана сидит на чурбаке, наяривая на саратовской гармошке с колокольчиками, Филька Хомяк:

*Г-ганите кур со двора!
Поросят кормить пора.
Потому как на хрена
Тратить столечко зерна?*

На самом же краю сидит, вцепившись пальцами в борт (не спихнули бы!), Мишка Плешивый и подвывает:

*Не толкайте, братцы, в воду,
Не мочитесь мне на плешь.
Не хочу я плыть к народу,
Не хочу на дно, хоть режь!..*

Но на Плешивого никто не обращает внимания: всем надоел. Стоп-кадр: с берега народ кланяется, кланяется и кричит:

*Буде здрав, народный царь!
Комбояр по морде вдарь!*

Рядом же с Плешивым, раскачивая челн, в позе Ивана Сусанина стоит Вольфик Жирик и, слегка подкартавливая, исполняет патриотическое (на мотив “Интернационала”):

*Сапог в Индийском мы обмоем,
Пройдем насквозь чеченский лес.
И, как положено героям,
Ведет нас Пашка Мерседес.*

*А будет хлеб копеек в двадцать,
А водка будет три рубли.
И будут жулики бояться,
А пиво — прямо из земли.*

А на самом носу возникает дядя с огромной генеральской фуражкой, черной повязкой пирата Билли Бонса на левом глазу и трубно рыкает:

*Над Россией нет рассвету,
Где-то Муромец Илья.
Не рыдайте, личность эту
Заменяю свободно я!*

*На Руси порядка нету,
Много красного хамья.
Если надо Пиночета,
Пиночетом стану я.*

*В царской Думе — дармоеды,
А в казне — мышей возня.
Обречен я на победу, —
Голосуйте за меня!*

*Ты, народ, с жульем не лайся,
Я бандитов враз — к нулю,
А Гайдара и Чубайса
БАМ доделывать пошлю.*

А Филька не унимается и наигрывает, приклонив голову к гармонии и наяривая колокольчиками:

*Г-ганите кур со двора!
Там в курятнике дыра.
Лебедь — птенчик еще тот:
В белых перьях черный кот.*

Неожиданно меж кафтанов и зипунов высовывается пухленькая особа, коей назначено было ведать сырими и каликами (народным прозвищем — Элочка Людоедка), и частит скороговоркой:

*Говорю я, Людоедка,
Это точно, как часы —
Если меньше станет предков,
Больше будет колбасы.*

Но тут же Элочку отпихивает центнерообразная Дульцинерия Дворская, трясет телесами и жабым голосом квакает, заглядывая Стеньке в рот:

*Атаман! Атаман!
Загляни себе в карман.
Выкидай-ка, мать твою,
Хамакадную змею.*

Атаман Стенька смотрит мутными глазами, соображает и достает из объемных шаровар извивающуюся не то персицку княжну, не то змею Хамакаду, сжимает в кулаке и взрывает:

*Волга, Волга, мать-сударка,
Волга, русская река!
Не видала ты подарка
От уральска мужика.*

*Вот, прими себе в награду! —
И швыряет в ширь хмельну,
Вместе с рельсой, Хамакаду
В набежавшую волну.*

*— Что ж вы, черти, приуныли?
Ну-а, Филька, черт, пляши!
Прикажи-ка, чтоб налили
За помин ее души.*

Филька же в припляс наяривает на гармошке:

*Г-ганите кур со двора!
Хамакада ох, хитра!
Глянь, змеюка та плывет,
Скоро вылезет на плот.*

А Филька не унимается и наигрывает на гармошке:

*Г-ганите кур со двора
От Егорки Гайдара.
Сам и сытен и мордаст.
Не кормите, Бог подаст!*

Но ученого кота отпихивает очередной служка, прозвищем Толик Рыжий, кой мельтешит перед “народным царем” Стенькой:

*Когда кругом златья горы
И реки, полныя вина!
Сдавай бумажки, мухоморы,
И ешь от пуза, пей до дна!*

*Такую ваучер — бумажку
Смогла придумать жидовня.
Продай штаны, пропей рубашку —
И х... получишь от меня.*

А Филька хмурит брови, надувает щеки и играет:

*Г-ганите кур со двора,
Стерьва рыжая хитра!*

А там еще толпятся экс-полководец Пашка Мерседес, Танька Кухарка, Гриша Кудрявый и еще, и еще — и все норовят подать голос.

Но на этом кадре сон почему-то обрывается. А кто-то шепчет: “Жди до следующей ночи...”

Январь, 1997

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

ИЛЬИЧ

РАССКАЗ

Когда-то Ильич стоял в фойе городского Дворца пионеров, вдохновляя гипсовой улыбкой юных строителей светлого будущего и указывая им рукой верную дорогу. А многочисленные его “внучата” в красных галстуках, проходя мимо Вождя, робко бросали на него свои взгляды, полные благоговейного трепета и безмерного восхищения, и молчаливо заверяли Ильича в том, что заветы его будут непременно исполнены, а дело никогда не умрёт.

Да, именно так всё раньше и было. Но потом...

Потом страна внезапно отреклась от того, кто дерзнул озарить людям путь к всеобщему счастью, и гипсового Ильича убрали с глаз долой в подсобку, где он и простоял несколько лет, не ведая о том, что творится в государстве. Дворец пионеров сначала переименовали в Дом детского творчества, а затем и вовсе продали, и вместо него возник центр досуга с несколькими кафе и биллиардной. А однажды покрывшегося пылью Ильича грубо и цинично выволокли из подсобки, погрузили в кузов старенького “ЗИЛа” и вывезли куда-то за город...

— Давай-ка здесь попробуем. Сюда буржуи ещё не добрались. — Степан Потехин резко крутанул руль и свернул с автотрассы на пыльную просёлочную дорогу. — Я здесь в прошлом году рыбачил. Карась сам в ведро прыгал.

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области. Затем жил в Якутии, в Новосибирске. Сейчас проживает в Белгороде. Окончил в 1995 году Сибирскую государственную геодезическую академию. Капитан внутренней службы в отставке. Публиковался в журнале “Наши современники”. Автор сборника прозы “Продавец книг”.

Спутник Потехина Мешков, сосед по улице, согласно промолчал, ему не было особой разницы, где провести выходной. Лишь бы подальше от жены с её пестоянными домогательствами по хозяйству — сделай то, сделай это...

“Москвич”, исправно прослуживший Потехину полтора десятка лет, катил по дороге весело и резво, словно хотел казаться молодым. Впрочем, машина, благодаря неустанной заботе хозяина, и в самом деле неплохо сохранилась и могла послужить ещё не один год.

— Скупили, паразиты, все пруды да озёра, — ругался Потехин. — Вот собственники, мать их! А где нам рыбу ловить? В лужах, что ли?

Мешков на это ничего не сказал, а только хмыкнул неопределённо.

— Они скоро и лес купят, а с нас будут деньги за вход брать, — не унимался Потехин. — И никакой власти на них нет.

“Москвич” остановился в нескольких метрах от воды, и рыбаки вышли осмотреться. Субботнее утро выдалось тёплым, но не жарким — лёгкий ветерок носил по небу облака, то собирая их в кучи, то разгоняя в разные стороны, будто бы играя с ними. В общем, погода предвещала приятную ловлю.

— Нет, тогда я был на той стороне. Видишь вон те кусты? — Потехин указал рукой. — Там место удобное.

— Здесь тоже неплохо. — Мешков достал из багажника спортивную сумку с принадлежностями для рыбалки. — Ну что, откроем сезон?

— Расстилай скатерть-самобранку, а я пока червей накопаю. — Потехин взял небольшую и удобную штыковую лопатку и пустую консервную банку.

Он отошёл к густому кустарнику, через который к пруду пробивался ручей. Хотел уже было начать копать, как вдруг заметил сквозь листву что-то белеющее. Поддавшись естественному любопытству, обошёл кусты и увидел лежащую возле самого ручья статую, выполненную почти в полный человеческий рост. Статуя лежала на боку, с протянутой вперёд рукой, её голова была скрыта под слоем грязи, так что Потехин сразу не разобрал, кто перед ним.

— Ну-ка, ну-ка... — Его любопытство разгоралось. Худой и жилистый от природы, привычный с детства к физическому труду, он обладал немалым упорством характера и старался доводить любое дело до конца.

Бросив лопатку и банку, Степан присел и, воспользовавшись торчавшей рукой как рычагом, рывком перевернул статую, освободив её голову. Только теперь он узнал изваяние.

— Во как! — изумился он. — Надо же!

Он призадумался, разглядывая гипсового Ильича. В памяти пронеслось счастливое пионерское детство — красный галстук, школьные линейки, летний лагерь, костёр, зарница. Вспомнился долгожданный и волнующий момент вступления в пионеры, когда он, Стёпа Потехин, с замиранием сердца говорил слова клятвы. Казалось, это было совсем недавно. А ведь уже три десятка с гаком лет миновало с тех пор.

— Юрка! — позвал Степан соседа. — Иди-ка, глянь!

Мешков отложил приятное занятие и поспешил к товарищу.

Потехин тем временем закатал по локоть рукава камуфляжной куртки, сорвал пучок травы и, присев на корточки, стал протирать лицо статуи, улыбаясь своим воспоминаниям. Но грязь за долгое время слишком прочно присохла к гипсу и никак не желала оттираться. Тут нужны были тёплая вода и тряпка.

— Что, дипломат с деньгами нашёл? — Мешков был уже рядом и, увидев находку, присвистнул. — Ильич, что ли? — Он засмеялся. — Выбросили на свалку истории. Ну-ну...

— Дурак ты, Юрка! — зло бросил Потехин. — Чего зубы скалишь? Забыл уже, как галстук и значок носил? Или тебя тоже коммунисты в детстве обижали, как этих... новоявленных?

— Да ладно. — Мешков набычился. — Он тебе что, родственник? Валется тут, и хрен с ним. Айда лучше рыбу ловить.

Но Потехин уже лишился спокойствия. Он не мог просто так бросить здесь Ленина. Он ещё не знал, зачем ему статуя, но, как человек практичный, привык подбирать всё, что может на что-то сгодиться.

— Рыба подождёт. Ильича спасать надо.
— Ну, ёлы-палы! — Мешков смотрел на Потехина как на полоумного. — Я там уже и бутылку открыл. Уху сварим...
— Погоди ты, не до уха теперь. — Потехин подобрал лопатку и банку и вновь обернулся к статуе. — Ничего, Ильич, полежи тут ещё немного. Мы скоро.
— Что ты ещё придумал? — Мешков вздохнул.
— Поехали к Гришке Нечаеву. У него прицеп есть...

Нечаев, как обычно, проводил выходной день в огороде. Он долго не мог понять, что от него хотят, но когда услышал про Ленина и “магарыч”, то сразу же выказал резвость ума.

— Так вам прицеп, что ли, нужен? — Нечаев покрякал. — Дать не дам, а с вами поеду, раз такое дело. Ильича я до сих пор уважаю, чего бы там про него всякие горлопаны ни болтали...

Не прошло и часа, как нечаевская “Нива” с прицепом стояла на берегу пруда.

— Вот оно как бывает, — покачал головой Гришка, склонившись над статуей. — Сунули бывшего вождя лицом в грязь.

— Это для тебя он бывший, — недовольно пробурчал Потехин, — а я своих убеждений не менял и партбилет до сих пор храню.

— Надеешься, что коммунисты опять власть возьмут? — Мешков хихикнул и почесал затылок. — Надейся-надейся. Только история назад уже не повернёт. Это точно.

— Поживём — увидим, — упрямо процедил сквозь зубы Потехин. — Не вечно же этим хапугам править.

— Что, новой революции жаждешь? — не унимался Юрка. — А сам-то чего на баррикады не идёшь и листовки не клеишь? Слабó?

— Да ничего не слабó! — завёлся Потехин. — Пойду и на баррикады... но не один же. Вот если бы новый вождь появился и за собой позвал...

— А может, потихоньку всё само наладится? — неуверенно предположил Нечаев. — Неужто им там, в Кремле, хочется, чтобы народ против них поднялся? Ведь от этого никому лучше не будет. Опять кровь да разруха... Кому это надо?

— Наверно, надеются, что не поднимется народ. — Потехин опять задумчиво смотрел на Ленина. — Думают, совсем у нас мозги пропиты, и силы духа не осталось... Ладно, мужики, понесли Ильича в прицеп. Только осторожно.

Втроем они легко подняли статую и перенесли её к машине. Нечаев расстелил на дне прицепа брезент, на который вождя и положили, подоткнув ему под бока комки дёрна с землёй, чтобы не повредить при перевозке.

— Эх, пропала рыбалка, — горевал Мешков на обратном пути. — Ну что ты, Потеха, за человек такой? Вечно тебе больше всех надо.

Потехин молча слушал обвинения и ощущал в душе праздник. Такое состояние он часто испытывал в детстве, а последний раз — при рождении сына. Давно уже это было.

— Интересно, откуда его притащили? — размышлял вслух Мешков. — В нашем совхозе я такого вроде не видел. Наверное, из города привезли...

Когда-то “Светлый путь” был богатым совхозом, в котором добросовестно трудились Николай и Надежда Потехины, родители Степана. Совхоз давал областному центру картошку и кукурузу, овощи и фрукты. И век бы ещё ему кормить горожан, не случись в стране перестройка. Постепенно “Светлый путь” пришёл в полный упадок, а затем, уже в новые времена, его плодородные земли кинулись раскупать частные владельцы. На месте старых брошенных домов выросли двухэтажные особняки, окружённые высокими стенами из дорожного цветного кирпича и камня.

Степан тоже успел после армии поработать в родном совхозе. Он был и трактористом, и механиком, и начальство возил, а когда, как и многие другие, попал под сокращение, то в запой от безделья не ударился, а быстро на-

шёл в городе новую работу. Поскольку был Потехин, как говорится, мужиком с головой и руками, то устроился сборщиком мебели в небольшой частной фабрике. Зарплату получал вполне приличную, а потому чувствовал себя уверенно и трудился добросовестно, дорожа своим местом...

Жена Потехина давно подбивала его продать дом и перебраться в город, “поближе к цивилизации”, но он всё не решался. Не хотелось Степану расставаться с домом, где он прожил почти двадцать лет. На этой почве в семье Потехиных часто возникали серьёзные разногласия.

— О себе, Стёпа, не думаешь, так подумай о сыне, — каждый раз твердила жена. — В городе у него для развития всё под рукой будет, а здесь что? Самогонку пить с разными дебилами? А ведь ему пора уже о взрослой жизни думать, шестнадцать скоро...

Степан понимал, что правда на стороне его Аллы, но упрямство характера мешало ему сдаться.

— Давай ещё денег на квартиру подкопим, — находил он единственную отговорку. — Не хочу я в большой кредит влезать. Это же кабала настоящая.

— Да никогда мы не накопим столько, — резонно возражала Алла. — Квартиры с каждым месяцем дорожают, а наш дом, наоборот, в цене падает. Всё равно нам без кредита не обойтись...

Потехин отворил железные ворота, и “Нива” вкатилась во двор, аккуратно мощённый бетонной плиткой. Жена стояла на крыльце, удивлённая скорым возвращением мужа с рыбалки.

— Неужто полный прицеп рыбы привезли? — Алла усмехнулась.

— Сейчас увидишь, — серьёзно ответил Степан, открывая боковой борт. Мужики подняли Ильича и поставили его на бетон.

— Ну, как тебе улов? — Потехин с улыбкой смотрел на жену.

— Господи! — всплеснула руками Алла. — Это ещё что такое?

— Да вот, будет теперь у нас свой товарищ Ленин, — с гордостью сказал Степан. — Давай-ка, мужики, его сюда. Пусть встречает всех входящих.

Но Алла почему-то не разделила радость мужа, а лишь pokrutila пальцем у виска.

— Совсем, что ли, сбрендил? Не хватало нам только памятника во дворе. Хочешь, чтобы все соседи на смех подняли?

— Много ты понимаешь, — отрезал Потехин. — Пусть стоит Ильич. Человек о всеобщем счастье мечтал. Разве это плохо?

— Вот дуралей! — Алла покачала головой. — Да о каком таком счастье? Ты будто с Марса упал...

— Может, и с Марса. — Степан отошёл на несколько шагов, любуясь статуей. — Вот ещё помоем его, и будет как новенький.

— Опять за социализм свой цепляешься, — не унималась жена. — Сколько же можно? Нет его уже давно, забудь! И нечего всякий хлам домой тащить.

— Думай, что болтаешь! — обозлился Степан. — Хлам... Ты вон свои иконы по дому развесила, меня не спросила. А это моя икона. Поняла?

— Ну что, Потеха, обмыть бы это дело, — украдкой напомнил Мешков. — Не каждый ведь день Ленина находим.

— Обмыть, говоришь? — Степан взглянул на жену, которая недовольно скривилась. — А что, дело нужное. — Он повеселел. — Объявляю вечером банкет по поводу спасения вождя!

Алла вздохнула и скрылась в доме, зная, что сейчас с мужем спорить бесполезно.

— С жёнами! — Потехин пожал приятелям руки. — Гульнём как положено...

Потехин съездил в местный мини-маркет и купил там пару батончиков “краковской”, упаковку минералки и буханку белого хлеба. Жена его, сменив гнев на милость, кроме разной майской зелени с огорода, выставила на стол, поставленный прямо во дворе, прошлогодние соленья и свежее испечённый пирог с гусятиной.

А вечером отмытый от грязи, посвежевший Ильич встречал во дворе гостей, как бы приветствуя их вытянутой вперёд рукой. Мешков и Нечаев привели своих супругов, и все дружно сели отмечать находку. Ради такого дела Степан достал из закромов литровую бутылку самогона на меду, выгнанного тестем, у которого имелась небольшая пасека.

— Выпьем за товарища Ленина, — предложил тост Потехин, — и за светлое будущее. Глядишь, и придёт оно когда-нибудь. Может, хоть внуки наши увидят...

— Должно прийти! — поддержал его Нечаев. — Затея-то хорошая была.

Все приступили к ужину, а спасённый Ильич вроде бы одобрительно поглядывал на застолье, воодушевляя собравшихся гипсовой улыбкой.

В самый разгар веселья во двор неожиданно заглянул сосед Потехиных Василий Недайвода, которого все местные прозвали помещиком. Он купил рядом два заброшенных участка, снёс там старые развалюхи и возвёл на их месте двухэтажный красавец-терем с подземным гаражом. Никто толком не ведал, чем именно занимается Василий, но поговаривали, будто это связано с машинами и не всё там чисто.

— Вечер добрый, соседи, — поздоровался Недайвода, походивший сейчас на тренера российской сборной — такой же важный вид и спортивный костюм, купленный явно не на рынке. — По какому случаю торжество?

— Да вот, — Степан указал на статую. — По этому случаю. Садись с нами, коль зашёл. Обмоем Ильича.

Увидев изваяние, Василий сразу прошёл к нему.

— Где ж ты Ленина раздобыл?

— Да так, приобрёл по случаю, — уклончиво ответил Потехин, гадая, зачем зашёл Недайвода.

Василий обошёл вокруг статуи, осмотрел её со всех сторон, потрогал рукой гипс, похмыкал, почесал свой внушительный живот.

— Я чего зашёл-то... — Он не отрывал от Ильича взгляда. — Выручи. У меня “болгарка” полетела. Свою на завтра не дашь? Надо трубу порезать.

— Не вопрос. Конечно, дам. — Степан встал из-за стола. — Так что, выпьешь за товарища Ленина?

— Извини, сосед, — Василий помахал перед собой руками, — мне ещё за руль садиться. Надо в город смотаться.

— Ну, как знаешь.

Степан сходил в сарай и вынес Василию электрическую шлифмашину.

— Держи. Совсем ещё новая. У тебя круги есть?

— Да кругов-то хватает. — Недайвода задумчиво разглядывал статую. — Слушай, продай его мне.

— Кого? — не понял Потехин. — Ленина, что ли?

— Ну да, его. Десятку дам.

— Десять тысяч? — Степан растерянно посмотрел на приятелей, затем — на жену, которая тут же усиленно закивала, показывая, что нужно соглашаться. Перевёл взгляд на статую. Показалось, будто Ильич нахмурился.

— Мало, что ли? — Василий облизнулся. — Ну, полторы. Только из уважения к тебе.

Степан вспомнил, как год назад Недайвода выручил его, одолжив деньги на лечение отца, которого пришлось везти за границу, в Харьков. Отказывать соседу было как-то неловко, мало ли как жизнь повернётся, но и расставаться с Ильичом Потехину тоже не хотелось. А что, если не случайно произошла эта находка, и в ней крылся какой-то тайный смысл?

Степан кусал губы, не зная, как ему поступить.

— Да неужто Ленин так дёшево стоит? — вмешалась в разговор жена. — Ты, Василий, не жадничай. Смотри, какой музейный экспонат.

Недайвода опять подошёл к статуе и снова потрогал её рукой.

— Сколько ж вы хотите за него?

— Тыщу долларов! — выпалила Алла.

— Штуку баксов? — Василий засопел, бурявая Степана и его жену недобрым взглядом. — Да не стоит он столько.

Гости за столом перестали есть и пить и наблюдали за происходящим торгом. Даже сам Ильич, казалось, прислушивался к разговору.

— Почему это не стоит? — Степану даже стало обидно за Ленина. — Всё же вождь мирового пролетариата.

— Был бы он из бронзы или мрамора, тогда другое дело. — Василий почесал коротко стриженный затылок. — Давайте за двадцать.

— Двадцать, говоришь? — Степан боролся с искушением согласиться. С одной стороны, неплохие деньги сосед предложил. Всё-таки двадцать тысяч на дороге не валяются. Но что-то мешало ему дать согласие, что-то удерживало. — А зачем он тебе?

— Да задумка у меня есть. — Василий хитро прищурился. — Хочу у себя типа дворянской усадьбы сделать. Ну там бассейн, лужайка с беседкой, статуи и всё такое. — Он хихикнул. — Венера и Амур у меня уже есть, и для комплекта Ленин бы сгодился. Поставлю его, к примеру, так, чтобы он рукой на туалет показывал. Круто, да?

— На туалет, значит? — Степан ощутил в душе сильное негодование. От мысли, что Ильича хотят использовать столь цинично, возникло желание послать соседа куда подальше. Но сориться с ним было рискованно и глупо.

— Ну так что, по рукам? — Василий смотрел с надеждой.

— Дай я до завтра всё обдумаю, — пробормотал Потехин, отводя взгляд. — Такое дело... Сам понимаешь...

— До завтра? — хмыкнул Недайвода. — Ну подумай-подумай. — Он хлопнул Степана по плечу. — Всё правильно, утро вечера мудренее.

Взяв “болгарку”, Василий по-хозяйски вышел со двора, что-то бурча себе под нос.

Степан облегчённо вздохнул и налил себе полную стопку. Выпил её в одиночку и закусил куском пирога.

— Дурачина, — высказала ему жена. — Продай ты ему эту скульптуру, от греха подальше. Кто ещё за этот хлам такие деньги предложит?

— В самом деле, Потеха, — поддержал Аллу Мешков. — Хоть какая-то тебе польза от Ильича будет.

— Ты слышал, что он сказал? — возмутился Степан. — Не хватало, чтобы этот хапуга над Лениным глумился.

— Эх, везёт же чудачкам. — Мешков покачал головой. — Ему за кусок гипса такие деньги отваливают, а он ещё артачится.

— Что, завидуешь? — Степан насупился.

— Тебе, что ли? — Мешков хохотнул. — Просто смотрю на тебя и дивлюсь. — Он тоже выпил, ни с кем не чокнувшись. — На кой тебе этот Ленин сдался? Продай его к чертям собачьим!

— Нет, нельзя Ильича продавать. — Молчавший до этого Нечаев проявил оживление. — Мы вождями не торгуем.

— Во! — Потехин поднял вверх указательный палец. — Правильно.

— Держи, брат. — Нечаев пожал Степану руку.

— А ты, Гришка, тут не командуй! — вскипела Алла. — Без тебя разберёмся.

— Не трожь его! — Степан погрозил жене пальцем. — Он в точку сказал.

— Вот из-за таких, как ты, у нас все беды, — распалился Мешков.

— Из-за каких таких? — Степан нахмурился.

— Да из-за таких! Нет, чтобы жить как все... Нормальные люди про твоего Ленина давно уже забыли.

— Это Недайвода, что ли, нормальный?

— Да хоть бы и он. Реально надо на жизнь смотреть, а не в облаках витать.

— Реально — это как? — Степан зло усмехнулся, чувствуя, что не на шутку распаляется. — Стать таким же хапугой, как этот? — Он кивнул в сторону дома Недайводы. — Развелось всяких буржуев...

— Гляди-ка, пролетарий выискался! — Мешков отодвинул в сторону тарелку. — Что твой Ленин с большевиками хорошего сделал? Только задурили народу мозги. Светлое будущее, светлое будущее! Тьфу!.. — Он сплюнул. — Где оно, это будущее?

— Ты здесь не плуйся. — Степан сжал кулаки. — Я давно подозревал, что ты холуй буржуйский.

— А за холуя можно и по роже схлопотать... — Мешков поднялся.

— А ну попробуй...

— Да что вы из-за ерунды собачитесь? — попытался остудить ссору Нечаев.

— Нет, Гришка, это не ерунда. — Потехин налил себе самогону. — Здесь человеческая сущность выявляется.

— А ты мою сущность не трожь. — Мешков опять сел. — Ещё с твоей надо разобраться. Тоже мне, парторг нашёлся.

— Вот сейчас бы парторги не помешали. — Степан выпил и не стал кусывать, потому как горечь во рту не могла превозмочь душевную.

— Стёпа, ну что ты как ребёнок? — Алла нежно обняла его за шею. — Всё равно нам надо в город перебираться. Или ты Ленина в квартире поставишь? — Она потрепала русые волосы мужа. — Остынь сперва, а потом здраво рассуди.

Степан вздохнул, не зная, что возразить. Он перевёл взгляд на зелёные, пышные кроны садовых деревьев, и в груди заняло при мысли, что с ними рано или поздно придётся расставаться.

— Ничего вы не понимаете, — грустно сказал Потехин. — Это же Ленин...

Степан открыл глаза и несколько минут лежал, прокручивая в памяти прошедший день. Рядом, тихонько посапывая, спала жена. Осторожно, чтобы не нарушить её сон, Степан встал и надел брюки. Прихватив с собой пачку сигарет и зажигалку, он набросил на плечи ветровку, бесшумно отворил входную дверь и вышел на крыльцо.

В глубине двора, хорошо освещаемый луной, одиноко белел гипсовый Ильич. Степан закурил, рассеянно глядя на изваяние и ёжась от ночной майской прохлады. Остатки сна сняло как рукой.

— Что же мне с тобой делать, товарищ Ленин? Не подскажешь?..

Потехин напрягся, словно и в самом деле надеялся услышать ответ, но статуя, естественно, молчала. Зато в памяти вновь возникли картины из пионерского детства, в котором Стёпка с гордостью носил красный галстук и верил, что живёт в самой лучшей стране. Эх, если бы можно было хоть ненадолго вернуться туда...

— Видно, не случайно я тебя нашёл. Как думаешь?

Ленин опять не ответил.

— Молчишь, Ильич? — Степан стряхнул с сигареты пепел и вздохнул. — Понятно...

Ему вдруг захотелось рассказать Вождю о своей жизни, поделиться душевной болью. Да много чего он бы сказал... Если бы только Ильич мог выслушать...

— Эх, товарищ Ленин, некому за народ заступиться...

Ночную тишину нарушил короткий басистый лай. Это исправно нёс свою собачью службу ротвейлер Недайводы Самсон, которого по вечерам хозяин спускал с цепи.

Потехин перевёл взгляд на безоблачное небо, густо усеянное звёздами, и решительно загасил о деревянные перила крыльца недокуренную сигарету.

Налетевший порыв ветра закачал ветви яблони, под которой стоял Ленин, и Степану показалось, будто статуя пошевелила рукой, словно бы поманила к себе. Сделалось немного жутковато от мысли, что Ильич сейчас шагнёт навстречу и быстро, картаво заговорит, как в фильмах. Но Вождь спокойно стоял на месте — это всего лишь тени бежали по его гипсовому телу, создавая иллюзию движения.

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ

ВКУС ТЕРЕНТЬЕВКИ

РАССКАЗ

Евгений Ремизов ехал из Москвы на встречу одноклассников с особым настроением: очень надеялся встретить Викторину, потому что тридцать лет не видел её и почти ничего не знал о ней. Изредка бывая в родном Пронске, он, конечно, встречал знакомых, иногда в разговорах с ними вскользь упоминалась Виктория Китаева или Вика. Тогда всякий раз закипала мысль самому что-либо разведать, но сделать это было непросто: мешала старая обида, родившаяся, казалось, из ничего.

Они той весной неожиданно поссорились, когда она не пошла с ним в кино, а он, в отместку, отправился в Дом культуры с её подружкой. Вот, собственно, и вся измена. Но в тот же вечер, узнав о предательстве, Вика устроила истерику, растрепав пухлые, красные от обиды губы, безутешно и беспричинно исходила слезами, нервно теребя льняную чёлку. Позже зачем-то нажаловалась матери: мол, Женя бросил, унизил, та, наверное, подумала бог знает что и, когда на следующий день Евгений пришёл мириться с Викторией, вытолкала его взашей, грубо сказав: “Чтобы вас, молодой человек, я более не видела в нашем доме!” Он по-настоящему обиделся, и более даже не на её всегда сердитую мать, будто работавшую воспитателем не в детском садике, а в исправительной колонии строгого режима, а на саму Вику. Ведь она ничего не сделала, чтобы уладить конфликт, а Ремизову даже показалось, что

ПРОНСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в городе Пронск Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романа-трилогии “Провинция слёз”, романов “Племя сирот”, “Три круга любви”, нескольких книг повестей и рассказов. Публиковался в журналах “Молодая гвардия”, “Москва”, “Наш современник” и других. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

она сама прогнала, не захотела до конца выслушать, вдруг превратившись в равнодушную и чужую, готовую в одно мгновение разрушить все чувства, собиравшиеся по капелькам. Сразу всё перевернулось. Будто они не гуляли ночными улицами несколько месяцев, боясь прикоснуться друг к другу, будто не целовались в палисаднике под старинной терентьевкой в пору её цветения, будто не хрустели румяными яблочками с фиолетовым отливом, подбирая их с земли и вытирая руками. Помнится, ранние яблоки удивительно и неповторимо пахли, на вкус казались немного пресноватыми, но сочными, — после них очень хотелось целоваться. И они целовались, чувствуя на губах этот вкус. Не смущало и то, что сидели под окнами, темневшими в ночи на фоне белёных стен, и Викина мать вполне могла наблюдать за ними, потому что на одном окне шторка всегда была сдвинута; Вика почему-то разрешала целовать себя только под окнами, словно выполняла чьё-то указание.

Став по-настоящему взрослым, Ремизов всё понял: и Викину мать, оберегавшую дочку, и саму Вику, не хотевшую расстраивать её. А тогда очень обиделся, но не сделал Вике ничего плохого: из гордости сам держался на расстоянии, надеясь, что вскоре всё у них наладится, и других парней не подпускал. Но она не знала этого.

Летом он подал документы в радиотехнический институт и успешно сдал вступительные экзамены. Годы учёбы проскочили быстро, хотя иногда казалось, что они бесконечны, особенно если в карманах не оставалось ни копейки. Но из любой ситуации находился выход: то сам подрабатывал, то перепадало от родителей. И всё это длилось до тех пор, когда Евгений получил диплом и был распределён в один из военных городков Мордовии, как специалист по радиоэлектронике. Неожиданно хорошо начал *получать* (слова “зарабатывать” тогда почти не существовало). Пришёл достаток, а вместе с ним и желание устроить жизнь. Ремизов женился, вскоре одна за другой появились дочки, в воспитании которых он почти не участвовал, пропадая на работе. Его усердие было замечено, и через пять лет его перевели на головное предприятие, базировавшееся в Москве. Вскоре он купил трёхкомнатную кооперативную квартиру и стал полноправным москвичом. Только бы жить и жить, но тут началась перестройка, военно-промышленный комплекс начали разваливать, и Ремизов остался не у дел. Но не без знаний и опыта. Пошёл работать в коммерцию. К тому же квартира досталась ему почти даром. Помнится, половинный остаток взносов однажды заплатил с одной полочки, потому что зарабатывал теперь по новым ценам, а выплачивал за квартиру по старым. В общем, грех было жаловаться.

Всё это происходило, казалось, недавно, но успело вырасти перестроечное поколение, для которого тогдашние события, что Октябрьская революция для Ремизова. Всё — история! В те годы, пока были живы родители, он раз в год заглядывал в Пронск, иногда проездом в Крым или из Крыма. Потом, после их смерти, продал с братом дом и приехал на родину одним днём: наведёт порядок на могилках, заскочит на минутку к учителям, и назад. И в отпуск перестал навещаться, так как зачастил за границу. С той самой поры, когда жена вдруг вспомнила молодость и начала подзуживать:

— Дочек выдали замуж? Выдали! Теперь надо о себе подумать! — говорила она, и Евгений легко поддавался её капризам, потому что и самому хотелось побывать там, куда долгое время было запрещено выезжать из-за государственных секретов, которыми когда-то владел.

Но теперь он далёк от того, что и секретами-то перестало быть, — создавал программное обеспечение для фирм, — и в отпуске был волен ехать, куда захочет, хотя в последние годы всё чаще вспоминался тихий Пронск. А когда месяц назад неожиданно позвонила одноклассница Зина Крупина, где-то раздобывшая его телефон, и пригласила на встречу выпускников, Ремизов тотчас согласился приехать, потому что сразу вспомнил Викторину и очень захотел увидеть её. Ведь это такой замечательный и естественный повод, что лучшего и не придумать! Поэтому не удержался, спросил:

— Китаева будет?

— Обещалась... — загадочно ответила Крупина, и её загадочность ещё более воодушевила.

Поэтому и ехал Евгений месяц спустя с особенным чувством, пообещав жене вернуться на следующий день. Ехал ровно настолько, чтобы встретиться с одноклассниками, погулять и, конечно же, поболтать с Викторией. Как же долго они будут говорить и вспомнить, чтобы хотя бы на несколько часов вернуться в удивительные и неповторимые дни, которые, казалось, закончились только вчера! Невольно спешил, словно скорость могла приблизить встречу. Обычно он замирал душой от вида, открывавшегося от поворота на древний Пронск, когда взгляд сперва охватывал привычные очертания высоченного Покровского холма, разукрашенного живописно прилепившимся строениями, а потом убегал, словно улетал, в неохватное пространство, в старину называемое Диким полем, открывавшееся за широкой долиной Прони. Но сегодня не до красот, пусть и родных, — сегодня в мыслях только она, Вика!

Ремизов оставил машину во дворе дома школьных учителей, а Валентина Ивановна — добрая душа — пригласила на ночлег, если вдруг появится такая необходимость. Ремизов знал, что дом Ананьевых всегда открыт для учеников, и многие из них, при необходимости, принимали такое гостеприимство. Принял и он.

— Мы-то с Виктором Аркадьевичем всё лето в доме по привычке ютимся, а тебе постелю в беседке... Как хорошо в саду, на свежем воздухе! — сказала Валентина Ивановна, потряхивая золотистой причёской.

— *Merci beaucoup, mon professeur!* — ответил Ремизов по-французски, потому что когда-то она преподавала ему этот язык, и приветливо, благодарно улыбнулся.

Учительница поняла его настроение и подыграла:

— *Pas de quoi!*

Пока они беседовали, из веранды показался Виктор Аркадьевич — чернобровый, строгий на вид даже и тогда, когда улыбался. Говорил с Ремизовым охотно, но от встречи с учениками уклонился, стеснённый радикулитом. Когда Валентина Ивановна собралась, он осторожно добрался до калитки и указал на мелькавших у школы нарядных людей:

— Ваши уж собираются...

До школы всего-то полсотни шагов. Обычно в последние годы говорили “До новой школы”, потому что старой более не существовало. Лет уж десять прошло, когда тогдашний руководитель района переполошил Пронск, узаконив снос старинного здания, первоначально в котором когда-то размещалась женская прогимназия, и остатки школы бесцеремонно спустили под бугор, хотя были предложения использовать трёхэтажное, массивное строение с цокольным этажом по другому назначению. Теперь время отдалило те баталии, и с каждым годом всё меньше вспоминали о старой школе, поставленной век назад фон Дервизом — выходцем из семьи обрусевших немцев, а все встречи выпускников начинались на ступеньках новой, построенной на месте крохотного городского парка.

Из трёх классов их выпуска собралось человек двадцать пять. Кого-то Ремизов узнавал сразу — это более относилось к мужской половине, кого-то нет — особенно располневших одноклассниц, но все, в конце концов, распознали друг друга.

К началу встречи в вестибюле были накрыты столы, и после вступительных слов Валентины Ивановны — казалось, что она совсем не изменилась, — все чинно расселись и начались тосты: за учителей, за старую школу, за родной Пронск!

В перерыве, когда Володя Агапов, блеснув матовой лысиной, взял баян, Ремизов отозвал в сторонку Крушину, жившую в Пронске и всё обо всех знавшую, и тихо спросил:

— Зин, а что же Китаева не приехала?

Цветущая от хорошего настроения и внимания одноклассников, высокая, по-девичьи стройная Зина подозрительно улыбнулась, полюбопытствовала:

— Что, старая любовь не ржавеет?!

— Да так просто спросил...

— Ладно уж — “так просто”... Приболела она. А зимой мать похоронила — никак в себя не придёт. Так что позвони, помоги отвлечься. Сейчас телефон дам...

Пока одноклассники, разбившись на пары, устроили танцы, Зина достала из сумки записную книжку, авторучку, черкнула и оторвала листок с номером мобильного телефона Виктории:

— Прямо сейчас и звони в Рязань! Узнай, где она? Может, задерживается?!

— На мужа нарвусь...

— Они развелись, она теперь одна, не считая сына... Спроси, почему не приехала?! Да на чай напросьись... Тебя учить, что ли, надо?!

— Позже позвоню, — отговорился Ремизов и понял, что смутился от подсказок суетливой Зинаиды, хотя внешне не выдал смущения.

Ему действительно захотелось тотчас позвонить Виктории, узнать, почему не приехала, и, быть может, умчаться к ней. И он поехал бы, но вспомнил, что пропустил несколько рюмок, и теперь машина недоступна до завтрашнего дня. "Это и к лучшему, — подумал Евгений, — нечего пороть горячку!" И чтобы забыться и более не угнетать себя печалью воспоминаний, ворвался в круг танцующих и крикнул баянисту:

— Цыганочку, маэстро!

— С выходцем! — поддержала Ремизова крепенькая, всегда улыбающаяся Татьяна Хоботкова.

И началось... Одноклассники плясали так, словно забыли о тридцати годах, прошедших после школы. И жара им нипочём. Когда утомились, вышли на воздух. Мужчины закурили, а Ремизов неожиданно разговорился с Валентиной Ивановной, беседовал с ней будто с родной матушкой. Вопросы самые обычные, какие задают все матери: о семье, детях, работе. И Ремизов с необыкновенной лёгкостью рассказывал о себе и находил в этом радость.

Потом они, выпускники тридцатилетней давности, не раз садились и выходили из-за столов, пели, танцевали. Только под вечер Валентина Ивановна оставила их, когда самые стойкие и общительные переместились во фруктовый бар, закрытый в тот день, но Зина Крупина у кого-то добыла ключи. Они устроили складчину: запаслись вином, фруктами, конфетами и продолжили гулянье дотемна.

В какой-то момент Ремизов решил прогуляться, ему захотелось побыть одному, чтобы остыть от впечатлений, да и просто передохнуть. Сперва он даже и не понял, почему пошёл к заводской окраине — получилось само собой, — но чем далее уходил от светившегося огнями бара, тем сильнее хотел посмотреть на дом Вики. Хотя бы издали. Редкие фонари освещали дорогу, и вскоре он остановился перед тёмными окнами, наполовину заслонёнными разросшимися мальвами, от которых веяло горьковатым, холодным ароматом. За окнами угадывались занавески, но на одном окне, напротив сохранившейся скамьи, занавеска была сдвинута, как в прежние годы, словно в доме продолжал кто-то жить и теперь наблюдал за Евгением; даже показалось, что там кто-то мелькнул... Знобкую эту мысль он быстро отогнал, вспомнил, как когда-то здесь целовался с Викторией, вспомнил и скособочившуюся от старости терентьевку и даже увидел зелено мелькнувшие в свете уличного фонаря яблоки. Надо же! Плодоносит! Сорвал одно, надкусил — она, терентьевка! Вкус ничуть не изменился, даже оказался более терпким, чем прежде. Он с необыкновенной остротой всколыхнул воспоминания, показалось, что Вика где-то совсем рядом, всё видит и слышит... И неудержимо захотелось поговорить с ней. Он достал листок с номером её телефона и, нисколько ни колеблясь, набрал нужные цифры, и после нескольких гудков услышал взволнованный голос, который — вот чудо! — совсем не изменился.

— Кто это? — осторожно спросила она.

Чтобы не спугнуть, Евгений сказал как можно спокойнее:

— Здравствуйте, Виктория! Вам звонят из Пронска. Моя фамилия Ремизов. Я вместе с вами учился! — И после паузы, в которую Виктория, видимо, что-то соображала, Евгений добавил мягче: — Вика, это я — Ремизов! Вспомнила?

— Ремизов... — повторила она его фамилию почти по слогам. — Вспомнила, Женья, вспомнила...

— Узнал сегодня твой телефон и решил позвонить. Не разбудил?
— Я пока не укладывалась...
— А мы гуляем... Тебя не хватает!
— Крушина звонила, но я не смогла приехать, очень занята...
— Жалко, так хотелось увидеться... Вот сейчас сижу на нашей лавочке, ем терентьевку и тебя вспоминаю... Помнишь терентьевку?

— Помню, всё прекрасно помню... Ты, слышала, в Москве живёшь? Женат?

— Да. Двое дочерей, обе замужем. Жду внучку.

— А у меня сын... Всё в холостяках ходит. Мужа, как ты, наверное, знаешь, нет: был да сплыл... Вот сейчас говорю с тобой, а совсем не представляю, каким ты стал: перед глазами прежний вихрастый, угловатый Женька.

— В чём же дело?! Завтра буду возвращаться в Москву, можно увидеться, поговорить.

Она задумалась, а когда молчание затянулось, порывисто спросила:

— Ты действительно хочешь увидеть меня?!

— Если бы не хотел — не звонил...

— Когда завтра приедешь?

— После обеда, надо сперва побывать у родителей на могилках.

— Как справишься и будешь выезжать, позвони.

— Договорились!

Он отключил телефон, какое-то время сидел на скамейке недвижно и вспоминал разговор, показавшийся сном, почему-то заставившим быть задумчивым, даже печальным. И всё вокруг показалось печальным, даже склонившиеся бледно-розовые цветущие мальвы и одиноко скрипевший в траве сверчок. Сорвав несколько яблок, Ремизов пошёл назад, но в баре огней уж не было, и он отправился к Ананьевым, увидел, что Валентина Ивановна ждёт его.

— Bonsoir! — заглянув на веранду, шуточно сказал Ремизов, настраиваясь на иной лад.

Учительница улыбнулась:

— Нагулялись?

— Да, Валентина Ивановна!

— Под душ пойдёшь?

— Обязательно! — поспешно согласился упарившийся за день Ремизов.

— Тогда включу горячую воду.

— Спасибо, не надо, обольюсь холодной — это приятнее и полезнее!

Душ был летним, от дома к нему тянулись трубы от газовой колонки и, при желании, можно было окатиться тёплой водой, но Ремизову захотелось по-настоящему остыть, привести мысли в порядок. Когда облился и, не вытираясь, вышел в сад, где находился гостевой дом-беседка, то сделалось так знобко и радостно, словно родился заново. И появилась необыкновенная ясность в мыслях. А в мыслях только она, Вика. Даже дежурный звонок жене не отвлек; пришлось позвонить, обещал.

Виктория же после разговора с Ремизовым тоже не спала полночи. Ей вспоминалось, как по телу побежали мурашки, когда услышала голос Евгения, как чуть не задохнулась от нехватки воздуха... Сын в этот вечер отсутствовал, и она могла говорить спокойно, если можно говорить спокойно с человеком, который жил в душе с тех самых пор, когда они расстались. И, главное, не виделись, хотя первые годы жизни в Рязани она знала, что он учится в радиотехническом. Сама она тогда пыталась поступить в медицинский, но не удалось. Устроилась санитаркой в больницу, надеясь, что характеристика с работы поможет. Но — тщетно. И она оставила мечту о медицине, отдала документы в техническое училище, а после училища попала на завод. Так с тех пор и работала в инструментальном цехе: сперва слесарем по ремонту приборов, а потом табельщицей. Там же познакомилась с будущим мужем. После свадьбы несколько лет снимали квартиру, а со временем им выделили комнату в семейном общежитии на Вокзальной улице. Радовались тогда своему углу, в котором, как оказалось, они застряли

на долгие годы. И ничего не получалось с квартирой. Одно время почти дождались, но муж попал в вырезатель, и их отодвинули в конец очереди. А потом и вовсе всё переменялось в стране, об улучшении жилищных условий забыли, а когда вспомнили, пришло новое поветрие: ипотека. Завод начал строить дом для работников, но к тому времени Виктория жила без мужа, уставшего “гнить”, как он говорил, в общежитии, и стартовых денег на ипотеку не имелось. И от сына ждать помощи не приходилось, потому что тот с пятнадцати лет связался с какой-то компанией, и что бы ему ни говорила, как ни увещевала — ничего не помогало. Неделями где-то пропадал, а как появлялся, — денег ему давай! Ну и какая после этого ипотека?! А как бы хотелось пожить в отдельной квартирке. Э-х! А в последние годы и вовсе не до неё стало. Другая мысль засела в голове — о собственной ноге, потому что с некоторых пор, походив по врачам, Вика узнала, что у неё артроз тазобедренного сустава. Болезнь прогрессировала, и всё шло к операции, хоть завтра могли послать. Правда, операция по замене сустава платная, стоит немалых денег. Виктория, конечно, понемногу копила, но в какой-то момент поняла, что её накопления отстают от инфляции, если за несколько лет цена на эндопротез утроится. На импортный же вообще не замахнёшься. В минуты отчаяния у неё возникла мысль всё бросить, уехать в Пронск и жить в родительском доме. На её век хватит! Но когда так думала, то невольно в мыслях возникал сын. Ведь без неё совсем пропадёт. А взять с собой — там работы нет. Да и не поедет он, разве расстанется с друзьями?!

За мыслями и думами не заметила, как заснула, а проснулась — солнышко на деревьях играет.

— Ну, девушка, и хватила! — рассмеялась над собой.

Позавтракав, решила прибрататься в комнате на тот случай, если вдруг придётся пригласить Евгения. Начала с пустых пивных бутылок, оставленных сыном под столом, которые специально не выносила несколько дней, — ждала, когда сын догадается выбросить. Но теперь пришлось это сделать самой. Ведь не будешь показывать nepотpeбствo постороннему, хотя и не чужому человеку, — может подумать, что она любительница пива. Потом заново застелила диван сына, аккуратно заправила свою кровать за тяжёлой тёмно-вишнёвой ширмой, украшенной несколькими рядами целующихся голубей. Сделав влажную уборку, от которой линолеум заблестел как новый, решила пожарить курицу, чтобы угостить гостя, если ему вдруг захочется перекусить. Пока жарилась на электроплитке курица, Виктория нарезала колбаску и сыр, помыла молодую картошку, чтобы отварить, когда придет Женья... В общем, всё устраивала по уму, но в последний момент вдруг спохватилась: “А может, ему и не надо ничего, может, он бывает в таких престижных клубах и ресторанах, что на мою еду и не взглянет?! Да и как поведёшь мимо вахтёрши?! Ведь со стыда сгорит!” От внезапно кольнувшей мысли о вахте Викторию даже в жар бросило, она задыхнулась от обиды на свою неустroенную жизнь, из-за которой не может по-человечески принять гостя. На какое-то время отчаялась, а потом, успокаивая, ища оправдание незавидной жизни, заставила себя вспомнить давнюю размолвку и подумала: “Обойдётся без приглашения! Приглашение-то заслужить надо! А что он сделал особенного? Когда-то вильнул хвостом и был таков! А теперь любовь вспомнил! Как мило!”

Она неожиданно быстро охладела к предстоящей встрече, а когда после полудня позвонил Ремизов — говорила без вчерашнего придыхания.

— Увидимся? — сразу спросил Евгений.

— Можно... — всё-таки согласилась она, но не особенно уверенно.

— Где?

— Например, на 1-й Рязани... У входа в вокзал... Когда тебя ждать?

— Буду через час, я на машине. Увидишь юношу в красной рубашке и синих джинсах, значит, это я... А тебя как узнать?

— Сама подойду... — не стала она ничего объяснять, решив, что дальше привокзальной площади и шага не ступит, и никаких ему приглашений не будет.

Обычно в город Виктория выбиралась с тросточкой, особенно зимой, ко-

гда скользко, но сегодня отказалась от неё. Зато зачем-то взяла хозяйственную сумку. Вышла пораньше, чтобы понаблюдать, как Ремизов подъедет. Любопытно посмотреть на него сперва издали, сравнить теперешнего с тем, которого знала когда-то, а потом подойти, улыбнуться и сказать: “Ну, здравствуй, Ремизов Жёня! Вот ты каким стал!” Она остановилась во дворе рядом с вокзалом, села на скамеечке. Со стороны и не догадаешься, что эта полноватая женщина в просторном сиреновом платье и неровно покрашенными обмякшими губами пришла на свидание. В какой-то момент она поняла, что со скамеечки может не увидеть Ремизова, и перебралась поближе к площади, присела на какие-то плиты, положив на них сумку.

Наблюдая за площадью, Виктория вскоре увидела высокого, с залысынами мужчину в красной тенниске и синих джинсах, выбравшегося из подъехавшей тёмно-зелёной иномарки, и поняла, что это и есть Ремизов. К тому же он был с цветами, что подтверждало догадку. Надо бы сразу подойти, но чувства в этот момент смешались, перескакивая от воспоминаний к сегодняшнему дню, к самому Ремизову, нетерпеливо прохаживавшемуся перед входом в вокзал... Вот он достал телефон и позвонил, пытаюсь, видимо, узнать, где она, а Виктория, спохватившись, вспомнила, что свой телефон забыла. Она тотчас поднялась, чтобы более не заставлять себя ждать, но через несколько шагов, показавшихся необычно неуклюжими, — именно из-за своей неуклюжести не поехала на встречу с одноклассниками, — почувствовала, как от волнения заколотилось сердце... Нет, в таком состоянии она не могла идти, не могла говорить с Жёней — не знала, о чём надо говорить. И почему-то сделалось нестерпимо стыдно за утиную походку, к которой сама привыкла, но которой сейчас опарашит Ремизова. Ведь он ехал на встречу с юной и нежной Викой, помня её со школьных лет, а увидит перед собой расплывшуюся хромоногую тётку. И какое у него после этого будет настроение, какое потом впечатление увезёт с собой?! Ведь будет ругать себя и проклинать её за то, что осмелилась показаться в таком убогом виде! Зачем всё это? Чтобы потом всю оставшуюся жизнь снится ему в страшных снах?!

Она пуливно отступила, опустила на плиты и, закрывшись сумкой, тихо заплакала. Рядом гудели электровозы, надоедливо зазывали пассажиров таксисты, шаркали прохожие; некоторые предлагали помощь, но она лишь вздыхала и мотала головой, отказываясь. Сколько так томилась — не помнила. А когда немного успокоилась, то вытерла платочком слёзы, невольно посмотрела на вокзал и более не увидела на ступеньках мужчину в красной рубашке... И, как ни странно, ей стало легче, словно успела спастись от смерча. А обида? На кого теперь обижаться? На судьбу, что ли? Но её не переделаешь, не развернёшь вспять, как бы ни хотелось. Да и поздно поворачивать.

Виктория кое-как доплелась до общежития, молча прошла мимо вахтёрши, о чём-то спросившей, — Виктория не поняла, о чём именно, — и, держась за перила, тяжело поднялась на второй этаж, а в комнате, откинув ширму с надоевшими голубыми, упала на кровать. Здесь уж дала волю слезам.

Неоднократно металлически дребезжал на столе телефон, она знала, что это Ремизов, но трубку не брала — не было сил говорить с ним. Под вечер, когда он, видимо, вернулся к жене, сигналы прекратились. Правда, Евгений звонил в другие дни, Виктория хватала трубку, думая, что это сын, но, услышав голос Ремизова, отключала телефон, даже не пытаюсь хоть что-то объяснить.

И он всё понял и не стал более навязываться, всё-таки печалась от несостоявшейся встречи и сожалел о том, что и Вику напрасно взбаламутил, и сам обжёгся, желая вернуть то, что, наверное, вернуть невозможно. Да, похоже, и нечего было возвращать, если школьная, неумелая привязанность окончательно зарубцевалась, не успев перерасти в нестерпимое обоюдное чувство, способное заслонить все препятствия.

Какое-то время о поездке в Пронск ему напоминали лишь яблоки, которые возил с собой. Но вскоре они сморщились, усохли, как мало-помалу усохли и его воспоминания. Ремизов, наверное, навсегда забыл бы пустые переживания, но через неделю вернулся и неожиданно, словно весенний ветер, разволновал вкус давних терентьевок, сохранившийся со времён романтической юности и совсем, оказывается, не изменившийся за все эти годы. Такие, казалось, долгие, но истекшие одним днём.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 26

“Отлетает Русь, отлетает...”

К началу 1924 года Клюев уже, можно смело сказать, — отрицательный герой современной русской литературы. Во всяком случае именно в таком виде он был подан в книгах Льва Троцкого “Литература и революция” и Василия Князева “Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)”.

Троцкий, воздавая должное Клюеву как “мужику”, предварительно “ошупывал” его со всех сторон, прикидывая — на пользу ли вообще революции этот поэт-мужик... “Именно на нём, на Клюеве, видим мы снова жизненную силу социального метода литературной критики... Индивидуальность Клюева находит себя в художественном выражении мужика, самостоятельного, сытого, избыточного, эгоистично-свободолюбивого... Мужик, сумевший на языке новой художественной техники выразить себя самого и самодовлеющий свой мир... мужик, пронесший свою мужичью душу через буржуазную выучку, есть индивидуальность крупная — и это Клюев...” Прощупали. Вроде бы — определились. И всё же — что-то ускользает. Не прикладываются отточенные социально-классовые формулировки... Троцкий пытается пойти дальше: “Клюев не мужиковствующий, не народник, он мужик (почти)... Клюев учился. Где и чему, не знаем, но распоряжается он знаниями, как начётчик и ещё как скопидом. Крестьянин зажиточный, вывезя из города случайно телефонную трубку, укрепляет её в красном углу, неподалёку от божницы. Так и Клюев Индией, Конго, Монбланом украшает красные углы своих стихов, а украшать Клюев любит... Клюев хороший стихотворный хозяин, наделённый избытком: у него везде резьба, киноварь, синель, позолота, коньки и более того: парча, атлас, серебро и всякие драгоценные камни. И всё это блестит и играет на солнце, а если поразмыслить, то и солнце его же, клюевское, ибо на свете заправски существует лишь он, Клюев, его талант, земля его под ногами и солнце над головой...”

Типичное представление о Клюеве человека, который, не вчитавшись, пробежал глазами по поверхности стихи “Песнослава” и “Львиного хлеба”. Но Троцкому не до “вчитывания”. Он стремится понять — можно ли из Клюева извлечь ему, Троцкому, пользу. И приходит к выводу: нет, нельзя... “Клюев — поэт замкнутого и в основе своей малоподвижного мира, но всё же силь-

---

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7, 9, 10 за 2010 год, № 1, 3, 5–9 за 2011 год.

но изменившегося с 1861 года... Стихи Клюева, как мысль его, как быт его, не динамичны. Для движения в Клюевском стихе слишком много украшений, тяжеловесной парчи, камней самоцветных и всего прочего... (Глаза разбегаются, тут бы и собрать воедино все свои впечатления, увидеть внутреннее движение в этом кажущемся “застое” — куда там!)... “Клюев приемлет революцию, потому что она освобождает крестьянина, и поёт ей много песен. Но его революция без политической динамики, без исторической перспективы. Для Клюева это ярмарка или пышная свадьба... Клюев даже в те медовые дни так и этак прикидывал, не будет ли от всего этого ущерба его клюевскому хозяйству, то бишь искусству...” И главное — в финале. “Когда Клюев “подспудным, мужицким стихом” поёт Ленина, то очень нелегко решить: Ленин это или... анти-Ленин? Двоемыслие, двоечувствие, двоеслово...” Для Троицкого вся образная система Клюева — тёмный лес. И он в бессилии опускает руки, зафиксировав “самое главное”: “Каков будет дальнейший путь Клюева: к революции или от неё? Скорее от революции: слишком уж он насыщен прошлым. Духовная замкнутость и эстетическая самобытность деревни, несмотря даже на временное ослабление города, явно на ущербе. На ущербе как будто и Клюев”.

Интересно, однако, что Троицкий вывел Клюева из разряда “мужиковствующих”, к которым отнёс Бориса Пильняка, Всеволода Иванова и Сергея Есенина. Для него это — “мужиковствующие интеллигенты”, “юродствующие в революции”... Но то, что он пишет о них, как бы запрограммировано именно в его статье о Клюеве: “Мужик, как известно, попытался принять большевика и отвергнуть коммуниста. Это значило, по существу, что кулак, подминая под себя середняка, пытался ограбить историю и революцию: прогнавши помещика, хотел растащить по частям город и повернуть жирный тыл государству (так ведь и о Клюеве по сути то же самое: “Города Клюев не любит, городской поэзии не признаёт...” — С. К.)... По существу же революция означает окончательный разрыв народа с азиатчиной, с XVII столетием, со святой Русью, с иконами и тараканами; не возврат к допетровию, а, наоборот, приобщение всего народа к цивилизации и перестройка её материальных основ в соответствии с благами народа. Петровская эпоха была только одним из первых приступочков исторического восхождения к Октябрю и через Октябрь далее и выше...”

Троицкий играл в свою игру. Определив Клюева (а вместе с ним и Есенина) как “литературных попутчиков революции” он, декларируя совершенно антиклюевскую программу, одновременно “отстранял” самого Клюева от крайностей “программы” “мужиковствующих” (сочинённой за них самим Троицким) и рисовал своё идеальное “будущее”, антагонистичное всему творческому миру именно Клюева: “Ревнивый, исподлобья глядящий Клюев в споре с Маяковским заявляет, что “песнотворцу не пристало радеть о кранах подъёмных” и что в сердечных домнах (а не в иных каких) выплавится жизни багряное золото”. В этот спор вмешался Иванов-Разумник: народник, прошедший через левозерство, — этим всё сказано... Новый человек, который себя только теперь проектирует и осуществляет, не противопоставит, как Клюев, а за ним Разумник, тетеревиному току и осетровым мережам подъёмных кранов и парового молота. Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всём её объёме, с тетеревами и осетрами, через машину. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов... Останутся, вероятно, и глушь и лес, и тетерева, и тигры, но там, где им укажет быть человек... Нынешний город преходящ. Но он не растворится в старой деревне. Наоборот, в основном деревня поднимется до города... А нынешняя деревня — вся в прошлом. Оттого её эстетика кажется архаичной, из музея народного искусства... Страсть к лучшему сторонам американизма будет сопутствовать первому этапу каждого молодого социалистического общества. Пассивное любование природой уйдёт из искусства. Техника станет гораздо более могучей вдохновительницей художественного творчества. А позже само противоречие техники и природы разрешится в более высоком синтезе...”

Вся эта, по-своему “замечательная” программа, станет дальнейшим руководством к действию для многих и многих на площадке уничтожения традиционных форм и сущностей жизни и возведения новых... Докатится волна и до клинической полемики “лириков” с “физиками” начала 1960-х годов, ес-

тественно, без упоминания Троцкого, как такового... Но Троцкий на этом не остановился. Он продолжал развивать свою “утопию”, отдельные элементы которой, к сожалению, потом найдут (или им будут пытаться найти) применение в реальной жизни.

“Рационализовав, т. е. пропитав сознанием и подчинив замыслу свой хозяйственный строй, человек камня на камне не оставит в нынешнем косном, насквозь прогнившем домашнем своём быту. Заботы питания и воспитания, могильным камнем лежащие на нынешней семье, снимутся с неё и станут предметом общественной инициативы и неистощимого коллективного творчества... Перестав быть стихийным, быт перестанет быть и застойным. Человек, который научится перемещать реки и горы, воздвигать народные дворцы на вершине Монблана и на дне Атлантики, сумеет уж, конечно, придать своему быту не только богатство, яркость, напряжённость, но и высшую динамичность... Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку и станет – под собственными пальцами – объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. Это целиком лежит на линии развития... Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень – создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека... Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины”.

Безудержная вера в рукотворный прогресс, в возможность “радикальной переработки” человеческого организма, в создание “сверхчеловека”, в успешную борьбу с “застоем” – всё это внедрялось в русское сознание на протяжении всего XX столетия... Троцкий не преминул подчеркнуть свою “антиподность” Ключеву даже в упоминании “народных дворцов на вершине Монблана” как апофеоза “мировой революции”, имея в виду стихи “Львиного хлеба”, где “стихийные” русские люди –

*Дарья с Вавилом качают Монблан,
Каменный корень упрям и скрипуч...
Встал Непомерный, звездистый от ран,
К бездне примерить пылающий ключ.*

... Сразу после выхода свет книги Троцкого “Литература и революция” вышла в свет “долгожданная” книжка Василия Князева “Ржаные апостолы”. Сей автор уже не прикидывал и не размышлял – оставить Ключева “в прошлом” или нет. Он его попросту хоронил.

“Ты ставишь себе в заслугу, что идёшь в лес не с железом, что не несёшь ему ран и увечий? Прекрасно. Но ты – хуже поступаешь с лесом. Посмотри, что ты сделал с ним. Где его благовонный, смолистый, целящий людскую грудь аромат? Ты его отравил ладаном. Здесь задохнуться можно...”

“Если душевный склад человека всего полнее укладывается в такие жизненно-идеологические рамки:

*Так немного нужно человеку:
Корова да гряда луку,
Да слезинка, в светлую поруку,
Что придёт кончина злomu веку —*

Яснее ясного, что для такого человека ключевская церковь – идеал.

И многих она привлечёт к себе – втянет в себя (как трясина), многих погубит. Больно уж пахотная почва благоприятна для её восприятия: распахана, унавожена, уготовлена самой тысячелетней жизнью. И если б Ключев остановился только на этом, не пошёл дальше – через пожравший его город в мрачную “Долину единорога” – его проповедь явилась бы наиболее чёрной опасностью для культуры, которую когда-либо знала Россия.

Ибо нет ничего чернее, как – оправдать и святить пингвинью крылатость и всю жизнь превратить в одно бесконечное сладостно-умиленное рыдание, вздыхание и кормление кутьёю малиновок!

“Бог” – это душевный горб пахаря; горб – искривление позвоночника; что нужно сделать, чтобы избавиться от горба?

– Выпрямить позвоночник”.

“И когда он, коммунизм, видит, что клюевские “благовестные звоны” находят в тёмной, пахотной душе родственные звуки, заставляя струны этой души – звучать; и звучать – более гармонично: стройно, согласованно, напевно... он говорит:

– “Истинно-человеческая культура – в опасности!”

– И, как прямой вывод отсюда:

“Если кому и вешать мельничный жёрнов на шею, то – именно вот такому “учителю-пророку-апостолу” – дрозду – псалмопевцу, а не тому “учителю-пророку-апостолу”, что собирает по деревьям бабье полотно, яйца, масло и лично перещуывает кур, блюда свои “апостольские” интересы...”

Князев прекрасно ведаёт, что творит. Он знает цену клюевской поэзии. Более того – местами он от неё в подлинном восхищении. “Что можно сказать о поэтическом языке “Мирских дум”? Только одно: чистота, образность и изобразительная сила его – былины. И это совсем неправда, что он уснащён “провинциализмами”, что читать Клюева можно только с Далевским толковым словарём. Не “провинциализмы” делают стих Клюева непонятым, а та “оспа буквенная”, что извела наши глаза и уши при благосклонном участии очагов заразы, всеильных перед войною, бульварно-буржуазных газет. Мы забыли настоящий, народный язык: дутый стеклярус отучил нас от жемчуга.

Да что жемчуг – мы отвыкли даже и от гранёного хрусталя”.

В эти строки клюевского ненавистника стоило бы вчитаться не только многим пристрастным современникам, но и иным нынешним “литературоведам”, замуровывающим поэта в различные резервации под разными названиями: “Новокрестьянская поэзия” (эту “песню” первым “спел” Василий Львов-Рогачевский, от которого Клюеву “дышать было нечем”) или “Серебряный век”... И всё с одинаковым припевом: “провинциализмы”, “далевский толковый словарь”...

Но чем объективнее драгоценнее Клюев как поэт, тем страшнее он для Князева, а в глазах Князева для всей революционной России.

“Клюев не рядовой пахарь и не православный пахарь. Клюев – идеолог-сектант. Мистическую пашню свою он пашет глубоко забирающим “электроплугом” идейно-духовно-обоснованной потребности в божьем бытии... Клюев – поэт-пахарь-идеолог. А то, что Клюев не православный, а “раскольник”, нисколько не меняет дела. Наоборот, это – усугубляет наш интерес к нему, ибо на “раскол” (сектантство) мы смотрим как на высшее – общедоступную, в настоящее время, при настоящих условиях – степень умственно-духовного развития нашей деревни...”

А погиб Клюев как поэт, по мысли Князева, когда “пошёл в город”, когда в нём “проснулся революционер”.

“Клюев – умер, потому что он не может существовать без “хвойной купели”, а хвойная купель, доверху наполненная парной и маркой кровью – омут, а не купель...”

Но даже после “смерти” Клюева его книги, наравне с книгами других авторов (подбор у Князева замечательный!) могут послужить, оказывается, своеобразным “пособием”...

“Товарищ, читай книги, написанные до 25-го октября 17-го года – необходимо знать, как нельзя жить и мыслить. Ходи в венерические больницы, дома умалишённых, изучай Достоевских, Толстых, Андреевых, Арцыбашевых, Клюевых... – ибо необходимо перед великой борьбой за обновление человеческой расы (! – С. К.) приобрести потребное для того оружие.

И если перед тобою будут рисовать Русь в виде птицы-тройки, мчащейся неведомо куда и заставляющей все племена и народы почтительно сторониться – вспомни о стомиллионных Индии и Китае, которых признание широкой биологической правды, в ущерб узкой, человеческой, наивысшей для человека, “домчало” к рабству.

Что такое Китай с его великим Конфуцием? – человеческий навоз! Что такое Индия с её Буддою, йогами и прочими мыслителями и мудрецами? – человеческий навоз!”

Князев распаляется с каждой последующей главой своей книги. Он машет направо и налево шашкой красного кавалериста, отдавая при этом должное и силе противника.

“...И в октябрьских своих взлётах Клюев в юркости, маскарадно-придворной приспособляемости, в мимикрии — не повинен ни душою, ни телом! Он создал свой октябрь, собственный свой, клюевский октябрь (ничего общего с настоящим не имеющий), и начал воскурять фимиамы, бить в било, гимнотворствовать и совершать обрядовые “метания” — перед своим (а не ленинским) октябрём...”

...Самое дорогое для Клюева — святое святых его души — октябрьской, святой революцией — поругано, разрушено, стирается с лица земли!

И это нужно было ожидать, это необходимо было предвидеть, такова природа коммунистической революции...”

“Поругано”, “разрушено”, “стирается”, списано в архив, оставлено, в лучшем случае, как пособие того, “как нельзя жить и мыслить”... Так в чём же опасность?

А вот в чём:

“Пока “богом” пользуются, как пастухом дождевых туч, как скотским ветеринаром, людским знахарем, сельским агрономом и прочее, в той же плоскости — это ничего.

Но когда “бога” пытаются провести в Совнарком, снабдив его соответствующими полномочиями и мандатами от 110-ти миллионов его “рабов и овец”, это уже — катастрофа.

Надо — бить в набат, исследовать и разоблачать...”

Вот она — главная цель сего “исследования”! И продиктована — серьёзнейшей причиной:

“Ибо никогда забывать не нужно: в Рософесоре (по последней переписи) — (данные 1921 года — примечание Василия Князева) — городского населения — 21 миллион, сельского же населения (“рабов и овец”) — 110.000.000 — в пять раз больше! да и среди двадцати миллионов городского населения от “божьей краснухи, кори и скарлатины” избавилась — едва ли только половина; если только не треть...”

И потому:

“Клюевщина” — страшная сила. “Хакки-мистицизм” можно легко победить на протяжении двух, трёх поколений; “клюевщину” (идейно-обоснованную и идейно-порождённую “тягу к богу”, нутряную, корневую потребность в его бытии) придётся выкорчевывать многие десятки лет.

Выкорчевывайте! в то время, как первая “твердыня” — сама собою рассыплется от меча знания — в прах и пыль”.

А вот здесь, видимо, неожиданно для самого себя, Князев сказал сущую правду.

С одной поправкой — выкорчевать так и не удалось.

После очередной волны закрытия и разрушения церковей в конце 1920 — начале 1930-х гг., после лютых репрессий священников, монахов и монахинь, развязанных “ленинской гвардией” после того, как, казалось, православие в России уничтожено и никогда не возродится — во время всеоюзной переписи в ночь с 5 на 6 января 1937 года обнаружилось, что около 60% опрошенных признали себя верующими (из них три четверти — православными). Это не считая тех, кто не обнаружил своего вероисповедания из опаски... Скорее всего, поэтому перепись та была официально признана “дефектной”, а вовсе не из-за “снижения количества населения в результате репрессий” в период коллективизации.

Во время войны открывшиеся церкви были переполнены народом (и отнюдь не только людьми старшего поколения). Солдаты и офицеры, получая партийные билеты, перед боем вспоминали о Боге — и тому масса свидетельств. Дикая судорога закрытия церковей в начале 1960-х годов под аплодисменты так называемых “шестидесятников” также реально ни к чему не привела.

“Клюевщину” так и не “выкорчевали”.

Что-то садомазохистское слышится в ёрничестве этого “члена партии с уклоном к рвачеству”, как охарактеризовали Князева на заседании комиссии РКП(б) по идеологической проверке сотрудников “Красной газеты”: “Русской нации нет, а она существует! Русского патриотизма нет, а он существует!” И носителем русского патриотизма у него является “проклятое, русское, неустанно философствующее, лёжа на извечно обломовском диване, животное!” (Ничто не ново под луной. Примерно того же мы начитались и наслушались на рубеже 1980—1990-х годов!)

...И уже с каким-то суеверным страхом от открывшегося на мгновение ему, Князев словно заклинает в последних строчках своего многостраничного опуса:

“Клюев – умер.

И никогда уже не воскреснет: не может воскреснуть: – нечем жить!”

Троцкий и Князев не только задали дальнейший тон “литературы о Клюеве”. Они создали словарь для этой “литературы” Обозначили все понятийные категории. И (со ссылками или без ссылок) в подобной тональности и фразеологии далее о поэте писалось на протяжении десятилетий. А подхвачено тут же было – в местной вытегорской печати.

...Статья Троцкого “Николай Клюев” была напечатана в “Правде” 5 октября 1922 года. Через 10 дней она была перепечатана в петрозаводской “Карельской коммуне”. А 9 января 1924 года некогда близкий друг поэта Александр Богданов под псевдонимом “Семён Вечерний” печатает уже свою статью – “Правда о Клюеве”.

Ещё какие-то 3 года тому Богданов писал о нём, как о “пророке нечаянной радости”, не скупился на восторженные похвалы: “Ещё не пришло время справедливой оценки поэзии – творчества садовника древесловного дерева, осеняющего избяную дремучую Русь... Но оно придёт... Николай Клюев нашёл в лугах и полях Нечаянной Радости – своё славословие, своё краткое и светлое “Осанна жизни”... В стихах последних годов Клюев становится сыном Протея, перевоплощается то в душу солдатской матери, то лошади... Полны светлых пророчеств последние стихи Клюева, в них нет славянофильского угарного мистицизма, в них всё своё, нигде не вычитанное откровение о мужицком рае... Сердце Клюева соединяет пастушечью правду с магической мудростью, Запад с Востоком, соединяет воистину вздыхание всех четырёх стран света... В его стихах много сокровенного, несказанного, мистического, что потом послужит пищей для будущего... Во веки веков не умрёт русский мужик – Христос. Может быть, за это меня положат на Прокрустово ложе, или предадут литературной смерти, а хакакири поручат произвести Садофьеву... Во имя Солнца, во имя Красоты – это мне не страшно...”

Богданову тогда ничего не было страшно. Вплоть до того, что он решился возвести на высшую ступень самые рискованные мотивы Клюева – в своём понимании: “Эдуард Карпентер, английский Толстой, как назвал его Клюев, в своём глубоком труде “Промежуточный пол” говорит об уранической любви, известной в науке под названием однополю любви и полового извращения. Мировая наука, ещё погрязшая в своей утончённой схоластике, льёт грязь на эту ещё не разрешённую никем тайну человеческого духа. Один лишь Карпентер и ещё немецкие учёные открыли изумлённому миру всю возвышенную чистоту любви уранов-урнинггов. Карпентер приводит имена Александра Македонского, Сократа, Платона, Леонардо Винчи, Шекспира, нашего Чайковского и многих других великих урнинггов старого и нового мира. Много есть уранов и в повседневной нашей жизни, многие насилуют своё чувство, уходят в рабство к женщине... Певцом любви уранов в некоторых своих стихах является и Николай Клюев, один из современных нам великих уранов. Многие последние стихотворения наполнены тоской об Иоанне, красивой тоской Христа о своём духовном сыне...”

Пройдёт немного времени, скажут своё “веское слово” Троцкий и Князев, и для Богданова “придёт время” сказать “правду о Клюеве”. Правду “марксистскую” – ибо другой нет и быть не может.

Уже добром вспоминается статья Бессалько в “Грядущем”. Уже, как пример марксистской критики, упоминается работа Троцкого. Уже расхваливается князевская книжка и пересказывается целыми фрагментами. И, наконец, собственная “справедливая оценка”:

“Клюев последнего периода с гомосексуальными радостями (однополая любовь), с прославлением скопчества – живой труп для новой России. Некогда большой художник бесславно погиб ещё на патриотических концертах Долиной, в салоне графини Игнатъевой, у ног Николая Кровавого в Царском Селе (и это всё было списано у Князева – С. К.).

Желательно, чтобы наша молодёжь (не мешая и взрослым) познакомилась с книгой Князева, дающей верное представление о творчестве “ржаного апостола” – Николая Клюева”.

Трудно сейчас сказать, дошло ли до Клюева, живущего в Петрограде, это “отречение” близкого товарища, которому он посвятил некогда стихи “Львиного хлеба”:

*Женилось солнце, женилось
На ладожском журавле.
Не ведалось и не снилось,
Что дьявол будет в петле...*

Ладожский журавль – сам поэт. Невесту, по старому обычаю, вели, накиннув ей на шею ширинку, и со стороны казалось, что шею суженой обнимает петля... И дьявол – тут проступает совершенно непредсказуемый смысл образа – тот же поэт в “рисовке” адресата тех, не столь уж давних, строк.

Троцкого-то Клюев читал, и Ваську Князева и слушал, и читал потом... И уж наверняка в “Последних новостях” попалась ему на глаза статья Георгия Устинова “Литературный разброд”. Того самого Устинова, который буквально облизал во все места Троцкого в брошюре “Трибун революции”. И “джентельмен”, и “пламенная карающая десница”, и “горьковский Данко”, и “экстракт организованной воли”... Вот как надо уметь – куда там самому Демьяну, что “с книжной выручки... подавился кумачным хи-хи”, как написал Клюев в “Воздушном корабле” и напечатал в “Песнослов”. В “Ленине” же это стихотворение было изменено до неузнаваемости по требованию Ионова, и всякое упоминание о Демьяне пришлось выбросить.

А здесь Устинов в выражениях тем более не стеснялся:

“Психо-бандитизм, основание которому положил интереснейший, но пропащий поэт Сергей Есенин, идёт развёрнутой цепью по всей линии... Сергей Клычков, Николай Клюев, Пётр Орешин, А. Ширяевец и другие “крестьянские” поэты принесли из своих деревень психику деревенского “хозяина”, анархиста и “самоеда”, которому свой забор дороже всех наук, философий и революций. И это они знают, как знает прокажённый, что он болен и что его не может излечить ничто...”

Те, которые идут сейчас в литературном разброде, будут идти мимо жизни до тех пор, пока не воспримут новой материалистической культуры. Они попадут между жерновов, будут стёрты, прах их развеется по ветру, и о них не будет помнить даже последующее подрастающее поколение...”

Клюев уже давно не питал никаких иллюзий, и здесь отдавал себе полный отчёт в том, что время необратимо изменилось и эпоха “Львиного хлеба” – эпоха горячей открытой полемики, очевидного для всех утверждения своих ценностей, антикиплинговской антиномии “Восток-Запад”, борьбы живого слова с мёртвым, бумажным – проходит, если уже не прошла совсем. Что-то надорвалось в нём – и нужно было время, чтобы заново собрать себя и определить свой дальнейший путь.

Наступил период его поэтического молчания – единственный за всю творческую жизнь. Почти 3 года – с последних месяцев своей жизни в Вытегре он не мог написать ни единой стихотворной строки.

Одновременно с “Ржаными” князевскими “апостолами” вышла, наконец, книжка “Ленин”, давно поэтом пережитая. Стихи “ленинского цикла” из “Песнослава” он соединил в ней с отдельными стихотворениями “Львиного хлеба” и некоторыми, ещё более ранними. Там же впервые было напечатано стихотворение двухлетней давности, где в предпоследний раз вождь появился в клюевских стихах – уже в траурном ореоле.

*Ленин на эшафоте,
Два траурных солнца — зрочки,
Неспроста журавли на болоте
Изнывают от сизой тоски.*

*И недаром созвездье Оленя
В Южный Крест устремило рога...
Не спасут заклинанья и пени
От лавинного злого врага!*

*Муравьиные косные силы
Гасят песни и пламя знамён...*

После неминуемой гибели вождь растворяется в природной стихии, уже не творя новый мир, а исчезая в старом.

*Ленин — птичья октябрьская тяга,
Щедкость гумен, янтарность плодов...
Словно вереск, дымится бумага
От шаманских, волхвующих слов.*

*И за строчками тень эшафота —
Золотой буреломный олень...*

...Пройдёт 5 лет, и Клюев уже в “Песни о великой матери” вспомнит и “олонецкого журавля”, и дьявола в петле, и свою книжку “Ленин” в покаянных стихах:

*...Без журавля пусты страницы...
Увы... волшебный журавель
Издох в октябрьскую метель!
Его лодыжкой в запал
Я книжку /” Ленин”/ намарал,
В ней мошкара и жуть болота.
От птичьей желчи и помёта
Слезами отмываюсь я
И не сковать по мне гвоздя,
Чтобы повесить стыд на двери!..
В художнике, как в лицемере,
Гнездятся тысячи личин,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметною пучиной игол? —
Таков и я!..*

21 января страну оледенит весть о смерти Ленина, Ионов тут же запустит клюевскую книжку снова в печать — и одно за другим выйдут ещё два её издания... А Николай, сидя в своей “горнице” за чашкой чая под иконой Спаса, заведёт с новым знакомым Иннокентием Оксёновым занятный разговор. Оксёнов спросил, что Клюев думает о смерти Ленина. Тот помолчал-помолчал и произнёс:

— Роковая смерть. До сих пор глину месили, а теперь кладут.
— А какое уж здание строится? Уж не луна-парк ли?
— А как же? Зеркала из чистого пивного стекла. Посмотри кругом, разве не так?

Всё было не просто “так”. Ещё хуже.

Окончание гражданской войны и эпохи самогонварения ознаменовалось ликвидацией “сухого закона”. Пьянство вошло в быт. В быт же вошло вольное отношение к женщине, как знак “всеобщего освобождения”.... Групповое изнасилование в Чубаровском переулке, прогремевшее по всем газетам, было лишь одним из многих.

(Это не только “вошло в поговорку” из старых времён. Это мы тоже наблюдали в эпоху “демократической революции”).

Страна выползала из “горячей стадии” гражданской войны, как тяжело раненый и обезумевший зверь. Скорее всего, последствия были бы куда менее тяжёлые, если бы после чудовищного кровопролития, после войны “брат на брата” и “сын на отца”, израненные, изуродованные души могли бы найти пристанище в церкви, в молитве... Но и этот путь был заказан. Особенно, для молодёжи, которая наслаждалась самой возможностью “залезть на небо” и “разогнать всех богов”. Да и само по себе приобщение к храму в создавшейся атмосфере отдавало в глазах многих явной “контрреволюционностью”.

Душу лечить было нечем. А запах крови преследовал. И пошло-поехало...

Разгромы только народившихся частных магазинов... Налёты и нападения на сторожей... Убийства из-за угла... Похождения “сыщиков розы” Лёньки Пантелеева, бывшего чекиста, вошедшего во вкус кровавого разгула и лёгких денег, романтизировались и сладким шёпотом пересказывались как в подвалах и подворотнях, так и в “интеллигентных” квартирах... Подражатель нашла масса.

И всё это — под пьяный крик или вполне трезвое восклицание: “За что боролсь?!” В самом деле, за что — если наружу вылезло рыло “нэпмана”, “совбура” — советского буржуя?..

Веру в происходящее и смысл жизни теряли совсем молодые люди. “Красная газета”, издававшаяся в городе, уже переименованном из Петрограда в Ленинград, из номера в номер печатала извещения:

“Отравилась Анна Меркулова 19 лет.”

“С целью самоубийства ранила себя в голову выстрелом из револьвера Евгения Лурье 19 лет”.

“Отравилась Елизавета Русецкая 18 лет”.

“Отравилась Маргарита Кавардеева 20 лет”.

“Отравилась Александра Исполнова 20 лет”.

“Отравилась Александра Чеснокова 30 лет”.

“Бросился со льда в полынью неизвестный мужчина. На вид ему около 25 лет”.

“Отравился Павел Тулин 24 лет”.

Похожая картина была перед Первой мировой войной, когда среди молодёжи — причём, молодёжи не бедной, состоявшейся, “интеллигентной” — расцвёл самый настоящий культ самоубийства — как некоего “недоживания” до худших времён, по примеру так же “не доживавших” в античную эпоху. Чтение Брюсова, Сологуба, Кузмина, расходившиеся кругами истории самоубийства Надежды Львовой, Всеволода Князева, Ивана Игнатьева — также весьма способствовали нагнетанию соответствующих настроений.

Теперь же причиной были полная потеря почвы под ногами и непреодолимое чёрное отчаяние.

Всё чаще говорят газеты:

Самоубийцы тот — да эти.

В пятнадцать лет отравы слёз,

А в двадцать пуля и наркоз,

Под тридцать сладостна петля, —

С надрезом шея журавля...

Эти строки Клюев напишет через пять лет в поэме “Каин”, уже после гибели Есенина.

А живой ещё Есенин появится в Ленинграде в середине апреля 1924 года. И встреча с ним не доставит Клюеву большой радости.

...Тяжело было смотреть Николаю на Есенина, выступавшего в Зале Лас-салья (бывшем зале Городской Думы). Общение поэта с залом едва не кончилось диким скандалом. Сергей начал вещать, как при первом появлении в Петербурге ходил в мужицких штанах и сапогах — а теперь ходит во фраке. Вспомнил мимоходом про Клюева и Чапыгина, крикнул, что Блок и он, Есенин, “первые пошли с большевиками” — и что, дескать, за это получили? Фрак-фраком, а жизнь хреновая, к поэзии отношение свинское, власть сучья и кругом — жида... Зал уже начал реветь от возмущения, как Есенин вдруг оборвал свой “монолог” и крикнул: “Буду читать стихи! “Москву кабацкую” хотите?” И — “врубил” без перехода, да так, что публика после каждого стихотворения ревела уже от восторга... Клюев, бледный, напряжённый, “любовался” всей этой картиной молча, лишь раз промолвив: “Не кобенился бы... Сам знает ведь, что им нужно...” Кто-то, сидящий рядом, начал поддакивать, но Клюев уже взъерепенился: “Молчали бы... Сами пишете по-татарски, не то, что он”, — и кивнул головой в сторону сцены... А потом наблюдал, как взбудораженная толпа выносила Есенина на руках.

“Эх, Серёжа, Серёжа, а слава-то кабацкая, стихам твоим нынешним под стать...”

А Есенин словно нарочно поддразнивал.

В бывшей студии Виктора Шимановского, ныне в центральной студии Политпросвета, при старых клюевских друзьях и в присутствии самого Нико-

лая он, явившийся в сопровождении своей свиты – ленинградских имажинистов – тут же уступил им инициативу, и они дочитались до того, что их начали попросту гнать из зала и требовать, чтобы читал один Есенин... Сергей приосанился и вышел на сцену, попросту объяснился с собравшимися, что, вот, дескать, тут Клюев меня считает своим – а я никакой не крестьянский поэт. Друзья-имажинисты считают своим – а никакой я не имажинист. Просто поэт – и дело с концом. И, конечно, каждое стихотворение его сопровождалось громом аплодисментов.

А вслед за аплодисментами – очередная серия скандалов.

В Москве он уже несколько раз побывал в отделениях милиции – спровоцировать горячего, взрывного Есенина было в этот период – период, когда его не оставляло обострённое ощущение себя как “иностранца в собственной стране”, – было проще пареной репы. То же продолжилось и в Ленинграде. Нечистый занёс поэта в “ложу вольных строителей”, организованную актёром Александринки Ходотовым на своей квартире. Там какой-то тип привязался к Сергею: “Ты жидов ругаешь? Получай!” Естественно, всё закончилось грандиозной дракой. То же повторилось и в одном из кабаков, когда Есенин лишь чудом остался жив – его по счастливой случайности не прирезали... Клюев, узнавая об этом, лишь качал головой, опустив руки. Сбылось самое худшее – в его представлении.

А Сергей просто не мог найти себе покоя. Владимир Чернявский вспоминал, что Есенин крайне непризненно отзывался в этот приезд и о Москве, и о своей московской славе. “...Говорил о том, что всё, во что он верил, идёт на убыль, что его “есенинская” революция ещё не пришла, что он совсем один...” Сквозь поток второпях выброшенных слов вырвалось: “Если бы я не пил, разве мог бы я пережить всё, что было?” “И тут, в необузданном вихре, – продолжал Чернявский, – в путанице понятий закружилось только одно ясное повторяющееся слово:

– Россия! Ты понимаешь – Россия!

В этом потоке жалоб и требований были невероятный национализм, и полная растерянность под гнётом всего пережитого и виденного, и поддерживаемая вином донкихотская гордость, и мальчишеское желание драться, но уже не стихами, а вот этой рукой...”

– Что ж, – говорил сумрачный Клюев. – Ведь он уже свой среди проститутток, гуляк, всей накипи Ленинграда. Зазорно пройтись вместе по улице.

Он словно не видел, как слетала с Сергея вся накипь, как становился совершенно иным его бывший друг. “Куда там богемная манерность, кабачковый стиль, – чудесный, простой, сердечный человек”, – так передавал тогда же своё впечатление от Есенина один из случайных знакомых.

Есенин в эти дни обдумывал “Песнь о великом походе”, где собирался из Петра 1 “большевика сделать”... Не он был первый на этом пути – у Волошина уже отточилась формула: “Великий Пётр был первый большевик...” И есенинский Пётр, в конечной редакции любующийся “на кумачный цвет на наших улицах”, естественно, не мог быть принят Клюевым, что написал уже об императоре как о “барсе диком”... А поглубже заглянуть – так ведь и прав Есенин. Всепьянейший синод, непристойные имитации Евангелия и креста – не воскресли ли они в “октябринах” и “комсомольском рождестве”?

...Сидя у Иннокентия Оксёнова, Есенин рвался читать Языкова... В контексте разговора, где он жаловался, что чувствует себя в России как в чужой стране, а за границей было ещё хуже, что “Россия расчленена”, и это больно осознавать любому великороссу – нетрудно предположить, что очень хотелось Сергею прочесть вслух для себя и для окружающих знаменитое языковское “К не нашим”.

*О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь! Внемлите
Простосердечный мой возглас!*

.....
*Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,*

*Вы все — не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живёт, в вас помертвело
Родное чувство...*

.....
*Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!*

Ближе, ближе он был в своих душевных сопереживаниях Ключеву, чем сам хотел в этом признаться даже самому себе... И чем больше чувствовал он это — тем демонстративно пытался от Ключева оттолкнуться, Ключеву поперечить, особенно на людях.

Уехал. И вернулся в Ленинград в середине июня, предварительно написав Николаю о своём приезде.

* * *

“Ленин” Ключева — образец того, что получается, когда Ключевы берутся за такие темы, которых они не могут понять. “Ленин” у Ключева своеобразный. Это и “красный олень в новобрачном сказаньи”, и сын богоматери, “он мычит Ниагарой в ноздрях Ливерпуль”.

Во всяком случае это не тот Ленин, которого мы знаем и любим. У Ключева это не Ленин, а Антиленин, как сказал о книжке Ключева тов. Троцкий.

Может быть, по Госиздату Ключев даёт своеобразное толкование “Ильича”, может быть, уже хорошо то, что пишет о Ленине, может, это революция в Ключеве. Но нам эта книжка не нужна, не понятна и рекомендовать её, конечно, нельзя...”

Читать это “творение” Александра Исбаха в “Книгоноше” было уже делом привычным. Не он один вещал о “ненужности” и “непонятности” Ключева. Но слушать подобные же речи от дорогого по-прежнему и ставшего таким чужим Серёженьки...

Появился Есенин — и на следующее же утро отправился к Ключеву. Через несколько лет Николай нехотя рассказывал об этом свидании Анатолию Яру-Кравченко с интонациями “Бесовской басни про Есенина”.

— Я растоплял печку. Кто-то вошёл. Я думал, что Коленька (Архипов, переехавший к этому времени в Ленинград и часто видевшийся с Ключевым — **С. К.**), гляжу — Есенин, в модном пальто, затынут в талию. Поверх шарф шёлковый... Весь с иголочки, покрашен, одним словом, такой, каких держат протитутки...

— Ну что же, расцеловались?

— Да, конечно. Он удивился, что я такой же, а он себя растерял...

Есенин, конечно не считал себя “растерявшим”. Скорее, о Ключеве полагал, как о “закосневшем”.

Как вспоминал новый знакомый Николая Игорь Марков — “поэт появился как-то неожиданно, оживлённый, с улыбающимися серо-голубыми глазами и чуть рассыпавшимися волосами. После приветствий и первых радостей встречи между давними друзьями возник спор, такой же внезапный, каким было появление Есенина в тесной комнате на Морской”.

А для них обоих не было ничего “внезапного” — продолжился разговор, начатый ещё в Москве, где ничем закончилась есенинская затея собрать за-

ново, “в семью едину”, “крестьянскую купницу”. Николай, глядя на модный костюм Сергея, напомнил ему, словно кто за язык дёрнул, строки из “Четвёртого Рима”: “Не хочю быть лакированным поэтом с обезьяньей славой на лбу...” Есенин побелел от злости. И бросил в ответ, потом прочно к Клюеву прилипшее:

– Ладожский дьячок!

Поперхнулся Николай... Тут же пришёл в себя и снова пытался читать самое язвительное из старой поэмы. И снова оборвал Есенин:

– Прекрати! Брось своё поповство! Кому это сейчас нужно?

“А ведь тебе было когда-то нужно, Серёженька! Льнул, как к горнему ключу. И что же с тобой стало?”

А Серёженька уже тяжело пережил внезапную смерть Шириявца. Поминки по нему вылились у многих в пьяную истерику, но что-то страшное, тревожное, отчаянное слышалось в перекрывающем всё и всё есенинском голосе, когда поэт кричал, что пропала деревня, что из неё вытраивается всё русское. В ответ раздалось: “Цела деревня! Цел русский народ!” “Нет! – отвечал Есенин. – Гибнет деревня”, и слышал: “Это наше время. И нет нашему творчеству никаких помех”. “Есть, – снова кричал Есенин. – Город, город проклятый...”, и, уже уходя, слышал, как кто-то затянул “Вечную память”, которую заглушили “Интернационалом”.

С разорванной душой приехал. Но с Клюевым так по душам и не поговорил.

...Отправились обедать к Сахарову, у которого Есенин остановился... Завели речь об антологии крестьянской поэзии – Сергей всё никак не мог расстаться с этой мыслью “объединения”, хоть под разовой обложкой... И читали стихи – каждый читал предназначенное для этой антологии. Клюев – старое, любимое некогда “отроком вербным”... “Умерла мама” – два шелестных слова. Умер подойник с чумазым горшком, Плачется кот и понура корова, смерть постигая звериным умом... “Мама в раю – запоёт веретёнце, – нянюшкой светлой младенцу Христу...” Как бы в стихи, золотые, как солнце, впрямь волхованье и песенку ту?..” И словно в контраст с прочитанным – своё громкоподобное “Меня Распутиным назвали...”, когда с особым нажимом для собравшихся прозвучало: “Что миллионы чарых Гришек за мной в поэзию идут...” Есенин же читал одно из последних своих стихотворений – тех, что Клюев на дух не принимал... “Не храпи, запоздалая тройка! Наша жизнь пронеслась без следа. Может, завтра больничная койка успокоит меня навсегда...” Не принимать – не принимал, а Сергей, зная это, будто подчёркивал свою “непропасть”: “Может, завтра совсем по-другому я уйду, исцелённый навек, слушать песни дождей и черёмух, чем здоровый живёт человек...” Каждый вкладывал в чтение своё, должно быть понятным “старым другом”... Игорь Марков прочёл сказку-наигрыш “Колобок-скакунок”, и Клюев посоветовал изменить конец – и продиктовал, как именно... Тут-то и ввалились ленинградские “имажинисты” Эрлих со Шмерельсоном и наперебой начали заявлять, что идея никчёмная и несовременная... Смотрел-смотрел Клюев на есенинских “гришек”, – один из них, не выходя в дверь, спустился по водосточной трубе – спичек купить – дождался, когда уйдут, и спросил Сергея в лоб: “Почему не можешь расстаться с ними?” А Есенин в ответ лишь ухмыльнулся:

– А кто ж за спичками бегать будет?

Расстаться-то он с ними – уж давно расстался. И когда ему в этот приезд Садофьев напомнил об имажинистском бытии – от досады аж прикинулся непонимающим: “Имажинизм? А разве был такой? Я и думать о нём забыл...” И рассердился вконец: “Ну да, было время... Озорничали мы в своё удовольствие... Мещанство били в морду, образом хлестали... Дым коромыслом стоял... А кому он сейчас нужен, этот имажинизм? Чувь всё это собачья! Ска-тертью ему дорога!.. У них вся их образность от городской сутолоки, у меня – от родной Рязанщины, от природы русской. Они выдохлись в своём железобетоне, а мне на мой век всего хватит...”

Сидя в доме у ещё одного ленинградского представителя “воинствующего ордена имажинистов” Лёни Турутовича, писавшего под псевдонимом “Владимир Ричиоти”, Есенин, по воспоминаниям последнего “светился покоем и вдохновением” и говорил с каким-то душевным подъёмом:

– У меня и слава, и деньги, все хотят общения со мною, им лестно, что

я в чужом обществе теряюсь и только для храбрости пью. . . Быть может, в стихах я такой скандалист потому, что в жизни я труслив и нежен. . . Я верю всем людям, даже и себе верю. Я люблю жизнь, я очень люблю жизнь, быть может, потому я и захлёбываюсь песней, что жизнь с её окружающими людьми так хорошо меня приняла и так лелеет. Я часто думаю: как было бы прекрасно, если бы всех поэтов любили так же, как и меня. . . Теперь я понял, чем я силен — у меня дьявольски выдержанный характер. . .

Клюев не слышал подобных есенинских слов. И в общении с ним Есенин теперь шёл скорее на конфликт, чем на согласие. И “выдержанность характера” куда-то мгновенно улетучивалась.

И Николай, также навестивший Ричиотти, говорил о наболевшем. И слушал его молоденький Борис Филистинский, позже оставивший яркую зарисовку поэта, вошедшего в свою золотую пору.

“Лицо умного мужика, но не пахаря, а скорее мастера-умельца, такого сельского плотника-зодчего, что без единого железного гвоздя сможет построить многоглавую церковь в Кижях, или мастера железного или гончарного художества. Очень уж потёрт кафтан и шапка гречневиком, огромный староверский медный крест на груди. Маскарад? Да перед кем ему, Клюеву, сейчас ломать комедь?.. Мы все были одеты — кто во что горазд, и моя, например, толстовка из цветной плотной гардины не привлекала ничего недомоленного взора. Нет, одежда Николая Клюева не казалась нам никак — никакой костюмировкой. . . Вкусный, окающий несколько карельский рот под свисающими усами энергичного унтера. Певучие строки вьются и свисают с колечками крутой махорки. . .” Клюев сам никогда не курил, но, видимо, сейчас терпел привыкших к табачному яду. И вещал, слегка растягивая слова.

— Не против города и Запада я, а против разделения китайской стеной духа и материи, души и плоти, мысли и делания. Вот, как у Фёдорова, он ведь кругом прав: коли разделились так у нас труд и мысль, идея и дело, все науки и искусства не хотят друг дружку знать, — то и получается, как говорил он: при таком разделении психология не была душой космологии, то есть была наукой о бессильном разуме, а космология — наукой о неразумной силе. А всё — от злой силы *небратства*. Искусство, поэзия всё-таки выше пока, чем научное знание: всё-таки говорит о целом и живом, а не о частичном и отгороженном. Но и они начинают атомизироваться. А ведь мир и я — одно: ни я поглощаю мир, ни мир поглощает меня: одно ведь это, и лишь раскрывается как я — не-я — в истории, в моей жизни — и в веках. В любви материнской, в соитии любовном, в блюде и святости, в порождении. . . — И через много лет, изучая и описывая Клюева, Филистинский (уже под именем “Филиппов”) приводил слова самого Николая Фёдорова, как подтверждение клюевским словам: “. . . Знание, лишённое чувства, будет знанием причин лишь вообще, а не исследованием причин неродственности, а не проектом восстановления родства. . .”

. . . Николай читал “Белую повесть”, а знающие его поэзию могли тут вспомнить строки, которые в этом контексте лишены всякой гордыни:

*Я — посвящённый от народа,
На мне великая печать,
И на чело своё природа
Мою прияла благодать...*

. . . — И задача наша, и цель наша — история не как мнимое воскрешение в *воспоминании* только, а как прямое воскрешение во плоти и в духе всех отцов и матерей наших. . . — повторял он Фёдорова.

А в следующий раз, встретившись с Филистинским, промолвил, вспомнив злые слова Есенина и многих писавших о нём как о покойнике, промолвил, перекрестившись:

— Было всякое. Всяко и будет. Не в прошлое гляжу, голубь, но в будущее. Думаешь, Клюев задницу мужицкой истории целует? Нет, мы, мужики, вперёд глядим. Вот у Фёдорова, — читал ты его, ась? — “город есть совокупность *небратских* состояний”. А что ужасней страшной силы небратства, нелюбви?..

И что бы ему так поговорить с Есениным! И что бы Есенину ответить добрым, искренним словом, высказать, что на душе! Так нет же. . . Перед чужими, фактически чужими, исповедуются, а не друг перед другом.

Знают хорошо друг друга. Знают, кто чем дышал раньше, знают, кто чем дышит ныне. Все слова вроде уже были сказаны. Сказаны, выходит, да не услышаны. Каждый гнёт своё. Вот и сменилась прежняя любовь *небратством*.

Лев Клейнборт вспоминал, как встретился с Есениным, выходящим из ленинградского отделения Госиздата... Сергей вспомнил свои старые стихи “Теперь любовь моя не та...” и тут же начал уверять собеседника, что “Клюев уже во втором томе “Песнослава” погубил свой голос, а теперь он – гроб”. Точь-в-точь книжку Князева только что прочитал... И на ходу пересказывает.

А Клейнборт вспомнил свои встречи с Клюевым, подаренный ему “Четвёртый Рим” и слова Клюева, что Есенина уже нет, что есть только лишь бродяга, погибающий в толпе собутыльников, изменивший “отчому дому”...

“Это было то же, что доказывал Клюев о нём, – писал позднее Клейнборт. – И тот же был холод. Вот что было страшнее и его пудры, и его завитых волос... В самом деле, не Мариенгоф, не Шершеневич, не Дункан же дадут ему теплоту, без которой душа вянет, тускнеет, даже душа поэта...”

Ни Мариенгофа, ни Шершеневича, ни Дункан уже рядом не было. Клюев – был. Но от его присутствия было не легче. В Госиздат они пришли вдвоём – за экземплярами “Москвы кабацкой”, вышедшей отнюдь не под маркой Госиздата (дабы издательству не было излишних неприятностей), – самой неприемлемой из всех есенинских книг для Клюева...

Сидя у Оксёнова, Есенин слушал клюевские жалобы: заставляют писать весёлые песни, а это всё равно, как если бы Иоанн Гус плясал трепака на Кёльнском соборе или протопоп Аввакум пел на костре “Интернационал”... А всё Ионов – сволочь... Есенин от своих тяжких дум не мог избавиться – но тут встрепенулся и, словно назвал и Клюеву, и себе самому, начал хвалить Троцкого за то, что тот – “националист”, как и он сам, ИONOва, который хоть из польских евреев, но нет в нём ничего еврейского. Принялся читать стихи. Начал с “Руси советской” (“И это я! Я – гражданин села, которое лишь тем и будет знаменито, что здесь когда-то баба родила российского скандального пиита...”), продолжил уже только что написанным посвящением Ионову, с которым договаривался о новом издании:

*Издатель славный! В этой книге
Я новым чувствам предаюсь.
Учусь постигнуть в каждом миге
Коммуной вздыбленную Русь.*

И, кожей чувствуя неодобрение молчащего Клюева, заявил, что не желает отражать крестьянские массы, не хочет надевать хомут Сурикова или Спиридонна Дрожжина... Бил в самое больное место – ни Суриков, ни Дрожжин никогда не были для Клюева авторитетами, и Есенин прекрасно это знал. Но выходило так, словно Клюев пытался надеть на него этот самый хомут.

В 20-х числах июля Николай уезжал в Вытегру. Провожали его Есенин, Приблудный, Игорь Марков, Павел Медведев и Алексей Чапыгин. Последний вспоминал потом, как они с Есениным “по темноте... вышли... на Воскресенскую набережную за Литейным проспектом. Отыскали пароход и каюту, но Клюева ещё не было. С. А. сказал.

– Пойдём в буфет и выпьем!...

С. А. сказал, что уезжает ненадолго в Москву, а оттуда на Кавказ. На пароход пришёл Клюев – мы сидели в его каюте, потом пошли по Литейному мосту и к Летнему саду. С. А. повёл нас на летнюю пристань в буфет. Было уже поздно – я простился, не пошёл на пристань. Они остались сидеть вдвоём. После, когда вернулся из Вытегры Клюев, я спрашивал его, как они провели время.

– Хорошо! Серёжа много читал хороших стихов, пили немного”.

Расстались они всё же не так благостно.

Когда Есенин встретился один на один с Клейнбортом и тот спросил у него – виделся ли он с Клюевым – Сергей опустил голову, задумался, а потом вымолвил с сожалением в голосе:

– Да... Бывают счастливыцы.

В “счастливыцы” зачислил Николая – есть у того на что опереться, чего нет уже у Есенина, “в родной стране иностранца”... И есть же у этого “иностранца” то, чего нет у Клюева: “коммуной вздыбленная Русь”. А клюевский “красный государь Коммуны” мхом давно порос...

Клюев же писал из Вытегры теще Николая Архипова, Пелагее Васильевне Соколовой:

“От тихих богородичных вод, с ясных, богатых нищетой берегов, от чаек, гагар и рыбьего солнца — поклон вам, дорогие мои! Вот уже три недели живу как во сне, переходя и возносясь от жизни к жизни. Глубоко-молчаливо и веще кругом. Так бывает после великой родительской панихиды... Что-то драгоценное и невозвратное похоронено деревней — оттого глубокое утро почило на всём — на хомуте, корове, избе и ребёнке. Со мной беленький, как сметана, Васятка, у него любимая игрушка лодка, возит он меня на окуний клёв по богородичным водам к Боровому носу, где живёт и, не мучаясь ясно, двенадцатый век, льняная белизна и сосновая празелень с киноварью и ладаном. Господи, как священно-прекрасна Россия, и как жалки и ничтожны все слова и представления о ней, каких наслушался я в эту зиму в Питере! Особенно меня поразило и наполнило острой жалостью последнее свидание с Есениным, его скрежет зубовой на Премудрость и Свет. Об этом свидании расспросите Игоря — он был свидетелем пожара есенинских кораблей. Но и Есенин с его искусством, и я со своими стихами так малы и низко-презренны перед правдой прозрачной, непроглядно-всебытной, живой и прекрасной. Был у преподобного Макария — поставил свечу перед чудным его образом — заплакал за вас и за себя, сегодня ухожу в Андомскую гору к Спасу, чтоб поклониться Золотому Спасову лику — Онегу, его глубинным святыням и снам...”

* * *

Когда Клюев говорил, что его заставляют писать весёлые стихи, то есть стихи, воспевающие современность, он имел в виду именно ИONOва, с которым не единожды имел беседы на эту тему, и потому есенинские похвалы этому прожённому издателю были для него особенно нестерпимы. Нина Гарина запомнила клюевский рассказ о посещении ионовской обители и воспроизвела его, особенно упирая на интонацию рассказчика.

— ВхОжу этО я к нему в кОбинет... А кОбинет-тО у негО грО-Омадный... А мебель-тО у негО вся пОрчёвая... А ОбстОнОвка-тО у негО вся шикарная... А занавеси-тО у негО бархОтные. А в углу-тО у негО гитара едрёнОя, с лентОчками... А на стОле-тО какоО, да булОчки-тО сдОбные.

А на стОлах-тО... Да на пОлках-тО, да на полу-тО — книги, да книги разлОженные... А бумага-тО в них пергаментная... А края-тО, края-тО в них зОлОчёные. А внутри-тО в них всякая егО-тО дрянь напечатОннОя...

А сам-тО Он в кресле мягкОм, глубОкОм сидит и еле-еле слОва-тО мне, бездОрь этОкОя цедит...

А мОи-тО... Мои-тО стихи — так печатать и не думает.

Гариной было невероятно смешно. Она наслаждалась этой беседой, как хорошим спектаклем.

— Ну и как же решили? — подначила.

— ЧегО тут решили?! “Не мОгу”, говорит, “издОвать!.. Бумаги нет!.. Не хвОтает!..” А бумага-тО вся на егО-тО дрянь тОлькО и идёт!

Гарина продолжала хохотать. Клюев не мог взять в толк — чего здесь смешного.

А когда мадам увидела под пиджаком у поэта “поповский”, как она выразилась, крест, так её всю затрясло от смеха.

“Клюев, не поняв, в чём дело, и решив, что я вновь переживаю его рассказ, вдруг преподнёс: “бездОрь этОкОя”...”

Клюев прекрасно понял, в чём дело. И “бездОрь” относилось уже к самой Гариной.

Когда же он узнал, что за очередным накрытым столом хозяйка вволю потешила собравшихся рассказом о клюевских злоключениях и о его кресте под дружный хохот и что находившийся среди гостей Георгий Устинов, определивший Клюева в литературный обоз и обрекший его “на погибель” (вместе с Есениным), предложил “крест у Клюева Отнять, купить выпивки и выпить за здоровье “нОвОявленного батюшки” — раз и навсегда перестал бывать в этом доме.

В Ленинграде повторялось то же, что и в Москве. Говорил с Воронским о возможности издания “Львиного хлеба” в “Круге”. И услышал:

– Да человек-то вы совсем другой.

– Совсем другой. Но на что же вам одинаковых-то человек? Ведь вы не рыжих в цирк набираете, а имеете дело с русскими писателями, которые, в том числе и я, до сих пор даже и за хорошие деньги в цирке не ломались.

– А нам нужны такие писатели, которые бы и в цирке ломались, и притом совершенно бесплатно.

Этот критик, имеющий репутацию культурного человека, явственно намекал, что, дескать, знаем мы тебя, “рыжего”, в твоём крестьянском зипуне да в смазных сапожках. Никуда не денешься, ломаешься вместе с остальными.

И здесь та же картина – в Союзе писателей, полноправным членом которого стал Клюев.

“Страшное, могильное впечатление от Союза писателей. Какие-то выходцы с того света. Никто даже не знает друг друга в лицо... Что-то старчески шамкает Сологуб. Гнило, смрадно, отвратительно...” – записывал в свой дневник Иннокентий Оксёнов.

Близкое к этому впечатление было и Клюева. Архипов записал отдельные характеристики писателей, с которыми Николай частенько встречался в то время.

“Был у Тихонова в гостях, на Зверинской. Квартира у него большая, шесть горниц, убраны по-барски – красным деревом и коврами; в столовой стол человек на сорок. Гости стали сходитья поздно, всё больше женского сословия, в бархатных платьях, в сунсах и соболях на плечах, мужчины в сюртуках, с яркими перстнями на пальцах. Слушали цыганку Шишкину, как она пела под гитару, почитай, до 2-х часов ночи.

Хозяин же всё отсутствовал; жена его, урождённая пани Неслуховская, с таинственным видом объясняла гостям, что “Коля заперся в кабинете и дописывает поэму” и что “на дверях кабинета вывешена записка “вход воспрещён”, и что она не смеет его беспокоить, потому что “он в часы творчества становится как лютый тигр”.

Когда гости уже достаточно насиделись, вышел сам Тихонов, очень томным и тихим, в тёплой фланелевой блузе, в ботинках и серых разутюженных брюках. Угощение было хорошее, с красным вином и десертом. Хозяин читал стихи “Юг” и “Базар”. Бархатные дамы восхищались им без конца...

Я сидел в тёмном уголку, на диване, смотрел на огонь в камине и думал: “Вот так поэты революции!...”

“Н. Тихонов довольствуется только одним зерном, а само словесное дерево для него не существует. Да он и не подозревает вечного бытия слова”.

“Стихи Рождественского гладки, все словесные части их как бы размерены циркулем, в них вся сила души мастера ушла в проведение линии.

Не радостно писать такие рабские стихи”.

“Глядишь на новых писателей: Никитин в очках, Всеволод Иванов в очках, Пильняк тоже, и очки не как у людей – стёкла луковицей, оправа гуттаперчевая. Не писатели, а какие-то водолазы. Только не достать им жемчугов со дна моря русской жизни. Тина, гнилые водоросли, изредка пустышка-раковина – их добыча. Жемчуга же в ларце, в морях морей, их рыбка-одноглазка сторожит”.

“Накануне введения 40-градусной Арский Павел при встрече со мной сказал: “Твои стихи ликёр, а нам нужна русская горькая да селёдка”.

“Бедные критики, решающие, что моя география – “граммофон из города”, почерпнутая из учебников и словарей, тем самым обнаруживают свою полную оторванность от жизни слова”.

Были, впрочем, в Ленинграде поэты, с которыми Клюев, мнилось, находил общий язык. Так, он заново встретился с Кузминым, который ничего не внулал ему, кроме отвращения, в 1910-х годах.

“Был с П. А. Мансуровым у Кузмина и вновь учуял, что он поэт-кувшинка и весь на виду, и корни у него в поддонном море, глубоко, глубоко”.

Возможно, такое впечатление произвели на Клюева стихи Кузмина из книги “Параболы”. А может быть, Кузмин читал в его присутствии свои тайные сочинения “Декабрь морозит в небе розовом...” или “Не губернаторша сидела с офицером...”

Вокруг Клюева толпятся совсем уж неожиданные персонажи – обериуты Даниил Хармс и Александр Введенский, Константин Вагинов, к стихам которого Николай Алексеевич проявляет повышенное внимание, сочетающееся

с точным пониманием ограничений молодого поэта. “У Садофьева и Крайского не стихи, а вобла какая-то, а у Вагинова всё — старательно сметённое с библиотечных полок, но каждая пылинка звучит. Большего-то Вагинову как человеку не вынести”. Сердечные отношения складываются с Николаем Брауном и его женой Марией Комиссаровой. . .

Клюев — не просто известная фигура, он поэт, чьи большие подборки публикуются в различных антологиях. Он — авторитет, вызывающий чувство преклонения у иных молодых поэтов, даром что “похоронен” влиятельными критиками.

Он сам, уже давно не пишущий, прислушивается к себе, всматривается в себя, собирает по крупичкам свои сокровища. И признаётся:

“Чувствую, что я, как баржа пшеничная, нагружен народным словесным бисером. И тяжело мне подчас, распирает певческий груз мои обочины, и плыву я, как баржа по русскому Ефрату — Волге в море Хвалынское, в персидское царство, в бирюзовый камень. Судьба моя — стать столпом в храме Бога моего и уже не выйти из него, пока не исполнится всё”.

В особые минуты его посещают видения, о которых он рассказывает скупо, но и этой “скупости” хватает вдосталь.

“Слушал Россию, какой она была 60 лет тому назад, и про царя, и про царицу слышал слова, каких ни в какой истории не пишут, про Достоевского и про Толстого — кровные повести, каких никто не слышал. . . удары Царя-колокола в грядущем. . . парастас о России патриархальной к золотому новоселю, к новым крестинам. . .

В углу горницы кони каким-то яхонтовым вещим светом зарились, и трепыхала большая серебряная лампада перед образом Богородицы”.

Видения благие — да сновидения страшные. В них чрез земные тернии в выси Господни душа поэта путь держит.

“А я видел сон-то, Коленька, сегодня какой! Будто горница, матицы толстые, два окошка низких в озимое поле. Маменька будто за спиной стряпню развела. Сама такая весёлая, плат на голове новый повязан, передник в красную клетку.

Только слышу я, что-то недоброе деется. Ближе, ближе к дверям избанным. Дверь распахнулась, и прямо на меня военным шагом, при всей амуниции, становой пристав и покойный исправник Качалов.

“Вот он, — говорят, — наконец-таки попался!”. Звякнули у меня кандалы на руках, не знаю, за что. А становой с исправником за божницу лезут, бутылки с вином вылагают.

Совестно мне, а материнский скорбящий лик богородичной иконой стал.

Повели меня к казакам на улицу. Казаки-персы стали меня на копыя брать. Оцепили лошадиным хороводом, копыя звездой.

Пронзили меня, вознесли в высоту высокую! А там, гляжу, маменька за столом сидит, олашек на столе блюдо горой, маслом намазаны, сыром посыпаны. А стол белый, как лебязье крыло, дерево такое нежное, заветным маменькиным мытьём мытое.

А на мне раны, как угли горячие, во рту ребячья соска рожком. И говорить я не умею и земли не помню, только знаю, что зовут меня Николой Святошей, князем черниговским, угодником”.

. . . Охотников же опустить Клюева с небес на землю было более чем достаточно. Из него просто “выбивали” соответствие социальному заказу. К лету 1925 года давление стало невыносимым. Но именно оно и родило противодействие. Снова начали рождаться стихи.

Стихи, которые ни под каким видом не могли быть отданы в печать.

*Рогатых хозяев жизни
Хрипом ночных ветров
Приказано златоризней
Одеть в жемчуга стихов.*

*Ну, что же? — Не будет голым
Тот, кого проклял Бог,
И ведьма с мызглым подолом —
Софией Палеолог!*

Стихотворение назвалось “Нерушимая Стена” – мозаичное изображение Богоматери с поднятыми руками, символизирующими несокрушимость в заступничестве за православных – в конхе центральной аспиды Киево-Софийского собора... Здесь, в земной жизни, в окружении литературном только и спросишь себя: “Не в чулке ли нянином Пушкин обрёл певучий Кавказ” (“беззаконной каплей” назвал Клюев эти строки)? И “не веткой ли Палестины деревенские дни цвели, когда ткал я пестрей ряднины мои думы и сны земли?..” Весь “социальный заказ” и настоятельные просьбы воспеть ленинградского вождя Зиновьева, готовящегося к генеральной политической битве и мобилизовавшего для сего все ленинградские газеты, – “поганый кумыс” Батя, что напоил им мученика Михаила Тверского... А там, на небесах, душа подлинной Руси, и взор поэта обращён в горние выси.

*Вознесенье Матери правя,
Мы за плугом и за стихом
Лик Оранты как образ славий
Нерушимой Стеной зовём.*

Тут же сложено новое стихотворение, начинается оно с запредельной дерзости, какую ни до ни после уже не позволит себе Николай.

*Не буду писать от сердца,
Слепительно вам оно!
На ягодицах есть дверца —
Гнилое болотное дно.*

*Закинул чертёнок уду
В смердящий водоворот,
Чтоб выловить слизи груду,
Бодяг и змей хоровод.*

Вся “жизнеутверждающая советская поэзия” этого времени, все творения “звёзд поэтических” – будь это Демьян Бедный или Безыменский, или те, что калибром поменьше, вроде Садофьева или Арского – не более, чем фекалии в отхожем месте.

*Это новые злые песни —
Волчий брѣх и вороний грай...
На московской кровавой Пресне
Не возрастѣт словесный Китай,*

*И не склонится Русь-белица
Над убрисом, где златен лик...
По-речному таит страница
Лебединый отлѣтный крик.*

*Отлетает Русь, отлетает
С косогоров, лазов, лесов,
Новоселье в жёлтом Китае
Справят Радонеж и Саров.*

Но сказано – не зарекайся! И сам Клюев отдаст свою дань “новым песням”, только эти песни будут кардинально отличаться от видимого ему стихотворного болота...

Пройдёт лето, падёт любимый Николаем листопад, отстучит холодный неуютный дождь, засеребрится асфальт инеем, подступят первые заморозки – и объявится снова в Ленинграде Есенин. В первую неделю ноября, наскоро, впопыхах, а затем – в конце декабря 1925 года, и заявит, что приехал насовсем.

Трагическим будет финал этой встречи.

(Продолжение следует)

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС НА “ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО”

Прогноз социально-экономического развития России и принятый на 2011 год федеральный бюджет с ориентирами на плановый период 2012 и 2013 годов дают представление о дальнейших перспективах эволюции российской экономики. Я не раз писал о возможностях ее опережающего развития в условиях глобального кризиса, связанного с замещением доминирующих технологических укладов. В макроэкономических показателях стратегия опережающего развития характеризуется средним темпом ежегодного прироста ВВП не менее 8%, объема производственных инвестиций – не менее 15%, приростом производительности труда – не менее 12%. Расчеты показывают, что для достижения этих показателей необходимо в первые три года выхода на траекторию опережающего развития добиться увеличения нормы накопления до 30%, повышения расходов на НИОКР вдвое, подъема уровня инновационной активности не менее чем в три раза. При этом ядро нового технологического уклада должно расти на 35–40% в год, а исходящие от него импульсы модернизации – обеспечиваться приростом производства в его несущих отраслях на 10–15% в год. Определенным приближением к стратегии опережающего развития можно считать Концепцию социально-экономического развития, утвержденную правительством в 2008 году.

Втягивание российской экономики в глобальный кризис прервало ее быстрый рост, темпы которого составляли 7–8% ежегодного прироста ВВП. Кризис вскрыл очевидный для специалистов изъян этого роста, основанного на повышении мировых цен на нефть и буме потребительских расходов без структурной перестройки и модернизации экономики. Трансформации нефтедолларов в инвестиции, в развитие мешала проводившаяся экономическая политика стерилизации денежной массы и вывоза капитала за рубеж. Тем самым денежные власти искусственно сдерживали инвестиционную и инновационную активность, лишая экономику длинных дешевых денег и подталкивая платежеспособные предприятия к заимствованиям коротких и дорогих денег за рубежом. С уходом последних рухнул и механизм, поддерживавший эту неокOLONиальную модель экономического роста. Последовавший вслед за этим глубокий спад промышленного производства блокировал реализацию планов долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, ус-

---

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, ведущий российский экономист, академик РАН. В 2011 году в Издательском доме “Экономическая газета” вышла его новая книга “Уроки очередной российской революции”. С любезного согласия автора журнал публикует ее заключительную главу.

тановленных упомянутой выше Концепцией. Ее первый этап, предусматривавший достижение темпов прироста ВВП, оказался сорван.

Срыв первого этапа Концепции долгосрочного социально-экономического развития России был вызван не только кризисом. Он был значительно усугублен допущенными ошибками в стратегии антикризисной политики, подчиненной интересам олигархического капитала и выразившейся в мощной эмиссии денег в пользу привилегированных коммерческих банков. Игра последних на обрушение курса рубля повлекла за собой расстройство и без того слабых механизмов финансирования инвестиционной и инновационной активности и отток капитала из реального сектора в спекулятивный. Из-за этого эффективность антикризисной политики оказалась удручающе низкой. Взвалив на себя самое большое из ведущих стран мира бремя антикризисных расходов, российское государство своей неадекватной политикой фактически спровоцировало максимальный из стран “двадцатки” спад производства, вывоз капитала и падение инвестиций.

Наблюдаемое в настоящее время посткризисное оживление экономики не сопровождается формированием новых механизмов и институтов поддержания инвестиционной и инновационной активности, необходимых для реализации стратегии опережающего развития. Крайне низкой остается норма накопления и уровень расходов на НИОКР. Запланировано сокращение государственных расходов в реальном выражении, которые остаются существенно меньше уровня большинства европейских стран. Доля расходов бюджетной системы сокращается к 2013 году до 36,3% ВВП по сравнению с 41,1% ВВП в кризисном 2009 году и 52,7% во Франции или 42,8% в Польше. Хотя структура расходов бюджетной системы России после кризиса стала более прогрессивной – почти три четверти из них направляются на нужды социально-экономического развития и социальной защиты, как и в развитых странах, – эффективность осуществления бюджетных ассигнований оставляет желать много лучшего. Основная их часть направляется на социальные трансферты, прежде всего Пенсионному фонду, не оказывая особого влияния на развитие экономики.

По основным параметрам федерального бюджета и структуре его расходов можно сделать вывод о явной схожести избранного российскими властями курса с кейнсианским подходом стимулирования конечного спроса. В противоположность докризисному периоду бюджет сводится с дефицитом, уровень которого последовательно снижается с 4,1% ВВП до 3,1% ВВП. В структуре расходов основную часть составляют трансферты бедным слоям населения, что дает максимальный эффект с точки зрения увеличения конечного спроса. В 2011 году увеличиваются расходы на оборону, что дает аналогичный эффект.

Кейнсианский подход, несомненно, является намного более адекватным закономерностям современного экономического роста, чем либерально-монетаристский, которому упорно следовали российские денежные власти, блокируя тем самым инвестиционную и инновационную активность. Во всяком случае, он не тормозит, а стимулирует экономический рост. Но в условиях нынешнего кризиса он явно недостаточен для вывода экономики на траекторию устойчивого роста, так как не содержит механизмов модернизации и повышения эффективности экономики, ее структурной перестройки на основе нового технологического уклада. Более того, по уровню расходов на основные несущие отрасли нового технологического уклада – науку, образование и здравоохранение – в российской бюджетной системе закладывается продолжение отставания не только от развитых стран, но и от большинства других постсоциалистических стран, включая Белоруссию и Украину с их намного меньшей устойчивостью бюджетной системы.

В условиях сырьевой ориентации российской экономики слабостью неокейнсианского подхода с упованием на оживляющий характер конечного спроса является отсутствие надежных каналов направления последнего на внутренние источники покрытия. В связи с последовательным повышением курса рубля после его девальвации в начальной фазе кризиса происходит устойчивый прирост импорта. Согласно прогнозу, в 2011–2013 годах он будет вдвое опережать прирост отечественного производства, составляющий чуть более 4% в год. И это после падения доли внутреннего производства в структуре источников покрытия прироста внутреннего спроса в 2008–2010 годах с 60,3 до 35%. Таким образом, продолжают тенденции вытеснения отечественных товаров импортными. При сохранении этих тенденций едва ли мож-

но рассчитывать на оживляющий характер роста доходов населения, прирост спроса которого на две трети покрывается импортом.

Сырьевая ориентация российской экономики не позволяет надеяться и на оживляющую роль роста внешнего спроса. Доля топливно-энергетических товаров и металлов в российском экспорте в прогнозный период будет составлять около 80%. Значительная часть валютной выручки от экспорта сырья в условиях фактического отсутствия валютного контроля остается за рубежом или, в отсутствие обязанностей по ее обязательной продаже – на валютных счетах, не трансформируясь во внутренний спрос. Кроме того, рост экспорта этой группы товаров происходит за счет повышения мировых цен, ежегодный прирост его физического объема составляет 2–3%. Незначительная же доля машин и оборудования, которая, согласно прогнозу, не превысит 6% в структуре российского экспорта, не позволяет надеяться на существенную роль прироста внешнего спроса в оживлении российской экономики.

Кейнсианские рецепты плохо работают при сырьевой структуре экономики. Для нее характерна низкая эластичность прироста производства в зависимости от прироста конечного спроса. Более того, в условиях структурного кризиса кейнсианские рецепты могут оказаться вредными, так как следование им может усугубить структурные диспропорции, если стимулирование спроса будет трансформироваться в прирост производства устаревших товаров, продлевая воспроизводство устаревших технологий. Правильной политикой в этих условиях является оказание помощи предприятиям в свертывании устаревших производств и освоении новых, что выходит далеко за пределы традиционного кейнсианского подхода.

В сложившихся условиях оптимальной и единственно выигршной стратегией для российской экономики является стратегия опережающего развития, возможности начала реализации которой ограничены трехлетним периодом. По истечении этого срока в передовых странах завершится этап становления нового технологического уклада, который перейдет в фазу быстрого роста. Последняя характеризуется завершением формирования технологических траекторий, которые будут направлять очередную длинную волну экономического роста в ближайшие два десятилетия. В этой фазе опережающее развитие и связанное с ним “экономическое чудо” становятся невозможными. Отстающим странам остается наверстывать упущенное, имитируя или импортируя зарубежные технологии и финансируя экономический рост стран-лидеров за счет занижения зарплаты и уровня жизни своего населения и природной ренты. “Проспав” возможности опережающего развития в период смены доминирующих технологических укладов, Россия замкнется в колониальной нише экспортера сырья и импортера готовой продукции, утратив научно-технологическую самостоятельность и окончательно превратившись в сырьевой придаток ЕС и Китая.

Бюджетные проектировки на 2011–2013 годы не дают оснований надеяться на воплощение стратегии опережающего развития. В весьма умеренных расходах на национальную экономику, которые составят в 2011 году 3,4% ВВП, преобладают текущие затраты, имущественные взносы и политические проекты, в то время как программно-целевая составляющая бюджетной политики сужается. Сокращается к 2013 году как и без того невысокая (менее 10%) доля расходов на федеральные целевые программы, так и доля программной части расходов по ряду важнейших разделов. При этом многие целевые программы продолжают финансироваться остаточным методом (некоторые наполовину и меньше), что несовместимо с принципами программно-целевого подхода и требованиями к эффективности бюджетных расходов. Особенно ярко это проявляется в неудовлетворительном исполнении федеральной адресной инвестиционной программы, по итогам исполнения которой из 1413 запланированных к вводу объектов введены в эксплуатацию лишь 249.

Слабостью программно-целевой составляющей федерального бюджета является низкая доля расходов на НИОКР в целевых программах, которая составляет не более четверти. В целом расходы на НИОКР остаются недопустимо низким для перехода на инновационный путь развития уровне – около 1% ВВП по сравнению с ориентацией передовых стран на переход к уровню 3–4% ВВП. При этом бюджетом запланировано снижение уровня расходов на науку гражданского назначения, который понизится к 2013 году до 0,36%, что еще более усугубляет проблему повышения уровня инновационной активности.

Самым негативным образом на перспективах развития российской экономики скажется возобновление сооружения финансовой пирамиды государственных обязательств. К концу 2013 года планируется двукратное увеличение государственного долга до уровня 18% ВВП с соответствующим ростом расходов на его обслуживание. Последние превысят в 2013 году 600 млрд рублей по сравнению с 519 млрд рублей на образование или 433 млрд рублей на здравоохранение. Государственные займы планируется брать посредством эмиссии облигаций с доходностью от 4,5% по краткосрочным до 8,5% по долгосрочным обязательствам. При этом около трети занимаемых за счет этого средств государство планирует направлять на погашение задолженности по ранее выпущенным облигациям. Это указывает на наличие пирамидальной составляющей в эскалации расходов по обслуживанию и погашению государственных облигаций, создающей угрозу повторения дефолтов в будущем.

Масштабная эмиссия государственных обязательств с доходностью до 8,5% создаст барьер притоку кредитных ресурсов в производственную сферу, рентабельность производства в которой будет на сопоставимом уровне с несравнимо большими рисками. Тем самым будет сохраняться дисбаланс в структуре инвестиций с преобладающей долей финансовых инвестиций по сравнению с инвестициями в основной капитал. В совокупности за три года в новую пирамиду гособлигаций планируется втянуть 5 трлн рублей, что составляет значительную часть денежной массы и вдвое превышает объем инвестиций в основной капитал. Наряду с продолжающейся эмиссией облигаций Банка России это сделает невозможным достижение минимально необходимого для выхода на устойчивый экономический рост уровня капиталовложений в развитие производства.

Прирост государственных заимствований намного превысит прирост денежной массы, который планируется Банком России на весьма умеренном уровне от 11 до 23% при прогнозном уровне инфляции 6–7%. С учетом прогнозируемого прироста ВВП это будет означать сохранение заниженного уровня монетизации российской экономики и соответственно нехватки денег для поддержания воспроизводства и завышенных процентных ставок.

Согласно данным официального прогноза, среднегодовой ежегодный прирост инвестиций в основной капитал в 2011–2013 годах составит 7%, что существенно ниже минимально необходимого уровня не только для реализации стратегии опережающего развития, но и для поддержания простого воспроизводства основных фондов. При этом норма накопления к концу прогнозного периода увеличится до 21,9%, что по-прежнему в полтора раза ниже сложившейся в российской экономике нормы сбережений и свидетельствует о существенном недоиспользовании имеющегося инвестиционного потенциала. Неудивительно, что даже к концу прогнозного периода объем инвестиций в основной капитал будет оставаться почти на 20% ниже, чем перед началом радикальной реформы в 1991 году.

Ни в федеральном бюджете, ни в основных направлениях единой денежно-кредитной политики не предусматривается действенных мер по стимулированию роста инвестиционной активности. Между тем без резкой активизации государственных институтов развития трудно ожидать ее выхода на необходимый для перехода к устойчивому экономическому росту уровень. Прирост банковских кредитов предприятиям в кризисный период резко замедлился, существенно выросла просроченная задолженность и ухудшилось финансовое положение производственных предприятий в большинстве отраслей экономики. Едва ли можно рассчитывать на рост инвестиций за счет собственных средств предприятий. Судя по планируемому продолжению опережающего роста тарифов на услуги естественных монополий (на газ – на 15% в год, на электроэнергию – на 5–10% в год), финансовое положение предприятий обрабатывающей промышленности еще более ухудшится.

Таким образом, судя по основным документам, определяющим экономическую политику государства на ближайшие три года, последняя будет носить инерционный характер. Ее денежно-кредитная составляющая вновь будет формироваться по дискредитировавшим себя монетаристским рецептам с хорошо известными последствиями в части торможения экономического роста, блокирования подъема инвестиционной и инновационной активности. В ней не предусматривается мер, необходимых для реализации обоснованной выше стратегии опережающего развития.

Следствием возобновления инерционного подхода на основе отжившей неоклассической парадигмы и наивных представлений о самодостаточности рыночных механизмов для обеспечения экономического роста станет углубление структурных диспропорций российской экономики и утрата ею научно-технического потенциала, необходимого для самостоятельного успешного развития. Официальный прогноз предусматривает весьма умеренные темпы прироста ВВП на уровне около 4% ВВП, что соответствует среднемировым. Вместе с прогнозируемым сохранением сырьевой специализации российской экономики это будет означать стагнацию ее нынешнего положения в качестве сырьевого придатка Евросоюза и Китая. Будет нарастать технологическое отставание российской экономики не только от передовых стран, но и от быстро развивающихся стран Азии, включая Китай.

Закладываемые в официальном прогнозе макроэкономические параметры фактически означают отказ от реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года, с которой связывались планы перехода на инновационный путь развития. Согласно ей темп роста ВВП в 2007–2012 годах должен был составить 137–138%, в 2012–2020 годах – 164–166%, что позволило бы обеспечить рост ВВП в 2,3 раза по сравнению с 2007 годом. Согласно официальному прогнозу, в 2012 году ВВП увеличится по сравнению с 2007 годом менее чем на 10%. Нетрудно посчитать, что для достижения поставленных долгосрочных целей экономического роста ежегодный прирост ВВП начиная с 2012 года должен составлять не менее 9,5% в год*.

Специфика прогнозного периода заключается в том, что именно в ближайшие три года будет происходить активная структурная перестройка мировой экономики, связанная со сменой доминирующих технологических укладов. Страны, которые ее осуществят раньше других, первыми оседлают новую длинную волну экономического роста и обеспечат себе технологическое преимущество и экономическое превосходство на два десятилетия вперед. Поэтому для достижения высоких темпов экономического роста в будущем необходимо обеспечить еще более высокие темпы роста экономической, прежде всего инвестиционной и инновационной, активности в ближайшее время. Без повышения темпов экономического роста до 10% ежегодного прироста ВВП, 15% прироста инвестиций и 30% расходов на НИОКР в 2011–2013 годах обеспечить 10%-ный прирост ВВП во второй половине начинающегося десятилетия не удастся.

Имея все еще значительный научно-технический и интеллектуальный потенциал, Россия могла бы совершить такой прорыв, построив свое “экономическое чудо”. Но для этого должны быть реализованы меры экономической политики, обоснованные в моей книге “Уроки очередной российской революции”. Повторение ранее совершавшихся ошибок в экономической политике 2011–2013 годов, закладываемых в федеральном бюджете и основных направлениях денежно-кредитной политики, приведет к повторению и их многократно проверенных последствий. Возврат на никакую не ведущую дорогу монетаризма и рыночного фундаментализма сохранит, разумеется, доминирующее положение олигархического капитала и сверхдоходы властвующей элиты. Но платой за это станет утрата последнего шанса на российское “экономическое чудо”.

---

* Комплексный сравнительный анализ динамики социально-экономического развития Российской Федерации в рамках СНГ на основе показателей, определенных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и Стратегией экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. Экспертно-аналитический доклад. – М.: Счетная палата РФ, 2010.

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

ЗАКАТ ЕВРОСОЮЗА?

*Если Царство разделится само в себе,
Не может устоять царство то.*

(Мрк. 3—34)

...Родился в Риме весной 1957 года, скончался весной 2011 года в итальянском местечке Вентимилья... Так писала европейская пресса о Евросоюзе, драматически комментируя решение правительства Франции не пропускать поезда из Италии через французскую границу. Эти поезда везли тысячи людей из стран Магриба. Париж отказался их принять, Евросоюз, ссылаясь на права человека, настаивал. В ответ французское правительство потребовало временно приостановить действия шенгенского соглашения о безвизовом перемещении людей в ЕС. Французы ссылаются на быстро растущее в стране мусульманское население, исчисляемое то ли 6, то ли 8 миллионами. Многие из них прибыли во Францию нелегально и растворились в мусульманских общинах.

На границе скопились десятки тысяч переселенцев – гастарбайтеров из стран южнее Сахары. Они подрабатывали и в сравнительно спокойном Тунисе, и в зажиточной Ливии, пока не грянула “арабская весна” и не начались массовые бомбовые и ракетные удары НАТО по Ливии.

Борцы за права человека украсили поезда с беженцами плакатами, лозунгами, назвали их “поездами чести”. Но французские власти оказались непреклонны. Итальянцы были в отчаянии! Они ведь действовали согласно требованиям Брюсселя. Правительство Греции, Мальты, Кипра, Хорватии тоже хотят закрыться, тоже просят помощи у Евросоюза. Но что могут сделать бюрократы в Брюсселе? И в Северной и в Южной Европе понимают, что давление миграционных потоков будет возрастать, а накатывающиеся волны между странами-членами Европейского Союза учащаться. В решении этой проблемы нет никакой солидарности. Союз разделился сам в себе. Легковесные констатации, что Евросоюз умер на итало-французской границе, конечно, метафора, но символическая, а возможно – пророческая. Конечно, ЕС проживёт ещё некоторое время, но он будет, согласно оценкам экспертов, всё чаще и всё болезненнее испытывать новые потрясения, новые кризисы. *Никогда ещё великая идея европейского единства не сталкивалась с таким количеством разноплановых, смертельно опасных вызовов!*

Впрочем, дело не только в них, но и во внутренних дефектах, заложенных в конструкцию Евросоюза. Английская пресса ещё десять лет назад сообщила, что американское правительство рассекретило ряд документов относи-

тельно того, кем и по чьим лекалам создавался Евросоюз. Эти документы “доказывают, что сообщество американских секретных служб в 50-е – 60-е годы вело кампанию, направленную на объединение Европы. Лидеры общеевропейского движения Ретингер, Шуман, бельгийский министр Спаак финансировались Американским комитетом за Единую Европу. Комитет получал деньги из фондов Рокфеллера и Форда. За ними в свою очередь стояло Центральное разведывательное управление США¹. Французские исследователи, изучив эти документы, пришли к выводу, что “отцом Европы” был не вознесённый на Олимп Роберт Шуман, а госсекретарь США Дин Ачесон. Он пригласил Шумана в Вашингтон, где поставил задачу – подумать о будущем Германии и Европы”. 9 мая 1950 г. была опубликована “Декларация Шумана”, о которой французские исследователи пишут: “Она была сотворена американцами и для американцев”².

Казалось бы, зачем было Вашингтону создавать себе противовес – объединённую Европу? Считаю, что Шуман, “человек без воображения”, даже не понял конечный замысел Вашингтона. А замысел состоял в том, чтобы нейтрализовать государства Европы, делая их всё более взаимозависимыми и многочисленными, до полного абсурда, нечто вроде Вавилонской башни, абсолютно неуправляемой в силу непримиримых антагонизмов национальных интересов³.

Возможно, этот коварный замысел не понял Шуман, но его выявил гениальный Шарль де Голль. На пресс-конференции в Елисейском дворце 15 мая 1962 г. он называл федеративную Европу “самоблокирующим ансамблем”, в котором Вашингтон может стать “внешним федератором”. Он считал абсурдом требовать под каждым документом шесть подписей. Теперь, после нескольких волн расширения ЕС, их требуется почти в пять раз больше! Некоторые европейские учёные так характеризуют Евросоюз: “То, что мы видим в 2010 году, никоим образом не является ни братством, ни христианством, которые символизирует имя Роберта Шумана. Всё это похоже на американскую колонию, основанную исключительно на культе Короля-Деньги (*l'argent Roi*), на свободе торговли, короче, на самом циничном, на самом безнадёжном материализме”⁴.

Прошло полвека, и ныне миллионам европейцев становится ясным, что дело не ладится. Оно и не могло сладиться, как и у ветхозаветных строителей Вавилонской башни, потуги которых оказались не удобными Богу. И решил Господь: “Сойдём же, и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого” (Быт., 11–7).

*И вот по Европе бродит новый призрак, на этот раз призрак национализма, национализма бескомпромиссного, авторитарного*⁵. Европейцы, в первую очередь средний класс, видят, как убывает их благосостояние, как из-за инфляции тают их сбережения, как снижается социальная защита, как безрадостны перспективы их детей в обществе, где растёт безработица и плата за образование, где их вековая национальная культура растворяется в массовой космополитической культуре, потоки которой обильно изливаются из-за океана.

Ко всем этим неурядицам добавляется исламский фактор. Мусульманские общины растут как грибы, в них много тех, кто симпатизирует исламистам и террористам. Особенно пугает европейского обывателя быстрый демографический рост среди европейских мусульман.

Средства массовой информации пестрят пессимистическими прогнозами. Некий Поль Вестон в статье “Неизбежна ли к 2025 году гражданская война в Европе” пишет: “Если бы 20 лет тому назад люди стали рассуждать о том, что начнётся гражданская война в Евросоюзе, которая по жертвам будет страшнее Второй мировой войны, их сочли бы сумасшедшими. Но согласно демографическим данным в 2005 г. коренные европейские мужчины призывного возраста (20–40 лет) были в соотношении 18 к 1 мусульманину.

¹ The Daily Telegraph, 19 September, 2000.

² www.U-P-R.fr, François Asselineau et UPR.

³ Ibidem.

⁴ www.Reth-schuman/index.html. Robert Schuman – père de l'Europe ou saint en veston, par François Roth.

⁵ World Web Site. La resurgence du nationalisme dans l'Union Européenne, par Stephen Steinberg. 22. Dec. 2010.

К 2025 году это соотношение упадёт до 2 к 1, то есть 44,6 млн молодых европейцев в Евросоюзе будут противостоять 22,1 млн молодых мусульманских мужчин... Но Турция может подослать ещё 12 млн солдат⁶.

Исламистские провокаторы подливают масла в огонь, указывают на статистику абортс среди европейцев, насмеваются: “Не хотите растить своих детей, скоро заставим вас нянчить наших”.

А бюрократы в Евросоюзе настаивают, что надо продолжать мирно, терпеливо интегрировать мусульманские общины в европейское общество, надо неспешно европеизировать ислам, поддерживать смешанные браки, смешение культур, мультикультурализм. Но европейцы видят, что такая политика вредна, что в городах, особенно в пригородах, прорастает новое, чуждое им мусульманское общество. Чем сильнее и многочисленнее оно становится, тем чаще возникают конфликты. СМИ повторяют: Франция превращается во Франкостан, Австрия и Германия отуречиваются. Беспорядки в Берлине и в Лондоне, вспыхнувшие нынешним летом в основном в иммигрантской среде, показали: в этих утверждениях есть рациональное зерно.

В массовом сознании множатся стереотипы отчуждения – “мы и они”. Они против нашего образа жизни, рядом жить мы не сможем. Растёт исламофобия, чреватая дальнейшей конфронтацией.

Среди этих страхов и неуверенности в будущем в обществе рождается жажда сильной руки, вождя, харизматического национального лидера, который должен править, не оглядываясь на бессмысленные выборы, на либералов-демагогов, на дряблые парламенты, утопающие в болтовне.

Особенно непопулярными становятся наднациональные европейские структуры, обосновавшиеся в Брюсселе, пожирающие огромные средства, вечно мечущиеся, претенциозные и неэффективные, а порой просто вредоносные. В такой обстановке старые либеральные проамериканские правители начали сдавать позиции. Отказ от таких программ, как мультикультурализм, уже не спасает их. *На смену выходят новые элиты, провозглашающие популистские лозунги и программы. Их социальная опора широка и устойчива.* Формирование новых националистических элит подпитывают и системные силы⁷. Всё большее число европейских банков и корпораций, которые уже многие годы ведут подпольную экономическую войну с США, приходят к выводу, что им более не по пути со слабеющей Америкой, что надо прислушиваться к нарастающему недовольству собственных народов.

Член правления центрального банка Германии Тило Заррацин опубликовал книгу “Самоликвидация Германии”, ставшую бестселлером. Он утверждает: “В культурном и цивилизационном аспекте их (мусульман. – Б. К.) система ценностей и представлений об устройстве общества является шагом назад. В глазах европейцев это подтверждается данными опросов, таких, например, как опрос, проведённый в 2010 году среди сравнительно образованных египтян: 85% поддержат теократию, то есть усиление влияния ислама в политике; 85% за то, чтобы казнить отступников от ислама; 82% за то, чтобы побивать камнями неверных жён; 77% за то, чтобы ворам отрубали руки; более 50% за то, чтобы строго запрещать женщинам работать совместно с чужими мужчинами; 54% оправдывают террористов-самоубийц; 82% египтян отрицательно относятся к США и Европе”.

В свете таких опросов, две трети немцев согласны с Заррацином, который высказывает то, что на душе не только у немцев, но и у французов, у итальянцев, даже у либеральных англичан, у всех европейских патриотов: “Я не хотел бы, чтобы ритм жизни задавали призывы муэдзина с минарета”.

* * *

В накаляющейся обстановке практически во всех странах Евросоюза отмечается быстрый рост и распространение влияния правых партий, в том числе тех, которые принято называть неонацистскими, профашистскими, расистскими. Они перестают быть маргиналами, экзотическими группами экстремистов, оторванными от реалий политической обстановки. Они “перелицовываются”,

⁶ www. Gates of Vienna.

⁷ Radical Right Wing Populisms in the Western World, ed. By J. Rydgreen. NY, 2005.

отбрасывают показной экстремизм, отказываются от нацистской символики, от каких-либо связей с фашистской идеологией. Трудно судить, насколько это искренне. В своих программах новые правые делают упор на защиту национальной идентичности, на сохранение национальной культуры, традиций, устоявшихся национальных жизненных ценностей.

Поддержка новых националистов становится настолько массовой, что их партии вполне обоснованно можно называть популистскими. Их лидеры, сравнительно молодые сорокалетние политики, успешно теснят старую атлантистскую гвардию, всё ещё находящуюся у власти. Многие правящие партии вынуждены лавировать, перехватывать лозунги, программы, требования националистов. Но они обычно оказываются лишь бледной копией того, чего ждут и что обещают новые националисты. Ни одно правительство не посмеет, например, так жёстко критиковать великую религию Мухаммеда.

Мир ислама ныне находится в стадии пассионарного подъёма. Реально мыслящие политики по обе стороны океана ищут взаимодействия с умеренным исламом. А европейские националисты внушают избирателям, что никакого умеренного, а тем более европеизированного ислама не может быть в принципе. Они выискивают в Коране изречения – айяты о превосходстве ислама над другими религиями, о распространении шариата на весь мир.

В Нидерландах появился пятиминутный фильм “Фитна” с изречениями из Корана, вырванными из контекста. Его смотрят миллионы и проникаются убеждением, что ислам не религия, а тоталитарный культ, что в нём нет места свободе и демократии, что европейцы никогда не смогут ужиться с мусульманами. Европейцев убеждают, что ислам стремится к мировому господству, к всемирному халифату, где немусульманам уготована участь людей второго сорта, что с них будут взимать более высокие налоги, заставят уступать мусульманину место, не позволят носить оружие.

В свою очередь радикальные исламисты учат, что каждый мусульманин должен бороться за то, чтобы мир жил по законам шариата. Он обязан отдавать этой борьбе всё – время, деньги и, если понадобится – сражаться с оружием в руках против неверных. Ислам, – учат они, – означает покорность, и весь мир должен покориться Аллаху. Аллах Акбар!

В такой обстановке возникают разнообразные общественные организации типа “Контрджихад”, “Коалиция борцов за права человека против радикального ислама” и др. Правительства мечутся в поисках компромисса, пытаются убедить европейцев, что ислам мирная религия.

Но националисты приводят исторические и современные факты агрессивности ислама: все границы, соседствующие с исламом, действительно кровоточат.

В ответ мусульмане заявляют, например, следующее: “Белый человек, ты должен заплатить за сотни лет колониализма... Когда твои предки пришли на мой континент, то они захватывали моих предков и продавали их в рабство. Их никто не звал, они тоже были нелегалами, но гордо называли себя исследователями. Вот и мы явились на ваш континент, чтобы исследовать вашу справедливость... я лично вернулся бы на мой континент, если бы вы оставили нас в покое, если бы дали нам возможность сохранять нашу уникальную политическую систему”⁸.

Европейцы бьют тревогу. Широкое распространение получила “формула”: как только число мирных мусульман среди населения начинает превышать 10%, они перестают быть мирными и стремятся господствовать над иноверцами. В США опубликовали данные о всемирном джихаде: за последнее десятилетие исламистские террористы по всему свету убили 16 889 человек. Только за неделю с 19 февраля по 26 февраля 2011 г. джихадисты в 26 терактах убили 181 человека и 310 тяжело ранили. Растёт также и этнический бандитизм. Не удивительно, что европейцы начинают видеть в националистах решительных борцов, способных покончить со страусиной политикой либеральных правительств. Как видим, и та, и другая сторона считают, что правда и справедливость на их стороне, и не хотят мирно жить рядом. И националисты, и джихадисты готовятся к открытой грандиозной схватке. Правительства и бюрократы Евросоюза оказываются зажатыми между ними и неубедительно, беспомощно призывают к миру и дружбе.

⁸ David Ellerton. Nitsche and the Revenge of the Non-Whites. <http://www.theological.se/32372/20110303/>.

Опираясь на голоса избирателей, националисты добились заметного представительства в парламентах Австрии, Италии, Дании, Швеции, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Словении. Они входят в состав правительств в Нидерландах, в Дании и Италии. Премьер-министр Италии Берлускони из каждого кризиса выходит победителем благодаря поддержке Северной Лиги, ещё недавно открыто профашистской, а ныне перестроившейся на националистической консерватизм.

Было бы серьёзной геополитической ошибкой недооценивать силу и влияние националистических партий. Ещё более грубой ошибкой было бы не видеть, что партии эти очень разные. В их программах есть не более трёх объединяющих доктрин (*corpus doctrinal*). Это, во-первых, национализм, у большинства – с разной дозировкой ксенофобии. Во-вторых, требование немедленно прекратить иммиграцию. И, в-третьих, лозунг выхода из Евросоюза. В других крупных политических вопросах националисты не только расходятся, но часто враждуют между собой.

Многие, но далеко не все, требуют распустить НАТО и покончить с гегемонией США в Европе. Многие – но не все – искренне отказались от враждебности к Израилю. Израильской дипломатии удалось наладить союзнические отношения с большинством националистических партий Европы. 35 лидеров этих партий были приглашены в конце 2010 года в Израиль и заседали в ложе почёта в кнессете. Среди них много недавних бескомпромиссных антисемитов.

Лидер “Партии Свободы Австрии” сорокалетний Гейнц Христиан Штрахе (Strache) был среди тех, кто заседал в кнессете. Штрахе ведёт борьбу и выигрывает выборы под популярным лозунгом “Отстоим Запад для христиан”. Докладывая в парламенте о поездке в Израиль, он призвал искать реальные пути разделения и примирения между палестинцами и израильянами. Штрахе резко критиковал близорукость и беспомощность Евросоюза за попрание европейских интересов в Косово, ставшего исламистским криминальным анклавом вблизи Австрии. Он призывает выйти из Евросоюза, изгнать “новых турецких захватчиков”, а заодно чеченцев и цыган, наводнивших уютную Австрию. На выборах в городское собрание Вены в 2010 года партия Штрахе заняла второе место. Эта крупная победа в столице досталась националистам несмотря на то, что влиятельная в стране католическая церковь пока воздерживается от прямого сотрудничества с ними.

В странах Восточной Европы сильны откровенно профашистские партии в Венгрии: хортисты, набравшие на выборах в парламент 16% голосов, в Хорватии – сторонники гитлеровского союзника Анте Павлича.

Националистам не удалось договориться, выступить единой группой партий на выборах в Европарламент. Большинство экспертов считают, что они пока не могут на выборах взять власть. Кроме двух, возможно, трёх партий, таких, как Национальный фронт Франции и партии Свободы в Нидерландах и Австрии.

Вместе с тем едва ли среди десятков националистических партий Евросоюза есть две другие, которые бы отличались так резко и явно, как партия Свободы Нидерландов и Национальный фронт Франции. Они, можно сказать, олицетворяют два главных течения, две ветви нового популистского национализма. Остановлюсь поэтому на их программах и деятельности несколько подробнее.

* * *

Партия Свободы в такой ультралиберальной стране, как Нидерланды, добилась на выборах решительного прорыва. В марте 2010 года она заняла третье место, нанесла поражение либералам, которые вынуждены были пригласить националистов в правительство и отдать им важнейшие министерства. Партию возглавляет Герт Вильдерс (Geert Wilders). Благодаря мировым СМИ он быстро стал известен на Западе. Герт Вильдерс олицетворяет партию, как у нас В. В. Жириновский. В ней не видно ни других лидеров, ни самих партийцев.

Вильдерс победил на выборах, получив известность в результате упора на исламофобию. Он выступает за принудительную депортацию мусульман из Европы в те страны, откуда они или их родители пришли. Всех их он считает

“зелёной пятой колонной”, которая ударит в спину “иудеохристианской” цивилизации Евросоюза. Его программа исходит из неизбежности столкновения цивилизаций, потому что ислам для партии Свободы – это неонацизм; “Братья-мусульмане”, рвущиеся к власти в Египте, Сирии, Ливии, Судане, Турции, были союзниками Гитлера. Коран – это новый “Майн кампф”, да и вообще религия Мухаммеда – тоталитарный культ, который не совместим ни со свободой, ни с демократией.

Партия Свободы стоит на страже атлантической солидарности. Она за прочный союз с Америкой, особенно с неоконсервативным крылом её истеблишмента. Сам Вильдерс – последовательный сторонник и защитник Израиля, “дарованного Всевышним еврейскому народу за шесть миллионов жертв, холокоста”. Г. Вильдерс за последние 25 лет 40 раз посещал Израиль, восхищается его достижениями, называет его “колыбелью западной цивилизации”, борьбу израильтян с арабами – первой линией европейской обороны. Его лозунг – “Израиль уже воюет за нас”. Он призывает Запад к новым крестовым походам.

Можно ли представить градус ненависти, который вызывает Вильдерс у мусульман?⁹ Естественно, он должен находиться 24 часа в сутки под усиленной охраной. Напротив, среди неоконсерваторов Вильдерс получил беспрецедентную и безусловную поддержку. О желании сотрудничества с ним высказались влиятельные в США политики, такие как Даниэль Пайп, Дэвид Хоровитц и прочие неокконы, а главное – мощная организация Республиканская еврейская коалиция.

Отношение к исламу в США – тема крайне сложная. Она присутствует в программах многих общественных организаций этой страны, ставшей, по Евангелию, “домом, разделившимся в самом себе”. Несмотря на жертвы теракта 11 сентября в США даже националисты осуждали исламофобию в Европе. В стране 7–9 млн мусульман, то есть не более 3%, и они сравнительно быстро интегрируются в американском “плавильном котле” наций. Коренная трудовая “одноэтажная” Америка ещё верна христианским заповедям, и на любых выборах для тихого американца важны три темы: Бог, владение оружием и неприятие гомосексуализма как содомии. Но у правящей “многоэтажной” Америки противоположные установки: ей не нужен христианский Бог; для неё опасно оружие в руках народа; она добивается полного равноправия гомосексуалистов. В трудовой Америке уважение к мусульманам объясняется тем, что они тоже верят в своего Аллаха и потому тоже считают, что содомиты подрывают здоровье общества. Это отношение к мусульманам и к исламу в гуще американского народа существенно не изменилось даже после 11 сентября 2001 г. Это взвешенное, разумное отношение к мусульманству среди коренных американцев совпадает с новым курсом президента Барака Обамы, который пытается возродить старую, проверенную временем британскую имперскую стратегию – “никогда не ссориться с исламом”, а если удастся, то оседлать его нынешнюю пассионарность. Для Обамы это, конечно, крайне “тесные врата”, потому что вопрос о безусловной поддержке Израиля был для всех президентов США, после президента Никсона, важнейшим вопросом не только внешней, но и внутренней политики. Отступление от этой политики чревато для властей печальными последствиями.

Под влиянием СМИ отношение американцев к мусульманству с лета 2010 года стало меняться к худшему. Им ежедневно преподносятся факты исламского террора, повторяют, что 75% всех мечетей в США находятся под влиянием ваххабитов и паломников, совершивших хадж в Саудовскую Аравию. Приводятся подсчёты, что даже если среди 7–9 млн мусульман, проживающих в США, только 2–3% являются ваххабитами, то это уже десятки тысяч потенциальных террористов, что радикальные исламисты господствуют в коранических школах и отравляют сознание умеренных мусульман.

Американцы действительно недоумевают, когда в университетах проводятся, например, конференции на тему “Конструктивная роль исламского права – шариата в западном обществе”. Затем им сообщают, что Ассоциация мусульманских студентов-правоведов и их профессор г-жа Асифа Кураиши (Asifa Quraishi) предлагают властям не откладывать введение в американскую судебную систему “местных мусульманских трибуналов”¹⁰, то есть создавать

⁹ Об этом см. мусульманский сайт <http://resistance.musulmane.overblog.com>.

параллельную систему шариатских судов. Это и другие подобные требования некоторых мусульманских активистов, конечно, никогда не будут властями даже рассматриваться, ибо они антиконституционны. Но даже само их провозглашение представляется американцам серьезной угрозой устоям государства и общества.

Американцев возмущает, что государственный секретарь Хилари Клинтон включила профессора Асифу Кураиши в делегацию США в Комиссии ООН по статусу женщин в обществе. Пресса причислила её за это к числу “полезных для исламистов идиотов”. Примиренческие акции властей дали повод СМИ провести мощную кампанию по разоблачению “изуверских” норм шариата, в частности, по отношению к женщинам.

Примиренчество властей объясняется стратегической задачей Вашингтона перекроить карту Ближнего Востока, поставить под контроль США его энергетические ресурсы. Карта арабских революций, между прочим, полностью совпадает с проектом “Большого Ближнего Востока” неоконцов, разработанным ещё при президенте Дж. Буше. В первую очередь ставится задача разрушить последние очаги арабского социализма. Поэтому особенно большая помощь оказывается повстанцам в Ливии и в Сирии. Устраняют от власти таких правителей, как египетский и йеменский президенты. Они, погрязнув в коррупции, стали менее управляемыми. С помощью Саудовских вооруженных сил жестоко подавляют восстание в Бахрейне. Там находятся главная военноморская база и командование США в Персидском заливе, а шиитское большинство Бахрейна симпатизирует и тянется к Ирану. Ясно, что, осуществляя проект перекройки Ближнего Востока, надо любым путём задобрить мусульман, вплоть до примирения с талибами, потому что “они всё-таки не аль-Каида”. Примиренчество доходит до того, что вашингтонская администрация готова была поддержать строительство мечети в Нью-Йорке, в нескольких сотнях метров от того места, где стояли небоскребы, взорванные 11 сентября 2001 года. Возмущённые американцы саркастически предложили тогда воздвигнуть и для японцев пагоду на Гавайских островах в Пёрл-Харборе.

Однако эти показательные примирительные жесты не достигают цели. *Исламисты считаются только с силой и насмеваются над Америкой.* Радикальный британский имам А. Шудари, прибыв в США, сделал такое заявление: скоро ислам победит и в Америке, и первое, что надо будет сделать – это одеть на статую Свободы паранджу, потому что ислам строго запрещает идылы и статуи. После введения в Америке шариата, – обещал имам, – мы взорвем эту Статую Свободы и на её месте воздвигнем минарет “как великое напоминание всем о превосходстве Ислама над всеми прочими религиями и другими образами жизни”¹¹.

Эта наглая выходка потрясла американское общество, пелена спадает с глаз. А в России народ по-прежнему безмолвствует. Ни власти, ни общественность не замечают не менее наглые лозунги исламистов на Северном Кавказе, такие как: “русские, не уезжайте, нам нужны рабы”. И это не бравада вахабитов, а горькая правда. Кто в России опечалился или просто знает о трагедии терского казачества, самобытного народа, которым восхищался Л. Н. Толстой? Куда бежали 300 тысяч жителей терских станиц? Русских людей в них почти нет, оставшиеся старики живут на своей земле в вечном страхе. В Америке, напротив, выходки исламистов мобилизуют граждан. Уже 10 лет в этой стране предострашаются террористические акты. Отношение к исламистам быстро ухудшается. Конгрессмен Питер Кинг в феврале 2011 года предложил провести в Конгрессе слушания о причинах “радикализации мусульман в Америке”. Левые организации и исламисты Нью-Йорка заблокировали офис конгрессмена Кинга, организовали протесты против обсуждения этой темы. В ответ представители 25 неправительственных организаций США направили спикеру Конгресса письмо с объяснением, почему это обсуждение в Конгрессе срочно необходимо: во всём мире, в том числе и США, наблюдается быстрый рост радикальных, политически непримиримых исламистских ячеек. Среди подписантов и Сионистская организация, и Организация мусульман против шариата.

¹⁰ <http://hacari.org.YRCARI>.

¹¹ <http://www.hrcari.org> Human Rights Coolition Against Radical Islam, 1 March 2011.

Исламистские провокаторы оказывают неоценимую услугу таким исламофобам, как Герт Вильдерс. Прибыв в США, он был принят на высоком политическом уровне. И не только среди неоконгов, не только влиятельными еврейскими организациями. В Америке он выступил с проектом создания Международного Альянса Свободы, в который вошли бы все политические партии, которые разделяют взгляды и программу партии Свободы Г. Вильдерса относительно выселения мусульман. Пока, правда, выселяются с родных мест соотечественники Вильдерса – голландцы, по 120 тысяч в год. Многие переселяются в благополучную Северную Италию. Что им остается делать, если, например, Роттердам – крупнейший порт мира – стал преимущественно мусульманским городом. Они не чувствуют себя дома в своей Голландии! У голландцев, шведов, немцев нет “вековой уживчивости русских”. На это и рассчитывает Г. Вильдерс: сеть антиисламских партий он пытается разбрасывать прежде всего в странах северной Европы, в Германии, Америке, Канаде.

Быстрый рост националистических настроений наблюдается в последние 5–7 лет и в Англии. В этом бастионе либерализма, расчетливой терпимости и космополитизма уже давно господствует финансовый капитал. Крайне правые партии никогда не имели здесь заметного влияния. Открыто расистский Национальный Фронт Великобритании распался ещё в 80-е годы. Реформу правого движения начал его бывший член Джон Тиндаи. Он основал в 1982 году Британскую национальную партию (БНП). Однако его популизм был слишком робким. С 1999 года эту партию возглавляет энергичный Ник Гриффин (Nick Griffin), который вырастает в политика национального масштаба.

Гибкий политик, Ник Гриффин увёл БНП от открытого антисемитизма. Отрицание холокоста снято с повестки дня. БНП в 2010 году объявила, что главным врагом английской нации является ислам. Конституция Британской национальной партии, принятая в апреле 2010 года, гласит: “Мы обязались остановить и повернуть вспять иммиграцию, как и миграцию народов в наше Британское Отечество, то, что было допущено с 1948 года без какого-либо ясно выраженного согласия коренных британцев”¹². Когда Ника Гриффина спросили, почему он и его партия с крутого антисемитизма так быстро перестроилась на исламофобию, он объяснил это так: “Владельцы СМИ охотно принимают и развивают тему опасности ислама. Что толку атаковать могущественную группировку сионистов? Пресса всё равно поднесёт публике все наши доводы как атаку “на бедного маленького портного Маню Коэна, которого мы опять хотим затолкнуть в газовую камеру”... Для нас это тупик, более того – это распад. Это замкнуло бы нас в коробке”.

И действительно, в Англии среди образованных людей считается неприличным обсуждать тему антисемитизма. Еврейские общины как-то спокойно за многие десятилетия интегрировались в английское общество. Иное дело мусульмане и все прочие иноверцы и инородцы. Ник Гриффин называет их цветными, чёрными, оливковыми и подтверждает, что “программа БНП предполагает депортацию всех в их страны. И не только недавних иммигрантов, но все крупные азиатские и вест-индские сообщества”. Лидер Британской национальной партии обещает, что если его партия придет к власти, то 99% населения страны будут составлять белые – коренные англичане, ирландцы, шотландцы и прочие кельты. Помимо мусульман и чёрных он указывает ещё и на другого не менее опасного врага нации – на “доморощенных англосаксов и кельтов, ставших либералами и леваками”. Они для него враги, которые намеренно разрушают семью – основную ячейку любого общества. Они, – протестует Н. Гриффин, – довели старую добрую Англию до того, что в 2010 году 100 тысяч коренных британцев перешли в ислам, две трети из них женщины.

Тысячи коренных европейцев переходят в ислам по причине духовной опустошённости, в атмосфере, когда идёт целенаправленное искоренение даже остатков христианской символики. Например, снимают кресты в школах и больницах, во Франции ребёнка с крестиком просят его снять, постепенно закрывают христианские учебные заведения. Расстояния в наше время исчезают, а ислам и его активные проповедники рядом. Часто именно они готовы

¹² British National Party Constitution as of April 2010.

протянуть руку помощи обездоленным и одиноким. Раньше религия определялась рождением. Ныне – всё чаще её выбирают по достижении совершеннолетия. Христиане уже долго молча отступают в своих епархиях. Ислам ныне становится “ловцом человеков”, захватывает всё новые заброшенные души европейцев.

Избирателям приходится по душе откровения Ника Гриффина. И не только потому, что они устали от массовой иммиграции, но и потому, что он резко и часто по делу критикует Евросоюз, брюссельских бездельников-бюрократов и обещает вывести Великобританию из этой бесплодной организации. “Черчилль был бы членом БНП”, – доказывает он британцам, которые чтят память Уинстона Черчилля, одного из вождей коалиции, сокрушившей фашизм и его расовую идеологию. *Британская национальная партия являет наиболее четкие черты нарождающегося в Европе, пока ещё маскирующегося расизма.* Новый расизм не оперирует идеями и догмами классиков расиологии, таких, как граф А. Гоббино, Д. Чемберлен, В. Ляпуж или Ламброзо. Новый расизм уже не выглядит как патология. Теперь это “этноцентризм”. В нём не выставляется догма превосходства какой-либо расы, а упорно доказывается, что у разных народов и рас должен быть свой дом, что смешение рас из-за глобализации преждевременно, как и сама глобализация. Европа для европейцев. Азия – для азиатов. Так писал колониальный поэт и политик XIX века Р. Киплинг: “небо и земля прейдут, нежели сойдутся Восток и Запад!” А если сойдутся, то это и будет столкновением цивилизаций.

Расизм возвращается, он не умер, а затаился и ныне в новых одеяниях выходит на сцену истории¹³. Расизм, как и прочие виды ксенофобии, это процесс формирования в сознании обывателей символического образа чужака, разрушающего национальную идентичность. Он коренится в стремлении сохранить свою кровь, свою землю (Blut und Boden), не допустить смешения цивилизаций. Он проявляется в намерениях любыми средствами обеспечить свою защиту и безопасность нации.

В ответ бурно растёт “чёрный”, “жёлтый” мусульманский расизм в Азии и Африке, а также в среде мигрантов. Исчезают остатки прежнего почтения к людям Запада, уходит в прошлое вера в их превосходство. Окончился век триумфа технологий, век евроцентризма. Беда в том, что у Запада везде перевес сил, кроме духовной сферы! Капитализм вообще, а финансовый капитал особенно, убивают христианство, дегуманизируют общество, человек становится товаром в обществе рыночной демократии. Он теперь определяется не по имени, а по номеру, по банковскому счёту. Так он и зашифрован в недрах компьютера. Исламисты знают это, знают, что дехристианизация обрекает западную цивилизацию на духовное бесплодие и трагедию увядания. Они рассчитывают возглавить космополитический пролетариат планеты, предложить ему ислам как вершину веры и богопознания. *Запад с его сугубым индивидуализмом и эрзацем религии не способен объединять человечество. Остаётся только надеяться, что именно этот грозный вызов ислама воскресит в Европе угасающее христианство.*

* * *

На волне исламофобии укрепляются националистические Датская народная партия, Швейцарская народная партия, партия прогресса Норвегии и многие другие. Однако на националистическом и популистском небосводе выделяются две звезды – “новый патриотизм” в Германии и Национальный Фронт (НФ) Ле Пена во Франции. Именно они выступают локомотивами общеевропейского национализма. Новый патриотизм в Германии пока ещё не оформился в какую-либо массовую националистическую партию, но почва для неё давно готова. Немцы отрешиваются от двенадцати лет фашизма, от Гитлера, осознают свою вину за великие жертвы войны. Политика денацификации держав-победительниц принесла свои плоды. Но в сознании немецкого народа остаются всем известные вещи слова Сталина: “Гитлеры приходят и уходят, а Германия, а народ немецкий остаётся”.

¹³ См. по этому поводу: Alberto Burgeo. Il ritorno del rascismo in Europa, М. 2006 и статью Shlomo Sand “From Judophobia to Islamophobia”. In: Jewish Quaterly 2010, p. 215.

Три поколения немцев обречённо размышляют о том, почему историю их страны мировые СМИ сводят только к гитлеровскому, нацистскому прошлому. Немецкая нация внесла весомый вклад в мировую культуру. Третий рейх Гитлера – тёмная страница в её истории, но ведь был и второй рейх. Взоры немцев всё чаще обращаются к Бисмарку.

Либеральная элита, более полувека господствующая в Германии, отчаянно боится возрождающегося патриотизма. Она, под влиянием Вашингтона, десятилетиями искореняла его. А в итоге получила нарастающий народный отпор. Немцы теряют уважение к либералам-атлантистам, многие рассматривают их как клеветников Вашингтона, где в коридорах власти засели неоконсерваторы – неконы. Они и вершат судьбу Германии и всего Евросоюза. Либеральные СМИ безуспешно убеждают уже третье поколение немцев: как можно любить Германию, вспомните Гитлера?! Как можно любить современную Федеральную Республику Германию, уже 65 лет оккупированную американцами? – отвечают им идеологи нового патриотизма.

Как и в других странах, две темы стали близки массам в Германии: во-первых, опасность исламизации и, во-вторых, выход Германии из Евросоюза. Настроение немцев такое: почему мы, дисциплинированные, трудолюбивые, честные люди, должны оплачивать долги греков, ирландцев, португальцев? Зачем ввели искусственную преждевременную валюту евро?! Немецкая марка была самой надёжной валютой мира. Ее отменили во вред немецкому народу бюрократы Евросоюза. Они наделали массу других глупостей, и поэтому Евросоюз распадается.

Бывший президент Федерации немецкой промышленности Г. О. Хенкель, спасая евро, выступил с планом введения двух зон евро: первую с твёрдым евро в Германии, Франции и в странах Северной Европы, и вторую зону менее устойчивого евро для стран Южной Европы. Следует, видимо, ожидать, что, когда настроения нового национализма в Германии оформятся в организованную целенаправленную силу, колесо истории ускорит бег во всей Европе. Во всяком случае, националистические настроения легко найдут отзвук в соседней Франции.

* * *

Франция стала той социальной лабораторией, в которой зародился, развивался и окреп массовый, то есть популистский национализм Европы. Колыбелью его стал Национальный Фронт, 40 лет неразрывно связанный с именем своего харизматического лидера Жана Мари Ле Пена. Бретонец, католик, десантник, участник нескольких колониальных войн 50-х – 60-х годов, Ле Пен стал самым популярным оратором и, пожалуй, одним из самых видных политиков Франции. Он и его многочисленные сподвижники осознали необходимость убедить французский народ в том, что Национальный фронт не экстремистская правая организация, оторванная от реальной политики, что таким его изображает продажная пресса, ультралиберальные СМИ, которые кормятся из рук заокеанского фининтерна. Лидерам Национального фронта удалось прорвать информационную блокаду и с 60-х годов активно участвовать в общественной жизни Франции.

Ле Пен первым начал борьбу против Европейского Союза – “врага всех европейских наций”. У него такие доводы: финансовый капитал использует возможности единого общеевропейского экономического пространства и запрограммировал бюрократов Евросоюза на ослабление и постепенное отмирание европейских наций и их главных защитников – национальных государств. Ле Пен был в авангарде тех сил, которые выдвинули лозунг борьбы за Европу наций. *В отличие от большинства новых националистических партий Национальный Фронт Франции стал массовой партией не на платформе исламофобии, а благодаря упорной борьбе против политики Евросоюза.* Ле Пен в своих выступлениях доказывал, что именно бюрократы Евросоюза ответственны за массовую мусульманскую иммиграцию. Они организовали её не только в погоне за дешёвой рабочей силой, но и как мощное орудие смешения наций, разрушения национальных государств, как эффективное средство ускоренного превращения наций в безликое население потребителей. Такая оценка Евросоюза стала тем ключом, который открыл Национальному

фронту Франции путь ко всем классам, ко всем социальным группам, к сердцам французов всех возрастов. Ле Пену удалось собрать под свои знамёна многие выдающиеся умы из среды патриотически настроенной интеллигенции Франции.

Идеологи Фронта, пройдя через гонения и ошибки, сумели создать довольно привлекательный бренд популизма, вобравший католицизм, традиционный и современный консерватизм и радикальный модерн. Органический, интегральный национализм этой партии возвращает умы французов к забытым в подполье и забытым идеям Ш. Марраса и Ш. Барреса (Ch. Maurras et Ch. Barres). Опираясь на классиков национализма, фронт пытается мобилизовать французов на борьбу против главного врага нации – против глобализации (по-французски *mondialisation*).

Обычно официальная политика успешной партии представляет собой компромисс между различными политическими группировками и течениями, вливающимися в эту партию. Взгляды и установки различных течений отражаются в зависимости от внутрипартийного баланса сил и от меняющейся политической обстановки в стране и мире. В течение 40 лет Национальный Фронт Ле Пена собирал и перемалывал десятки протестных движений и группировок. Центральное место в сложной идеологической платформе Национального фронта занимает интегральный французский национализм. Величие Франции, её истории и культуры немислимы, – считают идеологи НФ, – без традиционного католицизма. В НФ вливались, растворялись или отпочковывались антисемиты, неонацисты, неопоганисты, монархисты, вишисты, то есть сторонники осуждённого маршала Петэна, расисты, доказывавшие превосходство белой или даже только германской расы, разоблачители «иудеохристианской цивилизации», ревизионисты холокоста и многие другие.

Лидеры и ведущие теоретики НФ и среди них соратники Ле Пена – Алэн Сорель, Бруно Гольниш, Жан Одри, Бруно Гре, Бруно Мэгре¹⁴ настойчиво направляли все эти разноплановые экстремистские и экзотические идейные течения на укрепление националистического ядра идеологии НФ.

Опираясь на их аргументацию, НФ атакует основные устои французского общества. Лидеры НФ осмеливаются, например, ставить под сомнение «обожествление прав человека», доктрину, выдвинутую Великой Французской революцией. Они считают, что неумеренная пропаганда прав человека ведёт к забвению обязанностей, к крайнему индивидуализму, потребительству, гедонизму. Это «обожествление» открыло границы Европы для миллионов иммигрантов, которые, согласно канону, имеют право жить там, где они выберут, пользоваться социальными пособиями, которых они не заработали. Правительство обвиняет лепеновцев: вы расисты! Ле Пен и его теоретики отвечают: это вы – власть предрержащие, вы расисты, потому что сознательно уничтожаете французскую нацию и её государство.

НФ Ле Пена настаивает на принципе «Франция прежде всего для французов» (*preference nationale*). В 80-х годах Ле Пен требовал внести в конституцию следующее добавление: «Французская республика применяет принцип преимущества своих граждан в отношениях с иностранцами». Власти сочли это нарушением прав человека. Но во многих странах этот принцип негласно, без шума уже применяется. Отражая настроения значительной части французов, НФ объявил мусульманские пригороды опорой исламистского экспансионизма, который ведёт по всему миру «геокультурную и геополитическую войну Юга против Севера». С точки зрения некоторых теоретиков НФ вера в умеренный ислам – это самообман, позиция страуса. Ислам двуличен, – уверяют они, – он веротерпим, пока не окрепнет, но, набрав силу, он начинает притеснять иноверцев, становится агрессивен в отношении соседей. Отрицательное отношение к европейскому исламу даёт НФ на выборах всё большее число голосов. Ле Пен ещё в 1985 году заявлял, что сфера деятельности для внешней политики Франции начинается в пригородах Парижа, Лиона, Марселя. На президентских выборах 1993 года он предложил рассчитанную на семь лет программу принудительной репатриации миллионов мусульман. Сохранять национальную идентичность надо не на чужбине, а дома! Ле Пен предлагал иностранным правительствам, которые поддержат репатриацию, большую финансовую помощь. Программа предусматривала полный отказ от

¹⁴ Alain Sorel, Bruno Gollnisch, Jean Hauary, Bruno Gret, Bruno Megret, etc.

иммиграции, запрет на воссоединение семей иммигрантов (воссоединяйтесь у себя, в своей стране!), немедленную высылку безработных иммигрантов, высылку за малейшее правонарушение, ограничения при натурализации, свёртывание программ социальной помощи, в том числе пособий, закрытие национальных школ.

НФ считает, что особенную опасность представляют проводимые по всей Европе реформы образования. Все они нацелены не на приобретение учащимися знаний, а на изменение их жизненных ценностей в пользу потребления. В итоге должен быть возведён единый “новый мировой образовательный порядок”. Ле Пен настаивает, что школа не должна воспитывать индивидуалистов, потому что подлинным фундаментом государства, главной ячейкой нации является не индивидуум, а семья. Программа НФ предусматривает запрет аборт, однополых браков, ограничение разводов.

В вопросах, касающихся нравственности, семьи и школы, ведущую роль играет весьма влиятельное католическое крыло Национального Фронта. Среди его требований – всемерное укрепление французской семьи. Такая семья должна воспитывать в детях ответственное отношение к жизни, иметь не только права, но и обязанности. Программа НФ предусматривает материальную помощь многодетным родителям. Обсуждается вопрос о предоставлении на выборах многодетным родителям дополнительных голосов, равных числу их детей. Среди прочих предложений – поддержка частных католических школ; в государственных школах – укрепление дисциплины, улучшение преподавания французского языка и защита его чистоты; увеличение количества часов для изучения литературы, истории и культуры Франции. НФ намерен переименовать улицы в духе культурного национализма. Это требование вытекает из того, что яркая французская культура вытесняется глобальной массовой культурой.

Бескомпромиссно требование НФ восстановить смертную казнь за такие тяжкие преступления, как распространение наркотиков, терроризм, убийство, рэкет. НФ настаивает на недопустимости географической концентрации иммигрантов, поскольку она питает не только становление параллельного французскому мусульманского общества, но плодит “этнические банды”. *Эти банды фактически подрывают суверенитет французского государства. Государство, которое не способно оградить своих граждан от “этнических банд”, не заслуживает доверия своих граждан.*

Процент всевозможных правонарушений среди иммигрантской молодежи действительно весьма высок.

Национальный Фронт предпринял особые меры “против своей демонизации” в СМИ. Те давно обвиняют Ле Пена в расизме. Во Франции это тяжкое обвинение, так как история Франции являет пример терпимости, гостеприимства и дружбы между народами. НФ отказался поэтому сотрудничать с Британской Национальной партией Ника Гриффина, которая имеет стойкую репутацию расистской. Однако некоторые выступления лидеров НФ и его документы дают основания подозревать, что ещё крепки позиции расистских теоретиков. Дело не в том, что многие в НФ выступают против смешанных браков, против метисизации, а в том, что очень многие его члены склонны рассматривать евгенику как способ улучшения генетического потенциала нации. В Манифесте НФ от 1993 года, например, говорится: “Мы привержены защищать нашу национальную идентичность, нашу страну; мы защитники нашего наследия в самом широком его понимании – биологического (подчёркнуто мною. – **Б. К.**) культурного, природного”¹⁵. Сохранение “биологического наследия” не сводится к умерщвлению неисправимых рецидивистов. Оно должно стать средством сохранения здорового генетического фонда нации и выведения биологически наследственной аристократии.

* * *

Что касается капитализма, то его критикуют и коммунисты, и социалисты, и католики, и необоапартисты, и неофашисты. Но у Национального фронта критика капитализма аргументирована как необходимость покончить

¹⁵ Bonnafé and Tort, 1992.

с англосаксонской моделью господства финансового капитала, с олигархией. Со всевластием банков нельзя более мириться, число их должно быть значительно сокращено, а оставшиеся поставлены под контроль государства и общества. Свобода торговли не должна вести к установлению в мире “торгового строя”.

В программе НФ защита сельского хозяйства, поддержка французского фермерства, постепенно, целенаправленно уничтожаемого с помощью Всемирной торговой организации. Французское крестьянство считается основой нации, первоисточником и хранителем национальной идентичности. НФ обещает рабочему классу достойное место в обществе, которого рабочие и служащие никогда не получают при “американизированном бездушном спекулятивном капитализме”. В нём рабочие и служащие выступают не более чем винтики гигантских транснациональных корпораций. НФ протестует против культа денег, против того, что в рыночном обществе прибыль, норма прибыли являются критерием добра и зла. Он критикует и социализм, который вводит уравниловку, тотальное огосударствление средств производства, директивное планирование. Теоретики Национального Фронта претендуют на то, что они готовы предложить французам свой “третий путь”, отличный и от капитализма, и от социализма. Они называют этот путь “корпоративизмом”. Корпоративизм НФ отрицает классовую борьбу и строится на взаимовыгодном сотрудничестве труда и капитала. Интегральный национализм означает единение и братство людей одной нации.

В программе политического устройства НФ встречаем основательную критику парламентаризма, выборов, в которых судьбоносные вопросы нации решают плохо информированные и обманутые избиратели. Как и другие европейские националистические партии, НФ противопоставляет таким выборам народные референдумы по конкретным вопросам, например, строить или не строить минареты в Швейцарии, разрешать или запретить аборт, отменить или снизить налоги и т. д. Референдумы должны практиковаться и на местах – в департаментах и коммунах. Оставаясь приверженцами республиканского строя, некоторые идеологи не исключают в будущем возвращение Франции к “просвещенной монархии”. Монарх должен управлять, опираясь на учёных. Особо непримиримую позицию НФ занимает в отношении коррупции: она должна искореняться огнём и мечом. Среди постоянных требований – сокращение чиновничества, особенно юристов, адвокатов, журналистов, справедливое распределение телевизионного времени между партиями и общественными организациями.

После развала СССР НФ увидел в изменении общественного строя в России новые возможности для создания Европы наций, согласно деголлевскому завету “Европы до Урала”. Отказ от Евросоюза означал бы выход из НАТО. НАТО, как и ВТО, не нужны Европе, – заявляли ещё в 90-е годы идеологи НФ. Европе нужна своя европейская армия и двусторонние отношения между государствами. НФ последовательно выступал против американских авантюр в Ираке в 1991-м и в 2003 годах, в Афганистане и ныне в Ливии.

Как видим, Национальный Фронт уже несколько десятилетий действует согласно основательно аргументированной, всесторонней и гибкой программе. В лице его лидера Ле Пена правящие партии и власти Франции имеют серьёзного противника. Число избирателей, поддерживающих НФ, постоянно растёт – с 5% в 70-е годы до 15–18%. Всё большее число мэров и депутатов местных органов власти становятся членами НФ. На президентских выборах 2002 года Ле Пен набрал больше голосов, чем кандидат от правящей социалистической партии. Победил Жак Ширак, политика которого тогда ещё воспринималась французами как голлистская, верная заветам Шарля де Голля.

Национальный Фронт успешно выступал и на региональных выборах Франции в 2010 году, собрав 15% голосов. После этого стало ясно, что, несмотря на обилие проблем, порождённых финансовым кризисом, на первый план в ходе подготовки к президентским выборам 2012 года выйдут темы иммиграции и европейского ислама. Правительство оказывается по этим вопросам под огнём и правых, и левых. Оно вынуждено скрывать насилия этнических банд, статистику относительно иммигрантов. Действительно, мало кто во Франции даст вам ответ, сколько в стране иностранцев, сколько среди них мусульман. Иногда вам скажут, что каждый 20-й уже рождён не во Франции, или назовут цифру от 3 до 8 млн иммигрантов. Но вот в газетах Национально-

го Фронта появляются сообщения, что “патриоты-чиновники” передали Ле Пену засекреченные статистические данные: в 2010 году число только легальных иммигрантов во Франции увеличилось на 198604 человека, из них 118 тысяч натурализовались и 81 тысяча добавилась за счёт воссоединения семей. Реакция миллионов французов отражена в таком типичном письме: “Я не сторонник Национального Фронта, но если во Франции нет другой силы, другой партии, которая бы серьезно занялась исламом и иммиграцией, которая подрывает и разрушает Европу и Францию, я буду голосовать за Ле Пена”. Однако всё большее число французов задают вопрос, что у нас за демократия, если Национальный Фронт, за который голосует 15–20% избирателей, ни разу за 40 лет не был представлен в парламенте – в Национальной Ассамблее?!

* * *

Стареющий лидер НФ Ле Пен успел подготовить преемника. Его младшая 42-летняя дочь Марин Ле Пен уже многие годы выступает как опытный самостоятельный политик, в некоторых вопросах не согласный с отцом. В 2005 году она пригрозила выйти из НФ, если отец будет настаивать и утверждать, что гитлеровская оккупация не была чрезмерно жестокой, или что холокост был лишь эпизодом общей трагедии.

Однако еврейская диаспора остаётся настороженной и не спешит снимать с Национального Фронта “клеймо Каина”. Марин Ле Пен, видимо, и не рассчитывает на поддержку этой диаспоры. Она не поехала в Израиль в группе 35-ти представителей правых европейских партий, торжественно принятых в кнессете. Критикуя Израиль за постройку новых поселений, она заявила, что “НФ всегда был сионистским, так как постоянно защищал право Израиля на существование”. “Но, – добавила она, – я хочу ясно и недвусмысленно заявить, что мы имеем право критиковать государство Израиль, как и любое другое суверенное государство, и не должны за это считаться антисемитами”¹⁶. НФ выступает за создание палестинского государства. Эта позиция НФ в новой обстановке, складывающейся в Европе, встречает поддержку избирателей и даёт НФ много голосов.

Когда в январе 2011 года в Туре собрался национальный конгресс НФ, Ле Пен, уходя в отставку, рекомендовал дочь потому, что “она шагает в ногу со временем”. Конгресс двумя третями голосов избрал Марин Ле Пен президентом Национального фронта Франции. В своей речи она заявила, что пришло время объединять всех патриотов – и левых, и центристов, и правых, что нужно идти курсом массовой народной партии. *Она особо подчеркнула задачу укрепления национального государства, которое является важнейшей частью души Франции*. Все прочие партии, – заявила она, – являются не патриотическими, а глобалистскими и не способны противостоять двум грозным силам, которые могут взорвать Францию. Она назвала эти две силы: европейская интеграция и массовая иммиграция. В интервью 18 февраля 2011 года она заявила: “Я согласилась стать президентом Фронта для того, чтобы стать президентом Франции. Мы должны взять власть и защитить французов... Франции реально грозит распад... Франция никогда не станет халифатом или исламским государством”. Популярность Марин Ле Пен даже выше, чем у отца: в марте 2011 года, спустя всего два месяца после занятия поста президента НФ, она при широких опросах собрала среди десяти политиков 23% голосов, больше, чем любой иной возможный кандидат на будущих президентских выборах. Больше, чем действующий президент Франции Никола Саркози и другая весьма популярная в народе женщина – глава Социалистической партии Мартин Обри.

К началу июля 2011 года опросы показали небольшое снижение её рейтинга. Марин Ле Пен в телепередаче элегантно объяснила французам, что это произошло в результате того, что она “была пару месяцев на медиатической диете”. Вице-президент НФ Луи Алио в июне сообщил, что за Марин Ле Пен, ставшей официальным кандидатом в президенты Франции, готовы голосовать в регионах от 18% до 22%. Особенно заметны её успехи среди рабочих и служащих, 40% и 30% которых соответственно собираются отдать ей голоса.

¹⁶ Occidental Observer, by Kevin Mac Donald, 11.01.2011.

В интервью прессе 25 февраля на сельскохозяйственной выставке Марин Ле Пен напрямую связала возведение Евросоюза и увеличение мусульманской иммиграции. В этом интервью она обвинила “правительства глобалистов” в том, что они “целенаправленно ускоряют иммиграцию, которая превратилась в какой-то сумасшедший процесс. Возникает вопрос, не является ли целью Евросоюза просто-напросто полностью вытеснить французов?” В интервью 1 мая она высказалась ещё более определённо: “Евросоюз осуществляет программу полного вытеснения французского народа”. Она пообещала, что если НФ придёт к власти, то число иммигрантов сократится в 20 раз. И пригрозила, что намерена сажать в тюрьму предпринимателей, которые в погоне за дешёвой рабочей силой будут нанимать нелегальных иммигрантов. Она также предупредила французов, что революции в арабских странах поднимут новую гигантскую волну, которая прибьёт к берегам Европы новые сотни тысяч и даже миллионы мусульман. Осудив интервенции Франции в Ливию и в других африканских странах, Марин Ле Пен предложила направить военные корабли для возвращения беженцев в Тунис, в Египет и в Ливию. В этой связи она положительно оценила роль России в ливийском конфликте: “... русские поступили мудро”. Неясно, правда, кого она имела в виду: позицию В. В. Путина или двусмысленную и невнятную политику Кремля.

Примечательна и позиция НФ и ее председателя в отношении экономического и финансового кризиса и роли Евросоюза. Марин Ле Пен настойчиво повторяет, что Францией и всей Европой управляет международная олигархия, что Евросоюз её орудие, с помощью которого она ограничивает суверенитет национальных государств: “Я считаю его тоталитарной организацией... он рассылает всем нам директивы, разрушает нашу экономику, подрывает наши бюджетные планы, наши валютные планы, вводит у нас модель, чуждую нашим жизненным устоям”, — заявила она в интервью телеканалу Евроньюс 18 февраля. На вопрос: Вы, придя к власти, вышли бы из Евросоюза? — Марин Ле Пен, не колеблясь, заявила: “Я полагаю, что Евросоюз уже мёртв, что он не более чем свет погасшей звезды”. Эту оценку в Европе поддерживают многие миллионы. Так что закат Евросоюза может стать второй после распада СССР геополитической катастрофой. К этому надо быть готовым.

В двухчасовых теледебатах 23 июня Марин Ле Пен вновь одержала победу, о которой газета “Эко” писала так: “В Национальном Фронте потирают руки. Вчера М. Ле Пен подвела катастрофические итоги [правления] Николая Саркози в таких сферах, как падение безопасности, иммиграция, кризис Евросоюза и его последствия для евро. Она обосновала концепцию “государства-стратега”, объяснила, почему нужно выйти из зоны евро, раскритиковала ультралиберализм, глобализацию и двойное гражданство”¹⁷. Она заявила также, что НФ, придя к власти, введёт систему экономического протекционизма и восстановит французские вооружённые силы. Когда ей отвечают, что за протекционизм ныне выступает и правящая партия и даже социалисты-глобалисты, она парирует, отмечая, что президент Николя Саркози систематически заимствует из программы НФ всё новые и новые положения, но ни одно из них не реализовал.

Во Франции после этого выступления началась оживлённая дискуссия о выходе из зоны евро. Президент лично счел нужным выступить с объяснением, что евро — это фундамент Евросоюза, что Марин Ле Пен занимается демагогией, так как возвращение Франции к национальной валюте франку приведёт к его девальвации, а долг страны в 1500 миллиардов евро останется в евро и увеличится из-за девальвации в два-три раза. Марин Ле Пен поправила президента, назвав большую сумму долга — в 1650 миллиардов евро. То, как она аргументирует необходимость выхода Франции из зоны евро, даёт основание считать, что эту сложную меру обосновывали крупные специалисты, работающие над программой НФ. Марин Ле Пен, отвечая президенту, согласилась, что выход из евро приведёт к временному увеличению долга страны, но не в два-три раза, а на 12%. Девальвация увеличит доходы от французского экспорта, рост доходов оживит экономику, снизит безработицу, и Франция к 2025 году рассчитается с долгами. “Президент пугает простачков”, — заключила она.

В долгосрочных геополитических планах Национального Фронта особое внимание уделяется нашей стране. В интервью 1 мая *Марин Ле Пен заявила,*

¹⁷ L’Echos, 24 Juin 2011.

что Россия является “самым важным нашим союзником”, что “мы должны рассматривать Россию как европейскую цивилизацию, иметь с нею теснейшее экономическое и энергетическое сотрудничество... Мы и в истории были друзьями”. В этом же выступлении она сказала, что США совершают ошибку, продолжая холодную войну против новой России.

Считая Россию “важнейшим союзником”, лидеры НФ, видимо, рассчитывают на серьезные изменения, грядущие в России. Они осведомлены, что и в России господствует та же глобалистская олигархия, что правящая элита России ещё более зависима от “внешнего управления”, что она даже в большей мере, чем французская элита, антинациональна. В геополитических расчетах теоретиков НФ Россия видится в свете деголлевских идей о “вечной России” (*Russie eternel*) и о “Европе до Урала”. Прожив среди французов более трёх десятков лет, могу засвидетельствовать их живейший интерес к России и постоянную симпатию к ней. В памяти французов не только союз в двух мировых войнах, но и многовековое культурное сотрудничество. И эти симпатии и интерес взаимны. Это надо ценить и развивать.

В этой работе автор попытался беспристрастно разобраться лишь в некоторых проблемах Европы. Насколько обоснована перспектива распада Евросоюза? Верно ли, что ЕС уже мёртв, что это “свет погасшей звезды”? И вот к какому выводу пришёл. Ни мультикультурализма, ни плодотворного синтеза цивилизаций в Евросоюзе не получилось. Зреет взрыв. В начале XX века казалось, что религии навсегда уходят со сцены истории. Но нет! Они возвращаются! Ислам осваивает постхристианскую Европу. Исламисты знают, что дехристианизация Европы делает Евросоюз беззащитным, духовно опустошённым. Идеи “рыночной демократии”, глобализации, атлантического партнёрства не помогут европейцам сохранить свою цивилизацию, европейцу — свою личность. Однако вызов ислама европейской цивилизации уже встречает ответ. Отпор дают не правящие либералы-атеисты, но набирающие силу националисты. Велика, конечно, опасность, что среди них проснётся дремлющий расизм. Мысль о расовом превосходстве так привлекательна для озлобленных безрелигиозных душ. Расизм крайне заразен! К счастью, самые массовые националистические партии возвращаются к религии предков. Воистину, вызов ислама может воскресить угасающую энергию христианства.

Париж

ВЛАДИМИР ГРЕКОВ

КТО ОТВЕТИТ ЗА ЛИВИЮ?

Как взрывали страну

Напомним, как развивалась ситуация.

Резолюция 1973 была принята 17 марта 10 голосами “за” при пяти воздержавшихся, в числе которых были Россия, Китай, Индия и Германия. Ей предшествовало единогласное принятие 26 февраля резолюции 1970, вводившей санкции против Триполи и М. Каддафи в военной и финансовой области. Тогда много говорилось, больше в демагогическом ключе, что, мол, это – “хорошая резолюция”, и ей нужно “дать поработать”. Обычная ооновская кулуарная трепотня. Разглагольствовали большей частью американцы, поработали они и иже с ними тоже неплохо: оперативно вскрыли, в основном в западных банках, чуть ли ни сто с лишним миллиардов долларов вкладов “ЗАО “М. Каддафи и сыновья” и что-то еще более оперативно заморозили. При этом множество денег просто исчезло, уйдя в неизвестном направлении, только благотворительный фонд М. Каддафи в Британии потерял около 2 млрд фунтов, видимо, пошедших, как говорили в старину, “на известные цели”.

Одновременно резолюция 1970 ООН призвала ливийские власти “уважать права человека, обеспечить доступ международным наблюдателям, обеспечить безопасность всех иностранных граждан и их имущества, обеспечить доставку в страну товаров гуманитарного и медицинского назначения и доступ для гуманитарных учреждений и работников, отменить ограничения в отношении средств массовой информации”. Не слова, а песня, вот только исполнение изначально выглядело несколько странноватым.

Поясним: после принятия “первой” ливийской резолюции Совет ООН по правам человека на самом деле направил из Женевы в Ливию своих представителей для проведения расследования обстоятельств происшедшего в стране начиная с 17 февраля 2011 г. В эти же дни в Триполи с аналогичной целью прибыл спецпредставитель генсекретаря ООН по Ливии иорданец А. Аль-Хатиб. Ливийская сторона предоставила этим международным чиновникам все возможности посетить те места, в которых якобы были проведены массовые репрессии, расстреляны народные демонстрации и т. д. В первый день суровые международные представители проявляли интерес к поездкам по Триполи и его ближайшим окрестностям, тем более что ситуация там была абсолютно спокойной. В эти же дни, по всем местам, где, как заявляла “Аль-Джазира” и прочие телеканалы, имели место массовые расстрелы простых ливийских граждан, требовавших свободы и демократии, проехала группа послов, аккредитованных в Триполи, которые также не заметили ничего необычного и не нашли каких-либо следов столкновений и, тем более, массовых расстрелов. Тем, кто не верит этой информации, советуем поискать в интернете и почи-

тать письма с мест украинских врачей и медсестер, которых в Ливии, еще со времени распада СССР – великое множество, причем разбросанных по всей ее территории, и которые, будучи людьми простыми и честными, откровенно и правдиво опровергают ложь западных и арабских телеканалов. Заметим, что демонстрации в Триполи и многих других местах на самом деле были, однако абсолютное большинство из них проходило под лозунгами поддержки ливийского лидера и его линии.

Через два дня международные чиновники, честно отработавшие свой нелегкий хлеб, затребовали поездки на более удаленные расстояния, сделав акцент на желании посетить предместья Триполи, в том числе печально знаменитый город Завия, где на самом деле имели место вооруженные стычки с инсургентами, большинство из которых впоследствии оказались египтянами и палестинцами, проплаченными противниками М. Каддафи. Эта возможность была им предоставлена, ооновские представители проехали по городам и весям, проинспектировали все, что им показали, были готовы продолжать свою миссию, тем более что лидер ливийской революции выразил готовность принять спецпредставителя генсека ООН. Только вот незадача: то ли у кого-то в Европе стали сдавать нервы, то ли демократы-американцы решили кончать с ненужной демократией за пределами собственной страны – так или иначе, но вечером того же дня специалисты Женевского Совета были спешно отозваны из Триполи, а спецпредставитель генсека ООН срочно улетел на Мальту, где он якобы должен был встретиться с лидерами ливийских “повстанцев”. Про подобный контакт ничего не известно. На этом “объективное расследование” событий в Ливии представителями ООН было завершено, и к нему более не возвращались.

Казалось бы, прошло достаточно времени, пыль, возникшая после подрыва внутривосточной ситуации в Ливии в феврале-марте 2011 г., улеглась, и многое стало очевидным. Стоит почитать ряд оценок итальянских, английских, французских и даже американских обозревателей, которые достаточно объективно говорят о провокационном характере первых антиправительственных выступлений в Киренаике, на востоке Ливии, ангажированности в этом вопросе западных и ряда арабских столиц.

Чем дальше, тем виднее, сколь важную роль в том, что случилось в Ливии, сыграли электронные СМИ, различные медийные сети и особенно телеканалы. На общем фоне резко выделялся своим антиливийским настроем катарский телеканал “Аль-Джазира”, который, похоже, старался не за страх, а за совесть. И честно говоря, если люди в арабских странах весной 2003 г. – в дни незаконного англо-американского вторжения в Ирак – повсеместно отмечали его объективность и честность, то в январе-марте 2011 г. он вел себя в диаметрально противоположном ключе, во многом способствовал разжиганию в Ливии братоубийственной розни и формированию извращенной картины происходящего там. Не случайно посол Катара в Ливии покинул Триполи, когда еще ситуация на большей части территории Джамахирии была стабильной, удрал первым, а вслед за ним побежали послы ОАЭ и Саудовской Аравии, у которых, как показали последующие события в Ливии, тоже было “рыло в пуху”. И не сильно ошибался полковник М. Каддафи, когда однажды сказал, что “резолуция 1970 Совета Безопасности ООН впервые в истории человечества была принята на основании телевизионных репортажей”. Так сказать, политическое нововведение, своеобразное международное “ноу-хау”.

Возвращаясь к теме о канале “Аль-Джазира”, хотелось бы напомнить о том, как его корреспонденты, находясь в Египте и где-то в Европе, буквально рвали глотку, наполняя эфир стенаниями о не имевших места “зверских расправах ливийского режима над собственным народом при помощи авиации, артиллерии и пулеметов” (все проверки, как отмечалось выше, подтверждали, что подобных случаев на территории Ливии не было), показывали какие-то ролики, снятые Аллах знает где. Напротив, получила подтверждение информация о том, что в начале внутривосточного конфликта, когда демонстранты в Бенгази, значительная часть из которых была одурманена наркотиками, двинулись к зданиям полиции и местных властей, местным силовикам был отдан из Триполи приказ не стрелять. Выстрелы раздались с другой стороны: некие затесавшиеся в ряды демонстрантов элементы (теперь уже известно, что это были ливийские исламисты, отпущенные из тюрем М. Каддафи в рамках процесса демократизации) провокационно открыли огонь по

стражам порядка. В результате на первом этапе столкновений число погибших полицейских и военнослужащих солдат в ряде городов на востоке Ливии, в частности, в оплотах ливийских исламистов – Дерне и Аль-Бейде, значительно превышало потери среди “мирных демонстрантов”. Проведенное местными органами власти предварительное расследование подтвердило все эти факты, но кто тогда обратил на них внимание? Впереди были, как в хорошем шпионском романе, более интересные, субстантивные и даже неожиданные вещи.

Все-таки чуть подробнее остановимся на вопросе, где же те тысячи и тысячи ливийских граждан, которых режим М. Каддафи якобы уничтожил в феврале-марте 2011 г. На него отвечает сотрудник “Amnesty International”, который, проведя три месяца на территории ливийской Киренаики, смог подтвердить информацию лишь о 110 погибших в Бенгази, включая полицейских и военных. В результате тщательного расследования множества событий не было подтверждено ни одного факта “массовых изнасилований”, о которых кричали все западные СМИ, равно как и случаев использования правительственными войсками “африканских наемников” (ливийцы – выходцы из южных районов страны, принадлежащие к сахарским и негроидным расам, всегда активно шли на службу в армию). А вот со стороны повстанцев использование наемников практиковалось достаточно широко и чем дальше, тем больше. Известно множество моментов, когда египтяне и палестинцы, понятное дело, за деньги, воевали на стороне мятежников, а также о случаях в городах Аль-Бейда, Дерна, Тобрук на востоке Ливии, когда людям ритуально отрезали головы, что указывает на “почерк” бандитов из “Аль-Каиды”.

Таким образом, крики западников и их арабских поделельников относительно преступлений ливийского режима против собственного народа не выдерживают никакой критики. Как отмечает сайт “Counter Punch”, “ложь, использовавшаяся для оправдания войны НАТО против Ливии, превзошла ту, которая была сконструирована для оправдания вторжения в Ирак”. Такие известные организации, как “Amnesty International” и “Human Rights Watch”, также опровергли все доводы, использовавшиеся для оправдания военного вторжения НАТО в Ливии. Однако на Западе не хотят ничего слушать, даже собственных граждан, и призывы этих организаций остались “гласом вопиющего в пустыне”. То ли дело, когда надо поругать или поучить какие-нибудь молодые демократии, вот тогда аргументация таких структур используется на полную мощь. Что это, если не выборочный подход, точнее, пресловутый “двойной стандарт”?

Самое неприятное – это то, что в новейшей истории, по всей видимости, сохранится однобокая, предвзятая, во многом извращенная версия событий, происшедших в Ливии, в частности в восточной ее части, а правды после не доищешься и днем с огнем.

Не являясь сторонником длинных цитат, приведем, тем не менее, один показательный пример ангажированного видения событий в Ливии, появившийся в серьезной газете “Шарк аль-Аувсат” в Лондоне 3 августа за подписью некоего Хусейна Шобокши:

“Мы были свидетелями стремительного развития событий в Ливии, когда после падения египетского и тунисского режимов в Джамахирии запыхало восстание. Во власти повстанцев оказался весь восток страны со вторым по значимости и населению городом Бенгази. В надежде быстро расправиться с бунтовщиками или, по крайней мере, вселить в них ужас, полковник (М. Каддафи) двинул против повстанцев всю мощь своей армии – бомбардировочную авиацию, оружие залпового огня, танки, тяжелую артиллерию. Цветущая страна за считанные дни превратилась в кромешный ад. Пытаясь остановить бойню и прорвать завесу молчания вокруг Ливии, Франция и Катар заявили о том, что режим Каддафи утратил легитимность. Международные организации, политические движения и партии выражали солидарность с ливийским восстанием и наводили с ним коммуникационные мосты. Ряды повстанцев быстро пополнялись офицерами, солдатами, государственными деятелями, политиками, бежавшими от ненавистного режима, который уже испускает дух, и нет никого вокруг, кто выразил бы ему сожаление, сочувствие или симпатии”.

Вот такая история с географией. Правдивым здесь является, пожалуй, только термин “мятежники”, а также пассаж о превращении страны из “цветущего рая в кромешный ад”, правда, это произошло позднее – в результате

бомбардировок авиацией НАТО. Так и хочется повторить вслед за героем одного известнейшего русского романа: “Вот пример не просто вранья, а вранья от первого до последнего слова”.

На подобном информационном фоне и шла работа над второй резолюцией Совета Безопасности, вводящей более жесткие ограничения в отношении маленькой Ливии. Не изобретая велосипеда, американцы и же с ними, как обычно, нетворчески использовали собственный предыдущий опыт и стали протаскивать через СБ ООН очередное санкционное решение, стержнем которого стало положение о так называемой “бесполетной зоне”, отработанное против Ирака в 90-е годы прошлого столетия.

Примечательно, что еще за два-три дня до этого речи об ужесточении санкций против Ливии не шло, американцы долдонили свое: “пусть поработает резолюция 1970”. И вдруг постпред США в ООН С. Райс (интересно, в США все носящие это имя однотипны по большинству параметров?), словно сорвавшись с цепи, начала в ускоренном порядке обрабатывать членов СБ ООН с тем, чтобы в срочном порядке согласовать вторую резолюцию. Отчего такая торопливость, что могло случиться или случилось в Ливии и вокруг нее за эти дни?

Да все очень просто. Дело в том, что 20 марта, в соответствии с решением Африканского Союза, в Ливию для расследования обстоятельств возникновения беспорядков и гибели людей должна была прибыть высокая комиссия Афросоюза, состоящая из глав пяти африканских государств во главе с президентом ЮАР. Их нормальная работа не входила в планы американцев и натовцев, так как могла выявить нежелательные для западной политики и ее пропаганды факты и обстоятельства, связанные с действиями так называемых “повстанцев”, склонить общественное мнение Африки, которое тогда еще нужно было Западу, а также и других регионов мира, в иную, невыгодную для него сторону.

Вдобавок старший сын ливийского лидера Сейф аль-Ислам Каддафи, то ли будучи чересчур уверенным в правительственных войсках, то ли от отсутствия чувства меры, вдруг брякнул в одном из интервью, что они способны в течение двух суток восстановить порядок в Бенгази, столице оппозиционной Киренаики. В те дни это было реальным: повстанцы, будучи разношерстной и предельно неорганизованной публикой, могли только резать головы своим противникам, будучи не в состоянии без прямой помощи НАТО противостоять наступлению верных М. Каддафи сил. При этом сам ливийский лидер в те дни прилюдно заметил, что “не хочет кровопролития, ливийцев и так – всего 6 миллионов на этой земле”, – поему его войска штурмовать Бенгази не будут, а просто выдавят оппозиционную шуштуру к египетской границе, которую перекрывать не станут. Такой план и выполнялся в те дни под командованием младшего сына лидера Хамиса Каддафи, однако ситуация развивалась в ином ключе.

Ввиду возможных изменений обстановки дипломатия США, срочно облачив в зеленые одежды постпреда при ООН С. Райс и нажав на все клавиши, добилась-таки принятия СБ ООН нужной Вашингтону и НАТО резолюции. Уже тогда многие страны высказывали свои сомнения и опасения в отношении ее реализации в связи с расплывчатостью и двойственностью формулировок, однако действительность превзошла самые мрачные прогнозы.

Западники, поручив НАТО выполнять положение о “бесполетной зоне”, мгновенно сделали ее односторонней. В то время, когда ни один летательный аппарат за пять месяцев не поднялся со стороны Триполи, авиация НАТО осуществляла все более интенсивные бомбардировки, особенно усердствовали не в меру развоевавшиеся французы и англичане, уничтожавшие сперва военные цели (были случаи, когда натовцы пять раз поражали один и тот же ливийский танк), затем перешли на инфраструктуру, позднее – и на гражданские объекты.

Следовало бы обратить внимание и на тот факт, что бомбардировки территории Ливии начались 19 марта – всего через два дня после принятия Советом Безопасности резолюции 1973, причем французские, британские, итальянские, норвежские и прочие участники бомбардировок успели за это время распределить между собой цели, договориться о взаимодействии, обговорить огромное множество конкретных технических деталей. Столь масштабную, сложную работу провести за два дня физически невозможно, следовательно, данная операция планировалась и разрабатывалась заранее, и далеко не

в период между принятиями первой и второй “ливийских” резолюций. Не во время ли учений НАТО в 2010 г. отработывалось такое взаимодействие, не согласовывались ли авиаатаки на Ливию в ноябрьские дни в 2010 г., когда более сорока глав государств и правительств стран ЕС и Африки были гостями М. Каддафи в Триполи в рамках соответствующего саммита?!

С течением времени дело дошло до бомбардировок зданий ливийского радио и телевидения, жилых кварталов. Апофеозом ливийской трагедии стало полное уничтожение 8 августа деревни Маджар в результате авианалета ВВС НАТО, когда погибли 85 мирных жителей, из них 33 ребенка и 32 женщины (страшные фотографии этого беззакония можно увидеть на сайте российского журналиста Н. Сологубовского). Всего же, по данным Ливийского общества Красного Креста, в результате 22 тыс. авиаударов НАТО “в защиту мирного населения” к началу августа погибло более тысячи простых ливийцев, в том числе 400 женщин и детей, более 6 тысяч – получили различной степени тяжести ранения. Доставалось при бомбежках и самим повстанцам, сколько всего их погибло от “дружественного огня” НАТО – неизвестно, но таких случаев было немало. Дорогая цена за демократию. . .

Кто же ответит за потери ливийского народа в результате натовских бомбежек? И что это, если не неокOLONиальная война?

Ещё в конце марта обозреватели высказывали предположения о прямых поставках вооружений повстанцам. 16 апреля начальник штаба оппозиционных войск генерал-майор Абдель Фаттах Юнис признал, что они получают оружие. В июне стало известно о поставках автоматов, пулемётов и ПТРК из Франции. Конкретно речь шла о сбросе с французских самолетов “гуманитарного груза” в районе города Зинтан, в места проживания берберского племени амазигов (эти племена, живущие в Северной Африке, всегда были предметом особого внимания Парижа, делавшего на них ставку как на своеобразную “пятую колонну”). Однако тогда ливийские спецслужбы вмешались в ситуацию, и груз французских противотанковых ракетных комплексов, гранатометов, крупнокалиберных пулеметов, боеприпасов и даже запрещенных к использованию противопехотных мин попал в их руки. Французы были вынуждены признать факт поставки вооружения “ливийской оппозиции”, разумеется, исключительно “с целью защиты мирного населения”.

В НАТО от этого открестились, заверив, что все было сделано без ведома Брюсселя. Генсекретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен, которому был задан соответствующий неприятный вопрос, ответил почти как классический римлянин: “НАТО строго следует резолюциям Совбеза ООН, а поставки Францией оружия повстанцам – всего лишь попытка спасти племя, выступившее против Каддафи, от гуманитарной катастрофы”.

Не мог остаться в стороне и Катар, передавший ливийским мятежникам противотанковые ракеты “Милан” и минометы, поставив их под маркой “молоко и другие продукты питания”. Почему-то канал “Аль-Джазира” об этом инциденте предпочел умолчать. Такая вот гуманитарная помощь. . .

По сути дела, вопиющие нарушения резолюции 1973 СБ ООН были “мировым сообществом” практически не замечены и “спущены на тормозах”. Естественно, нарушители международной законности, не получив никакого отпора, с удовольствием пошли дальше. Начала поступать информация не только о снабжении повстанцев оружием, но и о выброске неких десантных групп ВС Франции и Великобритании, в том числе в ливийской Сахаре, и о прямом участии советников из западных стран в военных действиях на стороне повстанцев. На некоторых телеканалах промелькнули кадры с фигурами наёмников, одетых в военную форму без знаков различия. Тогда же американский полковник в отставке Дэвид Хант сообщил телеканалу “Фокс”, что “американские военные и агенты ЦРУ находятся в Ливии с начала марта”. Все эти незаконные действия натовцев, а особенно операция “Сирена”, она же “Русалка” – прямая интервенция со стороны французских и британских наемников во время высадки морского и воздушного десанта в Триполи 21 августа (ливийские повстанцы на это по определению не способны), ещё ждут своих исследователей и, несомненно, станут известны “мировой общественности” позднее, когда уже ничего нельзя будет изменить. Добавим лишь, что англичане, действуя в своей классической колониальной манере, выгружали оружие для мятежников в порту Бенгази еще в конце февраля, до принятия резолюций, и этот факт был известен многим.

Справедливости ради следует сказать, что некоторые страны пытались время от времени протестовать против подобной реализации положений резолюции 1973 СБ ООН и вмешательства НАТО в ливийскую смуту. Однако с натовцев и с западников вообще — как с гуся вода, они, отделяваясь невнятными, нередко — нагловатыми объяснениями, прикрываясь заявлениями о необходимости ликвидации тирана, установления демократии, иногда — сквозь зубы извиняясь за гибель мирных граждан, как в Ираке и Афганистане, продолжали творить свое дело.

Заметим, не случайно, что после начала военного противостояния Триполи и Бенгази, вначале — в центральной и восточной части страны, затем — и на западе, международные СМИ ежедневно и весьма широко освещали ситуацию, малейшие ее изменения. Постепенно интерес к событиям в Ливии стал спадать, говорить о них стали скуpee и реже, да и не мудрено, ведь войска, верные М. Каддафи, постоянно брали верх над мятежниками, а авиация НАТО нет-нет да и бомбила своих ливийских союзников, одновременно расширяя список уничтожаемых целей и число гибнущих под бомбами мирных граждан. Так что хвалиться было нечем, однако мир к этому привык: кого волновала смерть каких-то ливийцев,

Вдобавок инсургенты в июле умудрились в неясных обстоятельствах ухлопать своего главного военного руководителя — генерал-майора Абдель Фатеха Юниса — единственного человека в переходном национальном совете (ПНС), обладавшего общенациональной известностью и определенной долей уважения. Этот казус подтвердил, что в рядах мятежников нет и не было единства, а все их успехи зиждятся на поддержке, точнее, прямом военном вмешательстве НАТО, а в чем-то — на недоработках и провалах Триполи.

После относительного затишья 21 августа ситуация в Ливии претерпела кардинальные изменения: прекрасно понимая, что “статус-кво” играет на руку М. Каддафи и что 1 сентября — в 42-ю годовщину революции 1969 г. — лидер обязательно организует нечто с международным звучанием, натовские стратеги при помощи авиации и кораблей, патрулирующих ливийское побережье, высадили крупный десант. Дадим слово капитану ВС Ливии Хасану: “21 августа враги предприняли комбинированную атаку с моря, суши и воздуха. Первой попыткой стал подход корабля с Мальты под предлогом эвакуации иностранцев, с которого они пытались высадить прямо в порту Триполи десант, но мы обстреляли его, и он отошел. Подряд два дня идут масштабные бомбежки, каких мы еще не видели. Нарушено энергоснабжение, телефонная связь работает с большими перебоями.

С вечера 21 августа вертолеты противника непрерывно высаживают десанты спецназа сил НАТО и иностранных наемников. По данным разведки, в Триполи проникли диверсионные группы британского SAS, французских GIGN (спецподразделения жандармерии) и Иностранного легиона.

Утром 22 августа с нескольких сотен лодок под прикрытием вертолетов “Апач” вдоль побережья Триполи высадился крупный десант противника, который стал быстро продвигаться вперед. Среди них были как британские и французские наемники, так и “аль-каидисты”, которые безжалостно убивают жителей города и насилюют женщин. Принимаются меры для их уничтожения. Захвачены и убиты по меньшей мере несколько участников атаки, имеющих британские документы”.

Вот такая имплицитация, как говорят западники, резолюции 1973 СБ ООН. Любой домохозяйке, любому школьнику младших классов понятно, что ливийские повстанцы, которых частенько показывают по телеканалам, способны организовать, в лучшем случае, налет на деревушку, небольшую ферму или городок нефтяников, разграбить его, отрезать головы сопротивлявшимся и под прикрытием авиации НАТО уйти на базу.

Спланировать и осуществить столь сложную боевую операцию, какой является высадка десанта на территорию противника, да еще ночью, да еще в незнакомой местности, да еще в условиях сопротивления местного ополчения, да еще при высокой вероятности получения разящего удара “дружественного огня” от авиации и кораблей НАТО, как это неоднократно бывало в прошлом, — дело архисложное, требующее высокого мастерства и опыта, надежной и постоянной связи. Со временем мир, конечно, узнает англосаксонские и французские имена разработчиков и исполнителей этой операции, кое-что на этот предмет уже имеется, в частности, сведения о некоей “Неф-

тной группе” в Лондоне, которая стояла у истоков этого успеха повстанцев.

Сейчас же ситуация выглядит следующим образом: М. Каддафи проиграл битву за столицу, его войска покидают ее, сосредотачиваясь на обороне родного города лидера – Сирт. На улицах Триполи валяется масса неубранных трупов, а телеканалы, учтя предыдущий опыт, избегают показывать тех, кто реально воюет на улицах ливийской столицы “за дело демократии”, и демонстрируют миру каких-то непонятных, часто – совершенно неадекватных молодых людей, неумело потрясающих оружием и что-то кричащих на диалекте, нередко – далеко от местного, ливийского. В эти дни поразил необычный телесюжет из Триполи. На Ближнем Востоке давно привыкли, что звездно-полосатый флаг США сжигают, рвут и топчут. Здесь же некие экзальтированные личности усердно его целовали. Не будет удивительным, если выяснится, что это была очередная подделка, монтаж, аналогичный снятой в Катаре сцене ликования ливийцев на Зеленой площади.

Представляет интерес информация алжирской газеты “Аль-Хабар”, согласно которой действия повстанческих формирований в Триполи координировал бывший руководитель (эмир) “Ливийской боевой исламской группы” Абдельхаким Белхадж, в недалеком прошлом находившийся в одной из тюрем Джамахирии. В марте 2010 г. он был амнистирован и освобожден, дав обещание прекратить незаконную экстремистскую деятельность. Газета указывает: “Именно бывшему эмиру исламистской группировки выпала честь освободить от сил Каддафи Триполи; это свидетельствует о том, что салафистское движение преобладает в рядах вооруженной ливийской оппозиции”. Отмечается также и частое появление А. Бельхаджа в эфире телеканала “Аль-Джазира”, что может свидетельствовать о том, что ему “уготовлена одна из ключевых ролей в будущей Ливии”. Как говорится, скажи мне, кто твой друг...

Американцам и западникам наличие в Киренаике исламских экстремистов, в том числе воевавших в составе отрядов “Аль-Каиды” в Афганистане, Ираке, Боснии, Алжире и других конфликтных точках, было хорошо известно еще до начала ливийской смуты, однако, не колеблясь, горя единственным желанием убрать М. Каддафи, они сотрудничали с теми же самыми бандитами, с которыми военнотружущие США воюют насмерть в Афганистане и Ираке. Политика, тем более международная, – сложная вещь, по известному выражению Талейрана, “укладывала в одну постель и не таких противников”. Поневоле вспомнишь и том, что лидер “Аль-Каиды” У. Бен Ладен начинал свой тернистый путь с сотрудничества с ЦРУ.

Что-то во всем этом не так, и до такой степени, что даже генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, видимо, поняв, что его втравили в некрасивую историю с неясным и нехорошим концом, стал на определенном этапе говорить о поисках политического урегулирования ливийской междоусобицы. Не так давно он призвал мировое сообщество к стабилизации ситуации в Ливии, заявив, что “будущее этой страны должно зависеть только от ливийского народа”. Слова хорошие и правильные, однако запоздалые. С огромным трудом верится, что неокOLONIALИСТЫ из НАТО, разгромив у всех на глазах процветавшую арабскую страну, доверяют дело освоения её богатств “повстанцам”, кормящимся с их руки.

Слышатся призывы к прекращению варварских бомбежек и в Западной Европе, даже в США появились люди, критикующие Б. Обаму за его политику в Ливии. Заметно изменились настроения в африканском и арабском сообществе. Поняв, что участь, подобная участи М. Каддафи (Х. Мубарака, З. А. Бен Али, А. А. Салеха), может постигнуть любого и в любой момент, руководители стран этих регионов также заговорили о поисках мирного урегулирования – на внутрививийской основе. Даже бывший генсекретарь ЛАГ А. Муса, добившийся принятия в ЛАГ решения в поддержку бомбардировок Ливии, изменил тон своих высказываний. К стати, откровенным преувеличением является и почему-то ставшее аксиомой утверждение о том, что “Лига арабских государств единогласно поддержала введение международных санкций против Ливии”. Как минимум пять арабских стран тогда выступали против этой идеи, резолюция ЛАГ была, по сути дела, протасена А. Мусой при активном содействии Саудовской Аравии, Катара и ОАЭ.

Держат особую позицию африканцы. Африканский Союз не спешит с признанием законности Переходного национального совета, будучи глубоко обеспокоенным фактами многочисленных расправ над чернокожими сторон-

никами М. Каддафи, взятыми в плен во время атаки на Триполи. Возможно, здесь сыграл свою роль и тот факт, что немного ранее госсекретарь США Х. Клинтон, которую, по образному определению одного из российских политиков, “часто заносит”, с трибуны Африканского Союза в Аддис-Абебе – в июне 2011 г., – не призвала, как сообщали журналисты, а приказала африканским лидерам “не иметь никаких дел с М. Каддафи”.

Как это следует понимать? Суда-то ведь над ним не было. Что остается делать африканцам? Попробовать остаться патриотами своего континента, противиться авторитарному давлению, нарываясь на неприятности, либо склонить голову и двигаться по пути, указанному западниками, пока не настанет их черед. Ведь тогда же, в Аддис-Абебе, колыбели независимой Африки, г-жа Х. Клинтон призвала лидеров африканских стран способствовать демократическим реформам, предупредив, что они “могут столкнуться с восстаниями, происходившими в 2011 г. в арабском мире”.

Тем временем ливийские мятежники, почувствовав безнаказанность, обвиняют Алжир в поддержке “свергнутого диктатора”. Не готовят ли тем самым условия для провоцирования однотипных с ливийскими событиями в многострадальном Алжире; а почему бы и нет? Зачищать так зачищать, чем больше будет в Азии и Африке послушных марионеток, тем легче будет работать стратегам из Вашингтона и НАТО. И не стоит верить голосам из Бенгази о том, что, мол, там сами станут определять, кому и сколько давать нефти и газа. Этим займутся те дяди, которые свергали предыдущий режим и воевали в Бенгази и Триполи, т. е. натовцы, а еще точнее – американцы. А ливийцам будет предоставлена возможность заниматься внутренними разборками – сколько угодно, вплоть до превращения страны во второе Сомали.

За что наказывают Ливию?

Почему же именно Ливия М. Каддафи подверглась прямому, открытому нападению со стороны НАТО? Ведь ни Тунис, ни Египет, ни даже Йемен, где обстановка была ненамного лучше, нежели в Ливии, не испытали на себе столь наглой и жесточайшей атаки!

Можно не сомневаться, что в “ливийском случае” сыграли свою роль наличие солидных запасов нефти и газа, их высокое качество и легкость добычи, налаженной сети доставки продуктов в Европу и близость к ней.

О важнейшем стратегическом положении Ливии в Средиземноморье и Африке можно особо не распространяться – оно общеизвестно на протяжении последних двадцати пяти–тридцати веков. Скажем лишь, что Ливия всегда была реальными “воротами в Африку” и остается таковой и поныне.

Прежде всего, Ливию наказывают за её бессменного лидера. Не случайно на различных этапах развития кризиса то американцы, то британцы, то французы прямо обуславливали завершение бомбежек страны уничтожением лично М. Каддафи, желательно вместе с семьей. Они кое в чём преуспели на этом незавидном поприще, убив младшего сына лидера Сейф Аль-Араба и нескольких его внуков. Ливийского лидера наказывают в первую очередь за попытки проявлять самостоятельность в политике и экономике – подавать “нехороший” пример другим, самому выбирать партнеров, и не обязательно из числа рекомендованных западниками, за его призывы внедрить “золотой динар” в расчетах за нефть, создавать неподконтрольные Западу банки, добиваться единства Африки и еще за многое-многое другое.

Отдельным пунктом здесь идет отношение М. Каддафи к НАТО. Лидер всегда резко негативно выступал против этой “скорее политической” организации, как считают сегодня некоторые недалёковидные политики, критиковал ее действия в Сербии, Косове, Афганистане, её расширение на восток, включение в ее орбиту постсоветских гособразований. Не добавило здесь любви и понимания его категорическое неприятие линии на присоединение к НАТО Украины и Грузии, наконец, его бескомпромиссная поддержка России в ее военных действиях по спасению населения Южной Осетии от грузинского геноцида в августе 2008 г.

Натовцы потому, наверно, столь остервенело и безжалостно утюжат бомбами ливийскую территорию, уничтожают мирных граждан этой страны, что их лидер однажды громогласно заявил, что выступает сам и призывает

всех арабов и африканцев поднять голос против “превращения Средиземного моря во внутреннее озеро НАТО”. Не меньшее недовольство у натовцев и, естественно, Вашингтона вызвали его идеи о предоставлении мест базирования в портах Ливии для иных, ненаатовских флотов.

Многое проясняется при изучении документов, публикуемых “Викиликс”. Судя по целому ряду дипломатических американских депеш, Вашингтону очень не нравилась линия М. Каддафи, направленная, в частности, на увеличение национального контроля и доли Триполи в доходах от разработки месторождений углеводородов. Ливийский лидер вынудил нефтяные и газовые корпорации перезаключить контракты на значительно менее выгодных условиях, чем те, которые у них были прежде. Так, целый ряд американских и европейских нефтяных компаний заплатили 5,4 миллиарда долларов в виде авансовых “бонусных” выплат. На очереди стояла “Oasis Group”, включающая американские компании “Conoco Philips”, “Marathon” и “Hess”, несмотря на то, что уже выплатила в 2005 г. 1,8 миллиарда долларов. В американской депеше на эту тему прямо говорится: “...угроза принудительного пересмотра и перезаключения контрактов создала опасный международный прецедент – новую парадигму для Ливии, которая может получить повтор по всему миру в растущем количестве производящих нефть стран”. Куда уж яснее!

Ещё больше встревожили Вашингтон слова, произнесенные М. Каддафи в январе 2009 г., о возможности “национализации нефтяной и газовой отраслей” (здесь не следовало бы забывать, что в течение почти тридцати лет в конце прошлого столетия в условиях отсутствия между Ливией и США дипломатических отношений имущество ни одной американской компании не было национализировано).

Отдельной строкой идет тема развития Ливией отношений с конкурентами США, в первую очередь с Китаем и Россией, подписание с их компаниями масштабных миллиардных контрактов, в частности в нефтегазовом секторе, сфере строительства и телекоммуникаций. Сам М. Каддафи начиная с февраля 2010 г. неоднократно подчеркивал, что в Ливии довольны работой этих организаций и настроены на ее продолжение, в том числе в многостороннем варианте. Такие же идеи ливийский лидер активно продвигал и в отношении целого ряда африканских стран, прежде всего в тех, где были сильны позиции ливийского капитала.

Однажды, в приступе откровенности, М. Каддафи заявил руководителю американского командования в Африке (US African Command) генералу Уильяму Уарду, что Китай “будет превалировать в Африке, поскольку не вмешивается во внутренние дела”. Одного бы этого хватило для создания такому африканскому лидеру больших проблем, однако он шёл ещё дальше.

И кто знает, очень возможно, что “последней каплей” на этом пути стало подписание в феврале 2011 г. между ОАО “Газпром” и итальянским концерном ENI договора об уступке доли в соглашении о разделе продукции (СРП) по крупнейшему ливийскому месторождению нефти “Элефант” (“Elephant”).

На этом месте полагаем необходимым, сделав лирическое отступление, сказать, что для американцев, весьма вероятно, всё это, вкуче с соображениями политико-стратегического порядка, все-таки не является главным в случае с М. Каддафи. Естественно, унижить и добить исторического врага, которого в Вашингтоне и на Западе ещё совсем недавно представляли в качестве единственного примера, своеобразного “уникама, перешедшего от поддержки международного терроризма к борьбе с ним в тесном сотрудничестве с Западом”, было крайне важно. Однако еще более значимым для руководства США, какого бы цвета оно ни было, является принципиальный вопрос о том, чтобы сапог американского солдата снова встал на землю военно-воздушной базы Уилус-Филд, носящей сегодня имя “Майтига”, откуда ливийский лидер вышвырнул армию США в марте 1970 г. (интересно, что номер первой “ливийской” резолюции Совбеза ООН – 1970 – совпадает с этой датой; случайно ли это?), чтобы там снова взвился звездно-полосатый флаг, чтобы всем и каждому в Африке, на Ближнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, в Арктике и Антарктиде, а для непонятливых – даже в Европе – стало ясно, кто в мире хозяин и как следует себя вести, дабы не попасть под санкции, “твиттерную революцию” или под ускоренную демократизацию при помощи бомб, ракет, специальных частей из Иностранного легиона, британских SAS и т. д.

Посмотрим теперь, что сулит ливийский кризис народам этого региона, их соседям, да и всему “мировому сообществу”.

Ливийский кризис, его генезис и причины, качественно новый – “твиттерный” характер с сильнейшим элементом внешнего воздействия, несомненно, скажется, точнее, уже сказывается на ситуации во всех прилегающих районах, прежде всего в странах сахара-сахельской зоны. До последнего времени М. Каддафи активно занимался её проблемами, оказывал постоянную, весомую материальную и финансовую помощь тамошним бедным странам, реализуя, иногда в сотрудничестве с другими странами, многие важные для региональной экономики проекты.

При всей его экстравагантности, спорности и горячности, ливийский лидер во многих случаях позитивно влиял и на конфликтные ситуации в других частях Африки, порой ему удавалось погасить и разрешить коллизии, возникшие то там, то тут.

Отныне, с его уходом, этого больше не будет, посему в этом регионе всё ещё впереди, в Сахеле и Сахаре еще предстоят серьезные, драматические события. Пессимизм происходит ещё и от того, что после захвата ливийскими “повстанцами” складов оружия в Киренаике и в условиях фактического отсутствия власти в тех местах в соседние страны широким потоком пошло оружие, попадающее к разномастным оппозиционерам и инсургентам, большей частью – в руки “Аль-Каиды в Арабском Магрибе”. Двинувшиеся через Сахару караваны с оружием, новым или старым, не важно, потенциально означают скорое появление новых конфликтных точек и реанимирование старых. А уж чего-чего, а этого добра в Африке хватает. Особенно опасно то, что из ливийских складов пропало более 20 тысяч единиц переносных зенитных комплексов (ПЗРК) различных систем. Как бы французам и англичанам скоро не пожалеть о том, что они своими руками свергли режим, обеспечивавший стабильность более 40 лет.

Из Ливии пошло оружие, а в обратном направлении движутся наркотики. Режим М. Каддафи вел с наркотрафиком, который приравнял к атомному оружию, непримиримую борьбу, тщательно ее координируя с западноевропейскими странами и профильными международными структурами. Теперь же наркотики без проблем потекли через Ливийскую Сахару – в Египет и Тунис с их туристами, а далее – в Европу и на Ближний Восток. Вполне может случиться, что Ливия со временем превратится в основной перевалочный пункт для транзита наркотиков из других частей Африки, условия для этого сложились.

Добавим одну пока фантастическую гипотезу. В свете двух вышеупомянутых факторов и в условиях вполне возможной “сомализации” или “иракизации” положения в Ливии может приобрести реальные черты опасность появления на Южном Средиземноморье новоявленных пиратов. А почему бы и нет, ведь лет десять-пятнадцать назад никто не слыхивал о них и в Сомали, а теперь? В Ливии же крепкие пиратские традиции существовали ещё в средние века, так почему бы не вернуться к этому прибыльному делу, особенно, если будет соответствующее прикрытие, как, например, у сомалийских пиратов?

О другой опасности – взрывном росте африканской эмиграции в Западную Европу, известно хорошо. Европейцам будет крайне сложно справиться с потоком нелегалов из африканских стран, в том числе тех, где с января 2011 г. процветает “арабская весна”. Совсем недавно это было видно на примере резкого увеличения численности иммигрантов из Туниса, атаковавших “передовой” итальянский остров Лампедуза.

К слову, в 2010 г. усилиями Триполи этот феномен был сокращен почти на 90%, однако теперь ливийский “шлюз” для иммиграции широко открыт, и счет иммигрантам-африканцам пойдет на тысячи, если не больше. Добавим, что корабли стран-членов НАТО, патрулировавшие ливийское побережье с целью проверки судов, направлявшихся в порты Ливии с различными грузами, неоднократно открыто игнорировали призывы нелегальных иммигрантов, тонувших на своих утлых судах, о помощи. Число пропавших – не известно, но опять же, кого волнуют какие-то африканцы, убегающие от голода, болезней и нищеты...

Другой важнейший аспект ливийского кризиса, о котором почти не говорят, – это волшебное слово “вода”, точнее, вода пресная, которая для Ближнего Востока, да и многих других регионов, не менее важна, нежели нефть и газ.

В Ливийской Джамахирии в конце прошлого столетия был реализован гигантский строительный проект, превосходящий по своим объемам египетские и латиноамериканские пирамиды, другие масштабные стройки. По сети гигантских труб диаметром более 4 метров к средиземноморскому побережью пошла пресная вода из подземных хранилищ в районе Тазербо (центр Ливийской Сахары), причем проект был выполнен без какого-либо участия Международного валютного фонда и Всемирного банка – нехороший пример для других.

Пресная вода стоимостью всего 37 центов за кубический метр (в любом другом варианте её себестоимость возрастает в разы, даже в десятки раз) течет по трубам в районы Бенгази, Мисураты, Сирта, Триполи, к ливийско-тунисской границе. В тех местах, где раньше был только песок да черно-серые камни, зацвели сады, появились трава и цветы, растут сельскохозяйственные культуры, цветут разнообразные плодовые деревья, радуют взор раскидистые пальмы. Правда, теперь, по-видимому, об этом следует говорить в прошедшем времени.

По приблизительным расчетам, воды в сахарских подземных водохранилищах должно хватить на несколько сотен лет – там её считают на сотни кубических километров, тем более что вскрыто пока только одно из них. Подобный фактор не может не приниматься во внимание теми, кто планировал и осуществлял операцию по свержению ливийского режима. Да и серия сообщений о попытках наладить связи между Бенгази и Израилем, как представляется, может иметь под собой именно “водяной подтекст”.

Другой крайне важный, принципиальный момент. История с уничтожением режима М. Каддафи во второй раз, после свержения С. Хусейна, подтвердила неоднократно звучавший вывод о том, что обладание ядерным оружием в современных обстоятельствах является одним из непререкаемых условий внешней стабильности любого режима. Теперь всякий имеющий для этого малейшую возможность будет создавать нечто, подобное, например, северокорейской “грязной” атомной бомбе, дабы уберечь себя от западной или натовской “демократизации”. Так или иначе, НАТО и США своими топорными действиями в Ливии, по сути, спровоцировали новый виток процесса распространения ядерного и иного оружия массового уничтожения, чему “мировое сообщество” станет свидетелем.

Неоколониализм на марше

Поговорим напоследок обо всех этих вещах в более широком ключе. Любители баллад и сказок про демократию, популярных на Западе и в некоторых других кругах, а равным образом – криков и стенаний о соблюдении прав человека, свобод и прочих приятных на слух вещей, – пусть и дальше слушают их, радуются жизни и продолжают верить в правдивость и объективность международных СМИ. То, что было проделано у всех на глазах в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в особенности – в Ливии, еще ждет своего объективного исследователя и настоящего, глубокого расследования.

Очевидно другое: речь в политике западных стран, прежде всего США, идет не о двойных стандартах, а о тройных, четверных и так далее. В самом деле, подавление законными властями Ливии бандитствующих элементов, открыто стрелявших в представителей власти, которая обязана защищать себя и внутренний порядок, наказывается жесткими международными санкциями и бомбежками. В случае с Сирией – наказывается национальными американо-европейскими санкциями, в Йемене – по существу, оставляется без внимания (в ожидании углубления внутривнутриполитического кризиса и развала государства). На Бахрейне – открытое вооруженное вмешательство соседней Саудовской Аравии всячески приветствуются и поддерживаются.

В итоге складывается довольно забавная картинка, когда З. А. Бен Али, Х. Мубарак, десятилетия верой и правдой служившие своим западным хозяевам, из категории “хороших парней” в мгновение ока переходят в “плохие”, еще более резкие сентенции и угрозы, естественно, слышатся в адрес сопротивлявшихся М. Каддафи и А. Абдаллы Салеха, которых совсем недавно тот же самый Запад всячески обхаживал, лелеял и у которых клянчил контракты. А саудовский и бахрейнский короли, никогда и никем не избиравшиеся, дви-

гающие свои страны по пути, который ведет куда угодно, но не к развитию демократических начал, подавляющие народные волнения силой оружия, остаются в категории “хороших парней”.

Похоже, время говорить о некоей шкале, своеобразной политической “таблице Менделеева”, где американцы и натовцы будут расставлять страны мира и их руководителей на различные места – в зависимости оттого, как они выглядят в глазах Запада и какую ценность для него могут представить.

Как в XVIII и XIX веках, некие субъекты, никем не уполномоченные, определяют судьбы народов и стран, совершенно с теми не советуясь, когда им нужно – бомбят, обстреливают города и деревни, убивают мирных людей, иногда – прикрываясь некими международными документами, протасканными через международные организации, иногда, как в случае с Сербией и Ираком, обходясь без подобных “мелочей”.

Ведь вся разница между свержением режима Саддама Хусейна в марте 2003 года в результате незаконного вторжения войск США и Великобритании под лживым предлогом наличия в Ираке оружия массового уничтожения и уничтожением правления М. Каддафи в Ливии в 2011 году заключается во втором случае в наличии резолюций Совета Безопасности ООН. Эдакий “фиговый листочек”, прикрывающий беззаконие и нарушение международного права.

Можно сказать резко: американцы и европейцы кому-то наобещали с три короба, кого-то – запугали, кто-то за быстротой событий не успел понять, что происходит, и что за М. Каддафи может последовать любой, подчеркиваем, любой руководитель государства, особенно если он станет проявлять самостоятельность, заботиться об интересах собственной страны и народа.

И нет повода верить рассказам натовцев и прочих новоявленных фарисеев, что отныне ливийский народ будет сам определять свою судьбу, решать, куда пойдет его природный или попутный газ, куда – эталонная ливийская нефть, а кто будет пользоваться нефтепродуктами. Этим будут заниматься, точнее, уже занимаются совсем другие люди. Как говорили американцы после свержения С. Хусейна в Ираке: “Кто воевал, тот и получит контракты”. Вызывает сомнения и перспектива возвращения ливийцам всех замороженных авуаров М. Каддафи и его структур.

Как теперь будут чувствовать себя правители ближневосточных стран, да и других развивающихся стран, зная судьбу Х. Мубарака и З. А. Бен Али, бывших верными друзьями США и Запада на протяжении последних 30 и более лет? Кто станет доверять подобному союзнику, который открыто заявляет, что намерен полностью переписать карту “Большого Ближнего Востока”?

На этом политическом фоне у многих простых людей в различных странах возникает и другой справедливый вопрос: “А как же Совет Безопасности ООН, призванный, как сказано в уставе этой всемирной организации, “нести главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности” и действовать от имени стран-членов этой организации?” Как выглядит эта структура в случае с Ливией – в свете бомбардировок независимой страны, члена ООН, уничтожения более 50 тыс. его граждан? Как выглядит сама Организация Объединенных Наций – на фоне случившегося в Ливии?

Удивляет позиция Европы. То ли не понимая, что их же, европейскими руками на южном побережье Средиземноморья создается новая, опаснейшая кризисная зона, выгодная прежде всего американцам, в очередной раз рассчитывающим “отсидеться за океаном”, то ли в надежде получить в свое эксклюзивное распоряжение нефтегазовые месторождения в Ливии, чтобы с их помощью решить свои топливно-энергетические проблемы, европейцы делают все в полном соответствии с планами Вашингтона. Американцев же проблемы Европы не беспокоят. Пример Сербии с появлением неподконтрольного никому Косова и его превращения в крупнейший в мире перевалочный путь наркотрафика европейцев не научил ничему, пример Ливии – тем более. Остается только сожалеть о будущем Европы, чьи руководители либо выродились – после двух мировых и одной “холодной” войны, либо на всё махнули рукой, надеясь удержать свое благополучие (сколь долго?) любой ценой.

А то, что вытворяют натовцы в Ливии, все больше напоминает колониальные войны, которые практиковали англичане, французы, португальцы, бельгийцы и прочие колонизаторы, убивавшие тысячами аборигенов в Африке и Азии, чтобы те не мешали строить “светлое будущее”.

Что это, если не неокOLONIALИЗМ?

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ЦУНАМИ В СТАКАНЕ

Мы давно привыкли, что когда в СМИ начинается та или иная кампания, надо насторожиться. В советское время это называлось пропагандой. Сейчас слово “пропаганда” не в моде, чаще говорят “пиар”. Но суть от этого не меняется.

Почему мы настораживаемся, наверное, понятно. К сожалению, в нашей жизни не раз бывало, что шумиха служила артподготовкой к принятию “непопулярных решений”. Причем о непопулярности обычно предпочитают помалкивать. О ней мы узнаем постфактум. Вернее сказать, чувствуем на своей шкуре. Но, к сожалению, уже тогда, когда все решено и подписано.

Панацея от массового кретинизма

Сначала для наглядности попытаемся воспользоваться придуманной ситуацией. Представьте себе людей, которые сидят в доме, чем-то занимаются или вовсе отдыхают. И вдруг с улицы раздается громкая, усиленная динамиками команда: “Немедленно покиньте помещение! В подвал вашего дома заложена бомба с часовым механизмом! Взрыв может произойти через 5 минут. Чтобы спасти свою жизнь, постарайтесь удалиться от дома на максимальное расстояние”.

Дальнейшее вообразить нетрудно. Кто-то бежит куда глаза глядят, теряя по дороге тапочки. Кто-то запрыгивает в машину и что есть мочи жмет на газ... Первыми опоминаются пешие, поскольку они при всей своей прыти не смогли убежать слишком далеко. Во всяком случае, на такое расстояние, чтобы не услышать взрыва. Поэтому, так и не услышав ничего в течение часа, они возвращаются в дом, который стоит целехонек. Чего не скажешь об их квартирах... Нет, стены и там на месте. А вот имущество: деньги, кольца, серебряные ложки, ноутбуки и шубы – тью-тью...

Теперь, хотя наш вымысел довольно близок к реальности, дадим пару примеров из самой что ни на есть реальной жизни. Быть может, не все еще забыли, как несколько лет назад вдруг разразилась алармистская пиар-кампания по поводу нехватки йода у нашего населения. Это называли даже пандемией (то есть обширнейшей эпидемией, распространяющейся на территории всей страны) йододефицита. Приводили страшные цифры, рисовались картины апокалиптического будущего. Все продукты, вплоть до конфет, зерога и яиц, в пожарном порядке обогащались этим якобы спасительным элементом.

Но “солью” программы спасения была соль. Та самая поваренная соль, без которой невозможна никакая кулинария. Шума было много, а вот о конеч-

ной цели умалчивалось. И подавляющее большинство, в том числе и те, кто под влиянием массивированной пропаганды стал переходить на продукты, обогащенные йодом, до сих пор, наверное, не подозревают, в чем эта цель заключалась. Заключалась же она в принятии закона, согласно которому ВСЯ соль, продающаяся на территории нашей страны, должна была йодироваться. (“А нормальную можно будет купить в аптеке по рецепту врача”, – пояснила своим коллегам на собрании в Медицинской Академии специалист-эндокринолог, призванная обеспечить научную поддержку горе-законодателям.) Не подозревают многие и о том, что как раз принятие этого закона, – которого, слава Богу, не произошло! – привело бы к массовому ухудшению, а вовсе не к улучшению здоровья людей. Дело в том, что есть множество заболеваний, при которых йод противопоказан.

А потом вдруг шумиха стихла. Как по команде. Впрочем, союз “как” тут лишней. Пропагандистские кампании всегда разворачиваются и сворачиваются по сигналу заказчика. В данном случае ее пришлось свернуть из-за неудачи замысла, который не понравился не только честным врачам, но и производителям обычной соли. В результате законопроект даже не рассматривался. Печальники о народном здоровье теперь печалются о чем-то более на данный момент для них актуальном. А о грозящем всей России кретинизме (болезнь, возникающая от острой нехватки йода) и вымирании из-за того, что соль и прочие продукты не йодируются, похоже, не вспоминают. Но если “партия прикажет”, мы снова услышим про ужасы йододефицита.

И экологическая истерия конца 80-х, как быстро выяснилось, имела своей истинной целью не очистку окружающей среды, а... развал СССР. “Экологические конфликты в республиках Прибалтики послужили стимулом к созданию Народных фронтов в защиту перестройки и моральной легитимации их борьбы за экономическую независимость, а затем и выход из СССР... В феврале 1989 г. состоялась первая в СССР массовая (более 300 тыс. участников в 100 городах страны) антиправительственная акция протеста против строительства канала “Волга–Чограй”, – заявил один из ведущих социологов Института социологии РАН О. Н. Яницкий. Когда же СССР был разрушен, экологическое движение быстро сошло на нет. “Борьба против Игналинской АЭС была прикрыта буквально на другой день после заявления Литвы об отделении, а теперь и армяне стараются запустить свою трижды проклятую ими во времена перестройки атомную станцию”, – пишет другой исследователь данного вопроса С. Г. Кара-Мурза (см. “Манипуляция сознанием”. М., “Алгоритм”, 2000, стр. 599–600).

Пора сказать о той пиар-кампании, которая вызвала у нас такую обеспокоенность, что мы принялись за эту статью. Речь пойдет о насилии в семье. Тема эта муссируется телевидением и прессой уже не первый день и даже не первый год. Но примерно с осени 2008 г. пиар-атака приобрела характер шквального информационного огня. Нас принялись уверять, что нигде так не издеваются над детьми, как в российских семьях. Что семей этих много, очень много! И численность их с каждым днем все растет, разрастаясь до гигантских масштабов.

Непрерывно показывают и рассказывают душераздирающие истории про извергов, которые истязают детей, морят их голодом, избивают до состояния инвалидности. Не обойдена вниманием и тема сексуального насилия, причем нередко встречается даже какое-то странное смакование подробностей. По НТВ, например, уже года полтора идет сериал “Закон и порядок”, в котором тема сексуального эбьюза (так называют на Западе соответствующее надругательство над ребенком) одна из приоритетных. И в основном телезрителям показывают подробные истории внутри семьи: мама с сыном, папа с дочерью, отчим с падчерицей.

Нам было совершенно очевидно, что народ так перенасыщают сюжетами о родителях-насильниках, стараясь подготовить общество к введению ювенальной юстиции (далее – ЮЮ). Подготовить к тому, что множество родителей не достойны считаться таковыми, и, следовательно, должны быть лишены этой возможности. Попросту говоря, детей у них надо отнимать. В пилотных регионах, которых более тридцати, это уже делается. В пилотной Москве, например, в 2008 г. детей изъяли в 2 раза больше, чем в 2007-м. А за первое полугодие 2009 г. – на 1/3 больше, чем в 2008-м.

Большие последствия маленькой поправки

Но реальность, как это, увы, нередко бывает, превзошла наши догадки. Даже осведомленные о ювенальной опасности люди (и мы в том числе) проморгали принятие Думой маленькой, зато очень важной поправки. Проморгали потому, что она была хитроумно встроена в Закон, которому все нормальные люди аплодировали. Поправка была внесена в ст. 156 “Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего”. Теперь “неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательно-лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, — наказывается штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок до двухсот двадцати часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового”.

В предыдущей редакции УК было предусмотрено не лишение, а ограничение свободы, что совсем не одно и то же. Крохотная, казалось бы, поправка перевела состав преступления, предусмотренный ст. 156, из категории преступлений небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести. Всего одно слово, еще до принятия закона о ЮЮ, кардинально изменило реальность. Большинство людей, правда, пока что этого не ощущают. Но им недолго суждено пребывать в счастливом неведении.

Впервые затронув тему ЮЮ в статье “Троянский конь ювенальной юстиции”, мы описали случай, происшедший в пилотной Ростовской области, когда опекуну И. И. Михову дали в общей сложности 11 месяцев исправительных работ за то, что он ставил своего подопечного в угол, “выражал словесно и жестами угрозы побоями”, а также “против воли и желания несовершеннолетнего принуждал принимать пищу”. И судья Е. Л. Воронова была очень недовольна мягкостью приговора. Вероятно, с подачи таких вороновых и была принята злополучная поправка. Теперь люди, подобные Михову, могут схлопотать в аналогичной ситуации вполне реальный срок и отправиться за решетку.

Казалось бы, цель достигнута. Но шумиха вокруг насилия в семье только набирает обороты. По этому поводу высказался даже наш премьер: “Предлагаю провести специальную общенациональную кампанию по противодействию жестокому обращению с детьми, — сказал В. В. Путин. — Думаю, что партии, представленные в Государственной Думе, общественные организации могли бы поддержать такую инициативу”.

Сразу поставим точки над *i*. Мы не сомневаемся в том, что премьер-министр хочет помочь детям, страдающим от насилия. Как, впрочем, и в том, что за последние 20 лет в российском обществе были созданы все условия для того, чтобы насилие процветало и распространялось. Причем наши правозащитники, в частности те, кто сейчас так громко кричат о насилии в семье, сыграли и продолжают играть в этом далеко не последнюю роль. Апеллируя к свободе слова, они который год не дают ввести в СМИ нравственную цензуру, защищают парады содомитов и растление детей в школе под видом сексуального просвещения. Они последовательно выступают против принудительного лечения наркоманов, алкоголиков и психически больных людей. То есть именно тех групп, которые в подавляющем большинстве случаев и совершают насилие! Иначе говоря, они разводят насильников, как карпов в пруду, и, продолжая сыпать размножающимся “карпам” обильный корм, неустанно заявляют о необходимости борьбы с насилием. Где же элементарная логика? С кем они намерены бороться?

Однако не торопитесь ответить, что логики тут нет. Она есть, но заключается в том, чтобы как можно искусней закамуфлировать истинные цели. Ведь у тех, кто выманивает жителей из дома, заявляя об угрозе теракта, тоже есть своя логика: им важно беспрепятственно проникнуть в квартиры и обчистить их.

С насилием аналогичная история. Показывают монстров, вызывая у зрителей обморочное состояние демонстрацией их зверств, и пока сердобольные и доверчивые люди не очнулись, пытаются набросить удавку практически на каждую семью, где растут дети.

Почему мы так говорим? Потому что истинная цель шумихи вокруг насилия – принять закон, запрещающий родителям наказывать детей. Разговор об этом уже исподволь затевается, и чем дальше, тем откровенней и директивной будет звучать призыв изменить наше законодательство. Сначала под насилие пытаются подверстать то, что наиболее зримо, наиболее ощутимо – физические наказания. Всё, вплоть до шлепка, постановки в угол и так называемого “встряхивания”, которое у нас, впрочем, никогда не расценивалось как наказание. Это скорее прием, позволяющий привести перевозбужденного ребенка в чувство: его берут за плечи или за руки выше локтя и легонько встряхивают.

Наказание-насилие

Но запрет физических наказаний – это только начало. Следом речь пойдет (и уже заходит!) о “психическом насилии”, чтобы соответственно причислить к нему все другие виды наказаний. Уже нельзя будет ребенка поругать, пристыдить, чего-то лишить, куда-то не пустить или заставить что-то сделать. Нельзя будет даже на какое-то время перестать с ним разговаривать!

Впрочем, дадим лучше слово одному из тех самых правозащитников, о которых мы уже в этой статье упоминали и который играет чуть ли не ведущую роль в подрыве устоев российской семьи.

“В основе проявления всех форм асоциального поведения детей лежит насилие! (Выделено нами – **И. М., Т. Ш.**) Необязательно физическое, но обязательно – психологическое. Невнимание я тоже рассматриваю как форму насилия, так как ребенок это невнимание именно так и ощущает, особенно в раннем детстве. И своим поведением демонстрирует протест. Иногда, на первый взгляд, неадекватно, чересчур грутально. Но это дополнительный признак, который подтверждает остроту его переживаний” (Олег Зыков, “МК”, 20 июля 2009 г., статья “Российскую наркологию надо лечить”).

То есть, что бы “ребенок” (напоминаем: по Международной конвенции детством считается возраст до 18 лет включительно) ни делал: грабил, насиловал, убивал – виноват не он, а родители, которые его когда-то наказывали. Потому что под психическим насилием Олег Владимирович, как и подобает правозащитнику западного покроя, понимает отнюдь не информационно-психологическое давление СМИ, не повсеместную пропаганду разврата и содомии, не романтизацию преступного мира и вседозволенности, не затягивание детей самыми разными путями в наркоманию. Нет, все это якобы несущественно, в лучшем случае – следствие. А причина в том, что в России “процветает идея насилия над детьми как способа воспитания”.

Эти откровенно противоречащие жизненной правде сентенции не стоило бы цитировать, если бы Зыков просто выражал свое частное мнение. Однако он в данном случае выступает как выразитель воли наднациональных структур, которые в последние десятилетия все активнее вмешиваются в дела суверенных государств, разрушая их самобытную экономику, культуру, систему образования, здравоохранения и весь жизненный уклад, основанный на религиозно-культурных ценностях.

Совет Европы и ООН добиваются (и от ряда стран уже добились!) полного запрещения телесных наказаний детей, спекулируя понятием “права ребенка”, которое на наших глазах быстро превращается в дубину для окончательного сокрушения семьи. Тон при этом у представителей соответствующих организаций по-хозяйски безапелляционный. Судите сами. “Мы занимаем позицию против телесных наказаний детей. Мы не разделяем идеи “оправданных наказаний”, – заявил в своем докладе, сделанном на ежегодном лектории в Детском правовом центре, Т. Хаммарберг, Уполномоченный по правам человека Совета Европы, – Международные и Европейские стандарты единодушны в этом вопросе. Конвенция о правах ребенка, прецедентное право Европейского Суда по правам человека и Европейский комитет по общественным правам четко запрещают применение телесных наказаний как в шко-

ле, в обществе, **так и дома**” (см. журнал “Вопросы ювенальной юстиции” № 3 (17) 2008).

Насчет Конвенции — бесстыдная ложь. В ней идет речь о недопустимости реального насилия и преследования детей за убеждения и деятельность родителей, по принципу “сын за отца не отвечает”. Впрочем, европейским правозащитникам лгать не впервой. Вспомните, сколько лжи вылилось на нашу страну после войны в Осетии в августе 2008 года. И во время войны в Чечне. И когда в 1993 году расстреливали безоружных защитников Белого дома.

Но продолжим внимать европейскому командиру: “Следующие международные документы, такие как декларации, рекомендации или документы последних учений ООН по вопросам насилия, настаивают на необходимости освободить мир от любого проявления насилия над детьми. Совет Европы ставит целью провозглашение в 2009 г. Европы зоной, свободной от насилия, как ранее произошло с отменой смертной казни. Целью этой политики не является поставить полицейского офицера или социального работника перед каждым взрослым”.

После этой фразы так и хочется воскликнуть: “Ну, спасибо, господин начальник! Сажать тоже будете не каждого, а через одного?”

Впрочем, господин скорее всего на сей вопрос не ответит. И не потому, что сочтет его риторическим. Дело в том, что, по его собственным словам, замысел данной политики “состоит в том, чтобы изменить общественное мнение по отношению к проявлению насилия над детьми и созданию четкой системы для образования родителей и оказанию поддержки им. Она также будет включать в себя более раннее и менее болезненное вмешательство в тех случаях, когда дети находятся под угрозой”.

Выражаясь более определенно, правозащитники стремятся получить возможность отбирать детей, которых наказывают дома, и помещать их в приют или приемную семью, а с родителями разбираться по всей строгости закона. Сколько будет таких “преступников” — покажет время. Может, придется посадить каждого второго, а может, и больше, ведь наказания в виде шлепков или постановления в угол применяются в миллионах российских семей. Но сперва, конечно, нужно принять соответствующий закон. На что и нацелено выступление Хаммерберга.

Вот ключевой момент его спича: “Принятие закона, четко запрещающего телесные наказания, будет первым шагом, демонстрируя готовность общества остановить насилие над детьми”.

“Первым шагом”, — все, как мы написали. Запрет телесных наказаний — это только начало.

Следующие шаги

Итак, задача поставлена: добиться запрещения физических наказаний во всей Европе. В России основные баталии еще впереди. Во всяком случае, “процесс пошел”, и его интенсивность заставляет насторожиться. В газетах стали появляться статьи с весьма красноречивыми заголовками: “Пять веков непрерывной порки”, “Пощечина унижает ребенка”, “Кнут-плетка-розги”. На сайте “БалтИнфо” был вывешен материал “Воспитание детей ремнем необходимо запретить — эксперты”. Рупор ювенальной юстиции О. В. Зыков поспешил републиковать его на сайте своего фонда “НАН”. На поверку, однако, оказалось, что название носит откровенно манипулятивный характер: двое из четверых опрошенных экспертов (о. Андрей Кураев и депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Елена Бабич) **не** высказались в поддержку закона об отмене телесных наказаний. Но пропагандистская кампания, направленная на склейку понятий “насилие” и “наказание”, ведется с такой оголтелостью и такими кондовыми методами, о каких мы уже успели малость подзабыть со времен не к ночи будь помянутых “прорабов перестройки”.

Специалисты, изучавшие технологии манипуляции массовым сознанием, говорят, что залог успеха в этом неблагородном деле — предварительная раскачка эмоциональной сферы. А наилучшим средством для раскочки служит использование какой-то аномальной ситуации, которая оказывает сильное воздействие на чувства.

“Особенно легко возбудить те чувства, которые в обыденной морали считаются предосудительными: страх, зависть, ненависть, самодовольство, — отмечает известный политолог С. Г. Кара-Мурза. — Вырвавшись из-под власти сознания, они хуже всего поддаются внутреннему самоконтролю и проявляются особенно бурно. Менее бурно, но зато более устойчиво проявляются чувства благородные, которые опираются на традиционные положительные ценности. В манипуляции эффективно используется естественное чувство жалости и сочувствия к слабому, беззащитному”.

Далее автор утверждает, что на самом деле безразлично, какие именно чувства раскачивать. Главное — хоть на время отключить здравый смысл, чтобы людей захлестывали эмоции и было бы уже не до рассуждений.

И, конечно, легче всего раскачать те чувства, которые и без того уже “наготове”. “Функционирование пропаганды, в первую очередь, выражается в игре на эмоциях и предрассудках, которыми люди уже обладают”, — пишет в своей работе “Коллективное поведение” американский социолог Т. Блумер.

Манипулятивная раскрутка темы насилия над детьми, преследующая в качестве истинной цели законодательный запрет наказаний, это идеальная иллюстрация вышеуказанного. Тут и разжигание негативных чувств страха, ненависти, самодовольства (дескать, мы-то не такие, мы хорошие). Тут и беззастенчивая эксплуатация самых что ни на есть благородных чувств жалости и сострадания к слабым. Правда, когда вдруг, как уже не раз бывало, выясняется, что над детьми никто не издевался и что отнятые дети страдают не от родителей, а, напротив, **от разлуки с ними и хотят к ним вернуться**, благородные чувства мигом сворачиваются в трубочку. **Таких** детей манипуляторам не жалко, ибо манипуляция как раз и направлена на облегчение изъятия детей из семьи и отобраение родительских прав.

Ну, и конечно, тут раскачиваются чувства, давно и прочно актуализированные в общественном сознании. Судьба детей в той или иной мере сейчас волнует почти всех живущих в нашей стране граждан. И именно поэтому нельзя становиться марионетками в руках манипуляторов.

“Ребята не знают своих прав...”

А теперь давайте представим себе, что будет, если печальникам о правах детей удастся-таки протолкнуть закон (или поправку) о запрете наказаний. Помните, в школе на уроке физики нам показывали, как, если поднести магнит к железному опилкам, они вдруг взлетают и крепко-накрепко прилепляются к нему? Так вот, запрещение наказаний станет своеобразным магнитом, на который неизбежно “налипнут” все дальнейшие мероприятия, отменяющие суверенитет семьи и вообще понятие семьи как таковое. Все будет просто, как дважды два. Раз детей наказывать нельзя, значит, нужно выяснить, кто преступает закон.

Для этого необходимо:

а) ввести обязательное доносительство для специалистов и организаций, так или иначе соприкасающихся с ребенком: врачей, учителей, воспитателей детских садов. За недоносительство их, опять-таки по закону, необходимо наказывать. Опыт стран, где это введено, свидетельствует, что подобные санкции очень эффективны, они существенно увеличивают количество доносов;

б) всячески поощрять и доносительство “мирных обывателей”. Чтобы было, как на Западе: ребенок за стенкой заплакал — сосед “стучит” куда следует;

в) создать также специальные службы защиты детей от насилия, наделить их сотрудников полномочиями, позволяющими вломиться в любой дом в любое время и в случае малейших подозрений на то, что к ребенку применяются наказания, изъять его из семьи, а на родителей завести уголовное дело;

г) и, разумеется, информировать детей об их правах и о том, что именно следует понимать под нарушением детских прав.

В интервью под весьма красноречивым названием “Перехватить занесенную руку” (см. “Вечерняя Москва” от 24 авг. 2009 г.) А. И. Головань — не какой-то там любитель-правозащитник, а на тот момент Уполномоченный по правам ребенка при Президенте! — фактически озвучил все те позиции, которые мы обозначили пунктами “а”, “б” и т. д.

Для простоты пометим цитаты теми же буквами.

а) “– Алексей Иванович, если прохожий видит на улице, как родители бьют ребенка, стоит ли ему вмешиваться?”

– Стоит, так как нарушается 56-я статья Семейного кодекса, согласно которой каждый, кому станет известно “об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов”, должен сообщить в орган опеки и попечительства. Нужно сделать родителям замечание. И тут неважно: физическую или психологическую боль причиняют ребенку”.

б) Далее Головань сетует на то, что у нас “особый менталитет”. Не спешат люди записываться в стукачи, сознательности маловато. Нет, все-таки логика у наших правозащитников, мягко говоря, хромает. Не вы ли, господа, добрых четверть века внушали народу, что доносить плохо? Народ вам поверил, не хочет больше стучать. А вы опять недовольны? Трудно, однако, на вас угодить.

в) “К сожалению, дети часто не знают, куда обращаться и не всегда верят, что получат помощь, – сетует Уполномоченный. – Необходимо создать телефон из двух-трех цифр, линию для детей, за которой стояла бы реальная городская служба и не перераспределяла обратившихся по другим организациям, а приходила им на помощь в трудной ситуации. Ребята не знают своих прав и не всегда понимают, что их права нарушаются. Иногда не могут понять, что это уже насилие”.

Иными словами, детское доносительство надо максимально упростить. Нажать на кнопку и набрать 2–3 цифры может и малыш, только-только начавший ходить в детский сад. На фотографии, прилагаемой к интервью, изображена такая малютка. Прикрыв крохотной ладошкой рот – чтобы мама не услышала – она жалуется по телефону: “Мама меня ну совсем не понимает”. (Это подпись под фотографией.) От горшка два вершка, а уже соображает, умница, что когда мама “не понимает” – это тоже насилие. И пусть дорогая мамочка ответит по закону! А на майке у девчушки нарисован ангелок с нимбом и крылышками. Чтобы закрепить в головах у читателей нужную ассоциацию: кому следует уподоблять ребенка, предающего своих родителей.

В конце интервью приведен список организаций, куда могут обратиться дети. Но, конечно, пока это капля в море. И вот летом 2009 г. в московской программе “Дети улиц” (а Москва, напоминаем, пилотный регион по ЮЮ) было предложено создать “территориальную систему шаговой доступности” для защиты прав несовершеннолетних. “Шаговая доступность” – это, считай, на каждом углу. Помнится, когда православные люди предлагали все в той же “шаговой доступности” строить храмы, как это было до революции, дальше благих пожеланий дело не пошло. А вот сервисное обслуживание юных стукачей – это пожалуйста, с дорогой душой.

Правозащитники твердят свое. “Трагедия насилия в отношении детей обостряется ещё тем, что всё происходит за закрытыми дверями, – говорит Головань. – Важно вовремя выявить, приостановить, предупредить”.

А для этого нужно распахнуть **все** двери. Чтобы работники сервис-центров, которые в шаговой доступности, могли бы перешагнуть через порог **любого** дома. Еще раз подчеркнем: для защиты детей от реального насилия у нас есть все законы и механизмы. Речь идет о запрещении самых обычных наказаний, которые применяются в качестве воспитательной меры подавляющим большинством российских родителей.

г) По словам А. И. Голованя, “ребята не знают о своих правах и не всегда понимают, что их права нарушаются. Иногда не могут понять, что **это уже насилие**” (выделено нами – **И. М., Т. Ш.**). Поэтому в детском садике и тем более в школе “компетентные товарищи” будут им вправлять мозги. Ребенок (как, впрочем, пока и большинство взрослых) не подозревает, что отправка его за озорство в угол – это физическое наказание, а ему объяснят. Скажут, что это чудовищно нарушает его достоинство и что он вправе потребовать защиты. Расскажут, какая мера полагается за шлепок, за удар ремнем и даже за повышение голоса. Последнее ведь тоже насилие! Только психологическое. А оно, по мнению чадолюбивых правозащитников, еще страшнее физического. Чтобы не быть голословными, опять процитируем Голованя, авторитетного специалиста по защите прав детей: “Три года назад мы проводили с Московским психолого-педагогическим университетом исследование. И оказалось, что для взрослых насилие понимается главным образом как фи-

зическое. Для детей же на первом месте стоит психологическое, эмоциональное насилие. Даже игнорирование, когда с ребенком просто долго не разговаривают, для них мучительно”.

“Как ты считаешь?..”

А школа волонтеров Департамента по защите прав детей разработала – в рамках исследования “Защищен ли я” – анкеты для подростков. Исследование посвящено вопросу “соблюдения прав ребенка от жестокого обращения и пренебрежения в семье” (такой русский язык в тексте. – **И. М., Т. Ш.**). Цель – определить, как осознают подростки проблему насилия, часто ли приходится им сталкиваться с этим явлением. Хорошее такое исследование, весьма информативное. И вопросы поставлены грамотно. Чтобы службам защиты детей не пришлось особенно напрягаться, собирая компромат. Не пожалеем места и приведем анкету целиком. Надо же людям понимать, с чем в ближайшем будущем они могут столкнуться. (Русский язык и тут оставляет желать лучшего, но это вам не начальная школа, не какой-то там ликбез, а школа волонтеров! К тому же Департамента по защите прав детей.)

1. Дай, пожалуйста, определение слову “насилие”.

Насилие – это...

2. Как ты считаешь, существует ли проблема насилия в семье?

1. да
2. нет
3. затрудняюсь ответить
4. не задумывался над этим
5. свой вариант ответа

3. Какие формы насилия в семье наиболее часто проявляются?

(не более трех ответов)

1. физическое
2. психическое
3. сексуальное
4. экономическое
5. пренебрежительное
6. другое

4. Какие отношения у тебя с родителями?

1. мои родители – мои друзья
2. хорошие отношения
3. родители далеки от меня
4. я им безразличен
5. напряженные
6. могли бы быть и лучше
7. оскорбляют словами, кричат, заставляют чувствовать плохим человеком
8. конфликтные
9. “силовые” (шлепки, побои со стороны родителей)
10. свой вариант ответа

5. Укажи, какие методы воспитания обычно применяют твои родные по отношению к тебе

(не более 3 ответов):

1. объясняют, как надо поступать в той или иной ситуации
2. хвалят тебя, когда ты этого заслуживаешь
3. обещают награду за хорошие поступки
4. не замечают тебя, перестают разговаривать с тобой
5. запрещают тебе делать то, что тебе нравится
6. ругают, кричат, обзывают
7. применяют физические методы воздействия
8. свой вариант ответа

6. Испытывал ли ты сам жестокое обращение по отношению к себе в семье?

1. да
2. нет
3. затрудняюсь ответить
4. другое

7. Укажи, пожалуйста, виды насилия, которые испытывал в своей семье или продолжаешь испытывать

(не более 3 ответов):

1. психологическое насилие (манипулирование, обвинения, формирование чувства вины и др.)
2. эмоциональное (критика внешнего вида, манер, умственных способностей, оскорбления, брань)
3. экономический контроль, угроза лишения материальной поддержки
4. физическое (пощечины, толчки, побои, издевательства)
5. сексуальное насилие (принуждение)
6. эксплуатация (заставляют работать, отбирают деньги)
7. пренебрежение
8. препятствие в выборе друзей и встреч с ними
9. свой вариант ответа

8. Отметь, кто чаще проявляет жестокое отношение по отношению к тебе:

1. мама
2. папа
3. брат или сестра
4. другой вариант ответа

9. Как ты относишься к различным формам насилия, проявляющимся по отношению к тебе в твоей семье?

(не более 3 ответов):

1. возмущаюсь
2. равнодушно
3. переживаю, но не подаю вида
4. ощущаю обиду
5. считаю насилие иногда доступным
6. пытаюсь что-то предпринимать для изменения ситуации
7. убегаю из дома
8. даю сдачу
9. свой вариант ответа

10. К кому ты предпочитаешь обратиться в случаях проявления насилия в семье?

1. маме
2. папе
3. брату или сестре
4. другой вариант ответа

11. Знаешь ли ты организации, в которые мог бы обратиться в случаях проявления жестокого обращения по отношению к тебе? (укажи их)

12. Удалось ли тебе предотвратить случаи проявления жестокого обращения по отношению к себе?

1. да
2. нет
3. другой вариант ответа

13. Предложи свои варианты решения проблемы жестокого обращения по отношению к детям в семье.

14. Когда ты сам станешь родителем, будешь ли ты действовать по отношению к своему ребенку с позиции силы (оскорблять, угрожать, издеваться, применять физические меры воздействия)?

15. Укажи, пожалуйста, сведения о себе.

1. возраст
2. пол
3. место проживания (город, поселок)
4. сколько человек в твоей семье (отметь всех, кто живет с тобой: папа, мама, бабушка, дедушка, отчим, мачеха, братья, сестры)
5. отметь, к какой социальной категории ты можешь отнести тех, кто тебя воспитывает: рабочие, инженерно-технические работники, служащие, безработные, предприниматели, пенсионеры.

(см. <http://www.mnogodetok.ru/viewtopic.php?f=67&t=17120>)

Давайте вспомним арифметику!

Мы начали статью с того, что обратили внимание на информационную историю по поводу насилия в семье. Теперь хотим сказать, что истерии лучше не поддаваться. И потому, что состояние это в принципе не самое здоровое. И потому, что манипуляции, то есть обман трудящихся, как раз и производятся на волне истерии. Зато имеет смысл снова вспомнить школьные уроки. На сей раз – арифметики. И произвести несложные арифметические подсчеты.

Как показывает опыт, это хорошо отрезвляет манипуляторов. В своё время идеологи “планирования семьи” также громко кричали о страшно высокой материнской смертности от абортот и, прикрываясь этим, требовали на каждом углу (тогда еще не выдумали выражение “в шаговой доступности”) раздавать контрацептивы. Пришлось вооружиться карандашом и подсчитать, какова же эта цифра в реальности. Оказалось... 250–300 человек в год (при 3 миллионах абортот по самым скромным подсчетам). После того, как эта цифра была обнародована, крики хитрецов стихли.

Истерия по поводу “насилия в семье” до мелочей напоминает тогдашнюю “планировочную” шумиху. Если поддаться этой истерии, можно действительно подумать, что волна родительского насилия уже захлестнула чуть ли не все российские семьи – цунами, да и только! Но потом, слегка оправившись от шока, начинаешь выписывать “сухую цифирь”, приведенную самими алармистами, и получаешь, что при общем количестве детей около 27 млн от жестокого обращения пострадало в 2007 г. 161 тыс., а в 2008 – 126 тыс. (между прочим, на 41 тыс. меньше, так что крики о росте насилия тоже выглядят как-то несолидно). При этом четких данных, сколько детей пострадало именно от **семейного насилия**, нет. Но ведь жестокое обращение – это и нападение на улице, и уличные драки, в которых многие подростки получают побои и травмы, и злключения беспризорников, счет которым в нашей стране идет на сотни тысяч, если не на миллионы. А сколько детей страдает от насильников-маньяков? А в школах и других детских учреждениях разве всегда всё благополучно? И разве не те же правозащитники, когда им это выгодно, громко заявляют всему миру о страшном, ужасном насилии в детских домах и приютах? Зато теперь, когда им опять-таки выгодно, стрелки переводят на родителей. Зыков и прочие утверждают, что 97% случаев насилия над детьми в семье остается незафиксированными. Почему именно 97, неясно. Если реальной статистики нет, откуда появляются такие точные цифры?

Если же брать реальные, фактологически подтвержденные случаи, то, по данным Фонда национальной и международной безопасности, от семейного насилия ежегодно страдает в среднем 3500 детей (см. “Доктрина сбережения и умножения русского и другого коренного населения России для XXI века” под ред. Л. И. Шершнева). Ряд других источников называет примерно такую же цифру. Так, директор департамента Минобразования, занимающегося вопросами соцзащиты детей, Алина Левитская сообщила, что в 2006 г. органы опеки зафиксировали около 3900 случаев жестокого обращения с детьми. А. И. Головань, в бытность свою Уполномоченным по правам ребенка в Москве, сообщал в официальном докладе за 2007 г., что в столице отобрали 165 детей при непосредственной угрозе их жизни и здоровью. В Москве проживает около 3 млн детей, то есть чуть больше 1/10 части всего детского населения России. Вряд ли в других регионах с детьми в семьях обращаются значительно хуже, чем в Москве. Соответственно, если умножить 165 на 10, мы получим менее 2000. “За последние 5 лет, – говорится в том же

докладе, – в Москве было совершено 383 преступления, предусмотренных ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних, соединенное с жестоким обращением с ним)”. Это уж совсем какая-то небольшая цифра: за год в среднем 76 человек (по России, соответственно, раз в 10 больше).

По данным Следственного комитета при Генпрокуратуре, в 2008 г. от боев погибло 1914 детей, а примерно 2300-м нанесен тяжкий вред здоровью. Однако Следственный комитет не указывает, что все эти дети пострадали от насилия в семье. Их могли убить на улице, изувечить в школе, в детдоме, на дискотеке и т. п. Но допустим, даже эта цифра, самая значительная из приведенных (в общей сложности 4214 человек), относилась бы исключительно к жестоким родным: 27 000 000 (27 миллионов) и 4 000! Как говорится, почувствуйте разницу!

Выходит, вся эта гестаповская реальность с детским доносительством и возможностью вести слежку буквально за каждой семьей выстраивается ради – вы уже подсчитали? – 0,015 %! Немного больше одной сотой процента! И даже если согласиться с бредовыми заявлениями, что 97% случаев насилия над детьми в семье остается нераскрытыми, то это все равно составит 0,3% от общего количества детей в нашей стране. Да и по-настоящему страшная цифра – 126 000 детей, пострадавших за год от жестокого обращения, которое, повторяем, дети терпели в подавляющем большинстве случаев отнюдь не от родителей, – это всего лишь... 4,7% от детского населения нашей страны.

...Как же надо презирать людей, которым стараешься задурить голову, чтобы быть абсолютно уверенным в их неспособности произвести простое арифметическое действие, доступное даже ученику начальной или, на худой конец, средней школы! Впрочем, это понятно: ведь труднее обманывать тех, кого уважаешь. А если презирать, тогда вроде ничего – они, дурачки, всё слопают.

Так незадачливые манипуляторы сами попадают в ими же расставленные ловушки. Об этом сказано в одном из псалмов Давида: “...но неправда обманула себя” (Пс., 26:12).

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

ТЮРЬМА НАРОДА

8 июня в солнечный летний полдень в центре Москвы был застрелен в упор русский полковник Буданов. Когда-то он храбро сражался с чеченскими бандитами, потом его обвинили в изнасиловании девушки (поговаривали, то ли она, то ли её мамаша стреляли в спину нашим солдатам). Пристрастный к русскому полковнику трибунал факт изнасилования отверг, но боевого командира посадили на долгий срок. Он отсидел в тюрьме почти десять лет, освободился, больной и постаревший, тихо проживал далеко от Москвы, но на свою погибель приехал сюда. И тут в центре русской столицы получил четыре пули в голову. Его расстреляли спокойно, как на учениях.

Представители властей вертелись ужами на вилке, делая вид, что ничего особенного не случилось. А любимый сотрудник президента, носящий русскую фамилию Федотов, заявил в том духе, что такого злодея даже и жалеть-то особенно не стоит...

Итак, четыре пули вогнали в русской столице в лицо русскому народу. И спокойно отъехали. И ничего.

Место убийства было завалено цветами неизвестных граждан (ни одного официального венка не было), появились иконы и загорелись свечи. А множество "правоохранителей" занимались только тем, что всячески препятствовали выражению скорби. Выходило так, что именно убитый полковник, но особенно – соболезнающие ему русские люди – они и есть главные враги Россиянской федерации, то есть верхушки её. Очень странно это.

Как говорят, у нас в России скоро случатся выборы. Всем известно, что не менее восьмидесяти процентов так называемого "электората" – это русские граждане по рождению и воспитанию. Более того, безусловно очевидно, что национальное самосознание русского народа в самые последние годы сильно возросло, во всяком случае после кровавых событий в Кондопоге. Восемьдесят процентов – это очень-очень значительное большинство, хотя в стране проживают и многие иные народы. Как же относятся к этому серьёзному вопросу те, кто пока рулит событиями, но вскоре собирается переизбираться? Прямых данных у нас нет, но есть косвенные, зато бесспорные и очевидные.

При коммунистах долгие годы главным идеологом в Кремле был верный интернационалист-ленинец Михаил Суслов. В XXI веке в "демократическом" Кремле возник другой идеолог, который проявляет себя всё громче и твёрже. Это Владислав Сурков, первый заместитель руководителя Администрации президента. Вообще-то фамилия его по отцу Дудаев, он чеченец, и носит ма-

теринскую фамилию. Так вот, недавно Сурков-Суслов выразился так, что это можно сделать эпиграфом к нынешней кремлёвской политике: “Кавказ является опорой, фундаментом России. Это не только в переносном, но и в прямом смысле. Это камень, на котором стоит вся Россия, это опора страны”. В историко-политическом смысле это, конечно, чересчур смелое утверждение, но не постеснялся же так выразиться!

В печати самого разного толка не устают сообщать, что из госбюджета направляются огромные вложения в так называемые “национальные республики”, и делается такое за счёт коренных русских областей. Не станем загружать читателя скучной цифирью, вот один лишь пример. По программе “Содействие занятости” Волгоградской области выделено из бюджета на три года 674 млн рублей, а в то же время в Ингушетию влито средств в три раза больше, хотя проживает там почти в три раза меньше российских граждан, которые все, как известно, равноправны. Ну ладно, эти перекосы можно попытаться хоть как-то оправдать стародавними словесами о “дружбе народов”, о “братской помощи”, но приведём ещё один пример.

Вот транспортный налог, хорошо известный всем автомобилистам. С машины в 215 л. с. установлен налог в разных регионах разный, присмотримся же к этой самой разнице. Так вот, в Ингушетии платят (в округлённых цифрах) 3200 руб., в Дагестане – 1700, в Чечне – только 1500 рублей. В Москве платят почти 13 тысяч (ну понятно, город миллионеров и чиновников, хотя бедных и тут довольно). Но далее следуют однообразные числа, обоснование коих может быть только мистическое. Перечислим для примера некоторые лишь города и области: Петербург, Саратовская область, Кемеровская, Нижегородская, Воронежская, Приморский край.

Для начала отметим тут странную уравниловку: все эти регионы обязаны взysкивать со своих граждан 16125 рублей, то есть богатый Петербург и нищее Приморье, так сказать, “уравнены в правах”. Но главное тут совсем в ином: жители Чечни платят в одиннадцать раз (!) меньше, чем коренные русские области, а Дагестан и Ингушетия лишь немного больше. А почему, ведь все граждане страны равны перед законом? Не странно ли это?

Важный сей документ подписывали в Кремле очень ответственные люди, что же они не обратили внимания на эти вопиющие несоответствия и несправедливости? Получается так, что граждане кавказских республик находятся, очевидно, в более привилегированном положении, чем вся остальная России.

Да, тяжело быть сегодня русским в России...

В последние годы началось повальное бегство русского населения с Северного Кавказа. Картина тут вырисовывается поистине трагическая. По данным на 2002 год численность русского населения сократилась в различных северокавказских республиках на следующую величину (в тыс. человек): Ингушетия – 22, Карачаево-Черкессия – 22, Кабардино-Балкария – 29, Дагестан – 59.

Однако в этом печальном списке абсолютный рекорд принадлежит кремлёвской любимице Чечне – оттуда убежало почти всё русское население – 248 тысяч человек. Однако о судьбе тех несчастных беженцев весьма мало заботились центральные власти, а наши пресловутые правозащитники беспокоились о ком угодно, до гомосексов включительно, только не о судьбе русских. (Эти и многие иные данные почерпнуты из содержательной книги “Кавказ 2011. Русский взгляд”. М., 2011.)

Итак, русским народом в Кремле пренебрегают, а вот кавказцев (и не только их, но и представителей иных малых народов) любят и лелеют. В ответ на заботу признательные абреки повсеместно творят теракты и задевают коренное население, будучи возлюбленными чадами наших правоохранителей.

Ещё при Ельцине стали раздаваться голоса, что планы реформаторов были самые благостные для народа, но они, к нашему общему несчастью, не удалась, ибо сам-то русский народ (именно русский, а не россиянский) оказался не очень хорош. Впервые в безоговорочных выражениях это высказали Новодворская, Чубайс и Кох (он только по отцу немец). Теперь это привычно твердит вся либеральная печать и поддакивают с телеэкрана.

И вот совсем недавно на эту животрепещущую тему высказался большой знаток межнациональных отношений Борис Абрамович Березовский. Старичок вполне жив и по-прежнему обитает в Лондоне. Именно там он провёл обширную беседу, избрав доверенным лицом небезызвестную Ксюшу Собчак

(понятно, каков герой, таковы и его летописцы). Опубликовано эта многословная болтовня в глянцевого издания "GQ", в июньском номере.

Березовский, большой знаток околоремлёвских дел и делишек, высказался по широкому кругу вопросов. Например, кратко и небрежно отозвался о Суркове, напомнив его чеченское происхождение. Указал точно, что рост президента Медведева равен 162 сантиметрам ("у меня 172", похвастался он), и сделал по этому поводу ряд политических выводов, которые мы опустим (лондонским собеседникам можно, а нам никак нельзя).

Много забавных вещичек высказал БАБ, но главное приберёг на конец разговора, вот: "Как показывает новейшая история, наш народ, к сожалению, рабский". А какие с рабами могут состояться положительные преобразования... Помните: "К чему стадам дары свободы, их должно резать или стричь". Вот нас, русских, стригут много лет и нас же обвиняют.

Марксисты-ленинцы и их явные и прикрытые последователи всех оттенков безусловно утверждали, что Россия — "тюрьма народов", а также "жандарм". Теперь русское государство полуразрушено, русский народ "опустили".

"Так что же нам делать", — вопрошал сто лет назад граф Толстой. Ответ очевиден. Для начала надо, что бесспорно, пробудиться, почувствовать себя свободными и вспомнить славную историю своих предков.

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

БУДОЧНИКИ

От Бога не уйдешь, как от будочника.

Ф. П. Гааз

Великая русская литература подарила миру не только образы Онегина, Печорина или князя Андрея Болконского. Среди хрестоматийных литературных персонажей хорошо известен и герой Г. И. Успенского – будочник Мымрецов. Его служебное кредо, выразившееся в словах “тащить и не пущать”, навсегда стало символом полицейского произвола.

Но здесь дотошный читатель может возразить: “Мымрецов, как следует из текста рассказа “Будка”, служил в провинции. Тогда при чем здесь славная московская полиция? Где Крым, а где Нарым?”

Что же, попробуем разобраться.

Для начала отметим, что во всех городах России, где имелись полицейские команды, стационарные посты размещались в специальных будках. Более того, в период правления Николая I их предписывалось строить по всей территории империи по единому, “Высочайше утвержденному” образцу.

Что же касается Москвы, то в ней существование этих специфических строений отмечено еще в начале XIX в. Так, указом Александра I от 23.03.1802 г. отставным солдатам предлагалось поступать в московскую полицию “для употребления сторожами при будках”. В 1862 г., когда было составлено инвентарное описание городского имущества, в городе насчитывалось 389 полицейских будок.

“По наружному виду будки разделяются на большие и малые, – писал в газете “Наше время” С. Натальин, – при некоторых устроены конюшни и сараи, но число таких весьма ограничено; будки с конюшнями стоят на окраинах Москвы, как ширьевская, например, расположенная на Ширьевом поле. Внутри города находится только одна будка с конюшней. Из будок весьма ограниченное число каменных; большая часть строятся деревянные”.

Будки стояли на площадях или на перекрестках улиц и получали, как правило, названия либо по местности, где они располагались, либо по имени ближайшего храма. Из-за последнего обстоятельства в одной части города насчитывалось несколько “Спасских, Никольских и Знаменских” будок. Только при обер-полицмейстере А. Л. Потапове (1860–1861) полицейские будки

РУГА Владимир Эдуардович и КОКОРЕВ Андрей Олегович — известные историки московской жизни XIX — начала XX веков. Журнал продолжает публикацию их увлекательных материалов. Предыдущие статьи в № 9 за 2008 г., № 9 за 2009 г., № 11 за 2010 г.

были пронумерованы, однако построенные позже номеров так и не получили, а носили лишь традиционные названия.

“Вид самих будочников был поразительный, — отмечал Н. В. Давыдов, описывая Москву середины XIX в., — одеты они были в серые, солдатского сукна казакины, с чем-то, кажется, красным на вороте, на голове носили каску с шишаком, кончавшимся не острием, как на настоящих военных касках, а круглым шаром. При поясе у них имелся тесак, а в руках будочник, если он был при исполнении обязанностей службы, держал алебарду, совершенно такую, какими снабжают изображающих в театральных представлениях средневековое войско статистов. Орудие это, на первый взгляд и особенно издали казавшееся страшным, а в действительности очень тяжелое и неудобное для какого-либо употребления, стесняло, конечно, хожалых, не обладавших крепостью и выправкой средневековых ландскнехтов, и они часто пребывали без алебарды, оставив ее или у своей будки, или прислонив к забору...”

Привычка оставлять символ власти без присмотра однажды имела для будочников довольно печальные последствия. В начале 30-х гг. XIX в. обер-полицмейстер Цинский, как-то ночью объезжая полицейские посты, набрал в сани 12 алебард, стоявших прислоненными к будкам. Сами стражи порядка в тот момент преспокойно спали вместо того, чтобы неустанно бдить и окликать ночных прохожих: “Кто идет?”¹.

Приказом начальника полиции нарушители устава были сурово наказаны, а сам случай послужил толчком к появлению сатирической поэмы “Двенадцать спящих будочников”. Автор этого произведения, бывший полицейский чиновник Д. Языков изобразил своих коллег, не жалея сарказма: все они пьяницы, не чисты на руку, истину из задержанных привыкли выбивать кулаками. Зато богач, продавший душу дьяволу, под их защитой может и в ус не дуть — заимодавцу близко не дадут подойти. Одна из гипербол поэмы: едва увидев караул будочников, чёрт Асмодей в страхе ретируется в преисподнюю и зовет на помощь самого Сатану:

*Вот час полночный зазвенел!
Асмодька появился,
Но бутюшников чуть узрел,
В ад тотчас провалился...*

В дневное время “бутари” (или, как их еще называли москвичи — “макарки”) для дополнительного заработка пробавлялись разного рода ремеслами, но главным образом занимались приготовлением нюхательного табака. Однако в большинстве своем будочники, стоя днем на часах, предпочитали дремать, вцепившись руками в древко алебарды. Обыватели настолько привыкли видеть их в таком положении, что считали неотъемлемой частью городского пейзажа, чем-то вроде статуй. Автор “Очерков о Москве” Д. А. Покровский упоминал о чуть ли не столетнем ветеране, который с незапамятных времен нес караул у Большого Каменного моста, да так и отошел в мир иной, не изменив привычной позы.

Что же касается других качеств будочников, то, судя по отзывам современников, они тоже не вызывали особых восторгов в обществе. Об этом, в частности, свидетельствует философское эссе, опубликованное на страницах журнала “Новый живописец общества и литературы” примерно в то же время, когда обер-полицмейстер Цинский уличил подчиненных в небрежном несении службы:

“Будочник! Сколько идей развивает это имя в уме путешественника — мечтателя, замечателя, сравнивающего наблюдателя! Не говоря уже о том, что, философски рассматривая будочника, видели в нем доказательство удивительных действий просвещения и образованности. Целое народонаселение будочников осуждено стоять статуями подле маленьких хижин на перекрестках улиц для того, чтобы все остальные жители города спокойно могли ходить и ездить. Злые люди, утверждая, что каждый замок есть сатира на че-

---

¹ Горожане должны были откликнуться словом “обыватели”; военные отвечали: “Солдат!” В книге “Рассказы о старой Москве” писатель А. И. Вьюрков утверждал, что будочник “ночью постукивал в чугунную доску и по временам на всю улицу: “Посматривай”.

стность человека, конечно, назовут будочника *живой сатирой на Человечество*. Нет! Заступимся за будочников и скажем, что статистическо-физическо-моральное рассмотрение будочников покажет торжество природы человеческой. Бессмертная душа человеческая, не находившая себе пределов на земле в теле Наполеона, Данте, Гете, в теле будочника довольствуется крошечной хижинкой, занимает себя дреманием на алебарде во время дня и хрипловатым окликом проходящих во время ночи. Здесь также должно удивляться бесконечности малого в человеке, как удивляемся мы, рассматривая бесконечно малые предметы природы.

Красное, одутловатое лицо, укромный быт, серая шинель будочника также не чужды ощущений человеческих. И здесь, и в этом мире кипят страсти. Честь, слава, любовь, дружба волнуют человека. Посмотрите: какое дружеское участие видно в этих двух лицах, которые чистят фонарь и метут площадку будки, и в этом торговле табачной лавочки, который даром дает будочнику грошовую порцию табака. Вот и любовь в образе жены будочника, которую с торжеством ведет он поить чаем в ближней харчевне!..

Излишество губит и смиренный род будочников – да, оно! Не употребляя они с излишком вина, и они следовали бы за неперменным законом усовершенствования Человечества, верно доказанного новыми философами. Мечта прекрасная! Будочники грядущих поколений стали бы уже на высшую ступень перед нашими будочниками...

Будет, будет это время для вас, *воины в броне сермяжной!*"

Сейчас уже невозможно определить, какой срок для перехода на высшую ступень отводил рядовым полицейским служителям философ из "Нового живописца". По крайней мере, современники свидетельствуют, что и в середине XIX в. будочники в общей своей массе по-прежнему оставались далекими от совершенства.

"Будочники были безусловно грязны, грубы, мрачны и несведущи, – писал в мемуарах Н. В. Давыдов, – да к ним никто и не думал обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живые "пугала" для злых и для добрых, специально приспособленные для того, чтобы на улицах чувствовалась публичкой и была воочию видна власть предрержащая, проявляющаяся в том, что учинивший какое-либо нарушение обыватель, впрочем, не всегда и не всякий, а именно глядя по обстоятельствам и лицам, "забирался" в полицию".

Как происходило задержание нарушителей общественного порядка, рассказала Е. И. Козлинина в воспоминаниях "За полвека. 1862–1912 (пятьдесят лет в стенах суда)". По ее свидетельству, у будочника всегда был наготове моток крепкой бечевки, хранившийся до случая за отворотом обшлага шинели. Полицейский страж связывал дебоширу руки и вел для разбора в квартал (канцелярию). Если буйство случалось в "неприсутственное" время, скажем, ночью, до урочного часа задержанного сажали в будку.

"На следующий день, – рассказывал Н. А. Найденов, – такие арестованные в награду за их деяния или были назначаемы на какие-либо внутренние при частном доме работы, как катать белье у частного пристава, набивать погребка льдом и т. п., или были выгоняемы с кругами на спине на чистку городских площадей, после чего им давался отпуск – коротко было и просто".

Попутно стоит отметить, что использование труда нарушителей порядка приносило руководству полицией определенный доход. Вот что писал по этому поводу в 1864 г. известный общественный деятель Н. П. Щепкин: "Говоря о наружном устройстве города, нельзя пройти молчанием одной весьма характеристической черты этого устройства. До настоящего года очищение городских площадей, улиц и мостов лежало на ответственности полиции, которой отпускалось на это из городской казны ежегодно 8082 р. 13½ к. И что же? Наши площади, особенно рыночные, т. е. почти все, находились всегда в самом ужасающем виде, представляя в некоторые времена года, особенно весною, непроходимые болота из навоза и прочего добра. Если улицы еще кое-как подчищались, хотя для видимости, то площади решительно отдавались на произвол судьбы. С нынешнего года полиция, во избежание всяких упреков, отказалась от 8000 р., а очистка площадей и улиц будет лежать на ответственности самой думы, которая, конечно, будет отдавать эту работу подрядчикам".

С преступниками, попавшимися на мелких кражах, будочники поступали проще. Их не тащили в квартал, а отдавали в руки "городового", который

имел полномочия тут же нарисовать мелом круг на спине вора, а в круге сделать крест. После этого “меченой шельме” вручали в руки метлу из ближайшей будки и заставляли мести мостовую у места совершения преступления.

Здесь следует пояснить, что городской, выносивший приговор на месте, в полном виде именовался “городской унтер-офицер” и по своему служебному положению являлся непосредственным начальником подчиненных ему будочников. Его не следует путать с городскими – рядовыми полицейскими служителями, появившимися на московских улицах в результате реформы 1881 г. (о них речь пойдет впереди). Городовых унтер-офицеров в народе называли “хожалыми”. В отличие от будочников, привязанных уставом к одному месту, “городовые” должны были постоянно совершать обходы вверенной им территории и пресекать замеченные безобразия.

Вместе с перечисленными формами наказаний существовала еще одна – расправа на месте. Далеко не все будочники были столетними ветеранами, так что нарушитель порядка мог получить и увесистую плюху. Знакомый Дмитрия Каракозова (автора первого покушения на Александра II) вспоминал такой случай: однажды будущий террорист, увидев, как городской стражник с ожесточением колотит извозчика, “немедленно ухватил будочника за шиворот, поднял его на воздух, потряс несколько раз и бросил в сторону со словами: “всех бы вас перевешать!”

И все же среди будочников встречались отзывчивые люди. В противоположность утверждению Н. В. Давыдова, что к ним никто не обращался за справками, великий русский драматург А. Н. Островский один такой случай описал. Вот сцена из его первого литературного произведения, относящегося к 1843 г., “Сказания о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг”:

“...хохол будочник сидел на скамейке и что-то мурлыкал. Меланхолия отражалась на его лице и во всех движениях. <...>

Женщина немолодых лет, покрытая красным платком по голове и в коричневом драдедамовом салопе, подошла к будке.

– Служивой!

– Що тобі?

– Не знаешь ли, голубчик, где тут живет чиновник Зверобоев? Ах, батюшки мои, замучилась, с самых вечерен ищу, с Зацепы шла.

– Та бог его знае, как его знать, чего не знаешь.

– Да скажи, пожалуйста, батюшка, уж так и быть, пяточка не пожалею, только бы найти бездельника.

– Та бог его знае.

– Чай, ведь видишь поутру, в присутствие-то ходят, такой маленький, плешивенький.

– Та как его знать, чего не знаешь.

– В серых штанах ходит.

– Да много их тут в серых штанах ходит. Как его знать, чего не знаешь.

– И в белой пуховой шляпе. Одна в Москве.

– Такого видал.

– Скажи же, голубчик, сделай милость, развяжи меня, с вечерен ищу, с Зацепы шла.

Будочник, почесывая затылок. – Шляпа-то важная.

– Да говори же скорей, измаялась, вся душа изныла. – Толкает его под бок.

– Та що ты дерешься; не в указные часы по вулицам шатается, та еще и дерется, та еще, може, так, потаскуша якая.

– Нет, не потаскуша, а купчиха московская, мой муж-то две медали имел.

– Видали-ста мы вашего брата. Вот его фатера, – сказал он, с пренебрежением показывая на дом, – ступай собі”.

Как известно, А. Н. Островский прекрасно владел искусством отражать через мельчайшие бытовые детали типичные явления окружающей его действительности. Выходит, будочник-“хохол” для Москвы 40-х гг. XIX в. вовсе не экзотика. Остается только понять, почему не коренные жители, а выходцы из Малороссии охраняли порядок на московских “вулицах”?

Ответ содержит циркулярное предписание Министерства внутренних дел от 11 ноября 1831 г. “О запрещении определять в полицейские команды туземцев и местных жителей”. В этом документе до губернских властей доводилась

воля Николая I: "...принять за правило, дабы нижние чины, состоящие в службе менее 20 лет и поступающие во Внутреннюю стражу, были определены в батальоны инвалидных команд не тех Губерний, из коих присланы на службу, а других; равномерно и в полицейские команды; прослужившие же 20 лет, могут быть переведены и определены на родину, если того пожелают"¹.

По всей видимости, причиной этого запрета послужило начавшееся годом раньше восстание в Польше, в ходе которого польские войска и местная полиция, нарушив присягу, выступили против власти русского царя. Чтобы подобного не повторилось в других местах, Николай I и приказал комплектовать внутреннюю стражу и полицию из уроженцев отдаленных краев.

Стоит отметить, что циркуляр МВД вызвал смятение среди московских властей. Обер-полицейстеру Муханову даже пришлось через посредство генерал-губернатора обращаться к министру графу А. А. Закревскому за разъяснением: "распространяется ли означенное Высочайшее повеление на чиновников в Полицию определяемых, и подходят ли под оное те чиновники и нижние чины, кои уже состоят в штате полиции?"².

Три месяца, пока шла переписка с Петербургом, служащие полиции из числа москвичей с трепетом ожидали своей участи. Наконец, министр со свойственной ему прямоотой ответил:

"Сообразив представление исправляющего должность Московского Обер-полицейстера с означенным Высочайшим повелением, я с моей стороны полагаю:

1) Что под именем Полицейских команд, в изъясненном Высочайшем повелении упоминаемых, подлежит разуметь нижних служителей в командах находящихся, на чиновников же полиции оное Высочайшее повеление не распространяется, и

2) Что поелику всякий издаваемый закон, воспримля силу свою со времени издания оного, обратного действия иметь не может, то и означенное Высочайшее повеление, воспрещающее впредь определять в полицейские команды туземцев и местных жителей, должно быть приводимо в исполнение не иначе как на общепринятом о силе действию законов основании"³.

Интересно, что в том же ноябре 1831 г. Николай I выразил "совершенное свое благоволение" за найденные в Москве "отличное устройство и порядок". По этому случаю царь объявил, что нижним чинам полиции "жалует по рублю, по фунту рыбы и по чарке вина на человека"⁴. Награжденными оказались 4140 человек: 3277 полицейских служителей, 298 жандармов и 565 казаков 7-го Уральского полка⁵. С учетом того, что закупка рыбы обошлась по 21 р. 75 к. за пуд ("с уступкой по 8 коп. с рубля"), а "вино хлебное" по 8 р. за ведро, вмещавшее 84 чарки, всего казне пришлось раскошиться на 5569 р. 28½ к. ассигнациями⁶.

А спустя четверть века уже император Александр II удостоил московских будочников своей первой милости – в 1856 г. специальным указом алебарды были сняты с вооружения и заменены тесаками. Ходили слухи, что музейное оружие вызвало ироничные замечания со стороны иностранцев, приглашенных на коронацию, и царь поспешил исправить положение, чтобы не выглядеть посмешищем в глазах "просвещенной Европы".

Вскоре после отмены крепостного права преобразования затронули и московскую полицию. Вместо солдат, набранных по рекрутской повинности, среди низших полицейских служителей заметно больше стало принятых по вольному найму. Чтобы вынудить стажей порядка не сидеть сутками напролет на одном месте, а почаще обходить улицы и пресекать безобразия, было объявлено об упразднении 53 будок.

Правда, вскоре выяснилось, что в "упраздненных" будках продолжают обитать по два, три, а то и четыре полицейских служителя. Фактически руководство полиции стало использовать караульные помещения в качестве жилья

¹ ЦИАМ, ф. 46, оп. 8, д. 4208, л. 8.

² ЦИАМ, ф. 46, оп. 8, д. 4208, л. 11.

³ Там же, л. 11–11 об.

⁴ ЦИВМ, ф. 46, оп. 8, д. 4217, л. 2.

⁵ Там же, л. 266.

⁶ Там же, л. 27.

для городских стражников. При этом остался невыясненным вопрос: куда ушли сэкономленные таким образом “квартирные” деньги?

Видимо, не разбираясь в экономических тонкостях содержания полицейской стражи, С. Натальин пытался подойти к проблеме существования будок с точки зрения здравого смысла:

“Будки имеют совершенно другое назначение, они должны служить местом, куда бы всякой городской житель, которому встретится в этом надобность, мог бы обратиться за полицейскою помощью, уверенный, что всегда найдет там готового оказать ее ему полицейского агента. Будка должна также служить местом убежища, на некоторое время, для поднятых на улице бесчувственно пьяных, для тех, с кем случится удар на улице, наконец, и для людей подозрительных, уличенных в воровстве...”

Итак, вот, по нашему мнению, какая должна быть цель полицейских будок: они отнюдь не должны быть казармами городских стражей, но местом, где каждый житель имеет возможность всегда найти и получить помощь от полицейского агента...”

Нечего и говорить, что цель эта может быть достигнута только тогда, когда все градские стражи получают хорошо и ясно составленную инструкцию о своих обязанностях и когда они готовы будут всегда выполнять свою обязанность честно и неуклонно. Инструкция эта должна быть опубликована во всеобщее сведение, и печатный экземпляр ее прибит на наружной стене будки, чтобы всякой проходящий имел возможность знать, что он вправе требовать от стража, и мог указать этому последнему на его обязанности, в случае, если бы страж отказался выполнить законное от него требование”.

Конечно, глупо оспаривать силу инструкции, но не надо забывать о реалиях России. Особенно, если исполнителями грозных предписаний должны были быть солдаты-ветераны. Вот, например, герой одного из рассказов А. И. Вьюркова – будочник с двадцатипятилетним стажем в ответ на упреки, что он плохо охраняет от воров, с нескрываемой обидой оправдывался:

“— Да разве за ними, лиходеями, уследишь? Ты его в одной стороне ждешь, а он в другой орудует”.

Впрочем, в этом заявлении присутствует изрядная доля лукавства. Описывая нравы, царившие в Москве в первой половине XIX в., Н. А. Найденов отмечал: “...тогда полиция держалась вообще строго политики невмешательства в территориальном отношении и, если на противоположной стороне улицы, принадлежавшей к другому кварталу, учинялись какие-либо беспорядки, хотя бы угрожавшие опасностью, будочник оставался спокойным зрителем происходившего перед его глазами”.

Ещё лучше уровень бдительности будочников характеризует происшествие, случившееся в мае 1881 г., когда на улице был задержан воришка с большим узлом одежды. Произведенным на месте следствием было установлено, что мазурик обокрал... полицейскую будку.

Этим курьезом, можно сказать, завершилась история московских будочников. В том же мае 1881 г. царь Александр II утвердил новый штат полиции Москвы. С того момента вместо будочников и хожалых порядок на улицах стали поддерживать городские и околоточные надзиратели. Но о них разговор впереди.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Бесправие

– Но если всё обстоит так, как утверждаете вы, то почему люди не выходят на улицы, защищая свои права? – Этот вопрос мне задают на встречах с читателями, в прямом эфире “Народного радио”.

Не обошёл его и старый правдист Виктор Кожемяко, опубликовавший большую беседу со мной (“Правда”, 14.07.2011). “Согласитесь, – настаивал он, – никак не назовёшь адекватными масштабы протеста в огромной стране... Вы изучили, что происходит при сходных ситуациях в иных государствах и даже на других континентах. Есть ли у вас какой-то вывод о закономерностях, вызывающих необходимый, неотвратимый протест масс? И что же, до нас эти закономерности в полной мере пока не дошли, то есть до конца у нас не созрели?”

Я ссылался на работы Эрика Хоффера и Теда Роберта Гарра, приводил цитаты, делал обобщения. И всё-таки чувствовал – ни собеседника, ни меня самого ответ до конца не удовлетворил. Да его и невозможно сформулировать в нескольких словах.

Для того чтобы понять странное, если не сказать – самоубийственное равнодушие населения к своим правам – бытовым, профессиональным, политическим, к собственной судьбе и будущему страны, нужно учесть массу факторов.

Исторических – сверхнапряжение сил в XX веке. Ни один, даже самый сильный и волевой, народ не может десятилетиями жить в состоянии постоянной мобилизации, раз за разом (революции, войны, коллективизация, восстановление хозяйства) принося неисчислимые жертвы.

Психологических – надлом пассионарности, с тем же перенапряжением связанный. Углублённый к тому же естественным процессом старения нации. Не только конкретных поколений (что стало особенно заметно сегодня), но нации во всей совокупности её многовекового пути. Всё-таки нам, если считать от момента возникновения русской литературы – “Повесть временных лет”, “Слово о Законе и Благодати” – не меньше тысячи лет.

Сказывается и политический фактор. Давно ли страна жила ожиданием перемен? Лихорадочным, болезненным, но таким понятным и в сущности неизбежным. И что случилось с этими воспалёнными ожиданиями? Сегодня большинство с ностальгией, а зачастую так и с надрывом вспоминают советские времена. В 2010 году портал “Гайд-парк” провёл опрос среди интернет-пользователей: хотели бы они жить в Советском Союзе? “Да” ответили 68%, “уж лучше как сейчас” – всего 2% (“Независимая газета”, 02.07.2010).

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2010 г.; № 2, 3, 6, 7 за 2011 г.

Впечатляющий отказ от итогов постсоветского двадцатилетия.

То, что такой настрой неслучаен, подтверждает новейшее исследование “Двадцать лет реформ глазами россиян”, проведённое Институтом социологии РАН и германским Фондом им. Ф. Эберта. Доля считающих себя “выигравшими” от перемен составляет всего 10% (newsru.com//Экономика//Среда, 22 июня 2011).

Люди разуверились в способности добиться изменения ситуации к лучшему. Социологи отмечают: развивается “синдром поражения – разрушение надежд на то, что люди сами реально могут хоть как-то влиять на свою жизнь” (“Новая газета”, № 81, 2011).

Весь этот комплекс факторов и фобий, сам по себе способный затормозить развитие народа, осложняется социальной конкретной наших дней. Вопиющим бесправием основной массы населения. Абсолютной незащищённостью.

Наши соотечественники не защищены в так называемых национальных республиках, прежде всего северокавказских. Об этом много говорено и в данной работе, и в предыдущей моей книге “Возвращение масс”. О том же буквально кричат сообщения с Кавказа.

Например, история 14-летней русской девочки из Курской области, приехавшей с матерью погостить у родственников в Чегемском районе Кабардино-Балкарии. Местная молодёжь в течение многих дней насильствовала её. На вопрос: “За что?” – отвечали: “За то, что ты русская” (“МК”, 15.07.2011). Все попытки матери прекратить поругание, добиться защиты от местных властей наталкивались на равнодушие, если не прямую враждебность (см. великолепную статью Ю. Калининой “Мир детства” – “МК”, 15.07.2011).

Но и в “материковой” России русский человек не менее уязвим. И не только в столкновениях с инородцами, бесчинствующими уже и здесь (Сагра стала нарицательным понятием, а имена Юрия Волкова, Егора Свиридова, Максима Кольцова, Вячеслава Хорошилова, Ивана Агафонова – символами жертв агрессивности кавказской молодёжи).

Мы беззащитны и при столкновениях с “родной” милицией, чьё переименование не прибавило ей не то что гуманности или модной нынче толерантности, но и элементарной законопослушности, умения и желания действовать в рамках предписаний, а не по личному произволу, иной раз граничащему с садизмом.

Мы бесправны в быту. На дорогах, где любой придурок – с мигалкой ли, с травматикой или просто переполненный дурной силищей, рвущейся наружу, может подрезать наш автомобиль, разбить стекло бейсбольной битой, избить. И дома, где управляющая компания, исправно собирая с нас деньги, нередко “забывает” перечислить платежи городским службам. И тогда они, как это случилось в подмосковном Сергиевом Посаде, отключают отопление и горячую воду законопослушным жильцам (“МК”, 09.08.2011).

На производстве сотрудник перед хозяином – как мышка перед удавом! Ситуация, нетерпимая в XXI веке после социальных завоеваний, буквально вырванных рабочим движением у предпринимателей. А “эффективным собственникам” (достаточно вспомнить “Булгарию”, бьющиеся чуть ли не каждый месяц самолёты, чтобы оценить, какая поистине убийственная ирония заключена в этих словах!) и этого мало. “Профсоюз олигархов” – РСПП требует “сделать законодательство более гибким в части увольнения работников” (“Коммерсант”, 14.04.2010).

Помню, в какой-то интернет-дискуссии меня поразила реплика из-за рубежа. Автор, наверное, в недавние времена уехал из нашей страны. “Ребята, вы даже не представляете, как плохо живёте!” – писал он.

Не завидую тем, кто бросил родную землю. А тут как током ударило: может, со стороны и впрямь виднее. Мы-то притерпелись и думаем, будто по-другому не бывает. Тем более что наши власти и их интеллектуальная обслуга настойчиво проталкивают эту мысль. Помните заявление А. Чадаева, занимавшего пост руководителя политического департамента “Единой России”: “Нормальным стереотипом общественного сознания считается гипотеза о том, что во власти сидят жулики и воры. Это было свойственно любой стране (разрядка моя. – А. К.) и в любую эпоху” (цит. по: “МК”, 18.03.2011).

Нет, господа единокороссы! Конечно, и Запад не “свет в окошке”, а тем более не светоч свободы и законности, что бы ни твердила либеральная пропаганда, но когда случаются казусы типа премьерства Сильвио Берлускони, там реагируют адекватно: “кавалеры” и его поверенных затащали по судам. Они были вовлечены в 3,5 тысячи (!) судебных заседаний (“Коммерсантъ”, 21.05.2009).

Памятен и случай с Родом Благоевичем. Будучи губернатором штата Иллинойс, он попытался “продать” место в Сенате. Освободившееся, между прочим, после избрания Б. Обамы президентом. И что же? Незадачливый “торговец” тут же был изобличён и с позором изгнан со своего поста.

Но дело не только в коррупции и борьбе с ней (о чём достаточно сказано в предыдущей главе). Дело в несовпадении зарубежного и отечественного контентов. То, что представляется нам заурядным явлением, в “цивилизованных странах” воспринимается как дикость, нечто из ряда вон.

Ознакомьтесь с сообщением, размещённым на портале “Rambler.Новости”. В нём говорится об инциденте на острове Русский. Там самом, где в 2012 году пройдёт саммит АТЭС. На сооружении объектов, которые призваны стать витриной “новой России”, занято несколько тысяч гастарбайтеров, в основном китайцев. Охранники, по свидетельству журналистов, относятся к ним “немногом лучше, чем к животным”. 4 января нынешнего года китайцы, которых не пустили в общежитие, дали отпор. Далее цитирую: “Охранники дождались прибытия подкреплений, взяли китайцев в кольцо и избили их дубинками. После этого охранники уложили гастарбайтеров ничком в снег и продолжали избивание ногами и спецсредствами. Попытавшиеся вмешаться в конфликт начальники китайских стройбригад сами тут же попали под град ударов” (<http://news.rambler.ru/8990283>).

Вот такие “производственные отношения”.

И никто, кроме нескольких участников обсуждения в интернете, не обратил внимания на случившееся. Значит, исключительной такую ситуацию общество не считает.

Не возбудились даже штатные правозащитники, встающие на сторону приезжих в любом их конфликте с коренным населением. Но видимо, потому, что охранники – категория не национальная, карту “русской ксенофобии” в данном случае решили не разыгрывать. А сами по себе страдания людей наших правозащитников, похоже, не слишком волнуют.

Чтобы никто не сказал, будто происшествие на острове Русский – досадное исключение, ничего не показывающее и тем более не доказывающее, приведу ещё одно сообщение, на этот раз с портала Newsru.com. Заголовок впечатляет: “На Урале прапорщик ФСБ обратил в рабство гастарбайтера из Казахстана”. В заметке рассказано, как прапорщик ФСБ Сабит Жунусбеков (живое свидетельство изменения национального состава силовых служб) “нагрянул с проверкой” в хозяйство под Челябинском, где казах трудился пастухом. “Не найдя, чем поживиться, чекист усадил Тайщикова в свой автомобиль и вывез в соседнее село Старые Кулевчи. Там он оставил запуганного работягу в хозяйстве своих родственников” (newsru.com/.../praporfsbslaveur_print...).

Ау! Где новая Бичер-Стоу, способная написать чувствительный роман о рабе XXI века?

Информация об уральском невольнике не заинтересовала не только писателей, но и рядовых журналистов, денно и нощно выискивающих что-нибудь занимательное для публики. Боюсь, её бы не привлёк и роман в духе американской аболиционистки. Нынче в моде иное: описание нравов Рублёвки в стиле бессмертной Оксаны Робски.

Выходит, притерпелись? Ничего “этакого” в труде невольников уже не видим? Что говорит не только о морали общества, но и об условиях нашего существования...

Возразят: ну, это гастарбайтеры. Сами к нам ехали – знали, на что шли. Пусть на себя пеняют.

А вам не приходило в голову, что трудовые отношения, выстраиваемые определённым образом под гастарбайтеров, постепенно – в силу привычки, примера – станут нормой и для коренных жителей? Дескать, раз можно с ними, будем и со всеми так!

И это не отдалённая перспектива, не туманное будущее. Сам слышал от дорожных попутчиков (кстати, охранников, а не рядовых работяг), как на га-

зовых месторождениях Севера они жёстко “строят” вахтенных рабочих из Центральной России.

Впрочем, слова разоткровенничавшихся собеседников к делу не пришьёшь. А это сведения из реального уголовного дела. Заголовок в “Известиях” оповещает: “На семью Цапка работали невольники” (09.12.2010).

Надеюсь, читатель не забыл, кто такие Цапки. Бандиты, убившие 12 человек в станице Кущёвской. И одновременно успешные владельцы агрохолдинга “Артекс-Агро”, входившего в список трёхсот самых эффективных сельхозпредприятий России (там же).

Как установило следствие, “эффективные собственники” держали в злыдействе “группу граждан Украины, которых использовали как невольников”. Опять гастарбайтеры? Не только: “В роли дармовой рабсилы не раз использовались и местные подростки, которых цапковские бандиты хватили в парке и отвозили на ферму матери своего предводителя” (там же).

Чрезвычайные события, подобные расстрелу в Кущёвской, позволяют заглянуть за “глянцевую изнанку” и увидеть, как на самом деле живёт Россия. Не случайно опытный политик и юрист, ныне покойный В. Илюхин позволил себе нелюбезное обобщение: “...Вся Россия является станицей Кущёвской” (newsru.com/.../vorzakone_print.html).

Ещё одна трагедия – “Булгария”. И в этом случае среди обычной информационной шелухи всплывают важные подробности. “Команда была в положении рабов”, – свидетельствует жена одного из матросов (“МК”, 13.07.2011).

И впрямь: заставляли работать за двоих (недокомплект экипажа сыграл такую роковую роль. Но это тема другого разговора). Зарплату платили нерегулярно, задерживали.

Протесты подавляли в зародыше. Во время последнего плавания команда опасалась выходить в обратный рейс. “Пыталась бастовать, но капитан кому-то позвонил и, получив указание везти отдыхающих дальше, заставил (разрядка моя. – А. К.) экипаж подчиниться” (“Независимая газета”, 12.07.2011).

В современной России с человеком труда не принято церемониться. “Концлагерь”, – это слово возникает в заметке сотрудника завода “Джи Эм – АвтоВАЗ” о массовых увольнениях на предприятии: “Завод... выглядел как площадка, зачищенная во время антитеррористической операции, или как концлагерь. Вся территория, начиная от проходной до цехов, была заполнена охранниками и милицией. Рабочих эскортировали в цеха и там, за закрытыми дверями и в окружении людей в форме зачитывали приказ, в котором говорилось, что Джи Эм, хотя он всегда душой за рабочих, в данной ситуации вынужден попрощаться с половиной работников предприятия” (vpered.org.ru от 22.01.2009).

Привлечение силовиков широко практикуется. Об этом с негодованием говорили профсоюзные лидеры на недавней встрече с Д. Медведевым. Президент Конфедерации труда Борис Кравченко напомнил об использовании милиции в конфликтах на автомобильном заводе во Всеволожске и в туапсинском порту. “МВД начинает нас приравнять к экстремистским организациям, – утверждал профсоюзный вождь, – и всегда на стороне работодателей” (“Коммерсантъ”, 22.07.2011).

Напомню: само законодательство предельно затрудняет использование трудящимися права на забастовку и превращает протестующих в “экстремистов”. По закону они должны в течение 34 дней попытаться договориться с работодателем, затем, в случае его отказа, обратиться за посредничеством к местным властям и ещё месяц ждать их решения (“Время новостей”, 31.10.2008). Тогда как в реальной жизни кризисная ситуация обычно развивается стремительно. Люди выходят на улицу, и тут их “отоваривают”, по лубковому определению премьера, дубинками силы правоохранителей.

Там, где задействовать правоохранителей по какой-либо причине невозможно, привлекают бандитов. На известного профсоюзного лидера Алексея Этманова дважды нападали “неизвестные” (“Коммерсантъ”, 28.07.2011).

Своеобразный стиль отношений на производстве в немалой степени определён спецификой российских собственников. Их профессиональными качествами, психологическими установками и не в последнюю очередь средой, из которой они вышли.

Мне довелось наблюдать – со стороны – за деятельностью нескольких отечественных предприятий. Были среди них крупные, имеющие отделения во многих городах, и крохотульки. И во всех случаях производства держались на плаву прежде всего за счёт самоотверженности (в прямом смысле слова – тут и сверхурочная работа без оплаты, и проявление смекалки в безвыходных, казалось бы, ситуациях) простых работяг. Слабым звеном были управленцы: собственники и топ-менеджеры.

Мои впечатления подтверждает экономическая наука. “Качество управления – ахиллесова пята российского бизнеса”, – считает известный экономист М. Делягин. Он приводит выразительный пример: “Норникель” недополучает до \$400–500 млн в год из-за недостаточной работы менеджмента с потребителями” (“МК”, 14.04.2011).

А сколько недополучает экономика страны? И это в дополнение к сотням миллиардов долларов, которые те же управленцы высшего звена выводят за рубеж.

О качестве нынешних хозяев производств даёт представление содержательный материал военного корреспондента “МК” Ольги Божьевой “Уже не делаем ракеты” (“МК”, 09.08.2011). Она побывала на легендарном “Авангарде” – производителе комплекса “С-300”. Сегодня предприятие в руках новых начальников. Сотрудник “Авангарда” поведал трагикомическую историю: “К нам на завод тут прислали специалистов МИАТ – Московского института авиационных технологий. Им сказали: ребята, даём вам деньги, сделайте нам два новых завода. Они спрашивают: заводы нужны подо что? Им говорят: под ракеты. Те: под какие ракеты? Дайте техзадание. А в концерне его выдать никто не может (разрядка моя. – А. К.) – нет специалистов, одним менеджеры. Вот теперь ходят друг за другом: как, что, – никто не знает, проект не могут сделать”.

Уместно добавить: не могут сделать не только проект, но и ракеты. Божьева сообщает: широко разрекламированный комплекс “С-400” так и не запущен в производство. Испытания дальней ракеты – основного элемента системы – оканчиваются неудачей. Майский дебют комплекса на Красной площади – элементарная показуха: на парад вывезли транспортно-пусковые контейнеры от самых первых модификаций “С-300” (там же).

Что будет завтра – с ракетами, с заводом, со страной? Не задумываются! И это тоже важная характеристика нынешней российской “элиты”. Исследование, проведённое Ассоциацией малых предприятий, показало: только 2% опрошенных руководителей думали о будущем во временном горизонте в один год. 48% вообще о нём не думали. Остальные копошились в промежутке до года (“Тем временем”. Телеканал “Культура”, 05.04.2010).

Интеллектуальные качества отечественных бизнесменов секрета не представляют. Тогда как об их “бэкграунде”, а по-простому говоря, подноготной известно куда меньше.

Тем любопытней сведения, проскользнувшие в американской печати: “...Преступные организации (разрядка моя. – А. К.) контролируют более 900 банков в России и почти 60% государственных и частных предприятий” (цит. по: “Коммерсантъ”, 27.07.2011).

В свете этих сведений получает объяснение и шокирующий непрофессионализм управленцев. И жёсткое, если не сказать жестокое, отношение к работникам. По понятиям иначе невозможно!

Но не ошибаются ли янки? Снова воспользуемся зазором между витриной россиянского капитализма и его будничной изнанкой, приоткрывшейся в результате крушения “Булгарии”. О теневом хозяине “Агроречтура”, арендатора теплотхода, люди говорили: “Брюнет, похожий на бандита (разрядка моя. – А. К.), мы его боимся” (newsru.com/russia/.../bulgariadeath.html).

Не зная этого субъекта, готов допустить, что он честнейший человек. Хотя сама история с варварской эксплуатацией “Булгарии” ставит под сомнение такую версию. И всё-таки согласитесь, то, что хозяин фирмы, фактически утопившей корабль, похож на бандита, и то, что его боятся (реакция, показывающая, что внешним сходством дело не ограничивается), говорит о многом.

И о многих. В сущности, это всего лишь живые штрихи к социологическому портрету современного российского собственника, набросанному аналитиками из Соединённых Штатов.

Вспомните Цапков – династию крепких хозяйственников. А теперь попробуйте представить демонстрацию протеста или забастовку их работников!

Для наглядности, чтобы желающие могли проникнуться атмосферой, в которой существовали станичники, напомним: местный житель Скоков, вставший на пути Цапков, – убит. Александр Иванов – убит. Сервер Аметов – убит вместе с семьёй. Девушкам, которых насильовали приближённые “эфективного собственника”, говорили: “Напишете заявление – вам не жить” (“МК”, 27.12.2010).

Удивительно ли, что “дисциплина в агрофирме была суровая – за малейшую провинность увольняли”. И всё-таки крестьяне держались за работу, несмотря на невысокие (около 7 тыс. руб.) зарплаты (newsru.com/russia/.../tsapok_print.html).

У Цапков не забалуешь!

Возвращаясь к началу главы, наконец-то ответчу: вот почему, уважаемые радио- и просто слушатели, вот почему, дорогой Виктор Стефанович, люди не выходят на улицы. Хотя перебиваются с трудом, примостясь на самом краешке разгульной россиянской житухи.

И не только поэтому.

В подчинении людей держит не один страх физической расправы. Слава Богу, не все же у нас цапки! Куда распространённой опасения утратить свой нынешний уровень жизни – пускай удручающе низкий, но всё-таки позволяющий как-то существовать. А вступишь в профсоюз, начнёшь “качать права” – уволят, выгонят, лишат куска хлеба.

Была бы жизнь побогаче, позволяющая делать накопления, формировать ту уверенность в своих силах, квалификации, нужности своей, которая отличает жителей благополучных стран (да когда-то отличала и советских людей – при всей мелочной придирчивости парткомов-профкомов), опасениями за место можно было бы пренебречь. А так, сидючи на краешке, как не держаться – всеми силами и всем помышлением.

Повторю то, что говорю из работы в работу. То, что нужно знать и помнить всем, ибо это обстоятельство определяет и качество нашей жизни, и образ наших мыслей – Россия бедна. Не страна – она-то как раз сказочно богата, – её население, прежде всего русское.

Коллектив учёных из социологических центров стран СНГ опубликовал в июньском номере журнала “Вопросы статистики” статью, где говорится: “73% россиян – малообеспеченные или нуждающиеся люди” (здесь и далее – цит. по: newsru.com/.../rosstat_print).

“По данным исследователей, – излагает содержание работы информгентство, – в России три четверти граждан нельзя отнести даже к среднеобеспеченному слою. Наиболее нуждающиеся – около 20,5% россиян имели в исследуемый период меньше 4,6 тысячи рублей в месяц на душу населения. Низкообеспеченных насчитывалось около 53% – это люди с доходами от 4,6 до 13,8 тысячи рублей в месяц”.

Не доверять данным нет оснований: “Вопросы статистики” – орган Росстата.

На фоне позорной цифири особенно омерзительно смотрятся ухищрения официальной пропаганды, пытающейся уверить: мы чуть ли не догнали Запад по уровню доходов. Называют какие-то запредельные планки зарплат – 40, 100, 150 тысяч! Окститесь, глубинка живёт на 10 тысяч и ещё считает, что ей повезло*.

Непрерывно растущая инфляция делает бедняков ещё более уязвимыми. Социологи бьют тревогу: люди подошли к пределу резервов экономии. “...Лишними в семейных бюджетах стали теперь траты на одежду, обувь, развлечения, хобби, подарки, сотовую связь и интернет” (“Независимая газета”, 23.03.2011).

---

* Показательны данные опроса о том, какую зарплату люди сочли бы приемлемой для себя. Сведения, увы, не слишком свежие, но всё-таки показывают, какую планку держат перед собой работники. В провинции она не превысила 8–10 тысяч, в Москве – в два раза больше (“МК”, 12.04.2004). А вот данные по ЕС, полученные нынешним летом. Зарплата, которая бы удовлетворила среднего европейца – 3600 евро, или 144 тысячи рублей (Новости 24. РЕН ТВ, 22.08.2011). Разница не только в ожиданиях, но и в самооценке.

“Каждый третий россиянин, – цитирует “НГ” данные портала Superjob.ru, – в ходе опроса сообщил, что в наступившем году его семье пришлось начать экономить на продуктах питания и существенно менять свой рацион... Каждый четвёртый россиянин отметил, что он вынужден экономить не только на каких-то видах продуктов питания, но и вообще – “буквально на всём” (там же).

Подлость рыночной экономики в том, что “инфляция для бедных” значительно опережает “инфляция для богатых”. Драгоценные камни, лимузины класса “бентли” если и дорожают, то незначительно. Тогда как продуктовая инфляция в 2010 году составила 30%. А на самые ходовые продукты цены взлетели на 55% (“Независимая газета”, 27.06.2011). Бедняки платят дважды – за себя и за джентльмена, выходящего из бутика.

Социальное смятение увеличивает угроза безработицы. Прошли те времена, когда на вопросы социологов работники уверенно заявляли: за место я спокоен. Теперь такие оптимисты в меньшинстве – 30%. Тогда как 65% россиян, по данным ВЦИОМа, опасаются потерять работу (“Независимая газета”, 25.07.2011). А потому сидят тихо, как мышка-норушка, боясь не то чтобы требовать повышения зарплаты или улучшения условий труда – лишний раз привлечь к себе внимание начальства. Не посмотрят – может, и пронесёт.

Опасаясь увольнения, люди готовы на всё. На сверхурочные – без оплаты, на тяжелый, подчас унижительный, а то и связанный с риском труд. В “МК” появился невесёлый анекдот: “В связи с тяжёлым материальным положением предприятия все сотрудники переводятся на должность рабов с возможностью последующего карьерного роста до холопа” (“МК”, 30.07.2011).

А это не анекдот – реальная трагедия. Экипаж “Булгарии” (они сами сравнивали себя с рабами) выходил на аварийном судне, боясь увольнения. Газетчики писали: “...Получив сводку о метеоусловиях и осознавая возможности судна, только капитан мог принять решение о выходе в рейс. Другое дело, что на речфлоте сейчас безработица. Здесь можно провести аналогию с пилотами самолётов: не хочешь выходить в рейс, решил перестраховаться, уйти на второй круг, – найдут более лояльного и менее щепетильного” (“МК”, 21.07.2011).

Запугали экипажи – а в заложниках пассажиры. Все мы. Если речные круизы – отдых не для бедных, то на самолёте хоть раз приходилось летать каждому. В заложниках вся страна.

Сегодня трудовые перспективы есть только у людей в самом расцвете сил. Наиболее востребованный возраст – от 30 до 35 лет, утверждают эксперты. Уже после 40 устроиться на работу сложно (“Коммерсантъ-FM”, 08.08.2011). Что же говорить о капитане “Булгарии”, которому было далеко за 70. Ему приходилось идти на смертельный риск, иначе – не видать капитанского мостика.

...Чувствуя слабость, “акулы бизнеса” усиливают давление на человека труда. Это инстинкт хищника: почуял слабость – кидайся на добычу.

Небезызвестный Михаил Прохоров уже год носится с идеей изменения Трудового кодекса. В числе новаций – легализация 12-часового рабочего дня, упрощение процедуры увольнения (“Коммерсантъ”, 14.04.2010). Демонстрируя либерализм, олигарх оговаривает введение 12-часового трудодня “согласием рабочего”. Попробуй не согласиться, если альтернатива – увольнение.

Уж на что намеревается потратить выжатые таким образом деньги Михаил Дмитриевич, не знаю. То ли на новый куршавельский вояж, то ли на бильборды с собственным изображением, которыми он утыкал всю Россию.

Только, думается, зря он так усердствует. Это сегодня он на коне: лидер “Правого дела”, встречается с президентом. Но если бюрократы из “Единой России” заподозрят, что он может оттяпать хотя бы процент от их электората, судьба Прохорова будет незавидной.

Не исключено, что переоценка ценностей происходит у нас на глазах. Случайно ли пресловутые бильборды завешивают от Новосибирска до Москвы. А встреча в Кремле? Так и ведь и тёзка Прохорова – Ходорковский встречался с Путиным, когда тот был президентом*.

* Как в воду глядел. Пока набирали главу, Прохоров успел рассориться к Кремлём и вынужден был с конфузом покинуть “Правое дело”.

Журналисты ехидно замечают: “При “правильном” поведении на месте Прохорова мог быть Ходорковский” (“МК”, 15.08.2011). А на чьём месте рискует оказаться Прохоров в случае, если и его поведение сочтут “неправильным”?

Между прочим, коллеги олигарха по бизнесу более дальновидно смотрят на превратности судьбы. 40% бизнесменов “испытывают незащищённость, боятся потери собственности, бизнеса, боятся, что у них отнимут всё...” (“Новая газета”, № 81, 2011).

Поучительна история основателя фирмы “Арбат Престиж” Владимира Некрасова. Сразу выведу за скобки тот факт, что его компаньоном был некто Сергей Шнайдер, в определённых кругах более известный как Семён Могилевич. Как бы ни относиться к этому персонажу, Некрасова посадили не за связь с Могилевичем, а за “неуплату налогов” (здесь и далее данные “Википедии”). Случилось это 24 января 2008 года. Фирма держалась до декабря, когда ей пришлось распродать основные магазины. Два с половиной года спустя – 18 апреля 2011-го суд принял решение о прекращении уголовного дела “в связи с отсутствием состава преступления”.

То ли мешал кому-то “Престиж”, то ли площади под магазинами приглянулись...

По данным “МК”, в 2008 году за решёткой коротали дни 40 тысяч (!) коллег Некрасова (“МК”, 27.12.2010). Кто сидит по делу, а кого освободят, предварительно обанкротив, наверное, не скажет даже Европейский суд по правам человека, где на рассмотрении находится 35 тысяч жалоб из России (“Время новостей”, 25.06.2010). Абсолютный рекорд для чинной Европы!

Ни один человек, сколь бы богатым он ни был или сколь высоко ни сидел, не может чувствовать себя защищённым от чиновного произвола. Вчера ещё всемогущего московского мэра Медведев уволил росчерком пера. Даже не объяснив за что. Лужкову не дали провести прощальную пресс-конференцию и отменили его традиционное участие в программе ТВЦ “Лицом к городу” (<http://svpressa.ru/politic/article/31215>).

Оспаривать увольнение в суде Юрий Михайлович не стал. Хотя, будучи мэром, частенько искал управу на оппонентов у столичной Фемиды. И, что характерно, всегда находил! На этот раз поверженный боец заявил: “Не верю, что Верховный суд примет решение, которое будет входить в противоречие с указом президента” (newsru.com/russia/.../hgs_pring.html).

А как же “независимость судов”?

После отставки градоначальника пошатнулся бизнес его супруги. А нам талдычат, что он от государства не зависит. Тогда почему в сентябре минувшего года ВЭБ отказался от плана совместного с фирмой “Интеко” строительства жилья в регионах (“Коммерсантъ”, 30.09.2010)?*

Когда “национального лидера” спросили о крутой перемене в судьбе московского мэра, тот дал предельно простое объяснение: не Юрий Михайлович начальник Медведева, а Медведев начальник Лужкова.

Прямо по присказке: “Я начальник – ты дурак. Ты начальник, я – дурак”.

Казалось бы, в быту русский человек должен чувствовать себя уверенней. Начальник остался за дверью, здесь ты сам себе хозяин. “Мой дом – моя крепость”.

Однако и в быту мы столь же беззащитны и бесправны. Жизнь выковыривает из приватной раковины, из личного пространства, где мы пытаемся укрыться, то и дело ставя под вопрос наш домашний комфорт, а иной раз и само право распоряжаться в доме.

О том, что, являясь исправными плательщиками коммунальных услуг, мы рискуем остаться без горячей воды и тепла по милости нерасторопных или вороватых руководителей управляющей компании, в этой главе упоминалось – со ссылкой на прецедент в Сергиевом Посаде**.

Впрочем, наличие воды, хотя бы холодной, уже удача. И этого блага многие жители малых городов и деревень лишены. Причём речь не только о вла-

* В сентябре 2011 года Е. Батурина продала компанию “Интеко” (“МК”, 07.09.2011).

** К слову, недавнее убийство мэра Сергиева Посада Евгения Душко, по версии следствия, связано с его попытками навести порядок в городском ЖКХ (“МК”, 23.08.2011).

дельцах “индивидуального жилья” (там колодец на участке, печь в доме, жи-ви – пользуйся!). С развалом Союза и последующим крахом градообразую-щих производств и совхозов-гигантов, строивших для своих работников дома городского типа, водопровод и отопление переходят в разряд дефицит-ных благ.

В деревне Артёмово Смоленской области в панельных домах нет ни газа, ни воды. Обогреваются буржуйками. В селе Тушкановском Волгоградской об-ласти люди тоже остались без водопровода. Таскают вёдра из колодцев, но пить воду без специальной очистки нельзя. Голь на выдумки хитра: зимой и весной сельчане, как первобытные люди, растапливают снег. Но вот как быть летом, они “ума не догонят”. На всякий случай, пригрозили областному руководству, что не пойдут голосовать на выборы в Госдуму (lenta.ru/news/2011/03/.../_Printed.htm).

Но и это счастливы. Новосёлов с Тихоокеанского флота военное на-чальство разместило в домах, построенных на бывшем полигоне. В на-чале нулевых там вспыхнул пожар, часть снарядов разлетелась, их за-сыпало землёй. Время от времени снаряды взрываются (“МК”, 26.07.2011). Представляете: жить, ожидая, когда рванёт?

Но и обыкновенные газовые баллоны у нас взрываются не хуже снарядов. Неправильная установка, разгерметизация – и дома взлетают на воздух. Только за два года в России произошло более полусотни (57) взрывов, повлекших полное или частичное разрушение жилищ (см. материал РИА “Но-вости” “Взрывы бытового газа в жилых домах в 2009–2010 годах”^{*}).

Страна, обогревающая магистральным газом всю Европу и пол-Азии, до сих пор не произвела полную газификацию своей территории.

Дома рушатся и безо всяких взрывов. 23 августа нынешнего года от вет-хости рухнула жилая пятиэтажка во Владивостоке (“МК”, 23.08.2011). Те, кто полагает, будто подобные случаи происходят редко, удивятся, узнав, что с 2005 года в РФ рухнуло более 30 домов (<http://news.mail.ru/incident/5224541>).

Даже если вы живёте в доме, выстроенном на совесть собственными ру-ками да ещё в живописном месте, расслабляться не стоит. Земля может при-глянуться людям, более влиятельным и денежным, чем вы. И тогда вы рис-куете увидеть бульдозер у родного жилища. История с посёлком “Речник”, надеюсь, памятна многим. Люди жили более полувека, с тех пор как в 1957 году вышло решение Хорошевского сельсовета. В 2008-м московские чиновники вдруг прозрели: поселение – незаконно! И пока юристы обеих сторон спорили в судах и на телевидении, несколько домов снесли. Теперь жителей оставили в покое. Выходит, какие-то права на землю у них были? Но снесённого не воротить.

Та же ситуация в Балашихинском районе Подмосковья. Цитирую: “... Там были снесены около двухсот построек, в том числе и домов, – без предупре-ждения, при наличии у жителей решения арбитражного суда в их пользу” (“МК”, 15.10.2010).

Ваш участок могут передать другому. Как правило, влиятельному лицу. Так произошло в Сочи с участком пенсионерки Лидии Морозовой, который “местные власти передали сотруднику Федеральной службы охраны Артёму Новикову” (newsru.com/russia/.../sochi_print.html).

Вы горожанин, и каверзы с участками вам не страшны. Но, вернувшись в городское жильё, можете обнаружить, что дверь опечатали. Да так скоропа-лительно, что в квартире остались и вещи, и домашние животные. С такой си-туацией столкнулась 72-летняя Галина Михайловна Павлова в Астрахани.

Местные чиновники выделили ей квартиру, но затем усомнились, имеет ли она право на данный метраж. После того как бабушка с внучкой прожили в квартире полгода, бюрократы выкинули их на улицу ([realty.newsru.com/arti-cle/.../astrahan](http://realty.newsru.com/article/.../astrahan)).

А это ещё одна из тысяч мук, которые “родная власть” приуготвля-ет подданным. В деревне Квашонки Московской области производят ре-монт дома без отселения. Отключили воду, свет, тепло. Престарелая жительница говорит: “Была в плену у фашистов, даже они проявляли больше человечности” (Новости 24, РЕН-ТВ, 08.04.2010).

^{*} <http://ria.ru/incidents/20/00327/216721859.html>).

О том, как местные администрации игнорируют распоряжения президента о предоставлении жилья ветеранам, не раз рассказывало телевидение. Упомяну лишь об одном случае: 87-летний Василий Засорин из села Елань-Колено Воронежской области, отчаявшись получить положенное, снял боевые награды и отослал по почте Путину. Израненный на войне ветеран проживает в доме, где нет ни воды, ни газа, ни отопления, ни канализации (newsru.com/russia/.../zasorin_print.html).

Увы, ситуация характерная. “Около 50% российских ветеранов спустя 70 лет вынуждены владеть жалкое существование”, – свидетельствует генерал-полковник Юрий Букреев, председатель правления Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса (здесь и далее: newsru.com//В России//Среда, 22 июня, 2011 г.).

На селе положение “просто ужасное”. “Зачастую там просто нет никаких бытовых условий, – утверждает Букреев, – а ведь людям нужно обеспечивать самих себя: нужно топить печку, поддерживать хозяйство, воду приносить и так далее”.

Генерал признаёт, что фронтовикам приходится бороться не только с трудностями быта, но и с чиновниками. “Везде мы повседневно сталкиваемся с тем, как деградирует местная власть”.

...Признаюсь, собирая материалы, я иной раз думал: как же Небо терпит такой произвол! На земной суд даже Лужков после отставки не рассчитывает. “Но есть, есть Божий суд” – по слову поэта. Неужели бюрократы, годами измывающиеся над людьми, не получают справедливого воздаяния?..

Те, кто столкнулись с чиновной несправедливостью, уже ни в какое воздаяние не верят. “Работать с утра до вечера, чтобы хоть как-то выжить, – мрачно размышляет Елена Ивановна Дубина из подмосковной Новой Деревни. – Да ради чего? Ну обустроят себе люди на нищенские свои зарплаты уголки, участки – годами, постепенно, без какой-либо помощи государства, заметьте. Так оно всё равно придёт и всё разрушит, как вышло с нами!” (“МК”, 10.06.2011).

Чрезмерный пессимизм? Не спешите осуждать. О том же говорят люди, чей жизненный опыт заставляет к ним прислушиваться. Доктор физматнаук Сергей Дзюба, на мнение которого я ссылаюсь в предыдущей главе, пишет: “...Государство может безнаказанно осуществить любой произвол, устроить любую неприятность, любой подвох. Никакого обратного механизма влияния граждан на госструктуры нет. Сейчас с этим даже стало хуже, чем в советские времена. Тогда хоть в партийные органы можно было пожаловаться” (“Независимая газета”, 08.09.2010).

Признание С. Дзюбы, помимо прочего, важно потому, что, судя по его статьям, он придерживается демократических воззрений. Тем показательнее отвержение им претензий нынешнего режима на статус “либерального” и “правового”. Какие “права человека” – произвол как при царе Горохе!

С учёным согласна почти половина россиян. По данным опроса, проведённого “Левада-Центром”, они считают, что “в России нет демократического общества”. Сторонники нынешней модели в меньшинстве – 39% (“Коммерсантъ”, 15.11.2010).

Хотел бы лишь уточнить: государство как таковое неповинно. Ведь это не только действующие госструктуры. Государство – это историческая Россия, существующая в различных ипостасях тысячу лет. Не гоже за грехи сегодняшних бюрократов ругать создание Александра Невского и Петра Великого. А посему будем конкретнее: не государство – нынешняя власть. С неё и следует спрашивать.

Как мог заметить читатель, описанные злоключения приходится, в основном, на долю бедняков. То был “домашний” раздел, а бедняки, как никто другой, привязаны к дому. Им ни пойти, ни тем более поехать некуда.

Теперь поговорим о тех, кто может позволить себе нечто большее.

Вы собрались на отдых? Не советую выбирать речной круиз. История “Булгарики” может испортить впечатления. А ведь это лишь самая громкая из катастроф: только на московском мелководье летом затонули три судна (“Комсомольская правда”, 29.08.2011).

Но и российские самолёты небезопасны. Нынешним летом СМИ чуть ли не через день сообщали о крушениях, жёстких посадках, сломанных шасси. В 2011-м, ещё не закончившемся году, произошло в два раза больше авиакатастроф, чем в 2010-м, – данные вице-преьера С. Иванова (“МК”, 24.08.2011). Крушение “Як-42” под Ярославлем, угробившее целую хоккейную команду, – печальный показатель состояния нашей гражданской авиации.

Но и те, кто не отправился в полёт (сполна заплатив за билеты!), достойны жалости. Так случилось с клиентами авиакомпании “Континент” из Благовещенска. Продав 30 тысяч (!) билетов, руководство объявило “Континент” банкротом. Соль шутки в том, что о банкротстве было заявлено в разгар отпускного сезона. Тысячи людей не только оставили на земле, но и лишили законного отдыха: накрылось всё – путёвки, график поездок.

Власти успокаивали: можно воспользоваться самолётами других компаний. Но, во-первых, Амурская область не ближний свет, далеко не все авиакомпании туда летают. Во-вторых, билеты, купленные в последний момент, самые дорогие. Те, кто рассчитывал средства “тютелька в тютельку”, мог не потянуть удорожившийся вояж.

Но особенно “весело” пришлось тем, кто, отгуляв отпуск и спустив денюжки, приехал в аэропорт, чтобы отбыть на Дальний Восток. А ему: “Покупайте новые билеты”.

Чтобы как-то сбить волну гнева, власти задержали владельца авиакомпании. Однако судья с фольклорной фамилией Тришкин в аресте отказал (“Коммерсантъ”, 04.08.2011). Пострадавших лишили даже призрачного удовлетворения: отлились, мол, хозяину наши слёзы.

А вообще-то в российские аэропорты лучше не заходить: эхо январского взрыва в Домодедове ещё не угагло. Тогда погибли 37 человек – в основном встречающие. Они даже не собирались лететь, просто зашли в помещение.

77% россиян опасаются того, что они сами или их близкие могут оказаться жертвами теракта. Таковы данные опроса, проведённого “Левада-Центром” в марте 2011-го (lenta.ru/news/2011/03/.../_Printed.htm).

Поездом тоже лучше не ездить. В середине августа ФСБ объявила: задержана группа уроженцев Северного Кавказа, готовивших подрыв “Сапсана” (наиболее полная информация: “Коммерсантъ”, 15.08.2011). Далеко не всем реляциям силовиков можно доверять, но после двух подрывов “Невского экспресса” на той же линии этому сообщению приходится верить.

Решили остаться дома, а на сэкономленные деньги купить украшения? Осторожней! 26 июня этого года “группа выходцев из Чечни” совершила разбойное нападение на ювелирный магазин на Бутырском валу. Полиция не дремала, началась погоня. “В ходе преследования они (преступники. – А. К.) неоднократно применяли оружие, стреляя по преследующему их патрульному автомобилю, пробив у машины колесо, разбив лобовое стекло и даже прострелив фуражку одного из полицейских” (newsru.com//Криминал//Воскресенье, 26 июня 2011 г.).

О том, как спасались пешеходы и прятались за рулём водители авто, попавшие под огонь (Бутырский вал – оживлённая магистраль), в сообщении не говорится. На всякий случай учтите: в Москве опасно ходить по улицам.

Хотя в ювелирных магазинах всё-таки опаснее. В процитированной заметке приведена впечатляющая хроника налётов: 11 июня – ограбление ювелирного магазина на Дубравной улице. Похищено украшений на 1,5 млн рублей. 29 мая – попытка ограбления в районе Измайлова с захватом заложников и стрельбой. 13 мая нападение на той же Дубравной. 24 апреля налёт по адресу ул. Рогожский вал. 14 марта нападение на ювелирный салон на Нижней Масловке. 10 марта вооружённый налёт на Ленинградском проспекте. 7 марта ограбление на улице Митинской. Преступники похитили украшений на сумму свыше 1 млн рублей.

Небезопасно и в салонах связи, а также на автозаправках. Несколько инцидентов со стрельбой и человеческими жертвами случилось этим летом.

Стреляют даже на детских площадках! В это трудно поверить, но только в нынешнем году малыши несколько раз становились мишенью для отморозков. Об одном из случаев рассказал “МК”. Некто Р. Хайретдинов, стреляя из

двух пистолетов, ранил девочку-подростка и угрожал расстрелять малышей, спавших в детских колясках (“МК”, 06.09.2011).

Но и просто стоять на автобусной остановке, смеяться и громко разговаривать – чревато. Так был убит Егор Свиридов и искалечены его спутники.

Между прочим, не в первый раз гости с Кавказа убивают москвичей за громкую речь, смех или косой, как им показалось, взгляд. Схожие примеры можно найти разве что в Средние века. Покорив Ближний Восток, мусульмане продиكتовали местному населению – христианами – правила поведения. В частности, те обязаны были встать и уступить место мусульманину, если он пожелает сесть (Архипелаг в океане. Православие в мусульманском мире. М., 2001). Но до запрета смеяться даже воины халифа Омара не доходили!

В связи с убийством Свиридова много говорилось о молодёжной агрессии с Юга. Но помимо национального, здесь есть ещё один, не менее важный аспект – криминальный.

Убивают на заказ, при ограблениях, по пьяни. Растёт количество массовых драк, заканчивающихся либо ранениями, либо убийствами. После серии межнациональных столкновений нынешним летом (Сагра, дважды Ленинградская область) в сентябре началась вакханалия заурядной “бытовухи”: побоище в Люберцах (1 человек убит, 3 – ранены), в Железнодорожном (1 убит, 1 ранен), в Калуге (5 пострадавших), в Томске (newsru.com///В России//Понедельник, 5 сентября 2011 г.).

По данным генерала милиции В. Овчинского, в стране совершается 47 тыс. убийств в год. По этому показателю мы соперничаем с Южной Африкой, которая считается страной, опасной для проживания (Овчинский В. Криминал и кризис. М., 2010).

Вот вам и ответ на невысказанный вопрос: не сгущаю ли я краски? Я ведь настолько хорошо изучил нашего, моего читателя, что без труда предугадываю его сочувствующие или протестующие реплики. Да я и сам вырос на том, что добро обязательно побеждает, что “отдельные негативные факты” не должны заслонять панораму происходящего.

Для меня нестерпима картина торжествующего зла, разворачивающаяся по мере написания главы. Я сам себе боюсь признаться, что приведённые случаи – не “отдельные факты”, что они характерны и в совокупности дают представление о жизни в стране.

Я одёргиваю себя – а не субъективизм ли это? Не оказался ли я в плену у ярких деталей, в который рискует попасть дотошный исследователь? Но если типичность той или иной истории можно поставить под сомнение, то страшная цифра – 47 000 убийств – слишком значима, чтобы от неё отмахнуться. Представьте: каждый год в стране убивают население райцентра! Как если бы каратели вошли в подмосковный Троицк или Ступино и расстреляли всех жителей. Ужасы Хатыни меркнут перед этим кошмаром!

Напиться с горя! Но и здесь подстерегает опасность. От отравления фальсифицированным алкоголем в России погибает 16 тысяч человек в год (данные В. Овчинского. – Там же).

Расслабляться в кафе опрометчиво вдвойне – это зона повышенной опасности. Упомяну только о резонансных преступлениях. В ночь на Новый год “компания дагестанцев”, веселившихся в кафе на Ясеновой улице в Москве, зверски избила 21-летнего Максима Кольцова, пришедшего вместе со своей девушкой отметить праздник. Через несколько дней от полученных травм Максим скончался (“Комсомольская правда”, 12.01.2011).

7 января группа выходцев с Кавказа жестоко избила спортивного комментатора канала ТВЦ Дмитрия Дергунца, отмечавшего день рождения в ресторане на Мясницкой улице – в самом центре Москвы (http://worldru/index.php?uma=news&_fla=stat&nums=5765).

Старые сведения? Вот новые: 15 августа у входа в ночной клуб чемпион мира по смешанным единоборствам Расул Мирзоев в ответ на невинную шутку нанёс профессиональный удар 19-летнему москвичу Ивану Агафонову, тот скончался (“Коммерсантъ”, 20.08.2011).

Иной раз достаётся – не поверите! – правоохранителям. Во Владивостоке двое сотрудников ППС зашли в кафе на Набережной, чтобы отметить День милиции. “В так называемой “стекляшке”, – сообщают информагентства, –

появление милиционеров вызвало недовольство у компании мужчин кавказской и азиатской внешности” (newsru.com/.../daymltбетcafeprim_pri...). Милиционеров стали избивать. На помощь к нападавшим на двух автомобилях подъехали ещё несколько южан с бейсбольными битами. Стражи правопорядка попали в больницу с тяжелейшими травмами. На следующий день один из них скончался (там же).

Бесчинствуют не только южане. В октябре 2010 года в одном из московских кафе ранение получила Наталья Архипцева, редактор англоязычного канала Russia Today. Один из посетителей, 35-летний бизнесмен, Сергей Виротайнен, как сообщает “МК”, племянник бывшего вице-губернатора Петербурга, отпустил в её адрес сальную шутку. Женщина возмутилась, тогда бизнесмен достал травматический пистолет и выстрелил в неё (здесь и далее: “МК”, 19.10.2010).

Милиция – ну, конечно – стрелка отпустила. Случай попытались замать. Он получил огласку только благодаря интернету. “МК” комментирует: “Выводы напрашиваются довольно простые: люди-кошельки позволяют себе топтать простых граждан, словно слоны муравьёв, причём публично, при свидетелях, ничего не стесняясь и никого не боясь”.

Стреляют в общественных местах и люди в погонах. В начале июля майор ФСО устроил пальбу в поликлинике подмосковного посёлка. Ему показало, что его плохо лечат. За неделю до этого в публичной стрельбе поупражнялся другой сотрудник того же ведомства (<http://politxronika.ru/incident.php?newsid=395>).

Для тех, кто не в курсе: ФСО – это Федеральная служба охраны. Её офицеры призваны охранять. Правда, не простых смертных, а VIP-персон: депутатов, членов правительства. Остальных, похоже, стрелки за людей не считают и палят почём зря.

Ну и конечно, в этой связи нельзя не вспомнить Дениса Евсюкова, устроившего кровавую бойню в московском супермаркете.

Тут мы переходим к контактам граждан с правоохранителями. Они столь часты, а последствия оказываются подчас такими серьёзными, что эти происшествия следует выделить в особый раздел.

На Ставрополье сотрудники ОВД Предгорного района задержали местного жителя Вячеслава Мереха. Якобы тот был пьян. Его доставили в отделение и принялись пытать, засовывая в задний проход ручку швабры. Мерех стал инвалидом. Пытавшие его милиционеры уволены, но к суду не привлечены (“Свободная пресса”, 31.01.2011).

Дикое исключение? – То, что дикое, – согласен. А вот исключением случай, к сожалению, не назовёшь. В Забайкальском крае милиция провела, по словам журналистов, “карательный рейд”, разыскивая похитителей скота. Хватали всех, кто попадал под руку. Затем подвергали пыткам.

Информант приводит показание Александра А.: “Следователь сказал, что Котов (фамилия пострадавшего изменена) сейчас стал пидорасом. В кабинет зашли трое сотрудников, они схватили Котова, нагнули его, кто-то из них зажал голову Котова между своих ног. Один из сотрудников полностью стянул с Котова штаны. Другой сотрудник взял со стола милицейскую дубинку, подошёл к шкафу, открыл дверки. Я увидел, что в шкафу на полке стоит пластмассовая банка с обувным кремом чёрного цвета, в которую сотрудник обмакнул конец дубинки. После этого он подошёл сзади к Котову и стал талкивать этот конец дубинки в его задний проход. Котов сильно кричал, умоляя милиционеров” (newsru.com/.../rapgutalinstartzab_print...).

Прошу простить за эти чудовищные подробности. Но обществу следует знать, кому оно доверяет защищать себя. Подобные пытки довольно распространены, что заставляет задаться вопросом не только о нравственном, но и о психическом здоровье правоохранителей.

В Нижегородской области в районном управлении внутренних дел города Кстово 18 октября 2009 года так пытали пенсионера (!) Павла Седова. “... Пытавшие его милиционеры, – сообщает журналисты, – позднее требовали от него написать заявление, согласно которому он якобы не имеет претензий. Испугавшись за свою жизнь (разрядка моя. – А. К.), пенсионер написал соответствующее заявление, в котором указал, что травмы получил во

время падения с лестницы” ([newsru.com//Криминал и происшествия//Понедельник, 6 сентября 2010 г.](http://newsru.com//Криминал%20и%20происшествия//Понедельник,%206%20сентября%202010%20г.)).

Опасения за жизнь в таких случаях небеспопеченны. В Нижнем Новгороде после многочасовых пыток Алексей Якимов пригрозил милиционерам, что будет жаловаться. “...Я сделал ошибку, – вспоминал Якимов. – И тогда они сказали, что живым я отсюда не выйду”. Жертву повезли на берег Волги и пытались утопить. Лишь чудом Якимову удалось спастись (там же).

В примечаниях к материалу даны ссылки по теме. Приведу только часть из них:

В Петербурге милиционеры пытали подростка, прижигая гениталии сигаретами. ([Newsru.com//Криминал//24 августа 2009 г.](http://Newsru.com//Криминал//24%20августа%202009%20г.))

В Подмоскowie осуждены садисты из МВД, поливавшие гениталии кипятком. ([Newscu.com//Криминал//19 мая 2010 г.](http://Newscu.com//Криминал//19%20мая%202010%20г.))

В Забайкалье ищут одного из пяти милиционеров, прижигавших инженера ягодицы. ([Newsru.com//Криминал//17 декабря 2009 г.](http://Newsru.com//Криминал//17%20декабря%202009%20г.))

Капитан МВД пытал беременную ростовчанку электрошокером, подвесив её на “дыбе”. ([Newsru.com//Криминал//22 апреля 2010 г.](http://Newsru.com//Криминал//22%20апреля%202010%20г.))

После таких зверств “обычное” насилие над задержанными женщинами кажется заурядной бытовухой. В работе “Менеджер Дикого поля” я уже приводил примеры. А это сравнительно недавний случай. Цитирую заголовок криминальной хроники: “В Поволжье осуждён замглавы ОВД, публично изнасиловавший девушку-подростка “за нарушение комендантского часа” (newsru.com/.../miltchiefrageplul_print...).

Бедою чреваты и знаки внимания со стороны правоохранителей. Что подтверждает случай с туристкой из Питера, приехавшей на отдых в Краснодарский край. 5 июля нынешнего года сотрудник полиции Тимашевского района решил приударить за приезжей. Он обнял её, но та вырвалась. В ответ страж порядка ударил девушку кулаком в лицо. У пострадавшей “диагностированы серьёзные травмы лица” ([newsru.com//Криминал//Вторник, 5 июля 2011 г.](http://newsru.com//Криминал//Вторник,%205%20июля%202011%20г.)).

Да что говорить о простых смертных. Как мы могли убедиться, в системе ценностей, утвердившейся в постсоветской России, они стоят грош. В отличие от кумиров эстрады или спортсменов. Тех носит на руках публика, а хозяева клубов и заправилы шоу-бизнеса страхуют на баснословные суммы. Но и с этими баловнями судьбы силовики не церемонятся. В чём пришлось лично убедиться популярному рэперу Noize MC, прямо с концерта загремевшему в волгоградское СИЗО, и знаменитому форварду “Зенита” Данко Лазовичу, которого нижегородский омоновец после матча приструнил с помощью электрошокера ([newsru.com//Спорт//Воскресенье, 19 июня 2011 г.](http://newsru.com//Спорт//Воскресенье,%2019%20июня%202011%20г.)).

А ведь люди в форме олицетворяют не только своё ведомство, но Власть. Мало кому из нас доводилось встречаться с министрами, депутатами и прочими государственными мужами. А люди в серых мундирах – вот они, на каждом углу. Глядя на них, тем более сталкиваясь с ними, мы судим о том, как наверху относятся к нам, нашим правам и нуждам.

Правда, есть место, где солидные представители власти оказываются с простыми смертными, что называется, бок о бок. Это дорога. В здании министерства запросто не войдёшь: “тормознёт” охрана. А по дороге министр катит на своём “мерсе” рядом с нашей “девяткой”. Понятно, поблескивая мигалкой и сигнала “квакалкой”. И всё-таки он рядом.

О том, чем иной раз оборачивается соседство, поговорим. Попутно отметив: ситуацию на автотрассах иначе как “дорожные войны” не определить. Только за первые пять месяцев этого года в них погибли 7 440 человек ([Газета.ru, 29.08.2011](http://Газета.ru,%2029.08.2011)).

“Автомобильный” раздел я разбил на два эпизода. Первый – как власть разговаривает с народом. Второй – как выгораживает своих и как поступает с нами.

В мае этого года блогосферу взбудоражила история с автомобилем министра МЧС С. Шойгу. Его водитель пытался обогнать “обычную” машину. Когда владелец не уступил дорогу ведомственному “мерседесу”, эмчезовец заорал в громкоговоритель: “Ну чё тебе, в голову выстрелить, что ли, придурок?” (<http://lenta.ru/news/2011/05/shoot>).

Видеозапись сразу попала в интернет, где вызвала бурю возмущения. Позднее официальный представитель министерства И. Андриянова заявила, что водитель наказан “за некорректное поведение” (не уточнив, как именно).

Министерские шоферы вообще не считают нужным сдерживаться. В том же месяце в аналогичной ситуации (автовладелец “пошёл на принцип” и не уступил дорогу) водитель министерства обороны на “БМВ” протаранил машину упряма (auto.newsru.com/article/.../BMWrosisk).

Водитель Управления делами президента полез в драку с активистом “Синих ведёрок” (общество противников привилегий на трассе), не уступившим ему дорогу (“МК”, 12.09.2011). **И то – в администрации так много говорят о демократии и правах человека. Пора на деле продемонстрировать, что под этим понимают в Кремле.**

В мае на МКАДе спортивный “порше” (стоимостью, как уточняет информгентство, 9 млн рублей) с номерами “блатной” чеченской серии КРА (Кадыров Рамзан Ахметович) потребовал от автомобилистки уступить дорогу. Когда девушка требование проигнорировала, спорткар подрезал её и заставил остановиться: “Из Porsche, по её словам, вышел молодой человек, ударил кулаком в окно неуступчивого автомобиля и начал оскорблять девушку”. Всё это происходило напротив поста ДПС, однако инспекторы “не обратили никакого внимания на сигналы и крики” (newsmask.ru/.../kadyrov_rodnya.html).

Кинорежиссёр Никита Михалков – не чиновник, но всё равно человек государственной. До недавнего времени он имел мигалку – сакральный символ власти нынешней эпохи. Но после того как режиссёр ушёл с поста председателя Общественного совета при Министерстве обороны, от мигалки пришлось отказаться. А привычки остались прежними! В мае (роковой месяц!) Никита Сергеевич, едучи по Кутузовскому проспекту, выехал на встречную полосу. Бдительный активист “Синих ведёрок” заснял этот эпизод и выложил в сеть.

Что делают в такой ситуации в других странах? Публично извиняются и сдают водительское удостоверение на положенный срок. Полагаю, у знаменитости имеется шофёр – личный или служебный, без машины он бы всё равно не остался.

Впрочем, не стоит фантазировать, как поступают в подобных случаях за границей. Две недели спустя после инцидента на Кутузовском вице-спикер сейма Литвы Альгис Кашета в два раза превысил скорость на трассе Вильнюс–Варена. Полиция нарушение зафиксировала. Приехав домой, политик написал прошение об отставке: “Не дожидаясь действий со стороны правоохранительных органов, взяв на себя всю моральную и политическую ответственность, я попросил председателя сейма освободить меня от должности вице-председателя” (цит. по: “МК”, 16.06.2011).

Привыкший к изворотливости “хозяев жизни”, русский читатель воскликнет: “Ага, “не дожидаясь действий...” Это он пытается избежать полицейского преследования!” Вовсе нет. Кашета заявил, что “готов нести ответственность за свои действия и не будет прикрываться депутатским иммунитетом”.

Как поступил Михалков? Разразился возмущённой тирадой: “Ну они (активисты “Синих ведёрок”. – А. К.) сумасшедшие люди. Едет какой-то козёл, снимает всех” (newsru.com/.../mihauto_print.html). Жаловался на травлю, цитировал Евангелие, уподобляя себя Христу.

Талантливый режиссёр, обаятельнейший актёр. Человек, немало сделавший для отечественного кинематографа. Что происходит потом? Почему на вершине власти ли, славы так непомерно раздуваются амбиции?

Михалков считает себя деятелем патриотическим. Кто-то упрекнёт меня: “Что же ты, по своим?” Не бойтесь, скажу и о либералах.

Не для “равновесия”, а с целью подчеркнуть сходство моделей поведения. Показать: сформировалась особая вип-мораль. На сцену, расталкивая “людишек”, вышла личность определённого склада. И это вообще важнее идеологических различий.

В те же дни, когда негодовал Михалков, громы и молнии метал либеральнейший, как считается, Юрий Любимов. Поводом стала просьба актёров театра на Таганке заплатить им деньги, заработанные в зарубежном турне (“МК”, 29.06.2011).

Вновь спрошу, как поступает в такой ситуации нормальный человек в нормальной стране? Рассчитывается.

Любимов, кстати, деньги заплатил. Но тут же обвинил коллектив в вымогательстве и шантаже (там же). Как он только не обзывал актёров! “Им нужен всем душ, нашатыря полстакана – и тогда они начинают работать” (“МК”, 01.07.2011), – говорил режиссёр о ведущих артистах труппы, изображая их опустившимися людьми, лентяями и пьяницами.

Я вышел за пределы обозначенной темы, но, согласитесь, это о том же. О хамстве сильных. Вдохновенном, не знающем спасительной оглядки (“Да что это я такое несу!”), рассматривающем мораль как служанку.

Меня поразила пресс-конференция Любимова – её показал телеканал “Россия-24” (30.06.2011). Неприятно удивило не только поведение мэтра. Никто из многочисленных журналистов не посмел задать режиссёру напрашивающийся вопрос: “Зачем вы позоритесь на старости лет, Юрий Петрович? Бранитесь, словно на базаре. В ваши годы уместнее думать о Боге, а не о том, как насолить актёрам”.

Потом, у себя в изданиях, многие сказали, что думали. “КАК он ушёл: мелко, суетливо, озлобленно, ненавидя актёров” (“Независимая газета”, 04.07.2011). “Зрелище, как и сама история... выглядит если не горестно, то совершенно убого” (“МК”, 01.07.2011). Но на пресс-конференции промолчали все! Только услужливо поддакивали. Это тоже мета эпохи. Характеристика атмосферы сегодняшней России.

Вроде бы не 37-й. Да и Любимов не похож на Берию. Хотя, конечно, персонаж тоталитарный! Как он со вкусом процитировал “их должно резать или стричь”, но вовремя спохватился и переменял тему. Как бы то ни было, “оргвыводы” после спора с маэстро не последуют. Говорите! А они молчат...

Вот и известный врач Леонид Рошаль по сходному вопросу размышляет: “Сейчас в обществе какая-то боязнь говорить. Но мы же говорим не об изменении Конституции, не о свержении правительства – мы обсуждаем профессиональный вопрос. Почему же нужно бояться сказать своё мнение? Почему надо заискивающе кивать, глядя в глаза?” (“МК”, 03.07.2011).

Что это – старый страх? Полноте – у молодых! Или же то “ожидание зла”, о котором с тревогой – как о болезненном состоянии нашего общества – говорят социопсихологи. “В тематических опросах “Левада-Центра”... есть группа вопросов неизменных. Один из них: “Какие чувства за последние две недели вы испытывали?” И появляется уже тоже неизменный ответ: “Беспричинный страх”. Аристотель определил страх как “ожидание зла” (“Новая газета”, № 81, 2011).

Впрочем, так ли он беспричинен? Вспомним об измывательствах над задержанными. И вернёмся к дорожной теме. Эпизод второй: как они поступают с нами и как выгораживают своих.

Поучительная история случилась в Владивостоке. 26 мая нынешнего года гаишники остановили автомобиль Ярослава Горбенко. Обнаружили нарушение: отсутствие аптечки. Кто мог подумать, что через минуту она понадобится водителю?

Проверку проводил глава Приморского ГИБДД полковник А. Лысенко. Решив преподать автомобилисту урок, он ударил Горбенко по затылку, отскочил за ухо и на прощание пнул ногой (“МК”, 04.08.2011).

Но это не зло – отеческое внушение. Зло впереди. Свидетелем инцидента стал водитель Андрей Ким. Он дал показания. В ночь на 22 июня его автомобиль остановили сотрудники ГИБДД – подчинённые Лысенко. По словам Кима, они “выбили стекло, вытащили его через окно, бросили на асфальт и начали избивать”. Потерпевший связывает избивание с показаниями против Лысенко (newsru.com//автоновости//Среда, 6 июля 2011).

Комментируя заявление Кима, представитель ГИБДД заявил: “ЧП с личным составом не зафиксировано” (там же).

Слово против слова. Классический вариант. И как вы думаете, кому в этой ситуации поверит суд?

Но в случае с Горбенко всё не так просто. В сети выложено аж два видео, запечатлевших момент его избивания. Отрицать – бессмысленно. Но толковать произошедшее, как выяснилось, можно по-разному. Горбенко обвинили в том, что он “сам бился о машину, о его (Лысенко. – А. К.) кулаки” (здесь и далее: “МК”, 04.08.2011).

Дотошные журналисты отыскивали в биографии Лысенко схожую историю. В 2002 году во время разгона митинга во Владивостоке он “ударил женщину, задев при этом ребёнка, которого она держала на руках”. Сюжет попал в теленовости, его увидела вся страна. Власти вынуждены были завести уголовное дело. И что бы вы думали? Выяснилось, что “женщина... первой ударила блюстителя порядка, вынудила его применить ответные меры”.

Лето не успело закончиться, а боевитый полковник оказался фигурантом ещё одного скандала! Лысенко чуть не задавил корреспондента телепередачи “Честный детектив” Павла Брыкина, пытавшегося задать ему вопрос. И вновь вину возложили на жертву: “...Журналист проявляет чрезмерную настойчивость”, – прокомментировали видеозапись в центральном управлении ведомства (“МК”, 17.08.2011).

Невольно приходит на ум: сколько ещё людей пострадает от энергичного полицейского? По собственной вине, разумеется. Исключительно по собственной вине.

Присмотреться, так зло действительно рядом. Люди чувствуют это кожей, нутром, подсознанием. Поэтому испуганно молчат и наедине с начальством, и на пресс-конференции ви́па, и, уж конечно, при столкновении с блюстителями порядка.

Расследование аварий с участием “мерседеса” вице-президента “Лукойла” А. Баркова, “БМВ” представителя президента в Думе Г. Минха, “Фольксвагена”, в котором ехала жена министра Р. Нургалиева, независимо от результатов (они разные) производят тягостное впечатление. Прежде всего из-за усердия правоохранителей – поистине паче разума.

По утверждению журналистов, на месте столкновения министерского “Фольксвагена” с “жигулями” “демонтированы видеокамеры, закрыт находящийся неподалёку вещевой рынок, торговцы которого гипотетически могли быть свидетелями” (rbcdaily.ru/2010/.../562949979460007).

Казалось бы, в этом случае что секретить? Госпожа министрша была всего лишь пассажиркой (как, впрочем, и Барков, и Минх). Но не только они сами, их автомобили, пространство вокруг – всё это сакрально. Выше человеческого суждения, а тем более правосудия.

Размышляя о громких автомобильных авариях, журналист “НГ” подвёл итог: они “демонстрируют практическую неуязвимость (рядка моя. – А. К.) VIP-персон: им и их родственникам, как правило, без труда удаётся избежать уголовного преследования даже в случаях ДТП со смертельными исходами” (“Независимая газета”, 05.10.2010).

Вспомним аналогичное высказывание М. Делягина по “делу прокуроров” – я цитировал его в предыдущей главе: “Официальная позиция государства – абсолютная безнаказанность его обслуживающего персонала”. Разные авторы, говоря об абсолютно разных явлениях, повторяют одну и ту же формулу. Значит, это общий знаменатель нынешней российской жизни. **Безнаказанность – наверху и бесправие – внизу.**

Политики, понятно оппозиционные, возмущаются. В январе минувшего года на заседании Госсовета В. Жириновский подчеркнул: “Люди запуганы” (“Коммерсантъ”, 25.01.2010). Уже в нынешнем году лидер “Справедливой России” С. Миронов констатировал: “Растаптывается человеческое достоинство” (“Россия-24”, 19.05.2011).

На низовом уровне с таким диагнозом согласны. “Городом владеет страх. Люди просто боятся говорить”, – утверждает М. Бекетов, главный редактор “Химкинской правды” (“Неделя”, РЕН ТВ, 11.12.2010).

История самого Михаила Бекетова подтверждает его слова. Журналист не раз резко критиковал администрацию подмосковных Химок. У него сожгли машину. Бекетова это не остановило. 13 ноября 2008 года “неизвестные” жестоко избили его. Долгое время главред находился в коме. Он перенёс 8 операций, у него ампутированы голень и пальцы руки (“Коммерсантъ”, 15.11.2010).

И этого страдальца вызывают в суд! Привлекают к ответу не истязателей – их жертву. Кто бы вы думали? Мэр города, которого журналист заподозрил в причастности к поджогу машины. Тот оскорбился и потребовал защитить свою “политическую репутацию” (“МК”, 13.10.2010).

С репутацией г-на Стрельченко и впрямь беда. Участники московского митинга в поддержку Бекетова, по свидетельству журналистов, “ничуть не сомневались, что за преступлением стоят власти города Химки” (“Коммерсантъ”, 15.11.2011). В данном случае речь уже не о поджоге машины, а о покушении на Бекетова.

Вообще администрация в Химках специфическая. В конце минувшего года СКП задержал начальника отдела муниципальной собственности и приватизации города А. Чернышева. Его подозревают в организации покушения на местного эколога Константина Фетисова, который также, как Бекетов, критиковал администрацию (“МК”, 29.12.2010).

О том, как развивается это расследование, пресса не информирует. А о вот о суде над Бекетовым она рассказала: “Искалеченный главный редактор газеты “Химкинская правда” смог явиться в мировой суд... Бекетова к суду привезли на машине “Скорой помощи”. В зал заседаний его доставили в инвалидной коляске врачи” (“МК”, 13.10.2010).

Что это, как не издевательство – не только над правдолюбцем, но и над правосудием? Совершаемое с особым цинизмом – на глазах общественности города и страны.

А что же город? Молчит! Обратили внимание: митинг в поддержку Бекетова прошёл в Москве, а не в Химках. Да и как ждать иного отношения, если даже знаменитый химкинский лес ездят защищать экологи из Москвы? А сами горожане на организованных администрацией публичных слушаниях проголосовали за прокладку автомагистрали, что фактически означает уничтожение зелёных лёгких города.

К слову, яркую картину проведения подобных собраний в провинции запечатлел главный редактор газеты “Наше слово”, издающейся в городе Энгельсе Саратовской области. Автор наглядно воспроизводит атмосферу паралича общества: “Полностью забитый, в ожидании публичных слушаний, зал сидел тихо, как на похоронах. Эта тишина, нарушаемая унылыми речами трёх докладчиков, сохранялась в течение полутора часов. После чего все встали и молча покинули аудиторию” (“Завтра”, № 52, 2010).

Журналист приходит к забавному, но не лишённому резона выводу: “После этого я наконец понял истинный смысл словосочетания “публичные слушания”. Это просто когда публично слушают. Причём молча” (там же).

Молчаливость общественности объясняется просто. По утверждению автора, вопросы на массовых мероприятиях разрешается задавать только по согласованию с начальством. “В случае “самодельности” неприятности (вплоть до увольнения) гарантировались” (там же).

Социопсихологи констатируют: “У граждан ярко выражено чувство несправедливости происходящего”. Так формулирует “одну из главных проблем нашего политического устройства” заведующая кафедрой политической психологии МГУ профессор Елена Шестопал (“НГ-политика”, 21.06.2011).

И всё-таки завершить раздел я хочу не сухой констатацией учёного, а эмоциональным высказыванием журналистки Юлии Калининой: “Суд не судит. Следствие не расследует. Прокуратура не надзирает. Можно сотворить всё что угодно, любую пакость, были бы деньги. Всякого, кто попробует сказать слово против, можно заткнуть, изгнать, посадить в тюрьму”. Название статьи красноречиво – “Жалко страну” (“МК”, 24.12.2010).

В такой ситуации просматриваются два выхода. Либо эмигрировать, либо смириться и терпеливо ждать – будь что будет.

Те, кто сочтёт, что эмиграция – вариант экзотический, удивятся, узнав, что, по данным ВЦИОМа, готовность уехать выражают 21% опрошенных. “Пятая часть россиян – потенциальные эмигранты”, – выстрелил заголовок Newsru.com (Пятница, 10 июня, 2011).

Представьте, как обезлюдела бы и так потерявшая миллионы людей Россия, если бы намерения этой части населения осуществились. К счастью, большинство из них никуда не уедет: за границей они не нужны. Но молодые, образованные, имеющие специальность, востребованную на Западе, уезжают в немалом количестве. “За 3 года из России уехало более 1,2 млн человек” – данные Института мировой экономики и международных отношений РАН (там же).

Для остальных слова о готовности эмигрировать – доступная форма протеста. Свидетельство неприятия того, что происходит в РФ. Это, так сказать, “внутренняя эмиграция”. Её границы с каждым годом расширяются – с 5% в неблагоприятном 1991 году до 21% в нынешнем, считающемся “стабильным”. По мере того, как рыночный проект Ельцина–Гайдара, а затем Путина–Медведева реализуется на практике, число разочарованных растёт.

Недовольство охватывает прежде всего самые деятельные группы населения – молодых и людей до сорока. В возрастной группе 18–24 года желающих покинуть Россию временно или навсегда – 39% (!). В группе 25–29 лет – 29%. Среди тех, кому от 30 до 39 лет – 27% (“НГ-политика”, 21.06.2011). Фактически треть активного населения не видит для себя перспектив в Отечестве.

Причины самые что ни на есть резонные. Среди тех, кто хотел бы уехать, 47% отметили “социальную незащищённость”, 46 – “плохое отношение властей к населению”, 44 – “отсутствие достойной работы и зарплаты”, 44 – “неопределённость будущего” (там же).

Эти цифры, конечно, акцентируют негатив (что характерно для потенциальных эмигрантов). Но они не слишком отличаются от тех, что получены в ходе опроса населения в целом. Исследование, проведённое Фондом “Общественное мнение” (ФОМ), показало: у 25% россиян возникает “чувство стыда за страну” вследствие “низкого уровня зарплат” и “социальной незащищённости” (news.com/russia/.../styd_print.html).

Как бы то ни было, подавляющее большинство выбирает другой путь – “смирение”. Закавычиваю слово потому, что нынешнее смирение, по моему мнению, не имеет ничего общего с тем, что подразумевает христианская традиция.

Христианство учит смирению перед Богом: “Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих; яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти” (Псал. 50:6).

Но это вовсе не означает отказа от оценки совершаемого людьми (не праздного осуждения, но именно – ответственной оценки). В первые века христианства исповедничество зачастую сочеталось с обличением властителей и общественного устройства. Тот же настрой господствовал в эпоху утверждения Православия в Киевской Руси.

Братия Печерского монастыря не только бесстрашно укоряла князей и столичную знать “насилия ради”, но видела в этом свой пастырский долг. По слову преподобного Феодосия, основателя обители: “... Се намъ подобает и обличити и глаголати вамъ, еже на спасение души” (Житие Феодосия. В кн.: “Изборник” (сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969).

И уж разумеется, христианское смирение не предполагает равнодушия к совершающейся несправедливости и страданиям ближних. Тогда как современная версия сводится к отказу не только от борьбы, но и от сопереживания окружающим.

“Если нас это не касается, то мы и живём нормально”, – ответ молодой жительницы печально знаменитой станицы Кущёвской тележурналисту (Новости 24. РЕН ТВ, 19.11.2010). Разговаривая с корреспондентом, женщина возилась со своим ребёнком. Но она и думать не хотела о детях, убитых рядом, быть может, на соседней улице.

Случилось так, что накануне трагедии социологи провели в Кущёвской опрос – насколько станичники довольны своей жизнью. Выяснилось: 62% респондентов она вполне устраивает (“Известия”, 09.12.2010).

Да и вся Россия, по утверждению социологов малоизвестной службы “Среда”, “страна счастливых людей”. 71% “довольны жизнью и считают себя счастливыми” (newsru.com/russia/.../happy_print.html).

Правда, другой опрос зафиксировал прямо противоположную ситуацию: “Россияне – самые несчастные люди в Европе”. По данным гамбургского Фонда перспективных исследований, по “уровню удовлетворённости жизнью” Россия заняла последнее место среди европейских стран. Лишь 37% респондентов заявили, что они счастливы. Для сравнения: в Дании, занявшей первое место, 96% счастливых (“The Moscow Times”, 28.08.2011. Цит. по: ИноСМИ.ru).

Полагаю, несовпадение данных свидетельствует не только о разной степени ангажированности социологических служб (в последнее время

влияние этого фактора очень заметно), но и о болезненном раздвоении сознания россиян. С одной стороны, ни один человек в здравом уме не может благоденствовать в Куцёвской – будь то конкретная станция или символ, спроецированный на всю страну. Поэтому мы коллективно и глубоко несчастны. С другой стороны, если отгородиться от социальной действительности, что называется, зажмурить глаза, то можно устроить вполне счастливую жизнь или хотя бы её иллюзию для себя лично.

Эксперты, в том числе и западные, заговорили о “коллективном отрицании реальности” (хлёсткая характеристика немецкой газеты “Тагесцайтунг” дана по материалам сайта newsru.com// В России// Вторник, 12 июля 2011 г.).

Не случайно мы то и дело слышим от окружающих истерические одёрживания: “Не напрягай!”, “Не грузи!”, “Не компостируй мозги!” Тотальный отказ от осмысления происходящего и даже от взгляда в его сторону.

Не только обыватели – известные медийные персонажи рассуждают, действуют, живут подобным образом. Когда актёра Меньшикова корреспондент спросил о Химкинском лесе, тот дал характерный ответ: “Я вообще не в курсе. Что-то творится вокруг меня, а я это пропускаю”. Наводящий вопрос о новостях по телевизору кумир публики парировал: “Стараюсь смотреть как можно меньше... Радио у меня вообще нет. Только в автомобиле. Ну а что там, одни песенки. А разговоров я не слушаю, мне не интересно” (“МК”, 08.08.2010).

С такой позицией можно сохранять оптимизм даже в аду. Пока лично тебя не припечёт основательно.

Не знаю, как жил Меньшиков в самые трудные “рыночные” годы, но помню, его коллега Юлия Рутберг плакалась с телеэкрана, что получает в театре несколько сот рублей. Теперь-то у актёров все о’кей. Так же, как у менеджеров, бизнесменов. О чём беспокоиться...

– Кризис? Ах да, кризис. Ужасно! Но ведь он пока не вернулся? Вот и не будем о грустном. “Подумаю об этом завтра”, – как говаривала очаровательная Скарлетт О’Хара, героиня романа “Унесённые ветром”.

Знаменитый следователь Т. Гдлян, сравнивая атмосферу конца 80-х и сегодняшних дней, печально заметил: “Общество стало менее совестливым, наступило безразличие” (“МК”, 20.12.2010).

Социальная бесчувственность оборачивается бытовой. Пресса то и дело сообщает о чудовищных случаях. Нынешней весной активист “Справедливой России” Максим Головизин умер на пороге НИИ Вишневого. Излагаю историю по материалу в “МК” (21.04.2011). Головизин приехал в столицу на съезд эсеров. На вокзале ему стало плохо. Встречавшие отвезли его в знаменитый институт. Но их не пропустила охрана!

Однако не чоповцы и не полицейские, которых сотрудники НИИ вызвали, чтобы “утихомирить хулиганов”, оказались самыми бесчувственными. Врачи. Люди, дававшие клятву Гиппократу, за претили охранникам пропускать “иностранного”. Прибывший по вызову наряд полиции чуть ли не силой вытащил врача из здания, чтобы тот хотя бы бегло осмотрел несчастного. Эскулап не понадобился. Пока шли разбирательства, Головизин умер. Острая сердечная недостаточность.

Не успели? Вовремя не сориентировались?

В отличие от сотрудников НИИ, у врачей Щёлковской городской больницы № 2 было достаточно времени, чтобы оказать помощь Денису Кузьмину, попавшему в автокатастрофу. Однако шесть дней к нему не подходили ни врачи, ни санитары (“Вести-ФМ”, 18.08.2011)! Молодой организм справился сам. И сейчас врачи на обвинения родственников Дениса отвечают: пошёл на поправку, чего вам ещё...

Размышляя о катастрофе “Булгарии”, журналист Вадим Речкалов обратил внимание, что мужчин в процентном отношении спаслось больше, чем женщин и детей. И с сарказмом пояснил: “...Мужики сильнее, они могут гораздо быстрее работать локтями, дальше прыгать и дольше плыть. Поэтому мужики спаслись, а женщины и дети погибли” (“МК”, 14.07.2011).

Объяснение, пожалуй, чересчур размашистое. Журналист не учитывает деталей. Большое количество погибших детей объясняется тем, что их собра-

ли на представление в салоне на корме. “Булгария” затонула за три минуты – выбраться на палубу не успели. Но пытались ли взрослые помочь?

Неудобный вопрос уместен. Особенно в свете другой трагедии, случившейся этим летом в Ступинском районе Подмосковья. При пожаре в бараче погибли дети трёх и четырёх лет: родители были на работе, а соседи даже не попытались спасти малышей (“МК”, 19.08.2011).

Так что Речкалов не так уж далёк от истины, когда обобщает: “...Мы живём в такие времена, когда выживает сильнейший... Самый хитрый, самый спортивный, самый решительный и самый безнравственный” (“МК”, 14.07.2011).

Те, кто ещё не утратил способности мыслить, сокрушаются: “Мы как будто уже потеряли честность, добродушие, отзывчивость – характерные русскому народу черты” (“МК”, 27.12.2010).

Интуицию литератора подтверждают штудии социологов. Фонд “Общественное мнение” дважды – в 2007-м и в 2010-м годах – проводил масштабные опросы (34 тысячи человек в 68 регионах РФ) с целью диагностики гражданского климата в стране. “Респондентам задавали вопросы о доверии между людьми, солидарности, личной ответственности, благотворительности, толерантности, готовности к протестам” (здесь и далее: “Независимая газета”, 06.04.2011).

Результаты напугали даже бесстрастных учёных. “Солидарности нет никакой, – сетует эксперт. – Это доминанта сегодняшнего дня”. Социологи говорят в этой связи о “зоне депривации”: “Отсутствуют и солидарность, и ответственность, и надежда как-то выйти из тяжёлой жизненной ситуации”.

Мы привыкли гордиться своей отзывчивостью, коллективизмом. Так же, как и русской духовностью. Однако упустили из виду, что всё это качества, так сказать, наживные, благоприобретаемые. Государство издавало классику миллионными тиражами – люди читали книги. Вот вам и духовность. Кому-то не помогало и это, но в целом урок пошёл впрок.

Сегодня – утверждают эксперты – россияне выделяют на чтение книг... несколько минут в день! А самый большой тираж – 5,459 миллиона у детективов Дарьи Донцовой. Кстати, второе и третье места тоже у детективных писательниц (“МК”, 16.05.2011).

А вы говорите: “Духо-о-вность!”

Среди авторов более серьёзных один из самых популярных – Захар Прилепин. Тем примечательнее характеристика его творчества, данная рецензентом газеты “Завтра”: “Тот художественный метод, который использует целый ряд современных писателей, в том числе Захар Прилепин, в одной из статей мне уже довелось обозначить как “SOS-реализм”. Его также можно назвать “катастрофическим реализмом”, поскольку внутренний мир нашего современника постигла уничтожающая всё живое и человеческое (разрядка моя. – А. К.) катастрофа” (“Завтра”, № 24, 2011).

Показательно, что почти то же самое пишет рецензент последнего фильма Андрея Звягинцева – наиболее заметного современного кинорежиссёра: “Звягинцев здесь выступает в роли даже не доктора, а рентгеновского аппарата, на снимке которого зияет огромная раковая опухоль современного общества” (“МК”, 27.06.2011).

Воля ваша, а такие совпадения случайными не бывают. И сами художники, и рецензенты их новых произведений подметили процесс деградации нашего общества. “Уничтожающий всё живое и человеческое”.

Я собрал множество фактов того, что процесс этот происходит и в науке, и в образовании, и в спорте – тех самых областях, где Россия традиционно добивалась наиболее значительных успехов. Увы, наши спортсмены уже не побеждают на соревнованиях. А наши ракеты уже не выходят на заданные орбиты (в августе 2011-го упал на землю грузовой корабль “Прогресс”, тогда же был потерян телекоммуникационный спутник, в феврале – военный спутник, в декабре 2010-го – три спутника ГЛОНАСС-М).

Не буду нагружать читателя дополнительной информацией. Но об одном факте, с трагической наглядностью свидетельствующем о деградации и нравственной – катастрофе первичной, за которой следуют все остальные, – не сказать не могу.

Я обнаружил его в очерке молодого писателя Сергея Шаргунова “Как безмолвствует русский народ” (“МК”, 20.01.2011). Шаргунов вспоминает о “разговорах за жизнь” со своими деревенскими соседями, простыми людьми. Время от времени в них принимал участие “любимый племянник” соседской четы – Костик. И вдруг он исчез. Автор как-то поинтересовался – куда? В ответ мнутса, не хотят говорить. Наконец женщина проговорила: “Убили его... Менты. Поймали подвыпившего. Почки отбили, так били, чтобы убить”.

Далее нужно цитировать целиком:

“– Надо ментов посадить, – сказал я твёрдо.

– В это дело даже лезть нельзя. Ни про что мы с тобой не говорили, ясно? – она встала.

Зимой накануне Нового года я чистил снег у ворот.

– Серый, а Серый! – Михалыч, пошатываясь, подошёл.

Обменялись рукопожатием.

– Пойдём ко мне, по рюмочке, за праздник... .

И снова я сидел за деревянным столом с бутылкой и закусками.

– Помните, пели? – я улыбнулся. – “Пять минут, пять минут...”. Костя ещё живой был.

Тамара у плиты тревожно зазвенела сковородкой.

– Был, – подтвердил Михалыч. – Ну, с Новым годом! Чтобы в старом году, как говорится, все старые несчастья остались... А в новом привалило бы нам счастье!

– Не чокаясь, – сказал я. – За родственника вашего. Убили его, да?

– Помер. Выпил гадость какую-то и помер.

– Я другое слышал.

– Слышал и слышал. Времени сколько утекло, с прошлой весны-то...

– Почему вы так это оставили?

– А как? Хочешь, чтобы тачку мне взорвали со мной вместе?

– погодите. Но они же мелкие, менты эти. Подмосковный город. А вы не последний человек в государстве. Вы, извините меня, директор большого... объекта... Убили, и пускай? А если б сын ваш?

Тамара запричитала:

– Хватит, прекрати, Серёженька... . Мать его родная и то молчит.

– Да пойду я...

– Стой, погоди! – заговорил Михалыч. – Балабол. Или предложить чего есть?

– Могу статью написать в газете! Хотите, запрос устрою? Из любого ведомства, знакомых много!

– Подотрутса они твоими бумажками!

– Попробовать же надо.

– Что? – спросили они одновременно.

– По-про-бо-вать... . – Я чувствовал, что слёзы глупо наворачиваются на глаза. – Эх! Надо вам попытаться убийц наказать. Попытку предпринять!.. И пил он у вас, и в голову вы его целовали! Любили его, да? Опекали! Прощали, что бездельник, что пьёт. Помните, как песни вы пели славно? Я думал: вот оно, единство, вот люди... . А теперь что? Стал он трупом, а у вас хата с краю. Вроде и не было никакого Кости. Так получается? Да ну вас! – я вышел из кухни, из дома, за забор, пошёл к себе”.

После таких текстов нужна пауза. Символическое молчание. И всё-таки необходимо подвести итог: таков результат “смирения”. Попытки приспособиться к жизни во что бы то ни стало. Сбрасывая с себя все нравственные обязательства, все жизненные связи, вплоть до родственных – тёплых, живых. Родственники, даже мать – никто не хочет вступить за погибшего.

Впрочем, в последнее время обозначился ещё один вариант выхода из гнетущего состояния бесправия. О нём в следующей главе.

(Продолжение следует)

Вирусы разрушения жизни, которыми заразилась либеральная часть творческой интеллигенции в начале перестройки, в последние годы неожиданно оживают. Их носители, разрушившие Союз писателей и Литературный фонд СССР, несколько лет подряд пытались сокрушить Международный литературный фонд и Союз писателей России.

Однако решения Верховного Суда РФ и Московского городского суда летом 2011 года окончательно и бесповоротно пресекли попытки приватизировать Переделкино и остановили психическую атаку, которая была организована переделкинскими провокаторами во главе с Ф. Кузнецовым и Ю. Поляковым против нынешнего руководства МЛФ, атаку, которая велась многими мощными средствами СМИ — “Литературной газетой”, “Литературной Россией”, “Московским комсомольцем” и “Новой газетой”, другими органами печати и, конечно же, нашим демократическим телевидением...

Однако, проиграв суды, переделкинская компания продолжает бороться с Союзом писателей России на страницах своих изданий, пытаясь натравить общественное мнение на наш Союз.

Вот почему редакция журнала “Наш современник” попросила многих наших известных писателей ответить на вопросы: какова роль Союза писателей в Вашей творческой судьбе? Нужен ли сегодня писательскому сообществу наш Союз писателей? Можно ли доверять судьбу этого Союза нынешнему его руководству?

В известной мере ответы на эти вопросы являются продолжением беседы председателя СП России Валерия Ганичева с главным редактором журнала “Наш современник” Станиславом Куняевым, напечатанной в сентябрьском номере журнала.

О СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ НЫНЕ И В БУДУЩЕМ

ИМ НЕ ПОНЯТЬ

Москвичам, затеявшим “принципиальную” возню вокруг Союза писателей России и возжелавшим удалить из руководства В. Н. Ганичева, надо бы вспомнить, как они слабовольно сдали этот “сталинский Союз” в начале девяностых. Разве вы, господа, все забыли?!

Союз писателей России был создан Л. С. Соболевым для поддержки прежде всего обширной литературной провинции. С этой же целью возникла газета “Литература и жизнь”. Все как-то забыли самое главное: на огромных пространствах России кто-то талантливо скрипел перышком и нуждался в централизованной поддержке. Без этого сникло бы творчество в республиках, тяжелее было бы одолеть московско-цедезловскую тусовку и придти вовремя к читателю. Союз писателей России стал явлением замечательным, и мы, провинциалы, все-все помним.

Мне кажется, возню затеяли самые сытые, довольные, жаждущие личных благ и какого-то гешефта. Трудно поверить, что они думают и заботятся об этой упомянутой мной “обширной литературной провинции”. Переворот в Союзе писателей России уничтожит его окончательно. Этим резвым москвичам не понять, как тяжело и печально нам представить, что Союза писателей больше не будет, а навяжут пишущему миру какие-то гильдии. Им, московским бунтарям, не понять, что в Москве нам и зайти будет некуда. Им, уже

летающим в Париж и в Лондон на все свои презентации, книжные ярмарки и прочие тусовки “без особых проблем”, не понять, как провинциальные писатели (какого бы таланта и известности они ни были) благодарно приближаются от метро “Парк культуры” на Комсомольский проспект, 13, открывают двери запущенного, униженного, растерзанного демократией, но родного Союза писателей РСФСР, как дома и в самой Москве вспоминаем мы это заветное помещение, толпы “друзей”, приезжавших на пленумы и съезды, и то, как все-все стремились стать членами этого Союза и как мы благодаря этому Союзу встречались по-братски. И уже тогда было видно, что многие **московские** писатели, уставшие от ужинов в ЦДЛ, с некоей ленцой появлялись в Союзе... отметить в списках. Не из этой ли породы уставших от ужинов в ресторанах ЦДЛ, ЦДРИ, ЦДЖ и прочих домов теперь клюют Союз писателей и виноватого перед ними Ганичева?

**Виктор Лихоносов,
г. Краснодар**

ЧЕЛОВЕК МИЛОСТЬЮ БОЖИЕЙ

Валерий Николаевич Ганичев не нуждается в защите от нападок людей, случайно забравших в литературный процесс, чьи имена звучат пародийно. Для несведущих хочу сказать: Ганичев сам, с 60-х прошлого века, по сей день защищает тех, кто стал фактом литературы второй половины XX столетия в нашей, ныне обрушенной стране.

Комсомольский деятель, издатель, журналист с крепким университетским образованием, Ганичев на всех своих постах выделялся смелостью суждений и независимостью поступков, что не нравилось тем, кто хотел стричь литературу под одну гребенку.

Главный редактор журнала “Молодая гвардия”, далее директор издательства “Молодая гвардия”, далее главный редактор газеты “Комсомольская правда”, Ганичев с начала 60-х по начало 80-х был среди тех, кто последовательно преодолевал инерцию мышления партаппаратчиков, считавших себя руководителями, в том числе и литературой.

Результаты его деятельности в анналах истории. Любопытным предлагаю полистать вышеназванный журнал, книги, газету “ганичевского периода”. Имена писателей скажут сами за себя.

Спокойно, уверенно, внешне даже флегматично Ганичев давал “добро” произведениям поэтов и писателей, отвергнутым другими изданиями или цензурой.

— Беру на себя, — говорил он и ставил подпись прежде, чем начать свои “хождения по мукам” там, где ему могли запретить своеволие.

Валерий Ганичев брал на себя публикации произведений неизвестных еще прозаиков Виктора Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина, Виктора Лихоносова, Владимира Крупина, поэтов Николая Рубцова, Анатолия Передреева, Сергея Поликарпова, Юрия Кузнецова, Станислава Куняева, и не было ни одного талантливой писателя, которого упустил бы цепкий взгляд издателя и редактора Ганичева.

Он вступал в жестокий бой, один на один с цензурой, отстаивая готовые к изданию произведения уже известных Бориса Можаева, Сергея Залыгина, Чингиза Айтматова, Василия Шукшина...

При нем в издательстве “Молодая гвардия” появились исторические серии и забытые произведения древнерусской литературы. Имена Валентина Иванова, Дмитрия Балашова, Вадима Кожинова зазвучали именно в “ганичевский период”.

Человек широких взглядов и государственного мышления, он привлекал в журнал, издательство, газету и классиков национальных литератур Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, Давида Кугультинова, Алима Кешокова, и молодых писателей из всех республик страны.

Яркое явление своей эпохи, Ганичев был и остался современником и другом первых космонавтов, их дневниковым летописцем.

За яркость получал с лихвой. Не знаю никого другого в эти годы, стояв-

шего у руля средств массовой информации, о ком непрестанно ходил бы один и тот же слух:

– Ганичева с должности снимают! Крамольную книгу Астафьева (можно поставить другое имя) выпустил. Говорят, большое понижение получит. Жалко. Пришлют держиморду – невозможно будет печататься.

Его “снимали”, на моей памяти, в течение двадцати с лишним лет. И, наконец, снял главный идеолог страны М. А. Сулов со словами:

– Пора этому смельчаку заняться собой, а не другими.

Однако и смещенный с высокой должности Ганичев остался верен себе.

Среди документально-исторических книг Ганичева произведение о флотоводце Федоре Ушакове на особом месте. Это не только книга. Это поступок. Ганичев своей книгой так привлек внимание к судьбе Федора Ушакова, что великий флотоводец был причислен православной церковью к лику святых.

Скажите, чей документально-исторический труд был столь же результативен?

Многие идеологи коммунизма в 90-х годах ухватились за православие. Понятно: в их идеологии был ряд лозунгов, почерпнутых из религии. Я уверена: если бы не изначальные гонения на православие и другие религии, вся жизнь после Октябрьской революции шла бы иначе и не случилось бы обвала СССР. Валерий Ганичев не стал православным верующим. Он им был. Могу это утверждать, в частности, по его отношению к тем моим стихам, где шла речь о Боге. Он единственный оставлял в них слово “Бог” с прописной буквы. Его карандаш (я видела это в верстке) исправлял правку редактора или цензуры, восстанавливая авторское написание.

Однажды Ганичев руководил делегацией писателей в Сибири – это было в шестидесятых. Я была в одной из групп. Как-то утром зашла в православный храм. Служба еще не началась. Народу немного. У иконы “Владимирская Богородица” стоял Ганичев. Ставил свечу. Потом подошел к священнику. Они о чем-то долго говорили. Меня он не увидел. Тогда человек такого ранга, замеченный в храме, рисковал должностью. С того дня я поняла еще одну черту его характера – смелость всегда оставаться собой. И поэтому, много позже, меня не удивило его появление в президиуме Всемирного Собора русской православной церкви.

Недавно ушедшую в мир иной, верную подругу жизни Ганичева Светлану Федоровну отпевал сам Патриарх Кирилл. Он говорил нежные слова, идущие от сердца. Это было очень человечно – поверх всех барьеров.

Повторяю, Валерий Николаевич не нуждается в защите от нападок. Он сегодня по мере сил сам защищает писателей, живущих не в столице, а по всей стране. И в других странах. Да, да! Мне приходится бывать во многих местах земного шара, где ныне живут люди, пишущие свои произведения на русском языке независимо от паспортных данных. Они в большинстве своем связывают объединительные надежды с Союзом писателей России, “с тем самым, где Валерий Ганичев”.

В конце вспомню басню И. А. Крылова “Слон и Моська”. Как ни странно, я испытываю нечто вроде благодарности к хулителям Ганичева, давшим мне импульс публично сказать немного из того, что о нем думаю и как его понимаю.

Вряд ли такая возможность представилась бы мне без повода. Мы с ним не родственники и не близкие друзья. Всего лишь современники.

“Иных уж нет, а те далече”. Не помнящие родства не виноваты в том, что не жили, когда жили мы. Они виноваты в том, что хотят урвать неурываемое – объективную реальность прошлого. Это еще никому никогда не удавалось. Не удастся и теперь.

**Лариса Васильева,
г. Москва**

* * *

Моя поэма “Добрые всходы” печаталась в журнале “Нева”. Главный редактор Черненко пригласил приехать, вычитать набор, кое-что поправить. Ну, что касается Ленинграда, я в любое время готов ехать в этот город, он для

меня – судьба! Я служил на Балтике, воевал на Балтике, защищал город от гитлеровского нашествия, пережил блокаду, участвовал в знаменитом героическом и вместе с тем трагическом переходе кораблей флота из Таллина в Кронштадт.

Итак, я в городе Ленина.

Двоюродная сестра предоставила мне для временного пребывания свою комнату. Сходил в “Неву”, поговорил с Сереей Орловым, заведующим отделом поэзии, взял набор. Но плодотворно потрудиться помешали. После часа ночи – стук в дверь. Кто?.. Оказывается, участковый. Рядом – понятая. Она-то, вероятно, и вызвала его, бдительная. Требуют паспорт и трудовую книжку. А ее-то у меня отродясь не было. Краснофлотская книжка, студенческий билет имелись. Трудовой – не удосужился занять. Конфликт! Грозят выселением, то есть – выталкивают в шею. Но куда же я пойду?!

Вот тогда-то я и почувствовал, как говорится, на своей шкуре, как важно членство в писательском Союзе: это помогло бы доказать, что я не бомж, не бродяга “безпаспортный”, не тунеядец, а полноправный трудящийся гражданин. Верстка поэмы, которую я совал все время пред очи строгого милиционера, не помогла.

Короче, некоторые зазнавшиеся головы утверждают, что Союз наш не нужен, что они неплохо обходятся и без него. Возможно. Но почему же начинающие (и молодые, и старые по возрасту) писатели так яростно рвутся в члены СП? Почему так настойчиво атакуют приемную коллегия Союза, в которой мне доводится работать немалое количество лет?

Утверждаю: Союз писателей – жизненно необходим. Кроме бытовых вопросов, кроме ежедневных нужд писателей он занимается важными общественными делами. Не стану перечислять всех значимых событий, которые он организовал, напому только некоторые из них. Например, “писательский десант” в воевавшую Чечню, или другой крупный пример: “Агитационный поезд Москва–Владивосток”. Множество встреч в градах и весях, множество выступлений, бесед, различных культурных мероприятий – разве можно это забыть.

Или, наконец, недавняя поездка по маршруту Москва–Брест, приуроченная к 70-летию начала Великой Отечественной войны. В ней приняли живое участие и писатели Белоруссии. Напому, что 4 декабря 2009 года в Минске состоялся (наконец-то, десять лет ждали!) Первый Съезд объединенных Союзов писателей Белоруссии и России.

После разрушения СССР в стране произошло много разрух. Полагаю, умолять их не следует.

Член Союза писателей СССР с 1957 года
Михаил Годенко,
г. Москва

СОЮЗ ГАНИЧЕВА

Нет ничего удивительного в том, что раз от разу звучат в литературной и нелитературной прессе голоса о желательности упразднить Союз писателей России. Разве крупнейшее и авторитетнейшее в стране творческое содружество создавалось и существует для того, чтобы нравиться всем и каждому? Нет, оно не давало таких зарок и клятв. Кого-то раздражает его ещё советское происхождение. Кто-то зарится на трехэтажный особняк с ампирическими колоннами на Комсомольском, 13. Кому-то неприятен, даже до зубовного скрежета, лично Валерий Ганичев.

Но если вас примутся уверять, что дело не в том, не в другом, не в третьем, а в том только, что Союз писателей России просто-напросто атавистичен, что он связывает по рукам и ногам каждого отдельного литератора, покушается на творческую свободу, препятствует наиболее благоприятной самореализации мастеров слова, – не верьте этим сладким пожеланиям о вашей бессмертной и такой ранимой душе. Потому что новейшей выделки разрушители с их призывами к творческому безвластию, к литературному суверенитету каждого витии суть лютые кобры, залезшие в валенок.

Послушать их, так мы тут вообще слишком заорганизованы, слишком много у нас государства, армии и прочих властных начал, и от всех таких обуз надо освободиться, отпуская каждого гражданина вселенной на волюшку.

На самом деле они отлично знают: мир по устройству своему сущностно иерархичен, принцип организации охватывает всё и вся. То, что такие познания им, как и всем нам, ведомы, легко проверяется. Предложите-ка им одновременно с упразднением Союза писателей России прекратить существование такой милой организации, как российский филиал международного литературного ПЕН-клуба. О, как они зашевелятся в своём валенке! Ну, как же без ПЕН-клуба? Он такой хороший. Он так трогательно подкармливает самых лучших, с их точки зрения, писателей. Они и сами хотели бы попасть в эту организацию-кормушку. И потому так стараются выслужиться перед ней, затеяв упразднение “Ганичевского” союза.

Или предложите им расформировать их собственные газеты, чтобы тем самым предоставить возможность каждому журналисту раскрепощенно сидеть у себя дома и свободно выпускать личную газету. Вот тут эти организаторы борьбы с литературной заорганизованностью вылезут из мягкого укровища, оттопырят уши и выпустят жала.

Впрочем, что о них?

Вопреки всем наветам, интригам, административным и финансовым утеснениям существует у нас в стране крепкое, бодрое, здоровое духом литературное товарищество – Союз писателей России. И так хорошо, что в пору смуты и шатания возглавляет его писатель и гражданин безукоризненной творческой и житейской репутации, образцово умеющий собирать и сплачивать талантливых людей. Мне кажется, когда-нибудь об этом нашем товариществе и об этом человеке так и будут говорить, для простоты и ясности: Союз Ганичева.

**Юрии Лощиц,
г. Москва**

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗ СТРАНЫ ДУРАКОВ

Я не знаю ничего глупее заявлений, что писателю в его творчестве никакой Союз писателей не нужен. Конечно, мне в моей работе не нужен никакой Союз писателей. Но литературы нет без литературного общения. Без литературного сообщества. Это всё от лукавого, когда говорят, что нас, писателей, будто бы “слишком много”. На самом деле нас горстка среди миллионов. Мы растворимся среди них, пропадем поодиночке, если у нас не будет Союза – естественного, Союза писателей России.

Пушкин писал, что униатский епископ Шептицкий говорил православному епископу Георгию Конисскому: “Мы за вами еще живем, а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас”. Так и в литературе: не будет Союза писателей России, почешутся все, в том числе и самые рьяные “отрицатели”. А по отношению к провинциальным писателям я разговоры о ненужности Союза не могу назвать иначе, как подлыми. Авторитет писателей в провинции нередко поддерживается в глазах местных властей тем, что они – часть большого Союза писателей, центр которого находится в Москве. Это одна из немногих общероссийских федеральных литературных структур. Благодаря сохранившемуся у чиновников пиетету перед Москвой многие писательские организации в России живут даже лучше, чем в столице. Но, уверяю вас, отношение властей радикально поменяется, если они узнают, что единого Союза писателей России с центральным аппаратом в Москве больше нет. Такова уж у них сущность, у властей. Особенно у нынешних, “рыночных”.

Будучи членом правления Союза писателей России, я придерживаюсь мнения, что нынешнее руководство Союза можно и нужно критиковать, и в этом духе выступал на последнем пленуме. Но одно дело – критиковать, а другое – ставить под сомнение необходимость существования Союза вообще. И потом, если мы уважаем сами себя, то должны помнить, что сами выбрали руководство на съезде, и другого никто на голосование не предложил, даже самые резкие критики. Что это за холуйская манера такая – в трудные времена всё валить на руководство? А почему вы не объявили на съезде, что готовы взять всю ответственность на себя? Потому, отвечаю я себе, что ни-

кто, кроме нынешнего руководства, ответственность на себя брать не хочет. Вот в чем корень вопроса – будем честны перед собой.

Идиотичны по своей природе разговоры и о том, что подлинных талантов среди нескольких тысяч членов Союза – раз-два и обчелся. Никто и не создавал Союз писателей как союз гениев. И писательская среда никогда сплошь из них не состояла. Но эта среда более литературно компетентна, чем растворенные в нетворческой среде писатели-любители. Не знаю, у кого найдется духу оспорить это. Да, отнюдь не все члены Союза, даже со стажем, хорошо пишут, но, как правило, суждение о литературе имеют профессиональное. Или, во всяком случае, более профессиональное, чем мнение соседа, которому вы решились показать рукопись. И это очень важно.

Это литературная почва, которую не заменят никакие “сетевые” “Проза.ру” и “Стихи.ру”, где толкнутся сотни тысяч графоманов. Союз писателей да Литературный институт – больше ничего и нет, если не считать редких форумов молодых писателей и литобъединений, крайне слабых ныне. Ну, конечно, еще есть газеты, журналы, издательства, но они ведь пользуются тем, что уже возшло на литературной почве. Литконсультаций при издательствах, как в советское время, теперь уже нет.

А между тем, сомнению подвергается не только необходимость существования Союза писателей, но и Литературного института! Особенно в этом смысле старается “Литературная Россия”. Но, если не нужны Союз писателей, Литинститут, журнал “Наш современник”, самый тиражный в России, то что нужно? “Лит. Россия”, реальный тираж которой ничтожен? О да, судя по постоянным воплям газеты о том, что ее плохо принимают в киосках! А чего горячиться: может быть, хозяева киосков думают о “Лит. России” то же самое, что “Лит. Россия” думает о Союзе писателей и Литинституте? И случайно ли, что, чем больше возни в “Лит. России” вокруг Союза и Литинститута, тем более графоманской и плебейской становится сама эта газета? Конечно, не случайно, это как в религии: ереси вырождаются в секты, секты в кружки, а кружки рассыпаются в пыль.

Никакому писателю в отдельности Союз писателей не нужен. Он нужен всем. “Отрицатели” предлагают нам тихо разойтись по своим углам. Но из этих углов нет выхода. Союз писателей России надо не разрушать, а возрождать, чтобы писатели не остались один на один с враждебным для них “рыночным” миром.

**Андрей Воронцов,
г. Москва**

* * *

Союз писателей выстаивал в жесточайшей борьбе за существование, с трудом выживал в период развала СССР. Сейчас это многие истолковывают как борьбу писательской чиновной верхушки за своё благополучие. Однако тут отстаивалось в первую очередь наше профессиональное сообщество, которое способно заявлять о своих правах и защищать их коллективно.

Мир вокруг нас становится всё более жестоким, он политически неуравновешен. Писатели, которые разбредутся, лишившись Союза, еще больше ослабнут прежде всего сами, никто не придёт им на помощь в трудную минуту. Любой грядущий тиран всех неугодных разрозненных литераторов перещёлкает, как орехи. Мы не такие дураки, и сберечь Союз писателей – это значит сберечь братское плечо рядом. Мелкие перепалки, перехватывание премий у более талантливых в пользу менее талантливых, но угодных руководству, ревнивая конкуренция внутри СП тут не в счёт: это всегда было и всегда будет... Но если с нами хоть чуть-чуть считаются сегодня, то благодаря Союзу писателей не в последнюю очередь.

Да, в нынешнем Союзе можно найти признаки деградации, только где их сейчас нет? Хоронить слабеющий, но живой организм – дело преждевременное. Лучше надеяться на разумные, спокойные преобразования внутри СП, чем способствовать его разрушению...

При росте социальной напряжённости Союз писателей – это последнее, что ещё хоть как-то мешает расправе с неугодными прозаиками, поэтами и критиками: есть серьёзные силы, заинтересованные в подавлении всякого

талантливому национальному свободомыслию и действующие пока исподволь, за исключением единичных, выборочных наскоков. Мы эти силы видим, мотивы их – понимаем и сдавать свой Союз не намерены.

**Вера Галактионова,
г. Москва**

* * *

Союз писателей России необходим для тех литераторов, которые живут не в Москве. В Москве циничное отношение к писательству давно уже дошло до того, что писателем считается тот, у кого много денег и хоть чуть-чуть что-то кое-как написано, для отмазки. И власти Москвы относятся к писателям с презрением, потому что в их глазах это те, кто делит там что-то в Переделкине, что-то пытается урвать, отхватить, оттяпать друг у друга.

В остальной части России в большинстве случаев у власти осталось хоть какое-то уважение к словосочетанию «член Союза писателей». Поэтому при наличии большого Союза писателей России легче договариваться с властями в разных городах о проведении писательских встреч, учреждении местных премий, оказании помощи бедствующим литераторам. Глядишь, какой-нибудь глава города или области, получив бумагу из СП, не пустит деньги на очередной банкет, а организует что-то для своих писателей. А, кроме того, есть ещё и такие градоначальники, которые по-прежнему любят литературу. Их мало, но они есть.

**Александр Сегень
прозаик, г. Москва**

* * *

Сегодня Союз писателей России является одним из важнейших инструментов реализации государственных программ развития культуры. Особенно отчетливо это видно в регионах страны, где государственная поддержка отделений Союза писателей благотворно влияет на работу библиотек, клубов и домов культуры, является существенным компонентом в создании инновационных программ обучения в школах и вузах.

Значимость бюджетной поддержки писателей сегодня осознают даже самые прагматичные политики. Например, губернатор Кировской области Никита Белых, прилежный ученик младореформаторов и непримиримый противник патернализма, не только не свернул, но и расширил программы поддержки местного отделения Союза писателей России.

**Светлана Сырнева,
поэт, г. Киров**

ПРОТИВОСТОЯНИЕ БЕЗДНЕ

Размышлять о том, нужен ли, зачем нужен Союз писателей, мне, наверное, надо было в 1991 году, когда писал заявление о приёме. Но тогда таких вопросов не возникало. Нет их и сейчас. И превеликой честью для меня стало согласие замечательных русских поэтов Владимира Макарова и Надежды Мирошниченко дать мне рекомендации, а ещё одна была получена по итогам Всесибирского совещания молодых писателей годом ранее.

Как превеликой честью стало для меня решение Приёмной коллегии, позволившее мне войти в наш Союз – Союз писателей Распутина, Белова, Куняева, Горбовского... Союз Шолохова, Рубцова, Леонида Леонова! Нет, упаси Господь, не ставил я себя в этот ряд даже через трёх-пятисотую запятую, но это Мой Союз.

Да, сейчас нет-нет да и слышишь: а зачем он нужен? что он мне (нам) даёт?

А зачем он был нужен, когда вы, сумнящиеся литераторы, авторы бессмертных творений, вступали в него? Сухой али жидкий паёк прельстил вас?

Так вам не сюда надо было — есть же у нас, в России, служба по контракту, где бесплатно выдают не только кальсоны... Причём солируют в этих разговорах то ли огрызки литературного процесса, то ли те, кого, по их мнению, “обнесли пайкой”. Так при этом и корочки члена СП каждому встречному-поперечному в лицо суют, и подписываются на каждом столбе: “Член Союза писателей России”! Гордо звучит! И вот уже начинается лай в подворотне: это же, мол, какие стяжатели — вступительный взнос ныне две с половиной тысячи! Или пять? Точно заволжские старцы с их претензиями к иосифлянам, коих “стяжателями” и обозвали, хотя собрание ими земель и собственности было не стяжанием богатств в целях ведения роскошной жизни, а средством, позволяющим Церкви усилить свою роль в государстве и обществе посредством расширения пастырской, благотворительной и просветительской деятельности. А тут вообще — не до благотворительности... Не знаю, насколько уместно это сравнение, но уверен: лающие ныне из подворотни — никакие не “заволжские старцы”. Корыстолюбцы.

И неужели, не будучи (допустим) дебилами, не понимают: это не Валерий Ганичев и не Геннадий Иванов сравнивали юридическими статусами Союза писателей России и, к примеру, Общество любителей-собаководов... Кстати, только в Омском отделении зарегистрировано 4 тыс. собак 46 пород, а писателей в областном отделении СП не многим более пятидесяти.

Помню, несколько лет назад в Омске выбирали мэра, и в рамках избирательной кампании Дом писателей посетил представитель действующего главы администрации города. И этот молодой человек так и заявил с порога: “Давайте по-быстрому всё обсудим, вы у меня не первые, я вот к вам сразу из общества собаководов...” А в итоге: помещение у собаководов есть по-прежнему, а писатели своего дома лишились — там сейчас общественная приёмная президента Медведева. Смодерниздили. Здание, да, отремонтировали по высшему разряду, да только сидит там одинокая тётка и тазик под протекающую крышу подставляет... Инновация, однако...

И вот что примечательно. Дом писателей в Омске всегда был на улице Коммунистическая, как, собственно, и сам дом омским литераторам был предоставлен при коммунистах, в 1988 году. А тут, пару лет назад — исторический визит очередного гаранта в наш город. И кинулся чиновный люд подходящее здание для его общественной приёмной подыскивать, и подыскали. Правда, закавыка одна получилась: дом-то на Коммунистической, а президент у нас — известный либерал, даром что часовые пояса решил отменить... В итоге “отменили” адрес. То есть все дома, кроме одного, так и остались на Коммунистической улице, а уже бывший писательский — на улице Певцова, которая вроде бы рядом, но сбоку... Певцов, кстати, не актёр, а русский путешественник, исследователь Центральной Азии, проходивший военную службу в Омске и преподававший в то же время географию в гимназии. Так что никто ничего против Михаила Васильевича не имеет, и слава Богу, что улица Рабиновича находится несколько далее. Но всё же — символично.

Как символично и другое. Подошли мы как-то с поэтом Геннадием Тарасовым к нашему зданию, а на крыльце та самая тётка с тазиком в руках: “Вы на приём?” Нет, отвечаем, мы — писатели, пришли на свой дом посмотреть, вспомнить былое... “А писателей больше нет!” — воскликнула мадам и вылила нам под ноги содержимое тазика... Ну да, ещё и один высокопоставленный омский чиновник от культуры заявил потом: “А какие в Омске писатели? Разве среди вас есть Донцова, Маринина, Ерофеев?...”

Нет, дебилам ничего объяснять не стану. Скажу тем, у кого ещё на месте мозгов оные хоть в каком-то количестве имеются: Союз писателей России, Союз писателей России Распутина, Белова, Куняева, продолжающий традиции Шукшина, Леонова, Шолохова, Рубцова, живёт и работает в условиях оккупации России русофобствующими “деятелями культуры”, так называемым масскультом, в царстве “усреднённой” истины, в условиях насаждения виртуальной реальности. Ступени в кромешную “бездну” такой оккупации — денационализация, обезличивание, обесмысливание, расчеловечивание, оскотинивание... Тоталитарное пародирование и кощунство, опошление и оскорбление святых (в том числе исторического прошлого), издевательства над ними.

Повсеместно, вопреки стремлениям здоровой части общества, поддерживается на государственном уровне “цивилизованное” разрушение институтов и организаций, обеспечивающих здоровое сознание и духовное бытие народа.

Антикультура врывается в нашу жизнь в одеждах своеволия, разврата, зрелищной непристойности, разнузданности, всего, что не соотносено с образом духовного человека, что не соприродно духовной сущности человека.

Антикультура — это вонючее логово, где все вещи в беспорядке разбросаны, одежды испачканы и скомканы, стёкла выбиты, и через них задувает холодный воздух с улицы.

Именно ей и противостоит Союз писателей. Да, нищий, но не сломленный. И для меня нет вопроса: нужен ли он мне? Если я нужен нашему Союзу — это уже великая честь.

Родина, лишаящаяся народа, а с ним и вселенского смысла своей жизни, постепенно перерождается в некое количество населенных пунктов. Такой народ сам толкает и себя, и Родину в плен... Его землю топчут чужие ноги. Ему навязывают чуждые законы, ему велят изменить лицо, у него отнимают сердце и не дают ему уже не только любить, но даже и вспоминать то, что когда-то он любил и чтит превыше всего... И нет этому народу спасения и исцеления совне. Не помогут ему чужие врачи и лекарства. Не напитают и не напоят его живой водой чужие воды. Не привьется на его земле чужой сад. Но оборвется непобедимая и великая тяга земная, ослабеет Микулушка Селянинович, заснет долгим смертным сном богатырь Святогор. А Родина станет похожа на покинутую детьми старую мать-сироту...

*И много Понтийских Пилатов
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего продают.*

(А. К. Толстой. “Богатырь”)

А Союз идёт за Пушкиным, любившим свой народ на деле и оставившим нам свой завет, сказав знаменитое: “Уважение к именам, освящённым славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, когда только хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно”.

И вот все эти разговоры про то, что “должен давать” Союз писателей России или зачем он нужен... Ну представьте себе человека, пришедшего в партизанский отряд, и вместо винтовки попросившего котелок с кашей...

“Ах, и каша-то у вас без масла! Ну тогда зачем мне это нужно!” А не нужно — иди в очередь к корыту с парными отрубями, но это не здесь, не в Союзе писателей России.

И не надо со мной спорить — это мои убеждения. Не надо зубоскалить насчёт “партизанского отряда” или “винтовки”. Сейчас я бросаю вызов тем, кто льёт ушаты помоев на мой Союз, и потому первым выбираю оружие. Думайте, что хотите, но в своём присутствии гавкать не позволю.

Юрий ПЕРМИНОВ,
*поэт, главный редактор альманаха
“Тобольск и вся Сибирь”, г. Омск*

НУЖЕН ЛИ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ?

Союз писателей России необходим нам, как воздух нырлящикам за жемчужом. Вынырнул кто-то талантливый с горстью жемчужин, а его уже ждёт лодка, на которой его привезут к берегу и под белые рученьки введут в рыбацью хижину, где уже собрались такие же, как и он, нырлящики. Жемчуг будет продан, а люди спасены от голода (в нашем случае — духовного). А по таланту будут выданы почести. Лодка и хижина — это и есть Союз писателей. Это опора и помощь молодым талантам и классикам.

А если говорить прямо, то наш Союз — это “глагольные скрепы” (как писал я однажды), которые держат всё наше литературное содружество от моря до моря и от океана до океана. Это единство русского пространства на территории не совсем русского государства. В нечеловеческих условиях Союз писателей России умудряется сохранить нашу культуру, наш язык, нашу веру

православную, вышвыривая демонов и бесов огненным глаголом из наших палестин. Не всё удаётся, ибо есть враги и в нашем общем литературном доме, даже и не бесы, а мелкие шиши. Можно их не замечать, но они пакостят и жутко воняют, разлагаясь от злобы и зависти уже при жизни.

Русский писатель — это посредник между человеком и народом. Между Россией и историей. Между Москвой и провинцией.

Мы спаяны не одной ржавой цепью, а гораздо крепче — русским ЯЗЫКОМ! И в Союзе писателей спокойно занимаясь “русским делом”, не замечая надменный Кремль — мы пестуем молодые таланты, печатаем новые стихи и романы, встречаемся со своими многочисленными читателями и создаём “на зависть буржуям” мировую современную русскую литературу.

Я не тревожусь за дальнейшую судьбу Союза писателей России. Да и разве может быть “крушение”, если в Державе СТОЛЬКО талантов!!!

Союз писателей России смотрит в будущее ОКОВОМ ОРЛИНЫМ, чертит по небесам ПЕРОВОМ ЖЕЛЕЗНЫМ, переживает за всех ГОРЯЧИМ СЕРДЦЕМ и платит за всё ЩЕДРОЮ ДУШОЙ! И так будет всегда. Аминь.

Игорь ТЮЛЕНЕВ,
поэт, г. Пермь

СЧАСТЬЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Вступление в 1999 году в Союз писателей России я считаю одним из главных событий своей жизни. В иерархии ценностей моей судьбы это событие я ставлю рядом с рождением сына и выпуском первой книги стихов. Более десяти лет я являюсь членом прославленной, исторической организации, название которой состоит из таких священных для меня слов, как “Россия” и “писатель”, и в течение этих лет радость и гордость от осознания принадлежности к Союзу не притупляется, не иссякает. Это перманентное состояние “счастья принадлежности” определяется многими факторами, первым и главным из которых можно считать жизненность писательского сообщества. Союз писателей России — живая, дружная, боевая структура, сохраняющая в здравии и целостности русскую классическую литературную традицию во множественных ее современных проявлениях, в личностных и мировоззренческих особенностях. Для русской жизни, для русской культуры понятие “традиция” имеет особое, жизнеопределяющее значение, она является тем фундаментом, на котором развивается современная литература, наследующая то историческое качество, которую священник Иоанн Экономцев назвал “вселенскость”.

Эта литературная “вселенскость” связана в первую очередь с наследованием традиции христианской, которой проникнута и текущая жизнь Союза писателей, работающего в прямом смысле под знаменем святого флотоводца Федора Ушакова и в соработничестве с Русской Православной Церковью. Понятно, что в наши апостасийные времена жизнь в исповедании Никео-Цареградского Символа Веры, составленного по Священному Писанию и Священному Преданию, дело нелегкое, требующее от современного литератора не только исторических знаний, но и собственного духовного опыта. Промыслительным в этом смысле можно считать, что многие годы возглавляет Союз писателей России Валерий Николаевич Ганичев, который, являясь публицистом, историческим повествователем, исполняет не только роль администратора и защитника своего “писательского бастиона”, нередко находящегося в осаде антихристианских и антирусских сил, но и водителем на духовной стезе. Причем это водительство не директивно, его вектор имеет направленность, задаваемую и его творчеством, и самой жизнью, и той мудростью, на которую можно положиться во многих сложных бытийных вопросах.

Наш “писательский бастион” сберегает не только духовную традицию, которая была присуща всей русской литературе, начиная с ее древних образцов, но и, что не менее ценно, преемственность литературного мастерства. Только мастерство, высокий художественный уровень литературных материалов позволяют русской литературе сегодня не терять своей “вселенскости”, своего мирового значения. Трудна битва за достойный уровень мастерства в эпоху все умертвляющего постмодерна. Но пока у нас есть такие писатели,

как Валентин Распутин, Владимир Крупин, Василий Белов, Станислав Куняев, Владимир Костров, Глеб Горбовский, Николай Иванов, Василий Дворцов, Николай Коняев, Андрей Ребров, мы побеждаем. Эти и многие другие писатели, члены Союза писателей России, своим творчеством доказывают, что не вседозволенность не унижение человеческого достоинства и ненормативная лексика, а многообразие точек зрения, многослойность, антиномичность должны лежать в основе диалектики современной литературы, стремящейся к всепроникающей полноте смысла и всеединству, от природы ей присущим, что суть ее исконных ценностей по-прежнему определяется такими вечными категориями, как вера, душа, честь, свобода, совесть, любовь.

Но все это внутреннее содержание литературной жизни, которая невозможна без внешних проявлений, без видимой объемлющей формы. Такой объединяющий многих писателей-единомышленников формой и является Союз писателей России с его руководящими органами, с его Съездами, представительными Пленумами, многие из которых проходят далеко от Москвы, в исторических русских городах, в русской глубинке, даже в “горячих точках”. Так приобщается к современной русской литературе провинциальное население, лишенное других возможностей встречи с ней, так популяризируется творчество современных русских писателей, которым сегодня прегражден выход к широкой аудитории, нет места не телеэкране. Так писатели, разделенные огромными расстояниями и малотиражными своими изданиями, сами лучше узнают творчество друг друга. Радостно сознавая, что наша организация – многонациональная, понимаешь, что только благодаря Союзу писателей я могу узнать имена и творчество представителей литератур разных народов, пишущих и по-русски, и на своих родных языках. К нашему Союзу в полной мере относятся, кажется, слова Н. Бердяева: “Россия самая нешовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, наклонности к насильственной русификации”. Так как в названии нашего Союза стоит слово “Россия”, то можно считать, что он взял на себя ответственность говорить от ее имени. И в этом смысле процитированные слова звучат особенно весомо.

Огромное, без преувеличения, подвижническое значение сегодня, в век компьютерных технологий, имеет сайт СПР, созданный прозаиком Николаем Дорошенко на базе официальной союзной газеты “Российский писатель”, главным редактором которой он является. Этот писательский форум не только дает возможность каждому писателю быть услышанным, приближенным к читателю, но и друг к другу. Когда, судя по образчикам массовой культуры, кажется, что истинный образ бытия приобрел сугубо субъективное выражение, тонет в многообразии точек зрения, теряются смыслы понятий “Отечество”, “жизнь”, “семья”, “любовь”, “честь”, очень важно видеть, что в своем творчестве ты не одинок, что живы магистральные токи русского духа, выражающегося русским литературным словом. Это знание повышает ответственность за каждое свое слово и в то же время рождает чувство защищенности, уверенности, радости от причастности общему литературному делу, способствует пониманию значимости собственного творчества.

Особая сторона жизни Союза – его литературные журналы, которые выпускаются во многих отделениях нашей писательской организации при ее участии. В России и за ее пределами известны такие издания, как “Наш современник”, “Роман-журнал. XXI век”, “Новая книга России”, “Родная Ладога” и многие-многие другие журналы, в которых не только представлены новинки прозы и поэзии, но происходит осмысление жизни страны, истории и современности Православной Церкви, социокультурных процессов, затрагивающих проблемы сегодняшней культуры и науки, педагогики и экономики, истории, философии, жизни армии, вопросы семьи и детства и мн. др. Таким образом, в журналах, в поле литературы, отражается жизнь современной России, существование, настоящее и будущее которой невозможно без воплощения высоких духовно-нравственных начал, которые, несмотря ни на материально-бытовые свои трудности, ни на угрозы и выпады идеологических противников, с честью сегодня оберегает Союз писателей России.

**Валентина Ефимовская,
поэт, литературный критик,
зам. главного редактора журнала “Родная Ладога”,
г. Санкт-Петербург.**

АЛЕКСАНДР ВОДОЛАГИН

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА В ИСТОРИИ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ

*Да, он чувствовал русскую суть,
как никто.*

И. С. Тургенев

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) – ключевая фигура для понимания феноменологии русского духа в его движении к “блаженству абсолютного знания”¹, в частности, и для уяснения того, “как русский дух переработал Гегелево учение”² и использовал его в качестве путеводной нити в поисках истины. Не будем останавливаться на хрестоматийных представлениях о Белинском как “замечательном литературном критике”, но не глубоком социальном мыслителе сектантского типа³, пропагандировавшем в России поверхностно усвоенную гегелевскую философию. Русская художественная литература была для него откровением “субъективных таинств души человеческой”, немецкая философия – сокровищницей терминов, в коих это откровение истолковывалось. Необычайно продуктивное воображение Белинского позволило ему категориально оформить то интуитивное понимание жизни, которое присуще русскому человеку, заключающему в себе “бездонную пустоту” и ужасающемуся этой пустоте⁴. Его сильнейшее интеллектуальное влияние на современников известно. Достаточно вспомнить восторженные оценки А. И. Герцена, видевшего в Белинском “самую деятельную, порывистую, диалектически-страстную натуру бойца”, личность самобытную, сильную и искреннюю⁵. “По-моему, служить связью, центром целого круга людей – огромное дело, особенно в обществе разобщенном и скованном”⁶, – утверждал он. Таким центром в 30-е годы XIX столетия был Н. В. Станкевич, в 40-е им стал его друг Белинский.

Похожее рассуждение о личности Белинского как *центральной натуре* находим и у И. С. Тургенева, который вслед за Н. В. Станкевичем и М. А. Бакунинным стал для “выгнанного из университета за леность студента” источником информации о гегелевской философии: “Белинский был именно тем, что мы бы решились назвать центральной натурой; то есть он всеми своими качествами и недостатками стоял близко к центру, к самой сути своего народа, а потому самые его недостатки, как, например, малый запас познаний, его неусидчивость и неохота к медленным трудам, получали характер как бы

необходимости, имели значение историческое. ...Но это не мешало Белинскому сделаться одним из руководителей общественного сознания своего времени. Ибо, во-первых, он, хотя и не был учен, знал, однако, довольно для того, чтобы иметь право говорить и наставлять других; а во-вторых – он знал именно то, что нужно знать, и это знание срослось у него с жизнью, как во всякой центральной натуре⁷.

Итак, тут дело вовсе не в поверхностном гегельянстве Белинского, как казалось, например, Д. И. Чижевскому, не нашедшему (подобно Ю. Ф. Самарину) в его произведениях ничего, кроме чужих, заимствованных мыслей⁸. Дело в том, что Белинский – это уникальное явление *мыслящего* русского человека в условиях подавляющего, массового безмыслия, многозначительный “факт русской жизни” (как говорил о нем В. П. Боткин), точнее, русской духовной жизни в ее экстатической фазе⁹, чем и интересен для нас сегодня. Белинский был гением в буквальном смысле этого слова, то есть духом, притом духом, осознающим себя во всех моментах своего развития. Идея *духовного развития личности* стала для него регулятивной и определяющей максимой. Его жизнь заключает в себе нечто поучительное, более того – парадигмальное для всякого русского, отказавшегося от примирения с “гнусной расейской действительностью” – с “обществом, в котором действуют и играют роли подлецы и дюжинные посредственности, а все благородное и даровитое лежит в позорном бездействии. . .”¹⁰, где “нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей”¹¹. Ему было суждено выполнить миссию “центральной монады”¹² по отношению к дремлющей и грезящей наяву России, стать выразителем ее смутных, не вполне осознанных “*задушевных мыслей*” – того, “*что есть в тусклом сознании масс*”¹³. Аналогичная миссия в тот же исторический период выпала на долю любимого писателя Белинского Н. В. Гоголя, воссоздавшего коллективные сновидения и галлюцинации страны *мертвых душ*, предугадавшего в своих образах (“рылах и харях”) тот психотип, который в конечном счете оседлает безумевшую, несущуюся в никуда Россию. И в том, и в другом случае мы видим работу русского гения, пытавшегося овладеть стихией абсурдной, бессознательно-психической жизни России, обрести в духовной борьбе с русским хаосом некое абсолютно значимое, *спасительное знание*.

Прав был Н. А. Бердяев, видевший в деятельности Белинского “характерно русское искание целостного мировоззрения, которое дает ответ на все вопросы жизни, соединяет теоретический и практический разум, философски обосновывает социальный идеал”¹⁴. Уточним, используя терминологию настольной книги русских гегельянцев¹⁵: речь шла тогда, прежде всего, о *моральном мировоззрении*, то есть о той ступени в самодвижении духа, на которой ему в зове *совести* впервые открывается несомненная достоверность и обязывающая мощь его собственного бытия. Вся русская литература XIX века (как и сопутствовавшая ей философская критика) была увлечена выработкой целостного морального мировоззрения и в связи с этим позволяла себе и поверхностно-просветительские нравоучения, и тон религиозного пророчества, граничившего с ересью. В любом случае точка зрения моральной рефлексии была преобладающей¹⁶. Отсюда – выдвигание на передний план сознания проблемы оправдания (или осуждения-отвержения) Бога, сотворившего мир, полный зла и страдания. Отсюда же – и своеобразный русский *воинствующий атеизм*, проникнутый религиозной жадой возмездия и спасения, страстным ожиданием преображения мира.

Согласно Гегелю, “моральное мировоззрение” есть *чистая совесть*, отвергающая действительность как нечто ничтожное, “*простое знание и желание чистого долга*” как абсолютной сущности и единственной существенной цели, противостоящей “*полностью лишенной* какого-либо значения действительности”¹⁷. В нем находит свое выражение “дисгармония между сознанием долга и действительностью, а именно – его собственной действительностью”¹⁸. Искание целостного морального мировоззрения необходимо сопряжено не только с решительным отрицанием мира, лежащего во зле, но и с самоотрицанием ищущего духа, с мучительными переживаниями *пневматиком* собственного несовершенства. Поэтому Гегель, вслед за Кантом, и усматривал в этой стадии духовного развития “целое гнездо неосмысленных противоречий”¹⁹, смесь иллюзий, *притворств*, самообманов и саморазоблачений. Исследова-

тель, прошедший школу гегелевской “Феноменологии духа”, способен без труда идентифицировать ту ступень духовной жизни, на которой работал русский гений в XIX веке, и не будет со злорадством ловить на противоречиях русских литераторов-моралистов, этих мучеников чистой совести²⁰.

Примечательно, что и Герцен, и Тургенев в своих мемуарах заостряют внимание на поражающей их “нравственной чистоте” Белинского, бывшего в глазах современников человеком *чистой совести*. “Люди, которые, судя о нем наобум, приходили в негодование от его “наглости”, возмущались его “грубостью”, писали на него доносы, распространяли про него клеветы, — эти люди, вероятно, удивились бы, если б узнали, что у этого циника душа была целомудренная до стыдливости, мягкая до нежности, честная до рыцарства; что вел он жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губ, — вспоминал Тургенев. — ...Невозможно представить, до какой степени Белинский был правдив с другими и с самим собою; он чувствовал, действовал, существовал только в силу того, что он признавал за истину, в силу своих принципов”²¹. Это значит, что в своей недолгой жизни он был алчущим и жаждавшим *правды*, что и в своих чрезвычайно сложных отношениях с друзьями-единомышленниками, и в своем социальном активизме он был словно *не от мира сего*, исходил из чисто духовной мотивации, действовал без оглядки на “прагматический интерес” (Станкевич Н. В.) или конъюнктурные соображения. *Воля-иметь-совесть*²² безусловно определяла стиль его поведения в ситуациях повседневного общения и в литературном творчестве. Она же вела его через дебри фихтеанства, шеллингианства и гегельянства²³ к *просвету собственного бытия*.

Нужно сказать в связи с этим, что и так называемое “западничество” Белинского не было пропагандой *несобственного бытия*, к которому будто бы следует насильственно приобщить Россию. В его философско-исторических размышлениях мы усматриваем попытки обоснования особого пути России к обретению подлинной самобытности (точнее — *самобытия*) через освоение духовного опыта Запада и отталкивание от него. “Принимать результаты западной жизни, применять их к нашей, соображаясь с особенностями породы, истории, климата — впрочем, относиться и к ним свободно, критически — вот каким образом могли бы мы, по его понятию, достигнуть, наконец, самобытности, которою он дорожил гораздо более, чем обыкновенно предполагают. Белинский был вполне русский человек, даже патриот... благо родины, ее величие, ее слава возбуждали в его сердце глубокие и сильные отзвуки”²⁴. Главные признаки русского западника 40-х годов XIX века, отличающие его от западника нынешнего, здесь указаны, и важнейший из них — русскость, до сих пор раздражающая либералов²⁵. “А что западнические убеждения Белинского ни на волос не ослабили в нем его понимания, его чутья всего русского, не изменили той русской струи, которая била во всем его существе, — тому доказательством служит каждая его статья, — завершает свою мысль Тургенев. — Да, он чувствовал русскую суть, как никто”²⁶.

Ясное и отчетливое выражение сути собственного бытия, смутно чувствуемой массой дремлющих (= “мертвых”) душ, — такова духовная функция *центральной монады*, выполняя которую, она излучает “неотразимую мощь”²⁷ и распространяет интеллектуальное влияние далеко за пределы своего ближайшего окружения. Герцен вспоминал, как статьи Белинского судорожно ожидали молодежь в Москве и Петербурге с 25 числа каждого месяца и поглощались в кофейнях с лихорадочным сочувствием, со смехом и спорами²⁸. Еще более впечатляющую духовную экспрессию мы находим в личной переписке Белинского²⁹. В ноябре 1839 г. он просит В. П. Боткина: “Скажи Грановскому, что чем больше живу и думаю, тем больше, *кровнее* люблю Русь, но начинаю сознавать, что это с ее субстанциальной стороны, но ее определение, ее действительность настоящая начинают приводить меня в отчаяние — грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...”³⁰ Такое двойственное, по сути, софийно-гностическое отношение к “душе России” как к падшей в историческое время, прекрасной психоматериальной субстанции типично для лучших русских умов³¹ двух последних столетий. Не зря в своем разборе мировоззрения Белинского Бердяев упомянул и гностика Маркиона³².

Кровная любовь к России требует крови. Еще в октябре 1838 года Белинский признавался Бакунину, что “фихтеанизм понял как робеспьеризм и в новой теории чуял запах крови”³³. Очевидно, философию Фихте он воспринял

несколько упрощенно: как стратегию безрассудно-волевого натиска субъекта на действительность с целью перекрыть ее по своим идеальным схемам. Разочарование в “фихтеанской отвлеченности” наступило очень быстро, поскольку в ней не нашлось места для реального субъекта действия. Вместо него фигурировало бесплотное, абстрактное “Я”, борющееся с “Не-Я”. Белинский, следуя подсказке Станкевича, ищет выход из абстракций фихтеанства в самой исторической действительности: “Петр Великий (который был очень плохой философ) понимал действительность больше и лучше, нежели Фихте, — утверждает он. — Всякий исторический деятель понимал ее лучше его”³⁴. Отшатнувшись от Фихте, Белинский обратился к гегелевской диалектике, увидев в ней искусство осмысления исторической действительности, схваченной в конкретном, динамическом единстве субъективно-идеального и объективно-реального. Бакунин воспринял этот антифихтеанский “бунт против идеальности” как *падение*³⁵, возвращение в пошлую, бездуховную повседнежность, хотя смысл поднятого Белинским бунта был в другом: то была неудачная попытка преодолеть ставшую привычной точку зрения моральной рефлексии. “Долой ярмо долга, к дьяволу гнилой морализм и идеальное резонерство! — неистовствовал Белинский. — Человек может жить — всё его, всякий момент жизни велик, истинен и свят!”³⁶ В своей борьбе с “резонерской идеальностью” и “болезненной рефлексией”, закрывающей глаза на действительность и создающей свою — “небывалую и абстрактную”³⁷, Белинский использует гегелевскую философию права, к которой его приобщал тот же Бакунин. “Новый мир нам открылся. Сила есть право, и право есть сила, — нет, не могу описать тебе, с каким чувством услышал эти слова, — писал он Станкевичу в октябре 1839 года, — это было освобождение. Я понял идею падения царств, законность завоевателей, я понял, что нет дикой материальной силы, нет владычества штыка и меча, нет произвола и случайности, — и кончилась моя тяжкая опека над родом человеческим, и значение моего отечества предстало мне в новом виде”³⁸.

Это новое умонастроение явно было навеяно прямыми чтениями последних параграфов “Основ философии права”, где Гегель развертывает величественную концепцию мировой истории как *всемирного суда* (не нуждающегося, вопреки мнению либералов-субъективистов, ни в каких трибуналах). Всемирная история, по словам Гегеля, не есть “абстрактная и лишенная разума необходимость слепой судьбы”, но развитие *моментов* разума и тем самым самосознания и свободы всеобщего духа³⁹. Сворачивающийся в событиях мировой истории всемирный суд не считается ни с чем “человеческим, слишком человеческим” (включая и вымышленные контрактарианстами “права человека”), поскольку в нем реализуется *абсолютное право* мирового духа на выбор того исторического народа, усилиями которого будет осуществляться идея свободы. При этом избранный мировым духом народ, как правило, не осознает конечной цели и смысла своих исторических свершений. Такого рода труд самосознания и полагания коллективной цели выпадает на долю гениальных одиночек — *всемирно-исторических индивидуумов*. Их самоотверженные деяния — ответы на зовы духа времени, которых не слышит коснеющая в бессовестности посредственность. Именно эти мысли Гегеля разжигали *огонь негации*⁴⁰ в сознании русских западников, самыми радикальными из которых были “наши московские гегельянцы” — Белинский и Бакунин, “каждый с томом Гегелевой философии в руках и с юношеской нетерпимостью, без которой нет кровных, страстных убеждений”⁴¹. Но и период гегельянского поклонения Логосу мировой истории, превращающему любое лицо в средство достижения нечеловеческих целей, был для Белинского недолгим. Уже в 1840 году он снова встает на сторону субъекта, правда, защищает при этом уже не идеальное “Я”, а реальную личность в ее конкретном существовании. “Идея достоинства человеческой личности и ее горькой участи” целиком поглощает его. Происходит явный сдвиг в сторону персонализма и экзистенциальной философии, предпосылки которой уже были заложены поздним Шеллингом, восставшим против гегелевского негативизма. “Я давно подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, — писал Белинский В. П. Боткину 1 марта 1841 года. — ...Субъект у него не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом, ибо, пощеголяя в нем (в субъекте), бросает его как старые штаны. Я имею особенно важные причины злиться на Гегеля,

ибо чувствую, что был верен ему (в ощущении), мирясь с расейской действительностью... Судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здравия китайского императора (то есть гегелевской всеобщности)⁴². Тем не менее, озлобление против Гегеля не освободило Белинского от усвоенного им принципа гегелевской философии – принципа негации: “Я ожесточен против всех субстанциальных начал, связывающих в качестве верования волю человека! Отрицание – мой бог, – проговаривается Белинский. – В истории мои герои – разрушители старого – Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон (“Каин”) и т. п.”⁴³.

Инспирированный гегелевской диалектикой, Белинский превратил свою жизнь в сплошной эксперимент – в рискованное испытание “чудовищной мощи негативного”⁴⁴ и сам едва не стал “фурией разрушения”⁴⁵. И это – в условиях всевластия политического произвола и оправдывающей его системы позитивного права, карающего человека за свободное высказанную мысль, за само “воление свободы”. Что же имел в виду Тургенев, говоривший о том, что Белинский, как никто другой, выразил “русскую суть”? Косвенный ответ на этот вопрос – в посвящении романа “Отцы и дети” памяти Белинского, имя которого, видимо, ассоциировалось в сознании писателя с известной ступенью переживания свободы, связанной с беспощадным отрицанием действительности – как внешней, “окружающей”, так и действительности самого нигилиста, его внутренней пустоты и ничтожества. Этот тяжкий опыт *великого разрыва* – опыт отречения⁴⁶ и неприятия всего, что в мире, включая и свое чисто мирское бытие “в модусе падения”, стал для Белинского исходным пунктом в движении к духовной самостоятельности и “блаженству абсолютно-го знания”.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белинский В. Г. Собр. соч. в девяти томах. Т. 9. М., 1982. С. 118.
- ² Герцен А. И. Соч. в девяти томах. Т. 5. М., 1956. С. 14.
- ³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 31, 36. “Был у нас один критик, которого действительно можно назвать великим, без малейшего оттенка иронии. Имя этого критика дорого каждому русскому человеку, способному читать и думать” (см.: Писарев Д. И. Соч. в четырех томах. Т. 4. М., 1956. С. 294).
- ⁴ Белинский В. Г. Т. 9. С. 135, 203, 213, 267.
- ⁵ Герцен А. И. Т. 5. С. 19, 25, 28.
- ⁶ Там же. С. 7.
- ⁷ Тургенев И. С. Собр. Соч. в двенадцати томах. Т. 11. М., 1956. С. 238.
- ⁸ Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 135–169. Этот знаток Гегеля (или “недопеченный философ”, который “немного понюхал Гегеля”) мог бы провить осторожность в различениях “своих” и “чужих” мыслей, поскольку все мысли, согласно “Науке логики”, – достояние Мирового духа, и рассуждения о праве интеллектуальной собственности здесь неуместны. “Можно быть человеком всегда умным, блестящим и замечательным и находиться в то же время на периферии, на окружности, если можно так выразиться, своего народа...” Эти слова И. С. Тургенева можно отнести и к упомянутому знатоку русского гегельянства, презиравшему Белинского за чужемыслие (см.: Тургенев И. С. Т. 11. С. 238).
- ⁹ Переживания “мистерии духа” подобной интенсивности испытывают *русские мальчишки-соловьевцы* (Андрей Белый, Александр Блок, Сергей Соловьев и Алексей Петровский) в начале XX столетия.
- ¹⁰ Белинский В. Г. Т. 9. С. 381.
- ¹¹ Белинский В. Г. Т. 8. С. 282.
- ¹² Заимствуем этот термин из метафизики Г. В. Лейбница.
- ¹³ Герцен А. И. Т. 5. С. 26, 34.
- ¹⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 31–32. Буквально ту же мысль об “искании целостного мировоззрения” русскими интеллектуалами 40-х гг. XIX века в то же самое время (т. е. в 1937 году) высказал и Г. В. Флоровский (см.: Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 246).

- ¹⁵ Н. В. Станкевич первым стал использовать терминологию гегелевской “Феноменологии духа” (1807) для изображения развития “маленького эмпирического я”, пытающегося обрести “прочное сознание своей духовной самостоятельности” и всеохватывающее знание о “мире в его целостности”. Один из терминов – *прекраснодушие* (*Schönseeligkeit*) – стал особенно популярным в кружке Станкевича (см.: Станкевич Н. В. Избранное. М., 1982. С. 180, 187, 191, Белинский В. Г. Т. 9. С. 88–89, 106, 113, 118, 229, 301, 304, 341).
- ¹⁶ Исключением был М. Ю. Лермонтов с его “Демоном” и “Героем нашего времени”, первооткрыватель не типичного для русских *иммориализма*, который позднее в сознании Владимира Соловьева правильно увязывался с нищенством.
- ¹⁷ Hegel G. W. F. *Phenomenologie des Geistes*. Berlin, 1975. S. 444, 424. В 1837 году Белинский писал Бакунину: “Жизнь идеальная и жизнь действительная всегда двоились в моих понятиях: прямухинская гармония и знакомство с идеями Фихте благодаря тебе в первый раз убедили меня, что идеальная-то жизнь есть именно жизнь действительная, положительная, конкретная, а так называемая действительная жизнь есть отрицание, призрак, ничтожество, пустота” (см.: Белинский В. Г. Т. 9. С. 78).
- ¹⁸ Ibid. S. 433. “Ты недоволен собой? – писал Станкевич Т. Н. Грановскому 29 сентября 1836 года. – Поблагодари за это Бога. ... Все затруднение в том, как перейти от этого состояния недоверчивости к себе и сомнений к деятельности – деятельности полной и разумной, которая бы удовлетворила тебя, дала мир и наслаждение душе твоей” (см.: Станкевич Н. В. Избранное. С. 148).
- ¹⁹ Hegel G. W. F. *Phenomenologie des Geistes*. S. 434.
- ²⁰ Для феноменологии русского духа, зафиксировавшего себя на ступени моральной рефлексии, очень показательны исповеди Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого, а также – вплетенные в романы Ф. М. Достоевского проповеди. Любопытно, что точка зрения моральной рефлексии ассоциировалась для русских интеллектуалов с позицией Гамлета, живущего отрицанием и самоотрицанием, решающего действовать по велению совести, а не по команде извне (“Отмсти!”). В 1837 г. Станкевич рассказывал своей предполагаемой невесте Л. А. Бакуниной о постановке шекспировского “Гамлета” в Москве: “... тут мы сидели рядом с Белинским: это удваивало для меня наслаждение – мы так хорошо понимаем друг друга, я во многом так ему сочувствую, что в иные минуты, право, бывает одна душа с ним” (см.: Станкевич Н. В. Избранное. С. 157). Примечательно, что феномен единодушия-единомыслия подмечен здесь русским представителем “гамлетовского типа” (разорванного “несчастливого сознания”), ведь Станкевич во многом – тургеневский “Гамлет Щигровского уезда”. Нечто “гамлетовское” – в тургеневском понимании – было и в Белинском. Нужно сказать, что это понимание было вариацией гегелевской трактовки личности Гамлета, данной в “Феноменологии духа” (позднее – в “Эстетике”).
- ²¹ Тургенев И. С. Собр. соч. Т. 10. С. 278. Оценки Тургенева совпадали с суждениями Станкевича о Белинском – “это душа добрая, энергичная, ум светлый” (см.: Станкевич Н. В. Избранное. С. 125).
- ²² Используем термин хайдеггеровской *экзистенциальной аналитики Dasein* (вотбытия). По Гегелю, совесть есть “достоверно знающий себя дух”, обладающий истиной в самом себе, в своем знании о долге, противопоставляемом неприемлемой действительности. В размышлениях Тургенева о Белинском как человеке чистой совести явно обыгрываются мотивы соответствующего фрагмента гегелевской “Феноменологии духа”, которую он изучал в Берлине вместе с Бакуниным при участии профессора-гегельянца Карла Вердера. Позднее в “Основах философии права” Гегель говорил о совести как “глубочайшем внутреннем одиночестве, где исчезает все внешнее и всякая ограниченность, полной замкнутости в себе самом”, как о возвышенной точке зрения, присущей погруженному в себя современному миру и отличающей его от предшествующих более чувственных эпох (см.: Hegel G. W. F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Frankfurt am Main, 1986. S. 254).
- ²³ Каждая из трех систем германского идеализма поочередно захватывала экзистенцию русского правдоискателя. Приобщение к ним всякий раз переживалось Белинским как духовное обращение (см.: Станкевич Н. В. Избранное. С. 111) и имело для него инициатический смысл. В нем словно персонифицировался тот самый “перехватывающий дух”, который не нуждается в многознании для того, чтобы понять главное, и над которым напрасно посмеивался Герцен (см.: Герцен А. И. Т. 5. С. 15).
- ²⁴ Тургенев И. С. Т. 10. С. 293.

- ²⁵ По случаю 200-летия Белинского либералы высказали на радиостанции “Свобода” и в российских печатных СМИ ряд искажающих масштаб его личности поверхностных суждений, продолжив в этом плане линию “Вех”. Белинский-пневматик остается недоступным для понимания псевдоинтеллектуалов-психиков и тогда, когда они в своей борьбе с мыслящим русским духом пытаются использовать враждебные отзывы Ф. М. Достоевского или оценки В. В. Розанова. Примечательно, что авторы пренебрежительных высказываний о Белинском используют его незначительные журналистские публикации и игнорируют созданные им экзистенциально значимые тексты – письма-диссертации М. А. Бакунину или В. П. Боткину, его герменевтические опыты, в которых литературно-художественное произведение истолковывалось как выражение “мистерии духа”.
- ²⁶ Там же. С. 294.
- ²⁷ Там же. С. 295.
- ²⁸ Герцен А. И. Т. 5. С. 26.
- ²⁹ “...Вся жизнь моя в письмах” (Белинский В. Г. Т. 9. С. 462).
- ³⁰ Белинский В. Г. Т. 9. С. 291.
- ³¹ У примитивных (“квасных”, по выражению П. А. Вяземского) патриотов, как известно, все “однозначно”. Символикой этой любви-ненависти насыщена поэзия Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока. Ее анализ и многообразные толкования – в творчестве Льва Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина, Розанова и Бердяева.
- ³² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 35.
- ³³ Белинский В. Г. Т. 9. С. 201.
- ³⁴ Там же. С. 197.
- ³⁵ Падение – один из ключевых терминов феноменологии русского духа, которая разворачивается перед нами в переписке Белинского с Бакуниным и Боткиным. Существованию в модусе падения дружья-гегельянцы противопоставляли восстание, или “жизнь в Духе” (см.: Белинский В. Г. Т. 9. С. 134, 156, 213).
- ³⁶ Там же. С. 263. Восхищение Белинского “мужественным духом, сильным и гордым, жаждущим жизни для жизни” свидетельствовало о том, что он преодолел точку зрения моральной рефлексии и пытался выйти на более высокий уровень самосознания (см.: Белинский В. Г. Т. 9. С. 326).
- ³⁷ Там же. С. 293.
- ³⁸ Там же. С. 261–262.
- ³⁹ Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. S. 504.
- ⁴⁰ Введение термина “огонь негации” в “Письмах об изучении природы” (1844) свидетельствует о том, что Герцен, как ранее Бакунин (в 1838 г.), разгадал-таки “тайну гегелевской философии”.
- ⁴¹ Герцен А. И. Т. 5. С. 13.
- ⁴² Белинский В. Г. Т. 9. С. 443. Таким образом, Белинский на сто лет опередил Сартра в формулировке принципа атеистического экзистенциализма. В “Основах философии права” Гегель утверждал: “Только в субъекте может реализоваться свобода, так как он есть истинный материал для этой реализации...” (см.: Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. S. 206), т. е. не более чем средство, как верно понял Белинский.
- ⁴³ Белинский В. Г. Т. 9. С. 483. См. также: Гегель о “праве героев” на насильственные действия против *лишь существующего* социального порядка: Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. S. 179–180, 197).
- ⁴⁴ Hegel G. W. F. Phenomenologie des Geistes. S. 29. Этот лейтмотив гегелевской “Феноменологии духа” (тезис о всевластии “госпожи Смерти”) звучит в исполнении Белинского следующим образом: “Смерть, смерть! Вот истинный бог мира! Ее владычество для всех равно несомненно – ей слава вечная, ей поклонение!” (Из письма А. П. Ефремову 23 августа 1840 г. в связи со смертью Н. В. Станкевича. См.: Белинский В. Г. Т. 9. С. 395.)
- ⁴⁵ Hegel G. W. F. Grundlinien der Philosophie des Rechts. S. 50. Станкевич о Белинском-бестии в 1836 году: “вот он – кулак, все сокрушающий!” (см.: Станкевич Н. В. Избранное. С. 142, 146). Из всех русских гегельянцев собственно “фурией разрушения” стал на деле один Бакунин.
- ⁴⁶ Бакунин и Боткин упрекали Белинского в слабоволии, в том, что тот “мало развил в себе Entsagung”, т. е. отречение – этот “элемент воли” (см.: Белинский В. Г. Т. 9. С. 317, 331, 345).

ПЁТР ТКАЧЕНКО

ПОСЛЕ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА

*Оценка деятельности Белинского
и его соратников ещё впереди.*

Александр Блок

1

Двухсотлетие литературного критика и публициста Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848) — дата, безусловно, знаменательная. И она должна быть отмечена в согласии с той действительной ролью, которую он сыграл в общественной мысли своего и последующего времени, в литературе, в нашей российской истории и судьбе. Разумеется, насколько это вообще возможно в нынешнем литературном *безвременьи*. Ведь и само это наше литературное *безвременье*, в конечном счёте, связано с бурной деятельностью В. Белинского, когда уже и критики как таковой нет. Точнее, она пребывает, по справедливому замечанию Анатолия Салуцкого, в “обзорно-рекламном состоянии”, и в самой литературе “дефолт продолжается” (“День литературы”, № 4, 2010). Надеюсь, это очевидное и печальное положение оспаривать никто не станет. Как и не станет оспаривать очевидную связь его с деятельностью В. Белинского и особенно последователей его, исполненных, разумеется, самых благородных намерений и устремлений.

Роль же В. Белинского в общественной мысли и в литературе, в силу целого ряда обстоятельств как его времени, так и в последующем, не такая простая и не такая очевидная, как это всё ещё принято считать. Ну, хотя бы потому, что после неистового Виссариона прошло довольно длительное время с драматическими событиями в истории России, особенно в жестоком революционном XX веке, к которым имели самое прямое отношение мировоззрение и деятельность критика, точнее было бы сказать, публициста и идеолога. Ведь те идеи, которые он проповедовал, особенно в поздний период своей жизни, после поворота к “социальности”, а точнее — к *революционному* сознанию, получив полное развитие во времени, обнажили свою истинность или ложность, неизбежно обернулись теми или иными жизненными положениями и событиями, мировоззренческие истоки которых мы можем теперь оценить. То есть речь идёт об исповедуемых им идеях. А идеи он, как известно, ставил выше и литературы, и самого человека. Впрочем, это было общее повеление, как считалось тогда, *передовой* общественной революционно-демократической мысли, во всей полноте проявившееся в последователях критика.

Говоря же о всё ещё неочевидной роли В. Белинского в общественной мысли и в литературе, мы нисколько не сомневаемся в его благородстве, в его добрых намерениях, в искреннем желании блага народу. Наконец – в талантливости. Это само собой разумеющееся для личности такого масштаба и темперамента. Нас более занимает сам характер идей, им неистово проповедуемых, и то, какое значение имели эти идеи в нашей многотрудной истории в дальнейшем – вплоть до нынешнего времени. Собственно, это главным образом, а не сам по себе юбилей критика понуждает нас обратиться к его личности, так как его истинное значение в общественной мысли всё ещё остаётся недостаточно уяснённым не только общественным сознанием, но даже в литературной и научной среде. А потому размышления наши не о биографии критика (это – удел биографов), даже не о публицистике его (об этом уже достаточно написано), а об истории идей того времени, их драматическом столкновении, основным участником которого оказался В. Белинский, а также о поразительном продолжении этих идей во времени.

История же идей имеет иную природу и особенность, чем, скажем, история событий.

О том же, что значение В. Белинского всё ещё остаётся недостаточно постигнутым, свидетельствует и то, как намерены теперь отметить его юбилей, о чём уже заявлено прилюдно. Итак, что считается основным в связи с юбилеем критика? Оказывается, таким считается “увековечение” его памяти. Дело, как понятно, нужное, но далеко не главное, ибо при этом уходят из обсуждения духовно-мировоззренческая, философская, метафизическая составляющие и остаются лишь биографическая и краеведческая проблематика, для литературы далеко не основные.

Ирина Монахова, к примеру, в полном согласии с тем обликом В. Белинского, который сформировался во второй половине XIX века и особенно старательно сохранялся в советский период истории, так и пишет: “Приближающийся юбилей заставляет задуматься о том, что сделано для увековечения памяти великого критика” (“Литературная газета”, № 10, 2010). Конечно, если иметь в виду юбилей и ничего более, то Ирина Монахова, безусловно, права. Но мы не имеем права на такой формальный, а в нынешнем литературном безвременьи – необязательный подход.

Разумеется, надо “обратить внимание на состояние музея, привести его в должный вид”, установить мемориальные доски и т. д. Но был ли ещё кто-либо из критиков и публицистов более “увековечен”, чем В. Белинский? Нет, конечно. Семьдесят лет назад создана музей-усадьба, ставшая одной из основных достопримечательностей Пензенской области. С 1948 года его родной город Чембар переименован в Белинский. В советский период истории В. Белинский становится непререкаемым авторитетом. И что очень важно – единственным, точнее – лишь с его последователями по революционно-демократическим воззрениям, выродившимся, по сути, в вульгарный социологизм.

Это уже потом, лишь в семидесятые – восьмидесятые годы советского периода истории начали выходить труды его современников. И не собраниями сочинений, а отдельными сборниками. Это подправляло и уточняло общую картину литературной и в целом культурной жизни и всё же не могло создать истинного представления о литературной критике и общественной мысли той поры. А значит, и не могло создать истинного представления о сути той ожесточённой борьбы, которая началась с В. Белинского. Ведь его революционно-демократические воззрения, как и его последователей, были объявлены как безусловно “передовые” и “прогрессивные”. Все же остальные, – как “консервативные” и “реакционные”.

Как видим, с “увековечением” памяти великого критика дела обстоят не столь уж плохо. Но нельзя ведь не заметить, что это “увековечение” писателей носило и всё ещё носит у нас какой-то странный характер. Такого “увековечения” так и не удостоился почему-то до сих пор Н. Гоголь. Не потому ли, что в силу обстоятельств оказался оппонентом В. Белинского, а по сути, пред кончиной критика им довольно демагогически обруган? В Москве ведь так и нет по существу настоящего музея великого писателя... И это не является каким-то упущением, что ли, но принципиальной позицией “общественного мнения”, полностью выходящей из идеологической ситуации, как прошлой, так и нынешней.

И потом, мы ведь должны помнить всё-таки о том, что в советский период истории В. Белинский был возведён на уровень эталона критика, “канонизирован” не за свою собственно литературно-критическую деятельность, а за публицистическую и идеологическую. То есть за свои революционно-демократические воззрения, так вписавшиеся в официальную идеологию. Причём продолжалось это до самого последнего времени, до конца советского периода истории, когда было уже совершенно ясно, что “революционные ценности” в идеологии никак не соответствуют реальному состоянию общества, пережившего реставрацию, вернувшегося к народной традиции в литературе и культуре в целом, а способны разве что спровоцировать новую, очередную революцию в стране. К примеру, даже специализированный филологический журнал “Русская речь” к 170-летию В. Белинского представлял его не как критика, а как революционного демократа: “Великий русский революционер-демократ В. Г. Белинский (1811–1848) занимает почётное место в истории отечественной культуры как основоположник передовой русской критики” (№ 3, 1981).

Или, к примеру, сборник “Публицисты “Современника”, издававшийся для юношества (М., “Детская литература”, 1985), также представлял революционную мысль как единственно “передовую”: “В настоящем сборнике публикуются произведения представителей демократической и прежде всего революционно-демократической публицистики, в которых нашли отражение важные вопросы, которыми жило передовое русское общество середины XIX века”. Заметим, кстати, не то, чем жил народ, а лишь “передовое общество”. Тут, как видим, из образованной части людей выделяется лишь “передовое русское общество”. И это называется “живым голосом эпохи”. Других живых голосов, надо полагать, в обществе не было, хотя по прошествии времени окажется, что это были как раз “голоса” менее всего живые, не связанные с народной культурной и литературной традицией. То есть, если заражен человек революционным сознанием, он, так сказать, автоматически переходит в разряд “передового русского общества”. А если занят традиционной культурой, самосознанием русского народа, остаётся “консерватором” и даже “реакционером”. И такое положение было господствующим не только во второй половине XIX века, но сохранялось и удерживалось во весь советский период истории с его “революционными ценностями” в идеологии, хотя что это такое, нам убедительного и внятного определения встречать не приходилось... Конечно, такое положение вполне объяснимо. Ведь революция в последующем оказалась “национализированной”.

Но были ведь и тогда иные воззрения – более сложные, более драматические и более приближённые к народному самосознанию. Ф. Достоевский, как известно, рано соприкоснувшийся с этими “передовыми” идеями грядущего “обновления мира” и нашедший в себе силы отрешиться от них, писал потом о них в “Дневнике писателя” не иначе как о “мечтательном бреде” и болезни: “Я уже в 46 году был посвящён во всю правду этого грядущего “обновления мира” и во всю святость будущего коммунистического общества ещё Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самих оснований (христианских) современного общества, о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к отечеству как к тормозу во “всеобщем развитии” и проч. и проч. – всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае, тема казалась величавою и стоящей далеко выше уровня тогдашних господствующих понятий – а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, – те из нас тогда ещё не знали причин болезни своей, а потому и не могли ещё с ней бороться”.

Причину этой болезни Ф. Достоевский и постиг в романе “Бесы”. В этом же воспоминании писателя примечательно то, что в тайну идей грядущего “обновления мира” он посвящается не петрашевцами даже, но именно В. Белинским.

Да и не только Ф. Достоевским, но и многими современниками его были точно определены природа этой болезни и натура критика.

Скажем, А. Герценом: “Тип этой породы – Робеспьер. Человек для них – ничего, убеждения – всё”.

Ну и что с того, что многие выдающиеся литературные творения своего времени великий критик не понял, истолковал неточно?.. В отличие, кстати, от многих своих современников. Даже А. Пушкина он не вполне понял, провозглашая, что тот “умер или обмер на время” и ожидая от него неких новых произведений, достойных его пера. И если для Ап. Григорьева (“Пушкин — наше всё”) и Ф. Достоевского А. Пушкин был безусловным мерилom правильного самосознания нашего, то для В. Белинского он таким не был. Но в таком случае — по каким критериям должен оцениваться критик, если не по объяснению творений своего времени? И на каком основании в советский период особенно усмотрена духовно-мировоззренческая преемственность А. Пушкина, Н. Гоголя и В. Белинского? Особенно трудно усмотреть преемственность критика с Н. Гоголем, если помнить о всём драматизме их творческих отношений перед кончиной критика: “Белинский по праву занимает место в одном ряду с Пушкиным и Гоголем как гениальный преобразователь русского литературного языка” (“Русская речь”, № 3, 1981). Столь благостной истройной картины всё-таки не получается...

Впрочем, то, что В. Белинский был не столько литературным критиком, сколько публицистом и идеологом, осознавали ещё наиболее прозорливые его современники. И. А. Гончаров, к примеру, писал: “Этo был не критик, не публицист, не литератор только — а трибун” (“Четыре очерка”, СПб, 1881). Но трибунов и пропагандистов у нас во все времена отыскивалось много, а действительных литераторов, несмотря ни на что, остающихся верными своему призванию и бережно несущих свой крест — мало.

Как видим, И. Гончаров не только не считал В. Белинского великим критиком, но не признавал критиком в точном смысле слова вообще: “Здесь он впадал в тот недостаток, который мешал ему быть вполне беспристрастным критиком. Уравновешивать строго и покойно достоинства и недостатки в талантах — было не в горячей натуре Белинского”.

Этo очень важное свидетельство современника В. Белинского, которое было в то время довольно распространённым. А вот в силу каких идеологических, социальных и исторических обстоятельств, а также по причине каких особенностей самих его воззрений он, уже в более поздние времена, стал “канонизирован” как самый великий критик России — этот аспект как-то обходится в нашем литературоведении.

Примечательна и извинительность тона в суждениях о В. Белинском, начиная с его современников, когда он давал слишком уж общие, скоропалительные, а то и неточные оценки явлений литературы своего времени. Этo, видимо, можно объяснить тем, что за В. Белинским признавалась личность незаурядная и деятельная. Вместе с тем осознавалось, что характер его дарования не вполне литературно-критический. Вот и всё. Здесь не на кого обижаться, ибо этo было не принижением его, а точным определением характера его деятельности, которое уже давно должно присутствовать в нашем общественном сознании, литературе, науке как не подлежащая сомнению данность, как аксиома.

Тут обыкновенно выдвигается такая логика: но ведь зато он будил общественную мысль, и не какую-нибудь, а “передовую” и “прогрессивную”, выдвигал высокие гуманистические идеалы, будил народ... Но мы должны умерить пыл как давних, так и нынешних пропагандистов подобных представлений и задаться неудобными для них вопросами, которые теперь обойти нельзя. А были ли воззрения В. Белинского действительно *передовыми* и *прогрессивными*? Декларативно, безусловно — да. Но нас интересуют не декларации, а метафизическая основа его писаний. Видимо, для объективной оценки их уже наступило время. А были ли таким революционно-демократическим способом достижимы те высокие гуманистические идеалы, которые декларировал В. Белинский? По прошествии столь долгого времени после его кончины мы ведь уже можем спокойно оценить его деятельность. Нельзя не задаться и вопросом: а что с чем боролось как в те, так и в последующие времена? Безусловно, *прогрессивное* с *реакционным*, только мешающим нашему продвижению вперёд? Разумеется, нет. Теперь этo видится совсем иначе. Впрочем, как и виделось многим современникам критика. Борьба ведь велась не с консервативностью и косностью, а, в конечном счёте — с народными и, прежде всего, русскими основами жизни. С народным самосознанием. И велась идеологическим путём.

Кроме того, никуда не уйти и от другого вопроса, для всякого литератора главного: а правомерно ли использовать литературу лишь в качестве средства в целях каких бы то ни было — социальных, идеологических, политических, пусть даже самых гуманных? Ведь такие практические, утилитарные цели неизбежно приводят к отрицанию литературы, а значит, и к неразличению духа человеческого и народного. . .

И потом, представлять свой народ “спящим”, которого надо “будить”, приобщать к такому “просвещению”, которое сводится к протесту и бунту, значит не вполне понимать свой народ, а то и презирать его, себя лично к нему как бы и не причисляя. Ведь назвали же последователи В. Белинского себя “лучшими” людьми. . .

Вопросы, в общем-то, риторические. Ответ на них даёт и вся наша последующая история после неистового Виссариона, и история творческих взаимоотношений и разногласий В. Белинского и Н. Гоголя, с которых, собственно, раскол образованной части общества на два противоположных лагеря и ожесточённая борьба начались.

Перед нами ведь вовсе не обывательская история о том, как Виссарион Григорьевич поссорился с Николаем Васильевичем. В истории их полемики, взаимоотношений и разногласий со всей определённо проявилась духовно-мировоззренческий факт огромной важности в судьбе России. Это был такой рубеж в нашей истории, на котором решался вопрос о том, какой тип сознания будет преобладать в обществе — *революционный*, основанный на логически вроде бы верных и даже справедливых, но всё же отвлечённых идеях, или на традиционных, выходящих из веры народа, его культуры, его умственной и нравственной самостоятельности? Или же общество впадёт в соблазн: сложнейшие вопросы человеческого, народного и государственного бытия разрешать наипростейшим, радикальным путём, каким они неразрешимы в принципе. Какой тип сознания оказался, в конце концов, преобладающим, мы теперь уже знаем. Как и знаем то, какие трагические события в истории народа и страны он неизбежно вызвал.

История же разногласий В. Белинского с Н. Гоголем и теперь не является для нас всего лишь давней и бесстрастной страницей в русской литературе и общественной мысли, а всё ещё продолжающейся реальностью. И потому, что в области духовно-мировоззренческой так не бывает, что последующее напрочь отвергает и отменяет предшествующее. И потому, что мы опять пережили новую революцию в России, совершённую, естественно, в иной форме и исход которой не вполне ясен. То есть революционный тип сознания после традиционного в советский период истории стал снова преобладающим, снова реанимирован. Не брать этого в расчёт и рассматривать историю взаимоотношений В. Белинского и Н. Гоголя лишь как историческую страницу, на бытовом уровне, значит впадать в догматизм.

Ставить же теперь, как ни в чём не бывало, вопрос об “увекочении” памяти великого критика как основной и, по сути, единственный, а не вопрос постижения и осмысления его наследия, можно лишь при условии дальнейшей его “канонизации”, как это и было в советский период истории, когда его революционно-демократические воззрения оказались близкими идеологической ситуации той поры, с её “революционными ценностями”, а не народными ценностями и национальными интересами. Тем самым, по сути, предлагается возвращение к прежнему, догматическому восприятию наследия В. Белинского и его единоличного господства в критике как несомненного образца. При этом из истории литературы и общественной мысли выпадали не только многие, не менее талантливые критики, но и на долгие годы определялась посмертная судьба Н. Гоголя и его наследия. Так же, как и Ф. Достоевского.

Не думаю, что это делается теперь сознательно или умышленно. Скорее — по “традиционной” недооценке мыслительной, философской, метафизической стороны нашего бытия, что, конечно, не может быть извинительным.

О степени же фетишированности критика свидетельствует тот факт, что всякий раз, когда заходит речь о нём, непременно предпосылается эпитет — “неистовый”, не особо задумываясь, что это слово значит в русском языке. Между тем, *неистовство* — это несдержанность в чувствах, иступлённость, буйство, безудержная ярость и даже — жестокость. Но тогда почему столь нелицеприятная, даже отрицательная, характеристика навязывалась как безусловно *положительная* и даже в качестве некоего идеала? . .

Обычно это оправдывается тем, что в своей неистовости критик был искренен. Но искренность сама по себе в делах мировоззренческих не является достаточным аргументом. Всё ведь, в конечном счёте, определялось революционным типом сознания, что почиталось безусловно положительным, передовым и прогрессивным.

Никто теперь не собирается вычёркивать В. Белинского из истории русской общественной мысли и литературы, никто не собирается сбрасывать его с “корабля современности”. Не в пример ему самому и особенно его последователям, которые совершали это вполне искренне, безжалостно и жестоко. Но и делать вид, что во все эти долгие времена ничего особенного не произошло, мы не имеем права.

Безусловно, В. Белинский был личностью незаурядной, целеустремлённой, самоотверженной, с поразительной работоспособностью, но и нетерпимой до иступления к иным взглядам, которая и могла-то появиться только в определённое время и в определённых обстоятельствах. Его эволюция от литературной публицистики к идеологии революционных демократов тоже ведь была явлением того времени. Собственно же как литературный критик, по чему и должен он оцениваться, В. Белинский оказывался, как мы уже отметили, довольно неточным в оценках выдающихся литературных явлений своего времени. А потому титло “великого критика” ему не вполне подходит. Великого общественного деятеля, мыслителя и публициста – да, но не собственно литературного критика. Да в этом ведь можно убедиться, сравнивая его оценки явлений литературы с оценками их же Ап. Григорьевым, Валерианом Майковым, Ф. Достоевским. Иначе мы совершаем ничем не оправданную подмену понятий, которая ни к чему хорошему ни на каком поприще привести не может.

Результаты искренней и бурной деятельности В. Белинского не являются уже давно, а тем более теперь, безусловным образцом и каноном для последующих литераторов, ибо переносимые во всей своей неизменности в последующие времена в качестве эталона создают невнятицу в литературной жизни и общественной мысли. Наше дело – честно и объективно определить роль В. Белинского в общественной мысли и литературе, не догматизируя всё им написанное, от чего он порой и сам отрекался, зная за собой натуру увлекающуюся.

Но похоже, что в нашем литературном безвременье, когда литература оказалась бесцеремонно отодвинутой на обочину общественной жизни, многие литераторы не вполне представляют, как теперь быть с В. Белинским. А потому вместо постижения его наследия, теперь уже с учётом наследия и его современников, предлагают внешнюю, далеко не основную проблему “увечковечения памяти великого критика”. Но, поскольку при этом никак не обойти ту драматическую идеологическую борьбу, которую в значительной степени определил именно критик, не просто поссорившись с Н. Гоголем, но отвергая народную веру как якобы признак обскурантизма и невежества; как не обойти и раскол общества, начавшийся с той поры, то выдвигается другая идея – “примирить” В. Белинского с Н. Гоголем, достичь “объединения” их идей, словно это возможно. Именно так ставит вопрос тот же автор Ирина Монахова в статье “Старые рецепты для нерешённых проблем”, опубликованной в “Нашем современнике” (№ 9, 2009).

Логика тут такова. В. Белинский и Н. Гоголь писали, по сути, об одном и том же – “об эволюционном развитии общества, правда, руководствовались при этом разными побудительными мотивами”. “Не был Гоголь реакционером”, “не был Белинский революционером”. А кто с этим надуманным положением не согласен, тому надлежит освободиться наконец-то от “примитивных ярлыков”. Ну а то, что было между В. Белинским и Н. Гоголем – это существо недоразумение, только и ставшее возможным лишь потому, что критик вскоре умер. И только поэтому они не успели подружиться. А проживи В. Белинский более, “он, возможно, изменил бы в какой-то степени свои взгляды, как это было и раньше”. Как видим, реальное соотношение идей, не имеющее, как я уже сказал, значения лишь исторического, подменяется гипотетическим – “возможно”, что всерьёз воспринято быть не может.

Да и не соответствует это действительности. Мы никогда не считали Н. Гоголя “реакционером”. Но ведь “проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия” обозвал писателя В. Бе-

линский, сам себя вполне определённо причисляя к “передовому” революционно-демократическому направлению мысли. Так что далеко не об одном и том же они писали. И стоит лишь удивляться столь бесцеремонному искажению фактов.

Как должны “соединиться” *революционный* и *традиционный* тип сознания – мы этого не знаем, так как примеров подобных в истории мысли не было. Мы только знаем, что революционный тип сознания, как более упрощённый, был и остаётся более воинственным и даже агрессивным. Видимо, можно и нужно говорить о мирном их соседстве, что возможно в действительно цивилизованном обществе. Детский призыв “давайте жить дружно” – тут явно не подходит.

И поскольку такая “примиренческая” апологетика Ирины Монаховой не выходит из воззрений ни В. Белинского, ни Н. Гоголя и никак не соотносится с нынешней идеологической ситуацией в обществе, являющейся прямым продолжением этого давнего столкновения идей, приведём её по возможности полно: “Но как бы то ни было, наше дело – современных читателей Гоголя и Белинского – не столько сосредотачивать внимание на их противоречиях, сколько извлечь пользу для себя из их произведений – из того, что в них есть непреходящего. Исторически оставшиеся навсегда в споре, они во внимании и в понимании читателей должны достичь объединения своих идей. Читатель же, привыкшему воспринимать “Выбранные места из переписки с друзьями” Гоголя и зальцбруннское письмо Белинского как свидетельства об их непримиримых противоречиях и быть неким сторонним наблюдателем этой полемики, оценивающим, кто прав, а кто виноват, кто победил, а кто проиграл – полезно, помимо этой роли судии, раздающего оценки, побывать и в роли ученика. Отодвинув на второй план эмоциональную сторону, сосредоточиться на содержательной и постараться не столько оценивать или сочувствовать, сколько поучиться. Усвоить рациональное зерно, содержащееся и в том, и в другом произведении”.

Понятно и в общем-то благородно намерение автора этого не вполне логического умозаключения: да надоело уже все эти бесконечные революции с их неизбежными и трагическими последствиями. А потому надо хоть как-то, наконец, “примирить” эти столь разные, прямо противоположные воззрения на духовную природу человека и устройство человеческого общества. Но действительного примирения таким вот *соединительным* путём не бывает. Доказательством того, что примирения не получается, является тот факт, что революция в России снова всё-таки произошла как прямое следствие преобладания в обществе *революционного*, а не *традиционного* сознания.

Проявилось это и в нелогичности суждений Ирины Монаховой. Непримиримые противоречия, как исторический факт, признаются, но от них надо “отвыкать”, обратившись к *содержательной* стороне дела. Неужто к этой стороне дела, начиная с современников В. Белинского, никто не обращался? Обращались и непременно объявлялись “консерваторами” а то и “реакционерами” со всеми выходящими из таких определений и обвинений последствиями. Мы-то как раз теперь и пытаемся выделить не декларативную, а содержательную, метафизическую основу в писаниях оппонентов.

Кроме того, предлагаемое “примирение” предполагает “соединение” не каких-то там идей, которые вроде бы ничем друг от друга и не отличаются, но имеет, пожалуй, главную особенность: предлагается “примирить” открытый атеизм письма В. Белинского и православно-проповедническую книгу Н. Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями”. Как воссоединить христианское миропонимание с атеизмом, мы тоже не знаем, так как подобных примеров в истории не встречали. Но коль такая в принципе неисполнимая задача выдвигается, то обнажается её причина и цель. Оставить первенство опять-таки за атеистическим воззрением как якобы более “прогрессивным” и “передовым”, его и только его признавая “непреходящей” ценностью. То есть вернуться к догматическому представлению о критике, которое только-только начало преодолевать с такими трудами. Вот и вся непреходящая “польза” и “рациональное зерно”. Почему такая позиция считается патриотической, об этом можно только догадываться.

Такое отклонение от духовно-мировоззренческой проблематики как середины XIX века, так и нашего времени, тем более построенное на неточном изложении фактов, ни к какому действительному примирению привести не мо-

жет. Уже хотя бы потому, что столь продолжительное господство лишь революционного сознания в ущерб традиционному на долгие времена нарушило в обществе и народе социокультурное равновесие. И уж, коль наше общественное сознание оказалось исторически, что называется, “о двух головах”, есть единственный способ примирения, — это их мирное соседство, во всяком случае не агрессивное, подтверждённое практикой XIX века и послевоенного советского периода истории — их диалог, их полемика, из которых-то и высекалась бы интеллектуальная энергия, необходимая для жизни общества.

Только равновесие разных направлений мысли может создать устойчивую ситуацию в обществе и привести к действительному примирению, а не тотальное господство лишь одного из них, какого бы то ни было. Так же, как и в нашем нынешнем обществе — если и далее будет поддерживаться лишь либеральное направление мысли, как якобы безусловно передовое, зачастую негласно, а всякое обращение к народной традиции объявляться “консервативностью”, ничего хорошего нас не ждёт. Причём это происходит в то время, когда либерализм переживает кризис во всём мире.

Ведь либеральное направление мысли потому и обращается к привлекательным декларациям свободы личности и прав человека, что на сущностном, метафизическом уровне их в себе не содержит. Ему обязательно нужен “оппонент”. Только при наличии его оно полнокровно живёт. Справедливо писал замечательный философ, наш современник А. С. Панарин: “Либерализм всегда выдавал себя за идеологию Человека, отстаивающую его достоинство, право и свободы. Однако, если присмотреться поближе к установкам современного неолиберализма, мы увидим, что как раз в человеке он менее всего нуждается”.

С точки зрения духовно-мировоззренческого и интеллектуального состояния нашего общества о многом говорит это, задним числом предлагаемое “примирение”. Оно свидетельствует не только об инфантилизме тех, кто его предлагает, но о каком-то трагическом неразличении ни сути той идейной борьбы, которая велась в середине XIX века, ни трагического XX века, в котором эта же борьба, в иных формах, продолжилась, ни происходящего теперь. А всё это вызвано отрицанием духовной природы человека и оставлением за ним лишь природы социальной.

“Примирить” В. Белинского и Н. Гоголя мы теперь, при всём желании, не можем. По той простой причине, что они расстались на все времена в том состоянии и положении, в каком расстались. И если мы их теперь “примиряем”, то совершаем насилие над историей, по сути, искажаем происходившее и его последствия.

Речь-то шла ведь вовсе не о социальных “реформах”, как долгое время выставляли этот спор. При этом очень легко разделить людей на “прогрессистов” и “консерваторов”. Между тем как спор шёл о духовной природе человека. О вере, о Божеском или человеческом устройении мира: “Главный пункт, на который нападал Белинский и который является центральным в книге, — был вопрос о религиозном будущем народа” (Владимир Воропаев).

Трагизм положения сторонников социальности в литературе и революционно-демократических убеждений в том и состоял, что, искренне декларируя заботу о благе народном и о человеке, они, по сути, отрицали человека во всей его сложности и многообразии. Разумеется, во имя целей “высших”, то есть идеологических.

Спор между В. Белинским и Н. Гоголем не является просто давней страницей литературы и общественной жизни, он, в иных формах, продолжается. А потому и может быть понят лишь во временном развитии мысли, вплоть до нашего времени. А стало быть, выдвигая такое “примирение”, мы уступаем в пользу лишь одного направления мысли — революционно-демократического, всё так же почитая его более “передовым” и “прогрессивным”, несмотря ни на какие жизненные положения, им вызванные. Раскол ведь общества после новой очередной “демократической” революции сохраняется. Раскол всё тот же, лишь прикрытый новой терминологией. В таких условиях, как ни в чём не бывало, говорить о “примирении” — это и вовсе какая-то мировоззренческая прострация и писательская безответственность.

Кроме того, внешне “гуманистическая” идея “примирения” просто очерчивает тот долгий и трудный путь осмысления происходящего в России, в литературе и общественной мысли, со спора В. Белинского с Н. Гоголем

вплоть до нашего времени. Помимо того, коль В. Белинский с его революционно-демократическими воззрениями тотально господствовал за счёт других направлений мысли и действительной литературной критики, не допускаемых в общественное сознание во весь советский период истории, такое “примирение” исключает преодоление догматики советского периода. Более того — сохраняет её...

Спор-то ведь шёл и идёт не о неких равноправных направлениях мысли. Если отбросить всю публицистическую эквилибристику, рассчитанную на привлечение внимания публики, — между русской культурной традицией, народным самосознанием, нашей умственной и нравственной самостоятельностью и между отвлечённой идеологией, которая якобы должна привести народ и общество к благу, но упорно не приводящая к нему и оборачивающаяся новыми революционными разорениями общества.

Наконец-то после всех драматических событий XX века, да и нашего времени общественная литературная и философская мысль только-только подошла к уяснению метафизической основы этого спора и вдруг, — “примирение”, то есть интеллектуальная капитуляция пред всей сложностью проблем.

Никто ведь теперь не предлагает, повторяюсь, низвергать В. Белинского и его последователей. (Это они со всей беспощадностью и неистовостью продавливали со своими “противниками”, нисколько не сомневаясь в своей правоте.) Речь идёт о том, что должна быть, наконец, представлена честная и объективная картина той идеологической борьбы, в которую оказалась втянута литература. И картина, кстати — именно *литературной критики*, а не *окололитературной публицистики*.

Искренность сама по себе сторонников социальной критики, декларации о желании добра народу, о “пользе” литературы, игнорируя саму литературу, а значит — дух человеческий, не могут быть достаточным аргументом. Нам не обойти неотступных вопросов: какие именно идеи навязывались и к чему они неизбежно приводили и могли ли вообще привести к справедливости и благу? Это ведь вопросы, имеющие самое прямое отношение не только к истории литературы, но и к нынешнему общественному сознанию.

В конце концов, дело ведь не в В. Белинском и не в Н. Гоголе, а в том, какой тип сознания утверждался в те времена — *революционный* или *традиционный*. . . Нам могут возразить: но почему в таком случае эти революционно-демократические воззрения “владели умами” не в пример другим направлениям мысли, выходящим из традиционной народной культуры и народного самосознания? Ну, прежде всего, “владели умами” не народа, а лишь “передовой общественности”, ответственной, кстати, за духовно-мировоззренческое окормление народа, а не только за “просвещение” его, сводящееся к навязыванию ему всё тех же революционных идей.

К тому же, видимо, таково было состояние общества, уровень его развития, когда такие идеи виделись передовыми, а потому и готового к этому мировоззренческому соблазну. И должно было пройти время и произойти трагедии для вразумления людей в том, что такие идеи сами по себе ни к какой свободе и справедливости не приводят. Скорее наоборот — лишь создают новые несправедливости. Кроме того, такова психологическая особенность всякого общества, что упрощённое и примитивное укрепляется в нём легче, чем действительно духовное и драгоценное, для чего необходима работа души. Ведь воспитание человека — дело долгое и трудное, манипуляция же его сознанием — куда как более простое. Хотя неприглядное, лукавое и постыдное. . .

Теперь мы должны признать, что общая картина литературной критики и общественной мысли непростительно искажена и остаётся таковой до сих пор. Нам скажут в ответ на это очевидное положение, что история-де не знает сослагательных наклонений, а потому, мол, какой смысл теперь говорить об этом, когда и критики-то теперь у нас нет и литературное дело в России, по сути, остановлено. Нет, не так. Совершившиеся и всё ещё совершающиеся подмены столь очевидны, что мы имеем право теперь на такое утверждение. Духовно-мировоззренческую жизнь человека, общества и народа ни в коей мере нельзя уподоблять любой иной — утилитарной, прагматической и т. д., — так как тем самым отрицается духовная природа человека, нарушается иерархия ценностей, создаются прямые предпосылки для социальной нестабильности общества и всякого рода тоталитарных систем. Ведь всё это “просвещение” со стороны революционных демократов было направлено во-

все не на то, чтобы подвигнуть народ к самоосознанию и самопознанию, а на то, чтобы навязать ему отвлечённые идеи и убеждения. И вся их критика, а то и уничижение народа основывались на том, что он не особенно хотел принимать эти идеи взамен своей природной веры и культуры, не хотел разделять “передовые” убеждения “лучших” людей, явочным порядком объявивших самих себя “лучшими”...

Это было уже вполне ясно многим современникам В. Белинского, как и то, что именно он запускает в общественное сознание такое “направление” мысли, которое чревато многими бедами для народа, хотя и обещало ему благо и освобождение.

В этом отношении примечателен диалог персонажей романа “Бесы” Ф. Достоевского: “Это они-то не любили народа! – завопил Степан Трофимович. – О, как они любили Россию!

– Ни России, ни народа! – завопил и Шатов, сверкая глазами. – Нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего в русском народе не смыслили: все они, и вы вместе с ними, просмотрели русский народ сквозь пальцы, а Белинский особенно; уж из того самого письма его к Гоголю это видно... Вы мало того, что просмотрели народ, – вы с омерзительным презрением к нему относились, уж по тому одному, что под народом вы воображали себе один только французский народ, да и то одних парижан, и стыдились, что русский народ не таков.

И это голая правда! “А у кого нет народа, у того нет и Бога!” Знайте наверное, что все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же по мере того теряют и веру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными” (собр. соч. в 30 т., т. 10, “Наука”, Л., 1974).

Как видно по всему, это было и убеждение самого писателя, которое он формулирует в связи с нечаевщиной предельно ясно: “Эти явления – прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о современной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности... А между тем главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если бы им сказали, что они прямые отцы Нечаева” (“Бесы”. Вступительная статья Б. Н. Тарасова. М., “Современник”, 1993).

Как видим, Ф. Достоевский с поразительным пророчеством постиг явление в общественной жизни при самом его зарождении. Кроме того, он указал на мировоззренческие и идеологические истоки и причины его. Примечательна в связи с этим оговорка о В. Белинском. Из неё ведь следует, что наши пропагандисты “передовых” идей просто не могли предусмотреть, чем эти идеи могут обернуться в действительности. Но в таком случае, что значат благородные намерения и красивые декларации... Между тем первейшим признаком истинной талантливости человека является его способность прерывать ход событий.

Можно проследить и то, откуда завелась в нашем обществе той поры эта *идейность*, и почему она получила столь широкое распространение. Идею, которая, сохраняя благородную риторику о благе народном, в конечном счёте подавляла все духовное, народное и национальное, видя в нём препятствие на пути к “прогрессу”. Конечно, этому способствовали многие причины социального, экономического, геополитического порядка, под натиском которых далеко не каждая душа могла устоять. И всё же, как теперь видится, главной причиной появления людей “идейных” было то особое цивилизационное состояние общества, уровень развития его и личности, изрядно приправленные мировоззренческой экспансией извне. Можно сказать, что это был *великий соблазн сложнейшие вопросы бытия общества и личности разрешить наипростейшим путём, внешне таким вроде бы логическим и достижимым*. Это особое состояние общества и личности можно определить как отступление от евангельской мудрости: “Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими” (Евангелие от Матфея, 7, 13).

Ведь казалось таким убедительным и простым проскочить этими широкими вратами, то есть разрешить все проблемы, терзающие человека в его

краткой земной жизни, путём наиболее рациональным и оптимальным, так сказать, напрямую, не вдаваясь во всю сложность человеческого существа. Но оказалось, что этот путь не только не является наикратчайшим, но наиболее долгим, тернистым и трагическим... Ведь отсюда проистекает весь тот комплекс поразительной догматики революционно-демократического толка, которая остаётся или преднамеренно сохраняется во всей своей неизменности вплоть до сегодняшнего дня. С этой точки зрения, кто был тогда “прогрессистом”, а кто “консерватором”, так же как и сегодня, остаётся с позиций метафизических всё ещё не объяснённым, а пребывает на каком-то легком и безответственном публицистическом уровне... К сожалению, конечно. Именно здесь таится основная проблематика, всё ещё терзающая наше общество. Дело вовсе не в “реформах” – в их сторонниках и противниках, а в том образе мира, который принимали и принимают люди в своё сознание и души...

Не столь уж часто, но литераторы и учёные всё-таки обращаются к этой странной борьбе в литературе по сути против литературы, начатой со ссоры В. Белинского и Н. Гоголя. И. Кондаков в довольно примечательной статье “Покушение на литературу (о борьбе литературной критики с литературой в русской культуре)” писал: “Если окинуть взором историю отечественной культуры за последние три века, бросается в глаза странная особенность национального культурно-исторического развития: на первый план общественных и культурных интересов в России постоянно выходит борьба между литературной критикой и литературой, – борьба неуёмная, подчас ожесточённая, даже непримиримая, – за влияние на умы и настроения читающей публики, за приоритет в постановке животрепещущих проблем и их разрешении для блага общества, за гегемонию в культуре и общественной жизни. Понять и объяснить её как борьбу за власть в культуре и обществе – естественнее всего; но остаются вопросы, чем была вызвана потребность и необходимость именно такой борьбы, насколько она определяла собой пути развития и своеобразия русской культуры, в чём состоит её неизменность и продуктивность как феномена культуры” (“Вопросы литературы”, Выпуск II, 1992).

Это была не “борьба между литературной критикой и литературой”, а нечто иное. Это, действительно, имевшая место быть борьба свидетельствовала о другом – о том, что русская литература всегда вовлекалась в идейную, идеологическую и даже политическую борьбу, использовалась как средство в ней вплоть до уничтожения её самой.

Вела же эту борьбу не собственно литературная критика, хотя таковой и называлась, но окололитературная публицистика, беллетристика. Это очень существенное уточнение, иначе мы игнорируем факт существования действительной литературной критики той поры. А такая критика, помимо публицистического буйства революционных демократов, была. Её называли то “эстетической”, то “исторической”, то “органической”, пытаясь предать её лишь одним из “направлений” критики, и, конечно же “ниже” критики революционных демократов, которым казалось, что все эти направления недостаточно касаются самой действительности, не в пример им самим...

Помимо литературной публицистики, ведущей борьбу с литературой, была и собственно критика, отстаивающая литературу. Справедливо писал И. Кондаков: “Но и в самой русской критике проявлялись тенденции, по отношению к литературе и искусству не наступательно-агрессивные, не командующие и руководящие, а, скорее, **защитительные, спасительные**. Таким был юный Валериан Майков, смело восставший против “диктаторства” позднего Белинского; таков был и гениальный Аполлон Григорьев, пронзительно разглядевший уже у Белинского, а затем и у его радикальных последователей “фанатизм отрицания”, теоретический “деспотизм”, готовый идти до террора, да и прямо “литературный терроризм”.

Я понимаю, сколь “крамольные” вещи о великом критике я высказываю. Но теперь-то, когда его революционные идеи с такой пророческой глубиной постигнуты Ф. Достоевским, когда мы увидели страшные последствия этих идей в революционном XX веке, стоивших миллионов человеческих жизней, когда, наконец, в наше время все-таки произошла очередная революция, теперь-то эти идеи мы не имеем права выставлять как некие *гуманистические*, имеющие *непреодоляющее* значение. Что уж теперь-то восхищаться борьбой

критика, “не страшившегося революционного пути к свободе и счастью народа”, по сути, апологетикой людоедства. Ведь идеи “гуманистического содержания”, не приводящие, к чаемым свободе и счастью народа, могут свидетельствовать разве что о недостаточной прозорливости их исповедника.

Но на этом пропагандистском пути шло в ход всё, даже явное искажение фактов. Ну ладно — “гуманистические” идеи, под которыми можно разуметь все что угодно, но усмотреть отстаивание “народности творчества” именно в скандальном, насквозь атеистическом письме В. Белинского к Н. Гоголю — это уж слишком, ибо где пребывает богоборчество и атеизм, там нет *народности*. Но именно так утверждалось во вступительной статье к девятитомному собранию сочинений В. Белинского: “Письмо к Гоголю — итог, яркая вспышка в конце напряжённой жизни, полной страстного поиска, борьбы за русскую литературу, за реализм и народность творчества, веры в свой народ и свою родину” (Н. Гей. М., “Художественная литература”, 1976, т. 1).

Если следовать предлагаемой логике нового “увековечения” критика, а по сути, реанимации его революционно-демократических идей, логике какого-то немислимого соединения этих идей с народным самосознанием, — то мы должны согласиться с тем, что после неистового Виссариона вроде бы ничего особенного и не происходило. Не было его единоличного господства в советский период истории вкупе с его последователями — Н. Чернышевским, А. Добролюбовым, Д. Писаревым. Словно и не было столь долгого периода, когда талантливый критик, человек глубоко православный, Аполлон Григорьев просто не издавался. Хотя есть все основания считать его реальной альтернативой в русской критике неистовому Виссариону.

Образованнейший человек своего времени Н. Страхов считал, что истинным создателем русской критики был Аполлон Григорьев: “Именно Григорьева Страхов считал создателем русской критики, а принцип “органической критики”, разработанный Ап. Григорьевым, — основным принципом критического рассмотрения” (Н. Скотов в кн.: Н. Н. Страхов “Литературная критика”. М., “Современник”, 1984).

Да и не только Ап. Григорьев не издавался. К примеру, преемник В. Белинского по журналу “Отечественные записки”, талантливый критик Валериан Майков, рано ушедший из жизни, был издан только в наше время, да и то представлен не лучшими его литературно-критическими статьями (Л., “Художественная литература”, 1985). А его двухтомное собрание сочинений, насколько нам известно, так до сих пор и остаётся не переизданным (Киев, 1901). Не потому ли так произошло, что В. Майков не исповедовал революционно-демократических воззрений, раскалывающих общество на два непримиримых, воинственных лагеря или, как тогда говорили, — направления. Наоборот, молодой критик писал о стремлении “новейших учёных создать философию общества”, то есть науку, рассматривающую все социальные вопросы в их взаимном отношении. Между тем, Валериан Майков более точно, чем В. Белинский, оценил А. Кольцова, Н. Гоголя, А. Герцена, И. Гончарова, разгадал творческий путь Ф. Достоевского, открыл Ф. Тютчева за три года до известной статьи Н. Некрасова о второстепенных поэтах... “Трибуном”, правда, он не был, хотя и был ведущим критиком журнала. Стоит лишь сожалеть, что деятельность его продолжалась недолго, так как в результате несчастного случая он утонул в двадцатичетырёхлетнем возрасте.

И мы теперь, печальясь над страницами русской литературы, должны высказать наблюдение, которое, может быть, и не имеет значения некоей закономерности или символа, но всё же примечательно. Если великих русских поэтов стреляли на дуэлях в результате злокозненных интриг — А. Пушкин, М. Лермонтов... и не содрогнулось ветренное племя при такой гибели своих гениев — то критики почему-то часто тонули, причём в юном возрасте — В. Майков, Д. Писарев. Может быть, это — всего лишь несчастное стечение обстоятельств. Но как о нём не думать...

2

Считать заслугой В. Белинского то, что он ввёл в литературу мир идей, нет оснований, так как идеи явились орудием раскола общества на два непримиримых лагеря и орудием борьбы с литературой. Положительным фактом литературной жизни считать это невозможно. Во всяком случае, вначале

не худо бы рассмотреть то, действительно ли это были прогрессивные идеи и к каким жизненным положениям они неизбежно привели. Введение в литературную жизнь мира идей можно считать не заслугой В. Белинского, а его невольным грехом, так как в предельной искренности его сомневаться не приходится. Разумеется, мы делаем лишь попытку постановки вопроса в его самых общих чертах, не вдаваясь особо в подробности, в которых можно легко утонуть, так и не выявив проблематики. Ведь вопрос о соотношении литературы и литературной критики в русской культуре в силу целого ряда обстоятельств так и остался исторически и методологически верно не поставленным.

При этом основным критерием в оценке тех или иных явлений литературы мы берём не верность их “действительности”, так как литературное и жизненное и не должно быть абсолютно идентичным. Не “разрешение” каких-то социальных вопросов, которых литература по самой природе своей не разрешает, ибо у неё иные задачи. Не “польза” её для общества, которую абсолютно ничем невозможным поверить. Не декларации о добрых намерениях и степень искренности, так как и заблуждаться можно вполне искренне. Основным критерием и мерилom для нас является *тип мышления, тип сознания* автора — *традиционный*, в согласии с народным самосознанием и верой народа или же *революционный*, верный тем или иным идеям, как правило, отвлечённым. Ведь, собственно, по этому признаку миропонимания люди и различаются, в согласии с евангельской мудростью — “тесными” или же “широкими” вратами они входят.

Какие всё-таки они упрощённые, эти идейные люди, вознамерившиеся с помощью идей, как отмычек, минуя всю сложность человеческой природы, устроить человеку благоденствие на земле. Но из их благородных и искренних намерений неизбежно выходит нечто прямо противоположное. . .

Но теперь-то, когда идеи, навязываемые столь неистово, получили своё полное развитие и обернулись совсем не тем, что от них ожидалось, а прямо противоположным — трагедиями, можно спокойно рассмотреть их метафизическую основу? Оказывается, нет. Мыслительная ситуация в критике и публицистике остаётся прежней, несмотря ни на какие социальные потрясения, когда уже под вопросом оказалось само наше народное и государственное бытие. Ну, разве слегка изменённая, но в своей понятийной основе прежняя. . .

Такова природа “либеральной” мысли, что, борясь с “тоталитаризмом” вроде бы за освобождение личности, но при этом не беря в расчёт духовную природу человека, она неизбежно уготовляет новый “тоталитаризм”, а то и тиранию. Это замечено русскими писателями давно: “Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничный деспотизм” (Ф. Достоевский). А потому всякий “трибун” должен нами оцениваться не по привлекательности и красивости его деклараций о борьбе за чаяния народа и за Россию, но по самому характеру выдвигаемых им идей — способны ли они вообще привести к таким благородным обещаниям. Ну и — по результатам воплощения этих идей, чему мы уже были свидетелями.

Ну а как же *прогресс*? Почему этот пресловутый прогресс, на борьбу за который затрачено столько сил, сломано столько человеческих судеб, загублено столько человеческих жизней, на который возлагались такие надежды, оказался столь непрочным и таким уязвимым? Почему с его, вроде бы, незыблемых высот общество так легко скатывается во мрак невежества и в нищету? В общем-то понятно, что общество, устроенное лишь на принципах внешних, социальных, без внутренней духовной и культурной крепости, отрицающее саму духовную природу человека, — непрочное и обречено. При этом, как понятно, я имею в виду вовсе не только церковную сторону жизни.

Наконец, мы должны признать, что прогресс научно-технический, социальный и всякий иной к литературе неприложим, так как в ней последующее не отрицает предшествующего, а существует в полном составе вершинных творений духа. А потому, скажем, из “Слова о полку Игореве” мы можем узнать не о прошлой, а о нашей жизни гораздо больше, чем из какого-нибудь ультрасовременного писания, поднимающего “животрепещущие вопросы”. . .

Цивилизация отнюдь не отменяет духовной природы человека, не делает человека своим рабом и заложником. А если так происходит, то это вовсе не цивилизация, а нечто совсем другое. Это — или хитроумные ухищрения манипуляции общественным сознанием, или же “род нервной болезни”, как скажет И. Бунин.

Об этом следует всё настойчивее говорить, так как человеческая мысль наконец-то подошла к осознанию понятия “прогресса”, убедившись в том, что блага, приносимые им, не перевешивают тех потерь, которыми он оборачивается для духовного, интеллектуального и физического здоровья человека.

В литературоведении довольно распространено убеждение, не подлежащее сомнению, в конечном счёте, оправдывающее всякую “социальность”, революционно-демократическую риторику, подмену литературной критики публицистикой. Это мнение о том, что в силу целого ряда обстоятельств русская классическая литература, в отличие от других литератур, взяла на себя роль и философии, и социологии, и идеологии, и политики. Объясняется это обычно неразвитостью в русском народе других форм общественного сознания. А потому, мол, литературе и пришлось “решать” эти “вопросы”. На самом же деле “вопросы” практической жизни безуспешно “решала” не литература, а окололитературная беллетристика, которая не была ни философией, ни социологией, но – идеологией. Таким образом, её внелитературные и внекультурные устремления переносятся на всю русскую литературу, как на её особенность.

Между тем, в России была оригинальная национальная философия, к концу XIX века сформировавшаяся в не подлежащее сомнению явление. Но достоянием общества в полной мере она не стала, так как настойчиво вытеснялась более “передовыми” революционно-демократическими воззрениями, отвечающими политической задаче “освободительного движения”. Воззрениями чисто утилитарными, в конечном итоге уничтожавшими и философию, и литературу. . . С другой стороны, русская национальная философия оказалась подменённой *религиозной философией*, особенно ставшей популярной в период нашей “демократической” революции.

Примечательно в этом отношении мнение, пожалуй, общепризнанное, о “начале” русской философии, когда её родоначальником объявлялся без всяких на то оснований П. Чаадаев с его эпатажными, уничижительными для России “философскими” письмами. Но его писания *по самому своему жанру* не были философией, но – публицистикой или, как говорили ранее, беллетристикой. Неужто они объявлены первой страницей русской философии лишь потому, что сам автор назвал их “философскими”? Не хочется в это верить, ибо подмена понятий здесь очевидна.

Известно, как А. Пушкин относился к этим эпатажным писаниям П. Чаадаева, от которых тот позже и сам отказывался. Его представления о судьбе России и её положении в мире были прямо противоположны чаадаевским. Уже только этот факт свидетельствует о том, была ли русская литература изначально носителем и философской мысли или нет. Или же – “философия” делалась отдельно от литературы, ценой искажения и подавления её. . .

Не является ли это утверждение о том, что русская классическая литература выполняла роль и философии, и социологии, и политики, неким неявным оправданием лишь утилитарного её значения и низведением её с тех духовных высот, до которых она поднималась? . .

В том, что А. Пушкин не отослал письма П. Чаадаеву, как и позже Н. Гоголь не отослал своего письма В. Белинскому, видится некая закономерность. Во всяком случае, это не является случайным. Видимо, художники убедились в том, что переубедить в чём-то этих идейных людей, считавших себя носителями некоей высшей универсальной мысли, более значимой, чем литература, невозможно. . .

Никаких “животрепещущих” проблем, “вопросов” “действительности” литература никогда не разрешала по самой своей природе. В лучшем случае она их только ставила. “Разрешала” вопросы без всякого успеха литературная публицистика, перенося это свое безнадёжное дело и на всю литературу. Но, сводя литературу к утилитаризму, идеологи от литературы совершали подмену, так как игнорировали метафизическую основу общественного сознания. Ведь мировоззренческое может сравниться только с мировоззренческим же, но никак не с “действительностью”. В этой постановке литературной публицистики на службу “освободительного движения” была изрядная доля спекулятивного подхода. Искренного, может быть, не вполне осознаваемого, но всё-таки спекулятивного.

Если в “Грозе” А. Островского увидено только “тёмное царство” в социальном, а не в духовном значении, следующий логический шаг обозвать всю

русскую жизнь “тюрьмой народов”. А что церемониться с народом и страной, не желаящими разделять, безусловно “передовые” идеи. Такова логика революционного сознания. Она прерывает преемственность жизни, дабы выставить предшествующий период истории ужасным и получить хоть какую-то санкцию на свои произвольные действия по переделке мира. . .

Представители же революционно-демократической “реальной критики” под вроде бы благородным лозунгом близости к жизни и действительности, хотя они сами были от неё бесконечно далеки, ибо руководствовались исключительно отвлечёнными идеями, на самом деле нарушали ту иерархию ценностей, без которой общество существовать не может. Вот основной грех, который они вольно или невольно совершали.

Для них был абсолютно непостижимым тот очевидный факт, что сопоставлять и тем более уподоблять искусство и действительность означает или впасть в натурализм, или же вообще исключать искусство из общественного сознания, что “несоответствие” искусства и действительности есть неизбежная данность, нарушать которую безнаказанно нельзя, что это есть “великий вопрос”, о котором позже писал А. Блок: “Великий вопрос о противоречии искусства и жизни существует искони”. И ещё более определённо поэт писал об этом же в статье “Искусство и газета” в 1912 году: “Не надо говорить много, надо говорить *важно*. Язык художественного отдела ничем не должен походить на язык телеграмм и хроник. Об искусстве должны бы говорить люди, качественно отличающиеся от людей, говорящих о политике, о злотах дня”.

Ярко выраженный же *историзм* русской классической литературы вовсе не значит, что она сводится к истории. А значит, и не даёт никаких оснований рассматривать себя с точки зрения пресловутого “прогресса” — от простого к сложному, от несовершенного к более совершенному. Так же как и *реализм* её вовсе не значит, что она сводится к натурализму. Но взятые, как основные критерии в устах социальных и позитивистских критиков, они неизбежно низводят русскую литературу с её духовных высот к утилитаризму — к соответствию её “действительности” или тем или иным идеям. Вольно или невольно, но в таком случае литература рассматривается в лучшем случае лишь как иллюстрация к истории.

Аполлон Григорьев с его действительно русской, православной душой, отстаиванием подлинной, а не бутафорской народности в искусстве стал как бы в большей мере достоянием “либеральной” мысли. Но из всех несомненных достоинств его критики, цельного взгляда на искусство и жизнь они выделяют в основном лишь его гонимость, “ненужность”, осознаваемую им самим, то одиночество, на которое он пошёл сознательно, отстаивая право искусства на своё существование, не впадая в социальные, идеологические соблазны своего времени.

Похоже, что теперь литературоведы, писатели, те из них, кто в это нелитературное время ещё способен думать о судьбах русской литературы, народа и страны, не вполне отдают себе отчёт в том, как теперь со всем этим наследием быть. При этом по какой-то устойчивой закономерности их в большей мере заботит судьба лишь революционно-демократической мысли, а не вся полнота общественной мысли и не собственно литературная критика.

Трагическая судьба Аполлона Григорьева и его наследия их меньше волнует, чем судьба наследия революционных демократов — позднего В. Белинского, Н. Чернышевского, А. Добролюбова, Д. Писарева, которое-то в своей значительной части и перечитывать уже невозможно. А уж как его воспримут новые поколения читателей, до этого, кажется, им и вовсе нет дела.

Видя очевидное противопоставление и даже конфликтное столкновение русской литературы и литературной публицистики, наиболее пронизательные литераторы и филологи во второй половине XX века периодически обращались к этому странному явлению, пытаясь его объяснить и обнажить его истоки. Характерным и примечательным в этом отношении является уже упомянутое исследование И. Кондакова “Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре)”, опубликованное в журнале “Вопросы литературы” (Выпуск II, 1992): “Расширив круг русских критиков, мы обнаружим посягательства на всех без исключения классиков русской литературы, причём претендующие не просто на “хирургическое” вмешательство в их художественный мир и творческую лабораторию, но подчас прямо-таки на их низвержение и уничтожение!”

Считать такое положение некоей исторической предопределённостью и неизбежностью, зная, какими методами велась эта внелитературная борьба и каковы её последствия, никак невозможно. И уж тем более нет оснований полагать, что идеологическая агрессивность революционно-демократической публицистики явилась безусловно положительной для развития русской литературы. Если в какой-то мере она и явилась таковой, то лишь в той степени, в какой всякое препятствие мобилизует и дисциплинирует здоровые силы общества. Иными словами, не благодаря ей, а несмотря на неё продолжилась русская литературная традиция. Для такого утверждения есть полные основания уже хотя бы потому, что противопоставление *внелитературного* (идеологического и политического) и *литературного* (образного) по самой своей сути неправомерно ни с точки зрения научной, ни с точки зрения литературной.

Ни в коем разе опять-таки не предлагаю теперь “низвергать” В. Белинского, но объяснять его воззрения и его эпоху. Его же “низвергатели”, как бы и сами того не замечая, впадают в ту же самую революционную неистовость, которой болел сам критик. Вот ведь и И. Кондаков в своей статье о борьбе литературной критики с литературой в русской культуре, казалось бы, набрасывая, в общем-то, справедливую картину русской литературы и критики, вместе с тем пишет: “Борьба критики с литературой в советской культуре становилась целенаправленной политикой партии и государства, соединившей черты тотальной контркультуры и государственного терроризма”.

Утверждение явно несправедливое и, что особенно обидно, довольно распространённое, если не повсеместное, в среде образованных людей. Почему же в таком случае “освобождение” от этого “государственного терроризма” привело к положению беспрецедентному – по сути, приостановке писательства в России? Ведь по такой логике должен был наступить расцвет литературы, а не культурное, духовное и нравственное падение общества. Значит, мы неверно определяем ситуацию и в обществе, и в стране, и в культуре.

Советский период истории был ведь долгим и разным. Послевоенное время радикальным образом отличалось от 20-х и 30-х годов, несмотря на официальную идеологию, далёкую от народного самосознания. Сразу же после войны и в последующее время активно издавалась русская классическая литература. Не могло же это быть неким недосмотром власти. Наоборот, это было государственной политикой. Да, критика оставалась делом партийным. Но не она уже определяла состояние культуры, хотя под её знаком и предпринимались довольно грозные демарши – решения, постановления и т. д.

Можно сказать, что русская классическая литература после революционного погрома страны начала миновавшего века спасла нас, вернула к своим исконным ценностям. И если были на этом пути препятствия, то основными, определяющими из них был уже не “государственный терроризм” в культуре (в послевоенный период советской истории), но “терроризм” “общественного мнения”, который, в конце концов, и столкнул общественное сознание в либеральную односторонность, тем самым, по сути, приостановив развитие русской литературы... Да и жизни...

Наконец, в послевоенный период продолжилась русская литературная традиция. Появилась истинно русская литература советского периода истории. Имен выдающихся художников здесь можно назвать множество. М. Шолохов, А. Твардовский, М. Исаковский, М. Булгаков, А. Платонов, В. Шукшин, В. Белов, В. Распутин, Е. Носов, Я. Смеляков, В. Соколов, Н. Рубцов, А. Передреев, Ю. Кузнецов... При “государственном терроризме” в культуре это было бы просто невозможно. И так было до очередной революции в России нашего времени с её новым упразднением литературы... Так где “терроризм” в культуре был – тогда или теперь? Ответ очевиден. Но только не для идеологически озабоченных людей.

Неужто мы до такой степени наивны, что изменение форм духовного и мировоззренческого насилия способно создать у нас иллюзию его отсутствия вообще? Не хочется в это верить.

Я понимаю тех литературоведов и литераторов послевоенного советского периода истории, вплоть до нынешнего времени, которые искренне пытались обосновать преемственность в русской литературе разных эпох, в том числе и в беллетристике. Но в беллетристике, в отличие от собственно литературы, такой “преемственности” и такого “примирения” при всём желании отыскать невозможно. И уж тем более невозможно усмотреть “преемственности” меж-

ду художественным творчеством и беллетристикой, открыто объявившей войну литературе.

А потому, не желая “отдавать” В. Белинского и его последователей кому бы то ни было, почитая революционные идеи безусловно “прогрессивными”, они представляют дело так, что традиция внехудожественного изучения литературы зародилась в двадцатых-тридцатых годах советского периода истории: “Тенденция изучать литературное движение независимо от художественной ценности идёт у нас от формальной школы 20-х – начала 30-х годов”. (П. В. Палиевский). Но это был уже новый этап борьбы против русской классической литературы, свое полное мировоззренческое обоснование получивший ещё в последователях В. Белинского. А потому нельзя не согласиться с фактом очевидным: “Увы! Метод истинной критики зародился задолго до рождения большевистской литературной критики” (И. Кондаков). Ведь уже в писаниях В. Белинского при всей его живости и разносторонности интересов проявился полный набор догматов революционного сознания, получивших “развитие” в его последователях. И прежде всего – в антипушкинском направлении революционно-демократической мысли.

Уже В. Белинский не видел у А. Пушкина “идеала лучшей действительности”. Уже В. Белинский упрекал А. Пушкина в том, что его поэзия не даёт “ответы на вопросы времени”. Великий критик не различил творческого пути А. Пушкина, не понял “Евгения Онегина”, “Капитанской дочки”, “Повестей Белкина”, которые, по его логике, были “ниже своего времени”. Не заметил грандиозности и “Медного всадника”. В отличие от других писателей – Ап. Григорьева, Ф. Достоевского, справедливо полагавшего, что А. Пушкин приходит в самом начале правильного самосознания нашего...

Видимо, такова закономерность, что как только в оценке творений духа берётся критерий внелитературный – апелляция к “действительности”, ссылка на то, что “время такое”, установка на “современность”, соответствие “передовым” идеям, так и начинаются непримиримые конфликты. Хотя соотношение художественного и “действительного” неправомерно, время всегда “такое”, а “современность” можно познать иными формами сознания, насколько не обязательно именно художественными и литературными.

В статье Александра Блока “О назначении поэта” есть удивительное, на первый взгляд парадоксальное, но точное по сути суждение о соотношении и “преемственности” А. Пушкина и В. Белинского: “Над смертным одром Пушкина раздался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным вежливому голосу графа Бенкендорфа. Он кажется нам таковым и до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это – не так. И если это даже не совсем так, будем всё-таки думать, что это совсем не так”.

То есть в этом суждении поэт ясно сказано, что В. Белинский явился продолжателем дела... графа Бенкендорфа, но не А. Пушкина. Ну, а больно это осознавать потому, что всегда больно расставаться с былыми убеждениями, в том числе и иллюзорными.

По сути А. Блок говорит здесь о том, что утилитарный подход к культуре вообще и к литературе в частности, клянувшийся при этом прогрессом, в конечном счёте становится препятствием прогресса... Но что очень примечательно и характерно, при этом А. Блок вовсе не отрицает В. Белинского, а, наоборот, причисляет его к “вечным образцам нашего неистового прошлого”. “Неистового”, но всё-таки – к “образцам” (“О списке русских авторов”).

Примечательно, что тут же А. Блок замечает ту “эволюцию” идей В. Белинского, которая сказалась в его последователях, сводящаяся к понижению, упрощению и даже оглуплению литературы: “Во второй половине века то, что слышалось в младенческом лепете Белинского, Писарев орал уже во всю глотку”. Известно письмо А. Пушкина о В. Белинском, выдаваемое за письмо некоего читателя из Твери: “Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и остроумием своим соединил он более учёности, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности – словом, более зрелости, то мы бы имели в нём критика весьма замечательного”.

Но это ведь, по сути, приговор, и приговор жёсткий и беспощадный...

Истоки и смысл борьбы литературной публицистики с литературой можно вполне понять, только беря в расчёт феномен интеллигенции в России,

по причине исторических обстоятельств поставившей себя в положение борьбы с народом. Не образованной части общества, а именно *интеллигенции*, то есть наиболее идеологически озабоченных людей.

И. А. Гончаров в очерке “Заметки о личности Белинского” писал о том, что приближается время, когда и сам Белинский предстанет пред беспристрастным судом критики. И этот суд, как он полагал, будет “не подкупленный привязанностью к его личности живых друзей-современников и его почитателей” (“Четыре очерка”, СПб, 1881).

Увы, свершилось невероятное, время беспристрастной оценки В. Белинского не приблизилось, всё произошло вопреки логике и совсем не так. Но есть такие вопросы в истории русской критики, зародившиеся с В. Белинского и сохраняющиеся до сих пор, обойти которые никак невозможно. И в частности этот: в силу каких обстоятельств критик оказался столь “канонизирован”? Причём не только в советский период истории. Тут как раз всё понятно — его революционно-демократические воззрения как нельзя лучше пришлись к “революционным ценностям” официальной идеологии. Гораздо интереснее проследить то, почему он “владел умами” целых поколений до этого. В силу каких причин и обстоятельств передовыми и прогрессивными почитались только и исключительно внелитературные революционно-демократические воззрения?

И главное — почему предпринимаются попытки “реабилитации” воззрений В. Белинского теперь, когда, по сути, на тех же идеях произошло новое, очередное революционное разорение нашей жизни? Это, безусловно, свидетельствует или о какой-то интеллектуальной несваримости, или о безответственности людей образованных перед собой и перед обществом. Видимо, столь длительное господство лишь одних “передовых” революционно-демократических идей не прошло для всех нас бесследно...

НИКОЛАЙ НИКАНДРОВ

ЕСЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

В нашем таежном углу хорошая книга была объектом своеобразного промысла, поскольку она передавалась, как драгоценность, из рук в руки, сроки возвращения жестко оговаривались, а сознательно “зачитавший” переданный экземпляр оказывался в жесткой осаде отлучения. Залистанная до дыр, с оторванными корешками и почерневшими уголками страниц книга не нуждалась в какой-либо рекламе. На романы Жюль Верна, Дюма, “Молодую гвардию” Фадеева или “Двенадцать стульев” устанавливались длинные очереди.

Нам, троим однокашникам из 5-го Б – Сереге Назарову, Сашке Макаренко и мне – посчастливилось стать обладателями невероятного раритета – сборника стихов Сергея Есенина. Перетянутую белой резинкой пачку засаленных страниц, без обложки, каждая страница на особицу, с невероятной предосторожностью передали нам буквально на сутки. Мы честно разделили сборник на три равные части, каждый переписал свою треть в школьную тетрадку. Завернутый в газету “сборник” мы вернули в срок благодетелю – кочегару котельной Никите. А позднее, уже каллиграфическим почерком, переписали друг у друга стихи, совсем не похожие на известные нам тексты Светлова или Исаковского. Об опальном поэте мы кое-что знали.

Важные знания мы получали не только на школьных уроках. Книги, радио и кинофильмы учили нас по-настоящему любить Родину, бороться за ее свободу и независимость, дружить, любить и ненавидеть. Заметно расширяло наш кругозор постоянное присутствие лагерного окружения.

Общение с узниками Краслага было разнообразным и весьма плодотворным. Бесконвойный слесарь в школе, расконвоированный сезонник на сенокосе или подсобном хозяйстве, истопник в поселковом клубе или просто осевший в поселке освободившийся зэк неизменно притягивали внимание местной ребятни. Бывалый, а подчас и основательно эрудированный лагерник умел выразить свою мысль кратко и емко. Наше воображение зашкаливало: ведь с тобой на полном серьезе общается живой участник и свидетель

НИКАНДРОВ Николай Иванович родился в 1937 году в селе Решоты Красноярского края. Служил в армии на Тихоокеанском флоте. Окончил историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Работал учителем в средней школе, преподавателем в профтехучилище, в вузе. Служил на оперативной работе в КГБ СССР, полковник в отставке. В настоящее время является редактором “Сводного каталога культурных ценностей, похищенных и утраченных Россией в период Второй мировой войны”. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

неведомой, протекающей где-то за пределами охраняемых зон и рабочих площадок Краслага жизни.

Для нашей троицы из 5-го Б котельная поселкового клуба стала чем-то вроде “просветительного” салона. После уроков, а то и вместо них, мы спешили туда, помогали кочегару-бесконвойнику Никите загрузить дровами топку, рассаживались на поленнице “швырка” и терпеливо ждали, когда он вытрет ветошью руки и начнет читать стихи Есенина.

Голос Никиты был далек от рокота диктора Левитана или киноартиста Дружников, но мы в который раз взахлеб слушали волшебные послания поэта своей матери и собаке Качалова. Тайком перемигивались, когда Никита с пафосом начинал “Сыпь, гармоника. Скука, скука...”

Рассказы о скандалах поэта в ресторанах, особенно за границей, заметно поднимали волну наших симпатий к поэту.

Иногда рассказчика заносило, он начинал рассуждать о каком-то имажинизме, футуризме. Но, обнаружив спад нашего интереса к новой теме, обиженно затухал, погружался в некую прострацию.

С его слов было известно, что он учился в каком-то университете, изучал историю и литературу, а здесь тянул “десятку” по 58-й, за длинный язык. Никита наконец рискнул, передал-таки нам на короткий срок разлохмаченную книжку Есенина.

На этот раз морозным вечером мы возвращались с катка.

Как обычно, разговаривали во все горло. И возник между нами заполосный спор по поводу самоубийства поэта. Никита однажды проговорился, что Есенина, возможно, убили те, кто ненавидел Россию. И мы разошлись в оценках коварства и вероломства внутренних врагов.

За нашими спинами, как из преисподней, возникла внушительная фигура незнакомца, пожелавшего выяснить, о ком это идет такой жаркий разговор.

Мужик выглядел вполне интеллигентно: модное распахнутое полупальто типа “москвичка”, галстук, терпкий аромат “Шипра” и сивушных паров.

Он так и спросил: не “о чем”, а “о ком”. Это уже не “кураж” местного дяди. Но мы, потеряв бдительность, с некоторым вызовом назвали имя Есенина, которое на незнакомца подействовало странным образом. Мгновенно двое из нас были намертво схвачены за отвороты телогреек с тем, чтобы, по словам верзилы, проследовать “куда следует”.

Оставшийся “на свободе” Серега, малый не хлипкий, врезал странному гражданину своим увесистым портфелем (а в нем учебники и пара коньков “дутьшей”) по загривку. Тот бросился за убегающим обидчиком, но хромовые сапоги заскользили на железнодорожной наледи. Мужик не удержался на ногах и, грязно матюгаясь, капитально грохнулся в полный рост. Мы с Сашкой мгновенно нырнули под вагоны стоящего состава и сделали немалый крюк, обходя станционные здания, где располагался известный местным абorigенам оперативный пункт. Там круглосуточно дежурили бравые ребята из “мангруппы”. Они регулярно осматривали прибывающие из тайги вагоны с лесом в целях обнаружения беглых, вознамерившихся выскочить на просторы Транссибирской магистрали.

С Серегой мы встретились у входного семафора и попытались оценить ситуацию. Мужик основательно бухой, это ясно. Возможно, хотел просто попутать, но немного переиграл. А если бы приволок в комнату опергруппы?

Тогда пришлось бы объяснять, почему это нас, советских пионеров, увлекает творчество кулацкого поэта. В лучшем случае каждому из задержанных отвесили бы на прощанье доброго “пенделя”, и этим закончилось бы дело.

А если бы закрутили серьезное дело? Если бы потянули ниточку до Никиты?

Наглое посягательство на Есенина требовало достойного отпора. В жилах клочкотала досада после пережитого унижения. Возможно, это была первая наша встреча с неприкрытой подлостью.

Возникла идея – надо все-таки отыскать этого типа. Он наверняка ошивается на вокзале в ожидании местного “экспресса”, называемого в быту “рабочим”. Что будем делать при встрече с матерым мужиком, обсуждать не стали.

Мы вновь сошлись у станционных стрелок, одетые в немыслимое тряпье и вооруженные штакетинами.

Решили попутно забежать в школьный интернат и привлечь к поиску наглого проходимца старшеклассников.

Потребовалась агитация среди тех, кто не знал даже имени поэта. Несведущим оболтусам были прочитаны “Сыпь, гармоника... Скука, скука”, “Мне осталась одна забава – пальцы в рот да веселый свист...” Стихи были восприняты на “ура”.

Во главе солидной ватаги возбужденных подростков мы ворвались в станционный зал ожидания, осмотрели все углы, обошли вагоны “рабочего” поезда, заглянули в подсобные помещения и даже в комнату опергруппы. Но наш персонаж в “москвичке” и в хромовых сапогах как сквозь землю провалился. Орава взбаламученных нами пацанов в течение получаса, то есть до отправления местного “экспресса”, безрезультатно утюжила перрон и здание вокзала. После отхода поезда и недолгого перекура интернатские, разочарованные пустым нашествием, слегка переругиваясь, отправились в свой барак. А мы, незадачливые мстители, не находя сил достойно покинуть поле проигранного сражения, продолжали анализировать положение и не могли ему найти внятного объяснения.

Наконец рассудительный Серега Назаров, выросший в Магадане, где мотал срок его отец, подвел черту: “По-моему, этот тип перед нами просто куражился. И Есенин ему до фени. Пьет, небось, у какой-нибудь бабенки, а мы тут на стены лезем”.

Сашка, сын лагерного надзирателя, пытался возражать: “А чего же он лез за нами под вагоны?” Я принял сторону Сереги. И мы разошлись по своим хибарам.

Умер Сталин, на наших глазах прошла дикая амнистия, расстреляли Лаврентия Павловича, Никита Сергеевич разоблачил Иосифа Виссарионовича.

В отдельных лагерных пунктах начали снимать колючку, сносить вышки часовых. На дрова пустили лагерные заборы.

В открытой продаже появились одноклассники Есенина!

И вот бравым девятиклассником я отправляюсь в том же самом “рабочем экспрессе” к бирюсинским берегам навестить своего дядьку. Перелистываю приобретенный в пристанционном киоске сборник стихов Есенина и книжицу модного певца Ива Монтана “Солнцем полна голова”. Пожилой сосед с противоположной лавки, по всему – бывший лагерник, полистал мои приобретения и упрекнул: “С какого бодуна у тебя великий русский поэт оказался в одной компании с жалким французским водомутителем?”

Я в ответ нес что-то невразумительное и витиеватое о потребности постигать мир во всем многообразии. Сосед не возражал, только посмотрел на меня с затаенной лагерной тоской и пошел в тамбур покурить.

МАРИНА ПЕТРОВА

МАСТЕР РУССКОГО ПОРТРЕТА

Любимый московский портретист, переписавший, по словам современника, чуть ли не всю Москву, Василий Андреевич Тропинин как-то не очень вписывался в весьма распространенный среди художников и достаточно любимый ими жанр автопортрета. Нередко по автопортрету мы можем судить о том состоянии, в котором пребывала душа художника: подавленная скорбями или же, напротив, переполненная радостным ощущением жизни. Но чаще всего он возникает как отражение раздумий художника и потому интересен не только своей документальностью, то есть запечатленной внешностью автора, но прежде всего отображением его внутреннего, духовного мира. В этом откровении, исповедальности – подлинный смысл и назначение автопортрета, его особая, непреходящая ценность.

Тропинин оставил всего два автопортрета. Один из них – поздний, 1846 г., где он изобразил себя с палитрой и кистями в руках на фоне Кремля. О нем чаще всего и пишут. Но в центре нашего внимания его ранний, не столь широко известный автопортрет 1824 г. (Государственная Третьяковская галерея). И хотя его нередко публикуют в статьях и монографиях о творчестве Тропинина, но особого внимания ему, в отличие от портрета 1846 г., не уделяют. Своим автопортретом художник, уже не молодой человек, поведал о самом себе, о своей мягкой натуре, спокойной и доброжелательной, о своем внутреннем мире, в котором пребывает его душа, кроткая, тихая и смиренная. В этом произведении – ни слова о своей еще совсем недавней трудной, тяжелой доле, в которой и крепостная зависимость, и унижение, и попытка его помещика подавить рано проявившийся талант, пробивший все же дорогу в Академию художеств, и предательство своего учителя, и большая жертвенная любовь. Став уже известным художником, портреты которого современники, и не только москвичи, почитали за честь иметь в своем доме, завоевавший признание и уважение среди своих собратьев-художников, Тропинин за свою известность был графом отмечен “повышением”. Теперь он – старший лакей, которому, как великое благодеяние, вменялось обязательное присутствие при господской трапезе.

Родившийся в неволе, но с талантом, Тропинин не мог по собственному усмотрению распорядиться им. Отец художника, сам крепостной, но бывший при этом управляющим у графа Моркова, видя, как увлечение рисованием перерастает у сына в нечто более серьезное, обратился к графу с просьбой отдать сына в ученье живописцу. Скептически отнесясь к рано проявившемуся дарованию художника, граф Морков отправил его учиться в Петербург... кондитерскому делу. Там, в столице, будучи уже двадцатилетним юношей, он стал приходить на занятия в Академию художеств. Стать ее студентом не мог: официально крепостным доступ туда был закрыт. Но при этом для поощрения таланта все же дозволялось посещать академические классы. И назывались такие ученики не студенты, а вольноприходящие, “посторонние”. Вот таким “посторонним” и стал Тропинин, проучившийся в Академии с 1799-го по

1804 год. Это – слишком короткий срок, учитывая, что в целом курс обучения, начиная с Воспитательного училища при Академии художеств, а затем и в самой Академии, был рассчитан в общей сложности на 15 лет. В связи с этим говорить о качественном профессиональном образовании Тропинина не приходится. Недополученные знания, отсутствие полноты той школы, которую давала Академия, ему приходилось восполнять, можно сказать, всю жизнь.

Но в раннем автопортрете все эти драматические перипетии биографии художника остались “за кадром”. Его автопортрет – не рассказ о бесправной жизни крепостного человека, который не хозяин самому себе, а всегда, каждое мгновение, зависит от прихоти своего господина. Состояние, которое Тропинину приходилось переживать не раз. Достаточно вспомнить историю с отзывом художника из Академии по велению его владельца. В 1804 г., то есть на пятом году своего обучения в Академии, Тропинин написал картину “Мальчик с мертвым щегленком” и представил ее на академическую выставку. Написанная еще нетвердой рукой, к тому же на сюжет, заимствованный у очень популярного тогда в России художника Грёза, картина тем не менее была отмечена самим ректором Академии историческим живописцем Акимовым. Полотно подкупало необычайной добросердечностью и вместе с тем чувствительностью, с которой начинающий художник отобразил хрупкий, трогательный мир детства. Именно этими качествами, созвучными сентименталистским настроениям того времени, портрет тогда сразу же привлек к себе внимание и зрителей, среди которых – даже императрица Елизавета Алексеевна, залюбовавшаяся им. Примечательно в связи с таким успешным дебютом высказывание тогдашнего президента Академии графа А. С. Строганова: “Жаль, что Тропинин принадлежит упрямому человеку, а то можно было бы за него похлопотать” (1). И в этот счастливый момент, когда поддержка и профессионалов высокого ранга, и даже сильных мира сего пробудила столь радужные надежды, он получил предательский удар в спину. И от кого? От своего же учителя. Руководитель портретного класса, С. С. Щукин никогда, по его же собственному признанию, не знал ни фамилии, ни тем более отчества своего “постороннего” ученика и обращался к нему исключительно по имени и, разумеется, на “ты”. Не скрывавший зависти к талантам своих подопечных, откровенно сокрушавшийся, что воспитывает себе же конкурентов, Щукин тут же поспешил уведомить графа Моркова о возникшем намерении Академии “похлопотать” за Тропинина и посоветовал ему взять своего крепостного человека “к себе поскорее” (2). Обеспокоенный таким известием, граф немедленно отозвал Тропинина и заточил его на долгие годы в своем имении Кукавка на Украине.

Но нет худа без добра. Там, в Кукавке, художник и встретил свою любовь, но на пути к обретению счастья встало одно очень серьезное и, казалось, непреодолимое препятствие. Его Аннушка, в отличие от него самого, была свободной. Если же она выйдет за него замуж, то и сама попадет в крепостное рабство. Но ее собственное желание, стремление быть рядом, быть вместе с любимым оказалось сильнее, и она пожертвовала своей свободой. Движимый не только счастьем, благодарностью, но и преклонением перед жертвенным подвигом любви, что была дороже свободы, пишет художник портрет жены (1809), созданный вскоре после свадьбы.

С портрета на нас смотрит молодая женщина с затаенной улыбкой на чувственных, чуть приоткрытых губах. С любовью выписывает художник это лицо: его мягкий, нежный овал, тонкий нос, веки, слегка нависающие на большие светло-карие глаза. В этом чистом, светлом взоре – с трудом скрываемое чувство. И в то же время ее взгляд – словно мгновение, схваченное во время разговора, словно она что-то не договорила. Что-то очень важное для художника и что он дополнил в портрете своим собственным отношением к модели – затаенное, сокровенное. Потому и фон картины – приглушенный, неяркий, хранящий в себе некую таинственность, в которую погружены чувства и самого художника, и его модели. Они ощутимы и в пряди темно-русых волос, завитками кокетливо выбившейся из-под чепца, и в легком трепете прозрачных кружев, красиво обрамляющих лицо. Этими чувствами пронизано тонкое лессировочное письмо портрета, согрет его теплый светло-розовый тон. Они в этих лучистых глазах, источающих доброту и нежность, которыми светится это бесконечно дорогое художнику лицо, рождая образ красоты, образ-идеал, утонченный, светлый, возвышенный. Этот портрет как откровение

его души, переполненной любовью, счастьем и восторгом. Но при всем том Тропинин все же остается очень сдержанным. Его художественный язык не скупой, но и не велеречивый, а тихий, мягкий, камерный, созвучный тем глубоко интимным чувствам, что связывают здесь художника и его модель. Вот это прикосновение к самому сокровенному, что хранит человек в тайниках своей души, и будет в дальнейшем определять характер его искусства, определяя самую природу камерности его портретов.

Там, в Кукавке, художник пишет портреты таких же, как он, простых людей, пробует свои силы в пейзажной живописи. Правда, пейзаж в этом случае оказывается все же фоном, условным, нереальным, но лирическая интонация его так созвучна романтическому миру девичьих грез. Введение пейзажа в портретную композицию встречается и в более ранних работах художника, где он еще достаточно робко и не всегда умело решает эту новую для него проблему. Например, в “Семейном портрете графов Морковых” (1815) идиллическая тишина пейзажных далей никак не коррелируется с условно сочиненным интерьером. Искусственная привязка пейзажа лишила картину композиционной и пластической целостности, а ее образный строй – органики и эмоциональной полноты. И хотя поставленный эксперимент оказался малоудачным, тем не менее интереса к новой для него художественной задаче он не утратит и даже напротив, в дальнейшем будет нередко к ней обращаться.

Между тем в самом соединении портрета и пейзажа, в принципе, никакой новизны нет. Впервые эту попытку, раздвигая рамки традиционного портрета, предпринял еще в 1790-е годы замечательный художник В. Боровиковский. В последующие десятилетия эта тенденция будет лишь набирать силу, попутно впитывая в себя на протяжении всего XIX в. и достижения пейзажной живописи, все более и более тяготеющей к пленеру. И потому “проба пера” Тропинина носит отнюдь не случайный и тем более не компилятивный характер, а свидетельствует о чуткости его творческой природы, способной “услышать”, воспринять это новое веяние в искусстве портрета. И потому оторванность мастера от насыщенной художественной жизни обретает особую остроту.

Лишенный возможности участвовать на академических выставках, учиться у своих же друзей-однокашников, среди которых – будущие корифеи портретного искусства Кипренский, Варнек и другие, Тропинин все же остается художником, с признанным талантом которого было вынуждено считаться графское семейство. И потому он не отсылается ни на скотный двор, ни на другие тяжелые хозяйственные работы. У него – свой угол и даже мастерская, но нет ни прав, ни свободы, на него смотрят как на вещь, которой можно распорядиться по своему усмотрению. И потому в свое время одна из дочерей графа в преддверии своего замужества, как само собой разумеющееся, попросит отца отдать ей Тропинина в качестве приданого, точно так же, как в свое время сам граф заполучил всю семью Тропининых как часть приданого его будущей жены, урожденной графини Миних. Граф Морков откажет своей дочери, но не потому, что увидит в этом нечто безнравственное, а потому, что прекрасно сознавал, каким сокровищем он владеет. Довольный и даже в известной степени гордившийся тем, что имеет лакея с почти академическим образованием, он поручает ему создание портретов и собственной персоны, и своего семейства, а также своих родственников и знакомых и даже разработку проекта новой церкви. Впоследствии именно в ней художник и венчался. С этого торжественного и радостного события и началась приходская жизнь только что освященной церкви, что была построена и расписана Тропининым. И благословил батюшка тогда молодых также написанной им иконой, еще хранящей свежий запах краски.

Иными словами, даже при неблагоприятных условиях крепостной жизни начинается активная творческая деятельность Тропинина, в которой – и продолжавшееся студирование профессиональной грамоты, и углубленное освоение основ портретного искусства, и внимательное изучение природы. Эту науку художник будет постигать всю жизнь. “Нужно всегда, постоянно, где бы вы ни были, вглядываться в природу и не пропускать ни малейшей подробности в ее игре” (3), – говорил он, став уже знаменитым.

Тропинину, портретисту по призванию, по самому естеству его таланта был вообще интересен человек сам по себе, такой, какой он есть. А кроме того, он имел доброе и отзывчивое сердце, мягкий характер и кроткий нрав, не благоприобретенный в крепостной неволе, а данный ему от природы. Благо-

даря этим качествам он сумел и в Академии довольно скоро приобрести дружественное расположение и уважение к себе не только среди студентов, но и профессоров, благоволивших ему за “постоянную любовь к искусству” (4). Благоприобретенной была для него вера, укреплявшая его в смиренности и терпении, подавляя самость, что питается тщеславием и гордыней. И потому он избежал трагического конца многих художников, имевших несчастье родиться крепостными. В отличие от них, он не спился, не покончил с собой, а безропотно и тихо, без всякой надежды на лучший исход нес свой крест, не бросая вызов судьбе, а принимая ее такой, какой она была ниспослана ему. Но при всей своей кротости Тропинин, как отмечал один из самых первых исследователей его творчества Н. Рамазанов, “обладал сильным характером, постоянно находившим опору в непоколебимой вере в Провидение. Все обидное переносил он с высоким терпением и посреди всех художественных занятий совершенно забывал все окружавшие его неприятности, и трудился до упаду...” (5). Жадный до работы, он был даже счастлив, что может заниматься любимым делом, не встречая препятствий со стороны графа, но, напротив, в этом отношении даже поощряемый им, хотя и не без издержек.

В 1815 г. по желанию графа художник пишет большой групповой портрет его семейства. Эта работа в известной степени – проба пера, поскольку опыта создания таких многофигурных композиций у него еще не было. Своими фризovým построением, расположением, словно перечислением в ней фигур, она вполне вписывалась в весьма распространенную тогда форму произведений подобного рода. Для придания полотну большей значимости, даже известной торжественности художник ставит на втором плане мраморное изваяние старца в духе античной скульптуры, фланкируемой двумя тонкими, изящными колоннами, и перекидывает через них тяжелую, декоративно трактованную драпировку, заимствуя этот прием от репрезентативного портрета XVIII века. На этом фоне, свидетельствуя о приверженности графа к традициям прошлого, к самому классицистическому духу еще совсем недавнего, но уже минувшего века, изображены и сам граф, и его дети, и даже гувернантка, обучающая младшую дочь игре на клавикордах.

Художник фиксирует центр картины фигурой старшей дочери Натальи в светлом платье, белизна которого подчеркнута контрастным сопоставлением с темным фоном. Тот же колористический ход применяет художник и в живописи ее сестры, оттеняя тем самым чистоту и свет этих юных душ. Слева – молодые люди, сыновья графа, оказавшегося таким образом в тесном окружении своих детей, что должно было символизировать радость и счастье пожилого отца, образ которого и становится смысловым центром всей композиции.

Художник изобразил главу семейства сидящим в кресле, в свободной позе, естественной и непринужденной, уверенным в себе, хотя и без официоза, но все же с достоинством и вместе с благодушной улыбкой на широком, дородном лице. Вместе с тем в пластике его фигуры, этой прямой спине, общей выправке, в четко выписанных и сразу бросающихся в глаза ордене на шее и на груди есть как бы некоторая задача себя. Презентация и своего положения, и своей воинской доблести, проявленной на поле брани не только в далекой молодости, но и совсем недавно – на Отечественной войне 1812 г., в которой он участвовал как начальник московского ополчения, единогласно избранный дворянством первопрестольной. Рядом, в духе моды, – любимая комнатная собачка, спокойно и преданно лежащая у ног своего хозяина. Тропинин в портрете графа, в самом облике его ничего не прибавил и не убавил. Рассказал все, как есть, без критического анализа, но и без холопского подобоострастия, а так, как по доброте своей сердечной вообще воспринимал людей. Это качество натуры художника будет определять и своеобразие самой природы его искусства, как его характерная особенность и даже как его основа. Отсюда и столь характерный для его полотен колорит, выдержанный в теплых, коричневых тонах с их тончайшей градацией.

Наиболее интересны среди них живописные этюды, на которых запечатлены, в частности, дочь графа Наталья и его сыновья Иракий и Николай.

Детский портрет пройдет через все творчество мастера как его своеобразная отдушина. Он будет писать детей с игрушками, животными, книгами, музыкальными инструментами. Нередко с птичкой – этим небольшим, хрупким существом, с которым сопоставима и сама детская душа, столь же хрупкая, незащищенная, но открытая и доверчивая. И потому в колорите этих про-

изведений доминирует почти всегда белый цвет в живописи или платья, или в рубашках у мальчиков с расстегнутым, широко распахнутым воротом. Художник внимательно вглядывается не столько в эти милые детские лица, сколько в мир детства, по-своему озабоченный и в то же время радостный, восторженный, столь же наивный и непосредственный. Этот мир очень близок художнику своей неискусственностью, своей естественностью и простотой. Но зачастую заказной характер этих произведений не позволял художнику наполнить их столь тонко услышанной интонацией, в которой удивительным образом реальная жизнь перемежается с детской фантазией, с ее грезами, радостями и печалью. И потому у его юных героев в подобных случаях появляется иной раз взгляд какой-то совсем не детский, а по-взрослому сосредоточенный, серьезный, с претензией на глубокомысленность. Но даже здесь Тропинину все же удается передать это чудное, неистребимое очарование, обаяние детства, как, например, в картине “Мальчик с жалейкой” (1820-е, ГТГ) – романтизированным портрете одного из сыновей графа Моркова.

В его детских портретах нет снисходительности, заигрывания, равно как и нет слащавого умиления. Напротив, этот особый вид “натуры” он воспринимал не менее серьезно, чем жизнь взрослого человека, а в чем-то, может быть, и тоньше, острее, с большей чуткостью и даже нежностью. Все это, возведенное в высокую степень отеческой любви, пронизывает собою подлинный шедевр Тропинина – “Портрет сына Арсения” (1818).

Портрет написан в излюбленной теплой, золотисто-коричневой гамме. При этом примечательно решение неброского, неяркого фона, но который при всем том не бездействует в портрете, не нейтрален к нему, а существует как своего рода интродукция его живописной программы. Здесь и нюансировки в живописи оконного проема, и активизация света, и контрастное проецирование светлого пятна на темное, и темного на светлое. А затем, уже в изображении самого мальчика, все эти заявленные живописные свойства получают свое развернутое воплощение. То перемежаясь, то сливаясь в колористической гамме, они под действием света выявляют богатую живописную палитру: от глухого, плотного в тенях до нежно-охристого и даже разбеленного, прозрачного в ярких лучах света. И потому фактура почти монохромной живописи портрета – не сухая, не статичная, а, благодаря свету, необычайно подвижная, живая. Свету здесь вообще принадлежит главенствующая роль, он определяет не только колористический, но и эмоциональный настрой.

Льющийся откуда-то слева свет прошелся по шелковистым волосам мальчика, нежно перебирая их золотистые пряди, значительно смягчая проекцию головы на темную стену и тем самым нейтрализуя воздействие этой темени, что возникает здесь как бы образом судьбы, неизвестной, непроглядной, что стоит за этим юным существом. А рядом – данный в боковом ракурсе фрагмент глубокого проема окна в лучах летнего солнца. Теплый, неяркий свет, выдерживая натиск этой глухой темени, здесь словно символ веры и надежды отца, его мечты о неомраченном будущем своего сына.

И хотя художник довольно активно использует прием контраста, но дает его не резким и уж тем более не самодовлеющим. Глубокие, насыщенные тени все время как бы нейтрализуются мягким светом: от притушенного в живописи фона, а также куртки мальчика, его жилета, до усиленного в живописи его лица. Но при этом даже блики на выступающих его формах – на лбу, на горбинке носа, надбровных дугах, пухлых губах – несколько смазаны, выявляя при этом мягкость, нежность кожных покровов детского лица. Взятые белила художник лессировками растворяет в светлой охре, снимая тем самым бликующую яркость свечения. От этого письмо приобретает несколько сглаженный, матовый оттенок, словно жемчужина, светящаяся изнутри. Постоянно обогащаясь все новыми оттенками цвета, его нюансами, сама живопись включается в общую систему построения образа как отражение характеристики самой натуры ребенка. Натуры живой, непоседливой, впитывающей в себя все новые впечатления, легко и непосредственно воспринимающей мир душой открытой, светлой, возвышенной. Именно в этом портрете художник впервые в русском искусстве воссоздает не только образ первозданной чистоты души, но ее изначально озаренной, одухотворенной красоты. Этот великий – Божий – дар как идеал и проповедует в своем произведении Тропинин.

Его творчество органично вписывается в общую панораму русской живописи, пронизанной христианским духом, который в наибольшей степени

проявлялся не столько в религиозной живописи, сколько в произведениях на мифологический, собственно исторический сюжет, жанровых композициях, портрете и т. д. И предшественники, и современники Тропинина, уловив художественные и стилистические тенденции в искусстве своего времени, тем не менее главным для себя почитали даже не самоценность живописи, достоинство яркой художественной формы как таковой, а прежде всего ее духовную наполненность. Это качество, это своеобразие как отличительная особенность русской живописи заявило о себе сразу, уже на самой ранней стадии развития отечественного светского искусства. Даже в XVIII в., с его поклонением просветительской идеологии, тем не менее в русском искусстве верх над ее рационализмом взяла созерцательная природа национального сознания, религиозная по преимуществу. Отсюда – духовные основы русской живописи, поэтическая образность которой определялась не только тематически и идейно, но прежде всего теми православно-христианскими ценностями, что проповедовали своим творчеством художники. И Тропинин занимает в нем свое достойное место.

Уже в его ранних работах выявляется и еще одна очень важная сторона его творчества. Наиболее ярко она оказалась выражена в созданном в том же 1818 г. портрете Н. М. Карамзина, историка, ученого, в трудах которого оживала история государства Российского. В этом произведении раскрылась удивительная способность мастера тонко и деликатно прикоснуться к внутренней жизни человека. Художник говорит о ней сдержанно и немногословно, но раскрывая при этом масштаб самой личности его модели. Крепко сжатые губы, впалые щеки, но с ярким румянцем, – уже немолодой Карамзин, тем не менее, несмотря на свой возраст, полон жизни, сил и энергии. Удивительно проявившееся в портрете умение художника всего одной, казалось бы, малосущественной деталью многое сказать, выразить. Несколько небрежно повязанный галстук стал такой многоговорящей подробностью, отобразившей в Карамзине, выявлявшем исторические связи в пространстве и времени, отчужденность этого человека от мелочной повседневности. Его взгляд, устремленный на зрителя, – строгий, сосредоточенный и вместе с тем исполненный высокой мысли, поднимающей его над суетностью жизни.

Художник притянул звучание цвета, подчеркнул само лицо, на котором и сосредоточил свое главное внимание, не скрывая взаимного притяжения художника и его модели. С той лишь разницей, что Тропинин всматривается в самую личность Карамзина, сумев в его характеристике схватить главное, а тот смотрит на нас с высоты знаний тех сложных, зачастую кровавых перипетий истории, что вершит судьбы народов. Но при этом портрет лишен какой-то выпренности, дидактической назидательности, которыми наградил бы своего героя художник XVIII в. А Тропинину чужда сама атмосфера котурн и помпезности. Ему гораздо важнее передать внутреннее состояние человека, прозревавшего сквозь века. И потому взгляд Карамзина, пронзительный, исполненный глубоких раздумий, обращен к зрителю как некое предупреждение о возможных будущих катаклизмах, если народ забудет свое прошлое.

“Портрет сына” и “Портрет Карамзина” – существенная веха, и не только в творческой биографии самого художника. Внимание к внутренней жизни человека, миру его души и вместе с тем стремление осмыслить масштаб самой личности определило дальнейшую направленность и даже последовательность развития отечественного портретного искусства. Эти работы стали своего рода предтечей возникшего много позже психологического портрета, а затем и еще более значимого художественного явления, озаглавленного “Портретом Достоевского” (1872). Перов наполнил свое произведение уже не только душевным движением человека, но отобразил впервые его ДУХОВНЫЙ мир, что и составляет, говоря словами самого писателя, “главную идею лица”. Но появление гениального произведения Перова было предпринято пятьдесят с лишним лет назад созданием Тропининым “Портрета сына” и “Портрета Карамзина”, которые таким образом не просто органично вписались во внутреннюю линию развития искусства русского портрета, но сыграли важнейшую роль в определении его вектора.

Художник не сидит безвылазно в Кукавке, а по поручению графа нередко выезжает в Москву. Ему, лишенному возможности не только непосредственного общения со своими друзьями-академистами, но и постоянной учебы у великих мастеров прошлого, жизнь в первопрестольной – словно живитель-

ный воздух. Посещение частных картинных галерей, а главное, обретение столь близкой ему творческой среды – все это рождало ту атмосферу, в которой купалась его душа, насыщаясь художественными впечатлениями. Но не только. Здесь предоставлялась возможность сопоставить и свое творчество с теми тенденциями, идеями, которыми жило современное ему искусство. Он не подстраивался под его новизну, но сверял с ней свое видение, свое понимание задач и целей искусства, свой мир образов, который рождался в его художественном сознании.

Живя в Москве порой довольно продолжительное время, Тропинин успевает написать множество портретов. Его передают буквально с рук на руки. Не потому что стал модным, а потому что его портреты, находившие живой, сердечный отклик в его моделях, и определяли сами по себе эти новые художественные веяния, востребованные временем. Это и московские дворяне, почитавшие талант художника за его мастерское умение передать вольный дух москвича и широту его души. Это и купцы, полюбившие Тропинина за его стремление наделить сословный портрет и достоинством, и уважением. В портретной галерее Тропинина и поэты-разночинцы.

Новизна видения, восприятия человека, освобожденного от официоза, запечатленного не в стойке навтыяжку, застегнутым на все пуговицы, а нередко в домашней обстановке, и отличает московские портреты Тропинина, в которых мастерски передан вольный дух москвича, широта и открытость его души. В них человек присутствует как-то очень естественно и непринужденно, и одет он зачастую просто, по-домашнему и даже в халате. Отсюда пошла целая серия так называемых “халатных” портретов Тропинина, интересная не только новым ощущением жизненности, вообще самого бытия человека, но и попыткой отобразить особенность душевного склада совершенно конкретного человека, раскрыть его характер. В этом отношении особенно интересны созданные в 1823 г. портреты Булахова и Равича, в которых камерность искусства Тропинина открывается еще одной своей – новой гранью.

Оба портрета, близкие по форме, по решению художественных задач, тем не менее отличаются прежде всего выявленной в них индивидуальностью модели.

Своего приятеля Петра Булахова, известного тогда оперного певца, первого исполнителя знаменитого романса Алябьева “Соловей”, художник изобразил не в окружении цветов и лавровых венков, а вне всех этих атрибутов славы, всеобщего признания и поклонения. Да и сама дружба их зародилась не в шуме оваций. Их сблизил присущий обоим и мягкий характер, и доброжелательность, и тонкий, лирический склад души. Художник наполнил портрет атмосферой этой внутренней близости, обусловленной и взаимопониманием, и расположенностью друг к другу. Мы застаем певца дома, в халате, где он пребывает без прикрас, без маски, а сам собой. Его темные волосы, завитые и постриженные по моде, уложены не тщательно, а в классическом беспорядке обрамляют лицо. Художник считал, что “некоторая небрежность во всем этом (прическа, убор, платье) составляет красоту и приятна для глаз” (6). Но вместе с тем эта заведомая “небрежность” и позволяет, кроме всего прочего, отобразить внутреннее самоощущение, то особое отношение модели к художнику, которого он не стесняется, а относится просто, по-свойски. Обращенный на зрителя взгляд – тихий, спокойный, задумчивый и вместе с тем как бы располагающий к беседе. Герой Тропинина вслушивается в слова человека, с которым ведет свободный, доверительный разговор. Передавая этот внимательный, целенаправленный взгляд, художник как бы прикасается к душевному состоянию своего героя: его внутренней сосредоточенности, известной самопогруженности. За внешней простотой, открытостью и артистизмом далеко не простой, сложный мир человека. Мир, в котором царит доброта, но не размыгченность, а какая-то внутренняя собранность, что и порождает этот задумчивый взгляд, в котором за внешней строгостью, серьезностью отчетливо просматривается благородная личность с высокими, одухотворенными помыслами. Уже первые биографы мастера сумели подметить и оценить это качество портретов Тропинина, в которых “все соображено, почувствовано до утонченности, ... и вам представляется облагороженная натура, очищенная от всех случайностей, и какое-то одухотворенное сходство” (7).

Но портрет Булахова интересен еще и новизной палитры художника. Сдержанная в более ранних работах мастера, она отличалась даже известной

монохромностью, хотя и сотканной из малейших нюансов в пределах одного цвета. В портрете Булахова она явно претерпевает значительные изменения, становясь богаче, красочнее, разнообразнее. Да и сам цвет впервые у Тропинина начинает даже выявлять свою декоративность. Вместе с тем достигнутый им ранее уровень мастерства в разработке цвета, вплоть до тончайших переходов, но в пределах одной гаммы, теперь позволил ему с необычайной легкостью создавать сложные колористические построения. Он добивается необычайной живописности в самом характере сочетания, взаимодействия цветов. Но организующее начало здесь принадлежит свету, который то сближает цвета, растворяя их друг в друге, то разводит в глубокие, до черноты, тени. При этом, соединяя разные по звучности, по насыщенности цвета, художник избегает резких контрастов, сглаживая их светом, который живет здесь какой-то своей, активной жизнью. Он то затухает в матовой фактуре темно-голубого халата, приглушая блеск его серого мехового воротника, то начинает постепенно набирать силу в свободно повязанном галстуке, прописанном легкими, едва намеченными бежевыми тенями. Нарастая в белизне распахнутого ворота сорочки, свет, восходя все выше и выше, вдруг начинает искриться, играть яркими бликами на лице. Его живопись, озаренная светом, словно соткана из его мельчайших градаций, и потому лицо воспринимается не вывученным из таинственной темноты, а как бы само источающим этот мягкий, теплый свет, пред которым отступает окружающая тьма. Пожалуй, впервые художник идет здесь на серьезный риск, проецируя эту своеобразную светопись лица на почти такой же светлый фон, что способствует и выявлению пространственной глубины, и объемному построению форм. И все же главное здесь для художника передать силу того внутреннего света, что несет в себе сам человек – свет доброты, задушевности, любви.

Присущее Тропинину человеколюбие тем более распространялось и на простой люд, к которому художник испытывал особое отношение. Это и крепостной художник В. С. Энев (1820–е), в портрете которого Тропинин изобразил его тонкую, поэтическую натуру. Это и “Старый ямщик, опирающийся на кнутовище” (1820–е), в котором за остротой взгляда исподлобья художник почувствовал столь знакомое ему страдательное состояние души. Это и каменотес С. К. Суханов (1823), в портрете которого получили свое образное воплощение талант и мудрость самородка. Столь пристальное внимание к человеку из народа, испытываемое изначально уважение к его труду приводит художника к созданию новой портретной формы, в которой человек и осуществляемое им действие соединяются очень естественно и органично. Так в русском искусстве возникает новое художественное явление, получившее название “бытовой жанр”. Правда, его родоначальником считается А. Г. Венецианов. Не оспаривая это положение, тем не менее следует заметить, что произведения этого рода живописи появились у обоих художников практически в одно и то же время. С той лишь разницей, что у Венецианова в отображении и места, и самого характера действия, естественно, активизирована роль пейзажа, в то время как у Тропинина при тех же самых задачах – предметная среда. Потому и неважно, кому принадлежит пальма первенства, поскольку в творчестве и Венецианова, и Тропинина раскрылась многогранность бытового жанра, способного отразить труд и быт простых людей в образах, исполненных красоты и высокой поэзии. Правда, у Тропинина со временем бытовая сторона жизни будет все больше увлекать художника, внимание которого сосредотачивается, в частности, на передаче различных фактур: тканей, дерева, металла. Потому и роль предметного окружения со временем будет все более активизироваться. В портретных композициях появится повествовательность, рассказ о жизни человека: круге его чтения, интересах и пристрастиях, затмевая собой его внутренний мир, то состояние души, то “одухотворенное сходство”, которое Тропинин умел так тонко почувствовать и передать.

В своих “Кружевницах”, “Золотошвейках”, “Пряхах”, “Позолотчиках” и т. д. художник запечатлел людей, социально близких ему, которых хорошо знал. Судя по предварительным рисункам, эскизам, художник сначала шел, как всегда, от натуры, пытаясь запечатлеть конкретного человека. Но в рамках частного факта все сводилось лишь к его констатации, что придавало произведению известную репортажность, сковывающую творческое воображение. Специфика только еще нарождавшегося русского жанра продиктовала совершенно новые условия – не портретное сходство, а принцип типизации и тесно связанное

с ним тяготение к большому обобщению. Все запечатленные за рукоделием его мастерицы представляют собой не конкретный, а собирательный и вместе с тем опозитивированный образ. Не случайно уже современники и последующие исследователи творчества Тропинина называли его “русским Грёзом”, с которым его сближает и “выбор юных сентиментально-хорошеньких головок, — писал, в частности, А. Бенуа, — и сочная, спокойная гамма красок” (8). Но если “головки” Греза носили отвлеченный характер и создавались исключительно для украшения интерьера, для придания ему интимной атмосферы, навевая сентиментально-чувствительные настроения, столь характерные для конца XVIII в., то работы Тропинина порождены совсем другими художественными помыслами. Персонажи его полотен, несмотря на всю свою обобщенность, тем не менее были очень жизненны, узнаваемы. Вместе с тем человек труда у него исполнен какого-то внутреннего достоинства. А главное, для Тропинина люди труда — эта такие же, как и он сам, крепостные. Отсюда — особое, трепетное любование этими девушками, чудом творения их золотых рук. И поэтому социальный момент как таковой отходит на второй план. Тропинин — не обличитель, он — художник, воспевающий красоту человека, его талант, Богом данный, независимо от его социального происхождения.

Наиболее ярко и сам жанр как новое явление в русском искусстве, и позиция самого художника, его отношение, его понимание цели и задач жанра проявились в одной из самых первых работ этого рода живописи — знаменитой “Кружевнице” (1823). Природа жанра определила и сам характер композиции. Мы как бы вместе с художником заглянули туда, где трудится эта красивая молодая девушка. И она на наш неожиданный визит, словно на мгновение, отвлеклась от своих коклюшек и внимательно, как это и присуще портретам Тропинина, смотрит на нас. Но в ее взгляде нет ни кокетства, ни любопытства. Напротив. В этих широко открытых глазах — какой-то свой потаенный мир, какая-то полнота чувств и мыслей, которые тесно переплелись в ее душе, как это тонкое, прозрачное кружево, что не выставлено на показ, как свидетельство ее труда, а виднеется маленьким фрагментом, теряющимся в широких складках белой ткани — основы. Эта картина не о социальной характеристике труда, а о его творческом начале, рождающем красоту, обогащая окружающий нас мир. Тонкий нос, красивые очертания припухлых губ, мелкие завитки волос, выбивающиеся из-за ушей, и какой-то глубоко сокрытый темперамент, сила жизни в этих глазах и в этом взгляде. И сама эта девушка — вся как бы соткана из ощущения красоты, которую художник привнес и в живопись ее лица, и в этот плавный, изысканный изгиб ее руки, эти пальцы, легко, изящно перебирающие коклюшки, и в эту ткань, ниспадающую красивыми изломами. И лицо девушки, тронутое нежным румянцем, и фисташковый отлив ее платья, красиво гармонирующий с кисейным платком, будто сотканным из солнечных лучей, и руки, тонко прописанные прозрачной лессировкой, да и сам предмет ее труда — все это залито здесь светом. Им, можно сказать, живет, дышит портрет, обнаруживая, как писал тогдашний критик, “чистую, невинную душу” (9).

Таким образом, и в бытовом жанре подлинным героем произведений Тропинина оказывается не внешняя, а внутренняя красота человека, источающая свет, особый, одухотворенный. Такое восприятие человека, открытие в нем самом его доброго, светлого начала ложилось на сердце зрителей, рождая благодарный отклик. И потому заказчики тянулись к этому художнику, умевшему даже простого человека духовно возвысить, воспеть красоту его души, полагая, что и “сам человек делается чище, нравственнее” (10). В этом высказывании самого Тропинина ощутимо просматривается его явная приверженность апостольской заповеди: “Ибо призвал нас Господь не к нечистоте, но к святости” (1 Сол., IV, 7), чему и служило его искусство.

1823 год оказался необычайно плодотворным для художника. Речь не о количестве созданных им портретов, а о той качественной новизне, что обрело его искусство.

А вскоре журнал “Отечественные записки” опубликовал статью, в которой знакомил широкую публику с новым художником. “Тропинин — крепостной человек гр. Моркова. — писалась в ней. — Он также учился в Академии художеств и имеет счастливые дарования и склонность к живописи. Колорит его похож на Тицианов” (11). Вот на какой уровень поднимала Тропинина уже тогдашняя критика, сопоставляя с великим живописцем! Вместе с признанием таланта росла и популярность мастера, широкая востребованность его искус-

ства. Он стал знаменитым. Но эта слава все более и более входила в противоречие со статусом Тропинина, его положением крепостного. Нарастающую тяжесть давления и со стороны прессы, и со стороны самого общества все острее начинает ощущать и сам граф Морков, вынужденный в конце концов подчиниться общественному мнению. Есть какая-то закономерность, какая-то высшая справедливость в том, что не в серые будни 1823 г., а на светлый праздник Пасхи – главный праздник всех православных – граф в присутствии и домочадцев, и прислуги вручил своему старшему лакею не пасхальное яичко, а грамоту, официально освобождавшую его от крепостной зависимости.

И сразу же обретенная свобода ощутимо сказалась на его судьбе. В этом же году Академия художеств избирает его своим членом и предлагает преподавательское поприще. Став академиком, Тропинин тут же получает огромное количество заказов на общую сумму 14 тыс. руб. – по тем временам очень большие деньги. Но художник отказывается и от посыпавшихся на него заказов, и от места преподавателя. Натерпевшись в неволе, он слишком дорожит своей свободой. К тому же граф, прекрасно понимая, что он теряет, постарался моральными узами привязать к себе художника. Отпустив Тропинина, он оставил в крепостных его сына, который, спустя годы, получит свою свободу, кстати, тоже не в рядовой день, а в праздничный – на Благовещение. И в этом также проявит себя какая-то Высшая благая воля, принеся не только человеческую, но и духовную радость отцу. Таким образом, возник целый ряд причин, по которым художник предпочел остаться в Москве. И здесь на следующий год он и пишет свой первый автопортрет, с которого мы начали наш рассказ.

Можно сказать, что своим автопортретом Тропинин, еще вчера крепостной, отметил первую годовщину полученной наконец-то свободы и вместе с тем как бы подвел итог всему предшествующему периоду творчества.

В этом смысле “Автопортрет” 1824 г. вместили в себя наиважнейшие вехи судьбы мастера. В нем сквозит и внутренняя раскрепощенность, и достоинство свободной личности, и независимый творческий дух. Единственное, чего здесь нет – это эйфории, которая могла бы продиктовать портрету определенную парадность, дабы запечатлеть торжество момента. Но данная портретная форма посягала бы на глубоко религиозные чувства Тропинина, поскольку в таком репрезентативном портрете торжествовали бы элементарное тщеславие и гордыня, что было абсолютно чуждо его православной душе.

Тихим и скромным предстает он на портрете в своей подлинности и натуральности, без прикрас и преувеличений, не стесняясь ни своей полноты, ни пухлых щек, ни округлости лица с широкими скулами. Полные губы осветила легкая полуулыбка, придавшая выражению лица мягкость и добродушие. Этой интонации вторит и матовая живопись, выдержанная в его излюбленных коричневых – теплых – тонах, и свет, что мягко, без резких перепадов скользит по лицу, живописной тенью моделируя его формы и очертания. При этом блики – неяркие, сглаженные, без резких контрастов. Но в широком развороте плеч, в прямой осанке, в пластической выразительности чуть откинутаго назад головы на фоне бескрайнего пространства светлого фона ощутимо состояние внутренней приподнятости, что питает и вдохновение, и полет души, возвышенной и одухотворенной. И лишь взгляд, внимательный, сосредоточенный и даже пронизательный, выдает в нем человека, способного прозревать людские души.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Рамазанов Н. Василий Андреевич Тропинин. “Русский вестник”, 1861, т. 36, с. 53.
2. Там же.
3. Астракова Т. Воспоминания о В. А. Тропинине. “Современная летопись”, 1869, № 12, с. 10.
4. Рамазанов Н. Указ. соч., с. 52.
5. Там же, с. 55.
6. Астракова Т. Указ. соч., с. 10.
7. Рамазанов Н. Указ. соч., с. 80.
8. Бенуа А. Н. . Русская школа живописи. М., 1997, с. 43.
9. “Отечественные записки”, 1823, № 42, октябрь, ч. 16, с. 142.
10. Астракова Т. Указ. соч., с. 11.
11. Цит. по кн. А. Погодиной. Василий Андреевич Тропинин. М., 2001, с. 12.

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

“УГЛЫ” ПРОФЕССОРА ДУРЫЛИНА

К 125-летию со дня рождения Н. Дурылина

Совсем недавно в издательстве “Колеров” тиражом всего в 500 экземпляров, как почти всегда и выходят сейчас такие издания, появился сборник “С. Н. Дурылин и его время”, которого, не будет преувеличением сказать, очень долго дожидались исследователи и почитатели обширного творческого наследия Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954), известного деятеля культуры первой половины XX века, соединившего в себе (как это уже достаточно хорошо известно) и исследователя искусства, и религиозного философа, и писателя-прозаика, и поэта, и мемуариста, и автора дневниковых записей, заставляющих вспомнить Розанова, под заглавием “В своём углу”.

Фигура С. Н. Дурылина – очень сложная и своеобразная – в последнее время всё напряжённее привлекает к себе внимание и интерес довольно широкого круга исследователей искусства и философской мысли XX века, да, пожалуй, и просто культурных и образованных читателей. В последние годы появилось немало публикаций различных его произведений, ранее пребывавших в полном забвении и бывших достойным разве что узкого круга лиц, прикосновенных к его архиву.

Творческое наследие С. Н. Дурылина в очень значительной его части – культурно-исторический фон, на котором оно происходило, его связи с современниками, в основном с деятелями русского “серебряного века” – такими, как Г. И. Чулков, братья Н. К. и Э. К. Метнеры, Л. Л. Эллис-Кобылинский, В. В. Розанов, П. П. Перцов, А. Белый, Б. Л. Пастернак, Г. А. Рачинский, В. Ф. Эрн, С. Н. Трубецкой и “имя им легион”. Всё это, за исключением редких, малозаметных и разрозненных публикаций, лежало под спудом и вот теперь наконец как будто дождалось своего часа. В рассматриваемом сборнике всё это и многое другое впервые вводится в научный оборот и собрано воедино, главное, и помещено под одной обложкой.

Поначалу книга была задумана как сборник материалов конференции с одноимённым названием, прошедшей в январе 2004 года в Библиотеке русского зарубежья и Доме-музее С. Н. Дурылина в подмосковном Болшево. Однако с течением времени (сборник готовился чрезвычайно долго – 6 лет) он во многом перешагнул рамки конференции, его материалы были значительно расширены и изменены, поэтому он скорее напоминает том “Литературного наследия”.

Так чем же всё-таки в первую очередь характеризуется это издание, подготовленное Анной Резниченко, считающейся с некоторых пор чуть ли не ведущим специалистом в новой научно-культурологической области, получившей название “дурылиноведение”? Прежде всего, мы должны отметить несомненно высокий научный уровень большинства статей и публикаций сборника. Это

относится, например, к статьям Т. П. Гончаровой “С. Н. Дурылин в Муранове”, рассказывающей об отношениях и связях Дурылина с потомками Тютчева, в первую очередь, с правнуком поэта К. В. Пигарёвым, домашним педагогом которого был С. Н. Дурылин и которого он, можно сказать, воспитал как литературоведа-исследователя; И. В. Никериной “Берите пример с Серёжи...” (К вопросу о взаимоотношениях Л. Н. Толстого и С. Н. Дурылина); Е. В. Пастернак “Пути “возвращения” Б. Л. Пастернака и С. Н. Дурылина”; В. П. Визгина “Дурылин как философ”; С. В. Марченко “С. Н. Дурылин и В. Ф. Эрн”, И. Е. Едошиной “Мифологема “угла”: тексты С. Н. Дурылина в пространстве русской культуры начала XX века”; Т. Г. Щедриной “Сергей Дурылин и Густав Шпет”; В. П. Троицкого “О картине М. В. Нестерова “Философы” и её интерпретаторах”; Г. В. Нефедьева “Моя душа раскрылась для всего чудесного...” с публикацией переписки С. Н. Дурылина 1909–1910 годов с одним из крупных деятелей русского символизма Л. Л. Кобылинским-Эллисом, сопровождаемой очень обстоятельно написанными комментариями. Даже один только этот перечень способен дать представление о широком круге проблем, связанных с творчеством Дурылина, и их серьёзной интерпретации в культурно-историческом, но главным образом в религиозно-философском аспекте. Интерпретации, добавим, в совершенном соответствии с современным уровнем филологической и философской науки. Именно последний аспект является всё же основным в работах, представленных в книге.

Однако, как нам представляется, С. Н. Дурылин сам по себе, скорее всего, мало что представлял собой оригинального как философ, и, конечно, не может быть поставлен рядом со многими своими блистательными современниками эпохи “серебряного века”. Но то, что он был одним из образованнейших и культурнейших людей своего времени – в этом нет никаких сомнений. И это убедительно и доказательно показано в материалах сборника. Неслучайно Дурылина кто-то из современников назвал “священником-декадентом” (С. Н. Дурылин, начиная с 1920 года, недолгое время служил священником в одном из московских храмов). Поэтому о “глубоком провинциализме” Дурылина, используя его собственные слова, можно говорить лишь в иносказательном смысле, а не в буквальном, как это делает один из авторов. Ведь Дурылин находился на самой вершине московской и вообще столичной культуры своего времени, коль уж об этом зашла речь.

Значительно меньше показан Дурылин как один из блестящих и высококультурных исследователей литературы, театра, живописи (Гоголь, Лермонтов, Вяземский, Пушкин, Островский, Гаршин или же его работы о драматургии Л. Н. Толстого), а его многообразные связи с театральными деятелями дореволюционной и советской эпохи остались во многом в тени, если не считать довольно поверхностной статьи с совершенно частным сюжетом “С. Н. Дурылин и газета” “Малый театр”, принадлежащей С. Б. Мержанову. Вот если бы поднять тему “С. Н. Дурылин и Малый театр” – это было бы совсем другое. Правда, составителями обещано продолжение этого издания, его вторая часть, где, возможно, и будут восполнены некоторые из этих пробелов – но Бог его знает, сколько времени придётся этого дожидаться. По известной поговорке: “Улита едет – когда-то будет”.

Некоторые же работы сборника отличаются явными диспропорциями в расположении и анализе материала. Так, в небезынересной самой по себе статье Н. А. Вагановой “С. Н. Дурылин и Н. А. Римский-Корсаков: музыкально-философский контрапункт” всё-таки куда более значительное внимание уделено великому русскому композитору, нежели герою книги с его небольшой работой 1914 года “Церковь невидимого града”. Он оказывается где-то на втором плане.

Но к числу очень важных и интересных материалов мы относим те публикации, в которых на основании архивных материалов (в данном случае архива ФСБ) освещаются наиболее трагические и сложные моменты биографии Дурылина – его аресты и высылки в 1920-х – начале 1930-х годов. Таковы статьи В. Г. Макарова “Элемент политически безусловно вредный для Советской Власти...” (по материалам следственных дел в отношении С. Н. Дурылина 1922 и 1927 годов) и В. С. Боже “С. Н. Дурылин: челябинская ссылка (1923–1924)”.

Все эти впервые обнаруженные материалы высвечивают новые грани в фигуре Дурылина – человека, учёного и литератора, в котором порой причудливым образом совмещались истовая религиозность, православность до

мозга костей с резкостью и нетерпимостью, пристрастностью и просто, мы бы сказали, малопривлекательными личностными качествами. Во многом это был человек с двойным дном и двойной жизнью, которую он вынужден был вести в советские десятилетия своей, конечно, во многом трагической жизни, будучи официальным, но всё же никак не официозным научным работником – историком литературы и театра. Невзирая ни на что, он сумел всё же в этих условиях найти своё совсем не последнее место благодаря своей недюжинной природной одарённости и неустанному титаническому труду. И это не “внутренняя эмиграция”, как совершенно в духе теперешнего времени полагает А. Резниченко, а просто способ жизни и деятельности в другую эпоху, в которую всё же Дурылин вписался, как вписались в неё и многие другие выдающиеся его современники.

Нельзя не отметить и того, что в сборнике о Дурылине бросается в глаза уж слишком самоцельное использование многочисленных и разнообразных архивных материалов (а иногда даже и бездумное), в которых подчас герой книги предстаёт не самым привлекательным образом, в то время как в его опубликованных, тем более хорошо известных, почти классических трудах о Гоголе, Аксаковых, Гаршине, Островском, Ермоловой, Щепкине, Заньковецкой, Врубеле, Неверове перед нами – блестящий высокообразованный исследователь, писавший всегда легко, изящно, благородно, доказательно и с почти исчерпывающей полнотой.

Ну, а мало ли, собственно говоря, что мог написать человек под влиянием каких-то минутных настроений, быть может, раздражения от каких-то жизненных неурядиц – одним словом, сугубо личных, даже потаённых мотивов?

“Ангелы в сердце, и <...> мать на устах, – вот что такое Лермонтов” – читаем в одной из записей Дурылина. Едва ли это многое прибавляет к “физиономии” Дурылина-лермонтоведа. Для нас не подлежит никакому сомнению, что в любой научной работе, любом учёном издании должно быть, как сказал когда-то А. А. Фадеев по одному частному поводу, “сочетание опубликованных материалов и неопубликованных мыслей”. Вот второго-то как раз, с нашей точки зрения, и недостаёт некоторым публикациям книги о профессоре Дурылине. К сожалению, в первую очередь это относится к обширной публикации Анны Резниченко, завершающей издание, под заглавием “Сергей Дурылин: проекты и наброски к реконструкции ландшафта”, где исследовательница как бы задалась целью “обморочить архивами”, по известным словам одного из персонажей комедии А. С. Грибоедова “Горе от ума”, читателей, о чём мы уже отчасти сказали выше. Так, нам думается, что совсем необязательно было сохранять чудовищную орфографию И. А. Комиссаровой-Дурылиной, совершенно безграмотной женщины, вдовы С. Н. Дурылина, при публикации одного из архивных документов, написанного её рукой, хоть это и связано с творческо-научными планами Дурылина. Нельзя также не сказать и о том, что в ряде помещённых в сборнике работ совершенно не учитываются исследования и публикации и, можно сказать, в целом труд предшествующих исследователей, тех, кто раньше писал о Дурылине – ведь не на совсем же пустом месте начинали свою деятельность в этой сфере современные исследователи! А ведь это один из первейших признаков **культуры** научной работы вообще.

О художественных же произведениях Дурылина, не публиковавшихся при его жизни (за исключением рассказа “Жалостник”, опубликованного в 1917 году в журнале “Русская мысль”), не сказано вообще ни слова. Как будто и не было романа-хроники “Соколиный пуп”. Хотя оговоримся, что это далеко не самая лучшая часть творческого наследия Дурылина. Художественным талантом он обладал явно ограниченным. И интересен всё-таки не этим.

Но и при всех этих высказанных нами оппозициях мы должны заканчивать тем, с чего начали – книга “С. Н. Дурылин и его время” – очень полезное и в определённом смысле уникальное издание, при всех своих издержках, а также и некоторых мелких неточностях и ошибках, на которых мы специально не останавливаемся.

Это безусловно новое научное слово, способное возбудить самый глубокий и серьёзный интерес к этой фигуре, главным образом, в контексте эпохи, его породившей, – эту главную свою задачу составители и авторы сборника выполнили. И их огромный труд заслуживает всяческого уважения и внимания.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Эта “версия” гуляет с начала XXI века по журналам и газетам. Якобы Пушкин сам на себя сочинил “рогоносный диплом”. Первооткрывателем стал А. Королёв, опубликовавший свой опус в журнале “Искусство кино”. Далее последовали сочинения академика Н. Петракова, соавтора небезызвестной программы “500 дней”. “Концепция” Н. Петракова избобилует оговорками: “возможно”, “ищи — кому выгодно?”, “видны следы когтей поэта”, “смею предположить”, “думаю”... Но уже ничего не “смеет предположить” и не “думает” В. Козаровецкий, от которого, “зная моё перо и чутьё на сенсации” (по его собственному признанию), можно было ожидать чего угодно. И это “что угодно” последовало в “Московском комсомольце” и в “Парламентской газете”. “В тот момент у меня был любопытный, с моей точки зрения, материал о Сиднее Рейли, но, видимо, я его не дотянул до необходимой остроты”... Уже не имеет значения — Пушкин или Рейли, главное — “дотянуть”... И “дотянул”.

“Дотянул” и Игорь Кохановский, опубликовавший в “Литературной России” 4 марта с. г. поэму “Александр и Александра”, в которой использовано всё: и якобы пушкинское “авторство” пресловутого “диплома”, и старые толки о “романе” Пушкина с Александринной Гончаровой...

Ничто не ново в этом подлунном мире. Слухи о “провоцировании” Пушкиным своей собственной гибели пузырились ещё в веке XIX... Эмма Герштейн усмотрела тягчайшую низость подобных намёков в сочинениях П. В. Анненкова, поддавшегося воздействию светских сплетен.

“Автор с прямолинейной несгибаемостью упрекает Пушкина, что он сам пустил сплетню о верности или неверности ему жены, чего он не должен был делать, зная, что на него “века и века” будут смотреть люди... Отметить, как анненковское направление может довести читателя двадцатого века до пошлости, граничащей с прямой похабщиной, не побоюсь этого слова, считаю необходимым...” (Э. Герштейн. К истории смертельной дуэли Пушкина. Альм. “Лица”, вып. 6, М—СПб., 1995).

Когда подобные “сенсации” являются достоянием узкого круга современных несостоявшихся “литературоведов” — одно дело. Когда они усиленно вбрасываются в массовое сознание — дело совершенно другое. В этих условиях мы обратились за комментарием к классику русской пушкинистики XX столетия Валентину Семёновичу Непомнящему.

ЛИЧНОСТЬ ПУШКИНА: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ?

Уважаемая редакция, версия, о которой идёт речь, известна мне со времени её возникновения на рубеже столетия; известны и её вариации. Я, насколько помню, на неё печатно не реагировал: растерялся как-то перед простотой и, главное, современностью этого открытия.

В самом деле, более полутора веков авторство анонимного пасквиля, сыгравшего свою роль на пути Пушкина к гибели, оставалось под вопросом — сначала для современников, очевидцев трагедии, потом для исследователей; и вдруг в наше деловое и остроумное время утверждается, что и современники, и учёные полтора века плутали среди трёх сосен, не соображая, что автор диплома “ордена рогоносцев”, присланного Пушкину, — сам Пушкин. Как тут не растеряться. Правда, растерянность эта — не “учёного” свойства,

а — как бы сказать — чисто человеческого. Впрочем, нынче это, кажется, уже нуждается в пояснении.

Известно: получив анонимку, Пушкин решил, что это затея Луи Геккерна, “приёмного отца” и сожителя Дантеса. Известно также — из воспоминаний В. Сологуба, — что поэт подозревал в причастности к затее “одну даму” — “которую мне и назвал”, добавляет Сологуб (речь, по-видимому, об Идалии Полетике, ненавидевшей Пушкина, устроившей Дантесу неожиданное для жены поэта свидание с нею в своём доме, откуда та в ужасе бежала). Известно далее: в свете обвиняли в этом грязном деле и кн. П. Долгорукова, и кн. И. Гагарина, и министра К. Нессельроде, и министра С. Уварова; одним словом, тень пала на многих. Само собой разумеется: давая получению “диплома” огласку, Пушкин не мог не предвидеть подобных последствий. А это значит: если — по указанной версии — Пушкин сам фабрикует мерзкий пасквиль, где, называя себя рогносцем, обливает грязью свою жену, так это — специально для того, чтобы сделанную мерзость приписать другому или другим.

Подобное во все времена — включая и пушкинское, и исторически ещё недавнее, — называлось подлостью.

Конечно, Пушкин, как и все мы, был человек грешный, подверженный как страстям, так и слабостям, — что сознавал и в чём нередко раскаивался. Но никто из знавших его, включая недругов, — и это при том, что тогдашнее общество, с его культом светской чести, было пристрастно-зорко и ядовито-чувствительно к поведению дворянина, тем более человека широко известного, — никто, нигде и никогда не обвинил и не заподозрил поэта в каком-либо низком поступке. Подлецом Пушкин предстаёт только в наше время, в названной версии, стоящей на том, что подлость была ему по неким мотивам — безразлично, в данном случае, каким — “выгодна”.

Впрочем, я увлёкся и выражаюсь неточно. Ничего близкого к понятию подлости нет ни в лексике, ни в логике версии: речь идёт именно о выгоде, находчивости, тактическом ходе и пр. Версия не только не ощущает низости приписываемого Пушкину деяния — она относится к такому “ходу” с “резвым” — и, в общем, сочувственным *пониманием*. Она исходит, таким образом, из новой для России системы ценностей — не нравственных, то есть собственно человеческих, а чисто *прагматических* — на каковых и весь животный мир стоит. Тут её кричащая современность.

Что до доводов и рассуждений авторов версии, то в свете указанной сути они не имеют значения, их качество под стать сути. К делу привлекается, скажем, светская сплетня о любовной связи Наталии Николаевны с императором (породившая саму идею “диплома”) — наперекор известным высказываниям Пушкина о жене как “чистом создании”, о её прекрасной душе, вопреки предсмертным его словам, что она ни в чём не виновата, вопреки тому, что священник Вас. Бажанов, исповедовавший вдову поэта, назвал её “ангелом чистоты”. Или: в историю с пасквилем, порочащим Наталью Пушкину, вписывают её сестру Александру (отношения которой с Пушкиным есть сфера не более чем отдельных личных “мнений”), представляющую такую же окончательно бессовестной тварью, как и сам поэт. Или: исходя из текста и символики диплома, Пушкину, когда-то, в молодости, “в сладком ослеплень” (как он писал) побывавшему в масонах, навязывают масонские манеры и отрывки в его зрелые и поздние годы. Замечательно нелепа трактовка того места январского, преддуэльного, письма к Геккерну, где поэт говорит, что получение “анонимных писем” оказалось ему “очень кстати”, выведя его “из затруднения”; говорит он это с издевательской иронией — а версия понимает фразу впрямую, то есть как натуральное доказательство “выгоды” анонимки для поэта и, стало быть, его собственного авторства; в результате Пушкин предстаёт, сверх всего, ещё и беспросветно тупым циником.

Впрочем, копаться в подробностях, вообще полемизировать, то есть вступать в диалог, нет смысла. Мы имеем дело с явлением эпохи конца человеческой культуры — эпохи, в которую России, родине Пушкина, вступать тошно.

Вот что я могу сказать о современной, как глянецвый журнал, версии нравственного облика величайшего русского поэта. Верю, что она не оболванит читателей — тех, для кого ещё внятно человеческое и белое отличимо от чёрного. Надеюсь, они поймут: то, в чём стараются убедить творцы версии о Пушкине-подлеце, есть только факт биографии самих этих людей. Как говорится, у каждого “свой Пушкин”.

С уважением —
В. Непомнящий

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ЗАПИСКИ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

Геннадий Гусев Незабываемое. Из жизни счастливого человека. Москва: Изд. "Наш современник", 2011. – 440 с.

Мало кто осмелится назвать себя счастливым человеком, а тем более дать такой подзаголовок книге воспоминаний. Однако и содержание, и сам тон мемуаров Геннадия Михайловича Гусева свидетельствуют – их автор воистину счастливый человек. Пережив на своём веку массу общественных и личных катаклизмов, испытал многое, он, тем не менее, не утратил чувства полноты бытия, прожил свою жизнь со вкусом, многое повидал и вынес незабываемые впечатления.

Автор – давний сотрудник "Нашего современника", немало сделавший для журнала, да и для всей отечественной литературы. В прошлом он – руководитель крупного, громко о себе заявившего в 70–80-е годы, издательства "Современник", а до того он был главным редактором знаменитой "Роман-газеты" – уникального в советское время издания, тираж которого превышал в те незабвенные времена 3 миллиона экземпляров! Мемуарист действительно много повидал на своём веку, ведь родился он в 1933 году, ребёнком пережил войну, школу заканчивал в послевоенное время на ещё не остывшей от пламени сражений земле Белоруссии. Потом был философский факультет Московского университета, работа в комсомольских и партийных органах.

Но главным призванием для автора этой книги остаётся, конечно, литература. И потому одной из главных новелл, составляющих органическую структуру документального авторского повествования (а именно так можно назвать эту необычную, разноплановую, очень задорную, замечу, книгу) является новелла, посвящённая памяти Леонида Максимовича Леонова, великого русского писателя, автора знаменитых, громко прозвучавших в своё время романов "Вор", "Дорога на океан", "Русский лес" и других, а в конце своей жизни подарившего миру свой последний, провидческий роман "Пирамида". Геннадию Михайловичу довелось в это время близко сойтись с Леоновым, готовить издание его итогового романа на страницах журнала "Наш современник". Это был тяжелейший, роковой для нашей страны 1993 год. "... Вот она у меня в руках, 2000-страничная рукопись "Пирамиды", сотворённой одним "каменотёсом", русским упрямым трудягой невысокого роста, в которого Господь, как когда-то впервые в нашего отца Адама, вдул животворящий пламень... – Знаете, – сказал он мне однажды после долгой задыхливой паузы. – Роман надо тщательно, математически точно выверить

и вычертить, в идеале — до единого слова”. Так и работал великий писатель, мог среди ночи телефонным звонком поднять с постели своего редактора, чтобы просить вставить в текст какую-то фразу или слово: “... Иначе развалится, всё теряет смысл и всё надо начинать сначала”. Дожив до своего 95-летнего юбилея, патриарх русской литературы должен был заканчивать свой жизненный путь в годы величайшей катастрофы, постигшей нашу Родину, в годы развала и уничтожения всего того, что строилось и создавалось за предшествующие 70 лет... Не оттого ли с такой горечью звучат его слова, обращённые к автору “Незабытого”: “... Так и человечество — мучительно, медленно, не переставая пьёт отраву своих заблуждений. Слепнет от духовного денатурата и движется к небытию...” Страницы книги, посвящённые памяти Леонида Леонова, пожалуй, самые, сильные, самые пронзительные из воспоминаний Г. М. Гусева.

Но не они одни! Вообще, как видится внимательному читателю “Незабытого”, эта книга — не мемуары в полном значении этого слова. Мемуары всегда пахнут нафталином, всегда это только свод воспоминаний прошлого, которое уже мало перекликается с настоящим. Не такова книга Гусева. И не зря она называется “Незабытое”, а не “Минувшее”, как, скажем, часто называют книги воспоминаний. Нет, незабытое, это значит — **не минувшее** и в этом, вероятно, состоит магия живого слова автора. Возьмите даже самые ранние, детские ещё воспоминания. Это мгновения великой войны, мгновения, запечатлённые детской памятью восьмилетнего ребёнка. В то время он жил в городе Бежецке Калининской области, и в один погожий октябрьский денёк (уже 70 лет тому!) налетел на их городок фашистский истребитель, “мессер”. Сбросил бомбу на местную школу, погибло 28 детей... Потом ещё расстреливал из пулемёта разбегавшихся школьников... Но недалеко улетел фашистский стервятник, был подбит его самолёт, и лётчик выпрыгнул с парашютом. Каково же было удивление потом бойцов истребительного батальона, которые поймали этого лётчика-убийцу: пленник оказался... женщиной. Гитлеровской лётчицей Гертой Кранц, лично известной самому фюреру, белокурой “валькирией”, так сказать... Когда на допросе её спросили, что заставило её убивать детей, она с презрительной улыбкой сказала: “Это была моя личная инициатива... Я жалею только об одном, что мало убила маленьких русских поросят!” Ещё добавила, что воюет за свой любимый Faterland... Когда я читал эти строки из воспоминаний Г. М. Гусева, то вдруг ясно осознал, насколько это современно. За портретом этой фашистки 70-летней давности встал совершенно современный образ другого негодяя, Андреса Брейвика, норвежского фашиста, который эти летом хладнокровно расстрелял 93 человека (все молодые люди, почти дети) на острове Утёйя в молодёжном лагере. Этот Брейвик, как и Герта Кранц из рассказа Гусева, совершали свои убийства вполне сознательно, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, и полагали, что делают нужное дело! Сам Брейвик после заявил, что идёт на преступление “ради Европы”, которую поработают “марксисты”. Как видите, история повторяется, и фашизм остаётся фашизмом. Только итог фашизма всегда один — Герту Кранц тогда же расстреляли на месте её преступления, да и Андресу Брейвику вряд ли когда удастся выйти из тюремных стен.

Многие страницы книги Геннадия Михайловича Гусева посвящено нашей недавней истории, событиям конца восьмидесятых — девяностых годов. С душевной горечью вспоминает автор об упущенных возможностях, которые открывались перед нашей страной в то время и переживает, что он сам, может быть, внёс слишком малый вклад в дело спасения нашего государства. Так, одна из самых ярких новелл книги — это рассказ о том, как в 1996 году его попросили написать вариант текста телевизионного обращения тогдашнего кандидата на пост президента Геннадия Андреевича Зюганова к избирателям. Зюганов должен был выступить по ТВ незадолго до президентских выборов летом того года. Г. М. Гусев, как он сам пишет, вложил всю душу в этот текст, попытался показать, как необходимо нашей Родине очнуться от того дурного сна, от того тяжкого похмелья, в которое её вверг ельцинизм. Читатель книги найдёт на её страницах полный текст этого варианта. Кстати, выступление Зюганова на телевидении так и не состоялось. Оно было просто отменено. Фальсифицированные итоги выборов 1996 года известны...

Нельзя не упомянуть и ещё об одной литературно-публицистической работе Геннадия Гусева, отрывки из которой автор поместил на страницах сво-

ей книги «Незабытое». Ещё в семидесятые годы прошлого века он задумал написать большое исследование о развитии человеческой мысли, о пути, пройденном лучшими представителями рода человеческого в познании истины. Это книга «Странствия великой Мечты», как озаглавил её сам автор. Книга эта необычна и примечательна. Она строится на совокупности множества новелл с жизнеописаниями великих подвижников прошлого: поэтов, философов, учёных, мечтателей, провидцев. Автор взялся за большую цель – показать поступательное движение человеческой мысли на протяжении веков. Он писал: «...какая же внутренняя побудительная сила двигала, одухотворяла человеческую мысль?.. Силой этой всегда была Великая Мечта о счастье, о справедливости, мечта о гармоническом человеке. Именно ею пронизаны все передовые учения, все великие творения литературы, музыки, живописи, театра».

Пройден большой жизненный путь. Многого свершено, многое выстрадано, и наш автор по праву может сказать, что жизнь прожита не зря. Но мы, те, кто знает нашего дорогого Геннадия Михайловича, уверены, что с его весёлым, жизнелюбивым характером, с его открытой душой, всегда отличающей этого замечательного человека, ему ещё жить и жить, и творить, и книга «Незабытое» – это не итоговая книга автора, а лишь пролог к новым трудам в новые времена.

Сотруднику отдела публицистики журнала «Наш современник» Станиславу Сергеевичу Зотову исполнилось 50! Коллеги от всего сердца поздравляют этого жизнерадостного и энергичного человека, помимо редакторской работы пробующего себя в разных сферах литературной деятельности, и желают здоровья и творческих успехов.

Редакция

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦИКЛ
“ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ”**

представляет XII часть,
посвящённую памяти А. С. Пушкина

27 октября, четверг

Покров над Россией
300-летие М. В. Ломоносова

24 ноября, четверг

Лики России
125-летие С. Н. Дурьлина

22 декабря, четверг

Шедевры русской документалистики
Новосибирск—Питер—Москва...

2 февраля, четверг

”Если Душа родилась крылатой...”
120-летие М. И. Цветаевой

29 марта, четверг

Слава России
История спорта — история страны...

26 апреля, четверг

Чудо Русского Эзопа
205-летие И. А. Крылова

29 мая, вторник

”Пора, мой друг, пора...”
175-летие убийства Пушкина и 170-летие убийства Лермонтова

**Автор и ведущая — певица,
лауреат Пушкинской Царскосельской премии Лина Мкртчян**

Вечера проходят в Белом зале Центрального дома
кинематографистов России (ул. Васильевская, 13, проезд до
ст. м. Белорусская или м. Маяковская)

Начало в 18.30

Подробная информация на сайте www.vozvrashenielinea.ru